

ТРУДЫ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

7

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ
НАУК

ТРУДЫ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Выпуск

7

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

ТРУДЫ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Выпуск

7

МОСКВА НАУКА 2008

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Т78

Издание основано в 1997 году

Редакционная коллегия:

А.Н. Сахаров (ответственный редактор),
Г.Б. Куликова, Е.Н. Рудая

Научно-техническая работа выполнена

И.А. Головань

Рецензенты:

доктор исторических наук *С.В. Журавлев*,
доктор исторических наук *Н.И. Цимбаев*

Труды Института российской истории / Ин-т рос. истории РАН. – М. : Наука, 1997– .

Вып. 7 / [отв. ред. А.Н. Сахаров]. – 2008. – 428 с. – ISBN 978-5-02-035560-6 (в пер.).

В сборнике затронуты малоизученные и спорные проблемы истории, причем авторы не всегда рассматривают их традиционно. Особый интерес представляют материалы о милитаризации советской экономики в годы первой пятилетки, о мекленбургских генеалогиях и “начале Руси”. Новые рубрики знакомят общественность с научной жизнью Института, информируют о проведенных мероприятиях, задачах и перспективных планах работы научных центров ИРИ. Представляют интерес рубрики “Краеведение” и “По страницам книг”.

Для историков, преподавателей и студентов вузов.

Темплан 2007-II-373

ISBN 978-5-02-035560-6 © Институт российской истории РАН, 2008
© Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Труды Института российской истории” (разработка, оформление), 1997 (год основания), 2008
© Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ

В.И. Меркулов

Мекленбургская генеалогическая традиция о Древней Руси	8
--	---

ИСТОРИЯ РОССИИ ПЕРИОДА ИМПЕРИИ

А.И. Куприянов

Между “олигархией” и “демократией”: городское самоуправление в конце XVIII – первой половине XIX в.	29
--	----

Б.Н. Миронов

Мифологема о системном кризисе в России после Великих реформ 1860–1870-х годов	59
--	----

И.М. Пушкарева

Кровавое воскресенье 9 января 1905 г. в России: (Неучтенные альтернативы начала революции)	74
--	----

ИСТОРИЯ РОССИИ XX ВЕКА

А.В. Мишина

Атаман Махно и Красная армия	103
------------------------------------	-----

А.К. Соколов

“Военизация” первой пятилетки: (советская военная промышленность в 1927–1932 гг.)	122
---	-----

Н.К. Петрова

История “Молодой гвардии” (г. Краснодар): взгляд через 60 лет	201
---	-----

А.Ю. Попов

Борьба органов госбезопасности СССР с гитлеровскими спецслужбами на оккупированной советской территории. 1941–1944 годы	234
---	-----

В.Д. Есаков

Сталинские суды чести: масштаб и последствия	252
--	-----

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

О.А. Шватченко

Историко-географические и демографические аспекты истории землевладения служилых иноземцев в России конца XVI – первой половины XVII в. 273

В.М. Кабузан

Численность и размещение казаков Российской империи в XVIII – начале XX в. 302

КРАЕВЕДЕНИЕ

К.А. Аверьянов, Т.И. Дронова

Новое открытие Усть-Цильмы 327

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН

Н.М. Рогожин

Центр истории русского феодализма ИРИ РАН в 2000–2005 гг.: Традиции и преемственность 349

А.С. Сенявский

XX съезд КПСС в контексте истории XX века: (“Круглый стол” в ИРИ РАН 28 февраля 2006 г.) 369

В.Б. Жиромская, Н.А. Араловец

Проблемы истории российской повседневности (Всероссийские научные конференции в ИРИ РАН) 387

А.В. Голубев

Россия и мир глазами друг друга: из опыта изучения проблемы 400

ПО СТРАНИЦАМ НАШИХ КНИГ

Е.Н. Рудая

Герой нашего времени 411

Сведения об авторах 423

ПРЕДИСЛОВИЕ

Институт российской истории РАН представляет седьмой выпуск своих трудов¹. В нем, как и в предыдущих выпусках, публикуются доклады, переработанные авторами в виде статей, а также основные вехи их обсуждения на заседаниях Ученого совета института и его секций. Особое внимание при этом обращается на малоизученные и дискуссионные проблемы, которые не просто отражают развитие науки, но и способствуют этому развитию.

Изучение истории населения, демографических проблем является одной из важнейших проблем жизни российского государства. Блок статей по демографической истории России включает исследование доктора исторических наук О.А. Шватченко, раскрывающее историко-географические и демографические аспекты истории землевладения служилых иноземцев в России конца XVI – первой половины XVII в. К этому блоку относится и статья доктора исторических наук В.М. Кабузана, вносящая ясность в основательно запутанную и во многом забытую проблему о численности и размещении казаков Российской империи в XVIII – начале XX в.

Если история земских учреждений в России рассматривалась историками неоднократно, то построенная на архивных документах статья кандидата исторических наук А.И. Куприянова повествует об истории городского самоуправления в конце XVIII – первой половине XIX в. В новом ключе рассмотрена также хорошо известная проблема “Кровавого воскресенья 1905 г.”. Доктор исторических наук И.М. Пушкарева уделила главное внимание неучтенным альтернативам трагического события, связанным с исследованием микроистории проблемы.

Широко представлены в сборнике и новые аспекты исторического развития, вставшие перед Россией, СССР в XX в.

Большая статья доктора исторических наук А.К. Соколова показывает, как проходила милитаризация промышленности

страны, “военизация” в годы первой пятилетки. Тем самым автор вносит значительный вклад в более общую проблему формирования и развития военно-промышленного комплекса СССР.

Статья доктора исторических наук Н.К. Петровой «История “Молодой гвардии” (г. Краснодон): Взгляд через 60 лет», построенная на новых архивных документах из российских и украинских архивов, уточняет ряд фактических данных по составу и деятельности подпольной организации.

Доктор исторических наук В.Д. Есаков, впервые в историографии, остановился на истории деятельности сталинских судов чести, действовавших как органы министерств и ведомств с июня 1947 по март 1948 г., но оставивших значительный след в развитии контрольных функций советской власти.

Значительное место в данном сборнике отведено публикациям молодых ученых, докторантов и аспирантов института. К их числу относятся статьи В.И. Меркулова о Мекленбургской генеалогической традиции в изучении Древней Руси; А.В. Мишиной, рассматривающей в контексте истории повстанчества на юге России в годы Гражданской войны некоторые аспекты движения Н. Махно; кандидата юридических наук А.Ю. Попова, рассматривающего особенности борьбы органов государственной безопасности с гитлеровскими спецслужбами на оккупированной советской территории в 1942–1944 гг.

В сборнике появился и ряд новых рубрик, позволяющих более полно и многогранно представить научную жизнь Института российской истории.

Полемика с академиком Б.В. Ананьичем по поводу мифологии о системном кризисе после Великих реформ посвящена статье доктора исторических наук Б.Н. Миронова (Санкт-Петербург). Обзоры итогов конференций и “круглых столов”, представляющие интерес не только для исследователей, но и для всех читателей, интересующихся историей, даются в статьях докторов исторических наук А.С. Сенявского “XX съезд КПСС в контексте истории XX века”, В.Б. Жиромской “Проблемы истории российской повседневности”, кандидата исторических наук А.В. Голубева “Россия и мир глазами друг друга: из опыта изучения проблемы”. Итоги Всероссийской научно-практической конференции “Сельская Россия: прошлое и настоящее (исторические судьбы северной деревни)”, проведенной в старинном печорском селе Усть-Цильма, рассмотрены в статье доктора исторических наук К.А. Аверьянова. Некоторые итоги многоплановой работы Центра истории русского феодализма подводятся в статье доктора

исторических наук, руководителя Центра Н.М. Рогожина. В последующих выпусках хроника научной жизни института будет продолжена и значительно расширена.

В сборнике появилась и еще одна новая рубрика – по страницам наших книг. Кандидат исторических наук Е.Н. Рудая дает характеристику двух работ, вышедших под эгидой института и посвященных Верховному правителю России – адмиралу Колчаку.

¹ Предыдущие выпуски: Доклады Института российской истории РАН. 1995–1996 г. М., 1997. Вып. 1; Труды Института российской истории РАН. 1997–1998. М., 2000. Вып. 2; Труды Института российской истории РАН. 1999–2000. М., 2002. Вып. 3; Труды Института российской истории. М., 2004. Вып. 4; Труды Института российской истории. М., 2005. Вып. 5; Труды Института российской истории. М., 2006. Вып. 6.

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ

В.И. Меркулов

МЕКЛЕНБУРГСКАЯ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ О ДРЕВНЕЙ РУСИ*

В статье идет речь о результатах исследования северно-германских генеалогий в связи с проблемой начала Руси.

В последнее время значительно возрос интерес к истокам русской истории. Современная политическая актуальность вопроса о начале российской государственности проявилась, например, в широком праздновании 1250-летия “первой русской столицы” Старой Ладogi в 2003 г., в котором принял участие Президент РФ В.В. Путин¹.

Обычно проблему начала Руси связывают с дискуссией между норманистами и антинорманистами – сторонниками “германской” и “славянской” версий. Норманисты настаивают на том, что древние руссы (летопись называет их варягами) были родом из Скандинавии, указывая на сообщения ряда источников, различающих руссов и славян. Антинорманисты, опровергая наиболее уязвимые положения своих оппонентов (например, о датском или шведском происхождении Руси), провозглашали руссов, наоборот, славянами, тут же подпадая под удар норманистской критики. На данном этапе изучения проблемы в науке возникла почти тупиковая ситуация, так как ученые стремились причислить Русь то к германцам, то к славянам (к языковым группам), рассматривая проблему этногенеза только в связи с проблемой становления языка и ограничивая себя искусственными рамками “германцы–славяне”. При этом норманисты и антинорманисты, как правило, не учитывали аргументацию друг друга. По сей день дискуссия о начале Руси идет вокруг фактов и аргументов, давно введенных в научный оборот, что порождает обилие однообразных концепций, которые не позволяют продвинуться в научном исследовании².

В то же время среди гипотез, выдвигавшихся в процессе изучения проблемы начала Руси, предположение о происхождении

---

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 6 октября 2005 г.

варягов не из Скандинавии, а с южного побережья Балтийского моря, занимает особое место³. В определенном смысле оно могло бы быть принято и норманистами, и антинорманистами, при некоторой коррекции основных концепций, и обеспечить базу для дальнейшего позитивного исследования.

Ценнейшими источниками, практически не изученными ни в нашей стране, ни за рубежом, являются мекленбургские генеалогии. Этот корпус в целом формирует генеалогическую традицию о начале Руси, происхождение которой связывали с землей Мекленбург в Северной Германии.

Генеалогия – это сложный источник, который непросто использовать в историческом исследовании. Зачастую даже пишут о его “ненаучности”, так как составители родословных не ставили перед собой специальных исследовательских целей и задач. Например, в 1708 г. вышло первое издание “Генеалогических таблиц” Иоганна Хюбнера, которое было настолько популярным, что было несколько раз переиздано⁴. Хюбнер, как и многие другие составители генеалогических сборников, вряд ли сам исследовал генеалогии, приводя без комментария две различные родословные Рюрика, по одной из которых тот был варяжским князем, основателем древнерусской княжеской династии, отцом Игоря, а по другой – потомком вандалских королей, правивших в Мекленбурге⁵.

В то же время на основе генеалогического материала начали писать первые научные исследования. В 1716 г. Фридрих Томас издал труд, посвященный свадьбе мекленбургского герцога Карла Леопольда и Екатерины, дочери царя Ивана V. Книга затрагивала вопросы генеалогического родства двух династий⁶. Вскоре вышла работа профессора и д-ра теологии Ганса Клювера об истории мекленбургского герцогства в трех томах⁷. Позднее в Лейпциге появляется фундаментальный труд Матиуса Иоанна фон Бэра под названием “*Regum Meclenburgicarum*” на латыни, а вскоре увидел свет и немецкий перевод⁸. На протяжении всего XVIII в. – времени укрепления русско-немецких политических и династических связей – было издано немало работ, в которых происхождение Руси связывалось с Мекленбургской областью⁹.

К тому времени немецкая письменная и генеалогическая традиция о Древней Руси вполне сложилась. Наиболее ярко она была выражена в “Записках о Московии” Сигизмунда Герберштейна, побывавшего в России в 1517 и 1526 гг. На Западе в Герберштейне видели “Колумба России”, он одним из первых рассказал европейскому читателю о русской державе, о ее быте и истории¹⁰. Герберштейн коснулся также вопроса о происхождении

русского правящего дома и высшей знати, которые принадлежали к династии Рюриковичей.

“Если принять во внимание, – писал он, – что они (т.е. москвиты. – *В.М.*) сами именуют Варяжским море Балтийское и то, которое отделяет от Швеции Пруссию и Ливонию, а затем и часть их собственных владений, то я лично полагал, что князья их были, по соседству, или шведы, или датчане, или пруссы. Далее, по-видимому, славнейший некогда город и область вандалов, Вагрия, была погранична с Любеком и Голштинским герцогством, и то море, которое называется Балтийским, получило, по мнению некоторых, название от этой Вагрии, и при том само оно и тот залив, который отделяет Германию от Дании, равно как Пруссию, Ливонию и, наконец, приморскую часть Московского государства от Швеции, и доселе еще удерживает у русских свое название, именуясь Варецкое море, т.е. Варяжское море. Сверх того, вандалы в то же время были могущественны, употребляли, наконец, русский язык и имели русские обычаи и религию. На основании этого мне представляется, что русские вызвали своих князей скорее от вагрийцев, или варягов, чем вручили власть иностранцам, разнящимся с ними верою, обычаями и языком”¹¹.

С. Герберштейн выразил мнение, бытовавшее в просвещенных кругах Европы того времени. Его разделял, к примеру, Николай Маршалк – выдающийся представитель северогерманской науки, который был одним из тех, кто вывел мекленбургскую историческую школу на качественно новый уровень, переиздал множество классических трудов, предложил ряд собственных гипотез в области древней истории. Маршалк широко использовал мекленбургские генеалогии, восходившие к королям вандалов, и находил в них “русские” корни через древнее родство вандалов с руссами и герулами.

В 1521 г. Маршалк издал труд “*Annalium Herulorum ac Vandalorum*”, который представляется уникальным генеалогическим источником¹². Несмотря на некоторые исторические преувеличения и возможные неточности, которые допускал Маршалк, в его книге была в полной мере отражена бытовавшая генеалогическая традиция¹³.

Согласно Маршалку, Мекленбургский дом восходил своими корнями к III в. до н.э., к вандальскому королю Антуру (или Антиру, как у других авторов). Для него было важно, что в XV–XVI вв. в некоторых местностях Мекленбурга еще сохранялись вандальские обычаи, которые иначе назывались вендскими¹⁴. Впоследствии данные Маршалка подтверждал советник мекленбургского герцога Иоанна Альберта I (1555–1591) Андреас

Мюлий, который много работал в старинных архивах и считался его последователем¹⁵. А немногим позже – ректор Бернгард Латом¹⁶. Традиция мекленбургских генеалогий сохранялась во всех последующих трудах по происхождению мекленбургской династии, которую, наравне с династией Рюриковичей, возводили к древним королям вандалов. В ряде северно-немецких источников Русь действительно называли Вандалией, а ее правителей – “королями вандалов”.

Название “вандалы” было, видимо, общим для нескольких близкородственных племен – варягов (руссов), герулов, ободритов (ререгов), велетов и других, которых немцы позднее стали называть “вендами”. В Мекленбурге и в Померании о варяжских и вандальских предках и исторических связях с Россией помнили вплоть до XIX в. По сей день в земле Мекленбург сохраняется множество следов пребывания донемецкого населения. Очевидно, что “немецкой” она стала лишь после того, как варяги и их потомки были вытеснены на восток или онемечены католическими орденами. Однако есть все основания полагать, что окончательно этническая картина южнобалтийского региона изменилась только после Тридцатилетней войны 1618–1648 гг., в результате которой вся Европа понесла невосполнимые людские потери.

Одним из первых исторических королей вандалов был Радегаст, который погиб в 405 г. во время неудачного нападения на Рим. Его потомком был “король герулов и ругов” Одоакр, сумевший низложить последнего римского императора. Иероним Хенниг объединял генеалогии руссов (ругов) и герулов, возводя их к Одоакру¹⁷. Братом Одоакра был Вислав, прямой родоначальник вандальских правителей в Мекленбурге¹⁸. Его имя (иногда в интерпретации Витслав) встречается в мекленбургских генеалогических таблицах вплоть до 1325 г. Последний князь Вислав был известным в северной Германии миннезингером, с его смертью прервалась древняя правящая династия на острове Рюген, который отныне вошел в состав Померанского герцогства. По традиции мекленбургскую и российскую династии возводили к общим вандальским предкам.

Проректор гюстровской гимназии Фридрих Томас в буквальном смысле находил в генеалогиях Мекленбурга “русские” корни. Он использовал рукопись, автором которой был нотариус мекленбургского придворного суда Иоганн Фридрих фон Хемниц. По этому документу Рюрик был сыном князя Годлиба, убитого в 808 г. данами¹⁹. Труд Хемница интересен как наиболее полная родословная правителей Мекленбурга, начиная с первого легендарного короля вандалов Антира (Anthirius). Однако и Хемниц, в

свою очередь, ссылался на манускрипт 1418 г., который ему удалось обнаружить в шверинском архиве²⁰.

Томас основывался, кроме того, на свидетельствах Адама Бременского, Гельмольда, Альберта Кранца и Бернгарда Латома. Одновременно, полемизируя со шведским автором Петром Петреем, он намекал на то, что русские из Ливонии и Руси происходят именно от древних руссов с южной Балтики, откуда были родом Рюрик и его братья²¹.

Концепцию Томаса развивал Матиус фон Бэр, который считал, что у “короля рутенов и ободритов” Витислава был сын Годелайв, у которого, в свою очередь, были сыновья Рюрик, Сивар и Трувор. Позднее Рюрик основал Новгород и стал великим князем Руси. М.И. фон Бэр опирался на германские и польские источники и, со ссылкой на “Историю рутенов”, считал, что варягами называли руссов с южнобалтийского побережья, которых иначе именовали также вандалами²².

Франкские хроники под 789 г. упоминают короля Витслава, который через шесть лет был убит саксами. Мекленбургские генеалогии также указывают 795 г., как год его гибели. Власть перешла к его сыну Траскону, который теперь занял престол в городе Рерик, существующем по сей день на южнобалтийском побережье близ Ростока и Висмара. Родным братом Траскона был князь Годлиб (Годелайб), также сын Витслава.

В 808 г. Рерик подвергся нападению данов, во время которого князь Годлиб был убит. В 30-е годы прошлого столетия там были проведены археологические раскопки, подтвердившие события начала IX в.²³ Показательно, что недалеко от Рерика расположен городок Руссов, впервые упоминающийся в 1305 г.²⁴

В 809 г. датские шпионы убили самого короля Траскона, которому наследовал третий сын Витслава Славомир²⁵. Он начал войну против франков, но был побежден в 818 г. Славомир, вероятно, оказался заложником, долго прожил при франкском дворе и даже перед смертью будто бы принял крещение.

После гибели Годлиба в 808 г., у его сыновей Рюрика, Сивара (именно так во всех немецких источниках!) и Трувора не оставалось никаких прав на главный престол, и они отправляются на восток, в провинциальные варяжские города. Иоганн Хюбнер, который использовал различные источники, датировал это событие 840 годом²⁶.

Мекленбургская традиция знает и Гостомысла, который погиб в 844 г. В одном сборнике документов по истории Мекленбурга он назван правителем варягов²⁷. В.Н. Татищев писал о его родственных связях с правителями вандалов, приводя отрывок о

князе Вандале из Иоакимовской летописи: “А здесь Иоаким вместо народа вандалов князя именовал, равно Гелмолд онагож Винулем...”²⁸. В Новгороде сохранился обширный фольклорный материал о мифическом царе Вандале и его потомках, свидетельствующий о прочных контактах населения северо-западной Руси с вандалским населением южнобалтийского побережья²⁹.

У Гостомысла был сын Табемысл, который правил на Балтике вплоть до 862 г. (летописная дата призвания варягов!) и воевал с франкским королем Людовиком Благочестивым. Но по одним родословным источникам он был убит, по другим – правил после 862 г. После него “рюриковская” ветвь династии пресеклась, и королевский титул переняли представители родственной линии, потомки Биллунга, к которому возводили свое происхождение позднейшие Мекленбургский и Брауншвейг-Люнебургский правящие дома.

Главным вопросом дискуссии вокруг мекленбургской генеалогической традиции стала проблема достоверности родословных. Первый немецкий норманист Г.З. Байер считал, что “...Бернард Латом и Фридерик Хеминиций и последователи их, сие (имеется в виду точка зрения Герберштейна о вандалском происхождение Руси и варягов. – *В.М.*) первое от всех как за подлинное положили. И понеже они сыскали, что Рурик жил около 840 года по рождении Христовом... И понеже у Витислава короля два сына были, один Трасик, которого дети ведомы были, другой Годалайб, которого дети неизвестны, то оному Рурика, Трувора и Синава приписали”³⁰.

Антинорманист Ю.И. Венелин, в целом отвергая концепцию Байера, позднее соглашался с ним в том, что Б. Латом “писал кучу сказок” о вандалах³¹. Мекленбургская родословная традиция не вписывалась ни в норманскую теорию, ни в концепции антинорманистов. Ни норманисты, ни их оппоненты не желали считаться именно с традицией, бытовавшей в Мекленбурге на протяжении многих столетий, указывая, как правило, на неточности и противоречия отдельных генеалогий. Немецкие ученые, стоявшие у истоков норманизма, с полным доверием относились к свидетельствам древнерусских летописей, сложнейшего и противоречивого источника, но с сомнением принимали свидетельства своих же, казалось бы, немецких генеалогий.

Ученые скептики, и прошлые и нынешние, высказывая сомнения относительно достоверности мекленбургских генеалогий, одним махом отвергали многовековую традицию. Они ставили под вопрос достоверность мекленбургских генеалогий лишь потому, что их сведения противоречили общепринятым концепци-

Беловы	дворянская фамилия из Померании	старая псковская фамилия, крупнейший род
Бредовы	дворянская фамилия из Померании	старая псковская дворянская фамилия
Думовы	знатная померанская фамилия	русская дворянская фамилия
Грабовы	мекленбургская дворянская фамилия	русская фамилия
Левашёвы	знатная мекленбургская фамилия	дворянский и графский род, выходцы "из Немец" во Псков
Ловцовы	мекленбургская дворянская фамилия	русская фамилия
Свечины	мекленбургская дворянская фамилия	дворянская фамилия выходцев "из Немец"
Торновы	дворянская фамилия из Померании	русская дворянская фамилия
Туровы	мекленбургская дворянская фамилия	старая новгородская фамилия, дворянский род "из Немец"
Шаповы	бюргерская фамилия из Мекленбурга	русская фамилия

ям и не вписывались в их рамки. Но никто из критиков не потрудился привести конкретные доказательства не только в подтверждение недостоверности общей традиции, иначе объяснив ее истоки, но и даже по отдельным родословным. С уверенностью можно сказать, что на таком основании научное источниковедение не имеет права отвергать исторические документы.

С другой стороны, находятся весьма веские аргументы, свидетельствующие об определенной правомерности мекленбургской генеалогической традиции.

Северо-западная Русь, колыбель российского государства, была исторически связана с областями, расположенными на южнобалтийском побережье. Культурные и этнические контакты Новгорода и Пскова с Прибалтикой были обусловлены географически и существовали с древнейших времен. Несколько сотен русских дворянских фамилий имеют легенды о родоначальниках-основателях, "выезжих из Прус" или "из Немец". Как правило, эти указания равнозначны и могут свидетельствовать о происхождении из южнобалтийского региона. Скорее всего речь здесь идет о русских родах, вынужденных покинуть родные земли вследствие постепенного немецкого наступления на Прибалтику.

Массовое переселение с южного и юго-восточного берегов Балтийского моря в Новгород и Псков пришлось на XIII в., когда крестоносцы полностью захватили Поморье и Пруссию. Выходцы оттуда получали прозвище “из Немец”, указывавшее на выселение из земель, захваченных “немцами”, или “из Прус” по названию области, которое сохранилось даже после немецкого завоевания. Поток переселения шел из южной Прибалтики в Новгород и Псков, и дальше в другие города.

Попытка представить, что генеалогическая приписка “из Немец” является более поздним вымыслом, вряд ли может считаться успешной. Например, составитель двухтомника “История родов русского дворянства” П.Н. Петров указывал на то, что в XIII в. не существовало самостоятельного государства Пруссия, следовательно, неясно, откуда в России могли появиться “пруссские подданные или прусская народность”. По его мнению, впоследствии, во времена Ивана Грозного приписку “из Прус” якобы заменили на более соответствующую времени приписку “из Немец”, якобы указывавшую на немецких пленных, захваченных в ходе Ливонской войны. Но сам же автор пишет о том, что «таких выходцев-пленных можем мы насчитать меньше десятка, а родов “выезжих из Немец” – целые сотни»³².

Около 10% дворянских и бюргерских фамилий Мекленбурга находят прямые аналогии среди современных русских фамилий, в том числе таких же дворянских. Чтобы не утруждать перечислением десятков, а то и сотен фамилий, можно ограничиться наиболее показательными примерами.

С одной стороны, мы видим определенное совпадение реальных русских и мекленбургских фамилий, осмыслить которое можно только с учетом общей генеалогической традиции о связях Руси с южнобалтийским Поморьем.

(Разумеется, изучение фамилий и их этимологии – отдельная серьезная проблема, которая заслуживает долгого и кропотливого лингвистического исследования.)

С другой стороны, огромное количество северорусских фамилий, как дворянских, так и простых, связано с мекленбургской топонимикой: Бибовы, Бибиковы (мекл. Bibow), Вельчины (мекл. Welzin), Глазовы (мекл. Glasow), Дашковы (мекл. Daschow), Дёмины (мекл. Demmin), Зуровы (мекл. Zurow), Карловы (мекл. Carlow), Карповы (мекл. Karow), Кладовы (мекл. Kladow), Кобровы (мекл. Kobrow), Красовы (мекл. Krassow), Креховы (мекл. Kreckow), Лубковы (мекл. Lubkow), Луковы (мекл. Lukow), Мальцовы (мекл. Malzow), Масловы (мекл. Masslow), Мировы (мекл. Mirow), Перовы (мекл. Perow), Раковы (мекл.

Rakow), Роговы (мекл. Roggow), Старковы (мекл. Starkow), Шутовы (мекл. Schutow) и другие (см. табл. на с. 14).

Происхождение из южнобалтийского региона не только собственно Рюриковичей, потомков князя Рюрика, но и десятков других русских дворянских семейств позволяет косвенно подтвердить общую достоверность мекленбургской генеалогической традиции.

Наконец, комплексное изучение более широкого материала, касающегося древней истории Руси, также указывает на южнобалтийское побережье, как на варяжскую родину. Материалы различных дисциплин вполне подтверждают и правомерность генеалогической традиции из Мекленбурга.

Данные топонимики свидетельствуют о происхождении языка населения северо-западной Руси из южнобалтийского региона. Близость новгородских и псковских говоров с языковым миром южной Балтики проявляется и в лексических материалах. В частности, ряд авторов обращают внимание на то, что некоторые особенности древних севернорусских диалектов вообще не встречаются у других восточнославянских групп³³. Помимо этого в некоторых деталях севернорусского фольклора содержатся параллели с западнославянским фольклором³⁴.

В то же время есть данные, что славянский язык на южном побережье Балтики не был для варягов изначально родным. Во всяком случае, как уже отмечалось в науке, необходимо считаться с возможностью, что здесь присутствовал особый язык, отличный и от славянского, и от балтских³⁵. Предположительно, речь может идти об особой группе языков, которую принято называть “вендо-вандальской группой”.

Новейшие археологические изыскания позволяют считать, что севернорусские города были основаны выходцами из балтийского региона в VIII–IX вв. Позднее эти колонизаторы проникали в глубь страны, и дошли вплоть до берегов Белого моря. Летописец писал о том, что новгородцы происходили “от рода варяжска”. Данные археологии красноречиво свидетельствуют о связях псковско-новгородского региона с южной Балтикой (древняя архитектура, украшения и т.д.). В археологических слоях севернорусских городов обнаружена керамика с юга Балтики – торновского и фельдбергерского типов³⁶.

Антропологически древнее население северо-западной Руси оказывается идентичным населению южнобалтийского побережья, и здесь выделяется ареал общих антропологических типов. В.В. Седов убедительно показал, что ближайшие аналогии черепов древних новгородцев обнаруживаются лишь у раннесредне-

векового населения южной Балтики и, в частности, Мекленбургской области³⁷.

Разумеется, в рамках настоящего доклада не преследуется цель подробно рассмотреть весь комплекс источников, указывающих на южную Балтику как на родину варягов, основателей древней Руси, однако в плане постановки научной проблемы указанных фактов вполне достаточно.

Подводя итоги, следует отметить, что исследование мекленбургской генеалогической традиции позволяет преодолеть противоречия, существующие в науке между различными точками зрения на происхождение древних руссов. Сегодня эта традиция, восходящая к глубокой древности, оправдана не только как северногерманское историческое наследие, но и с позиций современного источниковедения.

Дальнейшее изучение вендо-вандальской группы на южном побережье Балтийского моря может дать богатый материал для существенного пересмотра устаревших научных положений. Такая постановка вопроса перспективна и возможна вне дискуссии между “норманистами” и “антинорманистами”, которая давно завела в тупик все попытки решения проблемы начала Руси.

¹ См., например: Российская газета. 2006. Сентябрь.

² Кузьмин А.Г. Правильная постановка вопроса и есть его решение // Славяне и Русь: Проблемы и идеи: Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении. М., 1998. С. 430.

³ Христианов В.Б. Об одном аспекте историографии варяжской проблемы // Скандинавский сборник. Таллин, 1963. Т. 7. С. 333.

⁴ Hübner J. Genealogische Tabellen, nebst denen darzu gehörigen genealogischen Fragen, zur Erläuterung der politischen Historie. Leipzig, 1725–1728. Th. 1–3.

⁵ Hübner J. Genealogische Tabellen... Leipzig, 1725. Th. 1. Tab. 112, 192.

⁶ Thomas Fr. Die nahe Anverwandschaft des Herzogs Carl Leopold mit der Fürstin Catharina von Rußland. Güstrow, 1716.

⁷ Klüver H.H. Vielfältig vermehrte Beschreibung des Herzogtums Mecklenburg. Dritten Teils erstes Stück. Hamburg, 1739.

⁸ Beehr M.J. v. Rerum Meclenburgicarum. Leipzig, 1741; Beehr M.J. v. Acht Bücher der Mecklenburgischen Geschichte. Ratzenburg, 1759.

⁹ Aepinus F.J. Geschichte von Meklenburg für Jedermann in einer Folge von Briefen. Rostock. 1791. Th. 1; Buchholtz S. Versuch in der Geschichte des Herzogthums Meklenburg. Rostok. 1753; Bülow J.F.J. v. Historische, genealogische und critische Beschreibung. Neubrandenburg, 1780; Franck D. Des Alt- und neuen Mecklenburgs anderes Buch. Güstrow; Leipzig, 1754; Reinhard L. Historisch-genealogische Beweis. Weimar, 1752.

¹⁰ Donnert E. Bemerkungen zur ausländischen Rußlandkunde am Beginn der Neuzeit // Zeitschrift für Slawistik. 1969. Bd. XIV, N 1. S. 40.

¹¹ Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908. С. 4.

¹² Marschalk V. Die Mecklenburger Fürstendynastie und ihre legendären Vorfahren. Bremen, 1995.

- 13 Меркулов В.И. “Росский” рыцарь и немецкий ученый Николай Маршалк / Научные труды Моск. гос. пед. ун-та. Сер. соц.-ист. науки. М., 2005. С. 43–47.
- 14 Beyer W.G. König Kruto und sein Geschlecht: eine historische Untersuchung über die Abstammung des großherzoglich-meklenburgischen Fürstenhauses / Jahrbücher des Vereins für meklenburgische Geschichte und Alterthumskunde. Schwerin, 1848. S. 3.
- 15 Mylius A. Chronica von der ersten Ankunft der Hertzoge zu Mecklenburg. Lipsiae, 1600.
- 16 Latomus B. Genealochronicon Megapolitanum d.i. eine Historische Beschreibung der Stamm bäume u. Blutverwandnisse aller Meckl. Könige, Herzöge, Fürsten u. Herren auch Frauen u. Fräulein, auch aller Affinitäten oder Schwägerschaften. 1610.
- 17 Henniges M.H. Theatrum genealogicum. Magdeburg, 1598. T. 4. S. 957.
- 18 См. родословные таблицы по изд.: Меркулов В.И. Откуда родом варяжские гости? Генеалогическая реконструкция по немецким источникам. М., 2005. С. 118, 120.
- 19 Thomas F. Avitae Russorum atque Meclenburgensium principum propinquitatis, occasione connubii serenissimi Ducis Caroli Leopoldi, cum Catharina Ivanovna, magni Russorum Ducis Alexii. Rostock, 1717.
- 20 Chemnitz J.Fr. Genealogia rerum, dominorum et ducum Megapolensium. S. 1615.
- 21 Thomas F. Avitae Russorum... Cap. 13.
- 22 Beehr M.J. Rerum Meclenburgicarum. Leipzig, 1741. S. 30–31; Historia Rhutenae. Amsterdam, 1725.
- 23 Krogmann W. Rerik // Mecklenburgische Jahrbücher. Bd. 103 (1939). S. 77–84.
- 24 Kühnel P. Die slavischen Ortsnamen in Meklenburg // Verein für Mecklenburgische Geschichte und Altertumskunde: Jahrbücher des Vereins für Mecklenburgische Geschichte und Altertumskunde. Bd. 46 (1881). S. 124.
- 25 Wigger F. Mecklenburgische Annalen bis zum Jahre 1066. Schwerin, 1860. S. 10.
- 26 Hübner J. Genealogische Tabellen... Th. 1, Tab. 112.
- 27 Meklenburgisches Urkundenbuch. Schwerin, 1863. Bd. 1. S. 8–9.
- 28 Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. СПб., 1768. Кн. 1, ч. 1. С. 43.
- 29 Сказания Великого Новгорода, записанные Александром Артыновым / Сост. Ю.К. Бегунов. М., 2000.
- 30 Байер Г.З. Сочинение о варягах автора Феофила Сигефра Безра. СПб., 1747. С. 6–7.
- 31 Венелин Ю.И. Скандинавomanия и ее поклонники, или столетние изыскания о варягах. М., 1842. С. 74.
- 32 История родов русского дворянства / Под ред. П.Н. Петрова. СПб., 1886. Т. 1. С. 13.
- 33 Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 37, 38.
- 34 Лецевич Л. Балтийские славяне и северная Русь в раннем средневековье: Несколько дискуссионных замечаний // Славянская археология. Этногенез, расселение и духовная культура славян. 1990: Сборник. М., 1993.
- 35 Кузьмин А.Г. Первые сомнения и разночтения // Славяне и Русь: проблемы и идеи: Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении. С. 213.
- 36 Смирнова Г.П. О трех группах новгородской керамики X – начала XI в. // Краткие сообщения Института археологии. М., 1974. Вып. 139; Она же. Лепная керамика древнего Новгорода // Краткие сообщения Института археологии. М., 1976. Вып. 146.
- 37 Седов В.В. К палеоантропологии восточных славян // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977. С. 151, 154.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

В.А. Виноградов. У меня три вопроса. Вопрос первый. Как известно, официальным титулом шведских королей в XVI столетии был титул “Король вандалов”, т.е. шведский королевский дом династии Ваза однозначно относил себя к вандалам. Это была одна из ведущих составляющих мекленбургской генеалогической таблицы, но Вы об этом ничего не говорили, или Вы не хотели на этом останавливаться намеренно?

В.И. Меркулов. Нет, намерения не было. Я посчитал, что в данном тексте он звучит не совсем уместно, так как есть ряд работ по дискуссии Ивана Грозного со шведскими правителями. Хотя этот вопрос рассматривать необходимо.

В.А. Виноградов. Совершенно верно. И в материалах посольства, и в соответствующей переписке это прослеживается.

Второй вопрос. Прокомментируйте, пожалуйста, известную концепцию происхождения рода Врангелей от вандалов в свете древних изысканий на острове Рюген, центре их первоначального расселения, которая получила широкое распространение.

В.И. Меркулов. Данная проблема заключается в том, насколько совместимы группы – русских и вандалов – может быть, одна группа охватывает другую. Я склоняюсь к мнению, что “вандалы” – это более широкое понятие, которое не связано с названием одного народа.

В.А. Виноградов. Дело в том, что среди определенных групп русской эмиграции как ответ на германское происхождение Врангеля в 30-е годы XX в. получила распространение концепция о том, что Врангель является ближайшим родственником древних Вельфов.

Третий конкретный вопрос. Все-таки фон-Брадены по всем источникам, начиная от Югнера, идентифицируются с нидерландским родом врага. Это практически доказано так же, как происхождение шведских гордов от нидерландских городов.

В.И. Меркулов. Что касается этого примера, я, в частности, по всем этим фамилиям консультировался с работником архива Варен, потомком Бенкендорфа.

А.И. Аксенов. У меня несколько вопросов. Вы в самом начале упомянули некий германский генеалогический комплекс. Возможно, из-за своей неосведомленности я не очень точно представил себе, что же это такое и когда он возник. Включал ли этот комплекс некие устные родословные и с какого времени?

Второй вопрос. Вы в докладе цитировали различные родословные источники. Не могли бы Вы их как-то конкретизировать?

Последний вопрос. Вы процитировали длинный список русских фамилий, происходящих из терминов мекленбургской документации. Очень трудно на слух все это проанализировать. Не могли бы Вы привести какие-то конкретные примеры этих соответствий?

В.И. Меркулов. Может быть, на слух это было не очень заметно. У меня в докладе упоминались Луковы. Луков – это населенный пункт. Маслов – Мальцов. Это населенный пункт в Мекленбургской области. Большинство из них существует по сей день. Это можно увидеть даже на современных картах. Разумеется, я сверял это с источниками XIX в. О топонимике писал Отто Кюнель, известный автор. У него есть более обширные сведения, когда какой город впервые упоминается, в каком источнике.

О корпусе родословных. Я назвал так ряд источников, которые в целом, на мой взгляд, формируют мекленбургскую генеалогическую традицию. Это в первую очередь родословные – как правило, письменные. Устные нам не известны, хотя в литературе есть ссылки на ряд источников того же самого французского автора Марнье, который будто бы записал в Мекленбурге устную легенду о происхождении Рюрика. Я, в частности, ссылался на письменные родословные, которые были записаны в период XVII–XVIII вв.

В.А. Кучкин. Вы имеете представление, в каких списках какого времени сохранились родословные тексты, их рукописные традиции и т.д.? Это один вопрос.

Второй вопрос. Вы считаете, что тот круг источников, который вами избран, объясняет нам многое. Но как, например, влияли голштинские исторические сочинения? Это позднее Средневековье или начало Нового времени по нашим меркам. Там огромное количество фальсифицированных исторических сочинений. Вы проводите параллели между русскими и мекленбургскими фамилиями (вещь это, конечно, полезная) и говорите о целом ряде русских знатных фамилий. Как Вы относитесь к работе Лихачева “Разрядные дьяки XVI века”, где показано, когда, при каких условиях вписывались в родословные росписи указания на то, что предок произошел “из прус”, “из немец” и т.д., и т.п.? Как это увязывается? Вы все обращаете в XIII в., а оказывается, что до середины XVI в. совсем на Руси об этом не знали.

Ваш прием сейчас, к сожалению, распространяется. Но это было у нас до Карамзина, когда использовали разные поздние данные для воссоздания данных древних. Мне и сейчас приходилось говорить с одним нижегородским краеведом, который, например, увидев на рисунке в книге путешественника XVII столе-

тия Адама Олеария, что Волга течет так, а Ока течет так, сразу же поставил вопрос: а там ли основан Нижний Новгород в 1221 г., и стал утверждать, что это все не так.

Как Вы относитесь к более ранним данным? А более ранние – это рунические надписи, которые находят археологи на территории расселения восточных славян, антропологические данные, которые показывают, что группы населения, проживающие до сих пор на нашем Севере, имеют такие же параметры по объему черепа и т.д., как и скандинавы? Как Вы относитесь к тому, что именно в Восточной Швеции есть области, где имеются ранние захоронения, и там упоминается Богоматерь? Не Госпожа, не Дева Мария, как на Западе, а Богоматерь. Это приравнено к обычаю и признается как влияние русского православного населения.

Как это увязывается с Вашими построениями, которые сделаны на основании родословных данных, восходящих к первой четверти XVI столетия?

В.И. Меркулов. Нет, это начало XV в.

В.А. Кучкин. Тем более. Как это Вы увязываете?

В.И. Меркулов. Если Вы позволите, я начну с конца. Я думаю, что все-таки существовали общие связи в Балтийском регионе между Южной Швецией и Русью, которую сейчас называют Северо-Западной Русью. Здесь нет никаких противоречий. Антропология нам показывает, что в принципе народонаселение было идентичным как в Южной, так и в Северной Прибалтике, как в Южной Швеции, так и в Северной Руси.

Что касается рунических памятников. Они известны и отмечаются в Мекленбурге. Можно только предполагать, кому они принадлежали.

В.А. Кучкин. А Вы как считаете, это норманнский или славянский народ?

В.И. Меркулов. Здесь проблема в том, кто такие славяне и кто такие германцы? Это языковые группы, как сегодня. О языке руссов мы сейчас не можем сказать. Может быть, это германский язык в современном понимании, может быть, славянский.

Я понимаю, что славянским он не был. Однако и германским – также. Все-таки есть группы языков, к которым мы относим готские и вандалские языки. Это особые группы языков.

В.А. Кучкин. Это группы языков. Но не кельтские же?

В.И. Меркулов. Не кельтские. Считается, что это так называемые восточно-германские языки. Однако существует еще вандалская группа. Скорее языки относятся к ней. Опять же здесь и группа вендов. Это тоже не только славянские диалекты,

которые по сей день сохранились в Северной Германии и сейчас также называют вендскими. Вначале вендский язык не имеет памятников. Тут необходимо изучать рунику. Рунический алфавит был иным. В своей статье я только поставил проблему, ни в коем случае не оспаривая никаких точек зрения.

О достоверности источников. Вы говорите, ссылаясь здесь больше на кельтскую традицию. Безусловно, конечно, родословные могут быть фальшивыми. Как они подтасовывались, это вполне ясно.

Я ссылаюсь на Фридриха Томаса. Здесь есть большая опасность, что родословная рождается под влиянием конкретного события, например, свадьбы конкретного субъекта. Его родословная у меня есть, и она тоже сомнительная, если рассматривать ее в целом. И как источник, достоверный на 100%, это рассматриваться, конечно, не может.

Между отдельными родословными есть большие расхождения в рамках ответвлений, ветвей, имен. Однако общая традиция здесь, на мой взгляд, сохраняется полностью.

И еще по Вашему вопросу: откуда у меня все эти источники и насколько я имею об этом полное представление. Все эти источники, на которые я ссылаюсь, у меня есть в опубликованном, отсканированном виде. Здесь была проделана огромная работа в архиве города Шверин, с которым я тесно общаюсь.

В.А. Кучкин. А какого времени книги? Вы смотрели филиграни, почерка? Как это датируется?

В.И. Меркулов. Есть здесь общепринятые вещи.

В.А. Кучкин. Да, но дело в том, что у Вас текст, который кончается, например, описанием событий XV в., на самом деле переписан в XVII в.

В.И. Меркулов. Нет. Это тексты именно того времени.

В.А. Виноградов. Не слишком ли Вы доверяете Хюбнеру?

В.И. Меркулов. Хюбнеру я доверяю очень мало. Собственно, доверять ему особо нельзя, потому что он приводил разные версии, и наша задача их просто рассмотреть в русле традиции. Однако его предположение о 840 г. как о дате призвания Рюрика представляется мне очень разумным, так как если предполагать, что Рюрик родился около 800 г. (точную дату мы, скорее всего, не узнаем никогда), то вполне реально, что он появился в Северо-Западной Руси в достаточно зрелом дееспособном возрасте. Но это уже детали проблемы, и, по большому счету, для научного исследования для нас не так принципиально знать, когда родился Рюрик, откуда прибыл именно Рюрик. Так что я тут не ограничиваюсь данными только Хюбнера.

В.А. Кучкин. Хорошо, что докладчик ставит проблему так – именно как проблему. Не как окончательный вариант, не как разрешение споров норманистов с антинорманистами, потому что эти споры, как мы знаем, в XVIII в. приобретали сугубо политическую окраску, и, например, нельзя было упоминать варягов и т.п., потому что считалось, что все они немцы. Их не упоминали. Ситуация немножко изменилась в начале XXI в., когда об этом стало возможно говорить. Во времена Николая I и Александра II опять нельзя было об этом говорить, так как в науке господствовала исключительно антинорманистская теория. Потом снова стало пробиваться научное знание. В советское время никакие норманистские теории не имели распространения. Только славяне сами по себе всего достигли. Хотя, если посмотреть на эти вещи спокойно, что ж тут такое? Мы говорим о норманнском завоевании Англии, причем сами англичане говорят не о норманнском завоевании. Они говорят о французском завоевании, даже так. Никто не скрывает, например, того, что норманны завоевали Сицилию или что Сицилия была завоевана арабами и т.д. и т.п. Во всей Европе происходят такие подвижки, когда одни страны завоевывают другие. Откуда у нас, например, такое странное название итальянцев “фрягами”. А на самом деле фряги – это франки. Франги, потому что это было носовое “н”. И об Италии знали потому, что Италия была завоевана в свое время Карлом Великим. С того времени распространилось вот это представление о том, что в Италии живут фряги (франги), что свидетельствует о том, что все такие этнические перемены воспринимали достаточно спокойно.

Спор этот не тупиковый, как Вы говорите. Норманисты и антинорманисты. Набираются новые свидетельства, новые сведения и т.д. А нам хотелось бы, коль делается доклад по научному убеждению, знать истину.

Вы проделали достаточно интересную работу. Но целый ряд вещей (и это отмечается у Вас) недостаточно проработан, нет в нем точных имен, о которых Вы говорите.

Меня, например, интересует такой частный вопрос. Вы сравниваете Белого (это русская фамилия) с Бюллоном. Может быть, там некое обрусение, и это был Белов?

В.И. Меркулов. Нет, это разные фамилии. Они пишутся по-разному.

В.А. Кучкин. Вы правы, когда говорите, что были довольно давние исторические взаимодействия, ну, скажем, между Новгородом и Псковом, с одной стороны, и двумя другими областями, это отношения между чудью и эстами. Позднее, когда появились

немцы в Прибалтике, с немцами – тоже. Известно, что часть населения продвинулась с берегов Балтики, и связь с этим населением прослеживается определенно.

Но тем не менее. Очень странная ситуация у нас получается: все перемещается на южные берега Балтийского моря, а вот с самой Швецией никаких контактов нет. Возникает очень интересная ситуация, тем более что нам очень хорошо известно, что, например, во времена Александра Невского была серьезная борьба между Швецией и Новгородом, русскими землями, за финнов. Вот эта территория была подвластна Новгороду, платила дань, а шведы здесь стремились выбить Русь с этих территорий.

Есть летописные свидетельства. Например, был такой воинственный полоцкий князь Всеслав, который в XI в., когда русские князья изгнали его из Полоцка, бежал к варягам “за море”. Если он бежал к варягам за море, то за море-то ему зачем надо было ехать? Понимаете, если это все южное побережье Балтики, никакого моря пересекать не надо было. А известно, что он бежал за море, потом вернулся, повоевал, взял часть новгородской земли, потом напал на Новгород и т.д. и т.п. То есть совершенно очевидно, что шведы об этом знали. Имеется целый ряд шведских источников, которые говорят о том, как шведы ездили в Константинополь и имели связь с Киевом.

Так что если говорить об отношениях со Скандинавией, со шведами в частности, то здесь никаких подозрений быть не может, потому что такие вещи существовали.

Нужно обязательно Ваши материалы сопрягать с материалами адекватными, т.е. того же хронологического периода, который Вы изучаете. Вы же берете материалы из XV в., а другие материалы опускаете вниз, потому что они свидетельствуют о ранней истории.

В принципе, когда нет источников, такой прием возможен. Но это очень опасная вещь, потому что французы, например, в своей истории считали так: они обращались к подобным материалам XVI–XVII вв. и считали, что до этого существовало еще 18 поколений французских королей. А в начале XIX в. оказалось, что все это басни, и никаких королей до Хлодвига во Франции не было. Поэтому надо быть чрезвычайно осторожным.

Если Вы избавите свой текст от явной политики, если Вы постараетесь очень объективно подойти к этому, то получится несомненно интересный материал, потому что это будет действительно объективно указывать, какие связи существовали, и если они не существовали, а были придуманы в позднее Средневековье или в раннее Новое время, то это говорит о том, что влияние

Русского государства на эти территории косвенно явно прослеживается.

Поэтому, приветствуя постановку проблемы, хотелось бы указать, что должны быть большие тонкости в решении этих вопросов и большая осторожность. А в принципе это полезная вещь, которая даст возможность вскрыть действительно объективную картину происходившего.

М.Е. Бычкова. Доклад был очень интересным. Автор использовал материал, который в наших исследованиях по истории России привлекается сравнительно нечасто.

К сожалению, автор недооценил значение генеалогии. Из всех вспомогательных исторических наук генеалогия – самая точная. И вот чего принципиально нельзя делать, это смешивать научную генеалогию (XVIII век, когда уже есть кафедры генеалогии в европейских университетах, когда уже разработаны разные научные схемы оформления родословных таблиц) и ранние исторические источники. Причем я так и не поняла, какие у Вас самые ранние источники. Ну, Герберштейн. Но произведение Герберштейна – это заказ императора, а не открытие России. В общем-то, открыл Россию для Европы Матвей Меховский своим Трактатом о двух Сарматиях, где он тоже говорит о происхождении разных династий и народов. Это все-таки начало XVI в. Меховский был современником Герберштейна, но написал свой трактат немножко раньше, и Герберштейн очень многое у него списал в своих произведениях. Так что Герберштейн тоже не все брал у русских из первых рук. Он многое брал из уже существовавшей европейской литературы, для которой русский источник иногда был где-то на третьем-четвертом месте. Ян Длугаш в XV в. списывал из русских летописей сведения о России, как показали современные исследователи. Меховский списывал из Хроники Длугаша, Герберштейн списывал из Меховского, и каждый вносил свою лепту в изложение материала, Поэтому я так и не поняла, какие у Вас кроме Герберштейна ранние письменные источники, на какую традицию они опираются. Это XV в., да? Но в XV в. уже была очень хорошо развита практическая генеалогия во Франции.

Очень хорошо развита генеалогия в Англии, которая тесно связана с французскими корнями. Они создавали это не на пустом месте. Кроме того, что брали исторические факты из исторических произведений и из устных традиций, еще использовали чисто генеалогическую традицию – составление генеалогических источников, которая в это время существовала в Европе. В этом узле разобраться сложно. И пока Вы в нем не разберетесь, будет много вопросов.

Вот – Рюриковичи. Рюрик – потомок императора Августа. Так писали русские источники конца XVI в., у Августа был племянник Прус. Прус приехал на Балтику и основал Пруссию. Четырнадцатое поколение от Пруса – это Рюрик. Причем это 14-е поколение взято не из головы. Это очень точно просчитано в соответствии с принятым тогда теоретическим генеалогическим счетом; не 13-е и не 15-е, а 14-е. Это указание хорошо совпадает по времени, судя по известиям, когда Рюрик появился на русских землях.

Но в точной науке генеалогии нельзя так писать. В генеалогии первое, что устанавливается, это дата рождения и дата смерти, и от этого промежутка времени, конечно, “все танцует”, и все делается.

Вы назвали много хороших русских фамилий, которые происходят от Ваших топонимов. Почему вы не сказали о Белагиных? Их родословная с XIII в., когда они живут в Балтике. И на Балтику они приехали из Италии. Их родословная – это роман, это “Илиада”, но это и всего-навсего родословная легенда, верить в которую нельзя, даже если Вы будете проверять деятельность записанных в нее людей.

Есть С.Б. Веселовский, который писал о происхождении фамилий или об освоении русских земель и о том, когда какие роды произошли. Кроме Николая Петровича Лихачева, который все это начал, есть Александр Александрович Зимин, который в своей последней монографии тоже писал о происхождении русской династии и о происхождении русских семей. Но в принципе мы уже давно отказались от прямого перехода: сходство фамилий и топонимов в разных регионах, когда доказывается происхождение семьи от этого топонима. Здесь все, каждый конкретный случай надо изучать.

Поскольку мне приходится работать над генеалогическими источниками, могу точно сказать: во всяком случае те русские фамилии, которые Вы нам перечислили, составили первые русские родословные в XVIII в. В XVII в., кроме Левашевых, еще никто письменно своего происхождения не оформлял. У нас существовала совершенно четкая генеалогическая традиция: если Вы хотите узнать, правильна легенда или неправильна, надо смотреть не историю семьи, потому что семья могла придумать все, что угодно, а надо смотреть стереотипы. Есть четкий стереотип XVI в., где все приходят из Прусс, потому что есть Рюриковичи, которые пришли из Прусс, предок которых эти Прусы в конце концов основал. Значит, все дело связывается с правящим домом, который тоже приходит из Прусс. Точные родословные у большинства семей идут с XII–XIII вв.

Если вы посмотрите документы, составленные в XVII в., там будет другой стереотип. И те семьи, которые в XVI в. себя не реализовали, а к XVII в. выдвинулись по службе, пишут свою легенду по этому другому стереотипу.

Попробуйте проверить родословие Меншиковых. Вот Александр Данилович Меншиков. В XVII в., когда он стал большим человеком в России, была составлена его родословная. Так он происходит от королевской династии ободритов. Это Балтийские регионы, как я понимаю. Мой ученик, который издал книгу, касающуюся генеалогии немецких княжеств и немецких регионов, показал, что Мекленбург тоже основали потомки ободритов.

Вы занялись очень большим, интересным, деликатным делом, потому что до сих пор есть живые люди, потомки тех, кого Вы упомянули. И вот так перебрасывать их из одной страны в другую только потому, что и тут есть одинаковые топонимы и сходные названия фамилий... Надо же учитывать традицию того времени, когда они составляли свои родословия. Когда Вы говорите о Рюрике, Вы все это учитываете, а когда Вы доходите до простых дворянских семей, то почему-то этого не учитываете.

А так, конечно, это очень интересный доклад с очень интересным материалом, который требует осмысления и публикации.

В.И. Меркулов. Большое спасибо за критические замечания. С некоторыми из них я согласен и обязательно учту их в дальнейшей работе. С некоторыми я не совсем согласен. Обсуждение их – это проблема серьезная, уже дискутируемая в науке не одно десятилетие. Подытожить можно так: совершенно очевидно, что Балтийский регион и все берега Балтики были связаны друг с другом. Вода, как известно, соединяет, а не разъединяет народы и роды, и племена, существовавшие в древности. Поэтому, безусловно, я не отвергаю связи Руси со Швецией, со Скандинавией и с Данией, но все же я полагаю, что связи с Южно-Балтийским Поморьем были более тесными, так как регион этот все-таки, на мой взгляд, был развит в то время больше, нежели Южная Скандинавия.

Что касается конкретных родословий и конкретных фамилий, даже конкретных семейств, я говорил, что, конечно, необходима работа по каждому семейству в отдельности. К сожалению, это огромная работа, потому что фамилий действительно сотни, но даже если десятки, то это не менее обширный труд, и, конечно, проделать его невозможно одному человеку, а тем более за какое-то короткое время. Этим можно заниматься всю жизнь.

Спасибо вам большое за внимание, проявленное к моему докладу.

Ю.А. Тихонов. Мы прослушали очень интересный доклад, научная сторона которого осложнена политическими воззрениями, начиная с XVIII в.

Оценивая и доклад, и прения, можно сказать, что в вопросах и в обсуждении, естественно, прозвучал известный критический настрой и здоровый скепсис наших ученых, поскольку мы на веру утверждения не принимаем, нам нужны доказательства, обоснование и т.д.

В докладе автора главное – не генеалогический момент, а новые источники, обращение нашего внимания на материалы, связанные с историей Мекленбурга, с территориями на южном побережье Балтики. Было бы хорошо, если бы докладчик больше внимания обратил именно на эти источники, на их особенности и происхождение, поскольку прежде всего встает вопрос, как оценивать их информативность, достоверность и т.д.

А.И. Куприянов

МЕЖДУ “ОЛИГАРХИЕЙ” И “ДЕМОКРАТИЕЙ”: ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.:

История городского самоуправления в конце XVIII – первой половине XIX в. все еще остается в тени лучше изученной и более яркой истории земских учреждений пореформенной России. Однако для того, чтобы понять историю развития государственного управления и самоуправления, демократических и авторитарных традиций в истории России, необходимо изучать не только наиболее яркие и заметные учреждения, но все бытовавшие социальные институты. При этом важно исследовать не только законодательные акты, но и повседневную политическую практику горожан, их представления о целях и задачах учреждений самоуправления, их восприятие правительственной политики в этой сфере.

История городского самоуправления XVIII – первой половины XIX в. имеет достаточно прочную историографическую традицию. Еще в дореволюционной литературе уделялось серьезное внимание истории институтов городского самоуправления, их законодательной базе, внутренней структуре и месту в системе управления Российской империи¹. В советской историографии проблемы городского самоуправления указанного времени долгое время оставались вне поля исследовательских интересов историков. Лишь в 1958 г. вышла в свет монография П.Г. Рындзюнского², одна глава которой была посвящена городскому самоуправлению. Выходом в свет этой книги тема городского самоуправления в первой половине XIX в. была надолго закрыта. Вместе с тем некоторые проблемы городского самоуправления (социальный состав выборных органов, отношение к ним горожан, их взаимодействие с коронной администрацией) успешно исследовались на региональном материале и в советской историографии³.

---

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 6 мая 2004 г. Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 05-01-01066а).

Последние 10–15 лет история самоуправления в России привлекала к себе внимание многих исследователей. Не были обойдены вниманием историков и вопросы истории городского самоуправления конца XVIII – первой половины XIX в. Большинство исследований выполнено на локальных материалах, но есть и опыт анализа проблем самоуправления в общероссийском масштабе⁴. И все же вне поля исследовательского внимания остался целый ряд принципиальных вопросов, среди которых особое место занимают проблемы социальной сущности городского самоуправления, отношения к нему и участия горожан в его деятельности. В данной статье эти проблемы рассматриваются через выяснение представлений горожан о городском самоуправлении, иерархии выборных должностей, популярности представительных органов власти в разных слоях и условиях горожан. Специальное внимание обращается на стратегию поведения и выборные технологии избрания или уклонения от общественной службы.

Исследование избирательных кампаний выводит на целый круг вопросов, связанных с историей самоуправления, с взаимодействием городских сословий (купцов и мещан) с остальным населением города, с взаимоотношениями государства и общества. Между тем в исторической литературе проблемы борьбы на выборах в местное самоуправление русских дореформенных городов еще не были предметом специального внимания. Такое игнорирование избирательных кампаний и выборных технологий, казалось, имеет под собой вполне серьезные основания. Действительно, о какой борьбе за избрание в органы городского самоуправления можно говорить, когда в России не было и намека на политические партии? Более того, историки, изучавшие самоуправление в России, наталкивались на свидетельства современников (деятелей выборных органов власти или высокопоставленных государственных чиновников) об уклонении горожан от участия в избирательных собраниях и исполнения выборных должностей. Оба этих аргумента справедливы, но их истинность весьма относительна. Политических партий в рассматриваемое время еще не было, но были “партии” различных сословий и социальных групп, интересы которых сталкивались между собой (купцы и мещане, старожилы и новожила, православные и старообрядцы). Острота таких столкновений в различных городах не была, разумеется, одинаковой. Иногда борьба за контроль над институтами самоуправления в том или ином городе явно обнаруживала себя, но чаще всего она протекала подспудно. В условиях относительной социальной однородности многих малых провинциаль-

ных городов не было и борьбы вышеперечисленных “партий”. Однако в руках у выборных лиц находились определенные властные и финансовые ресурсы, которые всегда притягивают к себе интересы части социально активных граждан. Их стремление к распоряжению этими ресурсами и вело к конкуренции на выборах в органы самоуправления. Отдельные купцы, заинтересованные в контроле над местной властью, вынуждены были организовывать своих сторонников для благоприятного исхода голосования.

Хронологические рамки исследования определяются тем, что в конце XVIII в. на основе принципов и норм, заложенных в Учреждении для управления губерний 1775 г. и в Жалованной грамоте городам (1785 г.), происходило формирование новой системы городского самоуправления. Эта система просуществовала до городской реформы 1870 г., которая в некоторых городах начала реализовываться в 1863–1864 гг.

Вопросы, поставленные в работе, исследуются на материалах провинциальных городов центра страны (Московской и Тверской губерний) и Западной Сибири (Тобольской и Томской губерний).

Система городского самоуправления в рассматриваемое время была весьма разветвленной, но не вполне структурированной. Согласно законодательству в городах были созданы общая и шестигласная дума (т.е. избираемая от всех шести разрядов городского населения из числа членов общей думы), магистрат (в малых городах – ратуша), сиротский суд, словесный городской и частные (т.е. по частям города) суды. Городовой староста, избираемый сроком на один год, с помощью товарищей собирал казенные подати, следил за выполнением некоторых других повинностей купцами и мещанами, выполнял различные поручения думы. Существовали и другие, менее важные институты городского и сословного управления.

При проведении городской реформы 1775–1785 гг. в жизнь произошли существенные отклонения от замысла. Правительство вынуждено было учесть многие реалии, в первую очередь неоднородность социального развития отдельных регионов обширной империи. “Эти отклонения – убедительное доказательство того, – пишет Б.Н. Миронов, – что не только государство творило социальную историю страны, но и само население и объективные социально-экономические процессы, происходившие в стране”⁵. Одним из таких регионов, в которых при проведении реформы самоуправления были допущены заметные отступления от общего плана, была Западная Сибирь.

Особую роль в управлении городом играл городской голова (“градский глава”). Н.П. Ерошкин отмечал, что последний “лично имел небольшие функции”⁶. Действительно, формально городской голова исполнял, казалось бы, не самые значительные функции и обладал относительно небольшим объемом прерогатив. Он председательствовал в сиротском суде, руководил выборами на все должности городского самоуправления, т.е. исполнял функцию современного председателя избирательной комиссии. Он же руководил и деятельностью шестигласной думы. Вместе с тем именно он был наделен представительскими функциями как глава города: во время приезда почетных гостей подносил хлеб-соль и приветствовал их от имени города. Главы губернских городов приглашались на церемонию коронации государей императоров в качестве почетных гостей. Наконец, что более важно, именно по его инициативе раз в три года (после выборов на общественные службы) городское общество могло заявить о своих “нуждах” губернатору или генерал-губернатору. Все эти функции были прописаны в законах. На практике же городской голова часто расширял границы своей компетенции, сосредотачивая в свои руках порой огромную власть. Такая картина вырисовывается, например, по материалам сибирских городов⁷.

В XVIII в. существовал и губернский магистрат, в который, как правило, избирались купцы губернского города.

Государство, как и в период, предшествующий реформам 1775–1785 гг., не забывало о своем интересе, принуждая горожан поставлять бесплатных чиновников для аппарата управления.

Функции учреждений городского самоуправления были достаточно запутаны, нередко они дублировали друг друга, а главное – выборные учреждения были подконтрольны губернским органам аппарата государственной власти. Словом, органы городского самоуправления в дореформенной России были бесправны, а потому и не пользовались авторитетом среди горожан, – такой вывод стал общим местом еще в историографии XIX в. Советская историография к нему охотно присоединилась. О необходимости его корректировки стали писать лишь в последние годы⁸.

Среди институтов городского самоуправления наибольший объем прав имели общегородские сходы. Законодательство предусматривало, что правом голоса на собраниях “общества градского” могут пользоваться лица, достигшие 25 лет и обладавшие капиталом, с которого платили в казну взнос не менее 50 руб. Но при отсутствии в городе значительных капиталов допускалось

участие в этих собраниях с правом голоса и менее состоятельных горожан⁹.

Как же на практике обстояло дело с предоставлением *права голоса*? В городах Западной Сибири избирательному цензу соответствовали “буквально единицы горожан”. Поэтому в городах региона для составления общества градского пришлось воспользоваться оговоркой к Городовому положению, предоставлявшей при отсутствии капиталов право голоса гражданам, “доброй совести и не бывшим в пороках”¹⁰. В городах Западной Сибири со временем право голоса было фактически предоставлено всем домовладельцам из числа купцов, мещан и цеховых. При этом абсолютные цифры полноправных граждан могли существенно отличаться при близком числе жителей в городах региона. Так, в Тобольске в 1847 г. избирательные права имел 1231 горожанин (в том числе 49 купцов, 1162 мещанина и 20 ремесленников)¹¹. В Омске же в середине 1840-х годов только 13 купцов и 210 мещан обладали правом голоса на общественных сходах¹². Почти шестикратное превосходство лиц, обладавших правом голоса, в Тобольске над Омском было обусловлено малочисленностью купцов и мещан в Омске, в котором преобладали военные и гражданские чиновники.

Граждане лишались избирательных прав из-за судимости, банкротства, а иногда и без решения судебных органов на основании приговора общества. Так, 28 декабря 1827 г. купцы и мещане г. Бийска, “находясь в общем при словесном суде собрания”, постановили купца Андрея Мальцева, замеченного многократно “неспокойным членом общества”, “в собрание общества ни в какое время не приглашать...” и довести до сведения “вышнего начальства”¹³.

Иерархия общественных служб горожан по выборам, согласно Учреждению для управления губерний 1775 г., выглядела следующим образом: городской голова, заседатели губернского магистрата, совестного суда “мещанские” заседатели считались в 10-м классе “за уряд, пока в должности пребывают”. Губернского города городского магистрата первый и второй бургомистры, уездный стряпчий, “буде чина выше того не имеют, считаются в 11-м классе за уряд, пока в должности пребывают”. Городового магистрата первый и второй бургомистры, а также ратманы губернского городского магистрата были отнесены к 12-му классу. Городовых магистратов ратманы и бургомистры в посадах были “за уряд” в 13-м классе. Наконец, городские старосты, судьи словесного суда и ратманы в посадах считались в 14-м классе на время службы¹⁴. Однако уже к концу XVIII в. эта официальная ие-

рархия претерпела заметные изменения: одни должности исчезли вместе с ликвидацией учреждений (в частности, губернского магистрата), другие появились впервые. Действия законодателей и повседневная практика функционирования институтов самоуправления не могли не сказаться на изменении престижа конкретных выборных должностей.

Сама *процедура выборов* существенно отличалась от современной, когда избирателям предлагается отметить в избирательном бюллетене одного претендента, за которого он отдает свой голос. Выборы в дореформенном городе были организованы с учетом того, что в них участвуют и неграмотные избиратели, поэтому баллотировку производили деревянными шарами. Ящик, в который опускали шары, был разделен внутри на две части. Снаружи на одной из сторон ящика были сделаны два круглых отверстия. Над правым отверстием была надпись “избираю”, над левым – “не избираю”. Благодаря этому обязательному правилу даже неграмотные избиратели знали, в какую сторону необходимо положить шар. Кабины для голосования не были предусмотрены, но законодатели позаботились о сохранении тайны голосования. Тайна голосования обеспечивалась нехитрой процедурой: избирателю рекомендовалось закрывать руку сукном, чтобы никто не видел, “в которую сторону он кладет шар”¹⁵.

После завершения голосования по каждой кандидатуре шары вынимали, пересчитывали, а затем баллотировали следующего претендента. Избиратели голосовали не за единственного претендента, но могли оказать поддержку любому числу кандидатов. Избранным считался тот, кто получил больше голосов.

Все принимавшие участие в баллотировке (нередко и кандидаты) находились в зале, где была установлена избирательная урна. Поэтому выборщики одновременно выполняли и функцию “общественных наблюдателей” на выборах. Председателем заседания был городской голова. Кроме этого за соблюдением установленных процедур наблюдали представители государственных структур: полицмейстер (в уездном городе – городничий) и стряпчий. Эти чиновники не имели права участвовать в выдвижении и обсуждении кандидатов, но могли подать свое мнение по процедурным вопросам. Впрочем, глава полиции и стряпчий порой манкировали своими обязанностями. Например, проследив за порядком при выборах градского главы, могли не прийти на выборы бургомистров, ратманов и прочих должностных лиц. Иногда вместо контроля за соблюдением законов чиновники нарушали их самым беззастенчивым образом. Предел беззакония проявил омский полицмейстер Шепелев. Во время выборов 16 сентября

1854 г. он “заводил спор о лицах, назначаемых к занятию должностей”, “предлагал избирать указанных им лиц и наблюдал за опусканием шаров в ящик”, и даже не уступал “председательствующего стула” городскому голове “при обряде баллотирования”¹⁶. В ходе расследования было установлено, что Шепелев (благодаря родственным связям) был непосредственно заинтересован в результатах голосования. Характерно, что тогдашний генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорт в мотивах странного поведения полицмейстера разбираться не стал, а принял сторону бравого подполковника. Однако Сенат рассудил иначе, не оставив Шепелева без заслуженного наказания.

Выдвижением кандидатов занимался сменяемый состав думы и городской голова. Впрочем, по закону после проведения выборов городского головы следовало его утверждение губернской властью, а лишь затем проводились выборы на другие должности. После приведения к присяге уже новый городской голова обладал правом предлагать кандидатов на другие должности. Означает ли это, что городской голова и члены думы имели исключительное влияние на выдвижение кандидатов? Даже если избиратели не возражали открыто городскому голове, в их руках находились шары для баллотирования.

Изучение протоколов выборов на все “классные” места (т.е. такими, прохождение службы на которых считалось “за уряд” с государственными чинами) в местном самоуправлении позволяет решить вопрос о престиже каждой конкретной должности, о месте, которое занимает та или иная должность в городской иерархии. Реконструкция иерархической лестницы городского самоуправления исходит из двух очевидных допущений: первое – самые престижные должности замещаются в первую очередь; второе – наиболее влиятельные и авторитетные лица избираются на высшие должности. Оба эти допущения основываются на действовавшем тогда законодательстве о выборах (первым избирался городской голова, на наиболее важные должности надлежало избирать купцов, а не мещан, купцы первых двух гильдий обладали правом отказаться от выборов на должности, которые не соответствовали их статусу).

Обращение к избирательным протоколам по г. Твери за 1790-е–1810-е годы позволяет выстроить по рангу выборные должности в следующем порядке: 1 – голова; 2 – заседатели советного суда; 3 – заседатели Уголовной Палаты; 4 – заседатели Гражданской Палаты; 5 – бургомистры магистрата; 6 – ратманы магистрата; 7 – члены Думы, 8 – депутаты квартирной комиссии. На вышеперечисленные должности избирали сроком на три го-

да. Следующая ступень – выборные должности, замещаемые ежегодно: городской староста, кандидаты (товарищи) к нему, члены городского словесного суда, и частные словесные судьи (избираемые для каждой части города).

Что нового для макроистории дает иерархия городских общественных служб, выявленная в Твери? По меньшей мере она ставит под серьезное сомнение утвердившийся в историографии вывод о никчемности и бесполезности совестных судов, введенных Екатериной II¹⁷, и их низком престиже. Тверские горожане выбирали своих представителей в совестный суд, в гражданскую и уголовную палаты сразу же после избрания городского головы, т.е. считали их одними из важнейших и уважаемых выборных служб. Именно в этих учреждениях в случае конфликта с представителями других сословий, с интересами государства решалась судьба купцов и мещан.

Вышеприведенная аргументация опирается на реконструкцию “снизу”, т.е. исходит из интересов горожан. В какой мере на формирование этой иерархии оказывало влияние государство? В “Учреждении для управления губерний всероссийской империи” 1775 г. в статье, которая определяла порядок торжественного собрания, судебные органы губернии (Палата Уголовного суда, Палата Гражданского суда, Совестный суд) занимали одно из ведущих мест, с четвертого по шестое, при общем числе разрядов 22¹⁸. Исходя из того значения публичных церемониалов, которые в эпоху абсолютизма служили зримым воплощением социального устройства общества, влияние этого законодательного акта на формирование у граждан представлений о городской иерархии было несомненным.

Тверские купцы и мещане в рамках навязанной им абсолютизмом официальной иерархии выборных служб внесли определенные коррективы, имеющие знаковый социальный характер. Они поставили среди всех судебных органов на первое место наименее бюрократизированный институт – совестный суд. Однако уже на выборах в декабре 1817 г. в Твери заседателей совестного суда выбирали после голосования в Уголовную и Гражданскую палаты. Более того, бургомистров избирали прежде, чем судебных заседателей палат и совестного суда¹⁹. Аналогичный порядок выборов сохранился и в декабре 1823 г.²⁰ Следует отметить, что эти изменения произошли задолго до указа 6 декабря 1831 г., который усилил позиции дворянства в губернских судебных органах. Согласно данному указу дворянство губернии избирало председателей палат уголовного и гражданского суда, а также совестного судью²¹. Таким образом, можно говорить о снижении

престижа выборных должностей в губернских учреждениях и о росте уважения горожан к магистратам. Эта тенденция повышения престижа магистрата и ратуш, а также статуса бургомистров была поддержана позже и государственной властью. В сентябре 1849 г. министр юстиции входил в Комитет министров, а затем, в октябре того же года, в Сенат с предложением о присвоении бургомистрам городских магистратов и ратуш: в столицах VII и в губернских и портовых городах VIII класса по должности, а в уездных и заштатных городах IX класса по должности и мундиру. Предложение было одобрено и утверждено монархом²².

Исследование избирательных протоколов также позволяет утверждать, что уже в начале XIX в. в Твери функционировали три сектора местной власти с участием представительства городского гражданства, в различные структуры которой (как государственные, так и самоуправленческие) и выбирались авторитетные купцы и мещане: 1) первостепенные судебные органы (совестный суд, Уголовная и Гражданская палаты, магистрат); 2) городская дума; 3) второстепенные судебные органы (городской и частные, т.е. по частям города, словесные суды). Претенденты, проигравшие на выборах городского головы, баллотировались в одну из двух ветвей местной власти: распорядительную (хозяйственно-финансовую) и губернскую судебную. Отклонения от этой практики были крайне редки.

Служба по выборам: право или обязанность? На выборах 1808 г. в Твери избирателям раз за разом предлагали одних и тех же людей на различные должности. Так, четверо кандидатов были выбраны к должности лишь с третьей попытки, а купец М.И. Нечаев (он не прошел в заседатели совестного суда, Уголовной и Гражданской палат) только с четвертой попытки стал бургомистром. Своеобразный рекорд установил купец второй гильдии К.И. Нечаев, которого семь раз неудачно баллотировали на самые разные должности²³. Спустя полвека, в декабре 1850 г., городская верхушка добилась избрания купца Светогорова с пятой попытки, когда его удалось провести в члены строительной и дорожной комиссии²⁴. Такая тактика выборов до победного конца отдельных претендентов срабатывала не всегда. Например, в 1823 г. купец И.С. Клементьев был четырежды забаллотирован (в совестный суд, думу, ратманы, квартирную комиссию) да так никуда и не избран²⁵.

В маленьком уезде городке Тверской губернии Кашине на выборах 1803 г. И.С. Осекина последовательно баллотировали в первые и вторые бургомистры, в первые и вторые ратманы, прежде чем с пятой попытки избрали третьим ратманом. Еще трех

горожан на тех же выборах баллотировали на четыре должности, четверых пытались избрать трижды. Из этой неоднократно отвергнутой “восьмерки” в итоге удалось выбрать лишь пятерых²⁶.

Эти факты, число которых не исчерпывается приведенными примерами, демонстрируют стремление выборных лиц во главе с головой заставить нести общественную службу упомянутых купцов. Таковую настойчивость городской верхушки можно интерпретировать в пользу устоявшегося в историографии взгляда на непопулярность среди городского гражданства выборных служб, а следовательно, и всего городского самоуправления. Но данная интерпретация сосредоточивает все внимание на деятельности городской выборной верхушки и игнорирует позицию выборщиков. А их позиция была не менее важна. Избиратели не соглашались доверить некоторым навязываемым кандидатам ответственные должности в городском самоуправлении, вероятно, сомневаясь в их способности принести реальную пользу городу и своим согражданам.

Ходатайства горожан к коронным властям, в которых выражалось недоверие отдельным выборным лицам, имели место во многих городах Западной Сибири, Московской и Тверской губерний. Как правило, поводом для них служили притеснения горожан и финансовые злоупотребления со стороны лиц, возглавлявших самоуправление. Нередки были жалобы на избрание “не в очередь”, на нежелание местных властей учесть семейное и материальное положение просителя. Иногда поводом для обращений к власти становились и личные качества деятелей местного самоуправления, их отношение к рядовым горожанам. Так, в 1811 г. ошашковское городское общество даже обратилось с прошением в Тверское губернское правление об увольнении от должности ратмана Мосягина, который “усмотрен в нерасположении к гражданам, от коего защиты и попечения никакого нет”²⁷. Это ходатайство было оставлено властями без удовлетворения, а магистрату губернским правлением сделан выговор “за недолжное представление” о приговоре общества. Подобные прецеденты укрепляли у горожан убежденность в том, что лучше забаллотировать сомнительного, асоциально настроенного кандидата на одну из классных должностей, чем потом страдать от его злоупотреблений своим должностным положением.

Если выборное лицо служило не на классной должности, то о его досрочном смещении городские власти могли и не запрашивать губернскую администрацию. О том, как такие вопросы решались в Твери свидетельствует рапорт городского старосты

тверской думе от 15 июля 1799 г. В этом документе сообщается о получении указа думы 15 июля 1799 г. об избрании на место квартального надзирателя Степана Ненасына “за его неисправность” другого, “способного из здешнего гражданства”. В тот же день “тверское гражданство” в присутствии городского головы М.Е. Блохина выбрали сына уволенного – Павла²⁸. Подобная оперативность решения вопроса: получение указа и проведение выборов в тот же день – была возможной благодаря тому, что о перевыборах не оповещали горожан, а созывали собрание из заседателей думы и еще каких-то граждан, служивших по выборам, и, возможно, случайных посетителей, которые находились в тот момент в доме градского общества по своим надобностям. Легитимность такому собранию в глазах горожан придавало участие в нем городского головы, в обязанности которого, напомним, входило председательствовать на выборах.

Как относились главы купеческих фамилий к избранию в городские службы невыделенных членов семьи? Рассмотрим ситуацию с серпуховскими купеческими “детьми”, избранными в декабре 1821 г. За ратмана магистрата 39-летнего купеческого внука Федора Воронина согласился отвечать именем его дед, а за гласного думы 46-летнего Ефима Улитина – отец. Отцы Григория Фирсанова (31 год) и Василия Костякова (40 лет), избранных в городские старосты и депутаты квартирной комиссии, напротив, “ответствовать не согласились”. В своем рапорте губернатору от 26 января 1822 г. городской голова Остапов жаловался на отца Костякова, так как тот сыну “доверенность навсегда давал входить во все подряды и торговые промыслы и *по выбору общественному прежде сего городовым старостою имел служение...* (курсив мой. – А.К.)”²⁹. Таким образом, даже отношение одного и того же главы купеческой семьи к службе по выборам сына могло изменяться в зависимости от конкретных жизненных и торговых обстоятельств.

Разумеется, попытки уклонения от общественной службы вызывали неприязненное отношение других горожан. Не всегда они приводили и к цели. Против практики укрывательства зрелых мужей за старческой спиной главы семьи серпуховские “отцы города” придумали простой, но достаточно эффективный метод борьбы. Когда в 1825 г. серпуховские граждане вынуждены были производить новые выборы на места из-за неутверждения избранных кандидатов, 80-летний В.В. Плотников был почти единодушно избран в депутаты для смотрения за торговлей. При этом, чтобы у губернских властей не возникало сомнений в справедливости выбора столь пожилого человека к должности, в бал-

лотировочном списке указано, что у него три сына и два взрослых внука. Этот метод борьбы с уклонистами от городской службы не работал лишь в том случае, если главой купеческой семьи была вдова.

Иной, редкий, путь освобождения от службы избрал мещанин Петр Серебrenиков. В своем прошении он писал, что был избран вопреки приговору мещанского общества 1821 г. об освобождении его от службы на восемь лет за пожертвование обществу 500 руб. Губернатор, освободив Серебrenикова от обязанностей гласного думы, поставил мещанскому обществу на вид, напоминая, что по закону денег за увольнение мещан от выборов “брать отнюдь не должно”³⁰.

В результате увольнения губернатором купцов и мещан, избранных в декабре 1824 г. на должности самоуправления, в Серпухове пришлось провести дополнительные выборы в пять различных учреждений, в которые баллотировалось 14 человек. При этом горожане не вполне вняли замечаниям губернской власти, выдвинув в гласные думы третьей гильдии купеческого сына И.С. Щенкова, а в депутаты квартирной комиссии все того же третьей гильдии купеческого сына В.С. Костякова. Правда, ранее они оба уже служили в органах самоуправления. Вероятно, наученные опытом “отцы города” не уповали лишь на это обстоятельство, но предварительно заручились согласием родителя последнего, чтобы не усугублять ситуацию. Что же касается Щенкова, то он ни в каком ручательстве, по мнению граждан, не нуждался, ибо вместе с братьями был совладельцем на каменном фундаменте деревянного дома³¹.

Впрочем, граждане Серпухова и на выборах 1828 г. в число 40 баллотированных на различные должности включили не только шесть купеческих “детей”, но и двух человек, у которых не было недвижимости³².

Правительство продолжало противиться расширению социальной базы граждан, обладавших правом быть избранными в органы самоуправления, вплоть до 1860 г., когда император утвердил мнение Госсовета “О разрешении выбирать в городские общественные должности членов купеческих семейств”³³. Этим актом было удовлетворено давнее чаяние жителей многих уездных городов о праве избирать в службы по выборам купеческих братьев, детей, внуков и племянников вне зависимости от наличия у них капитала. Ответственность за эту многочисленную группу лиц, не имевших собственных объявленных капиталов, возлагалась на “начальников семейств” или само общество.

Избирательные технологии в старом русском городе.

Желающие занять должность городского головы прибегали к разнообразным способам влияния на избирателей. Среди них были, например, такие меры, как подбор в число выборщиков наиболее надежных избирателей: родственников, знакомых или бедных мещан, так или иначе зависимых от кандидата. Разумеется, не забывали и о создании благоприятного общественного мнения о претенденте на должность городского головы. Достигался благоприятный имидж различными путями: пожертвованиями на общественные нужды или в пользу церкви, помощью бедным, уплатой недоимок за несостоятельных граждан, покровительством губернского или духовного начальства.

Самым простым и надежным способом обеспечить успех кандидатам, угодным действующему городскому голове, было формирование корпуса выборщиков. Из-за несовершенства законодательства о городских выборах у городского головы и членов думы открывались большие возможности для злоупотреблений своим должностным положением при формировании избирательного списка. “Правильный” подбор избирателей обеспечивал успех кампании. Так, в январе 1822 г. служащие в коломенском магистрате бургомистры Иван Селивановский, Захар Колесников и ратманы Петр Тупицын и Шапошников подали московскому военному генерал-губернатору князю Д.В. Голицыну жалобу на действия бывшего городского головы Наума Шевлягина. Они обвиняли голову в серьезных нарушениях законов о выборах. В частности, Шевлягин не запросил магистрат “о состоящих в нем по делам из купцов под судом и под следствием”, а начал готовиться к выборам “совсем не так, как в законе о таковых выборах предначертано, разослал ярлыки таким людям, которые б поддерживали его намерение на сей выбор, им уже тайно положенное”. Допустил он и ряд других нарушений законов о выборах³⁴.

Отвечая перед следователем на эти обвинения, Шевлягин легко парировал вопрос “Всем ли купцам и мещанам были разосланы ярлыки с приглашением в собрание?” Он заявил, что все исполнено “по заведенному с давних лет порядку” и приглашены были “из числа лучших в обществе лиц, более находящихся в городе на лицо. Повещать же и *приглашать к выбору всех купцов и мещан дума сочла затруднительным*, ибо не имеет места, где их поместить, да и сверх того при прежних выборах более сего числа присутствующих не бывало (курсив мой. – А.К.)”³⁵.

Некоторые кандидаты не брезговали и прямым подкупом избирателей, организовывая бесплатные застолья. Вот что писал

об этом в докладной записке от 7 мая 1851 г. на имя московского генерал-губернатора А.А. Закревского статский советник Трубецкой, посланный для расследования злоупотреблений дмитровского городского головы Е.А. Немкова: “Узнал я также, что Немков, 15 лет постоянно избираемый в городские головы, употребляет для достижения сей цели средства непозволительные: перед выборами он в собственном трактире бесплатно кормит и поит многих людей, которые в нетрезвом виде избирают на свою погибель человека, коего они проклинают, когда очнутся от винных паров”³⁶.

Аналогичные избирательные технологии применялись и в одном из крупнейших уездных городов Московской губернии – Подольске. Старший чиновник особых поручений при московском гражданском губернаторе Н.П. Синельникове – Янкевич, ревизовавший Подольскую городскую думу в 1856 г., выяснил и механизмы предвыборной борьбы тамошнего городского головы Аллилуева. Чиновник оценил избирательную тактику городского головы как весьма эффективную: “Впрочем, как в прежние выборы, так и в будущие, вероятно, будет избран Аллилуев... Аллилуев, имея личную выгоду быть головою, подбирает партию из оборванной подольской челяди, которую накануне кормит и особенно поит на свой счет во всех подольских харчевнях, а в благодарность такие обыватели и выбирают его в головы”³⁷.

Поведение сторонников Аллилуева выглядит в изложении московского чиновника более рациональным и мотивированным, чем у жителей Дмитрова, опускавших шары за Немкова. Благодарность Аллилуева не ограничивалась бесплатными предвыборными обедами с обильным угощением водкой. Она имела и более долгосрочную материальную выгоду для его малоимущих избирателей. В ходе ревизии обнаружилось, что реестр мещан, имевших податную задолженность, в значительной части совпадал со списком избирателей, приглашенных на выборы городского головы. Признательный голова не взыскивал недоимки с преданных ему горожан³⁸.

Впрочем, в арсенале у городских голов были и репрессивные методы воздействия на неблагонадежных мещан и даже купцов. Способы эти были довольно разнообразны: от закрытия лавки под каким-нибудь благовидным предлогом до включения вне очереди неугодного мещанского семейства в число подлежащих поставки рекрута. Подобная практика бытовала и в некоторых уездных городах Тверской губернии. “Из особенностей общественного быта заметить нужно то, – свидетельствовал о Торжке в 1849 г. священник Иовлев, – что выборы в градские должности

по большей части бывают безправильны. В следствие сего у людей богатых бывают капризы и враждебное духу христианства злопамяństwo”³⁹.

В число же неблагонадежных могли попасть не только сторонники противоборствующей “партии”, но и любые лица, решавшиеся при обсуждении каких-либо городских вопросов, высказывать мнение отличное от предложения градского главы⁴⁰.

Подбором кандидатов, выдвигаемых на выборные должности, занимался городской голова совместно с членами городской думы, а в ряде случаев и членами магистрата. В какой степени избиратели считались с мнением городского головы и выборной верхушки, выдвигавших кандидатов на замещение классных должностей? Каковы были возможности выявления волеизъявления рядовых избирателей? Исключительную информацию для ответа на этот вопрос содержат избирательные протоколы, разумеется, при условии, что они аккуратно заполнены. Тогда достаточно сопоставить порядковый номер предложенных кандидатур с данными о том, кто был избран. Так, в уездном городе Тверской губернии, Кашине, в 1803 г. в верхнем слое управленцев (голова и два бургомистра) два человека были избраны из числа первых кандидатов, среди ратманов магистрата и гласных думы трое были избраны из первых кандидатов, а четверо были предложены для голосования вторыми и третьими. На проводившихся тогда же выборах на одногодичные должности (городового старосты и двух судей словесного суда) были избраны кандидаты, вынесенные на голосование первыми⁴¹. В другом городе Тверской губернии, Бежецке, в 1803 г. новые голова и бургомистры были предложены первыми, а из четырех ратманов и пяти гласных победил лишь один кандидат, внесенный на голосование первым. Напротив, из пяти одногодичных служб все пять были замещены лицами, стоявшими в списке первыми⁴².

На выборах в январе 1803 г. в Твери на девять самых престижных выборных должностей прошли лишь трое первых кандидатов. Городским головой был выбран третий кандидат, один из заседателей Гражданской палаты был предложен лишь пятым, а заседатель Уголовной палаты вообще внесен на голосование только седьмым по счету. Во второй группе выборных должностей (ратманы магистрата и гласные думы) восемь из 14 избранных баллотировались первыми. На выборах 10 гласных думы прошли восемь первых кандидатов. Что же касается выборов ратманов в магистрат, то здесь выборщики совершенно проигнорировали мнение городского головы и членов думы⁴³.

Полвека спустя, в декабре 1850 г., в Твери на девять наиболее ответственных должностей были избраны четыре человека, которые не были основными кандидатами. Следующая группа выборных должностей – ратманы магистрата, ратманы полиции и гласные городской думы. Здесь наблюдается очень близкая картина к первой группе должностей престижности. Из 16 мест шесть досталось кандидатам не из основной “корзины”⁴⁴.

Исследование избирательных протоколов 1803 и 1850 гг. в городах Тверской губернии свидетельствует о том, что городские избиратели были активными участниками избирательных процедур и, пользуясь тем, что на должности баллотировалось несколько претендентов, имели возможность реального выбора. Особенно придирчиво они подходили к кандидатам, выбираемым на должность городского головы, бургомистров и вообще классным должностям в правовой сфере: судьям, заседателям судебных органов, ратманам в магистрате или при полиции.

Иная ситуация была при выборах на менее престижные должности (ценовщики, депутаты по торговле, члены строительной и дорожной комиссий) – тут были избраны именно первые предложенные кандидаты. Фактически на эти должности в Твери назначали купцов посредством баллотировочной процедуры.

В подмосковном Клину пошли дальше. Там в январе 1819 г. баллотировали шарами только в градские головы, бургомистры, ратманы, старосты сиротского суда, словесные судьи, ценовщики. “Да сверх сего *избраны на голосах* (курсив мой. – А.К.)” в квартирную комиссию, в оспенный комитет, в городские маклеры, для продолжения городской обывательской книги и другие должности, – сообщали из Клина губернскому начальству⁴⁵.

В Западной Сибири самые значительные отклонения от избирательных процедур наблюдались в тех городах, где было малочисленно посадское население и сильно влияние ведомственного начальства. Так, в Барнауле в 1807 г. даже бургомистров магистрата “избрали” без голосования, а в 1822 г. и городского голову назначили “без баллотировки, с общего согласия”⁴⁶. В военно-административном центре региона, Омске, при избрании первых лиц городского самоуправления баллотировку хотя и производили, но выдвигали на должность всего по одному претенденту, в соответствии с давней местной традицией, как утверждал городской голова Лука Баранов в 1856 г.⁴⁷

Да и в старинных сибирских городах, например в Таре, выборы во многом проходили формально. Например, в 1797 г. в избрании городского старосты и словесного судьи участвовало всего семь выборщиков, а на каждую должность баллотирова-

лось по два кандидата. О самом характере выборов на эти должности можно судить из отношения городского головы Тары в тамошний магистрат: “из состоящих на очереди избрали в будущий 798 года на перемену ныне находящихся в служении... в кандидаты...”⁴⁸ И все-таки эти малочисленные избиратели не были послушной машиной, утверждавшей решения городского головы. У них был выбор из двух кандидатов. Своим правом выбора они воспользовались, отдав большинство голосов вторым кандидатам.

В центре страны грубейшие нарушения избирательного законодательства, подобные омским и барнаульским, не допускались. Более того, в 1840-е годы произошло ужесточение контроля губернской администрации над буквой избирательных законов. Наиболее заметно это было в Тверской губернии. Так, если в 1803 г. городским головой Бежецка был избран кандидат, набравший менее половины голосов, то в 1847 и 1848 гг. градской глава Вышнего Волочка получил от начальства три выговора и два строгих выговора, из которых четыре за нарушение избирательных процедур! В том числе в вину купцу третьей гильдии Тимофею Синькову было поставлено то обстоятельство, что он допустил перебаллотировку на должность кандидата (т.е. заместителя) городского головы лиц, набравших на выборах головы менее половины голосов. Особенно возмутила губернское правление попытка оправдать это нарушение тем, “что общество не находит на то более достойных лиц, тогда как нельзя допустить, чтобы кроме купцов 1-й и 2-й гильдий, в количестве 128 капиталов 3-й гильдии, не находилось одного или двух достойных к избранию в кандидаты на должность градского головы...”⁴⁹

Кого и куда избирали? Демократические возможности и олигархические традиции.

Законодательство отводило первенствующую роль в городском самоуправлении купцам. Мещане могли избираться лишь на второстепенные должности. Только в крайнем случае, при отсутствии достойных кандидатов из купцов, они могли допускаться к выборам на важные должности. Впрочем, репутация человека также играла существенную роль при выдвижении кандидатов на должности в самоуправлении. Так, в декабре 1792 г. серпуховской купец Григорий Соловьев был избран в бургомистры, а когда стало известно, “что Соловьев, за недельное по выплаченному векселю в 4500 руб., с серпуховских купцов Ивакина и Крашенинникова взыскание находится под следствием, учиненным приговором яко недостойного быть в таковой службе, отменило, а выбрало его... в училище к сторожевской должности...”⁵⁰

Означал ли равный сословный статус равные возможности избираемых? Формально да. У купцов первой гильдии были привилегии перед купцами второй гильдии, у которых были привилегии, по сравнению с третьегильдейцами. На практике все было не так однозначно. Так, в Серпухове во время выборов на трехлетие с 1819 г. произошел примечательный конфликт. Купец второй гильдии И.С. Плотников, избранный в депутаты квартирной комиссии, подал жалобу губернатору и просил уволить от должности. В частности, он писал, что был внесен в список для баллотирования не в головы или бургомистры, как следовало бы ему по статусу, но в ратманы. Когда же в ходе голосования очередь дошла до Плотникова, то общество «единогласно объявило, чтобы Плотникова в ратманы не баллотировать, назначив его к баллотированию в депутаты, в квартирную комиссию». Очевидно, избирателям было ясно, что городской голова вел себя некорректно по отношению к нему, предлагая его на должность ратмана, в то время как в бургомистры баллотировались купцы третьей гильдии. Казалось, что был найден удачный выход из создавшегося положения, позволявший и купца приобщить к общественной службе и не уронить его репутации. Однако в квартирной комиссии он должен был постоянно взаимодействовать с городничим, с которым имел дело в суде об обременении его постоем со стороны последнего. Это основание для освобождения от должности Плотникова и гражданский губернатор, и военный генерал-губернатор сочли не основательным. Впрочем, купец проявил характер и упорство. Не получив поддержки у губернского начальства, он уехал надолго из города, и власти вынуждены были ввести в должность другого человека⁵¹.

В ходе выборов на трехлетие с 1825 г. в Серпухове вновь произошел конфликт, связанный с произволом городского головы. В протоколе, подготовленном для голосования, купец второй гильдии В.В. Мазурин был вычеркнут из претендентов на должность бургомистра и баллотирован на непристижную для него должность второго ратмана⁵².

Среди тверских купцов уже в начале XIX в. сложились представления о том, на какую должность следует выбирать того или иного горожанина. Например, лица, баллотировавшиеся в городские головы, затем могли быть кандидатами в заседатели совестного суда, Уголовной и Гражданской палат, бургомистры, члены думы. Ратманами магистрата или полиции, а также для службы на менее значительных должностях они уже, как правило, не предлагались. Эти неписанные правила соблюдались в Твери в начале XIX в. строго, а иерархия должностей была «прописана»

для каждого человека весьма определенно. Например, существовавшая субординация между ратманами магистрата позволяла в 1803 г. баллотировать купца П.И. Пирогова (ранее потерпевшего неудачу при избрании бургомистра) на первом этапе выборов на должности первого и второго ратмана. Однако занявшего третье место Пирогова уже не баллотировали на втором этапе, когда выбирали третьего и четвертого ратманов. На эти должности были избраны два купца, набравшие в первом туре вдвоем меньше баллов, чем один Пирогов⁵³. Очевидно, городская верхушка считала для реноме этого человека недопустимым быть третьим или четвертым ратманом.

Характерно, что никогда не служившие представители известных в городе купеческих фамилий не баллотировались на низшие должности городского самоуправления. Закон, разрешавший купцам отказываться от должностей, которые не соответствовали их социальному статусу, был принят позднее и не проводил никакой иерархии между первым и четвертым ратманами. Поэтому в Твери можно говорить о своеобразном “местничестве”: нельзя было, не оскорбив реноме уважаемой купеческой семьи, избрать одного из ее членов третьим ратманом, в то время как вторым ратманом будет служить человек, семья которого стоит ощутимо ниже в неформальной городской иерархии. Таким образом, возможность выбора на ту или иную должность определялась не только официальным статусом человека, его личными достоинствами, но и местом, занимаемым его семьей в городской иерархии. Иначе говоря, в Твери – самом демократическом с точки зрения полноты избирательных процедур и наличия нескольких кандидатов на одну выборную должность городов России – олигархические принципы подбора и выдвижения кадров на “классные должности” сохранили свое влияние.

В уездных городах число классных должностей было меньше, а их иерархия имела иные конфигурации. Так, в Осташкове в декабре 1799 г. лица, баллотировавшиеся в городские головы, затем предлагались кандидатами в бургомистры, ратманы и даже частные приставы. В гласные же шестигласной думы, в старосты, в словесные судьи никто из претендовавших на места городского головы или городских бургомистров не предлагался, но двое безуспешно были баллотированы на должность частного пристава. Заседатели или гласные думы пользовались у горожан меньшим престижем, чем члены магистрата. На тех же выборах 1799 г. в нее баллотировалось всего восемь кандидатов на шесть мест, да и те были не из семей городской верхушки. В думу были избраны лишь лица, прова-

лившиеся на выборах в ратманы, а также те, которые ранее не баллотировались в другие должности⁵⁴.

В Серпухове только в исключительных случаях забаллотированного кандидата предлагали на новую должность. Такой случай имел место в 1813 г. с купцом И.П. Щенковым⁵⁵.

В другом уездном городе Московской губернии, Клину, бытовала иная практика. Здесь во время выборов провалившегося кандидата не стеснялись предложить на другую должность. В частности, в 1819 г. третьей гильдии купецкий сын Алексей Иванов Семейнин, 37 лет, был баллотирован в ратманы, в сиротский суд, а избран судьей словесного суда. А купца третьей гильдии Михайлу Леонова Першина, 63 лет, владельца собственного дома, последовательно четырежды баллотировали в ратманы. Такое было возможно в связи с тем, что выбирали по очереди первого, второго, третьего, четвертого ратманов. Возможно ранее его предлагали и в бургомистры, но из-за плохой сохранности архивного дела это выяснить не удалось. При этом ни градского голову, ни избирателей не смутило то обстоятельство, что двумя первыми ратманами были избраны мещане, третьим – купеческий сын. Купец Першин получил необходимое число голосов лишь в четвертые ратманы. Добавим, что магистрат возглавили два бургомистра из мещан. Все это позволяет утверждать, что в Клину мещане не только принимали активное участие в процессе выработки повседневных решений, но и успешно претендовали на важнейшие должности в городском самоуправлении. Это было возможно благодаря малочисленности купечества и общему высокому уровню социально-экономического развития города.

Если говорить о тенденциях в городских выборах, которые отражали отношение горожан как к избирательным процедурам, так и к институтам городского самоуправления, то количественные аспекты проблемы прослеживаются достаточно. Так, в Серпухове в марте 1813 г. на места городского головы и бургомистров баллотировалось по три кандидата, а в ратманы и гласные городской думы в среднем по 2–2,5⁵⁶. На выборах 1816 г. произошло сокращение числа претендентов до двух человек на все должности, исключая городского голову⁵⁷. Следующие выборы на трехлетие с 1819 г. привели к увеличению числа выдвинутых кандидатов до уровня 1813 г., а на должность городского головы баллотировано пять купцов⁵⁸. Но начиная с выборов на 1822 г., началось новое сокращение числа претендентов, которое отразилось в первую очередь на думе: трое купцов претендовали на два места гласных, и два человека – на единственную вакансию гласного думы от мещан. Аналогичная

ситуация была и на выборах 1825 и 1828 гг., на которых число баллотируемых на должности бургомистров и ратманов не превышало соотношение два человека на одно место⁵⁹. На этом же уровне ситуация с количеством баллотированных сохранялась и в последующие годы, включая и выборы 1861 г. Отдельные исключения, как в 1834 г., когда на должность головы баллотировалось пять кандидатов, а на два места бургомистров шесть человек, не меняют общей картины⁶⁰.

Более очевидно эта тенденция проявилась в Осташкове, где на выборах городского головы в январе 1779 г. было выдвинуто 15 кандидатов, при выборах двух бургомистров – 41 кандидат! Правда, большинство подлежащих баллотировке от этой чести предпочло уклониться. В результате большая часть кандидатов была уволена, и в списке осталось 12 человек. В тот же день на места четырех ратманов было выдвинуто 46 кандидатов, а для голосования оставлены 15⁶¹. Спустя 20 лет произошло небольшое снижение числа кандидатов, предлагаемых для замещения вакантных должностей. Однако у горожан был реальный выбор: семь претендентов на место городского головы, 11 человек – на две должности бургомистров, 12 – на четыре должности ратманов, восемь кандидатов на место частного пристава⁶².

Сокращение числа кандидатов на выборные должности продолжалось и в последующие годы. В результате в середине XIX в. выборы в Осташкове приобрели во многом формальный характер: число кандидатов лишь незначительно превышало количество должностей. Так, в январе 1860 г. на два места бургомистра было три претендента, на четыре места ратманов – шесть кандидатов, в “директорские товарищи” общественного банка баллотировались три человека, на два места депутатов при следствии в уезде – четыре человека, в гласные думы – семь кандидатов на шесть мест. Такая же картина наблюдалась и при выборах на другие должности⁶³. Проигравшие становились кандидатами на должности, обязанными в случае длительного отпуска или продолжительной болезни одного из членов присутственного места принять на себя соответствующие обязанности.

Создавшееся в Осташкове положение с замещением выборных должностей в конце концов вызвало недовольство тверских чиновников. 9 марта 1860 г. губернское правление указало на недопустимость подобной практики. При этом оно руководствовалось не отклонениями от законов и уж тем более не интересами граждан, которые оказались в ситуации фактически безальтернативных выборов, но прагматическими задачами управления. Губернское правление потребовало дополнительно избрать к

должностям кандидатов, тем более что к некоторым должностям таковых не было избрано вовсе⁶⁴.

Заключение. В Твери и Осташкове уже в конце XVIII в. в избирательных собраниях участвовал достаточно широкий круг горожан. Возможно, в эти же годы аналогичная ситуация сформировалась и в Серпухове, но по источникам она фиксируется только с 1813 г. Такое положение, когда среди выборщиков было примерно равное количество купцов и мещан, сохранилось и в начале 1860-х годов. Выборочные материалы по другим городам Московской и Тверской губерний подтверждают эту практику. Реально отстранены от повседневного участия в делах городского самоуправления оказались лишь городские неимущие низы. Аналогичная картина наблюдалась и в городах Западной Сибири⁶⁵.

Если законодательство стремилось создать олигархическое самоуправление, то граждане предпочли, чтобы в его деятельности участвовала не только верхушка, но и состоятельные мещане, обладавшие недвижимостью. Снижение имущественного статуса для участия в делах самоуправления определялось прежде всего малочисленностью богатого купечества, а также несовпадением представлений о социальной природе городского самоуправления у государственных сановников и у горожан.

Приведенные данные о выборах в городах Тверской и Московской губерний дают основание для вывода о том, что горожане, пришедшие на избирательное собрание, не были марионетками, послушно опускавшими шары в ящик по предложению городского головы. Особенно вдумчиво и серьезно они рассматривали кандидатов, выдвигаемых на наиболее ответственные посты в городском самоуправлении или на должности, представлявшие интересы городского гражданства в бюрократических органах власти. Вместе с тем у части беднейших избирателей в Подольске, Дмитрове (весьма вероятно и во многих других уездных городах) отсутствовало подлинно гражданское понимание важности и значения тех демократических процедур, в которых они участвовали.

Наряду с этим, свертывание демократических традиций в городах Московской и Тверской губерний, в частности неуклонное сокращение числа кандидатов на выборные должности, имело место в первой половине XIX в. Однако и к концу 1850-х годов эта тенденция все же не достигла там уровня, характерного для некоторых сибирских городов. Так, в Омске на должность баллотировалось по одному кандидату⁶⁶, а в Барнауле в первой четверти XIX в. не всегда соблюдали даже формальные избирательные

процедуры, например, в 1807 г. бургомистры были “избраны” без голосования, а в 1822 г. даже городского голову назначили “без баллотировки, с общего согласия”⁶⁷.

В городах Московской и Тверской губерний мне удалось установить единичные факты отказа от должности городского головы за весь период с 1785 по 1861 г. В конце 1826 г. просил уволить его от должности городского головы тверской второй гильдии купец Ф.Г. Тетяев, который ранее неоднократно нес различные общественные службы, в том числе и должность городского головы⁶⁸. В 1849 г. другим отказником стал новоторжский купец Цвылев⁶⁹. А спустя три года купец Иван Маслов ходатайствовал об освобождении от должности кандидата городского головы Вельегонска, Тверской губернии⁷⁰. Однако было бы ошибкой на основании двух последних отказов говорить об уменьшении престижа кресла главы города среди купцов Тверской губернии в конце 1840-х годов. Есть и совершенно противоположные прошения горожан этой губернии. Так, купец Синьков в 1849 г. жаловался на неутверждение его в должности городского головы Вышневолоцкого уезда⁷¹. К этому же времени относится и жалоба вышневолоцкого мещанина Ивана Трудова на губернское правление за отказ утвердить его в качестве гласного думы⁷². Данное обстоятельство свидетельствует об определенном росте уважения граждан к должности гласного думы и о наличии реальной заинтересованности у некоторых горожан занимать ее.

С развитием буржуазного самосознания у деятелей городского самоуправления им все теснее становилось в рамках абсолютистского государства. В конце периода наблюдается не просто недовольство деятельностью отдельных лиц, возглавлявших административно-полицейскую власть на местах, но самой системой, когда бюрократические органы обладают функцией контроля над муниципальными органами. В городском обществе крепнет мнение, что в условиях преобразования крестьянского быта, в эпоху начинающихся реформ необходимо ликвидировать мелочную опеку городского самоуправления государственными структурами. Общественные деятели городского самоуправления стремились к большей, подлинной самостоятельности городских учреждений, к расширению их компетенции. Рост правовой и политической культуры деятелей муниципальных властей, общая атмосфера в стране толкали верхушку торгово-промышленного населения не к прежним формам (жалобы в верховные органы власти) и старому содержанию (борьба против нарушений законов чиновниками, нарушение прерогатив выборных органов власти, отстаивание корпоративных и городских привилегий) –

все это имело место, но к реформированию самой системы органов власти, к отмене всех отживших законов и инструкций, скользящих инициативу выборных лиц, к расширению полномочий институтов самоуправления за счет сокращения компетенции органов государства на местах. Эти требования были отчасти учтены имперской властью при подготовке новой городской реформы в начале 1860-х годов.

Избирательные процедуры не всегда соблюдались во всей своей полноте в уездных городах. Как граждане, так и чиновники, обязанные наблюдать за порядком на выборах, действовали нередко исходя не из буквы, а из духа законов. Еще точнее, эти действия проистекали отчасти из пренебрежительного отношения к действующему избирательному законодательству, как не учитывающему местные реалии. Но было и другое убеждение, вырвавшееся из трактовки городского самоуправления как сословного дела городского гражданства. Эта “привилегия” была дарована монархами для “пользы” горожан, следовательно, исходя из своих собственных интересов купцы и мещане имеют право корректировать на практике порядок проведения выборов. При этом местные традиции выборов в органы самоуправления оказывались в глазах граждан почти равными действующим законам. Такая аргументация нередко встречается в переписке выборных лиц городского самоуправления с губернскими властями. А омский градской голова Лука Баранов в 1856 г. даже писал об этом в своей жалобе царю: “Потому что порядок городских общественных выборов в Омске проистекал от давности, обычая граждан и правил думы, одобрявшихся в продолжительное время... от того же губернского правления. Всего же более потому, что эти обычаи думы и граждан тесно связаны между собою с пользами и выгодами тех граждан”⁷³.

¹ *Муллов П.* Историческое обозрение правительственных мер по устройству городского общественного управления. СПб., 1864; *Дитятин И.И.* Устройство и управление городов России. СПб., 1875; Т. 1: Города России в XVIII столетии; *Кизеветтер А.А.* Городовое положение Екатерины II 1785 г.: Опыт исторического комментария. М., 1909; *Он же.* Гильдия московского купечества: Исторический очерк. М., 1915.

² *Рындзюнский П.Г.* Городское гражданство дореформенной России. М, 1958.

³ *Рафиенко Л.С.* Социальный состав сибирских магистратов в 40–80-х гг. XVIII в. // Изв. СО АН СССР. Сер. общ. наук. 1967. Вып. 1, № 1. С. 89–97; *Рабцевич В.В.* Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск, 1984.

⁴ *Миронов Б.Н.* Социальная история России. СПб., 1999. Т. 1. С. 491–509.

⁵ Там же. Т. 1. С. 495.

⁶ *Ерошкин Н.П.* Местные государственные учреждения дореформенной России. М, 1985. С. 70.

⁷ *Куприянов А.И.* Русский город в первой половине XIX века: Общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М., 1995. С. 31–33.

- 8 *Куприянов А.И.* Русский город в первой половине XIX века. С. 25–36; *Миرونнов Б.Н.* Социальная история России. Т. 1. С. 488–500.
- 9 ПСЗ-I. Т. 22. № 16188. Ст. 49, 50, 172; № 16514.
- 10 *Рабцевич В.В.* Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск, 1984. С. 135.
- 11 Архив Русского географического общества (АРГО). Р. 61. Оп. 1. Д. 5. Л. 67.
- 12 *Кочнев С.И.* Омск в сороковых годах прошлого столетия // Вестн. Омского городского общественного управления. 1912. № 23–24. С. 11.
- 13 Государственный архив Томской обл. (ГАТО). Ф. 3. Оп. 10. Д. 54. Л. 1–1 об.
- 14 ПСЗ-I. Т. 20. № 14392. Ст. 53–57.
- 15 СЗРИ. 3-е изд. СПб., 1835. Т. 3. Ст. 805, 819.
- 16 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 37. Д. 1665. Л. 30 об., 66 об.
- 17 С., например: *Вдовина Л.Н.* Право и суд // Очерки русской культуры XVIII в. М., 1987. Ч. 2. С. 173. Единственное известное мне исключение – работа: *Ефимова Н.Н.* Судостроительство России в XVIII – первой половине XIX в.: (Историко-правовое исследование). М., 1993.
- 18 ПСЗ-I. Т. 20. № 14392. Ст. 432.
- 19 Государственный архив Тверской обл. (ГАТвО). Ф. 21. Оп. 1. Д. 243. Л. 45–47, 51, 52.
- 20 Там же. Д. 378. Л. 20 об.–21.
- 21 СЗРИ. Т. 3. Ст. 729.
- 22 ПСЗ-II. Т. XXXIV. № 23586.
- 23 ГАТвО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 158. Л. 8–17.
- 24 ГАТвО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 2904. Л. 17–39.
- 25 ГАТвО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 378. Л. 21–27.
- 26 ГАТвО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 158. Л. 56–58.
- 27 ГАТвО. Ф. 1048. Оп. 1. Д. 440. Л. 20.
- 28 ГАТвО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 20. Л. 24.
- 29 Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ). Ф. 17. Оп. 1. Д. 6743. Л. 8–9.
- 30 Там же. Л. 40 об.–41.
- 31 Там же. Л. 131–133.
- 32 ЦИАМ. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 373. Л. 83 об.–84, 121 об.–130 об.
- 33 ПСЗ-II. Т. XXXV. № 35955.
- 34 ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 175. Д. 558. Л. 7–7 об., 66–66 об.
- 35 Там же. Л. 29 об.
- 36 ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 41. Д. 112. Л. 14 об.–15.
- 37 ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 177. Д. 995. Л. 4 об.–5.
- 38 Там же. Л. 3 об.–4.
- 39 АРГО. Р. 41. Д. 30. Л. 4.
- 40 АРГО. Р. 42. Д. 29. Л. 7 об.
- 41 ГАТвО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 158. Л. 56–58.
- 42 Там же. Л. 62–71, 96–102.
- 43 ГАТвО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 158. Л. 7–27.
- 44 ГАТвО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 2904. Л. 16–39.
- 45 ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 5204. Л. 3 об.
- 46 Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1. Оп. 2. Д. 2759. Л. 19–19 об.; Д. 2963. Л. 7.
- 47 РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 1665. Л. 28 об.
- 48 ГАОО. Ф. 381. Оп. 1. Д. 7. Л. 2, 4.
- 49 ГАТвО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 13303. Л. 14 об.–16.

- 50 ЦИАМ. Ф. 1036. Оп. 2. Д. 25. Л. 12а.
- 51 ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 5211. Л. 6–8.
- 52 ЦИАМ. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 326. Л. 24 об.–26.
- 53 ГАТВО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 158. Л. 8–9.
- 54 ГАТВО. Ф. 1048. Оп. 1. Д. 27. Л. 11–28.
- 55 ЦИАМ. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 189. Л. 4–5.
- 56 Там же. Л. 4–5.
- 57 ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 124. Л. 2–3.
- 58 ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 5211. Л. 2–3, 4.
- 59 ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 6743. Л. 4–5 об.; Ф. 1036. Оп. 1. Д. 326. Л. 24 об.–29; Д. 373. Л. 73 об.–84, 121 об.–123, 125 об.–130 об.
- 60 ЦИАМ. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 492. Л. 24 об.–32; Д. 1485. Л. 28 об.–29, 72 об.–79.
- 61 ГАТВО. Ф. 1048. Оп. 1. Д. 2. Л. 12–24 об.
- 62 ГАТВО. Ф. 1048. Оп. 1. Д. 27. Л. 11–28 об.
- 63 ГАТВО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 17443. Л. 3–10.
- 64 Там же. Л. 19.
- 65 *Рабцевич В.В.* Социальный состав органов городского самоуправления Западной Сибири в 80-х гг. XVIII – первой четверти XIX в. // История городов Сибири досоветского периода (XVII – начало XX в.). Новосибирск, 1977. С. 80–96; *Куприянов А.И.* Русский город в первой половине XIX в.: Общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М., 1995. С. 25–36.
- 66 РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 1665. Л. 28 об.
- 67 ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2759. Л. 19–19 об.; Д. 2963. Л. 7.
- 68 ГАТВО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 2063. Л. 3.
- 69 ГАТВО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 13212, 13348.
- 70 ГАТВО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 14656.
- 71 ГАТВО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 13303.
- 72 ГАТВО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 12588.
- 73 РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 1665. Л. 28 об.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Ю.А. Тихонов. Вы не упомянули двухтомник Б.Н. Миронова “О социальной истории в период империи”. Есть для Вас в этом двухтомнике что-нибудь интересное?

А.И. Куприянов. Разумеется, есть. Это фундаментальная интересная работа, посвященная социальной истории XVIII – начала XX в. Писал автор и о городском самоуправлении.

Что касается тенденций, которые он там обозначил, я с ним в основном согласен, но не могу согласиться с методом, который использовал Борис Николаевич. А метод был простейший. Он взял законодательные акты и две работы Кизеветтера и Дитяткина. И на их основе он написал тот раздел, который был посвящен моему периоду – периоду, условно говоря, XVIII – первой половины XIX в., потому, что по пореформенному периоду ситуация более благоприятная.

Что же меня не до конца устраивает в работе Миронова?

В известном смысле, в том, что касается городского самоуправления, она оказалась несколько преждевременной, потому что нет работ по локальным проблемам, нет работ по регионам. Дело в том, что нельзя на основе законодательства писать работу по городскому самоуправлению, по его истории. В таком случае мы пишем историю представлений о том, каким бы власть, законодательство хотели видеть городское самоуправление.

Пока мы не обратимся к низовым документам, к постоянной, повседневной практике самого самоуправления, мы будем писать достаточно общие вещи. Но многие нюансы, которые составляют специфику исторического процесса, Миронов опустил.

Ю.А. Тихонов. Второй вопрос. Вы нам рассказали о самоуправлении, о выборах и т.д. А деятельность городской общины выходит по источникам за рамки самоуправления и выборов или Вы это оставляете за бортом своего исследования?

А.И. Куприянов. Я действительно не уделяю серьезного внимания этому вопросу по целому ряду причин. Когда я занялся изучением уездных городов Московской губернии, то сделал это несколько опрометчиво. Я выяснил, что сохранность архива безобразнейшая: многие фонды были уничтожены в 1812 г. или во время других пожаров, плюс еще революция наложила свой отпечаток, и в результате единственный город, который для моего периода можно изучать всесторонне, – это Серпухов. Там есть и дума, и магистрат, и даже словесный суд сохранился, есть приговоры и протоколы городских обществ, когда они собирались и принимали какие-то решения, которые касались всех горожан или, по крайней мере, податного населения. Там они тоже сохранились не полностью, а в основном за 40–60-е годы XIX в. И все это, с моей точки зрения (а я здесь спустился на уровень микроистории), не позволяет обстоятельно проработать деятельность городских общин. Часть сохранившихся приговоров за 40–60-е годы свидетельствует о том, что община уже не играла серьезной роли, а фактически выполняла различные предписания других властей – магистрата, думы, городского старосты, словесного старосты. Она имела значение для тех мещан, у которых был скот, которые нанимали пастуха или получали землю для обработки, а многие города имели еще аграрное ядро, и для них эти вопросы повседневного землепользования или найма пастуха были серьезными вопросами. Другое дело, что в рамках управления городом они играли уже второстепенную роль. Строго говоря, они, наверное, никогда не играли первостепенную роль.

А.Е. Иванов. Вы говорили о цензах отбора кандидатов на всевозможные должности в городском самоуправлении. А в какой степени учитывался ценз грамотности?

А.И. Куприянов. С одной стороны, законодательство глухо молчит об этом. Оно молчит по отношению к русским, если подданный был евреем (но это относилось к западным губерниям), то он обязан был владеть либо русским, либо немецким, либо польским языком. Он должен был владеть одним из европейских языков, которые имели статус государственных. Самое интересное, что от русских не требовали образовательного ценза. Я говорю об учреждениях, которые существовали до 50-х годов.

Но вместе с тем имеются свидетельства о том, что в начале XIX в. (я знаю такое прошение 1801 г.) люди подавали прошения и просили их освободить именно по причине неграмотности. И управа рапортовала Думе и просила избрать новых членов, поскольку все избранные – люди неграмотные, протоколы вести и оформлять решения некому.

Далеко не все горели желанием служить. Чтобы желающих использовать в качестве предлога свою неграмотность не было, то могли освободить, скажем, отца-купца от выполнения должности ратного. Но при этом его 17-летнего сына, который вроде бы не должен был служить, избрали, и он тащил эту лямку.

Что касается второго вопроса. Возрастной ценз был плавающим. В Сибири, например, начальство могло человека, которому было 56 лет, не утвердить в должности, написав, что он старый. А в Твери, например, человека, которому было 66 лет, и он до этого служил на нескольких службах, был ремесленником и не имел недвижимости, губернское начальство могло все-таки заставить служить сборщиком податей.

Было и так: когда избирали 80-летнего старика, которого губернское управление явно не могло утвердить, тогда, представляя этот список, специально сделали заметку: “У него трое сыновей взрослых и двое взрослых внуков. Не может служить сам, так пусть за него его родственники служат”, поскольку он был главой купеческой семьи. Значит, дети и внуки считались при нем и без его согласия не могли служить. Если он не соглашался с тем, чтобы они служили, тогда избирали его самого.

В.М. Хевролина. Могут ли быть использованы для Вашей темы такие источники, как пресса, художественная литература, которая описывает жизнь городов, в том числе и губернских?

А.И. Куприянов. Конечно, могут. Но эта проблема не самая интересная. Куда более колоритен образ Городничего. Хотя ведь

были такие деятели городского самоуправления, о которых можно было писать романы.

Любимый мною персонаж – бургомистр в городе Томске, Чулошник, уникальная личность. Он вообще на законы не обращал никакого внимания. Завел тюремное наказание, держание мещан за малейшие провинности в кандалах, ввел телесное наказание.

Был, правда, сенатский Указ 1817 г., который по своей неясной формулировке можно было направить и на мещан. Там был пункт о приговоре общества. Но бургомистру никакого приговора общества не требовалось. К нему приходили жаловаться по своим семейным вопросам, в том числе невестки жаловались на свекровей и свекров. И даже пожилых людей, если бургомистр считал это обоснованным, пороли. В результате в десятых годах XVIII в. порка мещан стала таким заурядным явлением в Томске, что публика приходила на них смотреть, поскольку пороли 10–15 человек ежедневно. Это было грубейшим нарушением. В конце концов, во время очередной проверки жалоб все это вскрылось, и бургомистр пострадал достаточно серьезно: его выслали из города, лишили медали и, по-моему, даже из купечества исключили и сослали в отдаленный город на севере Сибири, где он и умер. Но тем не менее это был очень неординарный, авторитарный деятель городского самоуправления. Таких совсем явных безобразий не было в Московской и Тверской губерниях, но вместе с тем были тоже, мягко говоря, случаи крутого обращения не только с горожанами, но порой и с офицерами. Такие случаи можно обнаружить в источниках.

Дело в том, что в прессе эта сторона вообще никак не отражена, потому что пресса писала о каких-то событиях, которые были в Москве, в Санкт-Петербурге, да и то чисто формально. Другое дело, что в 60–70-х годах провинциальная пресса начинает обращаться к этим сюжетам. Встречаются только сообщения о какой-нибудь благотворительной акции или об устройстве какого-нибудь увеселительного мероприятия – скажем, о встрече солдат, следующих на войну или с нее возвращающихся. Вот такие сюжеты как-то связаны с городским самоуправлением.

Ю.А. Тихонов. Поблагодарим докладчика за новую тему, для нас мало известную. Эта тема оказалась очень интересной. Речь идет о действительно громадной массе городского населения. Как она жила, кроме того, что рекрутов поставляла и налоги платила? У нас было такое впечатление, что эти люди как-то прозябали. Докладчик удачно показал, что совсем безразличными оказывались горожане и в вопросах самоуправления, и в других вопросах. Другое дело – источники скрывают все это. Со-

хранились источники по земскому самоуправлению на Русском Севере в XVII в. уже меньше в начале XVIII в., и мы видим, как там очень бурно проходили и сходы, и выборы, и борьба была иногда очень жесткая и даже жестокая – с жалобами в Москву и т.д. И получалось, что в XVIII и XIX вв. все – и государственные крестьяне, и городское население, свободное от помещичьего гнета, – пребывают в молчании, в безразличии.

Правильно докладчик делает вывод о том, что это было далеко не так. Недостаток источников не должен нас дезориентировать. Спасибо Вам за интересный доклад.

Б.Н. Миронов

МИФОЛОГЕМА О СИСТЕМНОМ КРИЗИСЕ В РОССИИ ПОСЛЕ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ 1860–1870-х ГОДОВ

В ежегоднике “Экономическая история” в 2002 г. была опубликована моя статья, в которой на основании в первую очередь антропометрических, но также и других данных доказывалось, что благосостояние российского населения в конце XIX–XX в. повышалось¹. Академик Б.В. Ананьич, можно сказать, обрушился с резкой критикой на предложенный новый антропометрический подход к решению проблемы, чтобы подорвать выводы, которые из представленного мною материала вытекали².

На первый взгляд предмет дискуссии – материальное положение населения, прежде всего крестьян, после Великих реформ, на самом деле – общая оценка развития страны в 1861–1917 гг. и причин революций 1905 и 1917 гг. Благосостояние населения я рассматриваю как конечный результат совместных усилий со стороны самого населения и правительства в деле переустройства уклада российской жизни, сложившегося в крепостное время. Если благосостояние в пореформенное время повысилось, значит, структурные реформы российского общества в 1860–1870-х годах, по крайней мере в экономическом отношении, были плодотворными, эффективными, хорошо проведенными, отвечали его насущным потребностям, встретили поддержку большинства населения, развивали его активность и инициативу. Если же материальное положение после реформ упало, то оценки реформ должны быть прямо противоположными. Если благосостояние населения росло, то весьма проблематично говорить и о системном кризисе российского общества в конце XIX – начале XX в., потому что экономический аспект – важнейшая составляющая общества как системы. В таком случае, даже если другие сферы российского социума развивались менее успешно, следует говорить не о системном кризисе, а о противоречивом, асинхронном, несбалансированном развитии страны. Наконец, если благосостояние росло, то повисают в воздухе важнейшие аргументы революционеров об антинародной сущности царизма и проводимых им реформах, об обнищании народа как важнейшем факторе трех российских революций, менее понят-

ными становятся причины участия широких народных масс в революционном движении.

Таким образом, благосостояние населения может служить важнейшим критерием как при оценке общего развития пореформенной России, так и при оценке политики правящих верхов. И поскольку, как следует из антропометрических данных, благосостояние населения серьезно повышалось, то отсюда следует, что, во-первых, экономическое развитие страны проходило достаточно успешно и, самое главное, не за счет роста эксплуатации населения, во-вторых, тезис о системном кризисе нуждается в пересмотре. Вот в чем заключается истинная причина гнева, который обрушил на статью, доказывающую несостоятельность взгляда об обнищании населения в пореформенное время, один из видных сторонников парадигмы системного кризиса. Рассмотрим его аргументы.

Критик в принципе не согласен с новым подходом, называя его “бухгалтерским”: “Нахожу такой метод абсолютно не корректным. Чисто *бухгалтерский* подход к событиям прошлого, без оценки исторических реалий (как это сделано в статье Б.Н. Миронова) не может служить основанием для того, чтобы представить читателю благостную картину экономического развития России на рубеже XX в.” (с. 611 – здесь и далее ссылка на заметку Б.В. Ананьича; курсив мой. – *Б.М.*). При этом, однако, чтобы опровергнуть мои выводы, он обращается к бухгалтерским расчетам относительно фискальной политики, – к сожалению, делает это не по стандартам настоящей бухгалтерии, – оставляя в стороне все экономические реалии, которые проанализированы в моей статье: железнодорожное строительство, тарифную политику, поощрение экспорта и государственное регулирование цен, повышение доходов крестьян и зарплаты рабочих, которые, таким образом получается, не являются историческими реалиями.

НАЛОГИ: ТЯЖЕЛЫ ИЛИ ЛЕГКИ?

“Голод (1891–1892 гг. – *Б.М.*), – пишет Б.В. Ананьич, – стал следствием не только неурожая, но и фискальной политики Министерства финансов, которое тогда еще возглавлял И.А. Вышнеградский. За двадцать лет с 1880 по 1901 г. прямые налоги дали прирост всего в 50 млн руб. (48 млн. – *Б.М.*). Доходы от них увеличились с 172,9 до 220,9 млн руб. За это же время доходы от косвенного обложения возросли на 108% (109% – *Б.М.*): с 393 до 819,6 млн руб. Причем особенно значительный их рост падает на министерство С.Ю. Витте, ибо с 1880 по 1892 г. доход от косвенного обложения увеличился на 37%, а с 1892 по 1901 г. – на 50%”.

Голод 1891–1892 гг. случился до того, как С.Ю. Витте возглавил Министерство финансов, и поэтому он не может нести за него ответственность. Однако если уже речь зашла о голоде, то урожаи 1891–1892 гг., как показал А.С. Нифонтов, были печальным эпизодом в пореформенном развитии сельского хозяйства, а не проявлением его кризиса. В 1860–1890-е годы земледелие успешно развивалось за счет увеличения посевов, но главным образом урожайности, причем самые высокие темпы приходились на 1890-е годы: чистые сборы хлебов и картофеля на душу населения в 1860-е годы выросли на 2% сравнительно с предшествующим десятилетием, в 1870-е годы – на 12%, в 1880-е годы – на 4%, в 1890-е годы – на 17%³. Спад хлебных сборов в 1891–1892 гг. был “признаком уже примитивного капиталистического земледелия – хищнического использования быстро истощавшихся черноземных почв”⁴, т.е. болезнью развития, а не упадка.

Но и фискальная политика не имела отношения к голоду. Дело в том, что само по себе увеличение налогов не является доказательством обнищания народа – необходимо оценивать не рост, а тяжесть налогов по их доле в доходах. Это элементарное требование Б.В. Ананьич не выполнил. Что же происходило на самом деле?

В пореформенное время в налоговой политике произошло три важных изменения. Во-первых, к платежу прямых налогов было привлечено все население, включая многочисленные группы населения, прежде от них освобожденные: дворяне и чиновники, казаки и национальные меньшинства. В то время как в дореформенное время прямые налоги платили крестьяне и мещане (подушную подать), а купцы – гильдейские пошлины⁵.

Во-вторых, с начала 1860-х годов российская налоговая система стала переходить с подушного принципа на подоходный, в результате чего *тяжесть налогового бремени перемещалась с бедных на зажиточные слои населения*. По расчету, сделанному в Министерстве финансов в 1859 г., “высшие классы”, или неподатные сословия, обеспечивали поступление в казну 17% доходов (главным образом за счет косвенных налогов), а “низшие классы”, или податные сословия, – 76%; 7% государственных доходов приносили монетная, горная и другие регалии и государственное имущество. В 1887 г., по расчету известного финансиста Н.П. Яснопольского, эти источники доходов соотносились как 38:55:7 (для сравнения, в Великобритании это соотношение составляло 52:40:8, во Франции – 49:30:21, в Пруссии – 30:29:41). Из общей суммы собственно налогов (без регалий) на высшие классы в 1859 г. приходилось 18%, на низшие – 82%, а в 1887 г. соответственно – 41% и 59%. Другими словами, тяжесть налогов для выс-

ших классов увеличилась почти в 2,3 раза⁶. Эта тенденция в дальнейшем усиливалась.

В-третьих, в налоговой системе значение косвенного обложения повышалось, особенно при С.Ю. Витте. Но благодаря этому, справедливо считает М.К. Шацилло, податное бремя еще более сместилось с крестьянства на относительно зажиточные городские слои, так как косвенные налоги ложились главным образом на горожанина⁷. Спички, нефть, табак, сахар и даже водка потреблялись в большей степени в городе. Питейный доход с сельского населения в 1901 г. дал в государственный бюджет 143,9 млн руб.⁸ из 476,3 млн руб. общего питейного дохода этого года⁹, т.е. 30,2%; в 1912 г. соответственно – 256,3 млн руб.¹⁰ из 953 млн руб.¹¹, т.е. 26,9%. В целом в 1901–1912 гг., по данным А.Л. Вайнштейна и А.М. Анфимова, на долю крестьянства приходилось лишь 32% всех налогов и платежей¹², а его доля в населении превышала 83%¹³. Получается, что норма обложения у сельского населения к началу XX в. резко понизилась и стала в 3,6 раза меньше, чем у городского населения.

Отсюда, конечно, не следует, что деревня была обложена налогами слабее, чем город. Для ответа на вопрос, чье налоговое бремя – горожан или селян – было тяжелее, необходимо знать платежеспособность тех и других, а также и остаток средств после уплаты налогов. Скорее всего для состоятельных горожан, которые только и платили налоги, ибо с заработной платы налоги не взимались, налоги были менее обременительными, так как их доходы в абсолютном значении были намного выше, чем у крестьян. Этот вопрос требует специального изучения. Однако более существенно другое – на покрытие прямых налогов в преформенный период крестьяне стали расходовать меньшую часть своих доходов (см. табл. 1).

В 1849–1859 гг. в пяти центрально-промышленных губерниях (Владимирской, Костромской, Московской, Нижегородской и Ярославской), где доходы крестьянства были в среднем выше средних по России, прямые налоги поглощали 34% дохода государственных крестьян только от земледелия и 22% доходов – от земледелия и промыслов вместе¹⁴. Поскольку обложение удельных и помещичьих крестьян было более высоким, чем государственных, а доходы крестьянства других губерний были ниже, чем в наших пяти губерниях, налоговое бремя в большинстве российских губерний, вероятно, находилось на более высоком уровне, чем в пяти центрально-промышленных губерниях.

По данным крестьянских бюджетов в 13 губерниях за 1877–1901 гг., на покрытие всех платежей, включая выкупные и

Таблица 1. Тяжесть прямых налогов для крестьянства Европейской России в 1849–1858 и 1877–1901 гг.

Губернии	1849–1858 гг., государственные крестьяне, 5 губерний				
	валовой доход на душу населения, руб.			налоги и подати	
	земле- деле	про- мыслы	итого	руб.	%
Центрально- промышленные	14,43	7,70	22,13	4,90	22,14
Земледельческие	–	–	–	–	–

Губернии	1877–1901 гг., все крестьяне, 13 губерний				
	валовой доход на душу населения, руб.			повинности	
	земле- деле	про- мыслы	итого	руб.	%
Центрально- промышленные	174	255	429	24	5,59
Земледельческие	331	100	431	25,3	5,80

Подсчитано мною по: Доходы в 1849–1858 гг. – Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Государственных имуществ. СПб., 1858. Вып. 1. С. 2, 30, 55; СПб., 1859. Вып. 2. С. 182, 185, 191, 204; СПб., 1861. Вып. 4, отд. В. С. 43, 107; СПб., 1871. Вып. 5, отд. В. С. 7, 45, 47; Хозяйственно-статистические материалы, собираемые комиссиями и отрядами уравнивания денежных сборов с государственных крестьян. СПб., 1857. Вып. 2. С. 2, 29, 30, 37, 40. Налоги в 1849 г.: Российский государственный исторический архив. Ф. 869 (Милютин). Д. 789: Таблицы к статистическому атласу, составленному в МВД. 1850 г. Л. 22, 27; 1877–1901 гг. Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1901 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб., 1903. Ч. 1. С. 38–39.

арендные, уходило 7,6% доходов от сельского хозяйства в земледельческих губерниях и 13,8% – в промышленных, и соответственно 5,8 и 5,6% всех доходов от сельского хозяйства и промыслов вместе. Как видим, в пореформенное время норма обложения крестьян прямыми налогами уменьшилась в 3,9 раза.

Однако уменьшилось и общее налоговое бремя крестьянства. По расчетам А.М. Анфимова и А.Л. Вайнштейна для 50 губерний Европейской России, в 1901 г. все платежи (включая выкупные и арендные за внеадельную землю) равнялись 8,71 руб., доход от

сельского хозяйства в год – 30,30 руб.¹⁵, от промыслов – 12 руб. (по сведениям Комиссии 1901 г., в 1900 г.)¹⁶, общий доход составлял 42,30 руб. на душу населения в год. Следовательно, на покрытие прямых и косвенных налогов, а также всех платежей в 1900–1901 гг. уходило 20,6% доходов, а в 1850-е годы *только прямые налоги* поглощали 22,1% доходов крестьянства. Между тем в 1850-е годы косвенные налоги были обременительнее прямых: например, в 1855 г. косвенные налоги в бюджет давали 64,6%, а прямые – 35,4% всех налоговых поступлений¹⁷. Следовательно, в 1850-е годы на уплату прямых и косвенных налогов уходило намного более 22,1% крестьянского дохода, а в 1901 г. – только 20,6%. К 1912 г. норма обложения понизилась еще на 2,1%¹⁸.

Таким образом, при всей приблизительности расчетов, мы видим, что налоговый пресс для крестьянства в пореформенное время уменьшился: только прямые налоги до 1861 г. превышали сумму прямых и косвенных налогов в 1901–1912 гг. Чистый остаток после оплаты налогов возрастал. И по мировым стандартам налоги в России не были чрезмерно тяжелыми (см. табл. 2).

Как видно из данных таблицы 2, в России норма обложения была ниже, чем во всех великих державах, кроме США. В литературе фигурируют разные данные об уровне обложения, что обусловлено прежде всего различными оценками национального дохода. Например, согласно А.Л. Вайнштейну, норма обложения для России в 1913 г. равнялась 13,5%. Эта явно завышенная цифра вызвана тем, что автор занижил чистый национальный доход на душу населения (83,3 руб.)¹⁹. П.В. Микеладзе принял национальный доход за 101,4 руб., что ближе к наиболее точной оценке П. Грегори – 118,5 руб.²⁰ Если за основу взять последние данные, то норма обложения в России понизится до 9,5%.

Ссылаясь на опубликованную в 1959 г. статью Ю.Н. Шебалдина, который в свою очередь взял данные у С.Г. Струмилина из работы 1930 г. издания, Б.В. Ананьич утверждает, что “громадный рост российского бюджета в конце XIX в. не соответствовал росту национального дохода и превышал его в 2,4 раза” (с. 612). С этим трудно согласиться. Во-первых, использованные сведения о национальном доходе устарели; во-вторых, в нашем конкретном случае динамику национального дохода надо сравнивать не со всем бюджетом, а только с его доходной частью, так как государственные расходы не имеют отношения к налоговому бремени; в-третьих, моя статья посвящена результатам экономической политики С.Ю. Витте, правление которого началось в 1892 г. и закончилось в 1903 г. Внесем поправки в исходные данные и сделаем необходимый расчет (см. табл. 3).

Таблица 2. Тяжесть налогового обложения в процентах к национальному доходу в ряде стран в 1913–1914 гг.

Страна	Тяжесть налогового обложения	Страна	Тяжесть налогового обложения
Япония	18,2	Россия	11,0
Австрия	16,9	Италия	10,8
Франция	13,8	Австралия	10,4
Канада	13,0	США	6,5
Германия	11,8	Индия	4,4
Великобритания	11,4		

Источник: Микеладзе П.В. Тяжесть обложения в иностранных государствах в 1913 и 1925–26 гг. // Налоговое бремя в СССР и иностранных государствах: (Очерки по теории методологии вопроса). М., 1928. С. 150–152.

С 1881 по 1892 г. национальный доход на душу населения увеличился на 23%, а государственные доходы – на 49%, с 1892 по 1904 г. соответственно – на 76% и 108%. Как видим, некоторая диспропорция в росте национального дохода и государственных доходов существовала до С.Ю. Витте. Но при нем, если использовать методику Ю.Н. Шебалдина, диспропорция уменьшилась: в 1881–1892 гг. увеличение налогов обгоняло рост национального дохода в 2,13 раза, а в 1892–1904 гг. – в 1,42 раза. Впоследствии

Таблица 3. Чистый национальный доход и обыкновенные государственные доходы в 1881–1913 гг. (в текущих ценах)

Год	Национальный доход		Поступление государственных доходов	
	тыс. руб.	индекс	млн руб.	индекс
1881	6110	100	652	100
1885	6286	103	762	117
1890	6800	111	944	145
1892	7523	123	970	149
1894	8433	138	1154	177
1900	10 962	179	1704	261
1904	13 255	217	2018	310
1905	12 053	197	2025	311
1913	20 266	332	3417	524

Источники: Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 240, 242; Ежегодник Министерства финансов. СПб., 1888. Вып. XVII. С. 11; Ежегодник Министерства финансов. СПб., 1899. Вып. 1898 г. С. 36; Статистический ежегодник России 1905 г. СПб., 1906. С. 406; Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1915. Отд. XII. С. 14–15.

эта тенденция сохранилась: в 1904–1913 гг. налоги росли всего в 1,1 раза быстрее национального дохода. Поэтому перегрева платежеспособных сил населения не происходило, тем более если иметь в виду крестьян, налоговая нагрузка на которых, как было показано выше, уменьшалась.

Следует отметить, что в расчетах тяжести налогообложения крестьянства, сделанных как в дореволюционное, так и в советское время, допускались три натяжки: 1) далеко не в полной мере учитывались доходы крестьян от промысловой деятельности, в том числе неземледельческие доходы женщин, работавших дома, 2) выкупные платежи за землю принимались за налог, 3) косвенные налоги приравнивались к прямым без учета обязательности первых и факультативности вторых.

Доходы от промысловой деятельности крестьяне в большинстве случаев получали в форме зарплаты, которая налогами не облагалась. В случае отхожих промыслов приходилось покупать только паспорта. Между тем промысловый доход был значительным не только в нечерноземных, но и черноземных губерниях: его вес в общей сумме доходов для 50 губерний Европейской России к 1900–1901 гг. поднялся до 28,4%²¹.

Выкупные платежи не могут считаться налогом, так как шли на покрытие кредита, полученного крестьянами от государства, за купленную землю. Это все равно, что в настоящее время принимать за налог платеж за купленную в кредит квартиру. Между тем на долю выкупных платежей в налоговых поступлениях в бюджет в 1885–1905 гг. приходилось от 8 до 16%²².

Косвенные налоги, в отличие от прямых, носят факультативный характер. Конечно, керосин, ситец, чай, сахар – это предметы первой необходимости, и без них не обойтись. А как быть с водкой и табаком, на долю которых приходилось 62,1% всех косвенных налогов? Все три натяжки приводят к преувеличению тяжести налогообложения, что и являлось целью большинства дореволюционных и советских исследователей: и те, и другие стремились посредством тезиса об обнищании крестьянства опорочить власть, доказать ее несостоятельность и неспособность управлять страной.

УХУДШАЛОСЬ ЛИ ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА?

Следующий контраргумент Б.В. Ананьича – “крестьянские восстания в Полтавской и Харьковской губерниях” в 1902 г. (с. 612), которые, по его мнению, свидетельствуют о тяжелом экономическом положении крестьян. Апелляция к крестьянскому движению – излюбленный метод советских историков для доказатель-

ства тезиса об обнищании трудящихся при феодализме или капитализме. Между тем хорошо известно, что социальные протесты случаются не только по причине снижения жизненного уровня. В частности, крестьянские бунты марта 1902 г. (вряд ли их можно считать восстаниями), по мнению экспертов Департамента полиции и следствия, произошли в первую очередь под влиянием хорошо проведенной политической агитации, затем недородов и вздорожания аренды²³. Если оппонент считает, что главная причина движения в падении жизненного уровня, тогда ему нужно на цифрах, по-бухгалтерски это доказать. Но этого не сделано. С равной бездоказательностью можно говорить, что бунты 1902 г. вызвала магнитная буря, ранняя весна, поздняя Пасха и т.п.

Б.В. Ананьич пытается иронизировать, когда пишет, что участники беспорядков не осознавали, что положение крестьянства улучшается, иначе, мол, они вели бы себя спокойно. В данном случае он оказался прав. Действительно, крестьяне не осознавали происходящего, так как почти вся российская интеллигенция того времени думала, что после 1861 г. крестьянство и вся Россия находились в состоянии кризиса. Эта парадигма родилась в 1861 г., когда Н.Г. Чернышевский и другие революционные демократы начали атаку на Великие реформы, не уяснив до конца их значение и последствия. А.И. Герцен, Н.П. Огарев и Н.Г. Чернышевский доказывали, что в ходе крестьянской реформы крестьяне были ограблены. Эта точка зрения была выражена уже через несколько дней после оглашения Манифеста 18 февраля 1861 г. в прокламациях, написанных Н.Г. Чернышевским “Барским крестьянам от их доброжелателей поклон”, Н.В. Шелгуновым “Русским солдатам от их доброжелателей поклон” и “К молодому поколению”, и в воззвании Н.П. Огарева “Что нужно народу?”

Впоследствии серьезный вклад в развитие мифологемы внесли народники, а также либералы, социал-демократы и правые (по разным, правда, мотивам). Даже полиции было иногда выгодно сгущать краски о положении народа, чтобы выбить дополнительные фонды и штаты. Социальные ученые в подавляющем большинстве случаев искренне поддерживали своими трудами революционных демократов и народников. В 1878 г. Ю.Э. Янсонс создал концепцию о несоответствии земельных наделов крестьянским платежам, которая была ничем иным, как более мягкой интерпретацией реформы как грабежа. Но выводы Янсонса оказались несостоятельными, так как он строил свои расчеты на сведениях не “всегда отличавшихся достаточной точностью и достоверностью”²⁴, в частности он использовал официальные данные об урожайности, которые были заниженными. Л.В. Ходский доказал ошибочность его расчетов, и

А.А. Кауфман его поддержал. По их мнению, всего 28% крестьян получили недостаточные наделы²⁵. В 1974 г. в своей книге А.С. Нифонтов, внешне ни с кем не полемизируя, убедительно доказал, что никакого кризиса сельского хозяйства – в смысле перманентного упадка, а не как фазы конъюнктурного цикла – в 1861–1900 гг. не было. Напротив, оно успешно развивалось²⁶.

Однако в советской историографии утвердилась точка зрения революционных демократов и Ю.Э. Янсона, поскольку она соответствовала установке, спущенной историкам сверху, доказать закономерность и неизбежность Октябрьской революции 1917 г. Другие мнения игнорировались. Концепцию системного кризиса российского пореформенного общества поддержали и зарубежные исследователи, долгое время находившиеся под влиянием историков, эмигрировавших из России. Но в 1980-е годы началась ее ревизия, и в 1990-е годы большинство западных русистов от нее отказались, как от не соответствующей действительности²⁷. В моей статье были указаны работы, которые внесли наибольший вклад в разрушение мифологемы (некоторые из них были переведены на русский и изданы в России²⁸, т.е. стали доступны российскому читателю), но критик прошел мимо них. Приходится напомнить основные выводы этих работ.

В недавно переведенной на русский язык книге П. Грегори (главная работа, вошедшая туда, на английском была опубликована еще в 1982 г.) убедительно опровергается существование аграрного кризиса в России в 1880–1890-е годы. Аргументы настолько серьезны, что, на мой взгляд, должны убедить всякого непредубежденного человека. Национальный продукт на душу населения с 1889–1892 по 1901–1904 гг. увеличивался на 3,4% ежегодно, что для аграрной страны возможно только в том случае, если аграрный сектор успешно развивался. Сельскохозяйственное производство с 1881 по 1905 г. росло на 2,55% ежегодно – в 2,5 раза обгоняя рост населения, что свидетельствует о росте производства продовольствия на душу населения. Экспорт хлеба рос еще быстрее, однако он не был “голодным”, так как с 1885–1889 по 1897–1901 гг. количество зерна, оставляемого крестьянами для собственного потребления, в стоимостном выражении возросло в 1,51 раза, в то время как сельское население – в 1,17 раза. Поскольку хлебные цены в эти годы понизились²⁹, то в натуральном выражении потребительский фонд зерна увеличился в 1,3 раза на душу населения. Производство потребительских товаров на душу населения за 1887–1904 гг. выросло на 25%, а реальная поденная заработная плата сельхозрабочего выросла с 1885–1887 по 1903–1905 гг. на 14%³⁰, промышленного рабочего (если судить по Петербургу) с 1885–1887 по 1903–1905 гг. – на 32%³¹.

К сказанному добавим, что средние ежегодные недоплаты окладных сборов (не сумма недоимок!) с бывших помещичьих крестьян, которые освобождались от крепостного права на самых тяжелых сравнительно с другими категориями крестьянства условиях, с 1885–1889 по 1900–1904 гг. уменьшились с 2,5 млн до 1,3 млн³² – в 1,9 раза. При этом население за этот период возросло на 25%³³.

Среднее количество новых вкладчиков в государственных сберегательных кассах по 50 губерниям Европейской России из числа работников и земледельцев в 1889–1893 гг. равнялось 75,5 тыс., а в 1898–1900 гг. – 90,8 тыс., следовательно, возросло на 20%; а суммарная величина вкладов на эти новые сберкнижки составляла соответственно – 8,433 млн руб. и 20,330 млн руб., значит, увеличилась на 141%³⁴.

В настоящее время Организация Объединенных Наций для оценки уровня жизни населения использует так называемый индекс человеческого развития, или индекс развития человеческого потенциала (Human Development Index). Он включает три частных индекса, или показателя, – индекс ожидаемой продолжительности жизни при рождении, индекс образования (процент грамотности) и индекс производства (внутренний продукт на душу населения). Каждый показатель принимает значение от 0 до 1, индекс человеческого развития равен их среднему арифметическому. Все три показателя в изучаемое время росли (см. табл. 4), следовательно, и индекс человеческого развития вырос. Однако пока невозможно подсчитать степень его увеличения, потому что нельзя точно оценить динамику индекса производства из-за спорности вопроса о том, какой доход принять за минимальный и максимальный для изучаемого периода.

Таблица 4. Средняя продолжительность жизни, грамотность и национальный доход на душу населения в России в 1885–1889 и 1900–1904 гг.

Годы	Продолжительность жизни		Грамотность в возрасте 9 лет и старше		Национальный доход на душу населения руб.
	лет	индекс	%	индекс	
1885–1889	28,5	0,058	33	0,330	75
1900–1904	31,6	0,110	42	0,420	106,7

Подсчитано по: Воспроизводство населения СССР / Под ред. А.Г. Вишневого и А.Г. Волкова. М., 1983. С. 61; Миронов Б.Н. История в цифрах: Математика в исторических исследованиях. Л., 1991. С. 82; Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 232–237.

НОВЫЕ И СТАРЫЕ АРГУМЕНТЫ

Увеличение длины тела населения органично укладывается в эту новую систему фактов. Причем, длина тела – самый точный и самый простой для расчетов показатель, сравнительно с другими индикаторами благосостояния населения и, может быть, поэтому даже более надежный *при определении тенденции*. Чтобы рассчитать реальную зарплату, нужны сведения о ценах большого числа товаров и номинальной зарплате. Чтобы рассчитать бремя налогов для крестьянства, необходимы большие и сложные расчеты дохода крестьянского хозяйства, которые, как правило, крестьянами скрывались. Расчет национального дохода требует сведений о всем народном хозяйстве и государственном бюджете. Кто работал с ценами, налогами и национальным доходом, знает, с какими неимоверными трудностями приходится сталкиваться исследователю для получения искомых показателей. Недаром до сих пор в литературе имеется динамический ряд реальной зарплаты за длительный срок только по Петербургу; расчет налогового бремени по-настоящему сделан А.Л. Вайнштейном лишь на 1912 г., который затем был экстраполирован А.М. Анфимовым на 1901, 1904 и 1907 гг., а расчет национального дохода России имеется только за 1885–1913 гг., и этому была посвящена целая монография П. Грегори.

Б.В. Ананьич в принципе не согласен с новым антропометрическим подходом к решению проблемы благосостояния населения. По поводу антропометрических данных он замечает: “Не берусь судить о степени их достоверности (замечу только, что Российская империя это не только Центральная Россия) и о том, насколько добросовестно и успешно они обработаны автором” (с. 611). Позитивная динамика увеличения длины тела подтверждается всероссийскими данными, которые приведены в моих ранее опубликованных работах³⁵. По поводу добросовестности и достоверности замечу, когда рецензент не в состоянии оценить достоверность данных и добросовестность их обработки, на которых основана рецензируемая работа, то научная этика, насколько мне известно, требует отказаться от критики, а не бросать тень на сделанные выводы.

Как видим, все имеющиеся на настоящий момент новые данные свидетельствуют о медленном улучшении положения крестьянства и вообще преобладающего большинства населения России в целом в 1892–1904 гг., хотя до благостной картины, конечно, было далеко – за 12 лет радикально изменить ситуацию было нельзя. Возможно, крестьяне действительно не ощущали

позитивных сдвигов, потому что, во-первых, их радетели постоянно убеждали их, что положение ухудшается, во-вторых, крестьянские потребности росли быстрее, чем доходы. В такой ситуации субъективные ощущения противоречат объективному состоянию вещей. Но это другая очень интересная задача, выходящая за границы моего намерения оценить, что в действительности происходило, а не то, как это воспринималось.

Б.В. Ананьичу кажется, что “все, что автор сообщает” по поводу политики С.Ю. Витте, “не ново и многократно отмечено в литературе. Характеристика С.Ю. Витте у Б.Н. Миронова отличается только отсутствием в ней даже попыток критического осмысления политики этого крупного государственного деятеля”. Если бы в статье не было ничего нового, то не о чем бы было спорить, и потенциальный оппонент, наверное, промолчал бы. Именно новая трактовка экономической политики С.Ю. Витте и вызвала полемику. Новое ведь состоит не только в том, чтобы сообщить о нашем герое какой-нибудь неизвестный частный факт, ибо крупные, по-видимому, все известны. Но также и в том, чтобы правильно понять и оценить его политику. До Н. Коперника знали и Землю, и Солнце, только ошибочно считали Землю центром мира, а не Солнце. Новизна интерпретации не менее важна, чем новизна факта. В моей статье речь шла о позитивных результатах политики С.Ю. Витте (а не вообще о его политике), естественно, я остановился на тех ее аспектах, которые положительно сказались на благосостоянии населения. Кстати, мне неизвестны работы, в которых бы строительство железных дорог, регулирование цен и тарифная политика С.Ю. Витте анализировались бы с точки зрения влияния на местные цены и доходы крестьянства, как это сделано в моей статье.

Итак, уже 30 лет как пессимистическая концепция системного кризиса пореформенного российского общества встречает возражения: принципиальные книги А.С. Нифонтова и П. Грегори, поставившие ее под сомнение, опубликованы соответственно в 1974 и 1982 гг. Обильная зарубежная литература, пересматривающая концепцию, приведена в моей статье и еще более в моей книге “Социальная история периода империи”, первое издание которой вышло в 1999 г.

¹ *Миронов Б.Н.* Кто платил за индустриализацию: экономическая политика С.Ю. Витте и благосостояние населения в 1890–1905 гг. по антропометрическим данным // *Экономическая история: Ежегодник.* 2001. М., 2002. С. 418–427.

- ² *Ананьич Б.В.* Заметки по поводу статьи Б.Н. Миронова “Кто платил за индустриализацию: экономическая политика С.Ю. Витте и благосостояние населения в 1890–1905 гг. по антропометрическим данным” // *Экономическая история: Ежегодник. 2002* / отв. ред. Л.И. Бородин, Ю.А. Петров. М., 2003. С. 611–613.
- ³ *Нифонтов А.С.* *Зерновое производство России во второй половине XIX века: по материалам ежегодной статистики урожаев Европейской России.* М., 1974. С. 284.
- ⁴ Там же. С. 315–316.
- ⁵ Из привилегированных сословий лишь помещики были привлечены к уплате незначительных губернских земских сборов в 1853 г. См. подробнее: *Миронов Б.Н.* *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства.* СПб., 2003. Т. 1. С. 94–95; *Шацлло М.К.* *Эволюция налоговой системы России в XIX в.* // *Экономическая история: Ежегодник 2002.* С. 345–383.
- ⁶ *Яснопольский Н.П.* *О географическом распределении государственных доходов и расходов в России: Опыт финансово-статистического исследования.* СПб., 1890. Ч. 1. С. 27–31.
- ⁷ *Шацлло М.К.* *Эволюция налоговой системы России в XIX в.* С. 376.
- ⁸ *Анфимов А.М.* *Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России в 1881–1904 гг.* М., 1984. С. 110–111.
- ⁹ *Ежегодник Министерства финансов.* СПб., 1912. Вып. 1912 г. С. 296, 323.
- ¹⁰ *Петров Ю.А.* *Налоги и налогоплательщики в России начала XX в.* // *Экономическая история: Ежегодник 2002.* С. 390, 406.
- ¹¹ *Статистический ежегодник России.* 1914 г. Пг., 1915. XII-й отдел. С. 15.
- ¹² *Анфимов А.М.* *Налоги и земельные платежи крестьян Европейской России в начале XX в. (1901–1912 гг.)* // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы.* 1962 г. Минск, 1964. С. 502.
- ¹³ *Миронов Б.Н.* *Социальная история России периода империи.* Т. 1. С. 130.
- ¹⁴ Данные о доходах крестьян были собраны комиссиями уравнивания денежных сборов. Норма обложения, по моим подсчетам, составила: в *Московской* – 22,7% от общего дохода крестьян на душу населения (Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Государственных имуществ. СПб., 1858. Вып. 1. С. 2, 30, 55), в *Ярославской* – 15,5% (Там же. СПб., 1859. Вып. 2. С. 182, 185, 191, 204), в *Костромской* – 17,2% (Там же. СПб., 1961. Вып. 4, отд. В. С. 43, 107), во *Владимирской губернии* – 16,4% (Там же. СПб., 1871. Вып. 5, отдел И. С. 7, 45, 47), в *Нижегородской* – 17,7% (Хозяйственно-статистические материалы, собираемые комиссиями и отрядами уравнивания денежных сборов с государственных крестьян. СПб., 1857. Вып. 2. С. 2, 29, 30, 37, 40). Данные о налогах в 1849 г.: *Российский государственный исторический архив.* Ф. 869 (Милютины). Д. 789: Таблицы к статистическому атласу, составленному в МВД. 1850 г. Л. 22, 27.
- ¹⁵ *Анфимов А.М.* *Налоги и земельные платежи крестьян Европейской России в начале XX века.* С. 489–505; *Он же.* *Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России в 1881–1904 гг.* С. 110–111.
- ¹⁶ *Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1901 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России.* СПб., 1903. Ч. 1. С. 219.
- ¹⁷ *Шацлло М.К.* *Эволюция налоговой системы России в XIX в.* С. 358.

- 18 *Анфимов А.М.* Налоги и земельные платежи крестьян Европейской России в начале XX века. С. 489–305; Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России в 1881–1904 гг. С. 110–111.
- 19 *Вайнштейн А.Л.* Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время. М., 1924. С. 127.
- 20 *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 237.
- 21 *Анфимов А.М.* Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России в 1881–1904 гг. С. 110–111; Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии. Ч. 1. С. 219.
- 22 Ежегодник Министерства финансов. СПб., 1886. Вып. XVII. С. 66; Там же. СПб., 1900. Вып. 1899 года. С. 46; Там же. СПб., 1907. Вып. 1906/7 года. С. 40.
- 23 *Маслов П.* Аграрный вопрос в России. СПб., 1908. Т. 2: Кризис крестьянского хозяйства и крестьянское движение. С. 104–123; Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг.: Сборник документов / Отв. ред. А.М. Анфимов. М., 1998. С. 108–111; Материалы по истории крестьянского движения в России / Под ред. Б.Б. Веселовского, В.И. Пичеты и В.М. Фриче. М.; Пг., 1923. Вып. 3: Крестьянское движение в 1902 г. в Полтавской и Харьковской губерниях: Сб. документов; Крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г.: Сб. документов. Харьков, 1961.
- 24 *Кауфман А.А.* Аграрный вопрос в России. М., 1908. Ч. 1: Земельные отношения и земельная политика. С. 53.
- 25 *Ходский Л.В.* Земля и землевладелец: Экономическое и статистическое исследование. СПб., 1891. Т. 2. С. 243; *Кауфман А.А.* Аграрный вопрос в России. Ч. 1. С. 53.
- 26 *Нифонтов А.С.* Зерновое производство России во второй половине XIX века. С. 315–317.
- 27 *Миронов Б.Н.* Пришел ли постмодернизм в Россию? Заметки об антологии “Американская русистика” // Отечественная история. 2003. № 3. С. 135–146.
- 28 *Хок С.Л.* Мальтус: рост населения и уровень жизни в России, 1861–1914 годы // Отечественная история. 1996. № 2. С. 28–54; *Мерль Ст.* Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе: Ожидания и реальность // Отечественная история. 1998. № 1. С. 97–117.
- 29 *Струмилин С.Г.* Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966. С. 89–90; *Миронов Б.Н.* Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л., 1985. С. 244–252, 264–269, 270–283.
- 30 *Грегори П.* Экономический рост Российской империи. С. 35–37, 61, 235–237.
- 31 *Струмилин С.Г.* Очерки экономической истории России и СССР. С. 82.
- 32 *Кованько П.* Реформа 19 февраля 1861 года и ее последствия с финансовой точки зрения: (Выкупная операция 1861–1907 гг.). Киев, 1914. Прил. № 4, табл. 4; прил. 5, табл. 1.
- 33 *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): Статистические очерки. М., 1956. С. 46–47.
- 34 Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии. Т. 1. С. 50–51.
- 35 *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи. Т. 2. С. 345; *Mironov B.N.* New Approaches to Old Problems: The Well-Being of the Population of Russia from 1821 to 1910 as Measured by Physical Stature // Slavic Review. Spring 1999. Vol. 58, N 1. P. 1–26.

И.М. Пушкарева

КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ 9 ЯНВАРЯ 1905 г. В РОССИИ

(Неучтенные альтернативы начала революции)*

“Кровавое воскресенье” 9 января 1905 в Петербурге вызвало общественный взрыв и в России, и на Западе. В Америке газета “The New York Times” посвятила этому событию целый номер. Откликнулась прогрессивная общественность и в других странах. Даже по официальным сведениям число пострадавших дошло до тысячи. Но частное расследование (как это было во все времена и при всех режимах, в данном случае это была Комиссия присяжных поверенных, собравшая информацию у очевидцев расстрела на фабриках и заводах, в больницах Петербурга и обследовавшая кладбища в первые недели после трагедии) называло более 4,5 тыс. пострадавших, из них – более 1200 убитых и умерших от ран¹.

В 2005 г. на “круглую дату” революции 1905–1907 гг. в России откликнулись не только ученые, но и радио, телевидение, появились статьи в газетах и журналах, на сайтах в интернете в нашей стране и за рубежом. Возможна ли сегодня революция в России и можно ли считать ее “страной перманентных революций”? – задает вопрос профессор Гудзонского университета (США) и отвечает: «Теперешние россияне в политическом отношении пассивнее, чем в 1905 г., поскольку “не восстали” против расстрела парламента в 1993 г.»². Идя вслед за настроением общества, разочаровавшегося в революционных встрясках 90-х годов, публицисты называют революции “социальной болезнью общества”. Опровергая марксистское определение революции как “праздника угнетенных”, они отказывают народным массам в созидательной силе в историческом процессе, “устроителями” этой революции называются то “стремившиеся к конституции олигархи” (“купцы-миллиончики, владельцы банков и мануфактур”), то чиновники государственного аппарата царской России, которым нужна была большая полнота власти. Инициатором шествия 9 января 1905 г. называется даже Министерство внутренних дел России, якобы, поставившее цель расправиться с рабочими³. Но журна-

---

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 3 марта 2005 г.

листика указывает и на недостатки в исследовании событий, на “белые пятна”, которые заштриховываются ошибочными оценками событий, мифотворчеством, далеким от реалий исторического прошлого и от науки.

История революций в России, начиная с 90-х годов XX в., оказалась под пристрелом не всегда обоснованной критики. Положительное состояло в том, что, отрезвляя от ортодоксальности, она заставляла задуматься над проблемами, требующими глубины исследований, новых подходов к истории революций. Однако в связи с негативным отношением к ним их проблемы в течение последнего десятилетия редко привлекали внимание ученых. Это относится и к революции 1905–1907 гг. в России. Изложение ее истории в обобщающих трудах о России и в учебных пособиях, постепенно сокращаясь, дошло до нескольких строк. При этом укореняются стереотипы в изложении ее событий и характеристики связанных с ними лиц, господствуют ошибочные формулировки, искажающие сложный процесс освободительного движения в России.

К 100-летию революции 1905–1907 гг. ИРИ РАН издал первый фундаментальный (около 40 п.л.) обобщающий труд “Первая революция в России: Взгляд через столетие” (М., 2005). Он создан на основе теоретического осмысления проблем этой революции в российской и зарубежной историографии и широкого использования опубликованной источниковой базы. Его авторы стремились устранить заблуждения и сбересть прозрения предшественников, определить новые направления исследования проблем для доработки или пересмотра на основе новых подходов, принятых в последние годы гуманитарными науками. В книге поставлен ряд вопросов, ожидающих специального рассмотрения. Во-первых, это проблема массового протестного движения и отношение обусловленности между ним и шествием рабочих с петицией к царю 9 января 1905 г.; во-вторых, проблема альтернативного развития событий, связанных с началом революции, которая созвучна сегодняшним размышлениям и сентенциям в литературе и публицистике и, в-третьих, роль Гапона в начале революции, которая преувеличивается⁴. Ученые уже давно констатировали неизбежность и неотвратимость движения России к революции, начиная с реформ середины XIX в., выделяя при этом курс на индустриализацию страны, аграрный вопрос и некоторые другие не менее важные аспекты исторического развития страны. Это сохраняется и в литературе сегодняшнего дня, но в связи с негативным отношением к революциям в последние десятилетия в ее истории практически опускаются проблемы массо-

вого, особенно рабочего протестного движения, без которых нельзя понять “момент истины” революции – т.е. то, что существовало в действительности и подтверждалось опытным путем в ходе ее. Это тем более удивительно, что для российской цивилизации решающее значение всегда имела даже не столько территория, природные ископаемые и т.п., сколько жизненная энергетика, носителем которой являлись народные массы. На сегодняшний день, несмотря на огромную библиографию “доперестроечных” работ о протестном движении народных масс в России в начале XX в., они лишь иллюстрируют исторический процесс. Это касается в первую очередь рабочего движения кануна революции 1905–1907 гг. Однако сейчас, когда практически реализована часть большой программы по подготовке первого в историографии комплексного (“вторичного”) источника “Рабочее движение в России: 1895 – февраль 1917 г.: Хроника” есть возможность исправить положение, продвинув изучение важных сторон проблемы. В основе этого издания лежит документальный материал 112 архивов, а также библиотек и музеев бывшего СССР, дополненный материалом периодической печати. В настоящее время исследователи имеют в своем распоряжении десять выпусков материалов (общий объем более 350 п.л.) по хронологическому периоду 1895–1904 гг.⁵ Это издание предоставляет возможность по-новому представить протестное движение в России накануне 1905 г., пролить дополнительный свет на рождение революции, а также разобраться в проблемах альтернатив общественного развития.

Согласно информации, заключенной в “Хронике”, за десять лет до революции 1905 г. в России участием в стачках, в других производственных конфликтах (волнения, подачи жалоб и петиций), состоявшихся в 72 губерниях и областях страны, заявили о себе более 1,5 млн рабочих практически всех производств и профессий. И это, не считая участия их также в собраниях, митингах, демонстрациях как самостоятельных формах проявлений протеста. Конечно, среди этих полутора миллиона рабочих большинство принадлежало к так называемым маргинальным слоям, число же сознательных рабочих было небольшим, что и определяло характер движения в начале революции. Но была одна особенность рабочего движения, указывавшая на его перспективность. Как отметил в 1902 г. тогдашний шеф жандармов П.Д. Святополк-Мирский, в этих протестах значительную роль играла “молодежь... которая руководила всей остальной инертной массой рабочих”⁶. Рост рабочего движения, по тем же материалам “Хроники”, подталкивал к активной деятельности в этой среде

и в центре, и на окраинах страны не менее 17 политических партий. На 85% это были социал-демократические организации, включая бундовские. С Архангельска на севере до Баку и Ташкента на юге, с Варшавы на западе до Сахалина на востоке эти партии имели опорные пункты – комитеты, группы и кружки – по всей стране, и количество их уже к 1903 г. достигло среди рабочих более 700 таких нелегальных организаций. Перед революцией с помощью примитивной “техники” этими партийными организациями было издано свыше 1000 наименований листовок, обращенных только к рабочим. И почти каждая из них призывала к уничтожению существовавшего общественного строя, к его замене идеально справедливой организацией.

Первичная обработка материалов “Хроники” указывает и на влияние пропаганды и агитации политических партий на социальное прозрение широких масс, способствовавшее формированию стихийной “всеобщности”. С 1895 по 1904 г. в России произошло более 800 коллективных стачек, в их числе не менее ста общепрофессиональных и десятки общегородских. Летом 1903 г. всеобщие политические стачки на Юге страны парализовали жизнь в десяти губернских и уездных городах. В этих стачках участвовало более 125 тыс. рабочих. Осенью того же года состоялась городская стачка типографов в Москве. 1903 г. дал более 2000 стачек на отдельных предприятиях и 340 коллективных. Они состоялись более чем на 100 крупнейших фабриках и заводах России. Начавшаяся в конце января 1904 г. война с Японией лишь приостановила рост стачек, но патриотический угар быстро стал сменяться антивоенными настроениями людей, усиливая социальную напряженность в стране. В конце лета 1904 г. вспыхнула профессиональная городская стачка каменщиков в Варшаве, вслед за ней забастовали 10 тыс. рабочих Сормовского завода в Нижегородской губ., а в конце 1904 г. нарастание впервые в истории России всеобщей городской стачки в Петербурге в 1905 г. предварила всеобщая стачка 25 тыс. рабочих в Баку.

Это известно теперь историкам. В начале же прошлого века ни царское правительство, ни глава империи не имели полной информации о размахе и масштабах противостояния власти особенно со стороны *городского населения*, не было у них и целенаправленной политики по рабочему вопросу. Обособленность, замкнутость в работе министерств, их департаментов и двора в канун революции были просто поразительны. В известной степени это объяснялось самой системой государственного управления. “В ту пору, – вспоминал министр финансов В.Н. Коковцев, – никакого объединения среди министров не было, и каждое мини-

стерство представляло собой замкнутое, самодовлеющее целое, которое само ведало делами своего ведомства, внося в высшие установления – Государственный совет и Комитет министров – свои предложения по заключению лиц тех ведомств, которые затрагивались тем или иным предположением. Никаких предварительных совещаний или обсуждений не было, за исключением тех случаев, когда между отдельными министрами существовали личные близкие отношения”⁷. Николай II желал, чтобы каждый министр сам представлял ему доклады. Они были по-военному краткими. Острые проблемы в них, а тем более негативная информация сглаживались и представлялись лишь тогда, когда дело доходило до критической отметки. Так было за два дня до 9 января 1905 г., когда В.Н. Коковцев, докладывая царю о стачках в столице, тут же поспешил “успокоить” царя, заверив, что “поговорит” с промышленниками⁸, и 8 января 1905 г., когда бывший в это время министром внутренних дел П.Д. Святополк-Мирский, сообщая Николаю II о фактически всеобщей стачке рабочих, подчеркнул их “мирное” поведение⁹. Государственная машина плохо осуществляла переработку информации о том мощном напоре, который нарастал “снизу”. В Министерстве финансов, которое ведало до октября 1905 г. и промышленностью, донесения фабричных инспекторов с мест обобщались не по всем губерниям. Фабричная инспекция составляла сводки о стачках в интересах промышленного производства, и главными в них были подсчеты потерянных рабочих дней. В Министерстве внутренних дел департамент полиции с помощью 2,5 тыс. информаторов и мелких доносчиков-шпионов вел персональную слежку за лицами, причастными к революционному подполью, директор департамента постоянно докладывал министру, что у него не хватает для этого дела людей. В 1904 г., после убийства В.К. Плеве полиция и Охранное отделение главное внимание сосредоточили на обнаруживании эсеров-террористов, а с осени – на усиленной слежке за земцами-либералами. В итоге все сводилось к слабой компетентности самого МВД. Единственная специальная аналитическая записка, составленная в департаменте полиции в конце 1904 г., по поводу развития революционного движения¹⁰ не пошла дальше министра внутренних дел. В российской властной вертикали донесения губернаторов, местных губернских и уездных начальников охранных отделений собирались в МВД, их содержание также облекалось в обтекаемую форму и использовалось в весьма ограниченных по объему (так было положено!) всеподданнейших записках. После 9 января 1905 г. в обществе упрекали правительство и, в частности, председателя Комитета министров

Витте, который де не сумел в решающие дни хорошо проинформировать царя, обеспечить ему встречу с депутацией от рабочих. Но по существующему порядку С.Ю. Витте не мог проявить инициативы и “поговорить” с царем. Когда вечером 8 января 1905 г. депутация общественных деятелей во главе с М. Горьким попросила Витте вмешаться и не допустить расстрела мирных рабочих манифестаций, он сказал, что “дела этого совсем не знает”, “вмешаться в него не может” и к тому же это “дело” “до меня, председателя Комитета министров, совсем не относится”¹¹.

Сразу после “Кровавого воскресенья”, а впоследствии в воспоминаниях, а также в исторических трудах, публицистических статьях о 9 января 1905 г. авторы сетовали на то, что царь совершил ошибку, не приняв петицию¹². Долгие годы и советская историография уклонялась от рассмотрения альтернатив в истории, в том числе и в событиях “Кровавого воскресенья” 1905 г. Предпочиталось подчеркивать жестокость и насилие правящих классов в отношении народа до 1917 г., чтобы оправдать впоследствии “диктатуру пролетариата” после Октябрьского переворота. Лишь в конце 1980-х годов историческая наука в России стала принимать как метод исследования проблему выбора альтернативного пути общественного развития, в основном для рассмотрения длительных процессов и процессов средней продолжительности. Обуславливая причины, ход, результаты и последствия революции 1905 г., в широких макрорамках принято рассматривать и пореформенные десятилетия 1861–1905 гг. как процесс модернизации экономического, социального, политического развития страны, а также динамику исторического развития как отражение взаимодействия более длительных и менее длительных процессов. Конечно, революция 1905–1907 гг. была подготовлена всем ходом экономического и политического развития России, а перемены в любом обществе происходят, как правило, либо естественным эволюционным путем, либо путем насильственной революции. Первый путь предпочтительнее второго, но второй часто становится неизбежным, и ответственность за любой сценарий развития событий лежит прежде всего на правящих “верхах”.

Чтобы выяснить, насколько власть в России накануне революции 1905–1907 гг. была способна оптимизировать процесс общественного развития, не бесполезно рассмотреть те альтернативы, которые всегда присутствуют и на микроуровне, когда реализуются намерения и поступки людей, особенно находившихся в эпицентре событий. Если на макроуровне решаются проблемы, связанные с социально-экономическими и политическими причинами революций, лежавшими в толще общественных систем и

формирующимися в течение десятилетий, то на микроуровне, обращаясь к поведению людей в острые критические ситуации, особенно на крутых поворотах исторического процесса, таких как революция, возможно глубже понять драматизм исторического процесса.

Действительно, была ли альтернатива “кровоавому” следу, оставленному в истории воскресеньем 9 января 1905 г.?

События до начала революции показывают, что в течение месяца до этой даты имелось несколько возможностей, исключавших кровавый исход рабочей манифестации, резко отделивший “дремлющую” Россию от России революционной. Каждое из этих “исторических мгновений” имеет в некоторых случаях конкретную дату, после которой события развивались уже в том русле, в каком они сохранились в памяти поколений. Можно назвать и лиц, от которых зависел тот или иной поворот событий. Первая такая дата, которая приблизила 9 января 1905 г., – 11 декабря 1904 г. В этот день, подписывая Указ “О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка” (Речь идет об Указе 12 декабря), Николай II росчерком пера лишил его главного пункта – введения выборного представительства в государственном устройстве России¹³. Это был ответ царя на то, что происходило в интеллектуальной сфере общества: на “банкетную” кампанию либералов-освобожденцев, поднятую в связи с 40-летием судебной реформы в России десятками тысяч оппозиционеров¹⁴ на решения ноябрьских 1904 г. съездов земцев-конституционалистов и общеземского с более чем двумя третями представителей губернских земских управ, предлагавших лишь “пристроить к власти” выборное представительное учреждение. Николай II не прислушивался тогда ни к мнению чиновников самого высокого ранга в правительстве, которые высказывали ему сомнение в проведении традиционно “твердой” линии, ни к некоторым более дальновидным членам “семьи” правящей династии, которые считали, что “революция стучится в дверь” и нужно считаться с этим¹⁵. Вначале Николай II пытался вообще уйти от всех этих проблем и только 2 декабря 1904 г. собрал видных сановников, придворных чинов, великих князей и всех министров для того, чтобы “прекратить смуту”, как он и записал в дневнике¹⁶. Это собрание и последовавшие разговоры царя в придворных беседах на тему о том, почему он вычеркнул пункт о выборном представительстве, хорошо представляют пространство власти и ее носителя и при этом подчеркивают, что к вышеупомянутой альтернативе в данном случае причастна и элита. Перед тем как подписать Указ 12 декабря Николай занял выжидательную позицию,

выслушивая других “влиятельных менеджеров” от бюрократии в отношении щепетильной для самодержавия темы. Тон обсуждению о выборных представителях в структуре государственной власти задал К.П. Победоносцев, сказав, что “самодержавие имеет не только политическое значение, но и религиозный характер и государь не вправе ограничивать миссию, возложенную на него божественным промыслом”¹⁷. Психологи считают, что мотивация выбора решения человеком всегда связана с социальной общностью, к которой он принадлежит. Только 5–6 участников совещания 2 декабря 1904 г. из 20–22 присутствовавших предлагали подумать о представительстве, “не впадая в конституцию” (среди них был в том числе командующий Петербургским военным округом вел. кн. Владимир Александрович)¹⁸. В выборе быть или не быть выборному учреждению в декабре 1904 г. проявился не ежеминутный каприз царя: он прекрасно уловил, на чьей стороне перевес. К тому же лечащий врач царя психоневролог С.П. Федоров написал в воспоминаниях, что Николай II “всегда доверял больше тем, которые советовали ему не идти на уступки”¹⁹. Среди “советчиков” были В.Н. Коковцев, С.Ю. Витте, к которым царь внимательно прислушивался. Спустя время, они старались представить себя в ходе совещания в ином свете. “Большинство присутствовавших, – вспоминал В.Н. Коковцев в 1914 г., – были случайными участниками в обсуждении мер, которые они ни предупредить, ни отворотить не могли”²⁰. Это не совсем так. Коковцев явно не хотел, чтобы его имя связывали с трагедией 9 января. Тем не менее 2 декабря и он, и С.Ю. Витте заявили, что выборное представительство и самодержавие несовместимы²¹, после чего царь и заговорил, что “власть должна быть тверда”²². Словом, престол, желая не выходить из плена “бюрократической стагнации”, элементарно “подмораживал” ситуацию, оказывая посильное сопротивление реформам. Совершенно очевидно, что большинство высшей царской бюрократии накануне 1905 г. не хотело включаться в процесс необходимой для нее модернизационной среды с ее системой либеральных ценностей и претензиями на гражданское общество.

И все же Николаю II не чужды были сомнения в правильности принятого им тогда решения. В частных беседах уже после опубликования Указа 12 декабря 1904 г. он позволил себе пояснить свою позицию: “При малой культурности народа, – сказал Николай II в разговоре с П.Н. Трубецким, – при наших окраинах, еврейском вопросе и т.д. одно самодержавие может спасти Россию”. Царь понимал, что выбор представителей в государственные органы был бы шагом к “принятию конституции”, а этот

акт, по его мнению, мог вызвать мужицкий бунт – то, чего боялись все русские цари. “Мужик конституцию не поймет, – продолжил далее Николай в той же беседе, – а поймет, что царю связали руки, тогда – я вас поздравляю, господа!”²³. Против “смуты” и “бунта” у самодержавия был только один выход. Не случайно опубликование Указа 12 декабря в газетах сопровождалось “Правительственным сообщением”, в котором мысль о выборном представительстве объявлялась “чуждой русскому народу”, говорилось там и о репрессиях в отношении собраний, на которых может идти речь о реформах.

Указ 12 декабря 1904 г., хотя в нем содержались обещания земству, крестьянам, евреям, печати, не соответствовал градусу ожидания даже цензового общества. Народ и общество в напряженной обстановке шли к решительному противостоянию власти, не исключавшему крайние экстремистские меры и ответные им действия. Драматичность этих “ожиданий” могла прогнозироваться политиками после Указа 12 декабря 1904 г., так как изменения в высших сферах были весьма сомнительны.

Имелась и другая альтернатива на пути к 9 января 1905 г., связанная со столкновением “между трудом и капиталом”. Она могла быть обусловлена другим сценарием в развитии конфликта между администрацией Путиловского завода и Нарвским отделением гапоновского “Собрания фабрично-заводских рабочих Петербурга”. История этой легальной рабочей организации изучена больше с негативной стороны, только как воплощение в жизнь инициативы священника Гапона; в тени остается история самой организации, количество членов которой достигло в столице 10 тыс. рабочих. Департамент полиции действительно хотел “покровительствовать” ей, чтобы предвосхищать протесты рабочих, но ее деятельность все дальше уходила от этих замыслов. В этой организации был отголосок европейского христианского социализма, воплощенный на Западе в деятельности профсоюзного и кооперативного движения. Мало известно о сподвижниках Гапона, среди которых были и социалисты, а также о защите ими прав рабочих, в том числе их материального положения. Администрация Путиловского завода плохо учитывала эту роль “Собрания” и тот факт, что из 12,5 тыс. рабочих на заводе 6 тыс. были членами гапоновской организации. Заводское начальство этого самого крупного предприятия в Петербурге во главе с директором С.И. Смирновым, сосредоточенное в 1904 г. на получении возможно большей прибыли (завод изготовлял пушки и пулеметы), активно наступало на права рабочих (неадекватная труду зарплата, сверхурочные работы и т.п.). Оно категорически от-

вергало контакты с рабочей организацией, а перед 20 декабря 1904 г., решив “приструнить правозащитников,” уволило четырех кадровых рабочих, членов гапоновской организации, инкриминировав им нарушение трудовой дисциплины. Возник затянувшийся многодневный конфликт: Нарвское отделение “Собрания” требовало восстановить на работе уволенных, но дирекция завода отказывалась. В итоге переговоры, обнаружив большое упорство с обеих сторон, зашли в тупик: дирекция грозила локаут, рабочие – стачкой в случае неудовлетворения требования, присоединив к нему ряд экономических (восьмичасовой рабочий день, отмена сверхурочных, повышение заработной платы по тарифной сетке, составленной рабочими). Это еще более возмутило директора завода, который обратился к министру В.Н. Коковцеву. Тот занял сторону администрации (хотя мог попытаться повернуть развитие ситуации в другую сторону)²⁴.

Отказ в требованиях путиловцам отозвался на других заводах столицы. Знакомый с каждодневными сводками, констатировавшими рост массового недовольства среди рабочих, градоначальник И.А. Фулон попытался 30 декабря убедить администрацию завода восстановить уволенных. Смирнов не смог игнорировать мнение градоначальника, но твердо решил все же “наказать” рабочую организацию. Поэтому один уволенный был принят на работу сразу, двум другим было обещано восстановление и одному рабочему отказано. Это решение стало поводом новой волны возмущений не только на Путиловском заводе, но и на других предприятиях столицы, которые послали в Нарвское отделение “Собрания” своих представителей. 2 января там состоялось совещание 600 представителей рабочих от Путиловского и других заводов, которое выделило для окончательных переговоров с директором депутацию из 40 человек во главе с Гапоном. 3 января депутация предстала перед директором. Гапон склонялся к улаживанию конфликта, но он целиком оказался во власти рабочих, которые не дали ему пойти на компромисс, твердо настаивая на полном удовлетворении требований. В этот момент перед администрацией завода и возникла альтернатива – выбор между двумя взаимоисключающими возможностями: принять на работу четвертого уволенного или рискнуть остановкой работы предприятия. С.И. Смирнов выбрал второе, возможно, потому, что рассчитывал на конную полицию и жандармов, которые окружили помещение “Собрания”, где рабочие ждали решения дирекции. Мирный путь разрешения трудового конфликта был исключен: амбиции администрации оказались сильнее здравого смысла. Вечер 3 января 1905 г. определил начало всеобщей

стачки. Делегаты от рабочих разошлись по цехам, в 6 часов вечера 3 января во всех цехах был погашен огонь, остановлены машины, и завод встал.

В литературе о начале революции в 1905 г. остается в тени общность развития стачечного движения в Петербурге и зарождение манифестаций рабочих к царю с петицией. Между тем, сам Гапон не мог понять, каким образом удалось направить лавину народа к Зимнему дворцу и потом уже, выдумав в воспоминаниях (в них вообще немало выдуманного) написал, преувеличивая в них свою роль как “зачинателя” революции²⁵, что обусловленность подачи петиции “большой рабочей забастовкой придумана им”²⁶. На самом деле стачка на Путиловском заводе и дальнейшее ее развитие в Петербурге было, как об этом было сказано выше, следствием глубоких объективных процессов, происходивших в стране. А при выдвигании идеи подачи петиции царю и перерастания ее в практическое действие не обошлось без “советов” Гапону и его “штабу” либералов С.Н. Прокоповича, Е.Д. Кусковой и других “освобожденцев” – участников развернувшейся петиционной банкетной кампании. Однако эти “советы” стали восприниматься в “Собраниях” только в конце декабря в связи с осложнением хода переговоров на Путиловском заводе. Вплоть до вечера 3 января 1905 г. между “штабными” гапоновского “Собрания фабрично-заводских рабочих Петербурга” шли споры “за” и “против” шествия к царю. Гапон приводил доводы “против”, убеждая, что рабочие добьются большего, не прибегая к насилию.

Действительно, без объявления забастовки собрать многотысячные манифестации в городе было не под силу никакому Гапону. 4 января в Петербурге бастовало 15 тыс. рабочих, и наметилась тенденция к росту всеобщей стачки рабочих в столице. В этот день на одном из собраний Гапон, чувствуя настроение рабочих, заявляет, что если администрация отказывается удовлетворять требования рабочих, то надо “искать правды” у самого царя²⁷. Если до этого дня обсуждались лишь *намерения* обратиться с петицией к царю, то теперь у рабочих возникло *ожидание* “сигнала” готовиться к шествию. Если бы стачка пошла на убыль, то неизвестно, к какому решению пришел бы “штаб” “Собрания фабрично-заводских рабочих”. Но число забастовщиков 5 января возросло вдвое – до 30 тыс. 6 января забастовочное движение держалось примерно на том же уровне, но в запущенном механизме массового протеста разворачивалась все дальше инициатива похода “за правдой к царю”. Петицию читали в отделениях “Собрания”, а Гапону и его “штабным” оставалось

только “плыть по течению”: события уже развивались независимо от них. Нельзя сбрасывать со счетов факт, который усилил рост забастовочного движения: вечером шестого на совещании промышленников В.Н. Коковцев снова поддержал их отказ удовлетворять требования рабочих²⁸, и решение идти к царю созревает окончательно и во всех отделах “Собрания”. Седьмого во всеобщей стачке в столице участвовало уже 70 тыс. рабочих. В этот день в “Собраниях” обсуждаются планы манифестации 9 января, чтобы выйти из всех отделов в 10 утра и в 2 часа дня быть у Зимнего дворца. 7 января Гапон “был вызван” к министру юстиции Н.В. Муравьеву и представил ему петицию. Когда министр с ней ознакомился, то воскликнул: “Вы же хотите ограничить самодержавие!” В ответ Гапон стал (в источниках сказано – “униженно”) просить Муравьева “принять меры, чтобы шествие не закончилось трагедией”²⁹.

Столица империи впервые оказалась перед лицом всеобщей стачки. А.В. Богданович, жена старосты Исаакиевского собора, записала в дневнике 8 января: “... Какое-то тяжелое настроение: чувствуется, что мы накануне ужасных событий. По рассказам, цель рабочих в эту минуту – испортить водопровод и электричество, оставить город без воды и света и начать поджоги”³⁰. Наряды войск в помощь полиции были посланы на электрические станции, газовые заводы, водопроводы, на вокзалы железных дорог, на крупные промышленные предприятия. Еще ранее в связи с грозящей всеобщей забастовкой правительство подтянуло войска к Петербургу из Пскова, Новгорода, Ревеля³¹.

Гапон пугался кровопролития, но воспрепятствовать рабочим нести петицию к царю ему было не под силу. При всей трусости Гапона, ему оставалось одно – быть рядом с рабочими. Напутственные речи Гапона рабочим восьмого и утром девятого были весьма противоречивы. В одних случаях он в экзальтации убеждал, что рабочие “должны идти к царю. Царь – это правда...”; в других – был сдержан и не обнадеживал: “Может пролиться кровь... но кровь мучеников никогда не пропадает”, а также: “Если цари не услышит нас, значит у нас нет царя”. И все же Гапон убеждал себя надеждой, что “стрелять не будут”³². Восьмого утром он попытался пробиться к Святополк-Мирскому, но его не застал и оставил письмо. В нем говорилось о том, что рабочие и жители Петербурга желают видеть царя 9 января, “чтобы выразить ему непосредственно нужды всего русского народа”, и что неприкосновенность его личности гарантируется. В тот же день Гапон с “доверенными лицами” отправил письмо лично царю. “Государь, – писал Гапон. – Не думай, что твои министры

сказали тебе всю правду о современном положении. Народ весь верит в тебя. Он решил явиться завтра в 2 часа пополудни к Зимнему дворцу, чтобы подать тебе петицию о своих и народных нуждах. Если в нерешимости ты не покажешься народу, ты порвешь нравственную связь, существующую между тобой и твоим народом. Доверие, которое он питает к тебе, исчезнет навсегда, и на этом месте между тобой и народом прольется невинная кровь. Явись завтра перед народом и прими с открытой душой нашу смиренную петицию. Я – представитель рабочих, и мои мужественные товарищи гарантируем неприкосновенность Твоей личности. Георгий Гапон”³³. Попало ли это письмо царю? Гапон этого не знал, есть косвенные сведения, что один из нарочных был арестован.

7 и 8 января были те дни, когда у Николая II и подчиненных ему “верхов” могла быть альтернатива в выборе, и исход дела мог быть решен мирно в соответствии с характером шествия и намерениями народа. Но это скорее иллюзии тех современников событий и авторов, которые за “Кровавое воскресенье” обвиняли монарха, перекладывая часть вины на его окружение, не сумевшее, якобы, убедить царя принять петицию. С.Ю. Витте написал впоследствии о том, что если бы ему представилась возможность встретиться в канун 9 января с царем, то он бы, может быть, и “не посоветовал ему выйти к толпе, но дал бы совет уполномочить главу правительства или одного из генерал-адъютантов взять прошение и предложить рабочим разойтись, предупредив, что прошение будет рассмотрено”, и только в том случае, если бы рабочие не разошлись, употребить силу³⁴. Но, как об этом говорилось выше, такой возможности у Витте не было ввиду скованности его инициативы самой системой самодержавия.

Николай II был невозмутим и спокоен перед 9 января, так как он уже определил для себя свою позицию во время обсуждения Указа 12 декабря. После его подписания он старался оградить себя от “лишних” докладов³⁵, хотя это не получалось. Командир жандармского корпуса К.Н. Рыздзевский заметил тогда, что царь “индифферентно относится к тому, что творилось в России”. Рыздзевский даже позволил себе сказать лицам из ближайшего окружения, что ему иногда кажется, что Николай “ничего не понимает” и “на все тревожные донесения только и делает пометку красным карандашом, из которой видно, что он их не читает, но затем ни слова ни с кем про них не говорит, ничего не спрашивает, не советуется, как вести дело”³⁶.

Историки пытались найти свидетельства о сопричастности царя к приказу о расстреле мирных манифестаций 9 января. Таких приказов не было, хотя нельзя сбрасывать со счетов косвен-

ные свидетельства. Напрасно, считают, что Николай без всяких сомнений принял за случайность то, что во время Крещения 6 января 1905 г. боевой снаряд вместо холостого во время выстрела в 12 часов дня с Адмиралтейства ранил городского и едва не попал в шатер, где находились царь и его окружение. Когда царь вернулся во дворец, он сказал камердинеру: “Сегодня в меня стреляли”, а тот ответил: “Видно, дело очень плохо, если войска начали стрелять в государя”³⁷. Сразу же начальники штаба войск и Петербургского военного округа получили распоряжение в устной форме объявить столицу на военном положении. Однако (видимо, еще до отъезда царя в тот день в Царское Село) В.Н. Коковцев успел ему заметить, что это может привести к обвалу русских бумаг на европейских рынках. Распоряжение было отменено, но было решено, – пишет Коковцев, – что “государь не проведет воскресенье в городе, а полиция сообщит об этом заблаговременно рабочим, и, конечно, все движение будет остановлено и никакого скопища на площади у Зимнего дворца не произойдет”³⁸. Отменяя военное положение, Николай знал, что в столицу вызваны войска, а по закону обстановка военного времени позволяла применять вооруженную силу в случае массовых беспорядков. В течение всего его царствования она применялась для разгона народа бесчисленное число раз и поощрялась правительством³⁹. Властям не нужен был Гапон-провокактор, все складывалось как всегда, тем более командующий Петербургским военным округом вел. кн. Владимир Александрович даже среди иностранных корреспондентов слыл жестким сатрапом, считавшим применение военной силы “верным средством для излечения народа от конституционных затей”⁴⁰.

Властные структуры обнаружили растерянность, неумение координировать свои действия, принимать четкие решения, чтобы не допустить кровавой развязки. Так, полиции было приказано сопровождать шествия рабочих, если они возникнут, и некоторые полицейские попали под пули 9 января. Войска же в одних случаях стреляли без предупреждения, а в других – с предупреждением. Императорский штандарт с шестого продолжал развиваться на Зимнем дворце, но вряд ли это был иезуитский замысел – ввести народ в заблуждение, чтобы приблизить рабочих к Зимнему дворцу и расправиться с ними. Скорее то была простая российская расхлябанность – штандарт забыли снять, а можно предположить, что в связи с разговорами о подаче петиции рабочими царя все же ждали в столице. К вечеру восьмого было в ряде мест развешено предупреждение о запрещении “сборищ”, но эту бумагу трудно было прочесть – мешал тусклый свет рано

смеркавшегося зимнего петербургского дня. Высший государственный аппарат безмолвствовал. Когда обеспокоенная военными приготовлениями в столице депутация общественных деятелей во главе с М. Горьким попыталась обратиться к министру внутренних дел по поводу приготовлений военных, то оказалось, что министр был вызван к царю. Депутацию принял К.Н. Рызевский, сухо заявивший, что правительство обо всем осведомлено, а “другими полномочиями он не располагает”. С.Ю. Витте, как о том было сказано выше, тоже не мог по существовавшему порядку вещей вмешаться в ход событий.

Как никогда в этот острый момент поведение царя отличалось стремлением от всего дистанцироваться. Восьмого он утешал себя относительно “успокоительной” информацией и записал в дневнике: “Ясный морозный день. Было много дела и докладов... Долго гулял. Со вчерашнего дня в Петербурге забастовали все заводы и фабрики. Из окрестностей вызваны войска для усиления гарнизона. Рабочие до сих пор вели себя *спокойно* (курсив мой. – И.П.). Количество их определяется в 120 000 ч. Во главе рабочего союза какой-то священник – социалист Гапон. Мирский приезжал вечером для доклада о принятых мерах”⁴¹.

Известно, чем окончились события 9 января 1905 г. в Петербурге. Наибольший политический урон понес сам Николай II, но понял ли он это? В дневнике у него запись того дня: “Тяжелый день! В Петербурге произошли серьезные беспорядки *вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца* (курсив мой. – И.П.). Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненных. Господи, как больно и тяжело! Мама приехала к нам из города прямо к обедне. Завтракали со всеми, гуляли с Мишей. Мама осталась у нас на ночь”⁴². И все! Царская власть еще раз навязала народу в одностороннем порядке квазидоговор, построенный на патерналистской формуле: “Мы – ваши отцы – вы наши дети, и мы можем вас наказывать”. Это проявилось и через десять дней после 9 января, когда по настойчивой просьбе вновь испеченного петербургского генерал-губернатора Д.Ф. Трепова Николай принял проверенную полицией депутацию рабочих, сказав им после нравоучительной речи: “Я верю в честные чувства рабочих и потому прощаю им их вину!”⁴³ Если революционные партии хотели достичь непроходимой пропасти между царем и народом, то она была достигнута независимо от них.

Словом, при рациональном сочетании макро- и микроподходов эвристическая ценность исторических исследований на микроуровне, в частности, при выборе альтернатив людьми в процессе

принятии ими решений (и прочтении под этим углом зрения исторических источников!) позволяет глубже понять сложное переплетение эволюционного и революционного развития исторического процесса и сам “механизм” этого движения. Представленный под этим углом зрения материал, связанный с рождением революции 1905–1907 гг. в России, выбор альтернатив во всех рассмотренных нами случаях, начиная с Указа 12 декабря 1904 г. и кончая 9 января 1905 г., был обусловлен и запрограммирован всей системой самодержавного государственного устройства России и ему соответствовавшего отношения царя, его министров, чиновников к народу. История “Кровавого воскресенья” 9 января 1905 г. – пример неиспользованных возможностей государственной властью мирного разрешения социальной напряженности в российском обществе в начале XX в. Уже тогда выбор представителями государственной власти между двумя взаимоисключающими возможностями был невозможен без учета настроений передовых общественных сил и голоса народа в протестном движении. Поведение “сильных мира сего” в обстановке политического кризиса сто лет назад показывает, к чему приводит пренебрежение властными требованиями общества, равнодушие к нуждам широких народных масс тех, на которых историей была возложена высшая миссия распорядиться судьбами миллионов. От того, насколько высшей власти в государстве известно настроение широких масс, насколько она учитывает “биение пульса” общественной жизни, способна учитывать социальные проблемы, зависит стабильность общества, мирное разрешение возникающих проблем. Вместе с тем для принятия решения в высших сферах, где вершились эти судьбы, *уже в начале XX в. в России* им была необходима хорошо поставленная информация и максимум достоверных сведений о социальной напряженности и о настроении в широких кругах общества. Отсутствие этого и ориентация на силовые структуры означали гнилость государственной системы. Порочность этой системы была и в том, что император в острые кризисные ситуации для принятия решений обычно сужал круг оппонентов.

Обращение к поведению отдельных личностей, оказавшихся на авансцене большой политики, важно для углубленного анализа причинно-следственных связей, менее доступных при игнорировании этих методов. Пристальное рассмотрение следовавших одно за другим событий, предшествовавших 9 января, проясняет и роль Гапона, этой харизматической личности, в которой кипучая энергия сочеталась с фарисейством и трусостью. Но не он, а народ был главным актером драмы 9 января 1905 г. Шествие на-

рода к царю выросло из массового протестного рабочего движения. Гапон не был ни революционером, ни шпионом-provokатором, подставившим рабочих под царские пули. Его роль в составлении петиции очевидна только в одном: он “загорелся” осуществлением идеи обращения к царю с петицией *в результате подержки ее либералами-”освобожденцами”*. Петиция кануна 9 января – коллективное творчество масс, подправленная теми, кто из политиков имел возможность познакомиться с ней и проявить свой интеллект. Факты свидетельствуют, что Гапон был против манифестации 9 января, боялся за ее разгром. Но ситуация вышла из-под его контроля. Появление Гапона в событиях 9 января довольно точно отразил в своем высказывании австрийский социал-демократ В. Адлер после получения сообщения о бегстве Гапона за границу: “Для его (Гапона. – *И.П.*) исторической памяти было бы лучше, чтобы он так же таинственно исчез, как и появился. Осталось бы *красивое романтическое предание* (курсив мой. – *И.П.*) о священнике, который открыл шлюзы русской революции”⁴⁴. Именно – предание-миф, которое противоречит сущности революции. Преувеличение роли Гапона историками означает нежелание увидеть на авансцене начала XX в. пробуждавшийся к самостоятельной, активной политической жизни народ, развернувший борьбу за социальное освобождение. Негативное отношение сейчас некоторых авторов к революции, нежелание понять ее неотвратимость в тех условиях выдвигает версию о Гапоне на первый план.

Современники революции 1905–1907 гг., которые пристально следили за событиями в Петербурге в первых числах января 1905 г., правильно называли стачку на Путиловском заводе “искрой, которая зажгла пожар” революции. *Реакция общества на “Кровавое воскресенье” (а не шествие рабочих к царю!) стало началом революции. А 9 января было детонатором в революционном процессе, который начался задолго до этой даты, отделившей “дремлющую” Россию от России революционной.*

Фундаментальная историческая наука не может быть “*политикой, опрокинутой в прошлое*”, а тем более было бы неисторично использовать огромный резервуар событий и фактов прошлого в угоду интересам небольшой группы правящих верхов. Однако неслучайны претензии к исторической науке в отношении ее оторванности от жизни. Еще в античные времена историю называли *magister vitae*. Современные средства массовой информации часто правильно нащупывают болевые точки общества. И историкам, чтобы не быть оторванными от реалий сегодняшнего дня, важно привлечение внимания к тем коллизиям, которые

имели место в прошлой истории человечества. Но сравнивая состояние российского общества в начале и в конце XX в., следует оговориться: обобщая схожие черты, необходимо считаться с тем, что одно дело – внешние формы исторического процесса, а другое – его сущность, которая может быть разной, и “внешние оболочки” типологической конструкции чаще всего не совпадают с этой сущностью. Другое дело люди, в частности, их поведение в протестном движении и во властных структурах. В прошлом можно почерпнуть сведения о том, как альтернативно решались схожие сложные ситуации, напомнить о том, какую цену приходилось платить стране, если пренебрегали надеждами и чаяниями людей. Через изучение альтернатив на микроуровне внимание концентрируется на возможности людей в прошлом делать выбор, принимать решения, активно воздействовать на ситуацию, на их ошибках и заблуждениях.

История – наука общественная, и как бы ни отгораживалась она от современности словом “фундаментальность”, изменить эту потребность общества при обращении к историческим исследованиям нельзя. Т.Н. Грановский когда-то читал лекции о Древнем Риме и о Средних веках, а имел в виду современную ему Россию, и на его лекции шли толпы народа. Однако следует различать политические спекуляции историей от стремления показать современному обществу человека прошлого со сходными жизненными установками, разноплановыми проблемами и их решениями в разных ситуациях. Последнее, как представляется, и может являться одним из главных направлений в дальнейшем исследовании истории революций и, в частности, революции 1905–1907 гг.

¹ Первая революция в России: Взгляд через столетие. М., 2005. С. 178.

² Миголантьев И. Эпоха революций в России завершилась? // ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/translation/216436.html>; перепечатка из газеты “The Straits Times”.

³ Бордюгов Г. Праздник угнетенных или “социальная болезнь” // Политическая мысль. 2005. № 1; Коломенцев В., Тихомиров В. “В 1905 году олигархи добились своего” // Огонек. 2005. 24–30 января. С. 34–36; Журнов Е. Самодержавие бюрократии // Коммерсантъ. Власть. 2005. 17 января; Герчиков О. “Кровавое воскресенье – дело рук МВД” // АИФ. 2005. № 1–2.

⁴ Один из таких стереотипов, который сегодня присутствует в обобщающих трудах и учебниках – преувеличение роли Гапона в разрывании революции. Учебные пособия называют Гапона в одних случаях ее “организатором” из тех “социалистов”, которые жаждали “крови и насилия для достижения бредовых и безумных целей” и потому подставляли людей под царские пули; в других – акцент переносится на то, что Гапон был “агентом” (“шпионом”) Охранного отделения департамента полиции и в этой роли “сговорился с вла-

- стями” на применение ими оружия, чтобы “наказать рабочих”. (См.: История России с начала XIX до начала XXI в. М., 2004. С 360–361; Новейшая отечественная история: XX век. М., 2004. Кн. 1. С. 74 и др.).
- 5 Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г.: Хроника. М., 1992. Вып. I: 1895 год; СПб., 1993. Вып. II: 1896 год; СПб., 1995. Вып. III: 1897 год; СПб., 1997. Вып. IV: 1898 год; М., 1998. Вып. V: 1899 год; М., 1999. Вып. VI: 1900 год; СПб., 2000. Вып. VII: 1901 год; М., 2002. Вып. VIII: 1902 год; М., 2005. Вып. IX: 1903 год; М., 2005. Вып. X: 1904 год. Общая характеристика издания дана в статье: *Пушкарева И.М.* Перспективное изучение рабочего движения в России в свете новых концепций // Тр. ИРИ РАН. М., 2002. Вып. 3. С. 68–110.
  - 6 Рабочее движение на заводах Петербурга в мае 1901 г. // Красный архив. 1936. № 3. С. 62.
  - 7 *Коковцев В.Н.* Из моего прошлого: Воспоминания 1903–1919 гг. М., 1992. Кн. 1. С. 58–59.
  - 8 Революция 1905–1907 гг.: Документы и материалы: Начало первой русской революции. Январь–март 1905 года. М., 1955 (далее: Начало первой русской революции). С. 15.
  - 9 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 246.
  - 10 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 832. Л. 16.
  - 11 *Витте С.Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 2: (1864 – октябрь 1905). Царствование Николая II. С. 342. Заявление автора статьи из журнала “Коммерсантъ. Власть”, что Витте “умышленно” не стал вмешиваться, чтобы использовать “давление рабочих” на царя (см. примеч. 3), не подтверждается источниками.
  - 12 См., например: *Поспеловская Д.В.* На путях к рабочему праву: Профсоюзы в России. Франкфурт на Майне, 1987. С. 111; и др. работы. Сегодня один из авторов статей, сводя трагедию 9 января только к позиции Николая II, кончает статью словами: “Эх, ваше величество, ваше величество! Не так бы надо – глядишь, мы жили бы сейчас по-другому...” (*Добровольский А.* “Ошибка императора” // Московский комсомолец. 2005. 22 января).
  - 13 Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С. 165–166.
  - 14 *Шацлло К.Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985. С. 294.
  - 15 Дневник кнг. Е.А. Святополк-Мирской // Исторические записки. 1965. Т. 77. С. 241–249; *Лопухин А.А.* Отрывки из воспоминаний. М.; Л., 1923. С. 43; Из дневника Константина Романова // Красный архив. 1930. № 6(43). С. 110.
  - 16 Дневники императора. С. 240.
  - 17 Кризис самодержавия в России. С. 147.
  - 18 Там же. С. 166.
  - 19 *Зимин И.В.* “Ближний круг“ Николая II: лейб-хирург С.П. Федоров // Клио. СПб., 2004. № 3(26). С. 266.
  - 20 *Коковцев В.Н.* Указ. соч. С. 59.
  - 21 С.Ю. Витте сказал так: “... Привлечение представителей общества особенно в выборной форме в законодательные учреждения есть первый шаг к тому, к чему стихийно стремятся все культурные страны света... Если его величество искренне, бесповоротно пришел к заключению, невозможно идти против всемирного исторического течения, то этот пункт (№ 3 в проекте указа от 12 декабря) в указе должен остаться...” (*Витте С.Ю.* Указ. соч. С. 334).
  - 22 Кризис самодержавия в России. С. 166.
  - 23 *Трубецкая О.Н.* Из пережитого // Современные записки. Париж, 1934. Т. 14. С. 29–30.

- ²⁴ В воспоминаниях В.Н. Коковцев, осознав задним числом роль стачки на Путиловском заводе в развитии рабочего движения и приближении Кровавого воскресенья и свою роль в альтернативном решении этого вопроса, винит в “устранении осложнений с рабочими”: “власть в центре” “безвольного министра внутренних дел” и Витте, который, “должен был вмешаться в конфликт” (Коковцев В.Н. Указ. соч. С. 60).
- ²⁵ Роль Гапона в революции 1905–1907 гг. преувеличивали еще историки в 20-е годы. Они создавали свои работы, когда в первые годы советской власти активно формировался “образ внутренних врагов народа”. В их число входили тогда представители старого режима: царь, помещики, буржуи и попы, и Гапон вполне ложился в эту “идеологическую схему” как “агент Охранки”, “предатель” рабочих. Авторы первых работ в советской историографии, даже будучи современниками революции, не брали в расчет то, что имя Гапона сопровождали полуфантастические рассказы о деятельности новоявленного “вождя” русских рабочих в иностранной печати и в эмигрантских кругах, довольно-таки оторванных от России. Впрочем, преувеличение роли Гапона началось раньше. Перед 9 января 1905 г. П.Д. Святополк-Мирский, информируя царя, назвал “главного смутьяна” среди рабочих – “социалиста Гапона”. Властям удобнее было найти виновного в беспорядках, чем признать справедливость требований народа.
- ²⁶ Гапон Г. Истории моей жизни. 3-е изд. М., 1990. С. 27.
- ²⁷ Ксенофонтов И.Н. Георгий Гапон: вымысел и правда. М., 1996. С. 85; Минувшие годы. 1908. № 4, апрель. С. 88; Красная летопись. 1922. № 1. С. 30.
- ²⁸ Кризис самодержавия. С. 196.
- ²⁹ Там же. С. 169.
- ³⁰ Богданович А.В. Три последних самодержца. М., 1990, С. 331–332.
- ³¹ Начало первой русской революции. С. 19–20, 31–33.
- ³² Из свидетельств очевидцев о 9 января. См.: Шустер У.А. Петербургские рабочие в 1905–1907 гг. Л., 1976. С. 82–83.
- ³³ “Вперед”. 1905. № 18(31), январь. См. также: Записки Георгия Гапона: (Очерки рабочего движения в России 1900-х гг.). М., 1918. С. 63 (подлинник письма не сохранился); Гапон Г. Указ. соч. С. 57; Сверчков. На заре революции. Л., 1925. С. 85–90.
- ³⁴ Витте С.Ю. Указ. соч. С. 341.
- ³⁵ Богданович А.В. Указ. соч. С. 325.
- ³⁶ Там же. С. 326.
- ³⁷ Там же. С. 332.
- ³⁸ Коковцев В.Н. Указ. соч. С. 62.
- ³⁹ Материалы сборников “Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г.: Хроника” показывают, что полиция, войска и казаки в некоторые годы только для подавления стачечного движения вызывались не менее чем в 30% от всех случаев стачек, и, как правило, для разгона митингов, демонстраций, манифестаций, и во многих случаях применялись огнестрельное оружие, сабли и шашки.
- ⁴⁰ Красная летопись. 1922. № 1. С. 43.
- ⁴¹ Дневники императора Николая II. С. 246.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Правительственный вестник. 1905. 20 января.
- ⁴⁴ Цит. по: Троцкий Л. 1905 // Соч. М.; Л., 1925. Т. II: Наша первая революция, ч. 1. С. 80.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Ю.А. Тихонов. У меня есть такой вопрос. Вы кончили доклад призывом к изучению микроистории, когда событие, процесс анализируются по дням. Вы очень интересно об этом сказали. Можно вспомнить исследование Эйдельмана, когда он события, приведшие к убийству Павла, проанализировал по дням. Заговор и связанные с ним действия отдельных лиц предстают в рамках отдельных дней в новом свете. Какие еще сюжеты, на Ваш взгляд, следует рассматривать на уровне микроанализа, т.е. проследить события по дням и часам во времени, с тем, чтобы читатель мог более отчетливо представить нарастающее напряжение.

И.М. Пушкарева. Микроподходы важны для анализа критических ситуаций, которые возникают в обществе, а также при обращении к опыту принятия решений, например, указов и постановлений правительства, в том числе в ходе революции 1905–1907 гг., для того чтобы понять расстановку политических сил, оценить поведение отдельных личностей, оказавшихся на авансцене большой политики, углубить анализ скрытых причинно-следственных связей, увидеть неиспользованные возможности государственной власти, а это может быть поучительно и в реалиях сегодняшнего дня. Прослеживая, например, день за днем с 6 по 16 октября рождение Манифеста 17 октября, можно видеть причину колебаний царя, зависимость его решения о провозглашении манифеста от силы революционного натиска, который “приучал” царя к мысли о неизбежности исторического прогресса, и вместе с тем – отсутствие того страха, который, якобы, как о том говорится в литературе, заставлял его “бежать от революции” в Германию. Анализ каждодневных многочасовых встреч царя с представителями высшей бюрократии показывает, что самодержавие в октябре 1905 г. было еще достаточно сильным и царь позволил себе постепенно сузить круг “советчиков” по тексту манифеста, в результате чего и возник тот его вариант, в оценке которого до сих пор нет единого мнения: ограничил он или не ограничил самодержавие.

С.В. Калмыков. Я принимал участие в подготовке “Хроники рабочего движения” по данному периоду, и хотел бы дополнить доклад в плане наблюдения над тем, каковы были некоторые предпосылки, приведшие к драматическому сценарию развития событий 9 января 1905 г.

Когда мы пытались составлять “Хронику”, одна из задач заключалась в том, чтобы по возможности системно отследить материал хотя бы основных, центральных архивов. В частности, та-

ким емким и в то же время не очень объемным по количеству документов является материал фонда Временной канцелярии Министерства юстиции (ф. 124) в Государственном архиве Российской Федерации, который содержит в том числе и материал всех дел по так называемым политическим преступлениям. Невольно обращаешь внимание на два обстоятельства, которые почему-то выпали из поля зрения историографов, обращавшихся к анализу этих событий.

Одно из них заключается в том, что неотвратимо на протяжении тех десяти лет, которым посвящены уже подготовленные выпуски “Хроники”, падает суровость наказания и репрессий – при, казалось бы, совершенно очевидных известных вещах типа “златоустовской бойни” 1903 г. Но, тем не менее, когда смотришь, какую меру наказания применяли к участникам революционных выступлений и организаций, заметно, что, начиная с 1903 г. и на протяжении всего 1904 г. падает количество людей, подвергавшихся серьезным тюремным срокам и административной высылке, которая еще в 1902, да и в 1903 г. была практически автоматической мерой в отношении основных фигурантов всех революционных кружков, по крайней мере, столиц и крупных промышленных городов. Их высылали. В 1904 и уже частично в 1903 г. все эти люди, принимавшие участие в революционной деятельности и при этом известные полиции, оставались на своих местах, что создавало у них известное ощущение безнаказанности (как к этому относиться: позитивно или негативно, это уже другой вопрос), и это ощущение множило круг людей, которые в революционном процессе являлись случайными фигурантами, не были сознательными противниками режима, а участвовали в революционной работе в значительной мере потому, что это просто достаточно щекотало нервы, но в то же время не отзывалось на них такими серьезными последствиями как пять–десять лет назад.

Второе обстоятельство, которое тоже следует из систематического изучения дел этого фонда и до известной степени связано с предыдущим, состоит вот в чем. Б.К. Плеве, который был, как известно, убит боевиками-эсерами в июле 1904 г., был опытным человеком, который имел свою позицию в вопросе о том, как надлежит действовать в отношении революционного движения. Руководимое Плеве Министерство внутренних дел проводило достаточно четкую и последовательную линию. П.Д. Святополк-Мирский, который сменил его на этом посту, с моей точки зрения, не обладал таким пониманием, как надлежит действовать. То есть он был хороший человек, но он оказался в извест-

ной мере не на своем месте, и это видно по тому, что началось сразу же с момента его прихода. Это было примерно то же самое, что современные профессионалы силовых структур называют “развалом уголовных дел”.

Начались, с точки зрения тогдашней практики юстиции, просто вопиющие факты. Один пример: люди были застигнуты на месте преступления в подпольной типографии прямо за изготовлением листовок, вся база доказательств была налицо. По нормам действующего Уголовного уложения, казалось бы, им светят большие сроки, но, тем не менее, дело в октябре–декабре 1904 г. закрывается. И таким образом были прекращены буквально десятки уже заведенных и во многих случаях вполне доказательных и имевших судебную перспективу дел на участников революционных организаций.

Если встать на традиционные позиции советской историографии, казалось бы, этому можно только радоваться как очевидному доказательству слабости правящего режима. Но, имея в виду случившиеся всего несколько месяцев спустя – события 9 января – невольно закрадывается подозрение, что что-то здесь было не так просто. Создается впечатление, что люди, которые возглавляли МВД в это время, проводили какую-то даже, можно сказать, провокационную политику по отношению к тому, как они должны были бы действовать. В известной мере это тоже должно было дезориентировать и чутких к таким вещам фигурантов революционного процесса – и рядовых, и руководящих деятелей, создать у них опасно ложное впечатление о реальном соотношении сил и о реальных намерениях властей, что, собственно, и проявилось в этих трагических событиях 9 января 1905 г. – потому что, не будь такого периода очень большой безнаказанности, я думаю, что количество людей, которые приняли участие в шествии 9 января и просто вышли на улицы, а самое главное – поведение толпы – были бы в значительной степени другими.

Меня интересовал этот вопрос, поэтому я пытался, пользуясь возможностью работать с материалами Департамента полиции, посмотреть, что же там все-таки было, и невольно обратил внимание на одно очень странное обстоятельство в поведении толпы, которое отчасти и объясняется тем, о чем я говорил выше. Несмотря на то, что первые залпы стали звучать еще на очень дальних подступах (потому что рабочие шли от мест своей локализации – это район Путиловского завода, это район сосредоточения крупных текстильных мануфактур, а это достаточно далеко от центра, и нужно было много пройти), их пытались останавливать несколько кордонов. Причем,

судя по донесениям командиров посланных для охранения порядка в городе воинских частей, которые в выписках и копиях прилагались к полицейским донесениям и справкам, которые шли наверх, говорилось о том, что поначалу все развивалось, в общем, по обычному сценарию, – т.е. предупреждение “разойтись”, выстрелы в воздух и потом только стрельба в толпу. Но несмотря на то, что все это уже началось, толпа, тем не менее, с достойным, может быть, лучшего применения упорством продолжала продвигаться вперед. И когда она уже дошла до самого Зимнего дворца, несмотря на то, что уже стреляли, она по пути численно не только не уменьшилась, но и увеличилась за счет появившегося на улицах огромного количества всяких праздных зевак.

Те, кто хорошо представляют топографию Петербурга, могут легко представить себе, как и откуда они могли подходить, и создавалось впечатление, что было примерно так, как это было во время массовых московских демонстраций весны 1991 г. и событий осени 1993 г.: вокруг шествия собралось огромное количество праздного и постороннего народа, совершенно не рабочего вида и занятий людей, которые и создали эту огромную толпу и которые вызвали вот эту массовость ненужных жертв.

Мне кажется, что это интересные факты, которые в большей степени могут представлять профессиональный интерес для психологов, и психологи же скорее могут дать ответ относительно феномена поведения толпы 9 января.

И еще, может быть, следует сказать вот о чем. Если рассуждая о состоянии русского общества в начале 1905 г., привлечь некоторые аналогии из области естественных наук, я бы сравнил его с поведением перенасыщенного раствора, в котором процесс кристаллизации может начаться по механизму цепной реакции вокруг любой случайно попавшей в раствор инородной частицы, или с явлением так называемой “усталости металла”, когда его прочность может вдруг совершенно необъяснимым образом меняться. К нашему случаю эти аналогии имеют вот какое отношение. Мне представляется, что в обществе уже по меньшей мере несколько лет шло нарастание скрытых, латентных процессов, которые по отдельности имели разную конкретную мотивацию и свой механизм, но которые действовали параллельно и усиливали друг друга. Мне кажется, что в свете этих обстоятельств, даже если бы Николай II проявил себя 9 января по-другому, и “Кровавого воскресенья” не было бы, с высокой вероятностью могли случиться в феврале (не в феврале, так в марте, апреле и т.д.) аналогичные внешние поводы, которые могли вызвать совер-

шенно то же явление быстрого перехода общества в состояние активного революционного действия в силу этого, как мне кажется, фундаментального социально-психологического механизма, который вызвал, по крайней мере, не сверху, а “снизу”, события 9 января 1905 г.

В.Я. Гросул. Прежде всего, спасибо докладчице за то, что она выступила на эту тему. У нас эта тема непопулярная и даже преследуемая в какой-то степени. Но революция 1905 г. – одно из крупнейших событий русской истории XX в.

Поскольку мне приходилось читать спецкурс по политической истории XX в., имея всего 16 лекций, я одну лекцию посвящал революции 1905 г., считая ее весьма значительным событием.

Прежде всего вопрос альтернативности. Я считаю, что 9 января могло и не быть, а революция была неизбежной.

9 января царь мог бы вести себя по-другому, выйти на площадь, взять петицию, пригласить 5–7 мужичков, попить с ними чаек и кое-какие моменты сразу принять, сказать: “Вот это я принимаю. Это – не сейчас, попозже. Вот это – извините, сейчас война идет...”. И 9 января, может быть, и не было бы.

Революция была абсолютно неизбежной, потому что мы как-то забываем, что существуют законы социальной динамики, в соответствии с которыми старые, отжившие себя классы сходят с политической арены.

В России дворянство и старое духовенство сохранились, они во многом сохраняли власть. Сохранялось самодержавие. Самодержавие вошло в XX в. с феодальной идеологией и не замечало тех огромных изменений, которые происходили в русском обществе. И вот эта сила неизбежно должна была столкнуться с другой силой.

Мы мало пишем о серьезной борьбе между дворянством и буржуазией в начале XX в., у нас этот момент уходит в сторону. А эта борьба была очень значительной. Новая сила – это низы, пробуждавшиеся низы. Рабочий класс – это был тогда восходящий класс, и рабочие себя чувствовали восходящим классом. Они чувствовали свою силу, и посему задолго до революции 1905 г. идут донесения одно за другим министра внутренних дел императору: Ваше императорское величество, Россия приближается к революции. Об этом доносили министр внутренних дел Я.С. Сипягин в 1900 г., Плеве – в 1902, Лопухин писал нечто подобное и т.д. Верхи знали ситуацию достаточно хорошо.

По поводу Вашего вопроса, Юрий Александрович. Действительно, можно дать обстоятельный ответ. И уже разложено все по полочкам. Была создана комиссия, о чем говорилось в докла-

де. Была создана независимая комиссия сразу же, 9 января, куда вошли врачи, юристы, много адвокатов. Комиссия сразу все стала изучать, и это сложилось в общую картину, достаточно представительную: это было заранее запрограммированное побоище. К такому выводу они пришли еще тогда, в январе 1905 г. Это соответствовало управленческому почерку Николая II, что стало ясно уже в 1895 г., когда он послал знаменитую пресловутую телеграмму Фанаторийскому полку, который расстрелял забастовку на фабрике Карзинкиных. Этот управленческий почерк действовал до 1917 г. Это не только златоустовская история, не только Ленский расстрел и многое другое. Он считал, что править страной можно только так – можно и нужно, и Александра Федорова тоже его на это постоянно наставляла: ты должен быть сильным, ты должен быть могучим... Великий князь Владимир Александрович (потом он поделился своими воспоминаниями) не случайно был назначен командующим этими событиями: он был сторонником крепкой политики, поэтому его туда и поставили. Заранее разбили город на 8 участков, вызвали войска из смежных губерний. Все было сделано заранее: заранее дали им боевые патроны. А если даются боевые патроны, они стреляют. Избиение происходило в шести местах, а не только у Зимнего дворца. Где Невский мост, где Каменноостровский, а где Выборгская сторона? Вот где стреляли! Причем комиссия это потом подробно разъяснила, показала: стреляли даже в рестораны, стреляли во внутренних дворах! Причем жестокость была невероятная: нашли 17-летнего мальчика, у которого было 11 (!) колотых ран. Не только стреляли, но и кололи, и рубили. И была описана система этих ран. Все было расписано, все это хорошо известно. Даже монархисты были возмущены этим. Даже монархисты!

Так что я думаю, что это свидетельство не просто помрачения власти. Это свидетельство агонии этого режима, которая закончилась в 1917 г.

И поэтому, повторяю, революция, как таковая, неслучайна. Другого выхода у России не было. Дворянство власть добровольно не отдало бы, самодержавие власть не отдало бы.

У самодержавия власти не оставалось. Это было написано на роду. Это не фатализм, это результат исторических закономерностей. Революция – это не случайность, это закономерность.

В докладе употреблен термин “октябрьский переворот”. Это не случайная терминология. Первый документ 25 октября 1917 г. – Обращение военно-революционного комитета, где написано: “Да здравствует революция рабочих и крестьян!”. 25 октября Ленин выступает перед Петроградским Советом и говорит

о революции 25 октября. 26 октября в Декрете о земле Ленин применяет термин “Вторая Октябрьская революция”.

Грандиознейшая революция происходит на земном шаре, это же не просто петроградское вооруженное восстание. Не просто восстания во многих городах. Причем не надо забывать, что петроградский гарнизон, 200 тыс. человек, перешел на сторону большевиков. Это не какие-то пьяные матросики и Красная гвардия. 200 тыс. – петроградский гарнизон за неделю до революции признал ВРК и передал ему полномочия. Было ясно, что власть перейдет к большевикам.

Ну, а мы, понимаете ли, играем с терминологией.

В целом я хочу сказать, что я участвовал в шести конференциях по революции 1905 г., а было их больше. А у нас в Институте конференции не было, мы промолчали. Но зато мы выпустили толстую книгу, которая будет жить долго, больше, чем эти конференции.

Но вчера я как раз попал в ИНИОН, зашел и посмотрел. 20 шкафов я насчитал, прошелся, просмотрел их все, посвященные революции 1905 г. Так что я думаю, что дело изучения этой революций еще не погибло.

Ю.А. Тихонов. У меня такое соображение по поводу Вашего интересного доклада. Вы очень хорошо показали, что 9 января началась революция. Напряженность в столице нарастала. И расстрел народного мирного шествия привел к взрыву. В Вашем докладе показано: из-за царя и его ближайшего окружения не было согласованности в действиях армии и полиции. Возможно, понимая, что мирным путем невозможно справиться с нарастающим движением, верхи намеренно ничего не предпринимали в плане отдачи ясных приказов. Они надеялись спровоцировать негативную реакцию обывателей к открытым выступлениям рабочих. В чем-то сходное было положение в Петрограде в феврале 1917 г. В отсутствие царя оставшиеся в столице высшие чиновники не смогли оценить чреватую открытым выступлением обстановку. Вопреки предостережениям охраны никаких упреждающих мер не принималось в надежде, что все обойдется. Боязнь принять на себя какую-либо ответственность за те меры, которые могут нарушить течение столичной жизни, обрекала полицию на бездействие. Им и в голову не приходило обратиться в ставку с просьбой о присылке фронтовых боевых частей и отправке на фронт запасных полков. Можно, таким образом, говорить о системном кризисе власти.

И.М. Пушкарева. В заключительном слове хочу поблагодарить С.В. Калмыкова за важные, основанные на новых источни-

ках, дополнения к моему докладу, а также Ю.А. Тихонова и В.Я. Гросула за поддержку моего выступления по “революционной” теме. Они привлекли внимание к проблеме: умышленно ли силовые структуры ничего не предпринимали, чтобы “потопить в крови” протестное движение, и действительно ли 9 января 1905 г. было “запрограммированным побоищем”, как считает В.Я. Гросул. Он говорит, что, якобы, к таким выводам пришла Комиссия присяжных поверенных. В.Я. Гросул представляет революцию как процесс на макроуровне, как классовую борьбу дворянства и буржуазии против “восходящего рабочего класса” и т.д. Но доклад специально анализировал события революции на микроуровне. В нем сделана попытка доказать, что, ориентируясь только на марксизм, можно упростить ход истории, в нем корректируется стереотип о “намерениях” самодержавия путем провокации расправиться с рабочими. Все было гораздо сложнее и поучительнее для будущих правительств. В силовых структурах самодержавия были разные люди. Великий князь Владимир Александрович, слывший знатоком французской революции конца XVIII в., казнившей Людовика XVI, действительно готов был к тому, чтобы “потопить в крови” недовольство народных масс. Но был и министр внутренних дел П.Д. Святополк-Мирский, склонный к компромиссам и даже пытавшийся осторожно “лоббировать” в пользу земской общественности. Членов Государственного совета, министров и других представителей царской бюрократии можно развести по разным полюсам. Накануне 9 января правительство безмолвствовало. Поведение же силовых структур было продиктовано самой государственной системой с ее Сводами законов Российской империи. Для ограждения Зимнего дворца от народа да еще с петицией не требовалось никакого иезуитства, коварного двуличия. Вопрос решался сам собой и однозначно. Об этом и сказал Николай, считая, что расстрел был просто следствием того, что рабочие “желали дойти до Зимнего дворца” и их “по-отечески” наказали. В том-то и дело, что “верхи” в целом недостаточно хорошо знали ситуацию в России.

Освобождаясь от другого стереотипа – “9 января 1905 г. началась революция в России” – хотелось бы подчеркнуть, что события 9 января 1905 г. стали детонатором революционного процесса, а началом революции было массовое движение в центре и на окраинах страны с выборными организациями, Советами, с подготовкой восстания и т.д., которое “набирало обороты” после “Кровавого воскресенья”.

Отвечая В.Я. Гросулу, поскольку сама вышла за тему доклада, сказав об “Октябрьском перевороте в 1917 г.” и тем вызвала

критическое замечание В.Я. Гросула, хочу подчеркнуть, что я лично разделяю мнение В.И. Старцева и других историков, которые считают, что 25 октября 1917 г. произошел Октябрьский переворот. И не случайно В.И. Ленин употреблял и это слово. Большевики взяли власть, совершив переворот (перелом), начав социалистическую революцию.

В.Я. Гросул. В нескольких пунктах в России власть к Советам перешла раньше, чем в Петрограде. В Луганске, например. Как быть с Луганском? (Шум в зале).

И.М. Пушкарева. Что же нам теперь считать, что социалистическая революция началась с Луганска? Советы возникли сразу после Февральской революции. В них действовали не только большевики, но и меньшевики, и эсеры. Большевики, устранив их, совершили переворот для реализации своей программы. После 25 октября 1917 г. началась социалистическая революция (национализация, аграрная, культурная), направленная на ликвидацию прежнего общественного и политического строя. Впрочем, это примерно то же самое, что считать 9 января 1905 г. не детонатором революционного процесса, а началом революции.

А.В. Мишина

АТАМАН МАХНО И КРАСНАЯ АРМИЯ*

Истоки повстанчества на юге России и, прежде всего, на Украине лежат в той ситуации, которая сложилась после Февральской и Октябрьской революций. Это был период ломки устоявшейся государственной системы управления, время, когда центральная власть уже не могла контролировать ситуацию на местах, главным образом, в деревне.

Крестьяне воспользовались этой ситуацией, чтобы воплотить в жизнь требования, сформулированные еще в годы Первой русской революции 1905–1907 гг.: земля для тех, кто на ней работает, и признание государством права крестьян на местное самоуправление.

После Февральской революции в условиях распада государственной машины, когда никто уже не мог помешать, крестьяне получили возможность самим реализовать свою программу. 1917 г. – это год “черного передела” в деревне: крестьяне, не дожидаясь разрешения государства, начали захватывать и делить между собой помещичьи и другие земли, пригодные для сельского хозяйства. Земли были переданы общинам или, там, где их не было, новым местным органам крестьянского самоуправления – временным исполнительным комитетам, советам и др., которые установили уравнительное землепользование в соответствии с размером семьи или “трудовой нормой” (количеством работников в каждой семье). Как пишет современный российский историк Т.В. Осипова, “...крестьянам хватило двух месяцев для слома сословной системы власти... Крестьяне были непримиримы к старым органам власти, ибо в них они были сословием неполноправным. Волостные и сельские органы крестьянской власти создавались под разными названиями: комитеты народной власти, союзы, советы и др. С апреля за ними утвердилось название временных исполнительных комитетов”¹.

---

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 16 февраля 2006 г.

Это была действительно “своя власть”, и крестьяне в этом отношении доверились большевикам, призывающим не ждать Учредительного собрания, брать власть на местах в свои руки. Большевики, придя к власти, временно удовлетворили требования крестьян, с тем, чтобы иметь время укрепить свои позиции. Но здесь же лежат истоки будущего конфликта большевиков и крестьян, будущего похода большевиков на деревню. Как отмечал Карл Радек, “крестьянин только что получил землю, он только что вернулся с войны в деревню, у него было оружие и отношение к государству, весьма близкое к мнению, что такая дьявольская вещь, как государство, вообще не нужно крестьянину. Если бы мы попытались обложить его натуральным налогом, мы бы не сумели собрать его, так как для этого не было аппарата, а крестьянин добровольно бы ничего не дал. Нужно было сначала разъяснить ему весьма грубыми средствами, что государство не только имеет право на часть продуктов граждан для своих потребностей, но оно обладает и силой для осуществления этого права”².

В России ухудшение продовольственного положения и угроза голода в городах заставляет большевистское правительство в мае 1918 г. ввести продовольственную диктатуру. Отсутствие налаженного заготовительного аппарата и четкой системы налогообложения приводит к тому, что в деревню двинулись наделенные чрезвычайными полномочиями вооруженные продовольственные отряды из рабочих для изъятия “излишков”. Стремясь найти опору в деревне, создать действующий аппарат снабжения продовольствием городов и армии, большевики в июне 1918 г. организуют в деревнях комбеды. Крестьянство не успело еще организовать и четко сформулировать свое отношение к новой власти, поэтому, несмотря на сопротивление, в России у большевиков хватило и административных, и человеческих ресурсов для проведения своей политики. Совсем иная ситуация была на Украине.

Еще при Временном правительстве здесь установилась власть Центральной рады во главе с Михаилом Грушевским. Центральная рада провозгласила автономию Украины и учредила Украинскую Народную Республику (УНР). Когда к власти в России пришли большевики, 22 января 1918 г. Рада, не желая иметь с ними ничего общего, провозгласила независимость УНР. Советское правительство пыталось воспрепятствовать отделению Украины. 8 февраля войска В.А. Антонова-Овсеенко даже захватили Киев, но Центральная рада послала свою делегацию в Брест-Литовск, где Германия и другие державы Четверного союза 9 февраля подписали с ней отдельный от России мирный договор. Правительству РСФСР ничего другого не оставалось, как

признать этот договор, а следовательно, независимость Украины и позволить там находиться войскам Германии и Австро-Венгрии.

Когда на Украину пришли австро-немецкие войска, вместо Центральной рады они поставили во главе страны гетмана Скоропадского. Помещики стали возвращаться в свои имения и наводить порядок, наказывая крестьян “за самоуправство”. Оккупация, возвращение помещиков не могли не вызвать озлобления крестьян. Несогласные стали уходить в леса, в подполье. Крестьянство стало организовываться в боевые отряды, во главе которых стали местные вожаки. “Нестор Махно, Григорьев, Зеленый и др., – отмечает советский историк В. Руднев, – все эти прославленные вожди атаманщины начинали свою атаманскую карьеру в качестве руководителей партизанских отрядов, выступавших против гетмана Скоропадского и немцев, одни самостоятельно, как Махно, другие в составе петлюровских повстанческих войск, как, например, Григорьев и Зеленый”³.

Организации отрядов способствовала также демобилизация старой армии, которая наводнила деревню оружием. Партийная принадлежность вожаков часто определялась случайным фактором или популярностью той или иной партии в данной местности. Так, на Украине огромной популярностью пользовались украинские социалистические партии УСДРП и УПСР. Программы этих партий поддерживали такие атаманы, как Григорьев, Зеленый, Струк, Соколовский. В районе Екатеринославщины заправлял Махно, который считал себя “анархо-коммунистом”.

Таким образом, когда большевики в конце 1918 г. пришли на Украину, они имели дело с уже организованными силами, выдвинувшими собственных вождей, имеющих собственные политические программы.

Первоначально большевики получили поддержку местного крестьянского населения и повстанческих отрядов. Эта поддержка была связана прежде всего с надеждами, которые возлагало местное крестьянство на власть большевиков. Власть, которая дала землю крестьянству, воспринималась как “своя”, защищающая интересы крестьян. Но политика большевиков в деревне не оправдала этих надежд – В.И. Ленин проводил по отношению к Украине политику, заключающуюся в требовании выжимать в более короткие сроки как можно больше зерна для России.

На Украине была введена продразверстка, организовывались комбеды. Для выкачки продовольствия у крестьян приоритет отдавался использованию военной силы. Такие методы не могли не вызвать недовольства крестьян большевиками. Все это создава-

ло почву для восстаний, которые на Украине имели такой масштаб, что были названы “внутренним фронтом”. Недовольство крестьян политикой большевиков в деревне не могло не повлиять и на надежность частей Красной армии, состоящих из местных повстанцев. В связи с этим начинается наступление на “партизанщину” в частях Красной армии. По отношению к слишком независимым лидерам повстанцев начинают применяться чрезвычайные меры.

Основной такой мерой было устранение наиболее самостоятельных предводителей партизанских отрядов с тем, чтобы влить их войска в единую Красную армию. Предполагалось, что, лишившись предводителей и связи со своей местностью, войска утратят свой партизанский характер. Подобная участь постигла многих повстанческих лидеров как в России, так и на Украине. Но, как уже отмечалось, ситуация на Украине имела свою специфику. Здесь повстанческие силы были более организованны, независимы от большевиков и не теряли связи с родной местностью. Они, хотя и сотрудничали с большевиками, входили в состав Красной армии, но только до тех пор, пока это было им выгодно. Такая самостоятельность делала их особенно опасными для большевиков.

Показателен в этом отношении пример взаимоотношений с большевиками лидера повстанцев Нестора Ивановича Махно.

Махно – одна из самых неоднозначных фигур Гражданской войны. Анархист и крестьянский вождь в одном лице, он сумел подчинить себе все местные крестьянские отряды Екатеринославщины и в течение значительного периода Гражданской войны контролировал эту территорию, ведя активную борьбу с австро-немецкими войсками, петлюровцами, большевиками и белогвардейцами.

Нестор Иванович Махно родился в 1888 г. в Гуляйполе в бедной крестьянской семье. В юности, в 1906 г. примкнул к террористической “Крестьянской группе анархистов-коммунистов”, занимался вместе с ними “экспроприациями” и покушениями на полицейских, за вооруженный налет был схвачен жандармами и приговорен к повешению. Позже приговор заменили пожизненной каторгой. Каторгу отбывал в Москве в Бутырской тюрьме, где познакомился с будущим идеологом махновского движения Петром Аршиновым. Февральская революция 1917 г. освободила Махно, и он вернулся в Гуляйполе, где возглавил местную Группу анархо-коммунистов (ГАК). Воспользовавшись тем, что Центральная рада не могла контролировать ситуацию на местах, и заручившись доверием местных крестьян, Махно становится

председателем районного крестьянского союза, земельного комитета, Гуляйпольского совета крестьян и рабочих. “Махно и ГАК, – отмечает современный российский историк А.В. Шубин, – быстро создали систему общественных организаций под своим контролем – Крестьянский союз (затем – совет), профсоюзы, заводские комитеты, комитеты бедноты, кооперативы. Вскоре совет стал единственной властью в этих местах. Председателем совета стал Махно. Одновременно он возглавлял и местные профсоюзы”⁴. Это позволило Махно возглавить движение крестьян по разделу земель помещиков. Он предложил, чтобы помещики и кулаки пользовались землей наравне с трудовым крестьянством, и районный съезд крестьян, по его предложению, постановил: оставить кулакам и помещикам по трудовой норме земли, а также живого и мертвого инвентаря. По примеру гуляйпольского района такие постановления были вынесены на многих уездных съездах крестьян Екатеринославской, Таврической, Полтавской, Харьковской и других губерний⁵. Это способствовало укреплению авторитета Махно.

1918 г. начался с наступления австро-немецких войск на Украину. Первоначально организовать оборону Гуляйполя не удалось, и Нестору Махно пришлось на время покинуть Украину. Он отправляется в путешествие по России. В своих воспоминаниях он пишет о своей встрече в Москве с В.И. Лениным и Я.М. Свердловым, которые поддерживают его намерение вернуться на Родину для организации сопротивления австро-германским войскам.

Вернувшись в Гуляйполе, Махно возглавляет местный партизанский отряд по борьбе с гетманским режимом и австро-германскими войсками. По словам В.А. Антонова-Овсенко, “...организованный им небольшой партизанский отряд становится грозой австро-германских войск и местной буржуазии... Смелость и предприимчивость Махно привлекают к нему организаторов других самостоятельных партизанских групп (Куриленко – действовал в Бердянском районе, Щусь – в Дибровском, Петренко – в Гришинском), которые объединяются под командованием Махно в единый отряд. Он действует в тесном контакте с местным крестьянством. Местные крестьяне укрывают его партизан, кормят, помогают им разведкой и живой силой, вливаясь целыми сотнями в махновские отряды для проведения тех или иных экспедиций...”⁶. В результате повстанческое движение в июле 1918 г. уже распространялось на широкий район Пологи – Гришино – Гуляйполе. Размах движения удивил даже его организаторов. Вот что пишет в своих воспоминаниях один из соратников Махно, Чубен-

ко: “Конечно, я не думал, что это движение примет массовый характер. Махно также не думал, что так будет, это видно было из того, как он намечал план действия. Он намечал сначала индивидуальный террор и небольшую террористическую группу...”⁷.

После ухода немцев с Украины в ноябре 1918 г. и падения режима гетмана Скоропадского к власти на Украине пришла Директория, во главе которой встали В. Винниченко и С. Петлюра. Сложилась новая ситуация. По словам А.В. Шубина, “Коллапс режима Скоропадского привел к тому, что в Таврии единая власть фактически перестала существовать. Здесь, помимо махновцев, действовали еще немецкие соединения, обеспечивающие отход своих войск на запад, помещичьи и кулацкие отряды. Чтобы оградить от них крестьян, Махно решает создать единую повстанческую зону с единым фронтом под командованием махновского штаба... Махновский штаб по существу установил контроль над обширным районом Приазовья с неясными границами – на юге начинаются стычки с красновцами, на западе ощущается давление со стороны Украинской Директории... Но махновский штаб еще не вполне контролировал внешне лояльных ему командиров. Махно принялся бороться с несанкционированными поборами и грабежами”⁸.

К этому же периоду относится союз Махно с большевиками, когда они объединили свои силы в борьбе с петлюровцами. Он принял предложение екатеринославских большевиков о совместной борьбе против петлюровцев и в конце 1918 г. в качестве командующего Советской революционной рабоче-крестьянской армией Екатеринославского района ненадолго отбил у петлюровцев Екатеринослав.

А в феврале 1919 г., когда отряд П. Дыбенко наступал на Екатеринослав и вошел в соприкосновение с махновцами, Махно принял предложение большевиков войти на общих основаниях в состав Красной армии для борьбы с Деникиным. Как вспоминает Чубенко, «Штаб Дыбенко в то время был в Синельникове, но сам Дыбенко был в Нижнеднепровске и наступал на Екатеринослав. Когда я ему сказал о том, сколько у нас, а уже в то время было около 40 тысяч, и сказал о том, что мы все идем за советскую власть... [и что] я не уполномочен говорить на политическую тему, а я уполномочен только просить Вас о том, чтобы Вы дали нам патронов и бронепоезд, а остальное, когда Вы приедете, тогда будете говорить сами с Махно... Дыбенко выслушал меня и сказал – “Ах, надоели мне эти анархисты”, – я ему сказал – “А, чего же вы спрашиваете нашу политическую окраску?”. После этого было дано распоряжение о том, чтобы дали мне 500 тысяч

патронов и выслали бронепоезд № 8... Когда мы выбили белых из Полог... тут же в Пологи приехал и тов. Дыбенко, который объявил Махно о том, что он назначен командиром 3-й Заднепровской бригады, а все войска должны развернуться в бригаду. Тут же были присланы политкомы... Таким образом произошло сединение»⁹.

Идеолог махновского движения Петр Аршинов так оценивает этот союз: «Махно и штаб повстанческой армии прекрасно видели, что приход к ним коммунистической власти несет с собой новую угрозу свободному району; что это – вестник гражданской войны с другого конца. Но этой войны ни Махно, ни штаб армии, ни районный совет не хотели. Она могла губительно отразиться на судьбе всей украинской революции. Главным образом принималось во внимание то, что с Дона и Кубани шла организованная откровенная контрреволюция, с которой мог быть только один разговор – разговор оружием... У повстанцев была надежда, что борьба с большевиками ограничится идейной областью... Общее мнение руководителей повстанчества было то, что все свои силы следует направить против монархической контрреволюции и уже после ее ликвидации обратиться к идейным расхождениям с большевиками»¹⁰.

Но у руководства махновцев и Красной армии были разные точки зрения на условия вхождения махновских частей в состав Красной армии. В этот период большевики берут курс на строительство регулярной армии. Как пишет в своих воспоминаниях командующий Украинским фронтом В. Антонов-Овсеенко, «он [Махно] обязался переорганизовать свои отряды в бригаду штатного состава (3-я бригада Заднепровской дивизии под командованием П. Дыбенко), отказаться от выборного начала командиров, принять наших политических комиссаров, получать снабжение и всех видов довольствие в установленном порядке. Он обязался также упразднить Военно-революционный штаб, созданный им в Гуляйполе»¹¹.

Но совсем другая точка зрения на этот счет у Петра Аршинова. По его словам, «Повстанческая армия вошла в состав Красной армии на следующих основаниях: а) внутренний распорядок ее остается прежним; б) она принимает политических комиссаров, назначаемых комвластью; в) она подчиняется высшему красному командованию лишь в оперативном отношении; г) армия с противоденикинского фронта никуда не уводится; д) армия получает военное снаряжение и содержание наравне с частями Красной армии; е) армия продолжает называться Революционной Повстанческой, сохраняя при себе черные знамена. Армия

повстанцев-махновцев была построена на трех основных принципах – на добровольчестве, выборном начале и на самодисциплине... При вхождении в Красную армию все эти основания сохранились в махновской армии...”¹².

Налицо был явный конфликт: руководство Красной армией хотело видеть армию Махно влившейся в свой состав, полностью подчиняющейся общей дисциплине и распоряжениям Центра, в то время как Махно и его окружение дорожили независимостью, возможностью вести самостоятельную политику. К тому же, основу войск Махно составляло местное крестьянство, которое отстаивало собственные интересы, а не интересы большевиков. В данный момент задача у большевиков и крестьян оказалась одна – борьба с Деникиным, но на каких основаниях будут строиться дальнейшие их отношения, еще предстояло решить.

Командующий Украинским фронтом В. Антонов-Овсеенко верил в возможность реорганизации махновской армии и искренне уважал Махно. В своих статьях за 1919 г. он так отзываясь о Махно: “Убеденный анархист, лично честный парень, за спиной которого совершалась всякая пакость – мог быть великолепно использован нами, если бы мы имели недостающий нам аппарат. Утвержденный бригадным командиром 3-й бригады Заднепровской дивизии, отданный под начало Дыбенки, Махно постепенно преобразовывал свои части. Комитеты в частях были уничтожены, введены политкомы, но они оказались слабоваты, командного состава не было, поставить правильно снабжения не могли по общим причинам, и части Махно оставались в переходящем состоянии. Но некоторые из них дрались с казаками превосходно и, нет сомнения, еще долго бы отстаивали свой район, если б у них были патроны”¹³.

Но у центрального командования Красной армии было другое мнение на этот счет. Оно стремилось оторвать махновцев от их родного района, ассимилировать их в Красной армии, в результате чего махновцы были переданы из состава Украинского фронта в подчинение Южного фронта.

Началось так называемое наступление на “партизанщину”, поводом для наступления на которую послужило вспыхнувшее против большевиков в мае 1919 г. восстание атамана Григорьева. 17 мая в телеграмме Ленину Троцкий отмечал, что “григорьевским мятежом нужно воспользоваться в двух направлениях: первое – радикальное – беспощадная ликвидация партизанщины, самостоятельности, хулиганской левизны. Второе – перенесение центра внимания на Донецкий бассейн. Ввиду того, что для упорядочения отношений пропущены все сроки, необходимы действия

исключительной решительности. Вместе с Григорьевым нужно ликвидировать остальных и отстранить их идеологов, поднять широкую агитацию в пользу дисциплины и порядка, дабы оставить в сознании рабочих масс Украины глубокую зарубку”¹⁴.

Прежде всего началось наступление на Махно как на одного из самых влиятельных после убийства Григорьева повстанческих командиров. Основным способом борьбы было прекращение снабжения войск оружием и боеприпасами. Аршинов так оценивает эту ситуацию: “...Тактику блокады они [большевики] вели в целях низведения к нулю военной силы района. С безоружным легче бороться, чем с вооруженным. Повстанчество без патронов, связанное притом тяжелым деникинским фронтом, легче будет обезоружено, чем то же повстанчество, имеющее патроны. Но в то же время большевики не отдавали себе никакого отчета в обстановке всего Донецкого района. Деникинский фронт и деникинские силы были для них неизвестностью. Неизвестны были и ближайшие планы Деникина. А между тем на Дону, Кубани и Кавказе были сформированы громадные хорошо обученные военные части для генерального похода на революцию... Всего этого большевики не знали, вернее не хотели знать, отдавшись целиком идее борьбы с махновщиной”¹⁵.

Действительно, весна – лето 1919 г. – время, когда Деникин, воспользовавшись успехами своих армий на Северном Кавказе, направляет Кубанскую Добровольческую армию с Северного Кавказа на Донбасс и в Донецкую область. Начинается массированное наступление. В это время Махно и его части удерживали фронт в районе Купянск – Святово.

Помимо прекращения снабжения оружием, из-за восстания Григорьева Махно не получил и военного подкрепления. “Восстание Григорьева, – по словам Антонова-Овсеенко, – сорвало начавшуюся отpravку на Южфронт 2-й Украинской дивизии. Пришлось ее двинуть от Фастова правым берегом Днепра против кулацких банд. Резервы, подготовленные 2-й армией также не могли быть использованы для поддержки бригады Махно”¹⁶. В результате Махно и его части не смогли удержать фронт – конница кубанского генерала Шкуро прорвала фронт красных и заставила их начать отступление. Вся ответственность за “прорыв Шкуро” была возложена на махновские части.

Антонов-Овсеенко пытался встать на защиту Махно. В июле 1919 г. он писал в ЦК РКП: «... Может быть, вам сообщают, что именно украинские части и внесли разложение в Южный фронт, заразив его “партизанщиной” и бандитизмом. Это чепуха. Прежде всего, факты свидетельствуют, что утверждение о слабости

самого заразного места – района Гуляйполе – Бердянск – неверны. Наоборот, именно этот угол оказался наиболее жизненным со всего Южного фронта... И это не потому, что здесь мы были наилучше в военном отношении организованы и обучены, а потому, что войска здесь защищали непосредственно свои очаги. Нестойкость же, проявленная этим районом в последнее время, объясняется, главным образом, недостатками снабжения – патрон совсем не было, винтовки были различных систем и т.д. Махно еще держался, когда бежала соседняя 9-я дивизия, а затем и вся XIII армия...»¹⁷.

Но несмотря на то что общая военная ситуация требовала более лояльного отношения к самостоятельности махновцев, командование Красной армией решило воспользоваться поражением махновцев для ликвидации их как самостоятельной силы. Командующий 14-й армией Ворошилов и член реввоенсовета армии Межлаук писали в своем отчете о проделанной работе, что «еще в мае тов. Троцким было обращено внимание на невероятное хаотическое состояние 2-й Укрармии и нам дано было поручение приложить все силы для приведения ее в порядок. После прорыва Шкуро, уничтожившего совершенно Махно, как вооруженную силу, и катастрофического отката всех армий, топтавшихся в Донбассе, нам было передано назначение от имени реввоенсовета республики для принятия командования 2-й Укрармией, переименовавшейся в 14-ю... Тов. Троцкий правильно считал, что прежде, чем реорганизовать 14-ю армию, необходимо ликвидировать совершенно Махно и махновщину и затем энергично взяться за постройку совершенно новой военной силы... Для ликвидации махновщины тов. Троцким предложено было открыть немедленно агитацию против махновщины и организовать военную силу, прекратив одновременно снабжение Махно деньгами, боевыми припасами и проч[им] военным имуществом»¹⁸.

Махно в ответ на такую политику складывает с себя полномочия комбрига. 29 мая члены РВС Южного фронта В. Гиттис и А. Колегаев докладывали замнаркомвоену В. Межлауку, что «реввоенсовет Юж[ного] указывает, что действия и заявления Махно как комбрига 7 дивизии, самовольно снявшего с себя обязанности комбрига с предоставлением частям вверенной ему бригады (именуемой им дивизией) по своему желанию переходить в подчинение южфронту и начдиву 7, расходиться или разделяться на самостоятельные отряды, – является преступлением. Неся ответственность за определенный участок фронта, вторая армия Махно своим заявлением вносит полную дезорганизацию в управление командований и предоставляет частям действовать по

усмотрению, что равносильно оставлению фронта. Махно подлежит аресту и суду Ревтрибунала, по сему Реввоенсовету второй армии предписывается принять немедленно все меры для предупреждения возможности Махно избежать соответствующей кары”¹⁹.

В историографии день 29 мая трактуется как день, когда “Махно открыто выступил против советской власти, и его войска ушли на Екатеринославщину, оставив правый фланг 13-й армии один на один с противником (войсками Деникина)”²⁰. В свое оправдание Махно рассылает телеграммы в адрес Ленина, Троцкого, Ворошилова и др., где пишет: “...Абсолютно убежден в том, что центральная государственная власть считает, [что] все повстанчество в целом несовместимо с государственным строительством в том его смысле, в каком это строительство проводится современной государственной властью, одновременно с этим, центральная власть считает повстанчество связанным со мною, и существующие недружелюбие и вражда центральной власти к повстанчеству переносится, главным образом, на меня... Думаю, что с моим уходом центральная государственная власть перестанет подозревать революционное повстанчество в заговорах против Советской Республики и [будет] относиться к нему со всей серьезностью как [к] живому деятельному детищу социальной массовой революции на Украине, а не как к подозрительному [типу], с которым торговались из-за каждого патрона, который часто просто саботировался военным снаряжением и обмундированием, благодаря чему важный во всех отношениях повстанческий фронт нес не нужные и при ином отношении к нему центральной власти легко устранимые [потери] на фронте”²¹.

Махно удалось скрыться, но начальник его штаба Озеров, члены штаба Михалев-Павленко, Бурбыга и другие были схвачены большевиками и казнены. Сохранился приговор Чрезвычайного военно-революционного трибунала Донецкого бассейна штабу Н.И. Махно от 17 июня 1919 г., в котором говорится: «Так называемый “Штаб Махно” повинен в дезорганизации советской власти в Гуляйпольском районе, то есть как раз в одном из самых важных районов прифронтовой с белыми полосы. Это создало слабое место, быстро нащупанное белыми (что доказывается письмами [ген]ерала Шкуро к Махно), по которому при своем наступлении белые ударили прежде всего. Здесь образовался прорыв, ворвавшись через который белые ударили Красной армии во фланг и в тыл. Во время начавшегося панического отступления махновских отрядов штаб, после взятия Гуляйполя, преступно разбежался и, притом, с такой поспешностью, что всякая связь была утеряна, и отдельные ответственные чины штаба не знали,

кто куда бежал. Дошло до того, что адъютант нач[альника] Штаба Озерова – некий Олейник – не знает до сих пор, где находится Озеров.

Постоянная проповедь партизанства, своеволие, выборное начало в армии и т.п. расшатало мощь соседней с махновцами армии и в значительной мере содействовало успеху белых. Таким образом, “Штаб Махно” повинен в том, что доставил возможность белым зайти Красной армии в тыл, что сам позорно и трусливо бежал, потеряв связь с частями и рассеявшись в разные стороны, и в том, что систематически развращал не только свои, но и соседние воинские части. Поэтому все чины “Штаба Махно”, все пособники деятельности Штаба повинны в содеянии тяжкого преступления против рабоче-крестьянской революции направленного... Чрезвычайный военно-революционный трибунал Донецкого бассейна, приняв во внимание тяжелое положение Донецкого района Южного фронта, при котором каждое дезорганизующее действие является прямой изменой рабоче-крестьянской революции, независимо от мотивов, побудивших это действие совершить, постановили означенных: Михалева-Павленко, Бурбыгу, Олейника, Коробко, Костина, Полунина и Добролюбова – расстрелять»²².

Этот факт вызвал активное неприятие анархистской общественности и явился одной из причин взрыва помещения Московского комитета коммунистической партии в Леонтьевском переулке 25 сентября 1919 г., от которого погибло 10 человек, пострадало – 55. В извещении, подписанном Всероссийским повстанческим комитетом партизан, говорилось: “17 июня с.г. Чрезвычайный военно-революционный трибунал расстрелял в Харькове семь повстанцев: Михалева-Павленкова, Бурбыгу, Олейника, Коробко, Костина, Полунина, Добролюбова, а затем Озерова. 25 сентября с.г. революционные повстанцы отомстили за их смерть Московскому комитету большевиков. Смерть за смерть! Первый акт совершен, за ним последуют сотни других актов, если палачи революции своевременно сами не разбегутся”²³.

Как вспоминал Аршинов, в такой тяжелой ситуации Махно обратился к повстанческим войскам с воззванием, в котором “...осветил создавшееся положение, заявил о своем уходе с командного поста и просил повстанцев держать фронт против деникинцев с прежней энергией, не смущаясь тем, что они временно будут находиться под командой большевистских штабов. В соответствии с этим обращением большая часть махновских полков осталась на своих местах, встав под начало красного командования на положении красноармейцев”²⁴.

В. Чубенко также оставил воспоминания об этом периоде: "...Махно пошел в штаб, где его ждал новый командир дивизиона. Махно тут же сдал все дела, обменялись с новым командиром дивизии записками, тот ему дал, что принял, а Махно, что сдал. После сдачи штаба дивизии Махно взял с собою 65 человек ответственных работников и членов штаба и направился на фронт. Фронт был в то время в направлении станции Синельниково... Доехав до села Софиевка, в которой в то время был районный крестьянский суд, мы пошли туда послушать, что они там говорят. Когда мы пришли на съезд, то крестьяне заявили Махно... что, несмотря на то, что тебя, батько Махно, объявили вне закона, а мы тебя выбираем почетным председателем. Махно поблагодарил их за это, а они стали говорить, что все, кто тебя объявляют вне закона, те нас не будут, мы знаем, защищать, а только и надежда на тебя, батько Махно, что ты нас не оставишь и не дашь издеваться над нами нашим помещикам. Тут Махно попросил слова и стал говорить, что никогда крестьян Украины не бросит, если они его будут поддерживать..."²⁵.

По мере вытеснения Деникиным Красной армии с территории Украины, в конце июля 1919 г. крымские части большевиков (бывшие махновские командиры Калашников, Дерменджи, Буданов) совершили военный переворот, и пошли на соединение с Махно.

Под напором деникинцев начался отход Махно, который удалось остановить только под Уманью, занятой петлюровцами. Петлюровцы, несмотря на соглашение с махновцами о нейтралитете, пропустили через свою территорию добровольческие части, и махновцы оказались в окружении. Но Махно удалось вырваться 26 сентября 1919 г. из окружения и начать громить тылы деникинских войск. Через неделю – полторы весь юг Украины был очищен от добровольцев, были захвачены Кривой Рог, Никополь, Гуляйполе, Бердянск, Мелитополь, Мариуполь, возникла угроза Таганрогу – ставке Деникина.

Активный деятель Гражданской войны и военный историк Н.Е. Какурин писал по этому поводу: «...Одним из возбудителей повстанчества в тылу южных белых армий являлся закон об отдаче помещикам 1/3 урожая с помещичьих земель... К 20 октября 1919 г. силы Махно образовали довольно прочное организационное ядро в количестве 28 000 штыков и сабель при 50 орудиях и 200 пулеметах. Кроме того, ему удалось захватить у белого командования бронепоезд. Посадив свою пехоту на подводы и вооружив их пулеметами, Махно сделал свою "армию" чрезвычайно подвижной. Главным театром его действий являлась Екатерино-

славская и отчасти Херсонская губернии, хотя, пользуясь своей подвижностью, его банды появлялись эпизодически и далеко за пределами излюбленного района Махно. Быстро передвигаясь с места на место, Махно занимал административные центры в тылу у белых, нарушая все управление и связь. Так, в течение нескольких недель Махно занимал Екатеринослав; в его руках были Мелитополь и некоторые другие города Украины и юга России, и, наконец, его банды стали угрожать Таганрогу, где находилась ставка Деникина. Борьба с неуловимым Махно отвлекала много сил у белого командования с фронта, где в это время назревал уже перелом в операциях не в пользу белых...»²⁶.

Как отмечает Петр Аршинов, «...в соответствии с исторической истиной, должны сказать здесь, что честь победы над деникинской контрреволюцией осенью 1919 г. принадлежит, главным образом, махновцам. Не будь уманского прорыва и последовавшего за ним разгрома тыла, артиллерийской базы и всего снабжения деникинцев, последние, вероятно, вошли бы в Москву приблизительно в декабре 1919 г.»²⁷ Конечно, это явное преувеличение, но и недооценивать роль махновцев в поражении А.И. Деникина тоже не стоит.

После победы над Деникиным Красная армия и махновцы начали восстанавливать отношения. Но конфликт не заставил себя долго ждать: реввоенсовет 14-й армии отдал приказ махновцам наступать на польский фронт. Как пишет тот же Аршинов: «Всем стало ясно, что это – первый шаг большевиков к новому нападению на махновцев. Направить повстанческую армию на польский фронт – это значит перерезать его главную артерию. К этому стремились большевики, чтобы иметь возможность беспрепятственно хозяйничать в непокорном районе, и это прекрасно видели махновцы. Кроме того, само это обращение возмутило махновцев: ни 14-я армия, ни какая-то другая красноармейская единица не находилась ни в какой связи с махновской армией; меньше всего они могли давать приказы повстанческой армии, вынесшей единственно на своих плечах всю тяжесть борьбы с контрреволюцией»²⁸.

Подтверждение этой точки зрения можно найти в переписке Л.Д. Троцкого и И.В. Сталина. Так, 9 января 1920 г. Л.Д. Троцкий писал: «Получена обширная телеграмма Махно, мотивирующая его отказ подчиниться командованию и выступить на польский фронт... Сообщите, что Вам известно об армии Махно... Полагаете ли Вы возможным немедленно приступить к окружению и полной военной ликвидации Махно... Необходимо немедленно открыть широкую кампанию, клеймящую Махно за отказ вы-

полнить приказ и оборонять правобережную Украину от польских панов как простого грабителя и дезертира”. И.В. Сталин в тот же день отвечал: “...Окружение Махно, начатое несколько дней назад, закончится девятого. Приказ о выступлении против поляков был дан намеренно для того, чтобы получить лишний материал против Махно для разложения его сподвижников, среди которых царят разногласия. Ваш совет о широкой кампании исполняется реввоенсоветами и ревкомом Украины”²⁹.

В результате в течение весны – лета 1920 г. махновцам пришлось воевать с Красной армией. Только опасность врангелевского наступления заставила большевиков вновь пойти на союз с Н.И. Махно. 10 и 15 октября 1920 г. были выработаны условия соглашения. Прекращалось преследование махновцев, Революционная повстанческая армия Украины (махновцев) вошла в состав Красной армии как партизанская, в оперативном отношении подчиненная высшему командованию, но сохраняя при этом внутри себя установленный ранее порядок.

Троцкий отмечал по этому поводу в газете “В пути” (№ 132, 11 октября 1920 г.): «Мы, конечно, можем только приветствовать тот факт, что махновцы хотят отныне бороться не против нас, а вместе с нами против Врангеля. Но наше соглашение с махновцами ни в коем случае не должно иметь временного характера. Рабочий класс Украины не может допустить, тем более в условиях громадной военной опасности, чтобы отдельные отряды то сражались в наших рядах, то наносили удар нам в спину. Ведущая борьбу против мировых эксплуататоров рабоче-крестьянская Красная армия говорит: “кто не со мной, тот против меня, а кто со мною, тот становится в мои ряды и не покидает их до конца”. Необходимо, чтобы махновцы и им сочувствующие сделали все выводы из прошлого опыта, и, прежде всего, нужно, чтобы махновцы сами очистили свой отряд от кулацких и бандитских элементов, которых там немало осталось от прошлого. Далее, махновцы, жившие ранее замкнуто, должны быть ныне ознакомлены со всей работой Советской власти, с ее задачами и целями, со строительством и духом Красной армии»³⁰.

Таким образом, Троцкий сразу давал почувствовать временность соглашения и то, что он не позволит существовать на советской территории независимому государственному образованию. Как махновцы, так и красные войска чувствовали, что скоро нынешние союзники будут воевать друг с другом. Но, тем не менее, махновские войска форсировали Сиваш и захватили Симферополь. Все это способствовало падению Крыма. Но параллельно шло формирование новых боевых частей

в Гуляйполе: Махно явно готовился к боевым действиям против большевиков.

После разгрома Врангеля наступил удобный момент для большевиков покончить с махновщиной. Реввоенсовет Южного фронта ультимативно предложил Махно все повстанческие отряды влить в состав Красной армии. В случае неподчинения махновцы объявлялись вне закона. Как только Махно отказался подчиниться приказу, началось массированное наступление частей Красной армии на махновцев. Сил для такого противостояния у махновцев не было, но они храбро сражались за свою независимость. Погибли почти все махновские командиры, самому Махно чудом удалось скрыться в Румынии.

Таким образом, как большевики, так и махновцы рассматривали соглашения о сотрудничестве как временные, необходимые для борьбы с общими врагами, будь то австро-немецкие войска, Петлюра, Деникин или Врангель. Но как только опасность отпала, они снова начинали воевать друг с другом. Для Махно было неприемлемо вмешательство большевиков в жизнь родного района, а для большевиков – существование независимого района с собственным правительством и армией.

¹ *Осипова Т.В.* Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. М., 2001. С. 14–15.

² *Радек К.* Пути русской революции // Красная новь. 1921. № 4. С. 188.

³ *Реднев В.* Атаманщина на Украине в 1919 году // РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15. Д. 523. Л. 34.

⁴ *Шубин А.В.* Вызов XX веку. М., 1999. С. 3.

⁵ *Аршинов П.* История махновского движения (1918–1921). Запорожье, 1995. С. 53.

⁶ *Антонов-Овсенко В.А.* Записки о Гражданской войне: В 4 т. М., 1933. Т. 4. С. 96.

⁷ *Дневник Чубенко (адъютанта Махно)* // РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 525. Л. 6.

⁸ *Шубин А.В.* Махно и махновское движение. М., 1998. С. 52.

⁹ *Дневник Чубенко (адъютанта Махно)*. Л. 41–42.

¹⁰ *Аршинов П.* Указ. соч. С. 91.

¹¹ *Антонов-Овсенко В.А.* Указ. соч. С. 97.

¹² *Аршинов П.* Указ. соч. С. 91–92.

¹³ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 334. Д. 1251. Л. 8 об.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 68. Л. 11.

¹⁵ *Аршинов П.* Указ. соч. С. 114.

¹⁶ *Антонов-Овсенко В.А.* Указ. соч. С. 304.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 1251. Л. 7.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 68. Л. 11.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 69. Л. 2.

²⁰ *Короливский С.М.* Введение // Гражданская война на Украине: Сб. док.: В 3 т. Киев, 1967. Т. 2, кн. 2. С. XV.

²¹ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 69. Л. 3–4 об.

- 22 РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1037. Л. 1–3
23 Красная книга ВЧК: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 329–330.
24 Аршинов П. Указ. соч. С. 125.
25 РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 525. Л. 62–63.
26 Какурин Н.Е. Как сражалась революция: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 103.
27 Аршинов П. Указ. соч. С. 139.
28 Там же. С. 150–151.
29 Большевицкое руководство: Переписка. 1912–1927. М., 1996. С. 113–114.
30 <http://magister.msk.ru/library/trotsky/trot18.15.htm>

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Л.Н. Нежинский. У меня к Вам такой вопрос. В свое время махновское движение оценивалось не так, хотя с основными Вашими характеристиками я согласен. Но помимо всего прочего очень активно поднимался вопрос об одной махновской линии: он занимал довольно активную, я бы сказал, антирусскую позицию, линию против россиян и русских, как таковых. Он был украинским националистом, очень активно высказывался и действовал в антисемитском направлении. А это для Украины была болезненная проблема, не столько в тех районах, где он жил, а особенно для Центральной и Восточной Украины, ближе к Западной Украине.

Вам удалось выяснить что-нибудь с помощью ваших изысканий, как они затрагивают эту проблему? А если затрагивают, то, как они оценивают эту сторону действий Махно?

А.В. Мишина. Здесь надо разделить национальный вопрос антисемитизм. К русским у него действительно было сложное отношение, и об этом пишут те, кто исследовал эту проблему. На основании бесед с его женой, авторы пишут, что она была ярой украинской националисткой, и это имело определенное влияние на Махно. Она была учительницей.

Сохранились листовки, где Махно призывает ни в коем случае не исходить из национального вопроса в определении своего отношения к людям. Он считал, что все мы крестьяне, все мы бедные, и если кто-то борется против нас, то дело не в национальности.

Л.Н. Нежинский. То есть фактически не подтверждаются наблюдения 20–30-летней давности некоторых историков о том, что Нестор Махно был довольно ярким антисемитом.

А.В. Мишина. Проблема здесь в том, что он не был антисемитом, но у него в войсках такие люди встречались. Он с этим боролся, и в своей листовке он обращался именно к своим войскам, к предводителям своих отрядов, чтобы их как-то организовать, и даже расстреливал некоторых за антисемитизм.

Л.Н. Нежинский. Тема интересная и болезненная, тем более что сейчас происходит некоторый перехлест в оценке движения в среде наших украинских коллег, и мы должны более объективно и спокойно оценивать само это движение. Тема доклада интересна и исторически, и, если хотите, с точки зрения общественно-политической, современной.

Есть, правда, еще одна вещь, но ею надо заниматься специально. Его по-другому оценивали в западноукраинских исторических кругах. Они его оценивали с точки зрения своих этнонациональных презумпций.

М.С. Зинич. Как Вы оцениваете работу В.Л. Телицына о Н. Махно?

А.В. Мишина. Книга В.Л. Телицына является, по моему мнению, художественным произведением.

Г.Д. Алексеева. Очень хороший доклад. Это, наверное, самое главное.

П.Н. Зырянов. Я бы все-таки отметил, что не столько доклад интересный, сколько тема интересная. Почему я это говорю? Нестором Махно я специально не занимался, но вопросом, связанным с сибирской партизанщиной, немного занимался, и на основании того, с чем я знаком, я думаю, что в докладе опущены такие вопросы: как например, снабжались войска Махно, как они набирали своих солдат. На основании исторических источников я могу сказать, как это было в Сибири. Там, в принципе, крестьянские восстания были, потому что русский или украинский крестьянин – он все равно монархист, но с другой стороны, он анархист. Он считал, что в принципе царь нужен, но нужен такой царь, который бы налогов не брал, в армию не призывал и разрешал гнать самогона сколько угодно. Поэтому были восстания на уровне деревни. Но когда дело выходит за пределы деревни, когда начинается такое широкое движение, как то, которое было в Сибири или на Украине, то оно от крестьянства отрывается, и тут начинается партизанщина, атаманщина и военная демократия, т.е. отношения как бы скатываются к догосударственным отношениям. А военная демократия – это гораздо хуже, чем капитализм, тоталитаризм, чем большевики, чем белые. Это – беспредел. Когда такие партизаны приходили в деревню, то в деревне им не были рады. Почему? Потому что они зерно выкрадут, скотину порежут, лошадей заберут, баб изнасилуют и церковь сожгут. В Сибири это делалось таким же варварским способом, как это делали большевики, Колчак. Там борются с этим крутыми мерами – в Сибири, когда крестьяне отказывались дать солдат, их пороли.

Поэтому я считаю, что самая большая национальная задача, которая стояла перед страной в те времена, это преодоление парти-

занщины, это забота и красных, и белых. И на Украине, и в Сибири те же партизанские отряды иногда воевали сначала против белых, потом – против красных. Пока шла Гражданская война, пока более прочное государство не установилось, эта партизанщина была неизбежной. И только тогда, когда все это закончилось, только тогда государство смогло навести всюду государственный порядок.

Г.Д. Алексеева. Мне очень понравился доклад. Из него мы очень многое узнали. Известно, что Махно был достаточно образованным человеком, и среда, которая его окружала, это не были неграмотные алкаши. На основании выступлений, на основании представлений о выступлениях крестьян, есть основания сформировать представление об идеологии махновского движения. Это очень важная сторона, которой не хватает во всех наших изданиях.

Л.Н. Нежинский. Я думаю, все присутствующие согласятся, что доклад был безусловно интересен. Алисой Владимировной проделана большая работа, и сегодня она представила нам свои научные соображения, которые являются результатом довольно длительных научных изысканий.

Мы можем не только позитивно оценить этот доклад, но и пожелать автору продолжать научные изыскания и научное осмысление всего этого круга проблем.

А.К. Соколов

“ВОЕНИЗАЦИЯ” ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

(советская военная промышленность в 1927–1932 гг.)*

В работе рассматривается период развития военной промышленности, в основном включающий годы первой пятилетки, точнее 1927–1932 гг., которые были важным временем в становлении и развитии советского оборонно-промышленного комплекса, что отчасти нашло отражение в литературе, где, как правило, эти годы рассматривались в более широком историческом контексте¹. При этом следует отметить довольно резкие различия во взглядах. Если советские авторы считали этот период важным шагом в обеспечении обороноспособности страны, то западная и современная отечественная литература делают упор на агрессивной составляющей военного строительства в СССР в годы, предшествующие Второй мировой войне. В книге Н.С. Симонова был сделан упор на финансово-экономическую сторону военного строительства. Касаясь первой пятилетки, автор находит в нем много элементов военного коммунизма, в то время как шведский ученый Л. Самуэльсон считает, что в эти годы речь шла не об экономике военного коммунизма, а о попытках перейти к западной модели экономической мобилизации на случай войны. Самуэльсон склонен рассматривать проблемы создания “красного колосса”, как он назвал советский военно-промышленный комплекс, преимущественно через призму взаимоотношений Сталина и Тухачевского, впадая тем самым в преувеличение субъективного фактора и недооценку логики развития советской экономики в период ее перехода к директивному планированию, и военно-промышленного сектора в частности, а о том, что происходило с самим военным производством, говорится немного. Автор фактически опускает сюжет о “вредительстве” в во-

---

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 24 ноября 2005 г. Представленная работа является частью исследовательского проекта “От Военпрома к ВПК: Советская военная промышленность в 1917–1940 гг.”. Она базируется на участии автора в подготовке многотомной публикации документов “История создания и развития оборонно-промышленного комплекса в России и СССР 1900–1963”. В качестве своеобразной предыстории данной работы см.: *Соколов А.К. НЭП и военная промышленность Советской России // Экономическая история: Ежегодник 2004. М., 2004; Sokolov A. Before Stalinism: The Defence Industry of Soviet Russia in the 1920s. // Comparative Economic Studies. 2005, June. Vol. 47. N 2.*

енной промышленности как не имеющий, по его мнению, прямого отношения к теме. В представляемой работе приводится материал, который показывает, что на самом деле в рассматриваемые годы проблема старых специалистов, их преследования и скорого затем “прощения” непосредственно связана как с общими экономическими трудностями того времени, так и сложностями мобилизационного планирования, переход к которому приходится на конец 1920-х годов. Самуэльсон лишь неопределенно указывает на тысячи арестованных военных специалистов, что является сильным преувеличением. Действительно, нанесенный им удар был очень чувствительным, но все равно их число не было столь значительным. Новые материалы показывают, как происходили аресты, почему едва ли не сразу в ОГПУ началось создание закрытых Остехбюро, находившихся на особом положении, как старые специалисты, хотя и менее активно, чем прежде, привлекались к работе НИИ, КБ, приемке военной продукции. Петербургский историк О.Н. Кен заявляет, что в отличие от Симонова и Самуэльсона, сосредоточивших свое внимание на экономике, он связывает мобилизационное планирование конца 1920 – первой половины 1930-х годов с политическими решениями. Тем самым он впадает в другую крайность – чрезмерно политизированную версию, в какой-то мере присущую и Самуэльсону. Оба автора склонны преувеличивать агрессивную направленность советских военных приготовлений, опираясь на книги и статьи отдельных военных штабных теоретиков. В отличие от этих авторов, в данной работе первоочередное внимание уделяется реальному состоянию военного производства в стране и сюжетам, которые дают представление о том, как сами руководители страны расценивали его состояние в свете возможного нападения на СССР. Конечно, обойти сюжет, связанный с мобилизационным планированием, невозможно, так как оно влияло на характер и направления военного производства, но в данной работе он не является главным. Автор пытается доказать, что годы первой пятилетки явились важным, если не определяющим этапом в формировании советского ВПК.

ОБЩЕЕ ВНУТРЕННЕЕ И ВНЕШНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ СССР В 1927–1932 гг.

Наверное, прежде всего следует сказать об общей ситуации, складывающейся в стране и мире, т.е. о том историческом контексте, на фоне которого развивалась военная промышленность. Это было время решительного перехода к планово-директивной экономике, сторонниками которой, как явствует из ранее изучен-

ных документов, выступали военные, а по времени (1927–1932 гг.) совпадают с разработкой, принятием и осуществлением первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. План, по мысли руководства, должен был стать важным шагом в построении социализма в стране. Еще в 1925 г. был провозглашен курс на социалистическую индустриализацию. На XV съезде ВКП(б) в ноябре 1927 г. были приняты директивы по пятилетнему плану, которые закладывали высокие темпы индустриализации, хотя в них и указывалось на необходимость сохранения равновесия между промышленностью и сельским хозяйством, правильных пропорций между потреблением и накоплением, создания резервов, возможностей освоения природных и привлечения трудовых ресурсов. Пятилетний план разрабатывался в двух вариантах: минимальном (отправном) и оптимальном. Оба варианта были рассчитаны на то, чтобы сделать существенный рывок в модернизации страны и преодолении ее отсталости. Таким образом, в центр преобразований возводился принцип *планомерности и решающей роли государства* в противовес “стихийной капиталистической индустриализации”. Поэтому советскую экономику, созданную в этот период, иногда называют *планово-директивной (планово-распределительной, административной, командной и т.д.)*.

Пятилетним планом предусматривалось *максимальное сосредоточение усилий на развитии тяжелой индустрии*, производящей средства производства (группы “А”), с целью *технической реконструкции народного хозяйства*. После этого допускался переход к более сбалансированному и пропорциональному развитию экономики, “подтягивание” отраслей, производящих потребительские товары (группы “Б”). План строился также с учетом сознательно планируемого достижения технико-экономической независимости страны, находящейся во враждебном окружении, за счет внутренних источников накопления, так как СССР не мог рассчитывать на иностранные кредиты. Но, провозглашая опору на собственные силы, обойтись, тем не менее, без систематических закупок техники за границей, без привлечения опыта и знаний иностранных специалистов было невозможно. На это были нужны дополнительные средства, которые предполагалось извлечь путем нажима на деревню, наращивания экспорта сырья и сельскохозяйственных продуктов. В программе реконструкции народного хозяйства предусматривались изменения техники и способов производства в направлении развития энергетических мощностей и тяжелой промышленности, расширение массового производства, перенесение в экономику страны передовой аме-

риканской и европейской технологии, рационализация, научная организация труда (НОТ), перемещение производства к источникам сырья и энергии, специализация районов в соответствии с их природными и социальными особенностями.

Большое место в планировании занимал вопрос о *рациональном размещении производительных сил и ресурсов* страны, которые были распределены крайне неравномерно. Основная масса населения была сосредоточена преимущественно в европейской части СССР. В старых промышленных районах находились главные кадры квалифицированных рабочих, ИТР. В Москве и Ленинграде было сконцентрировано большинство учебных заведений, готовивших специалистов, и научно-исследовательских центров. В то же время в восточных малонаселенных, труднодоступных и суровых по природно-климатическим условиям районах была сосредоточена большая часть природных ресурсов. Ускоренная индустриализация должна была изменить контуры производства и производственных связей, создать новые отраслевые комплексы в восточных районах страны, которые находились бы вне угрожаемой в случае войны территории.

Составными частями строительства социализма были не только индустриализация, но также кооперирование деревни и культурная революция: все рассматривалось в неразрывном единстве. Так, проведение коллективизации в сельском хозяйстве было подчинено задачам индустриального обновления страны. Предполагалось снабдить деревню техникой, растущую промышленность сырьем, городское население хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами, получить источники накоплений путем экспорта зерна, обеспечить поднимающиеся стройки, города, заводы рабочей силой путем высвобождения ее излишков среди деревенского населения. Кроме того, политика сплошной коллективизации деревни, проводимая с конца 1929 г., увязывалась с оборонными задачами. Подчиненными индустриализации выглядели и задачи культурной революции, где акцент был перенесен на подготовку кадров (квалифицированных рабочих, ИТР), развитие научно-технической мысли, создание исследовательских центров и учреждений, в том числе связанных с военной промышленностью.

Если раньше советские авторы основное внимание обращали на достижения и успехи социализма в этот период, обусловленные превращением страны из аграрной в индустриальную, лишь мельком упоминая о громадном напряжении сил, то теперь, при обращении к новым документам, мы получаем возможность судить и о той "цене", которая была за это уплачена, какие неимо-

верные усилия были положены “на алтарь социалистической индустриализации”, создание военно-промышленной базы и оборонно-промышленного комплекса (ОПК) или военно-промышленного комплекса (ВПК), что с точки зрения и производственно-технической, и военно-политической было одно и то же.

Часто в литературе высказывается точка зрения, согласно которой задачи обновления страны, провозглашенные руководством, навязывались исключительно сверху (“*сталинская революция сверху*”), не имели внутренних источников саморазвития и поддержки. Эта точка зрения представляется неверной по двум причинам. Одна состоит в том, что большевистское видение социализма, которое предусматривало решительную ликвидацию отсталости страны, находилось в русле идей и тенденций двадцатого столетия и в этом смысле находило поддержку в обществе. Вторая констатирует тот факт, что преобразования, о которых идет речь, в общем и целом соответствовали национально-государственным интересам страны, что также было немаловажным фактором их социальной поддержки и до сих пор составляет предмет особой гордости приверженцев советского строя, закрывающих глаза на многие эксцессы того времени или оправдывающих их. Поэтому, говоря о системе управления, устройстве партийных и государственных органов, руководящих различными сторонами жизни общества, в том числе военной, главным будет вопрос о том, насколько соответствовала система власти объему и масштабу стоявших перед страной задач, не исключая совершенных ею преступлений, злоупотреблений и промахов. Политика руководства состояла в предельном ускорении намечаемых преобразований, названном “социалистическим наступлением”, и следует признать, что это “наступление” также поддерживалось в отдельных слоях советского общества, хотя задачи руководства зачастую состоят в том, чтобы сдерживать волевые эмоции, разгул страстей и принимать более продуманные и обоснованные решения.

Стимулом для ускорения или форсирования индустриализации, что было ярко продемонстрировано в нашей предшествующей работе, была политическая изоляция страны на международной арене, враждебные отношения СССР со многими странами, задача, как тогда говорили, “крепить оборону первого в мире государства рабочих и крестьян”. Укрепление обороны страны, в свою очередь, было тесно связано с ее индустриализацией. Создание военно-промышленного комплекса было непременным условием выживания СССР перед лицом растущей военной угрозы со стороны более сильных в экономическом отношении государств. Надо было принимать во внимание идущий в мире бур-

ный прогресс в производстве вооружений (авиации, танков, военного судостроения, артиллерии, военной химии и т.п.).

Некоторые современные авторы склонны связывать военные приготовления СССР при переходе к планово-директивной экономике с растущей агрессивностью СССР на международной арене. Есть рассуждения “о мировой революции для товарища Сталина”, о планах превентивных войн, разрабатываемых в советских штабных органах, об упреждающих ударах и т.п. Между тем готовность к войне определяется не теми планами, которые разрабатываются в военных штабах, а зависит от реального состояния экономики и вооруженных сил. В зависимости от этого выстраивается, вообще-то говоря, и позиция руководителей страны, независимо от их идеологической риторики, если они не склонны к самоубийственной политике. В нынешней литературе есть попытки задним числом говорить, что в тот период Советскому Союзу никто не угрожал и что военные приготовления СССР не имели особых оправданий. Однако военная угроза рассматривалась в тот период как вполне реальная. Это находило отражение и в обществе. Происходила активная “военизация” населения. Ежегодно по решению Политбюро проводились мероприятия по подготовке к войне, “Недели обороны”, в которых особая роль принадлежала добровольным военизированным организациям (Осоавиахим и др.).

Осознание неготовности страны к войне в момент резкого обострения международной обстановки в 1927–1928 гг., названного в литературе “военной тревогой”, безусловно, повлияло на изменение планов военных приготовлений в Советском Союзе. Особую роль приобрел вопрос о том, когда и с чьей стороны следует ожидать нападения. В качестве вероятных противников прежде всего рассматривались “лимитрофы”, т.е. государства, созданные на территории бывшей Российской империи, а также страны Малой Антанты, т.е. страны находившиеся в тесном союзе с Большой Антантой (Францией, Англией), которые в случае войны будут оказывать помощь своим союзникам. В Штабе РККА внимательно отслеживали военные приготовления в Польше, Румынии, Чехословакии и других странах. Со стороны Штаба и военных деятелей шли настойчивые требования милитаризации и интенсификации производства вооружений, усиления оборонной составляющей пятилетнего плана. Не только М.Н. Тухачевский, начальник Штаба РККА в 1925–1928 гг., “бил в барабан” по поводу военной опасности, как получается у некоторых авторов, о ней твердили все, кто был причастен к военной промышленности, не исключая самого Сталина.

Некоторое ослабление военной напряженности в мире произошло в связи с заключением пакта Бриана–Келлога. В августе 1928 г. 14 держав (впоследствии к ним присоединилось большинство государств) заключили договор о “запрещении войны как орудия национальной политики”. Пакт открыл дорогу для заключения двухсторонних соглашений о дружбе и ненападении. Однако руководство СССР подозревало, что вся эта деятельность ведется против него, поскольку участие Советского Союза в пакте не предусматривалось. Более того, допускалось существование территорий, военные действия против которых не будут “внезапными”. Поэтому СССР в одностороннем порядке заявил о присоединении к пакту, одновременно указывая на его ограниченность и необходимость принятия мер к всеобщему разоружению. Так как ратификация пакта рядом стран затягивалась, 9 февраля 1929 г. СССР заключил с Польшей, Румынией, Латвией и Эстонией соглашения о досрочном введении в действие пакта.

Договоры не устранили подозрительности руководства СССР относительно намерений соседей и других стран в отношении Советского Союза. Во всех документах этого времени сквозит мысль, что военное нападение на СССР возможно в ближайшие годы, а недооценка военной опасности становилась опознавательным знаком правого уклona, борьба с которым разворачивается в 1928–1929 гг. Сталинское руководство всячески подчеркивало, что отстаивание независимости страны невозможно без передовой индустрии, настаивало на максимальном ускорении темпов индустриализации. Вопрос о том, к какому сроку отнести начало войны, как и вопрос о возможных противниках, постоянно рассматривался в эшелонах власти. Принимались меры, чтобы по возможности оттянуть сроки нападения, велась борьба за дипломатическое признание СССР, его представители участвовали в подготовке международной конференции по разоружению.

В предыдущей нашей работе были показаны “аховое” положение военной промышленности в годы нэпа, весомая роль военных в свертывании нэповских принципов и в переходе к планированию военных приготовлений. Не было обойдено вниманием и влияние отдельных деятелей на развитие ситуации. Для изучения последующего времени это обстоятельство имеет еще большее значение, т.е. сплетение объективно-субъективных факторов становится еще более заметным. Дело в том, что рассматриваемый период – время утверждения сталинской диктатуры. Сталин становится своего рода символом “социалистического наступления”. Его именем осеменяются все преобразования. С ним связываются многие политические и военные решения, которые прини-

мались в Советском Союзе. Но далеко не все в развитии военного производства связано со Сталиным или его соратниками, его взаимоотношениями с Тухачевским, Ворошиловым или кем-то еще, как утверждается в современной литературе. Следует обратить внимание на логику развития самого военно-промышленного производства, вынуждающих сталинских руководителей принимать и корректировать те или иные решения.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ПЯТИЛЕТКИ

Все изученные нами документы показывают, что узким местом намечаемых в рамках первой пятилетки преобразований в военной области была общая отсталость страны: технико-экономическая, социальная, культурная. Каждый шаг в сторону выполнения плановых заданий упирался в имеющиеся возможности и ограничения (в наличие ресурсов), толкая руководство страны на путь чрезвычайных мер. Поэтому в силу этой, да и многих других причин как объективного, так и субъективного свойства, осуществление индустриализации в СССР происходило иначе, чем теоретически предусматривалось пятилетним планом. В советской планово-директивной системе изначально содержалось ее основное противоречие: между амбициозностью плановых заданий и реальными возможностями их выполнения. В итоге выходило не совсем то или совсем не то, что замысливалось. Планы постоянно наталкивались на постоянный дефицит материальных, финансовых и прочих ресурсов. Место “Большого плана”, как часто называли пятилетку, занимало “планирование от достигнутого”. Охватить планированием весь объем и масштаб задач, связанных с индустриализацией, практически было невозможно. Промышленность, например, не может развиваться без соответствующих затрат на строительство, транспорт, сельское хозяйство, создание городской инфраструктуры, бытовое устройство. В противном случае в экономике неминуемо возникают *диспропорции и дисбалансы*. Постоянный и повсеместный дефицит вынуждал все отрасли и предприятия становиться в очередь за ресурсами и “выбивать” их у плановых и снабженческих органов. Выстраивается система приоритетов и очередности, где в борьбу вступают различные ведомства, в том числе военвед и военпром. Ведомственные амбиции вызывают постоянные корректировки плановых показателей. Система непрерывно возникающих приоритетов и очередности фактически подменяет плановое хозяйство и становится одной из существенных черт советской экономики.

Вместе с разработкой и принятием первого пятилетнего плана политика социалистической индустриализации приобретала все более зримые черты, переходя из плоскости теоретических дискуссий в практическое воплощение. С 1927 г. началось свертывание нэпа по всем направлениям хозяйственной и социальной политики, отказ от принципов, на которых эта политика зиждилась, сопровождаемые политическим и идеологическим разгромом ее сторонников и их устранением от руководящих постов (“борьба с правым уклоном”). А затем последовали поистине лавинообразные сдвиги, ознаменовавшие конец старой крестьянской и нэповской России. В марте 1928 г. председатель Совнаркома Рыков, который раньше возглавлял Комиссию Политбюро по обороне, подвергся критике за невнимание к машиностроению и металлургии. Специальная комиссия в составе нового председателя ВСНХ Куйбышева, председателя Госплана Кржижановского и наркома РКИ Орджоникидзе постановила удвоить в течение года объемы капитального строительства, направив усилия на строительство новых заводов. Возникшие при этом трудности списывались на действия “вредителей” и “саботажников”.

Дальнейшие мероприятия знаменуются усилением директивного планирования, административного, политического и идеологического нажима, развертыванием грандиозных массовых кампаний, направленных на ускорение *темпов* социалистического строительства. “Социалистическое наступление” разворачивается чуть ли не по правилам боевых действий с провозглашением “главных фронтов”: индустриализации, коллективизации, культурной революции и т.п. Развертывание “фронта индустриализации” выливалось в закладку строительства новых промышленных объектов, усиление режима экономики, добровольно-принудительное распространение среди населения “займов индустриализации”, установление карточного снабжения населения городов и рабочих поселков. В документах буквально сквозит: темпы, темпы и еще раз темпы. В начале 1929 г. началась кампания по развертыванию массового социалистического соревнования на фабриках, заводах, транспорте, в строительстве, призванная ускорить темпы индустриализации, поддержать их “снизу”. Кампания охватила все отрасли, в том числе военные заводы, и приобрела разнообразные формы: движение ударных бригад, принятие встречных повышенных планов, направленных на досрочное выполнение заданий, переход на сменность и непрерывку, движение ДИП (догнать и перегнать капиталистические страны) и другие.

V Всесоюзный съезд Советов в мае 1929 г. принял первый пятилетний план в его оптимальном варианте. И хотя этот акт был давно предreshен в сталинском руководстве, сам по себе он ознаменовал важную веху: план становился “законом жизни советского общества”. Утверждалась установка “план – любой ценой”. В соответствии с переходом к директивному централизованному планированию перестраивается вся система управления народным хозяйством. В громадной степени **возрастает роль Госплана**. Госплан должен *был разрабатывать схему распределения необходимой продукции, соблюдать необходимые пропорции между интересами развития всего народного хозяйства, мобилизационными возможностями страны, затратами, капиталовложениями и нуждами потребления*. Но по мере того, как возрастал ажиотаж в стране, связанный с ускорением темпов индустриализации, в план вносились коррективы в сторону повышения заданий, в результате чего отправные контрольные цифры превращались в оптимальные, а затем и вовсе нереальные. Скептические настроения относительно нагнетания плановых цифр становились опасными. Сторонники разумного планирования не только обвинялись в правом уклоне, но и оказывались в рядах “ретроградов”, “вредителей” и “врагов народа”. “Вредительской” была объявлена “теория затухающей кривой”, согласно которой наибольшие капиталовложения в развитие экономики должны были прийти на первые годы пятилетки, после чего от них следовало ожидать отдачи, уменьшая вкладываемые средства.

Планирование Госплана распространялось прежде всего на производственные тресты. Трестовская реформа 1927 г. значительно стеснила их хозяйственные права и подчинила централизованному планированию. Реформа была активно поддержана военными трестами². Следующим шагом централизации стала реорганизация управления промышленностью в 1929 г. **На базе государственных синдикатов и трестов начали создаваться производственные объединения**, поначалу весьма смахивающие на главки первых послереволюционных лет и ставшие важным шагом на пути становления централизованной ведомственной экономики, а дальнейшими шагами на этом пути стало создание главных отраслевых управлений (главков) в НКТП и других наркоматах, созданных после разукрупнения ВСНХ.

Производство должно было строиться путем прямого централизованного регламентирования сверху всего и вся вплоть до норм

оплаты труда рабочих. Предприятия должны были получать соответствующие фонды сырья и материалов по карточно-нарядной системе. Установленные твердо-расчетные цены на продукцию (оптовые цены 1926 г.) имели мало значения и в реальности подвергались инфляции. Снова, как в годы военного коммунизма, возникли разговоры о прямом плановом продуктообмене между городом и деревней, об отмирании денег, о преимуществах карточной системы снабжения и распределения, которая с 1929 г. стала вводиться на предприятиях. Ликвидировались коммерческие банки, акционерные общества, биржи, кредитные товарищества. На производстве вводилось полное единоначалие, ликвидировался “треугольник”, т.е. разделение производственной, партийной и профсоюзной ответственности, руководители предприятий напрямую делались ответственными за все аспекты выполнения планов (промфинпланов). Директора крупнейших строек и предприятий, тем более военных заводов, назначались теперь по особому номенклатурному списку. Безоговорочно принимались показатели встречных планов, составляемые на предприятиях, под которыми не было материального обеспечения. В ответ на выдвинутый “снизу” лозунг “Пятилетку в четыре года” Сталин и другие руководители из его окружения стали говорить о возможности выполнить ее в три года. Задания по тяжелой промышленности: в металлургии, машиностроении, нефтехимии увеличивались беспрестанно. Каскад произвольных, материально не подкрепленных мер, проводимых в форме постановлений, распоряжений, приказов, буквально терзал страну. Экономически необоснованные решения привели к тому, что план первой пятилетки стал “трещать по всем швам”, стали заметны признаки хозяйственного расстройтва. Невыполнение плановых заданий вызывало цепную реакцию задержек по всем отраслям народного хозяйства. Только “ударные объекты пятилетки” получали более или менее удовлетворительное снабжение. К ним относились 40–50 предприятий, имевших оборонное значение. Дефициты и система очередности вызывали острые конфликты между отраслями и предприятиями. Армии снабженцев-“толкачей” ринулись в Москву “выбивать” средства и ресурсы, которых катастрофически не хватало.

Вносимые в плановые задания корректировки вместо уменьшения затрат требовали непрерывного наращивания капиталовложений, которое имеет свои пределы и действует по принципу: “хвост вытащили, нос увяз, нос вытащили, хвост увяз...” Упорное следование этой линии ведет к распылению средств, их омертвлению в сотнях и тысячах недостроенных объектов, которые требуют новых затрат (на завершение, освоение, на рабочую си-

лу, на повышение квалификации работников, на обеспечение приемлемых условий труда и быта и т.д.) и приводит к наступлению экономического коллапса. Хаотическое и неупорядоченное планирование продолжалось весь период, отпущенный на пятилетку. Эти плановые импровизации, безусловно, касались военной промышленности.

Возникающие экономические трудности списывались на проiski “вредителей”, “саботажников”, к числу которых относились “старые” или “буржуазные” специалисты. Их призывы реально смотреть на возникшие проблемы трактовались как саботаж политики “социалистического наступления”. Им вменялись в вину все срывы и провалы на производстве. Судебные процессы над “вредителями” развернулись по всей стране. Имели место открытые процессы (Шахтинский, Промпартии), сфабрикованные совместно ОГПУ и судебными органами, но большинство из них происходило за закрытыми дверями. Не осталась в стороне и военная промышленность.

ПРИСПОСОБЛЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ВОЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ К ПЛАНОВО-ДИРЕКТИВНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Военное производство в рассматриваемые годы встраивается в планово-директивную систему управления. Следует отметить появление новых органов по сравнению с предшествующим периодом, причем следует учесть, что реорганизации в этот период шли почти постоянно. В феврале 1927 г. было принято решение о проведении раз в месяц **распорядительных заседаний СТО при СНК СССР (РЗ СТО)**. Его постоянными членами были в основном члены Политбюро: Ворошилов, Орджоникидзе, Рыков, Сталин, Томский. В состав РЗ СТО был введен председатель ВПУ (ГВПУ)³ ВСНХ А.Ф. Толоконцев. На заседания РЗ СТО могли приглашаться любые руководители военведа и военпрома. РЗ СТО фактически заменил собою военную комиссию Политбюро (ПБ), хотя на заседания ПБ выносились вопросы окончательного утверждения бюджетных ассигнований и определение общей политики в деле вооружений. Формальным главой РЗ СТО продолжал оставаться Председатель СНК и СТО Рыков, но по мере разворачивания борьбы с правым уклоном, связанным с его именем, а также Бухарина и Томского, реальное руководство РЗ СТО сосредотачивается в руках Сталина, Рухимовича, Рудзутака – наиболее решительных сторонников ускорения темпов индустриализации.

стриализации. Для решения сложных или дискуссионных вопросов в деле вооружений могли создаваться специальные комиссии.

В связи с возрастанием роли плановых органов следует отметить **реорганизацию Сектора Обороны (СО) Госплана** в июне 1927 г. В его состав были введены военные специалисты, которые, по мысли руководства, должны были повлиять на плановое развитие военной промышленности. Главой СО был назначен старый большевик М.Ф. Владимирский, затем – известный военный деятель К.А. Мехоношин. В задачи СО входило составление общего плана развития оборонной промышленности, координация усилий всех наркоматов в этой области, увязка с показателями намечаемого пятилетнего плана.

Структура военведа тоже не осталась без изменений. Хотя вопросы выработки военной стратегии по-прежнему решались на заседаниях РВС, заметно возрастание роли аппаратных структур НКВМ, в частности, Штаба РККА, который до мая 1928 г. возглавлял М.Н. Тухачевский. Штаб в эти годы стремится подчинить себе всю военную работу, стать единственным рабочим органом СНК/СТО, подчиняя себе специальные довольственные управления НКВМ, которые были созданы в июне 1927 г. В Штабе РККА разрабатывались заявки, сколько и чего будет нужно Красной армии в случае нападения: на первые три–четыре месяца войны, на год ведения войны и что будет, если война примет затяжной характер. Составленные на этой основе мобзаявки НКВМ или мобрасписания ложились в основу мобилизационного планирования.

Мобзаявки, составляемые военведом, поступали в военную промышленность, которая еще раньше начала подвергаться реорганизации. Как это было связано с предшествующим периодом, до 1927 г., показывают материалы проверки деятельности ВПУ (Военпрома) комиссией РКИ во главе с В.А. Аванесовым, на основании которой было направлено письмо в адрес тех руководителей, которые в основном были включены в состав РЗ СТО: Сталину, Куйбышеву, Ворошилову, Рыкову и новому руководителю ВПУ – А.Ф. Толоконцеву в феврале 1927 г.⁴

На некоторые моменты, приводимые в нем, хотелось бы обратить внимание. Совершенно очевидно, что комиссия Аванесова, вскрывая недостатки в Военпроме, много “наломала дров”. В письме немало противоречий и вызванных ими эмоций. Аванесов писал, что именно по его инициативе и с ведома недавно умершего Дзержинского был растрестирован Военпром (создание военных трестов), несмотря на возражения со стороны его руководителей. При этом, однако, утверждал, что его неверно поняли, что

растрестирование было реализовано в противоположном от задуманного направлении, т.е. в духе демобилизации промышленности и децентрализации. Главная же идея состояла в том, чтобы создать единый орган, отвечающий за все военное производство при Главном экономическом управлении (ГЭУ) ВСНХ, которому бы подчинялась вся военно-мобилизационная работа промышленности, включая тресты, выведенные из состава Военпрома. *Нужно было выработать такую организационную схему, писал Аванесов, согласно которой вся промышленность Союза, имеющая решающее значение в деле обороны, должна была бы и в мирное время и без всякой ломки в случае военных осложнений выпускать военную продукцию.* Все заводы, способные ее производить, подчинялись бы в этом случае единому органу, т.е. здесь в неявно выраженном виде преследовалась идея вывести обособленную военную промышленность на уровень военно-промышленного комплекса. Однако, как пишет Аванесов, эту идею не поняли и вместо этого просто растрестировали Военпром, якобы с целью улучшить мобилизационную готовность. Но гораздо лучше было бы, писал Аванесов, подчинить ВПУ заводы, работающие над мирным производством, придавая их работе военное направление. Таким образом, необходимость единого органа, руководящего всем военным производством, признавалась, но проблема заключалась в том, что состав ВПУ Аванесова явно не устраивал. Резко отрицательно оценивается деятельность прежних Главного управления военной промышленности (ГУВП), Комитета военных заказов (КВЗ) и Комитета по де- и мобилизации промышленности (КДМ) в структуре ВСНХ с явными намеками на вредительство, за которые руководителей Военпрома, по его мнению (и не только), следует судить. Был забракован составленный в КДМ единый мобилизационный план, тоже ставший предлогом для обвинений во вредительстве.

Между тем растрестирование промышленности привело к тому, что ВПУ вынуждено было прибегнуть к составлению кратковременных отраслевых мобилизационных планов. Досталось и военведу, который, по мнению автора, не установил и не провел через Комиссию Рыкова в ПБ трехлетний план военных заказов. Военведу, по мысли автора, следовало бы предоставить максимум прав и максимум внимания к определению нужд РККА. Получилось, как писал Аванесов, что ни один орган не имеет представления, как должна развиваться наша военная промышленность в ближайшие годы. Государственные дотации распределялись не в соответствии с приоритетами. Аванесов приводит примеры нерационального, по его мнению, расходования средств,

которые порою расценивались как акты вредительства (строительство жилых домов, школ, больниц, переоборудование Ковровского завода, ликвидация завода Барановского, примеры бесхозяйственности, коррупции и шпионажа).

Гнев автора записки вызывало и то, что руководство ВПУ после растрестирования не сделало выводов из критики. Отмечалось, что документация по-прежнему поставлена из рук вон плохо, бумажной работы много, а конкретных результатов и достижений нет. Оздоровление предприятий реально не достигнуто. На заводах отсутствует нормирование труда, наблюдаются излишки рабочих и служащих, рост зарплаты не соответствует росту производительности труда. Скопились огромные запасы неликвидных фондов. Механизация слабая. Цены на военные изделия слишком высокие, военные заводы убыточны, особенно по мирной продукции. Нет твердого плана снабжения, расходования дотаций. Нет перспективы развития. Разнохарактерные тресты, включенные в состав ВПУ, не имеют зачастую между собой ничего общего и получают противоречивые распоряжения из центра. Правильная постановка конструкторского дела отсутствует. Квалификация специалистов низкая. Выпускается большой брак, складское хозяйство поставлено плохо. В Военпроме царят кастовый дух, бюрократизм, кумовство, много несоветского элемента, казенщина, оставшаяся с царских времен. Вместо сокращения числа работников, намеченного реорганизацией Военпрома до 350 чел., он вырос до 580 чел. при дальнейшей тенденции к его разбуханию. Расходы на содержание аппарата Военпрома увеличились до 5 млн руб. вместо 1,5–2 млн руб. Кроме того, раньше были значительные запасы материалов, теперь их нет, придется покупать на рынке. Финансовый крах военной промышленности неизбежен, предрекал Аванесов, если его предложения не будут учтены.

В начале 1927 г. взамен раскритикованных “в пух и прах” КВЗ и КДМ создавалось мобилизационное управление (МУ) ВСНХ, тут же преобразованное в **мобилизационно-плановое управление (МПУ)**, отвечавшее за работу в области обороны всей промышленности, подчиненной ВСНХ. Главой МПУ был назначен А.М. Постников. МПУ должно было отвечать за конкретное составление на предприятиях мобилизационных планов. С этой целью на заводах создавались моботделы и моббюро. Однако для рассмотрения более широких вопросов в структуре ВСНХ, наподобие распорядительных заседаний СТО, предусматривались постоянно действующие **Мобилизационно-плановые совещания (МПС)**, решения которых были равнозначны постановлениям

Президиума ВСНХ. МПС отвечали за увязку планов мобилизационного развертывания по всем отраслям промышленности с мобилизационными планами других наркоматов, в которых также были образованы мотобделы. Однако, как показывают документы, заседания МПС велись нерегулярно, в ряде случаев отмечалось, что МПС “работает слабо”. В работе МПС не было постоянного председателя, одно время ими были старый большевик И.Т. Смилга, военный деятель К.Ф. Мартинович.

Между тем вся практическая работа в производстве определенных видов вооружений сосредотачивалась в созданных военных трестах: **Орудийно-арсенальном** (Орударсе, ОАТ), **Оружейно-пулеметном** (иногда называемом “Ружтрестом”), **Патронно-трубочном и взрывчатых веществ** (Патрубвзрыве), **Военно-химическом** (Вохимтресте). В 1927–1929 гг. самостоятельно существовал **Военно-кислотный трест**. Формально они подчинялись в своей деятельности ВПУ (ГВПУ), т.е. соответствовали прежнему понятию Военпрома. Несколько особняком стоял **Авиатрест**, который то выходил из подчинения ВПУ, то снова передавался в его состав, а ряд отраслей военного производства входили в гражданские ведомства: военно-инженерное, военно-интендантское имущество, военное судостроение и др. По имеющимся документам явно прослеживается, как постепенно нарастает напряжение между военведом вкупе с контролирующими партийно-политическими органами: ЦКК, Военно-морская инспекция (ВМИ) РКИ, экономическое управление (ЭКУ) ОГПУ, с одной стороны, а с другой – ВПУ, возглавляемого Толоконцевым, и трестами, отвечавшими за конкретное производство военной продукции.

В результате рисовалась довольно противоречивая картина. С одной стороны, отчеты ВПУ и трестов говорят о довольно значительных успехах военной промышленности, достигнутых в 1927–1928 гг. В докладе Толоконцева, сделанном им на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 27 апреля 1929 г., говорилось, что они якобы были достигнуты за счет организационных перестроек в Военпроме. Толоконцев пришел к руководству ВПУ в конце 1926 г., застав дела, как он говорил, в состоянии развала и борьбы с вредителями. С моим приходом, отмечал Толоконцев, положение улучшилось. В 1927/28 г. было выполнено почти 100% производственной программы. Загрузка по валовой продукции поднялась с 167 млн руб. до 420 млн, т.е. в 2,5 раза. Число рабочих в Военпроме увеличилось на 22,5 тысячи. Убыточность военных заводов удалось изжить и получить прибыль за счет снижения себестоимости. Военная промышленность стала жизнеспособной.

собной. В июле 1928 г. по предложению ВСНХ РЗ СТО, наконец, определил потребности военведа на год ведения войны. Теперь, говорил Толоконцев, нам необходимо утвердить план капитальных работ как на ближайшие три года, так и на пятилетку в целом, которая по имеющимся наметкам требует увеличить боевое снабжение армии по сравнению с 1916 г. в 4–5 раз, а по некоторым видам вооружения в 15 раз. Большие достижения отмечались в продвижении иностранной технической помощи. Было заключено 11 договоров в деле налаживания производства самолетов, танков и прочего вооружения.

Толоконцев не закрывал глаза на имевшиеся недостатки, указывая на изношенность основного капитала военных заводов, что за весь восстановительный период они получили на его обновление только 62 млн руб. из госбюджета, не производя никаких амортизационных отчислений. В 1926/27 г. импортное оборудование должно было составить 5,5 млн руб. и в 1927/28 г. – 11,9 млн руб., но за два года было ввезено только 38,7% от потребного, а по плану 1928/29 г. не поступило еще ни одного станка. Толоконцев пытался отвести обвинения в бюрократизме Военпрома. Работники аппарата, говорил он, в трестах составляют: в Военно-химическом тресте – 18,8%, в Оружпултресте – 16,8%, в Патронно-трубочном – 18,5%, в Авиатресте – 25%, в ГВПУ – 39%, включая занятых проектированием новейших разработок. Заметно стремление Толоконцева отвести от Военпрома обвинения во вредительстве, борьба с которым все шире захватывала военную промышленность⁵.

Как показывают отчетные документы, 1927–1928 гг. действительно были отмечены относительными успехами в деле восстановления военной промышленности. Об этом говорит и следующая таблица, составленная по материалам Военпрома (см. табл. 16)

Если в 1925/26 г. убыток по Военпрому составил 14,7 млн руб., то в 1926/27 г. была получена прибыль в 10 млн руб, а в 1927/28 г. – 10,8 млн руб. В том же году удалось добиться снижения цен на продукцию на 6,6%, снизить ее себестоимость на 7,9%. Таким образом, все показатели свидетельствовали об оздоровлении и поступательном развитии военной промышленности. Однако, по нашему мнению, они явились не следствием реорганизационных перестроек, как уверяло руководство ВПУ и военных трестов, а стали результатом предшествующей длительной восстановительной работы. Приведенные данные, наверное, лучше всего говорят, каким путем возможно было дальнейшее наращивание военной промышленности.

Таблица 1. Динамика роста военной промышленности с 1925/26 по 1928/29 г. (%)

	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29 (план)
Валовая продукция в ценах 1926 г.	100	127,1	171,2	241,8
Товарная продукция	100	126	172	248
Военная продукция	100	125	167	224
Мирная продукция	100	128	182	306
Численность рабочих	100	101,4	115,3	131,3
Численность служащих	100	101	106,5	118
Выработка на 1 рабочего в руб.	100	125	152	187
Рост заработной платы	100	114	131	144
Рост основного капитала	100	112	130	160
Затраты на капитальное строительство	100	168	296	499
в том числе на промышленное строительство	100	150	256	467
на жилищное строительство	100	283	560	739
Рост собственных средств (амортизация, прибыль, переход материальных остатков, платежей)	—	100	284,7	536,6

Совсем иначе выглядела картина по документам контролирующих органов: ЦКК, РВС и НКВМ, НК РКИ, ОГПУ. Состояние мобилизационной готовности предприятий оценивалось ниже всякой критики⁷. Вина за это, как и прежде, зачастую возлагалась на старых специалистов. Первый советский мобилизационный план (план “А”) исходил из тех тенденций, которые были присущи нэповской экономике. По нему выходило, что к отражению возможного нападения СССР будет готов примерно через 18 лет. Естественно, что такие сроки не могли устроить тогдашнее руководство страны, и не случайно его разработчики оказались в числе “вредителей”.

В конце 1927 г. появилась аналитическая записка СО Госплана о возможной войне и экономической политике военного времени. Характерной ее особенностью было то, что она еще “дышит” нэповскими традициями. В ней подчеркивалось, что в то время как противник будет обладать высокой техникой, нам *придется воевать практически с довоенной базой*. В этих условиях *необходимо держаться союза с середняком, который составит*

основу армии, ущемлять кулака и частника как возможных внутренних противников. Конечно, в случае войны, говорилось в записке, придется прибегнуть к внеэкономическим методам регулирования народным хозяйством. *«Но это не будет означать возвращения к политике военного коммунизма. Изменения в хозяйственной политике нэпа необходимо сохранить* (курсив мой. – А.С.). Сама степень возвращения к военно-мобилизационным методам будет критически переосмыслена, хотя лозунг “все для войны” воскреснет...”⁸.

Сталинское руководство рассчитывало, что директивное планирование значительно облегчит обеспечение организованного боевого снабжения. В этой связи представляет интерес вопрос о том, как общая разработка пятилетнего плана увязывалась с мобилизационным планированием.

ВОЕННО-МОБИЛИЗАЦИОННОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И ПЯТИЛЕТКА

Подготовка к войне связана с мобилизационным планированием. Любое государство, готовится ли оно к нападению или к его отражению, составляет планы мобилизационных мероприятий, касающихся всех сторон общественной жизни, в том числе расширения военного производства, работы транспорта, организации труда и многого другого. Можно проследить, как переход к планово-директивной системе в свете предполагаемой угрозы войны влиял на эти мероприятия. Это позволяет нам судить о характере и сущности советской военной доктрины, о степени агрессивности СССР и о том, насколько экономика страны соответствовала этой “агрессивности”. Следует обратить внимание на то, что все составляемые мобилизационные планы, о которых идет речь, имели оборонительный характер.

Какую цель преследовали мобилизационные планы? Это, во-первых, достижение такого состояния экономики, которое обеспечивает ее быстрое развертывание на нужды войны в случае ее возникновения; во-вторых, это накопление ресурсов в народном хозяйстве (мобзапасов), необходимых на случай нападения. Разумеется, каждая из этих сторон мобилизационного планирования оказывала свое воздействие на развитие советской экономики.

В решениях XV съезда ВКП(б) эта проблема ставилась лишь в самом общем виде. В них указывалось, что пятилетний план должен учитывать возможность нападения на СССР и его отражения, а упор на развитие тяжелой промышленности был допол-

нительно аргументирован оборонными интересами – обеспечить устойчивость экономики страны на военный период.

Инициатором усиления мобилизационной работы выступает Штаб РККА, который предлагает своеобразную ее модель по отношению к экономике. Согласно аналитической записке, составленной в Штабе РККА, Штаб предлагает наставления для всех НК и их моборганов, местных СНК хозяйственных органов, военных округов, определяя потребности в вооружениях, не работая с каждым управлением НКВМ в отдельности, дабы избежать параллелизма в управлении военведа. Все наркоматы не просто должны действовать, а непосредственно отвечать за работу по подготовке к войне. Однако разрозненные усилия наркоматов, говорилось в записке, не дадут ожидаемого эффекта, если их работа не будет увязываться с вопросами мобилизации в целом, развертыванием армии и потребностями вооруженного фронта и экономическими возможностями страны. Увязкой мобпланов наркоматов должен заниматься РВС, вырабатывать методические указания к их составлению. В мирное время наркоматы должны проводить комплекс мероприятий, определяющих размеры затрат на создание мобзапасов, в том числе заказы на импортные материалы, на оборудование военных участков, на специализацию и стандартизацию военного производства, его ассимиляцию с мирной продукцией, решать вопросы размещения мобилизуемых войск, работы транспорта, накопления машин, создания лечебных учреждений и т.п.

После экспертизы в НКВМ мобилизационный план направляется в СО Госплана для окончательной увязки. Однако его работу следует полностью реорганизовать, насытить специалистами в той или иной области военного дела и непосредственно подчинить военведу, дабы в структуре Госплана он занимал особое место. Аналогично организуется работа секций обороны республиканских госпланов. СО должен увязывать мобзаявки с планами хозяйственного строительства СССР. Отдельные секции СО, во-первых, должны осуществлять оперативное планирование и составлять контрольные цифры по военному производству на год, во-вторых, заниматься перспективным планированием, в-третьих, мобилизационным планированием, в-четвертых, изучать экономику современной войны. В каждой секции создается небольшой аппарат, но для широкого обсуждения вопросов привлекаются другие военные специалисты. Общее руководство подготовкой к войне возлагается на СТО, который осуществляет ее путем особых распорядительных совещаний, а Госплан и РВС выступают его рабочими органами, которые подготавливают доклады и решения РЗ СТО⁹.

Вот та модель, созданная военными, которая свидетельствует об их стремлении играть более весомую роль в становящейся планово-директивной системе управления, которая, следуя особенностям военного мышления, должна бы «работать как часы». И как всякая теоретическая модель она страдает существенными недостатками. Обычная ошибка исследователей состоит в том, что подобные разработки принимаются за действительное положение в области военного производства. Между тем от теории до практики, от штабных планов до их реализации лежит большое расстояние. Какие бы планы ни составлялись, все равно они проходят десятки инстанций, в них вносятся изменения, их реализация зависит от действительного положения как в экономике в целом, так и собственно военной промышленности, входящей в понятие военпрома. В этом состоит суть основных противоречий, которые обозначились в оборонном планировании.

К 1928 г. было подготовлено три варианта мобилизационного плана на случай войны. Каждый из них не удовлетворял военных, так как им отводилась роль простых заказчиков, тогда как РВС и НКВМ хотели играть более активную роль. Наиболее приемлемым казался мобплан под литерой «С». Он представлял собой проработанную на основе мобзаявок НКВМ 1927 г. трехлетнюю программу подготовки к войне, и поэтому назывался план «С-30». Основное место в плане занимало производство ручного оружия и винтпатронов, мелкокалиберных пушек, гаубичной тяжелой артиллерии, которую намечалось развивать в сотрудничестве с германскими заводами Круппа. План ориентировался на идеи кооперирования производства, которые, как отмечалось, продвигаются туго, как в военной, так и в гражданской промышленности, *встречая сильное сопротивление со стороны консервативно настроенных специалистов*. Необходимо, говорилось в плане, в намеченные три года полностью провести принцип кооперирования, унификации и стандартизации изделий на основе *концепции единого выстрела*¹⁰. В осуществлении программы намечалось участие 163 заводов, не считая еще 97 предприятий, которые вырабатывают сырье и вспомогательные детали, в том числе сернокислотные, азотнокислотные, коксобензолные, нефтетолуоловые, анилиновые, производство корпусов, трубок, гильз. В авиастроении упор переносился на производство цельнометаллических самолетов. Отмечалось, что завод № 22 лишь в малой степени отвечает этой потребности, что остройшей проблемой для страны остается производство кольчугалюминия (дюралюминия). Сильный разрыв отмечался в производстве самолетов и моторов, особенно качественных. В связи с

этим намечалось строительство ряда новых заводов и реконструкция старых.

Так же остро стоял вопрос производства спецсталей, приборов зажигания, а в военной электротехнике как бы обнажались все слабости отечественной промышленности. Как “больное место” военных заводов отмечалось либо отсутствие мирных заказов, либо большие сроки их выполнения и отсутствие стандартизации изделий. Развитию производства, отмечалось в плане, сильно мешает недостаток квалифицированной рабочей силы, поэтому высказывалась идея *приписать* рабочих и специалистов к военным заводам для облегчения мобрабзвертывания. Одновременно предусматривался план *забронирования* рабочей силы на случай мобилизации, исходивший из опыта мировой войны. По угольной промышленности – 67% военнобязанных, по нефтяной – 55%, по металлической промышленности – 50%, по военной – 48%, по электротехнической – 47%, по химической – 39%, по текстильной – 27%. Призванных в случае войны, как прежде, намечалось компенсировать женщинами. В плане предусматривался ряд мероприятий по подготовке военных специалистов, не имевший, однако, систематического характера. При ВТА им. Дзержинского создавалось военно-промышленное отделение. Предлагалось ввести отбывание военной службы на заводах для студентов МВТУ, Ленинградских горного и политехнического институтов, химфака Казанского университета. Однако препятствием для этого указывалось большое количество больных студентов, негодных к военной службе. Указывалось, что транспортные потребности – тоже узкое место мобилизационного планирования. Количество вагонов составляло лишь 50% от потребности на военное время. Предусматривались принципы составления *эвакуационных планов* первой и второй очереди в зависимости от угрожаемых в случае нападения зон. В плане также говорилось о том, что поскольку восстановление военной промышленности происходило на старой промышленной базе, *основные положения прежней концепции остаются верными при районировании военного производства*¹¹.

Вдумываясь в содержание плана, нельзя не признать, что он не мог вызвать полного удовлетворения сторонников ускоренного развития военной промышленности. В вопросе о том, насколько высокими должны быть темпы, обозначились существенные расхождения. В этом ракурсе следует рассматривать смысл бюджетных и прочих дискуссий при переходе к планово-директивной системе управления. Если военные настаивали на росте бюджетных ассигнований на военные нужды, то руководство страны

стремится ограничить их разумными рамками, дабы не нанести ущерб другим отраслям, развитие которых, тем не менее, прямо или косвенно, имеет отношение к обороне. Этот момент очень важен для формирования понятия советского ВПК.

В августе 1928 г. в СО Госплана, например, был направлен доклад Председателя ВСНХ В.В. Куйбышева о контрольных цифрах оборонного строительства на пятилетку (капиталовложения и накопление мобзапасов). Общая сумма затрат на эти цели в нем определяется в 1843 млн руб., из которых расходы на собственно военную промышленность должны были составить 612 млн руб. К ним добавлялись 171 млн руб мощностей на военные нужды по металлической промышленности, 35 млн – по химической, всего 833 млн руб. – на специальные военные затраты. Военная промышленность получала 37 млн руб на развитие продукции гражданского назначения. Основной же упор оборонной подготовки переносился на гражданские отрасли: металлопромышленность должна была дать прирост мощностей (непрямые оборонные затраты) на 279 млн руб., химическая – на 520 млн руб., электротехническая – на 63 млн руб и т.д. Подчеркивалось, что план исходит из ассимиляции военных и гражданских производств и в нем возможны коррективы¹². А коррективы в период нагнетания плановых цифр и царившего планового ажиотажа вносились постоянно.

По отправному варианту пятилетнего плана, разработанному Госпланом и ВСНХ в 1928 г., увеличение производства боеприпасов предусматривалось в 2,7 раза, ручного огнестрельного оружия в 2,5–3 раза, самолетов в 2,7 раза, автомобилей для нужд армии в 4–5 раз, танков – в 15 раз¹³. В принципе намеченные контрольные цифры были вполне приемлемыми, если бы не взвинчивание плановых заданий, не обеспеченных ресурсами. Разумеется, это были предварительные расчеты, которые потом были превзойдены в несколько раз. Как бы то ни было, пятилетка должна была стать важным шагом в превращении военпрома как обособленного цикла военных заводов к военно-промышленному комплексу, т.е. всей экономики, работающей на нужды обороны страны в мирное время. В этой связи следует рассматривать военные приготовления СССР в этот период. Позиция Сталина и его сторонников: *высокие темпы индустриализации – залог укрепления обороноспособности страны.*

В мае 1928 г. МПС Президиума ВСНХ приняло постановление, в котором предусматривалось достичь в ближайшее время показателей мощностей военных заводов до пределов, предусмотренных мобилизационным планом “С”. Обращалось внимание

на создание базы мобилизационного развертывания, на развитие химии и добычу цветных металлов, станкостроение и инструментальное производство. Намечалось при этом исходить из максимального приспособления гражданских отраслей к выработке военных изделий и только при полной невозможности делать это направлять средства на строительство новых военных заводов. При их строительстве руководствоваться принципом максимальной экономической эффективности, удешевления продукции, быстрой отдачи. Строительство намечалось вести облегченного типа (однако, в пределах требуемых норм), задействовать временные постройки, отставляя в сторону сооружение вспомогательных объектов, исходя из сокращения затрат по титулам, производственных площадей, избавляться от излишеств, строго придерживаться режима экономии. В организации труда опираться на сменность, уплотнение рабочего времени, рационализацию. Намечалось развернуть научно-исследовательскую работу по суррогатированию, т.е. созданию отечественных аналогов и замене недостающих в отечественной промышленности материалов, приспособление для этого гражданских производств, создание предприятий-дублеров тех, что находились в угрожаемых зонах. Сроки по проектированию и выполнению заказов НКВМ предлагалось резко уплотнить. При общей установке на достижение независимости от заграницы, намечалось ускорить установление прочных связей с зарубежными фирмами и получение военных заказов и командировать с этой целью за рубеж специалистов и рабочих. Всем мероприятиям надлежало обеспечить организаторское и идеологическое обеспечение¹⁴.

Еще в феврале 1927 г. на ПБ были заслушаны доклады РВС, ВПУ и содоклад, представленный главой ВМИ и замнаркома РКИ И.П. Павлуновским о состоянии военной промышленности. В мае того же года ПБ приняло решение об увеличении ассигнований на военную промышленность на 1927/28 г. на 107 млн руб. с целью доведения общих военных расходов до 775 млн руб. (весь бюджет определялся в сумме 6465 млн руб.). Между тем уже в 1927/28 г. расходы на оборону возросли до 17,3% общегосударственных расходов, потраченных в основном на финансирование НКВМ, капиталовложения в военную промышленность, оборонное строительство в системе НКПС, закупки оборудования и сырья за границей. На 1928/29 г. НКВМ было выделено из бюджета 1135 млн руб. Из бюджета предусмотрены были также средства для действующих и вновь создаваемых конструкторских бюро и лабораторий¹⁵. При планировании бюджета на 1928/29 г. Военвед запросил 960 млн руб.

только на закупку вооружений при общей бюджетной смете 8 241 млн руб. При обсуждении правительство урезало эту цифру до 890 млн руб, а НКФ – до 840 млн руб. Это вызвало резкие протесты военных. Уже разворачивалась борьба против правых, которые якобы недооценивали военную опасность: “Весь мир вооружается против нас, а Рыков придирается к каждой мелочи, добивается сокращения сметы НКВМ”.

Слишком ретивые из военных, настаивающие на безграничном росте военных ассигнований, были отстранены. В мае 1928 г. начальник Штаба РККА М.Н. Тухачевский был переведен на должность командующего ЛВО, а на его место поставлен более покладистый Б.М. Шапошников. В литературе высказываются разные догадки о причинах отстранения Тухачевского, однако указанное обстоятельство, скорее всего, было наиболее вероятным. Подозревать Тухачевского в связи с правыми, как считают некоторые авторы, нет никаких оснований, его взгляды были прямо противоположными.

В 1928–1929 гг. в стране состоялся ряд конференций на разных уровнях, посвященных экономической мобилизации, проблемам составления мобплана на случай нападения и на первый год войны с участием мобилизационных органов, представителей Госплана, ОГПУ, РКИ, РВС и НКВМ. На них пятилетний план был подвергнут критике со стороны военных за слабый учет интересов обороны и механистический подход.

О нарастании appetитов военных свидетельствует бюджетная дискуссия 1928 г. и об оборонном бюджете на пятилетку 1928/29–1932/33 гг. По вариантам, разработанным НКВМ и СО Госплана, расходы на оборону по сравнению с реальными цифрами на 1927/28 г. должны были выглядеть следующим образом (см. табл. 2¹⁶).

Как видим, вариант НКВМ предлагал более напряженные контрольные цифры, и военные рассчитывали на постоянную долю в бюджете. Несколько иначе выглядела раскладка Госплана. Согласование представленных цифр возлагалось на правительственную комиссию Ворошилова, образованную в мае 1928 г. Она наполовину состояла из работников военведа, наполовину – военпрома и своей главной задачей видела согласование потребностей РККА с действительными возможностями хозяйства и капитальными затратами на развитие военной промышленности, учитывая как военные заводы, так и гражданские, которым, впрочем, отводилось второстепенное место. Перед комиссией ставилась задача выработать проект доклада для РЗ СТО с целью принятия соответствующего решения. Доклад

**Таблица 2. Проект оборонного бюджета по годам пятилетки (млн руб.)
(1927/28 г. – фактически, 1928/29 г. – утвержденный план)**

	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	1932/33
Госбюджет СССР	6581	7752	9187	10 864	12 203	14 082
в том числе на оборону:						
НКВМ (по варианту Штаба РККА)	743	850	1032	1158	1352	1425
Удельный вес, %	11,1	10,9	11,5	11,8	12,2	11,5
Госплан (по варианту СО Госплана)	743	850	900	950	1040	1140
Удельный вес, %	11,1	10,9	10,1	9,5	9,4	9,0

был подготовлен к середине 1928 г.¹⁷ В нем рассматривались мобзаявки НКВМ на ближайшие 2–3 года и до конца пятилетки. Конфликт насчет темпов военных приготовлений базировался вокруг принципа “затухающей кривой”. Основные увеличения капитальных затрат намечались на 1928/29 г. – сразу на 24%.

План С-30 рассматривался теперь как промежуточный этап подготовки к войне. Констатировалось, что главной базой его реализации является военпром, поскольку план ассимиляции гражданской промышленности в военное производство еще не проработан и выявить их совокупную мощь невозможно. Отмечалось, что промышленность в стране слаба, не приспособлена к мобилизационному развертыванию, а созданные мобзапасы ничтожны. Главный вывод доклада: *необходимы более серьезные усилия всей промышленности, а для этого надо иначе развернуть пятилетний план.*

Одновременно указывалось на слабые места мобилизационной заявки НКВМ: по качественным, цветным металлам, станкостроению, металло-оборудованию, азотной кислоте. Ввиду этих недостатков представленную мобзаявку можно было обеспечить только на 53–55%. Что касается танков, тракторов, автомобилей, металлических и деревянных самолетов и моторов к ним, то комиссия Ворошилова считала, что план может быть выполнен только к 1931/32 г. при условии существенной реконструкции

старых и строительства новых заводов. В связи с этим комиссия предлагала урезать заявку по этой технике на ближайшее время примерно на 15%.

В целом промежуточный этап моблирования нацеливался на *накопление мобзапасов*. Некоторые авторы считают, что комиссия Ворошилова проявила здравый смысл к качественной стороне оборонных возможностей, была более склонна опираться на реальный потенциал советской экономики, но это вряд ли позиция самого Ворошилова, скорее – Сталина. Нарком и председатель РВС, ближайший сталинский друг, и шагу не мог шагнуть, не посоветовавшись со Сталиным. Не удивительно, что все записки военных на имя Ворошилова, касающиеся развертывания вооружений, немедленно оказывались на столе у вождя. Для Сталина в этот период, как свидетельствуют документы, важны были не столько сами цифры производства вооружений, а, как он неоднократно подчеркивал, сколько *темпы* реконструкции промышленных предприятий и создания новых заводов, способствующих укреплению обороноспособности.

Что касается пятилетки, то комиссия Ворошилова прежде всего произвела расчет армии СССР и вероятных противников. На мирное время РККА следует развернуть до 625 000 человек, в случае военного столкновения – до 2 666 000, противостоящих 3 100 000 человек (имелись в виду мобилизационные возможности “лимитрофов”). Предполагалось, что 100 стрелковым дивизиям СССР будут противостоять 109 дивизий противника, против 1190 самолетов СССР выставляет 1046, против 401 танка – 102, зато против 5620 вражеских орудий – 7034 .

Делая доклад на РЗ СТО, комиссия Ворошилова определила, что в условиях мирного времени общая стоимость военных заказов по пятилетке составит 2690 млн руб. без учета средств на новое строительство. В предлагаемом финансовом плане на пятилетку вся смета НКВМ при предполагаемом увеличении зарплаты работников на 30% должна была составить 5 700 млн руб., а если добиться снижения цен, то эту цифру возможно было бы сократить до 5 млрд. В среднем за пятилетку участие сметы НКВМ в государственных расходах определялось в 23,1% ежегодно¹⁸.

30 июля 1928 г. РЗ СТО отверг представленную заявку НКВМ. Рудзутаку, Куйбышеву и Ворошилову было предложено ее пересмотреть, связать со схемой работ ВСНХ, Госплана и НКВМ. ВСНХ было поручено провести мобилизационную подготовку промышленности с тем, чтобы она в течение 2–3 лет обеспечила бы потребности Красной армии на год ведения войны.

В январе 1929 г. в справке СО по докладу ВСНХ о состоянии мобилизационной готовности отмечались как положительные моменты, связанные с переходом экономики на плановые основы, так и отрицательные, обусловленные ограниченностью имеющихся предпосылок. Отсутствие и дефицит материалов, наличие узких мест, говорилось в справке, делает планируемое мобразвитие нереальным. Основные недостатки заявки НКВМ на военное время: а) жесткость технических условий, которые не диктуются необходимостью; б) недоучет производственных возможностей промышленности; в) необеспеченность плановых цифр материальными ресурсами. Нарращивание производственных мощностей, начиная с 1927 г., не может удовлетворить и 10% трехлетней заявки военведа. Резкое расширение капиталовложений в 1927–1929 гг. и новое строительство идет с большими трудностями и эффекта пока не дает. Как в трехлетнем плане, так и в перспективах на всю пятилетку отмечалась крайняя пестрота заданий, нарушение пропорций. Говорилось, что хотя в плане С-30 есть попытка усилить ассимиляцию с гражданской промышленностью, однако она была не закончена, плохо проработан вопрос о “кустовании” предприятий, отмечалась сильная зависимость от импорта. Хотя были предприняты шаги для создания военных ячеек на гражданских предприятиях, но их создание тормозится отсутствием достаточных заказов НКВМ. Трехлетняя заявка военведа может быть выполнена, говорилось в справке, но сомнение вызывает автостроение, есть проблемы с порохами и аммиаком. Еще одна трудность заключалась в том, что не было данных о военных возможностях гражданской промышленности, чертежей и технических условий, отсутствовали научно-исследовательские работы¹⁹.

Если в докладе ВСНХ еще прослеживались оптимистические нотки в отношении мобготовности, то в РВС он был подвергнут уничтожающей критике. С созданием МПУ, говорилось в постановлении РВС, мобилизационная работа несколько улучшилась, однако представляемые мобпланы устарели, предполагая слишком длительные сроки развертывания и представляя собой по сути бесплановое развитие в случае войны. По традиции все это сохранилось в плане С-30. Его реализация идет с большим запазданием, что в современной обстановке недопустимо. В отличие от “радужного” доклада ВСНХ, РВС констатировал крайне неблагоприятное положение с мобразвертыванием, указывая на необходимость *усилить темпы*. Свою же задачу военвед видел в своевременном представлении заявок, предусматривающих ресурсы для *сверхпланового развития*. Постановление РВС говори-

ло о необходимости уменьшить сроки разработки новых образцов и их внедрения в серию, удешевить военную продукцию, усилить импорт, одновременно создавая предпосылки для освобождения от иностранной зависимости. В качестве ударной и боевой задачи наркомату РКИ предлагалось провести масштабную проверку мобготовности промышленности. Чтобы усилить внимание к опытно-конструкторским работам, суррогатированию, основные подразделения в этой области РВС считало необходимым передать в промышленность, возложив общее наблюдение над ними на МПУ и призывая одновременно более четко очертить обязанности техкомов НКВМ и научных учреждений ВСНХ. Постановление предлагало в полтора месяца разработать и представить РВС положение о военной приемке в мирное и военное время. В заключение ставилась задача пересмотреть заявки НКВМ по новым вариантам 10 и 12 и внести в правительственную комиссию проект положения о мобилизации народного хозяйства²⁰.

К весне 1929 г. проработка пятилетнего плана близилась к завершению. За основу принимались оптимальные контрольные цифры. Однако военные по-прежнему настаивали, что вопросы обороны в пятилетнем плане так и не решены окончательно. Сторонники военизации пятилетки призывали снова скорректировать хозяйственную политику. Зам. наркома НКВМ Уншлихт настойчиво рекомендует пересмотреть в сторону увеличения те показатели, которые имеют решающее для обороны значение. В апреле 1929 г. в Президиуме Госплана опять вспыхнула дискуссия по поводу ассигнований на военные нужды между представителями Военведа, ОГПУ, РКИ, с одной стороны, ВСНХ и наркоматов – с другой. Прежние варианты мобпланов рассматривались теперь как механическая сводка мобпланов и мобзаданий трестов и предприятий, сведенная МПУ ВСНХ. В свете новых задач мобпланирования их рассматривали теперь как “клочки бумаги”.

Тогда же в РЗ СТО был направлен новый аналитический доклад Госплана об учете интересов обороны в пятилетке, который заметно отличался от предыдущего (см. выше) и отражал некоторые положения, выработанные комиссией Ворошилова. План исходил из оптимальных контрольных цифр и стабильного состава вооруженных сил на пятилетку. Но главным направлением теперь провозглашалась механизация вооруженных сил, более известная в литературе как *моторизация РККА*. Число танков предполагалось увеличить в 15 раз. Сильный военный уклон наклонялся на топливную промышленность, прежде всего на добычу, переработку и доставку нефтепродуктов. Треть металлургической базы должна была быть переориентирована на нужды

армии, причем значительно должны были возрасти мощности по высококачественной стали и ферросплавам. Отмечалось неудовлетворительное положение по цветным металлам и отсутствие новых разведанных месторождений, в связи с чем предлагалось двигаться с Урала в Казахстан. В одном из последующих документов предлагалось использовать для этой цели заключенных ГУЛАГа²¹.

В докладе Госплана отмечалось, что, судя по темпам развития машиностроения в пятилетке, даже оптимальным, освободиться от импортной зависимости в пятилетке не удастся. Констатировалось тяжелое положение с инструментальной базой, особенно с измерительным инструментом, что пятилетний план по обороне не увязан с тракторостроением, авиастроением, с программой развития тонкого и точного машиностроения. Говорилось о том, что в химическом производстве необходимо делать ставку на развитие основной химии: азотное, хлорное, серно-кислотное, аммиачное производство, искусственное волокно. Намеченные планом 16 фабрик – только начало. Базовым новшеством в документе была опора планирования *на сплошную коллективизацию деревни*. (Обратим внимание – еще до принятия решения о массовой коллективизации).

По мнению военного руководства, крупные производственные единицы в сельском хозяйстве будут легче поддаваться плановому воздействию, чем многомиллионные массы распыленных крестьянских хозяйств. Более того, линия на создание высших типов хозяйственных объединений усилит обороноспособность страны, механизация и химизация сельского хозяйства улучшат хозяйственный баланс, облегчат обеспечение кавалерии. Удельный вес товарного зерна в колхозах составит 39%, что позволит обеспечить полную годовую потребность армии на случай войны, но для этого нужно втянуть в колхозы 85% крестьянских дворов. Мобилизационный фонд хлебного запаса должен составить 2 млн ц на 3 месяца войны и 12,5 млн ц на год ведения войны. Параллельно предлагалось развернуть создание сельскохозяйственных предприятий для переработки продукции, обратить внимание на строительство хлебозаводов, столовых, фабрик-кухонь, что в настоящее время – положение неблагоприятное: мало элеваторов, хлебопекарен, мельниц. Говорилось о том, что нужно создать такие запасы продуктов, которые гарантировали бы от перебоев в мирное время и безболезненный переход к войне, а из технических культур для армии наибольшее значение имеет хлопок. Если в 1927/28 г. 45,4% его шло на нужды армии, то в 1932/33 г. эту цифру предлагалось

довести до 73%. Указывалось, что коллективизация позволит изменить структуру посевов овса и сеянных трав для заготовки армейского фуража. Производство сельскохозяйственной продукции намечалось районировать в направлении Поволжья, Сибири, Казахстана.

Хотя планировался значительный сдвиг на Восток, диктуемый интересами обороны, но, видимо, говорилось в записке, наиболее решительный сдвиг следует отнести на следующую пятилетку. Пока еще состояние промышленности и транспорта не позволяет произвести его в широких масштабах. Ставилась задача добиться выполнения оптимальных заданий по железнодорожному транспорту, намечалось построить железнодорожное кольцо вокруг Москвы, а строительство Турксиба связать с созданием хлопковой базы для армии. Констатировалось, что положение на водном транспорте хуже, чем в 1913 г., что перспективы автомобилизации армии в пятилетке – неудовлетворительные, не обеспечивают маневренности войск, не учитывают возможности воздушных сообщений и развития гражданской авиации.

В области трудовых ресурсов, говорилось в записке, мобилизационные возможности упирались в огромную *текучесть* [рабочей силы], прежде всего в горнорудной, топливной, металлургической промышленности. Обращалось внимание на рассасывание безработицы и необходимость программы социально-культурного строительства, особенно в приграничных районах. Делалась ставка на их экономический подъем, соответствующие мероприятия по линии просвещения, здравоохранения, коммунального хозяйства, имея в виду, что они должны стать прочной социально-политической базой для будущего тыла фронта, причем не только на Западе. Не менее важным будет Дальний Восток, районы, соприкасающиеся с Китаем, Афганистаном и Персией, причем не только с точки зрения обороны, но и непосредственного влияния на население сопредельных стран.

В товарообороте предлагалось обеспечить переход на высшую стадию планирования: чем выше будет планирование в мирное время, тем легче будет в случае войны. С сожалением отмечалось сохранение иностранной зависимости, а по некоторым товарам, таким как каучук, – целиком. Предлагалось еще шире развернуть мероприятия по суррогатированию, т.е. созданию отечественных аналогов²².

Однако цифры, намеченные ВСНХ на капитальное строительство по военной промышленности (строительство военных заводов и милитаризацию гражданской промышленности),

РЗ СТО назвал чрезмерными и вместо 1 190 млн руб. предложил урезать их до 500 млн руб.²³.

Следует заметить, что усиление внимания к мобилизационной готовности происходило на фоне непрерывных дискуссий, которые велись в печати о характере современной войны, об изменениях в технологии военного дела. Вопросы мобилизационного планирования экономики занимали все большее место в проводимых мероприятиях. В военно-учебных заведениях вводились курсы по мобилизационному планированию²⁴. В связи с этим уместно сослаться на один документ, поскольку он, пожалуй, в наибольшей степени касается стратегии военно-мобилизационного планирования промышленности, которая складывается в эти годы в умах руководителей, хотя, с позиций нынешнего дня, ее отдельные положения можно оспорить. Это доклад, представленный председателем МПС ВСНХ И.Т. Смилгой на секции экономики войны СО Госплана. Идеи, высказанные Смилгой, повторялись многими военными, но в нем наиболее концентрированно излагается суть нового подхода.

В докладе констатируется грядущая неизбежность войны, которая будет войной на полное низвержение противника. Главную роль в ней, не умаляя значения артиллерии, будут играть танки, авиация и военная химия. Это будет война не только армий, но и жизненно важных центров. По-старому воевать будет нельзя.

До сих пор в оборонной стратегии, по мнению автора, есть две концепции. Одна – у Америки, которая хотя и не имеет отдельной военной промышленности, но, как страна экономически наиболее мощная, способна быстро развернуть военное производство путем ассимиляции и кооперирования гражданских производств. Мобилизационный план этой страны рассчитан на быструю перестройку хозяйства на нужды войны. Военные заказы рассеиваются по многим предприятиям. Преимущества такого плана очевидны. В мирное время основной капитал страны работает на экономику, чем в результате обеспечивается его относительная дешевизна. Другим странам такой план будет не по силам.

Другой тип военной мобилизации, по мнению автора, в наиболее чистом виде демонстрировала царская Россия. Она ориентировалась на создание специальной мощной военной промышленности и накопление запасов на складах военных ведомств, что было дорого и невыгодно экономически. Японская война стала первым предупреждением порочности подобной практики. После нее сделано было много, особенно в артиллерии, но этого было явно недостаточно. Поэтому мировая война велась по существу теми же методами. Перестройка

экономики на военный лад происходила под огнем. Но как бы Россия ни перестраивалась под Америку, у нее бы ничего не вышло, так как ее производительные силы были намного ниже. Каждый завод работал фактически сам по себе. Поэтому при расширении военного производства ничего не оставалось, как по-прежнему идти по пути создания специальных заводов. Делался вывод, что с такой организацией экономики страна сегодня успешно воевать не может.

Автор обращал внимание на то, что обслуживание армии в мирное время и военное время не одно и то же. (Автор выделял время войны – “У”, мирное время – “Х”. Обычно делается наоборот: обозначается час “Х” – время максимальной опасности). Ни одна страна, отмечал Смилга, не нуждается в излишнем производстве военной продукции в мирное время, поэтому теперь главный упор необходимо делать на развитие мобилизационных мощностей. Царская Россия не могла решить эту проблему. Капитал, вложенный в военное производство, не давал прибыли, изнашивался, морально устаревал. В Европе нашли некоторые переходные формы в лице таких фирм, как Вилкерс Армстронг (Англия), Шнейдер-Крезо (Франция), Крупп (Германия), Шкода (Чехословакия), которые пошли по пути обратной ассимиляции и оказались способными производить в мирное время огромное количество невоенной продукции. Омертвление основного капитала на военных заводах было преодолено.

Нам, писал Смилга, надо делать выводы из исторического опыта. Мы получили в наследство от царской России мощную военную промышленность, и это налагает на нас определенное бремя. Военная промышленность составляет значительный удельный вес в экономике. Ее надо привести в порядок, что должно быть решено в процессе реконструкции военных заводов. Однако, решая задачи индустриализации, нам надо расстаться с идеей погодного наращивания военной промышленности и ее мощностей. Это идея вредная. Главное – это правильная эксплуатация военных заводов, иначе мы обречены на вечную их реконструкцию. Можно использовать военные заводы для решения задач индустриализации путем широчайшей ассимиляции и кооперирования военных и гражданских производств, подготовки и стабилизации кадров, с которыми в стране существует особое напряжение. Каждое новое предприятие должно знать и помнить о своей оборонной функции. Нельзя допускать конкуренции между мирной и военной промышленностью. Всегда нужно иметь в виду, что трактор в мирное вре-

мя есть танк в случае войны. Постепенно следует переходить от модели царской России к европейской или американской. Тем не менее надо считаться со старым наследием, одновременно освобождаясь от импортной зависимости. При составлении мобпланов не надо делить по степени важности изготовление пушек и изготовление портянок. Нужно обратить внимание на стандартизацию производства, не менять технологию в угоду военным нуждам, всему придавая деловой смысл. На этом пути, указывал автор, нас ждут калейдоскопические трудности, преодоление правых и левых уклонов в оборонной работе. “Мы против самотека, но и против увлечения полевой стратегией – перспективой больших побед и быстрого завершения войны, против бумажных планов, иначе придется испытать горькое разочарование”²⁵.

Если теоретически подобная конструкция выглядела весьма логично, то в практической реализации она постоянно наталкивалась на различные препятствия и ограничения. Главный вопрос в мобилизационной подготовке заключается в том, когда же наступит час “X” (будем придерживаться общепринятой символики), т.е. военное нападение. В сущности, вокруг этого вопроса в советском руководстве постоянно шли подспудные дискуссии, способствуя постоянной ревизии мобилизационных планов, составляемых в недрах военведа и военпрома.

В плановом ажиотаже предприятия не имели иного выхода, как вместо запланированных показателей в реальности исходить из текущих (или оперативных, как их называли) заказов НКВМ. При этом руководство сразу же натолкнулось на проблему: противоречие между планами военного производства и текущими потребностями народного хозяйства, которые неизбежно влияли на корректировки планов мобилизационного развертывания промышленности. Предприятия не могут в мирное время работать преимущественно на военные склады (накопление мобзапасов), ибо происходит омертвление капитала. Необходимо было использовать создаваемые мощности для производства необходимой стране мирной продукции. Поэтому реальные заказы военведа всегда оказывались намного ниже запланированных. Так, согласно мобилизационной плановой заявке НКВМ потребность в самолетах на 1930 г. определялась в 4360 единиц, по танкам – 1055 единиц, а реальный заказ военведа военпрому на 1929/30 г. составил 1262 самолета и 340 танков. То же самое наблюдалось по остальным видам вооружений²⁶.

Задача, которая ставилась военведом, состояла в том, чтобы **максимально сократить разрыв между мобилизационными заявками ввиду скорого приближения войны и реальными возможностями промышленности**, что являлось важнейшей предпосылкой военизации пятилетки. Задача руководства страны состояла в том, чтобы **привести в соответствие планы мобилизационного развертывания с реальными возможностями и темпами роста промышленности**. Поскольку мобилизационные заявки значительно превышали их возможности, то в своей оперативной деятельности и военвед, и военпром вынуждены были опираться на другие показатели, отраженные в оперативных планах. При этом следует учитывать, что выполнение и оперативных планов происходило с существенными задержками и “прорывами”. Обнаруживалась постоянная нехватка средств и ресурсов. Все недостатки военного развертывания списывались на действия “вредителей”.

ВОПРОС О ВРЕДИТЕЛЬСТВЕ В ВОЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Еще до конца 1920-х годов в поисках виновников трудностей в военной промышленности нагнеталась обстановка вокруг старых специалистов. Конечно, аналогичная ситуация складывалась в других отраслях экономики. Хотя борьба с вредительством касалась не только военной промышленности, несомненно, что в ней она приобрела особый размах, так как вредительство на этом участке руководство считало особо опасным для государства. Были ли основания для обвинений во вредительстве? Как ни крути, выдвижение руководством новых задач встречало сомнения и возражения в рядах старых специалистов, считавших их нереальными, преждевременными и т.д. Однако документы свидетельствуют, что, несмотря на это, а иногда и скрытую враждебность к советскому строю, большинство специалистов честно работало на своих постах. Тем не менее, не располагая фактами о вредительстве или саботаже, партийно-советское руководство вместе с политическими и контролирующими органами пошло по пути их фабрикации. Много было написано о фабрикации Шахтинского процесса 1928 г., появились новые данные о фабрикации обвинений против специалистов в нефтяной промышленности и других отраслях. Но до сих пор почти ничего не было сказано о борьбе с “вредителями” в Военпроме, ее размахе и значении. Некоторые авторы считают, что она не

имела большого значения для развития военной промышленности. Это было далеко не так.

29 марта 1929 г. ОГПУ представило в Политбюро документ, где говорилось о раскрытии контрреволюционной организации в Военпроме²⁷. Ее возникновение ОГПУ отнесло к 1922 г., а инициаторами ее создания назвало генералов и полковников царской армии. По мере развития организации в нее якобы было втянуто большое число военных специалистов, которых-де еще предстоит разоблачить в процессе следствия. Разворачивалась настоящая кампания по выявлению вредителей, которая охватывала все больше работников аппарата и специалистов на заводах. Сообщалось о вредительстве на заводах: “Мастяжарт”, Московском орудийном, “Арсенале”, “Большевики”, Пермском, Богородском, Казанском, Шлисельбургском, Самарском и Ленинградском трубочных, Ульяновском пороховом, Пензенском и др. Целью контрреволюционной организации, как говорилось, было подорвать обороноспособность Красной армии.

Структура организации выстраивалась чекистами соответственно со схемой управления военной промышленностью, и главной сферой вредительства называлось бывшее ГУВП. Главным “вредителем” был объявлен В.С. Михайлов, прежний заместитель председателя ГУВП – крупный теоретик военного дела и специалист в области артиллерии. Всего по делу проходил 21 человек, в том числе, помимо Михайлова, Дымман (член правления ПТТ), Высочанский (член правления ОАТ, бывший член правления ГУВП), Шейман (главный инженер строительно-механического отдела ОАТ), Довгелевич, (зам. нач. отдела Вохимтреста), Сахаров (технический директор завода “Мастяжарт”), Чижевский (начальник отдела ОАТ), Дыхов (начальник арсенального подотдела ОАТ), Шпитальский (директор “Эксольхима”), Филипповский (главный инженер ОАТ) и др.

Обращает на себя внимание, как ОГПУ определяло периоды в деятельности организации. Первый якобы был направлен на разоружение заводов и выведение их из строя, второй – препятствование восстановлению заводов, например, путем направления капиталовложений на второстепенные объекты, создания на производстве узких мест, третий будто бы совпадал с масштабной программой капитального строительства и знаменовал переход к плановому вредительству и срыву мобилизационного развертывания. Таким образом, рисовалась удивительная способность “вредителей” следовать политике партийного руководства

и выстраивать под нее свою деятельность. Сами по себе обвинения, предъявленные “вредителям”, поражают своей абсурдностью, ибо на них сваливались все присущие советской экономике того времени недостатки, огрехи и трудности. Особенно поражает, каким образом благие намерения В.С. Михайлова постоянно оборачиваются против него и расцениваются как “вредительские факты”.

Данный документ следует рассматривать вместе с последующими. 25 октября 1929 г. в сообщении для печати говорилось, что Михайлов, Дымман, Деханов, Шульга были расстреляны, остальные участники приговорены к различным срокам заключения в концентрационных лагерях²⁸. В докладной записке по делу указывалось как развивался процесс, кто “сознался”, а кто не сознался во вредительстве. Добавлялись и уточнялись пункты обвинения. Например: Михайлов настаивал на строительстве нового латунного завода вместо переоборудования имеющихся цехов, Дымман говорил о строительстве нового трубного завода, Чижевский – о строительстве в Павшино нового оптического завода на ровном месте взамен использования и переоборудования двух старых цехов, что привело к удорожанию работ в два раза. Вредительство по линии оборудования заключалось-де в том, что станки, которые могли быть использованы вместо закупки их за границей, отправлялись на склады. За рубежом закупалось не подходящее оборудование, создавались задержки с освоением и созданием отечественного станкостроения. В “Эксольхиме” занимались академическими работами, сосредоточились на разработках второстепенных ОВ²⁹.

В связи с развязываемой кампанией тучи над работниками Военпрома сгущались. Чувствуя это, Толоконцев подает заявление об отставке. Помимо многочисленных претензий к работе ВПУ, этот орган выступает еще как естественный наследник ГУВП – “рассадника вредительства”. Толоконцев, теперь уже бывший глава ВПУ, замененный М.Г. Урываевым, как уже упоминалось, в своем докладе о работе военной промышленности на заседании ПБ ЦК ВКП(б) 27 апреля 1929 г. пытался как-то ослабить предъявляемые обвинения. Возражая Павлуновскому на то, что в аппарате ВПУ засели старые генералы, он отвечал, что это сильно преувеличено, что их всего несколько человек. Что же касается Михайлова, то он всегда казался просоветски настроенным, активно выступал с докладами на партийных собраниях, благопринято воспринимал критику. Он, – говорил Толоконцев, – первый среди работников Военпрома отмежевался от шахтинцев. Вообще, – говорил он, – Павлуновский в своих нападках удивляет. В од-

ном месте он писал, что военная промышленность имеет полные мощности для мобплана литеры “С”, что является незаслуженным комплиментом, а с другой стороны, обвинял ВПУ в сокращении мощностей. Позицию Павлуновского Толоконцев определил как вредную, которая не дает правильного освещения положения в военной промышленности. (В апрельском письме в адрес ПБ Павлуновский писал о хаосе, расхлябанности, катастрофическом положении в военной промышленности, заявлял, что выполнение мобилизационного плана по литере “С” висит на волоске, что оборонная трехлетка превращается в пятилетку). На самом деле вредителям, заключал Толоконцев, не удалось подорвать дело обороны³⁰.

Тем не менее кампания по борьбе с “вредителями” разворачивалась все шире и шире и стала составной частью, если следовать советской традиции, “великого перелома” в военной промышленности. В чем же он состоял?

“ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ” В ВОЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В мае 1929 г. РЗ СТО утвердило предложения НКВМ об увеличении численности и вооружений до 1933 г., что означало еще один поворот в сторону военизации пятилетки. Представленные предложения должны были быть вынесены на заседание Политбюро, т.е. к лету 1929 г. обсуждение всех вопросов оборонного строительства в пятилетке вышло на самый высший уровень. В основу заседания ПБ лег анализ военно-промышленной работы за два года. Для подготовки докладов были сформированы две комиссии: одна о состоянии обороны страны, другая – о состоянии военной промышленности. Достижения в области обороны были опубликованы в печати. Подготовка доклада о военной промышленности носила принципиально иной характер. Сюда были собраны все критические стрелы в адрес руководителей военпрома вплоть до письма начальника ВМС Р.А. Муклевича о плачевном состоянии флота и превращении страны в провинциальную морскую державу, отстающую даже от “лимитрофов”. Накануне заседания Толоконцев и Томский были выведены из состава РЗ СТО.

В свете новых задач, провозглашенных сталинским руководством на пятилетку, успехи, достигнутые отраслью, выглядели незначительными и неадекватными. И дело тут не столько в критике самой военной промышленности, сколько в полном отказе от принципов нэповской экономики. Давление военных усилива-

лось и в связи с тем, что представление о военной опасности по-прежнему царило в умах руководства и господствовало мнение, что, видимо, в ближайшее время военного столкновения избежать не удастся. Впрочем, приблизительное время начала войны, исходя из анализа международной обстановки, теперь относилось на 1932 г., заставляя усиливать военную составляющую пятилетнего плана. Показатели, которые в наибольшей степени подвергались корректировке в сторону их необоснованного повышения, так или иначе были связаны с военным производством. Со стороны же военных постоянно продолжали раздаваться обвинения в том, что интересы обороны не учитываются в плановых цифрах. На самом деле, и военные, и производственники, как показывают документы, всячески старались поспеть за быстро меняющимися плановыми корректировками и обратить их в свою пользу, но сделать это в царившем плановом ажиотаже, военной лихорадке, было нелегко. Несмотря на прилагаемые усилия, признаки расстройств в период “великого перелома” коснулись и военной промышленности. И, как прежде, анализ реального положения дел был заменен поиском “козлов отпущения”.

Драматические события, развернувшиеся на июльском заседании ПБ ЦК ВКП(б), стали важной вехой в становлении и развитии советского ВПК. Доклады о положении военной промышленности были представлены И.П. Павлуновским, М.Л. Рухимовичем, А.Ф. Толоконцевым, К.Е. Ворошиловым. Было принято два постановления ПБ “Об укреплении обороноспособности СССР” и “О военной промышленности” от 15 июля 1929 г. Если о первом постановлении много говорилось в литературе, второе было менее известным. Это – параллельное совершенно секретное постановление ПБ, составленное всего в нескольких экземплярах, к созданию которого явно приложили руку и ОГПУ, и военная инспекция РКИ. Оно было размножено только в пяти экземплярах и направлено в ЦК ВКП(б), РЗ СТО (Рудзутаку), НК РКП (Яковлеву), ВСНХ (Рухимовичу), РВС (Ворошилову) и, ввиду особой секретности, должно было храниться на правах шифра. Только теперь оно стало известным, и, ввиду исключительной важности данного документа для анализа материалов, представленных в сборнике, на нем стоит остановиться подробнее.

В постановлении как бы подводился итог многочисленным дискуссиям о характере современной войны и размерах необходимых военных приготовлений, ведущимся на страницах печати, в кулуарах военведа и военпрома. Главное место в подготовке к войне постановление отводило *кадровой военной промышленности*, более того, признавалось, что существование специальной

военной промышленности с весьма мощными заводами объективно создает преимущество Советского Союза перед буржуазными государствами в деле обороны страны. Этот момент важно подчеркнуть, так как он отразил дальнейшую перспективу роста военной промышленности, несмотря на теоретические дискуссии об экономической мобилизации всего народного хозяйства.

Вместе с тем состояние самой военной промышленности оценивалось как крайне неудовлетворительное, что выражалось, согласно документу, в громадном преуменьшении мобилизационных мощностей заводов, длительном и не соответствующем интересам обороны срокам их строительства и пуска, преувеличении средств на капитальное строительство. Указывались медленные сроки мобилизационного развертывания заводов, в связи с чем государство вынуждено было направлять усилия на создание крупных мобзапасов, непосильных для государства. Отмечались диспропорции и узкие места по ряду отраслей военных производств и заводов: неразрешенность проблемы заводского ремонта и арсенального, лекально-инструментального оборудования; перегруженность заводов негодным станочным парком; недопустимые сроки изготовления новых опытных образцов вооружения, продолжительное (3–4 года) их внедрение в массовое производство; устаревшие технологические процессы и упорное нежелание военной промышленности во всех ее звеньях нововведений и совершенствования этих процессов; недоделы, невыполнение программ по изготовлению и обеспечению взаимозаменяемости запасных частей к предметам вооружения; крайне недостаточное использование основного капитала военной промышленности для производства мирной продукции; нерациональное использование военного оборудования для этих целей; разбазаривание оборотных средств, ведущее к напряженнейшему финансовому положению и кассовым прорывам в военных трестах, надеющихся на подачки государства и не принимающих достаточных мер к упорядочению своих финансов; опора целиком на касту старых специалистов царской России и невнимание к вопросу подготовки новых советских кадров.

Все это списывалось на действия “вредителей”. Теперь, говорилось в документе, *когда установлена принадлежность большинства старых специалистов к контрреволюционной организации, в техническом руководстве военной промышленности сложилось критическое положение и создан опасный разрыв между промышленностью и потребностями обороны, что явилось следствием многолетней и систематической вредительской работы в военной промышленности; отсутствия бдительности у партийного руководящего состава военной промышленности,*

начиная от руководящих работников Военпрома, кончая заводами; чрезмерного доверия к специалистам, в особенности к их верушке; отсутствие со стороны руководящего коммунистического состава военной промышленности даже минимального контроля за работой специалистов. Отмечалось, что в большинстве случаев этот руководящий состав свел свою роль по управлению промышленностью, трестами и предприятиями к голому администрированию на основе отчетов и докладов, представляемых ему аппаратами, дескать, заполненными и часто руководимыми вредительскими элементами, и не считал для себя обязанным вникать в сущность производства, работать над собой и совершенствоваться для того, чтобы стать подлинным хозяином дела, улучшать и совершенствовать систему управления и изучать производственные технологические процессы; под предлогом военной тайны (чрезмерное засекречивание) фактически был отстранен от активного участия в организации и рационализации производства беспартийный и коммунистический рабочий актив на производстве.

Что касается успехов военной промышленности, о которых докладывало ВПУ, говорилось дальше, то вскрытое совместными усилиями НК РКИ и ОГПУ действительное положение в военной промышленности, оказалось *ни в какой мере не соответствующим оптимистическому освещению со стороны руководителей военной промышленности*. Некоторые достижения в области производительности труда, снижения себестоимости, повышения качества и количества изготавливаемой продукции, внедрения некоторых новых видов производства и т.д. совершенно недостаточны ни с точки зрения вложенных в военную промышленность средств, ни с точки зрения количества времени, затраченного на эти достижения. В то же время эти достижения выдвигались руководящими работниками военной промышленности в качестве показателей общего благополучия промышленности, что еще больше содействовало прикрыванию фактически тяжелого положения подготовки к обороне. Попытки исправить критическое положение, предусмотренные решениями Президиума ВСНХ и утвержденные РЗ СТО в плане на 1928/29 г., обнаружили, что военная промышленность оказалась не готовой к выполнению заданного ей плана капитального строительства, а в работе ее аппарата не произошло того *перелома*, который гарантировал бы срочное исправление последствий работы контрреволюционной организации.

Исходя из этого, намечался цикл следующих мероприятий: Президиуму ЦКК предлагалось срочно рассмотреть вопрос о наложении взысканий и привлечении к ответственности как нынешнего, так и бывшего состава военной промышленности, ви-

новного в недостаточной бдительности к многолетнему и явному вредительству и упущениях в военной промышленности, внести свои предложения в ПБ; специальной комиссии под председательством Павлуновского, включая представителей ЦК металлистов и химиков в кратчайший срок произвести *чистку всего личного состава военной промышленности до заводов включительно*; обновить руководящий состав военной промышленности, начиная с коллегии ВПУ и кончая заводами; Оргбюро ЦК ВКП(б) в месячный срок предписывалось мобилизовать для военной промышленности не менее 100 человек, преимущественно членов партии, опытных производственников и молодых инженеров. Принимая во внимание, что военная промышленность представляет собой по преимуществу высококвалифицированное производство и в то же время имеет ничтожные технические кадры, в особенности после ликвидации вредительской организации старых специалистов, ВСНХ надлежало, согласно документу, путем срочных и конкретных мероприятий немедленно разрешить вопрос об усилении технических кадров военной промышленности (путем переподготовки, устройства краткосрочных курсов и т.д.) и одновременно разработать план систематической подготовки для нее технического персонала.

ВСНХ предлагалось разработать и приступить к немедленно осуществлению плана ликвидации последствий вредительства в военной промышленности. Особое внимание при этом обращалось на капитальное строительство, электро-паро-силовое хозяйство, лекальное и инструментальное дело, арсенальную проблему, изучение и совершенствование (рационализацию) технологических процессов, устранение диспропорций между производствами и цехами и т.п. Ставилась задача уже в 1929/30 г. добиться устранения указанных последствий вредительства и создания здоровой производственной обстановки на заводах и в трестах. При разработке программы ликвидации последствий вредительства предписывалось использовать все имеющиеся материалы, конкретно изучать каждый объект вредительства в отдельности и широко привлекать к этой работе все предприятия, которые были охвачены вредительством.

Успешное разрешение громадной проблемы технического оснащения Красной армии и, в частности, своевременное осуществление одобренных ПБ мероприятий по артиллерийскому, танковому, авиационному, химическому перевооружению по пятилетнему плану, указывалось в постановлении, возможно только при условии наличия сильных конструкторских и технических бюро на предприятиях военной промышленности, работающих в

полном взаимодействии со всеми научно-исследовательскими и техническими учреждениями страны, и привлечением заграничной технической помощи. Исходя из этого, ВСНХ предлагалось немедленно усилить существующие конструкторские и технические бюро на заводах опытными специалистами, организовать их там, где они отсутствуют, и привлечь техническую помощь из-за границы. Особое внимание должно быть обращено на артиллерийское, авиационное и химическое дело.

Вторым условием успешного осуществления плана технического перевооружения Красной армии провозглашалось быстрое изготовление опытных образцов нового оружия и организации массового их производства. ВСНХ, совместно с НКВМ, должен был добиться во что бы то ни стало самых минимальных сроков в изготовлении опытных образцов, испытании и проверке их и внедрения в массовое производство. Отмечая недостаточную загрузку военных заводов военными заказами, ВСНХ, в целях сокращения сроков мобразвертывания военных заводов и максимального использования основного капитала военной промышленности, РЗ СТО предлагал в двухмесячный срок поднять темп загрузки военных заводов мирной продукцией до максимальных пределов. ВСНХ надлежало принять меры по оздоровлению оборотных средств военной промышленности, а РЗ СТО в срочном порядке рассмотреть вопрос о смягчении финансового напряжения, покрыть кассовые прорывы в Орудийно-арсенальном и Авиационном трестах, исключить повторение подобных явлений.

РЗ СТО предлагалось рассмотреть вопрос о ценах на поставляемую Военведу продукцию под углом необходимого их снижения, установив одновременно твердые расчетные цены по всем предметам вооружения, допуская ориентировочные цены как исключение для вновь устанавливаемых производств, и то только для первого периода. НКВМ, ОГПУ и ВСНХ должны были пересмотреть существующий порядок секретности на военных заводах с тем, чтобы было обеспечено максимальное участие рабочих в контроле над производством и в то же время сохранена военная тайна³¹.

Действительно, можно констатировать, что, в свете сказанного, военной промышленности предстояли большие перемены. Но прежде всего, пожалуй, следует остановиться на том, на чем сосредоточен основной пафос документа – “вредительство в военной промышленности” и его последствия, явно показывающие, что сталинским руководством была допущена преступная и пагубная ошибка, значительно усугубившая проблемы военного производства. Это был, что называется, удар мимо цели.

РАЗВЯЗЫВАНИЕ КАМПАНИИ БОРЬБЫ С ВРЕДИТЕЛЬСТВОМ В ВОЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Следуя постановлению ПБ, кампания преследования старых специалистов продолжала нарастать. Арестам подвергались многие крайне необходимые военному производству работники на заводах, в трестах и научно-исследовательских учреждениях. В декабре 1929 г. назначенный начальником вооружений РККА И.П. Уборевич докладывает Ворошилову о ликвидации вредительства в Оружейно-пулеметном тресте в области производства пулеметов и патронов. По пулемету “Максим” вредительство якобы заключалось в поставке недоброкачественного металла, отступлении при изготовлении от чертежей и лекал, порче пулеметных замков, в отсутствии нормальных шаблонов, закруглении шляпок гильз почти на всех заводах патронной промышленности. Для изучения последствий вредительства, согласно документу, была создана комиссия Мерецкова, а также комиссия на Ижорском заводе для проверки качества стали. Еще одна комиссия была образована при НТК АУ для ужесточения условий приемки. Главным вредителем назывался инженер Третьяков, который якобы вел вредительскую деятельность с 1918 г. В целях борьбы с вредительством на продукцию, прошедшую проверку, ставилось особое клеймо³².

Накануне нового, 1930 г. ОГПУ представило Сталину доклад “О разоблачении контрреволюционной вредительской организации в авиапромышленности”. Согласно документу, организация вела свою деятельность с 1921 г., охватывала опытное моторное производство, а также капитальное строительство, действия путем замедления работ, представления неправильных чертежей, разработки ненужных Управлению ВВС (УВВС) РККА машин, организации неувязок в управлении, срыва производственных программ, создания узких мест, расстраивания серийного производства, поставки негодных материалов и фабрикатов. Представители “вредительской организации” в этой отрасли обвинялись в шпионаже и передаче секретных материалов на Запад. Деятельность организации якобы строилась так, чтобы подчинить ей командные высоты в Авиапроме. Будто бы была образована Центральная группа (Кутовой, Гончаров, Богданов), которая взаимодействовала с Высочанским из ГУВП. В результате допросов ОГПУ выявило “широкие связи организации”, хотя аресты 1926 г. несколько ослабили ее деятельность, но она “сумела

снова развернуться под руководством Калинина, Щербакова, Косткина, Сивалкина и технического директора Авиатреста Макаровского”. Особый размах “вредительства” отмечался на авиационных заводах № 23, 24, 25. Одним из его примеров называлось строительство слабого фундамента под кузницу на заводе № 26. Согласно документу, “вредители продвинули в УВВС РККА бывших служащих авиазаводов, создавая кастовую замкнутость и не пуская в свою среду чужаков”, утверждали, что “авиация в стране с нами родилась, с нами и умрет”, якобы считали себя аристократами среди инженеров, корпорацией, которой открыты все блага жизни. Вербовка в организацию, по сведениям чекистов, велась различными способами: на вечеринках, “в обмене мнениями вредительского характера”, “подкупом”. Работникам ОГПУ удалось подслушать разговоры после одного из совещаний, где остались только инженеры. Разговоры шли о том, что большевики долго не продержатся, что в стране нужна многопартийность, что с имеющимися рабочими невозможно работать, критиковали бумажный стиль руководства и т.д. “Нужно бить, – якобы говорили они, – по самому больному месту, самому чувствительному... И мы ударили вместе с научными работниками”. Чего же они добились? – задавался вопрос. – “Труды забракованного авиационного имущества, неудовлетворительные лицензии, срыв программ перевооружения”³³.

В феврале 1930 г. ПБ приняло очередное решение о ликвидации последствий вредительства на военных заводах³⁴. В нем указывалось, что по докладу ОГПУ о вредительстве надлежащих мер принято не было, что взятые темпы его ликвидации совершенно неудовлетворительные. Продолжает поступать продукция низкого качества. Говорилось о том, что “у руководителей заводов, трестов нет правильной оценки глубины расстройств, причиненного вредителями”. В связи с этим отмечалось несерьезное отношение к информационным документам ОГПУ. Делался вывод, что руководители заводов не сделали выводов, не поддержали инициативу партии в борьбе с вредителями, не мобилизовали силы и не обеспечили контроль, и в этом усматривалось *пассивное сопротивление мероприятиям ОГПУ*.

В целях ликвидации последствий вредительства предлагалось создавать при трестах комиссии из хозяйственников, представителей ОГПУ, НКВД, ЦК с целью проработать имеющиеся в ОГПУ материалы, изучить конкретные задания и определить сроки их выполнения. ГВПУ и ОГПУ должны были развернуть работу в этом направлении немедленно, привлечь коммунистический актив с целью продолжения выявления вредительских

актов. Чтобы усилить эту работу, издавался приказ о частичном рассекречивании. Намечалось периодически проводить совещания директоров для проверки хода ликвидации вредительства по состоянию инструментальной базы и документации, активно привлекать к участию в этом военных приемщиков. Любопытно, что к мерам по ликвидации вредительства привязывались такие, как пересмотр политики зарплаты, ее повышение прежде всего для рабочих-инструментальщиков, освобождение их от территориальных сборов РККА. То есть, комплекс мер борьбы с “вредительством” как-то очень обыденно встраивался в круг решений, не имеющих к нему никакого отношения. В постановлении говорилось также о необходимости смело использовать заграничную помощь, вербовать рабочих в Германии, ускорить их подготовку через фабзавуч методом ЦИТ (Центральный институт труда, разрабатывавший в то время методы обучения на основе систем Тейлора и Форда), развернуть борьбу с рвачеством на производстве, сформировать корпус браковщиков, пересмотреть заданные технических условия. Постановление обязывало НК РКИ организовать проверку мобзапасов и представить в РЗ СТО задания по кастроительству и реконструкции военных заводов. В целях ликвидации последствий вредительства позволялось осуществлять перевод и мобилизацию работников туда, где сложилось напряженное положение со специалистами. Работники военных заводов освобождались от проведения государственных кампаний (посевных, хлебофуражных, колхозных и т.п.). Разрешалось провести мобилизацию инженеров в гражданской промышленности, практиковать принудительные командировки и прикрепление к военным заводам, развить сеть вузов и техникумов до необходимых размеров. Устанавливалась персональная ответственность руководителей снабженческих организаций за поставки на военные заводы. Было решено организовать специальные опытные мастерские и через месяц заслушать вопрос об этом на РЗ СТО. Для “оздоровления обстановки” на заводы направлялись члены ЦК и ЦКК на срок не менее месяца. Директора Ижевского оружейного завода (ИОЗ) решено было снять за непринятие мер против вредителей и срыв производственной программы без права в течение двух лет занимать ответственные должности, снять директора завода № 50 и объявить выговор. Выговор объявлялся директорам Тульского оружейного завода (ТОЗ) и завода № 42. На ряд работников дела передавались в суд.

О том, как легко было попасть в число “вредителей”, говорит следующий факт. На ряде военных заводов (“Большевик”, авиационных № 22 и 24, 7 “Оружобъединения” и др. – всего на 12) на

1931 г. были выдвинуты встречные планы, которые-де могли способствовать повышению эффективности производства, но встретили возражение администрации, для которой эти инициативы вылились бы в увеличение заданий и поиск дополнительных ресурсов. Подобное отношение расценивалось как “вредительский акт”. Правда, тут же давалась инструкция, как составлять встречные планы, как связывать их с производственной программой, как обеспечивать контроль, как активнее привлекать рабочих, которая представляла собой не что иное как бюрократический абсолютно невыполнимый регламент³⁵.

Тем не менее, как показывают документы, кампания против “вредителей” на заводах велась очень вяло, и мало руководителей предприятий на нее откликнулись, несмотря на решение регулярно поставлять сведения о том, как ликвидируются последствия вредительства. В отдельных материалах, представляющих такие сообщения, главным образом перечислялись недостатки производства, которые списывались на “вредителей”. Так, директор завода № 11 Н. Жилев сообщал, что вредительство на заводе шло по следующим направлениям: длительная и почти полная консервация завода в течение шести лет; разоружение тепло-силового хозяйства; постепенная ликвидация инструментальной мастерской капсьюльного производства; срыв строительной программы и капитальных работ; разбазаривание кадров рабочих и ИТР³⁶. На заводе № 29 суть вредительства заключалась якобы в подрыве мобготовности завода, задержке сроков его реконструкции, срыве производства мотора М-22. Указывалось, что полученный в 1928 г. заказ на изготовление моторов воздушного охлаждения сорвал всю предыдущую работу, в то время как по мотору воздушного охлаждения ничего сделано не было. Кроме того, капитальное строительство велось без плана, но с большим размахом. Якобы умышленно было развернуто строительство новой испытательной станции, в то время как для этого вполне можно было приспособить старую. Да еще из треста прислали плохой проект, недостатки которого не удалось устранить. В результате – огромный брак в работе завода. Будто бы по вине вредителей были задержки поставок. Вместо того чтобы перейти на две смены, как предполагалось мобзаданием, работы продолжали вести в одну. Умышленно задерживалось внедрение новых образцов. Вредительство по моторам М-12 вело к тому, что они часто ломались при испытании. “Вредители знали, что коленвал слаб, но ссылались на плохой металл”³⁷.

Аресты вели к дезорганизации производства, к потере инициативности, нагнетанию нервозности и страха. Об этом довольно красноречиво свидетельствует сам нарком Ворошилов, который

выезжал в Ленинград для выяснения, как там идет выполнение танковой программы. В письме новому Председателю ВСНХ Г.К. Орджоникидзе он сообщал, что, прибыв в Ленинград, он организовал совещание на Ижорском заводе, пригласив руководителей других предприятий, комиссию Ленобкома, военных представителей, работников ОГПУ. Случилась, как писал Ворошилов, “форменная потасовка и выяснилась безобразная картина, говорящая о том, что Ижорский завод серьезно болен”. К тому же, писал он, постоянно работающие комиссии нервируют и отрывают от работы. Директор Богомоллов – человек мягкотелый и мечтает удрать. Авторитет руководства завода и единоначалие отсутствуют. Технический директор Власов – “сознавший вредитель”. Зав. механической мастерской арестован, а исполняющий его обязанности перепуган и просто жалок. Рабочие развинчены, слабо дисциплинированы. На заводе самотек, рвачество, прогулы, прямые хулиганские выступления, матерная ругань по адресу ЦК. Много производится брака и уйма денег уходит зря. На заводе слабая парторганизация. Тем не менее в разговорах все обещают исправиться, взять *напором* поставленные задачи³⁸.

От кампании преследования старых специалистов берет отсчет история Особых технических бюро (ОТБ), специальных технических бюро (СТБ), особых конструкторских бюро (ОКБ), получивших позднее прозвище “шарашек”. Разумеется, ОТБ как способ концентрации усилий на определенных важных участках военного (и невоенного) производства были и прежде, в частности Остехбюро В.И. Бекаури, созданное в 1921 г. Однако теперь под Остехбюро стали в основном понимать закрытые организации, в которых работали арестованные и осужденные специалисты. На самих военных заводах нужда в специалистах явно обострилась, в связи с чем и прослеживались признаки пассивного сопротивления кампании, которая постепенно сходит на нет.

СКЛАДЫВАНИЕ БАЗОВЫХ ПОНЯТИЙ СОВЕТСКОГО ВПК

В соответствии с решениями Политбюро, ассигнования на оборону были увеличены, хотя и не в тех размерах, которые запрашивал НКВМ. Представленная в октябре 1929 г. справка РЗ СТО об ассигнованиях на оборону на 1929/30 г. носит следы своеобразного компромисса (см. табл. 3³⁹).

На заседании МПС 3 декабря 1929 г. специальной комиссией по военному планированию, куда наряду с работниками ВСНХ,

Таблица 3. Ассигнования на оборону в 1927/28–1929/30 гг. (тыс руб.)

	1927/28	1928/29	Заявка ведомств на 1929/30 г.	По пятилетке Госплана (закреплено за СО на 1929/30 г.)	Принято правительством на 1929/30 г.
НКВМ	742 385	850 700	1 180 000	900 000/ 978 000	985 000/ 995 000 (не окончательно)
ОГПУ	49 400	55 400	73 245	80 000/ 90 000	66 000
ВСУ	21 300	23 800	41 860	вместе с ОГПУ	29 800
Дотации Военпрому	51 100	80 000?	234 000	90 000/ 120 000	155 000/ 124 000
НКПС	90 000	70 000	139 000	100 000/ 120 000	93 000
НКП и Т	3950	3400	11 000	5000/7000	5300
НКТорг	486	6050	19 000	30 000	5000
Укрепление пограничной полосы	–	–	25 000	–	6000
Остехбюро	4790	4200	6884	–	4500

СО Госплана входили представители РВС, НКВМ, всех трестов, ответственных за производство отдельных видов вооружений, были сформулированы базовые его принципы, которые как бы обобщали предшествующие дискуссии. Они дают ключ к пониманию структуры советской военной промышленности на весь период существования планово-директивной экономики, понятия советского ВПК, соотношения общих и специальных затрат на военное производство.

Суть этих принципов состояла в следующем. Военпром должен решать проблему наращивания мощностей военной промышленности путем выделения *минимального количества заводов*, способных удовлетворять заявки НКВМ по всей номенклатуре военных изделий. “Теория единого выстрела”, ранее служившая основой для выделения обособленных кадровых военных заводов, теперь рассматривалась как “вредительская”.

Главным направлением развития военного производства теперь провозглашалась милитаризация гражданской промышленно-

сти (*внедрение военных производств в мирную промышленность*) путем специализации и кооперирования отдельных заводов в производстве военной продукции. Основная задача при этом виделась, во-первых, в том, чтобы в числе кадровых заводов оставались только наиболее мощные, а также вполне определившиеся по специализации как военные, или заводы, которые в мирное время сохраняют характер военных, способны ускоренно развернуться в период мобилизации на полную мощность и за которыми обеспечивается ведущая роль ко всем прочим мобилизуемым в случае войны предприятиям. Во-вторых, провозглашалась *далеко идущая ассимиляция военных производств с гражданской промышленностью*, которую нужно вести так, чтобы максимально сократить на пятилетку затраты на специальное военное строительство.

Комиссия выработала также принципы деления мобилизуемых предприятий на группы. К кадровым заводам относятся только те, которые охватывают в совокупности все военные производства, работающие по заявкам НКВМ. Им предписывалось освободиться от несвойственных их производству заданий, что было новшеством, ибо военные заводы России всегда были многофункциональными. К числу кадровых, естественно, относились специальные военные заводы. Наряду с ними – отдельные заводы гражданской промышленности, не охваченные в целом номенклатурой военных заказов, но имеющие отдельные военные цеха (кадровые цеха, отделы) или отдельные военно-производственные ячейки (участки) большего или меньшего значения, учитывающие особенность производства, величину мобзадания и др. На мирное время признаками кадровых заводов становились их готовность к немедленному развертыванию военного производства, начиная со стартового уровня заказов НКВМ на мирное время, наличие условий для такого развертывания (оборудование, запасы сырья и материалов, рабочие и специалисты), количество заказов, получаемых от НКВМ, роль предприятия по отношению к другим мобилизуемым заводам, доля свободного от заказов НКВМ основного капитала, позволяющего производить перепланирование в процессе мобилизации. Они должны были выступать центрами научно-исследовательской, опытной, конструкторской и рационализаторской работы, быть руководящими по отношению к другим мобилизуемым предприятиям с родственными военными производствами в том смысле, чтобы передавать им последние достижения в области изготовления военных изделий, наблюдать за постановкой и исполнением опытных заказов, производить экспертизу мобилизационных планов, правильности расчетов, использова-

ния оборудования, установления норм, категорий работников, подготовки специального техперсонала. Предприятия, относимые к числу мобилизуемых, в мирное время приписывались к кадровым заводам. На этой основе велось “кустование” кадровых и мобилизуемых предприятий, производилось выделение головных и вспомогательных заводов. Головными заводами в составе “куста” определялись те, которые производят сборку сложного изделия или изготавливают основные части военных изделий. В однородных производствах число кадровых заводов должно было быть сведено к минимуму и определяться внушительной долей заказов НКВМ. Там, где наличия одного кадрового завода считалось недостаточным, а производство охватывало большое число предприятий, таких как снаряжательное, взрывательное, т.е. производство боеприпасов, допускалось несколько кадровых заводов. Должны были обеспечиваться техническое соответствие и взаимозаменяемость производимых изделий по всему циклу военных производств. Констатировалось, что особо ответственные задачи кадровых заводов требуют, чтобы они размещались вне угрожаемой в случае войны территории.

Заводы, не вошедшие в число кадровых, но подлежащие мобилизации в случае войны, должны были создавать в мирное время военно-производственные ячейки и сохранять существующие, работающие по заказам НКВМ. Если таких заказов не было, то предусматривалось, что время от времени будут выдаваться заказы в порядке проведения опытной мобилизации. С целью сохранения мобилизационной готовности загрузка предприятий мирной продукцией не должна была решаться в ущерб военному производству, с тем, чтобы сохранялась возможность его быстрого перепланирования на случай войны. В мирное время мобилизуемые предприятия должны были иметь такую степень мобилизационной готовности, которая обеспечивала бы соответствующие темпы развертывания всего “куста”. Предприятия, не имеющие военно-производственных ячеек, в мирное время должны были получать раз в несколько лет опытные заказы на предмет возможной установки на них военных производств в случае опытной мобилизации. В целом, как говорилось в документе, пятилетка должна была решить следующие задачи: сократить число заводов собственно военной промышленности, оставляя в числе кадровых только основные по каждой номенклатуре военных изделий, заявленных НКВМ; включить в число кадровых ряд заводов (цехов) гражданской промышленности, охваченных номенклатурой НКВМ;

перепланировать отдельные военные заводы и военные цеха гражданских предприятий на производство мирной продукции, сохраняя, однако, военно-производственные ячейки; “кустование” предприятий, увязывание их работы с базами снабжения⁴⁰.

В декабре 1929 г. ПБ принимает постановление о развертывании танковой программы. Одновременно при Штабе создается управление механизации и моторизации (УММ) РККА, главой которого был назначен И.А. Халепский – довольно решительный и опытный организатор. 1 февраля 1930 г. на РЗ СТО было принято решение о реорганизации военной промышленности. Часть трестов было решено превратить в объединения и непосредственно подчинить Президиуму ВСНХ (военно-экономическому отделу – ВЭО). ГВПУ упразднялось как “вредительский орган”. Вместо него создавалось Главное военно-мобилизационное управление (ГВМУ) ВСНХ во главе с И.П. Павлуновским. Теперь этому старому чекисту и руководителю ВМИ РКП, столь много критиковавшему Военпром, самому надо было исправлять положение.

Тем временем положение с выполнением растущих плановых заданий осложнилось. В постановлении ПБ от 15 января 1930 г. о подготовке промышленности по мобплану литеры “С”, отмечалось, что “несмотря на все *потуги* (курсив мой. – А.С.) удовлетворение минимальных потребностей вооруженного фронта идет неудовлетворительно... Принятые в июле [1929 г.] решения остались на бумаге. Добиться оздоровления военной промышленности не удалось, особенно в ОАТ”. Констатировалось, что созданные мобзапасы будут израсходованы в течение первого года войны. В случае ее возникновения в 1930 г. необходимо будет дополнительно предусмотреть целый ряд мероприятий для быстрого мобразвертывания. Было постановлено ускорить строительство в металлургии, Березниковского комбината и в связи с этим *свернуть другие химические производства*. Особый упор решено было сделать на производство взрывчатых веществ. Было признано необходимым увеличить импортные закупки, поскольку проблема суррогатирования не решается. МПУ ВСНХ решено было реорганизовать в оперативный плановый орган по всем вопросам оборонной промышленности, функции которого – учет производственных возможностей промышленности, составление мобплана, контроль за капитальным строительством, контроль за мобподготовкой на заводах. Предусматривались персональная ответственность руководителей трестов и заводов, более активная роль НКВМ по части строгого контроля за выполнением военных заказов⁴¹.

НЕУГОМОННЫЙ ТУХАЧЕВСКИЙ И СТАЛИН

Тухачевский, находясь на посту командующего ЛВО, не оставил в покое высшее руководство, непрестанно выступал с инициативами по реорганизации армии, ее технического оснащения и боевого снабжения, засыпал военное командование записками, проектами и т.д. Все это, несомненно, – признак деятельной неугомонной личности. Так, в январе 1930 г. он направил Ворошилову рапорт о техническом оснащении РККА и армий вероятных противников и об основных установках реконструкции армии. Рапорт, естественно, оказался на столе у Сталина, а оставленные им пометки говорят о том, кто в действительности работал с важными документами.

Ознакомившись с планами экономического развития СССР в годы пятилетки, главным образом на основе публикуемых в печати цифр по оптимальному или завышенному планированию плюс дополнительные задания, которые Тухачевскому казались необходимыми для армии, он пришел к выводу об отставании РККА от намеченных достижений и призвал совсем иначе развернуть пятилетку военного строительства, изменить плановые ориентиры под влиянием, как он писал, уровня происшедших изменений (Сталин делает пометку: *не уровень, а темп*).

На нужды армии Тухачевский предлагает направить 50 тыс. тракторов из 197 тыс., намеченных к производству, 130 тыс. автомобилей из 350 тыс., дополнительно произвести 40 тыс. т горючего (*Сталин: рановато*). Оптимальная цифра производства танков, по Тухачевскому, может теперь составить 50 тыс. единиц, самолетов – 122,5 тыс., моторов – 175 тысяч. (*Сталину не нравится, что Тухачевский пытается корректировать общую экономическую стратегию, он упрекает его в механицистическом подходе*). Далее Тухачевский настаивал на реконструкции военных сообщений, утверждая, что бедность путей сообщения в стране не может служить аргументом против моторизации армии.

Касаясь общей численности вооруженных сил, Тухачевский, опираясь на опыт мировой войны, считал, что показателем реконструкции РККА должен стать ориентир в 260 стрелковых и кавалерийских дивизий, 50 дивизий АРГК, плюс артиллерия большой мощности и минимум 225 батальонов ПРГК, 40 тыс. самолетов и 50 тыс. танков в строю. (*Сталин: Поехал...*). Общий вывод Сталина: *Видно лавры т. Ларина не дают спать т. Тухачевскому. Жаль...*⁴² (Ю. Ларин со времен Ленина слыл в рядах большевистских руководителей отчаянным прожектером и

автором невероятных проектов). Однако, как видно из дальнейшего, рапорт Тухачевского крепко засел в голове вождя.

Тухачевский на этом не утомился. В феврале он обращается к Ворошилову с запиской о новом плане мобилизации промышленности. В ней положительно оценивается постановление ЦК о реорганизации управления промышленностью, постановление РЗ СТО о превращении МПУ ВСНХ в оперативный орган управления, одобряются меры по борьбе с вредителями. Сам план военной мобилизации, представленный Тухачевским, по своим идеям довольно созвучен с изложенными выше идеями Смилги.

В марте 1930 г. Штаб РККА составил справку-заключение по соображениям Тухачевского, опираясь на расчеты составляемых новых мобилизационных заявок МВ-10 и МВ-12. В справке указывалось, что вариант Тухачевского (при примерном расчете на 245 стрелковых дивизий и 10,5 млн чел. мобилизованных) предполагает значительное увеличение программы вооружений. Например, только для реализации плана производства пулеметов Дегтярева надо будет построить 7 новых военных заводов.

Если следовать Тухачевскому, отчуждение от гражданской промышленности для нужд военвезда составило бы: по стали – 68%, по цветным металлам – 100% плюс весь импорт. Если по плану МВ-12 Штаба РККА авиационного бензина будет необходимо 512 тыс. т, то по варианту Тухачевского – 7,2 млн т. При расчете 40% бензина от добываемой нефти, отчуждение для военной промышленности составит 100%. По танкам (из расчета 2 трактора равны одному танку) производство придется увеличить в 24 раза.

Осуществление планов Тухачевского, говорилось в справке, парализовало бы всю экономическую жизнь СССР. Кроме того, подчеркивалось в справке, в стране почти нет алюминия, цельнометаллического трубного производства, отсутствуют магнето, шарикоподшипники и т.д.

Касаясь финансового обеспечения планов Тухачевского, Штаб писал, что только на накопление вооружений потребуется 58 млрд руб., а бюджет военвезда выразится (при условии 20% снижения цен на военную продукцию) в 63 млрд руб., в то время как по оптимальному варианту Госплана весь госбюджет на три оставшиеся года пятилетки исчисляется в 37 млрд руб., т.е. не удовлетворит заявку одного военвезда. По варианту же М-12 заявка Штаба на год войны составляет 11 млрд руб.

Таким образом, предложения Тухачевского выглядели поистине фантастическими, однако Штаб сделал весьма компромисс-

ный вывод о том, что идея ассимиляции гражданской промышленности с военной, выдвинутая Тухачевским, в основном правильная, что в главных предпосылках: увеличения армии военного времени, развития авиации и танковых средств, Тухачевский стоит на верных позициях, что его предложения будут учтены при проработке второй половины пятилетнего плана⁴³.

Тухачевский и дальше продолжал будоражить руководство своими предложениями. В книге О.Н. Кена подробно анализируется конфликт по этому поводу между Тухачевским и Ворошиловым. Кажется, однако, что позиция наркома по поводу вооружений скорее развивает тогдашнюю точку зрения Сталина, чем самого Ворошилова. Сталин указывал, что осуществлять планы, подобные планам Тухачевского, значит погубить и хозяйство, и армию, отмечал, что в Красной армии есть порода людей, которые принимают радикализм за чистую монету, что надо обратить внимание на подготовку экономического базиса, а не наращивание вооружений. Это дорогое удовольствие. Нельзя держать в мирное время в мертвом состоянии огромные материальные и денежные ресурсы. Вместе с тем Сталин как бы оставляет Тухачевскому и другим военным деятелям – “красным милитаристам” право на самостоятельную точку зрения. Более того, несмотря на аресты людей, близких Тухачевскому, Сталин “зачеркнул” дело против него⁴⁴.

НАГНЕТАНИЕ ПЛАНОВ ВОЕНИЗАЦИИ ПЯТИЛЕТКИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Развертывание пятилетки в сторону военизации продолжалось. Обозначился довольно резкий кризис в мобпланировании, связанный с расхождением между темпами военных приготовлений и реальным состоянием производства вооружений. В сентябре 1930 г. НКВМ и РВС представили в РЗ СТО доклад о реорганизации РККА в свете “успехов пятилетки”. Снова пошли разговоры о возрастании военной опасности в связи с “фашизацией” Польши и переворотом в Румынии, “наглом поведении этих стран, инспирированном Францией”. Начался пересмотр руководящих директив по установке численности войск и их вооружений на случай военного столкновения. Ставилась задача иметь перевес над противниками в 2–3 раза. СО Госплана рассматривался теперь как неуступчивый партнер⁴⁵.

Происходят изменения в позиции самого Сталина. К февралю 1931 г. относится его знаменитая речь “о темпах” перед ра-

ботинками социалистической промышленности, непосредственно касающаяся оборонного строительства. Выступая на конференции, Сталин говорил о том, что надо иметь страстное большевистское желание овладеть техникой, овладеть наукой производства. Даже если заданные темпы являются недостаточными, снижать их тем более нельзя. Вся история России состояла в том, что ее били за отсталость. Первая отсталость – военная: “Хотите ли вы, чтобы наше социалистическое отечество было побито и чтобы оно потеряло свою независимость? – спрашивал он... Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние за 10 лет”⁴⁶. Если в 1930 г. было достигнуто, по словам Сталина, 25% промышленного роста, то на 1931 г. задавалась совершенно нереальная цифра 45%.

Растущее раздражение вызывала неспособность РЗ СТО полностью контролировать работу военпрома и плановых органов. Раздавались требования превратить этот орган из “парламента”, где каждый отстаивал свои позиции, в инстанцию, быстро и твердо решающую вопросы обороны СССР и принимающую на себя всю ответственность. 23 декабря 1930 г. вышло постановление ПБ: “упразднить РЗ СТО, заменив его специальной комиссией при СНК и ПБ в составе тт. Молотова, Сталина, Ворошилова, Куйбышева и Орджоникидзе”. Формальным главой созданной Комиссии обороны (КО) являлся новый Предсовнаркома В.М. Молотов, поэтому иногда ее называли “Комиссией Молотова”. На самом деле решающая роль в работе КО принадлежала Сталину. Все общие и частные вопросы оборонного строительства сосредотачивались в руках узкой группы лиц, приближенных к Сталину. Соответственно сократилось количество подобных дел, рассматриваемых на ПБ, в других органах высшего политического и хозяйственного управления. Так ПБ сосредоточило свое внимание на контроле за строительством важнейших объектов, намеченных на пятилетку.

Наблюдалось стремление к дальнейшей централизации всего производства, прямо или косвенно связанного с обороной, подчинить его единому органу – ВЭО ВСНХ или ГВМУ. Прежние военные тресты постепенно превращались в объединения. В планах постоянно увеличивались задания по производству танков, самолетов, боеприпасов и т.д. Под давлением военных тракторостроение, автостроение и другие отрасли приобретали военный уклон⁴⁷. Недовольство военных вызывало повышение цен на военную продукцию. Для контроля над ними Ворошилов рекомендовал привлечь РКИ⁴⁸. Ворошилов предлагал перейти от ориентировочных к директивно назначаемым ценам, которые, гаран-

тируя безубыточность, стимулировали бы снижение себестоимости⁴⁹. Из этой затеи ничего не вышло. Интерес НКВМ был очевиден: чем ниже цены, тем больше продукции можно было закупить в пределах отпущенных государством ассигнований. Интерес Военпрома заключался в том, что чем выше будут цены, тем меньше будут затраты на совершенствование производственного процесса, на организацию труда и т.п. Кроме того, на цены постоянно воздействовала инфляция, которая проявлялась в постоянном удорожании сырья и материалов. Объединения и тресты Военпрома категорически возражали против установления твердых расчетных цен на весь объем заказа Военведа, если заказ придется выполнять в течение нескольких лет, и требовали оплачивать продукцию первого года по ее фактической себестоимости⁵⁰. Руководство ВСНХ настаивало, что ранее установленная система ценообразования доказала свою целесообразность, поскольку-де НКВМ не представляет в срок свои заявки по номенклатуре и количеству военной продукции и нести из-за этого дополнительные накладные расходы объединения и тресты военной промышленности не желают⁵¹.

Крупные реорганизации произошли в руководстве НКВМ, где также выдвигались близкие к Сталину люди (например А.И. Егорова – начальником Штаба РККА). Но самой главной переменной с точки зрения военной промышленности и своего рода сюрпризом стало назначение Тухачевского – сторонника максимальных военных приготовлений – на пост замнаркома НКВМ, начальника вооружений РККА в июне 1931 г. вместо “убранного” на БВО Уборевича. История “примирения” Тухачевского со Сталиным подробно рассмотрена в работах Кена и Самуэльсона. Для нас важнее оценка самого факта, который означал, что военизация хозяйственного строительства в стране будет нарастать.

Между тем трудности с выполнением плановых заданий оставались, а смещение пятилетки в сторону военизации способствовало ухудшению общего экономического положения страны. Решительного перелома, как было намечено, добиться не удалось. Особые надежды руководство возлагало на особый последний квартал 1930 г. (С 1931 г. было решено перейти от подведения итогов хозяйственной деятельности по операциональным годам, начинавшимся в октябре месяце, к итогам по календарным годам, в результате чего и образовался особый квартал: октябрь–декабрь 1930 г.). Решено было сделать это не формальным мероприятием, а превратить особый квартал в “ударный”, в кампанию решительного перелома в хозяйственной деятельности и мобилизации промышленности.

В докладе СО Госплана на имя Сталина в октябре 1930 г. отмечалось, что задания по плану С-30 не обеспечиваются промышленностью, что ВСНХ не выполнил намеченных установок. “Между тем, – говорилось в документе, – явно надвигающаяся опасность войны требует от партии и рабочего класса решительно повернуться лицом к обороне страны”. План С-30, говорилось в докладе, не реален и не соответствует задачам модернизации вооруженных сил, основан на отборе ресурсов из народного хозяйства. В военном производстве создаются диспропорции, недоделы и дефициты. Тревогу вызывает строительство химкомбинатов. Хозяйственные органы препятствуют его ускорению, ставя вопрос: “за счет чего?”, и только **отчаянный нажим** позволяет как-то выходить из положения. Под покровом секретности срывается контроль над военной промышленностью со стороны общественности, и этим маскируется безответственность. Происходит постоянное запаздывание с разработкой новых образцов, слишком много общих разговоров. Рационализация на производстве фактически отсутствует. Отмечалось, что причины неудовлетворительного положения состоят в том, что план С-30 составлялся без опоры на всю экономическую базу, что по-прежнему наблюдается отставание отраслей, являющихся базой для военного производства (химия, цветные металлы, ферросплавы). К весне 1932 г., говорилось в докладе, на основе оздоровления промышленности и устранения вредительства необходимо разработать новый мобплан по варианту 10. Сроки его развертывания ужать и тесно связать с реконструкцией народного хозяйства. Принять во внимание, что военное производство должно развиваться и в случае войны и предусмотреть на сей счет развитие резервных мощностей. Сильный упор надо сделать на химию, производство металлов и суррогатирование⁵².

Одними нажимными методами проблемы не решались, нужны были дополнительные средства. В сентябре 1930 г. ПБ постановило дополнительно ассигновать НКВМ 750 млн руб.⁵³. В ноябре 1930 г. ПБ решило одобрить заявку МВ-10. На основе ее сопоставления и реального производства специально на мобилизационное развитие было решено отпустить ВСНХ 883 млн руб. (вместе с морским флотом), в том числе по авиаобъединению (ВАО) – 173 млн руб. Импортные контингенты для НКВМ ПБ определило в 13 млн руб., отдельно по ВАО – 15 млн руб. Отмечалось, что узким местом остаются химия и танки⁵⁴.

В конце декабря 1930 г., однако, ВМИ РКИ снова сигнализирует о том, что планы капитального строительства в военной промышленности не выполняются, что особый квартал не создал

перелома. Причина этого по-прежнему виделась в том, что “вредители занизили мощности”, а также в *путаном плановом руководстве военной промышленности*, неповоротливости руководящих работников⁵⁵.

Высказываясь по контрольным цифрам капитального строительства на 1931 г., СО Госплана приветствовал осуществляемый сдвиг промышленности на восток, но отмечал неудовлетворительный ход этого процесса. Так, отмечая важность строительства крекингов и трубчаток в нефтяной промышленности, Совет обороны высказывал сожаление, что их строительство ведется на угрожаемой территории, т.е. на Кавказе, а не на Волге, причем потребности авиации в бензине, маслах, этиловой жидкости, крайне необходимых для РККА, покрываются только на 40%. Слишком долго ведется строительство заводов для производства качественной стали, в частности “Красного Октября” в Сталинграде.

Отмечалось, что выделенных на развитие цветной металлургии в 1931 г. 249,4 млн руб. будет явно недостаточно (предполагалось 912 млн руб.), в то время как недостаток в цветных металлах покрывается по импорту. В 1930 г. потребности НКВМ удовлетворялись по меди на 80,5%, по цинку – на 64%, по свинцу – на 48%, по никелю – на 40%, по алюминию – на 42%. Указывалось, что образовалось большое число долгостроев и необеспеченных ресурсами объектов. Ставился вопрос об ускорении строительства Днепровского и Ленинградского алюминиевых комбинатов. В тяжелом машиностроении слабое место – оборудование для химической промышленности. В станкостроении – постоянное запаздывание со строительством новых заводов, причем расположение их, с точки зрения обороны, – неблагоприятное. Строительство и освоение автотракторных заводов в Нижнем Новгороде, Харькове, Сталинграде, Челябинске отстает от сроков по причине недостатка подшипников, карбюраторов, в то время как строительство первой очереди ГПЗ и карбюраторного завода в Москве задерживается по причине недофинансирования. Между тем, как отмечалось, это важнейшие оборонные объекты. Потребности армии в электротехнике по-прежнему обеспечиваются за счет импорта. Необходимо строить новые прожекторный, аккумуляторный заводы, реконструировать старые предприятия.

Еще хуже оценивались дела в военной химии, поэтому, как говорилось, придется увеличить финансирование по импорту и распределить поставки по заводам и строящимся химкомбинатам. Производство серы в стране, например, по плану МВ-10 было намечено в 12 тыс. т, по плану МВ-12 предполагалось увеличить эту цифру в 2 раза. Строящегося Калетского завода будет

недостаточно. Фосфора требуется 3200 т, а в наличии всего 100 т, 500 т добавит строительство Чернореченского завода. В качестве выхода для расширения производства предлагалось *снимать средства, предназначенные для других мероприятий*⁵⁶.

В конце марта 1931 г. КО приняла постановление по оборонному плану на 1931 г. Хотелось бы обратить на него особое внимание и сравнить его с первоначальными наметками пятилетнего плана. Документ дает представление о размахе военных приготовлений, хотя, конечно, далеко не всех. Общий объем расходов на оборону предусматривался в 3145,5 млн руб., из которых НКВМ предназначалось 1810 млн руб. Оборонные расходы ВСНХ определялись в 754 млн руб. по военной промышленности и 178,4 млн – по гражданской. В военную промышленность 535 млн руб. предполагалось направить из госбюджета, остальные получить за счет собственных источников, режима экономии и кредитов. Военпром ВСНХ должен был направить на капитальное строительство 498 млн руб., на подготовку рабочих – 69,5 млн руб., на накопления мобзапасов – 29,5 млн руб., на научные и опытные исследования – 22,1 млн руб., на интехпомощь – 7 млн руб. Гражданская промышленность должна была направить 140,5 млн руб. на капитальное строительство, т.е. на создание закрытых цехов и участков, остальные средства – на подготовку рабочих, накопление мобзапасов, интехпомощь. Всего по военной промышленности намечалось получить товарной продукции на сумму 1165 млн руб., в том числе по Орудийно-арсенальному объединению (ОАО) – 390,7, Патрубвзрыву – 225,4, Вохимтресту – 265,4, Всесоюзному авиационному объединению (ВАО) – 253,4 млн руб. Производительность труда намечалось увеличить на 30–40% по сравнению с 1930 г., снизить себестоимость по объединениям и трестам, повысить зарплату. НКПС, согласно документу, отпускалось 212,4 млн руб., Наркомснабу – 237 млн руб. (преимущественно на создание закрытых распределителей и столовых), ОГПУ – 100 млн руб. Наркомпиту – 35 млн руб., Наркомату труда – 10 млн руб. (преимущественно на плановое распределение рабочей силы на военные заводы). Отдельной строкой финансировалось ЦАГИ – 10 млн руб.⁵⁷.

Тем не менее итоги 1931 г. по оборонному плану оказались неудовлетворительными как в военной, так и гражданской промышленности, в том числе в военпроме. Об этом говорит следующая таблица (см. табл. 4⁵⁸).

Вместо 19,6% снижения себестоимости по плану было достигнуто только 8,7%. Существенно выросла сумма незавершенного производства. Если на 1 января 1931 г. она оставляла 309,6 млн руб., то

Таблица 4. Валовая продукция военпрома в 1931 г., в том числе военная (млн руб. в ценах 1926/27г.).

Объединения и тресты	По плану	Фактически	Процент выполнения	Процент роста	Военная продукция (по плану)	Фактически	Процент выполнения	Процент роста
ОАО	281	239	82	57	141	104	74	59
Оружпултрест*	294	282	96	92	153	143	97	137
Патрубвзрыв	263	207	79	58	141	108	77	59
ВАО**	190	154	81	44	132	73	55	46
ВХО	273	239	88	53	125	113	90	45
Снартрест***	148	106	72	48	66	40	60	58
Госхимтрест	5,3	5,9	110	99	2,3	2,26	98	55
Всего	1465	1234	80	70	760	588	77	68

* В июле 1931 г. трест был передан в состав Орудийно-арсенального объединения.

** ВАО 7 декабря 1931 г. было преобразовано в Главное управление авиационной промышленности (ГУАП).

*** Образован 20 марта 1931 г.

на 1 января 1932 г. – 540,3 млн руб. Долги предприятий гражданской промышленности военным заводам составили 52,5 млн руб., а тех, в свою очередь, – 126,8 млн руб. Это был несомненный признак расстройтва, Убыток военной промышленности составил 68,9 млн руб.

В начале 1932 г. назначенный зампред Госплана Уншлихт сообщал в ПБ и КО, что за 1931 г. получены неудовлетворительные результаты по капитальному строительству в военпроме. Было выполнено 75% плана, а по орудийному и химическому объединениям положение было еще хуже (недодел 30 и 28%). Особенно плохо обстояло дело по военным заказам гражданской промышленности (недодел 50–60%). План С-30, в том числе и скорректированный, оценивался как совсем плохой, поскольку многое в военном производстве не было предусмотрено к освоению (зенитная и тяжелая артиллерия, бронебойные снаряды, аэробомбы, танк “Кристи” и др.). Угрожающее положение сложилось по химии, металлическим сплавам, инструменту. Вариант МВ-10 мобилизационного плана оценивался лучше, его, по мнению Уншлихта, следовало обеспечить в 1932 г., но и в нем указывались узкие места. По многим позициям создание реальных мощностей, указывал он, придется отнести на 1933 г. К этому времени следует подготовить вариант МВ-12, согласно которому

военные задания возрастали в 2–3 раза. Сейчас же, отмечал Уншлихт, наблюдается топтание на месте. Курс на ассимиляцию военной и гражданской промышленности следует усилить, преодолеть сопротивление аппарата⁵⁹.

О недоснабжении РККА в связи с невыполнением планов в 1931 г. докладывал в КО новый замнаркома, начальник вооружений РККА Тухачевский. Так, по АУ РККА при плане заказов на 380 млн руб. было поставлено вооружений на 281 млн руб. Основные причины отодвижения снабжения и недофинансирования Тухачевский видел в задержке с оформлением заказов, с освоением новых образцов, в поставке бракованной продукции и простоях на военных заводах. Возникли проблемы в связи с дополнительными выплатами вследствие изменения цен. За тяжелые артсистемы приходилось платить больше, чем предусмотрено планом. Отмечал большие недоделы. По авиационному пулемету Дегтярева недодел составил 30%. Самый низкий процент выполнения, особенно новых образцов, дало ОАО. Вохимтрест из-за отсутствия тары поставил только 89% иприта. По радиостанциям для РККА недодел составил 39%, а по самолетным радиостанциям – 41%. По производству кабеля недодел составил 79%, по прожекторам – 24%. Биноклеи было поставлено только 7% от плана, а угломеров и перископов – 0⁶⁰. Между тем невыполнение заданий было связано с рядом взаимосвязанных обстоятельств, отмечаемых не только в военной, но и во всей промышленности СССР.

Во-первых, с распылением средств и постоянным недофинансированием в области капитального строительства, не говоря уже о затратах на жилищное строительство и бытовое устройство. Несомненно, оборонное строительство имело приоритет, однако, как свидетельствуют документы, отпущенных средств постоянно не хватало.

Во-вторых, с текучестью на заводах и фабриках, которую сталинское руководство объявило “главным бичом пятилетки”. Наибольшие размеры текучести наблюдались в металлургии и топливных отраслях, однако и в военной промышленности ситуация была отнюдь не благополучной. Если в 1930 г. на военные заводы поступило 226 тыс. рабочих, уволилось 129 тыс., то в 1931 г. было принято 242 тыс. рабочих, уволилась 171 тыс. (Среднегодовая численность рабочих военпрома составила 237 тыс. человек.) Причиной возрастания текучести был стремительный рост на заводах выходцев из деревни, “самотеком” бегущих от коллективизации. В поисках более приемлемых условий труда и быта они без конца странствовали по стройкам и предприятиям.

Часть их оседала на заводах, однако уровень их подготовки к работе в промышленности был ниже всякой критики. “Самотеку” на предприятиях противопоставлялся организованный плановый набор (оргнабор) рабочей силы и ее плановое распределение. По оргнабору в военную промышленность в 1931 г. было принято около 30 тыс. человек, в том числе примерно 13 тыс. колхозников и 6 тыс. единоличников, в остальном преобладал “самотек”. Кроме того, в Ружтресте работало еще около 8 тыс. сезонных рабочих, занятых лесозаготовками⁶¹.

В-третьих, фактором, препятствующим выполнению плановых заданий, был низкий уровень квалификации работников: ИТР, выдвиженцев из рабочего класса взамен специалистов-”вредителей” и рабочих. Конечно, принимались меры, чтобы повысить квалификацию, однако к этому времени явно недостаточные, чтобы переломить ситуацию. Рабочие переводились на сдельную оплату, т.е. зарплата ставилась в зависимость от количества произведенной продукции, что нередко шло в ущерб качеству. Подавляющее большинство занятых на производстве (91%) было охвачено различными формами социалистического соревнования. В военпроме числилось почти 148 тыс. ударников, т.е. более половины рабочих⁶². При сопоставлении этих цифр с плановыми показателями нельзя не прийти к выводу о профанации ударнического движения, о формализме, о том, что рекорды многих ударников были “липовыми”. Ударная работа нередко тоже шла во вред качеству. Не способствовало ему упрямое требование выполнения плановых заданий, которое тоже нередко решалось путем снижения качества.

Если и раньше в военной промышленности, как и в других отраслях, был значительным удельный вес бракованной продукции, то 1931 г. можно с полным основанием назвать “годом брака”. Так, если в 1927/28 г. в Оружейно-пулеметном тресте брак в процентах к предшествующему году составлял 45,7%, в 1928/29 г. – 36,3%, в 1929/30 г. – 28%, то в 1931 г. – 125,5%⁶³.

Все это сказывалось на снабжении Красной армии. Как отмечалось в одном из документов того времени, поставки в армию не соответствуют техническим условиям. Приходится браковать целые партии. Порох – недостаточно стойкий. Колеса для артиллерийских орудий – некрепкие. Указывалось на плохое соединение частей, сцепления зубьев, на небрежную сборку, неоправданные замены, на плохие оптические приборы с пятнами, царапинами, на остатки стружки, ведущие к авариям, на отсутствие технического контроля. Особенно низким было качество тракторов: не работающие рессоры, клапана, муфты, протекающие радиаторы. Сталь

поставлялась со шлаками, жесь – некондиционная, которая “для консервных банок может и годится, а для противогазов нет”. Сами противогазы производились кустарно. Хлопчатобумажная ткань – низкого качества, так же как красители и резина. Поставляемое военведу мыло не мылилось. Сарапульский трест поставлял сапоги, которые быстро разваливались. Древесина, которая приходила в РККА, – сырая, сучковатая, гнилая. Лыжи скручивались. В поставляемых пищевых котлах – добавки сурьмы вместо олова, что грозило отравлением личного состава. Качество сукна, поставляемого текстильной промышленностью, было крайне низким. Нитки – гнилые. Форменная одежда – со многими ткацкими пороками. Брезенты плохо пропитаны, не обеспечивали водонепроницаемость. Войлок поставлялся с остатками проволоки. Пищевая промышленность давала масло растительное с большим отстоем. И так до бесконечности.

Временные затруднения, говорилось в документе, не должны служить основанием для снижения технических требований. Через КО предлагалось провести меры к усилению контроля военведа к приемке продукции, ВСНХ и НКВМ обязывались пересмотреть все инструкции по военной приемке на предприятиях, предусмотреть расширение ее прав в случае конфликтов с администрацией заводов. ВСНХ, в свою очередь, должен был разработать новые качественные образцы и стандарты, привлекая к этому НИИ ВСНХ, техкомы и материально-техническое управление НКВМ. Наркомторг обязывался поставлять для армии качественное кондиционное сырье⁶⁴.

1931 год был далеко не лучшим для экономики СССР и, несмотря на громогласные заявления о “темпах”, отмечен рядом кризисных явлений, которые потребовали от руководства предприятия ряд шагов по изменению политики. Первые симптомы этого прозвучали в выступлении Сталина 23 июня 1931 г. перед хозяйственными руководителями, среди которых было немало работников военпрома. Сталин говорил о необходимости ликвидировать текучесть на заводах, усилить организованный набор рабочей силы в колхозах, преодолеть уравниловку в оплате труда, обезличку, правильно организовать труд, улучшить бытовые условия, правильно расставить кадры, переходить к хозрасчету. Наряду с призывом создавать новую рабочую интеллигенцию Сталин осудил травлю специалистов старой школы, указывая на то, что будто бы среди них под влиянием успехов социалистического строительства произошел “перелом”. На деле пришло осознание того, что гонения на них в условиях нехватки квалифицированных работников только усугубляют трудности на произ-

водстве. На основании этого выступления были сформулированы “шесть условий т. Сталина, необходимые для построения социализма в СССР”.

Реализация “шести условий” началась со второй половины 1931 г. и продолжилась в 1932 г. – завершающем году пятилетки. Вносимые коррективы представляли собой смесь реальных практических шагов по исправлению положения и административных мер. Прежде всего это коснулось внедрения так называемого “социалистического хозрасчета”, который представлял собой полную замену карточно-нарядной системы снабжения финансовыми платежами и обязательствами. Теперь все накопления предприятий изымались в госбюджет. Были установлены два вида отчислений: отчисления с прибыли и налог с оборота. Это позволяло государству централизованно выделять средства для нового строительства, для поддержки “на плаву” не только отдельных предприятий, но и целых отраслей экономики, таких как военпром. При этом главную роль играли устанавливаемые сверху обязательные твердые расчетные цены на товары и услуги (“социалистические цены”), чаще всего далекие от их реальной стоимости. Деньги, хотя и получили право на жизнь, служили лишь своеобразным мерилom обращения, финансовой отчетности, оплаты труда. Вводилась жесткая финансовая дисциплина, которая сковывала малейшие проявления инициативы и предприимчивости. Все звенья производства, все его непосредственные участники и все ресурсы становились объектами прямого государственного финансового регламентирования. Для поддержки хозрасчета “снизу” было инициировано сверху движение хозрасчетных бригад, которые обязывались сами вести свою “бухгалтерию” и рассчитывать свой вклад в производство с целью поднять оплату труда. Во второй половине 1931 г. в военпроме было образовано 540 таких хозрасчетных бригад, в которых числилось 9383 работника.

Отменялись некоторые ограничения, установленные ранее по социальному признаку, чтобы стимулировать производительность труда, были введены более дифференцированные ставки его оплаты, осуждалась уравниловка. Зарплата ставилась в зависимость от непрерывного производственного стажа. Был приторможен процесс выдвижения на руководящие посты рабочих без специального образования, поскольку эти специалисты-практики, как их называли, не оправдывали возложенных на них ожиданий и своими неумелыми действиями только подрывали авторитет руководства. Предпринимались административные меры для укрепления дисциплины на производстве, особенно заметные

к концу пятилетки (борьба с прогулами, текучестью, за “самоукрепление” кадров).

Происходила дальнейшая реорганизация управления промышленностью. В январе 1932 г. вместо ВСНХ было образовано три наркомата: тяжелой, легкой и лесной промышленности. Военпром почти целиком вошел в состав наркомата тяжелой промышленности (Наркомтяжпрома, НКТП). Это был шаг в сторону дальнейшей концентрации военной промышленности и военной мобилизации. Появился ряд новых производственных трестов. Сами объединения дробились на главки с целью, как говорилось, приблизить управление к заводам. Кадровые военные заводы перешли в подчинение НКТП, в том числе в Глававиапром – 17 заводов, Вохимтрест – 7 заводов, трест органических производств – 3 завода, Всесоюзный трест искусственного волокна – 5, Патронно-гильзовый – 3, Снарядный – 12, Спецмаштрест – 2 завода. 18 оружейных и артиллерийских заводов подчинялись непосредственно ГВМУ НКТП. Военное судостроение, представленное восемью заводами, подчинялось объединению “Союзверфь”⁶⁵. Глава ГВМУ И.П. Павлуновский обратился к Сталину и Молотову с письмом о необходимости расширения капиталовложений в военную промышленность на 1932 г. Накопление мощностей по плану МВ-10, писал он, требует 958 млн руб. капиталовложений, тогда как выделено только 702 млн руб. Особое внимание, по его мнению, следовало бы обратить на кадровые заводы⁶⁶.

“ПРОЩЕНИЕ” СТАРЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Как уже говорилось, в июне 1931 г. Сталин заявил о прекращении кампании преследования старых специалистов. Одних стали возвращать на производство под присмотр органов ОГПУ, другим было объявлено о “прощении” ввиду их “готовности работать на благо социализма”. Однако извиняться за допущенную ошибку руководство не собиралось, а расстрелянных “вредителей” вернуть уже было нельзя. Большая часть “прощенных” специалистов была направлена на военные заводы. Значительное число арестованных продолжало работать в закрытых бюро, подведомственных ОГПУ.

28 августа 1931 г. Председатель ВСНХ Орджоникидзе направил в ЦК ВКП(б) служебную записку следующего содержания: “В проектных и конструкторских бюро местных органов ГПУ (Баку, Ростов, Ленинград, Харьков, Новосибирск, Москва и т.д.)

работают арестованные инженеры. Такое их использование нецелесообразно. Значительное их количество надо освободить, за исключением наиболее злостных вредителей, а конструкторские бюро передать промышленности”⁶⁷.

Ответ ОГПУ был крайне примечательным. В справке, подписанной зампредом ОГПУ Акуловым и начальником ЭКУ ОГПУ Мироновым, давалась подробная характеристика состава и деятельности ОКБ и ОТБ в области авиации, танкостроения, артиллерии, военной химии, судостроения и т.д. Например, в авиационном ОКБ работало 26 инженеров: 9 из них были представлены как руководители вредительских организаций, 8 – как шпионы иностранных разведок, остальные определены как “активисты вредительских организаций”. За короткий период своего существования ОКБ был построен и сдан истребитель И-5, бронированный штурмовик, бомбовоз ТБ-5, в постройке находился морской дальний разведчик. “Группа не может быть раскиссирована, – заключало ОГПУ, – так как это сказалось бы на опытном самолетостроении... Сложность момента опытного строительства требует специального режима, который может быть обеспечен только в ОКБ”. То же соображение касалось танкового Остехбюро, где работал 31 арестованный специалист. Промышленности их передать нельзя, заключало ОГПУ, так как передача заняла бы такое количество времени, которое потребовалось бы для завершения работ, и отрицательно сказалось бы на результатах развития бронетехники.

Всего, согласно справке, в различных ОТБ и ОКБ работало около 400 специалистов, подавляющее большинство из них было связано с военными разработками. Необходимость сохранения особых бюро чаще всего оправдывалась первоочередностью оборонных задач, угрозой их срыва. Очень хитро ОГПУ использовало оговорку о “злостных вредителях”. Если специалисты проходили по так называемым открытым процессам, например, Промпартии, то в этом случае, по мнению ОГПУ, нельзя было и “заикаться” об их освобождении. Разумеется, особые бюро работали не только в военной области, но и в гражданских отраслях, где их сохранение оправдывалось особой важностью и срочностью задач, а в случае группы, работающей над котлом высокого давления, указывалось, что ее нельзя передавать в промышленность, так как ею руководит Рамзин, а остальные участники – активные члены Промпартии.

Особенно поражает лицемерие чекистов в случае обоснования необходимости особого бюро по составлению плана электрификации СССР, отдельных районов и отраслей. Ока-

зывается, решение столь важной государственной задачи можно было доверить “вредителям”, “шпионам”, “диверсантам”, “террористам”. То же самое касалось текстильной промышленности, где последним было поручено составить план ее реконструкции. Передать означенное бюро в промышленность “означало бы разбросать коллектив по отдельным фабрикам” – заключало ОГПУ⁶⁸.

Таким образом, особые бюро на долгие годы стали средоточием развития конструкторской и технической мысли в СССР, прежде всего в разработках военного характера. На место освобожденных из-под ареста и заключения поступали другие специалисты, поскольку “дамоклов меч” обвинений во вредительстве постоянно висел над любым работником в СССР. Разумеется, положение занятых в особых бюро специалистов отличалось от положения остальных узников ГУЛАГа. Были, конечно, и преимущества такой концентрации усилий, но то, что в данном случае стеснялись элементарные права людей, не приходило в голову сталинскому руководству.

ОБОРОННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В 1932 г.

Несмотря на неудовлетворительные итоги 1931 г. задания по военному производству были снова увеличены, причем по некоторым отраслям в несколько раз. Так, ОАО должно было увеличить производство в 4,6 раза. Капиталовложения в оборонное строительство должны были возрасти на 58%, заказы НКВМ на боевую технику увеличивались в 2,5 раза. Чем больше были задания, тем напряженнее становилась ситуация, тем хуже становилось положение в стране. Постоянный нажим на деревню привел к тому, что в ряде районов разразился голод. Вызывает удивление то, что по мере того как выявлялась практическая неосуществимость и чрезвычайная затратность мобилизационных заданий, они сменялись новыми, еще более амбициозными. Здесь следует согласиться с О.Н. Кеном, что в руководстве СССР складывается и сплачивается военная элита, которая выступает в качестве двигателя дальнейшей безудержной милитаризации народного хозяйства⁶⁹.

В преддверии нового года Тухачевский сигнализирует в КО о неудовлетворительном ходе (практически на нуле) договорной кампании между военведом и военпромом. В качестве причин указывалось на непредставление обоснованных калькуляций, отсутствие детализированных контрольных цифр, разно-

Таблица 5. О ходе размещения договоров с промышленностью на 21 февраля 1932 г.

Управления Штаба РККА	Намечено разместить договоров на сумму (млн руб.)	Заключено договоров (прямых и косвенных) на сумму (млн руб.)	Процент
АУ	439	231	52,6
УВВС	290	53	18,3
ВОХИМУ	52	37	71,3
УВМС	177	50	28,3
УММ	190	16,5	8,7
УСКА	55	59	106,2
ВИУ	27	18	66,2
УВП	41	22	52,4
Ш управление Штаба	3,5	1,1	31,5
Всего	1275	486,5	38

гласия с заводами в ценах на изделия, нежелание заводов принимать заказы, требующие кооперации и комплектации, необеспеченность валютными контингентами, требование промышленности систематической оплаты заказов⁷⁰. Из-за бюрократической волокиты, свойственной советским учреждениям, из-за разногласия по ценам дело и дальше обстояло не намного лучше, о чем свидетельствует следующая таблица (см. табл. 5), представленная в КО начфинупром Штаба РККА Хрулевым⁷¹,

Конечно, и раньше заключение договоров с промышленностью по заказам военных шло с большим запозданием. Подобное запаздывание означало, что военная промышленность продолжала работать по текущим оперативным планам, а это служило причиной довольно острых конфликтов между военведом и военпромом.

Документы 1932 г. показывают, что выполнение этих планов шло с большой задержкой. Так, ОАО к 1 июля выполнило только 51,5% плана и 25,2% годовой программы, Вохимтрест, вскоре преобразованный в объединение (ВХО), – соответственно 63 и 25,4%. Несколько лучше обстояло дело в Ружобъединении: 85,6 и 34,9%, в Патрубвзрыве: 85,6 и 30,4%, в Глававиапроме – 82,6 и 32,3%⁷². Впрочем, штурмовые методы работы, наращивание производства по кварталам заранее закладывалось в планирование. Недовыполнение плана военными объединениями за первое полугодие означает, говорилось в одном из документов, увеличение темпов во второй половине года в 2 раза, а по ВХО в 3 раза⁷³. От

первой пятилетки ведет свой отсчет “штурмовщина” – типичная черта советского производства, которая распространяется и на военную промышленность.

В докладе СО Госплана в КО о выполнении полугодовой программы по военной авиации и танкам отмечалось, что в них дело обстоит хуже, чем в гражданской промышленности. Если оставить все как есть, если выполняется 74% плана, то к концу года годовая программа будет выполнена только на 25%. Отмечались отдельные достижения, но больше говорилось о недостатках и провалах. Как слабое место называлась неравномерная подача изделий и проблема их комплектации, создававшей разрывы в выполнении планов. Из 89 важнейших номенклатур военных изделий 38 имели выполнение ниже 50% плана, а 30 – ниже 80%. По-прежнему отмечается низкое качество, особенно авиамоторов М-17, которые ломались через 5–10 часов работы. Летчики отказывались летать на самолетах с такими моторами. В качестве причины низкого качества назывались слабая организация планирования, плохое снабжение, слабое техническое руководство, *тяжелое положение со специалистами и рабочей силой*. Каждый месяц происходило обновление состава заводов на одну треть. В связи с этим СО взывал к НКТ принять меры к улучшению оргнабора⁷⁴.

Несмотря на предпринятые меры итоги выполнения намеченной на 1932 г. программы оказались неутешительными и хуже, чем в 1931 г. Заказы НКВМ были выполнены по артсистемам на 32%, по снарядам – на 17%, по винтовкам и пулеметам – на 58–59%, по самолетам – на 50%, по танкам – на 89%⁷⁵. Обращает на себя внимание крайне неровный характер выполнения заказов. Таким образом, кризис, обозначившийся в 1931 г., носил не случайный, а системный характер. Сущность его руководство не могло уразуметь, что вызывало раздражение, постоянный поиск виновников и причин административно-управленческого характера.

Вместе с тем нельзя не заметить некоторое ослабление военной напряженности. Вопрос об угрозе близкого военного нападения как-то сам по себе исчезает. Отчасти это связано с международным положением СССР. Как говорилось в одном из документов, мир на 2–3 года вперед обеспечен. Заметно было улучшение отношений с Францией. В начале 1932 г. появился ряд директивных документов ПБ в связи с участием СССР в международной конференции по разоружению⁷⁶. В них вроде бы выражается максимальная заинтересованность СССР в разоружении, но подчеркивается необходимость индивидуального подхода к пробле-

ме, содержится призыв “не отдавать слабые государства на съедение сильным”. В связи с этим были составлены сопоставительные таблицы вооружений, в которых данные по СССР были сильно занижены. Настаивая на необходимости сокращения армий и флотов, советское руководство настаивало, например, чтобы Бизертинский флот (часть военного флота царской России, ушедшая после революции за границу) не включать в состав ВМС СССР. (К тому времени эта часть флота действительно была полностью разорена Францией.) В документе указывалось на особое положение СССР, на то что ряд государств не заключают с СССР дипломатических договоров и проявляют враждебные намерения, что нормы технического оснащения вооруженных сил, установленные Версальским договором, для СССР не подходят. Вкратце позицию СССР можно определить так: “пусть разоружаются другие, а не мы”.

Позиция СССР находила известное оправдание. Военная угроза в этот период стремительно нарастает на Дальнем Востоке. В 1931 г. Япония захватила Манчжурию и продолжала наращивать вооружения, демонстрируя явно враждебные намерения в отношении СССР. Дальний Восток в этой связи казался совсем неподготовленным к нападению. Это обстоятельство надо было учитывать в военном планировании.

Завершение 1932 г. связано с подведением итогов первой пятилетки, которая официально считалась выполненной досрочно (за 4 года и 3 месяца).

ИТОГИ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Несмотря на громадные усилия, затраченные на оборонное строительство, на стремительное разворачивание промышленности в сторону военного производства, итоги пятилетки были не особенно впечатляющими. В связи с этим среди руководителей страны звучали настроения уныния и пессимизма. Это обнаруживается из письма Сталину от 21 июня 1932 г. наркома НКВМ Ворошилова об “истинном положении вещей”. В нем Ворошилов указывает на ряд “провалов” в программе производства вооружений: “ТБ-3 не создано ни одной эскадрильи, и на Дальний Восток не смогли ничего отправить... Танковая программа выполняется с большой натугой... Приемщики принимают с условием, что дела поправятся, но Халепский настроен пессимистически... Главные проблемы – тормоз и броня. Павлуновский уверяет, что Мариупольский и Путиловский заводы дадут марганцево-кремние-

вую броню. Но помимо этого есть много других деталей механо-обработки... Серго [Орджоникидзе] нажимает на заводы, но дела неважные... Плохо с артиллерийской программой, особенно с мелкокалиберными системами, но особенно скверно со снарядами. Что касается строительства, то архискверно, не только казарм и складов, но и оборонительных сооружений. Везде недостаток стройматериалов, отсутствие транспорта, отсутствие рабочих и ИТР и так до бесконечности. Но и это еще не все..."

Далее Ворошилов сообщал Сталину об авариях в воздушном флоте с человеческими жертвами. Только с 5 по 20 июня разбилось 11 самолетов: 5 тяжелых, 2 морских, гидроплан "Савойя" и 3 ТБ-1. Погибло 30 человек. Главную причину Ворошилов видел в неправильной организации полетов, отсутствии дисциплины: "летчики молодые, неопытные, склонные к залихватским замашкам, бравадированию, воздушному хулиганству", подобному тому, как 1 мая 1932 г. во время воздушного парада над Красной площадью⁷⁷.

У военведа и политического руководства страны было достаточно оснований для недовольства состоянием и уровнем военно-промышленного производства. Боязнь поражения в случае войны не исчезла из сознания руководителей. Задачи, поставленные в июльских постановлениях ПБ 1929 г., не были решены, несмотря на отдельные достижения. Задания военведа обеспечивались лишь частично, причем преимущественно "кадровыми" заводами. Несмотря на попытки задействовать в деле обороны всю промышленность, как говорилось, "приходится мириться с исторической неизбежностью, которая при иных более благоприятных условиях не исключала бы необходимости максимального использования гражданской промышленности"⁷⁸. Вместе с тем, если внимательно присмотреться, можно обнаружить еще не вполне очевидные контуры пока еще хаотичной и не вполне сложившейся сырьевой и производственной базы для изготовления вооружения и боевой техники: черные и цветные металлы, качественная сталь, ферросплавы, создание предприятий для технического снабжения, производства химического сырья и полуфабрикатов. Развертывалась система подготовки кадров. Существенный сдвиг произошел в преодолении иностранной зависимости. Сохранялись многие недостатки, которые органически были свойственны экономически неэффективной планово-директивной системе: распыление средств, дефициты, "штурмовщина", текучесть, низкое качество продукции, но они никак не осознавались руководством. Поэтому сам Сталин не был склонен предаваться пессимизму. В своем ответе на приведенное выше письмо Воро-

шилова он писал: “Будем нажимать. Будут выполняться программы если не на все 100, то на 80–90%. Разве этого мало? Гибель самолетов не так страшна, черт с ними. Жалко летчиков”⁷⁹. Письмо наглядно иллюстрирует “плановое мышление” вождя: давать как можно более напряженные задания и “нажимать” в расчете на то, что что-нибудь получится. Не следует забывать, что в результате предпринимаемых усилий вся страна напоминала разрытый “котлован” – своего рода символ первой пятилетки.

Относительно уровня боевой готовности, достигнутого в годы первой пятилетки, среди руководства преобладали весьма осторожные оценки. В тезисах доклада зампреда Госплана Уншлихта “Об итогах пятилетки по оборонной промышленности” указывалось, что при существующей организации производства объявление войны вызвало бы громадное напряжение в экономике. Главным недостатком военно-промышленного строительства Уншлихт усматривал в том, что не удалось достигнуть необходимой милитаризации всей промышленности, в том, что подготовка к обороне велась по традиции в основном по линии военных производств. Размещение мобилизационных заданий гражданской промышленности велось без учета экономических условий. Выход из положения виделся в дальнейшей индустриализации страны⁸⁰.

Начав разработку нового пятилетнего плана, Госплан твердо намеревался не повторять прежних ошибок. Отсутствие первой оборонной пятилетки промышленности, говорилось в докладе Госплана от 11 марта 1932 г., привело к тому, что мы строили без всякой перспективы, на основе ежегодно меняющихся заявок военведа и потому строили кустарно, без учета дальнейших потребностей, без надлежащего использования всей промышленности и влияния на ее развитие, идя в основном по старым путям и не решая вопросов реконструкции военно-промышленной базы⁸¹. Подобная оценка представляется не совсем верной в свете непрерывных экспериментов, проб и допущенных ошибок, но на вектор дальнейших изменений в сфере ВПК она указывает совершенно определенно.

¹ *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: Темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996; *Samuelson L.* Plans for Stalin’s War Machine: Tukhachevskii and Military-Economic Planning. 1925–1940; в рус. пер.: *Самуэльсон Л.* Красный колосс: Становление советского военно-промышленного комплекса. 1921–1941. М., 2001; *Кен О.Н.* Мобилизационное планирование и политические решения. Конец 1920 – середина 30-х гг. СПб., 2002. Из других зарубежных работ см. также: *The Soviet Defence-Military Complex from Stalin to*

- Khrushchev / Ed by J. Barber and M. Harrison. L., 2000; *Davies R.W. Soviet Military Expenditures and the Armament Industry, 1929–1933: a Reconsideration // Europa-Asia Studies.* 1993. 45(4).
- 2 См. например: РГАЭ. Ф. 8318. Оп. 1. Д. 105. Л. 287–293 об.
  - 3 В документах ГВПУ и ВПУ упоминаются равноценно. По всей видимости, под ВПУ чаще подразумевалась военная промышленность, подчиненная Главному управлению, или просто Военпром.
  - 4 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 55. Д. 1063. Л. 31–14.
  - 5 ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 3. Д. 55. Л. 37–41. Оригинал. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 528. Л. 56–51.
  - 6 Составлена на основе: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 528. Л. 44–41 и ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 55. Д. 1844. Л. 6–9.
  - 7 См. док.: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 128. Л. 39–29; РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 321. Л. 30–45. 4 августа – 29 окт. 1927 г.; ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 3. Д. 9. Л. 265–273. Сводные результаты проверки НК РКИ за сентябрь–октябрь 1927 г. состояния работ по мобготовности в металло- и военной промышленности. См. также: РГАЭ. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 928. Л. 24–25 с об. О проверке 20 декабря 1928 г.
  - 8 РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 51. Л. 26–8.
  - 9 РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 19. Л. 145–129.
  - 10 О концепции “единого выстрела” см.: *Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-е–1950-е годы: Темпы экономического роста, структура, организация производства и управление.* М., 1996.
  - 11 РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 138. Л. 18–1.
  - 12 РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 201. Л. 134–121.
  - 13 ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 3. Д. 52. Л. 9–10.
  - 14 РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 16. Д. 3. Л. 61–63.
  - 15 РГАЭ. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 1096. Л. 1–7.
  - 16 РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 155. Л. 220, 223.
  - 17 Полностью доклад см.: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 213. Л. 178–111.
  - 18 ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 2. Д. 109. Л. 2–13.
  - 19 РГАЭ. 4372. Оп. 91. Д. 347. Л. 8–3 с об.
  - 20 РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 15. Л. 43–48.
  - 21 РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 586. Л. 149–148.
  - 22 РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 519. Л. 67–39.
  - 23 ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 3. Д. 52. Л. 10–14.
  - 24 РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 567. Л. 189.
  - 25 Полностью доклад Смилги см.: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 567. Л. 138–114.
  - 26 ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 25. Д. 14. Л. 2.
  - 27 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 444. Л. 1–6.
  - 28 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 188, 192.
  - 29 ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 3. Д. 55. Л. 37–41.
  - 30 Полностью постановление см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 113–122.
  - 31 РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 1. Д. 50. Л. 50–52.
  - 32 АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 243.
  - 33 АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 340. Л. 201–209; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 81–90.
  - 34 РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 1074. Л. 50–47.
  - 35 АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 121. Л. 40–42.
  - 36 РГАЭ. Ф. 8328. Оп. 1. Д. 564. Л. 23–25.
  - 37 РГВА. Ф. 31811. Оп. 1. Д. 245. Л. 241–245.
  - 38 РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 446. Л. 176.
  - 39 РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 389. Л. 29–26.

- 41 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 39.
42 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 497. Л. 33–34.
43 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 447. Л. 14–18.
44 Более подробно см.: *Кен О.Н.* Указ. соч. С. 139–140.
45 РГВА. Ф. 40438. Оп. 1. Д. 72. Л. 12.
46 *Сталин И.В.* Соч. Т. 13. С. 38–39.
47 См. например, обращение Ворошилова в марте 1930 г. к зам. пред. ВСНХ М.Л. Рухимовичу с вопросом о необходимости форсировать работы по автостроению и обеспечить в нем военный уклон (РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1016. Л. 37 с об.).
48 ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 4. Д. 17. Л. 1.
49 ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 25. Д. 14. Л. 2–3.
50 ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 6. Д. 3. Л. 10.
51 ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 4. Д. 17. Л. 6–10.
52 РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 668. Л. 41–18.
53 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 32.
54 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 86.
55 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 36. Л. 52–60.
56 РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 567. Л. 14–12.
57 РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 731. Л. 144–142.
58 Составлена на основе: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 871. Л. 113–112.
59 РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 951. Л. 94–81.
60 ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 6. Д. 1. Л. 1–8.
61 РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 951. Л. 94–81.
62 Там же.
63 РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 878. Л. 105–104.
64 ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 3. Д. 13. Л. 29–31 с об.
65 РГАЭ. Ф. 7927. Оп. 38. Д. 91. Л. 36–37.
66 РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 951. Л. 59–57.
67 АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 142. Л. 23.
68 АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 142. Л. 2–19.
69 *Кен О.Н.* Указ. соч. С. 193.
70 ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 6. Д. 3. Л. 3, 2.
71 См.: ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 6. Д. 3. Л. 5.
72 РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 1050. Л. 72–69.
73 РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 1050. Л. 55–52.
74 РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 951. Л. 115–95.
75 ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 25. Д. 14. Л. 2–3. См. также: РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 41. Д. 29. Л. 1–6.
76 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 107, 113–116; Д. 12. Л. 33, 65.
77 РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 38. Л. 51–49.
78 ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 8. Д. 2. Л. 474.
79 РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 38. Л. 72.
80 ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 8. Д. 157. Л. 21–30.
81 РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 1097. Л. 2.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Ю.А. Поляков. Андрей Константинович, у меня вопрос по поводу выражения о “двойном использовании” при строительстве новых предприятий. И фактически это так мыслилось: если строился завод для производства тракторов, то имелось в виду, что он в необходимый момент будет переведен на производство танков? Так?

А.К. Соколов. Долго обсуждали этот вопрос. В конечном счете договорились, что производство двух тракторов равно одному танку.

Я приведу пример того, как осуществлялся принцип двойного назначения заводов. Например, намечается строительство Березниковского химического комбината, имевшего огромное оборонное значение. В связи с этим издается постановление о том, что он по-прежнему вырабатывает химическую продукцию, но она имеет военное значение в случае будущей войны, в случае будущего мобилизационного развертывания.

В.Д. Есаков. Почему в Вашем докладе не упомянут закон об обороне, принятый в 1928 году?

Мне казалось, что в периоде Великого перелома (вне зависимости от того, пишем мы это в кавычках или без кавычек) проблема развития военной, оборонной промышленности – не исследована. Именно эта директива определяла изменения в Госплане, подход к ВПК, подход к плановому развитию экономики вообще.

А.К. Соколов. Я немножко коснулся этого. Я сказал, что Постановление Политбюро об обороне было частично опубликовано. Вся советская историография базировалась на этом постановлении и принятом законе об обороне СССР. Все на этом базировалось и представлялось как необходимые шаги.

Почему я сосредоточился на втором постановлении – на постановлении о военной промышленности? На заседании была открытая часть и закрытая. Почему закрытая? Было всего пять экземпляров Постановления о военной промышленности? Потому что оно рисовало совершенно другую картину.

Я подчеркнул целый ряд моментов, которые свидетельствуют, как под влиянием Постановления о военной промышленности происходила ее реорганизация.

С.В. Журавлев:

Вопрос по поводу финансирования. Занималось ли руководство Военпрома только констатацией того, что нужно, или же они все-таки намечали на это выделять какие-то деньги?

Каким образом это финансировалось, откуда планировали взять средства?

Второй вопрос. Вы говорили о военной опасности. Это известное дело: обосновывалось введение военных программ военной опасностью. В начале 20-х годов, когда была создана комиссия Политбюро, возглавляемая Дзержинским. Она очень серьезно занималась сравнением военно-технических показателей СССР, Российской Федерации во время Гражданской войны и сравнивала с тенденциями и реалиями военной мощи государств, которые могли быть соперниками по военной линии.

Делался ли анализ на рубеже 20-х–30-х годов тех тенденций, которые существовали в военной науке, в военном ведомстве ведущих зарубежных государств и как это оценивалось по отношению к военной мощи Советского Союза? И не был ли этот факт, осознание того, что мы отстаем, еще большей мотивацией того, почему нужно было сделать такой рывок на рубеже 20-х–30-х годов. То есть являлось ли это время во многом временем “икс”, потому что дальнейшее отставание могло стать абсолютно не догоняемым?

И в этом отношении встает вопрос о военной разведке. Если в экономике мы копировали западные образцы, занимались экономическим шпионажем, можно было бы идти по этому пути и в военной отрасли. А здесь это не делалось?

В какой степени увеличивалось финансирование военного шпионажа в связи с реализацией этих программ? Заметно это было или нет? Было ли это нашим исходом в решении проблем: заимствование, копирование, выкрадывание и т.п. в военной области – в технике военной, в авиации, в танковом деле и т.д.?

А.К. Соколов:

В докладе эти вопросы освещены, но тем не менее вы даете мне возможность высказаться дополнительно.

Откуда деньги? Центральный вопрос. Я не случайно говорил о том, что при планировании задач пятилетки было ясно, что они обширны в самых разных областях. Когда не хватает средств, то капиталовложения сосредоточиваются на 40–50-ти важнейших объектах, имеющих оборонное значение.

В устном докладе опущен момент, связанный с созданием Комиссии по обороне, которую возглавлял Молотов, но в которой главную роль играл Сталин. И если посмотреть, чем занималась эта комиссия и сравнить ее с Политбюро, то станет ясно, что Политбюро занималось этими стройками, а остальные вопросы

военного строительства рассматривались на Комиссии обороны, созданной в конце 1930 г.

Теперь вопрос о военной опасности. Я говорил о том, что она постоянно учитывалась. И разные руководители считали, существует угроза войны в ближайшее время.

Когда я завершал свой доклад, я говорил о конференции по разоружению. В ходе ее проведения стало ясно, что можно отложить начало войны на 2–3 года.

1932 г. вообще примечателен с точки зрения ослабления напряженности, дальше события начали разворачиваться иначе, но была военная опасность, все время об этом говорили.

Теперь вопрос о сравнении показателей. Очень много сопоставительных таблиц о производстве вооружений в СССР и в различных странах. Но в основном расчеты велись на Польшу, на Румынию, сколько они могут выставить, сколько – мы. На них ориентировались. Какая у них техника на вооружении стоит.

Теперь другой вопрос – о сотрудничестве с Западом, о шпионаже и т.п. Особого усердия в шпионаже не надо было проявлять. Но, как вы знаете, Германия была разоружена. И для того, чтобы не потерять навыки в производстве вооружений целый ряд германских фирм добровольно шел на сотрудничество с Советским Союзом, внедряя технические достижения. На это шли заводы Круппа и “Рейнметалл”. И они очень много сделали для развития советского ВПК именно в годы первой пятилетки.

Что касается использования разведывательных данных. Что-то, конечно, было в Разведывательном управлении, эти данные использовались. Но меня поразил документ, составленный Тухачевским. Различия здесь: Штаб РККА составляет и Тухачевский составляет. То ли у него данные были, то ли у него были какие-то карьерные соображения. В основном, опирался на опыт Первой мировой войны, хотя он мог бы воспользоваться данными разведывательного управления Штаба.

Л.Н. Нежинский:

Мы должны поблагодарить докладчика. Проблема, которую он затронул в своем докладе, очень непростая, дискуссионная и она очень злободневная.

Да, конечно, военно-промышленный комплекс надо было развивать, но надо было и проявлять элементы реализма по отношению к месту и к положению Советского государства в общемировой системе связей этих лет. Тогда бы не ушел с таким треском с поста наркома Чичерин, который в 1929–1930 гг. был

резко против такого нарочитого толкования, что на нас чуть ли не сегодня-завтра собираются нападать. Но никто тогда не собирался нападать.

Более того, вскоре после его ухода англичане восстановили отношения с нами, французы смягчились к нам и т.д.

Военно-промышленный комплекс надо было развивать, но при этом, видимо, надо было и крепко подумать, чтобы не дойти до той ситуации страшного голода, который в 1932–1933 гг. поразил немалую часть советского общества. До сих пор не могут до конца привести точные цифры, сколько погибло от голода в основном деревенских жителей. Но речь идет о нескольких миллионах людей.

То есть это надо учитывать тоже, чтобы при всей нашей объективности как-то изучали нашу историю во всех ее направлениях и во всем ее конгломерате, который тогда имел место.

В целом, безусловно, проблема, которая поставлена в докладе, очень важная, очень интересная, это целый комплекс проблем. Мы можем пожелать докладчику продолжать разрабатывать этот крайне интересный и далеко еще не во всем исследованный круг проблем, связанный с развитием военно-промышленного комплекса в рамках советского общества и Советского государства.

Н.К. Петрова

ИСТОРИЯ “МОЛОДОЙ ГВАРДИИ” (г. КРАСНОДОН): ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ 60 ЛЕТ*

Понятие времени весьма субъективно. Для истории 60 лет может показаться и кратким мгновением, и длительным периодом.

Осенью 2002 г. исполнилось 60 лет с момента создания и начала деятельности комсомольско-молодежной подпольной организации “Молодая гвардия”, действовавшей в г. Краснодоне в период временной оккупации Украины в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Члены этой организации почти все были арестованы, подвергнуты пыткам, а затем расстреляны или живыми сброшены в шурф шахты № 5.

“Молодая гвардия” – одна из многих молодежных подпольных организаций, которая возникла по инициативе самой молодежи, без организующей и руководящей роли партийных инстанций. Действовала она всего несколько месяцев, так как 1 января 1943 г. начались аресты ее членов и продолжались они в течение всего месяца. Незадолго до освобождения Ворошиловградской области (сейчас – Луганская область) в ночь с 8 на 9 февраля были расстреляны последние молодогвардейцы в г. Ровеньки.

Возраст молодых подпольщиков от 14 до 29 лет. Среди них школьники и только что окончившие ее, студенты, военнослужащие, бежавшие из плена и вернувшиеся в Краснодар. Это была интернациональная организация: в ее составе были русские, украинцы, белорусы, молдаванин, еврей, азербайджанец, армянин. Всех их объединило одно желание – бороться с оккупантами своей Родины.

Впервые мы узнали о краснодонских молодогвардейцах весной 1943 г. И каждый из нас (мы имеем в виду тех, кто родился до конца 60-х годов прошлого века) знает что-то о “Молодой гвардии”, но никто не знает о ней всего. В течение многих лет по крупицам собирается материал о тех, кто был ее членами.

“Молодая гвардия” одна из многих подпольных организаций, действовавших на временно оккупированной территории. Осо-

---

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 2 декабря 2003 г.

бенностью является то, что ее деятельность стала широко известна, что о ней не замалчивали долгие годы, как это было с другими, занимаясь проверками по линии спецорганов и выясняя, кто был кто в каждой из них.

В книге воспоминаний В.Е. Семичастного, вышедшей в 2002 г. под названием “Беспокойное сердце”, думается, совершенно верно дано объяснение причин сохранения известности “Молодой гвардии”. В.Е. Семичастный писал, что если бы Н.С. Хрущев «напрямую не обратился к Сталину, эта организация, как и многие подобные ей, канула бы в неизвестность, попав на проверку в МГБ (Министерство государственной безопасности – так назывались органы государственной безопасности с 1943 года до самой смерти Сталина). А там сразу: кто кого предал, кто кому изменил и т.д. И это могло тянуться годами! Но поскольку указы были подготовлены своевременно и подписаны быстро Хрущевым и Сталиным, дело завершилось благополучно.

Членов “Молодой гвардии” наградили еще во время войны...

Правда, были и издержки: например, в число славных молодогвардейцев не попал В. Третьякевич» (см. с. 51).

С общим объяснением бывшего Председателя КГБ СССР, а во время расследования истории “Молодой гвардии” секретаря ЦК ЛКСМУ В.Е. Семичастного можно согласиться. Но нельзя согласиться с одним – с подходом к “издержкам”: В. Третьякевич, один из организаторов “Молодой гвардии”, не только не попал в список молодогвардейцев в 1943 г., а затем в уточненный и дополненный список, составленный в конце 40-х годов Ворошиловградским обкомом КП(б)У. Рядом с фамилией В. Третьякевича по ложному навету до 1959 г. витало обвинение в том, что он предал членов своей организации.

И это не одна “издержка” в истории “Молодой гвардии”.

Вообще-то истории этой организации как таковой нет. Она до сих пор не написана. В целом ряде опубликованных работ проходит краткое изложение действий членов этой организации, дается характеристика членов ее штаба по наградным документам 1943 г., описывается роль коммунистов в руководстве этой организацией. Но так ли все это было? А если не так, то почему все идет по установившимся правилам?

Многие документы долгое время были не известны. В начале XXI в. была предпринята попытка пересмотреть историю “Молодой гвардии” от первого о ней упоминания. В 2003 г. вышел в свет сборник документов и материалов под названием «“Молодая гвардия” (г. Краснодар) – художественный образ и историческая реальность». Сборник включает подлинные документы и может

быть источником для изучения советского общества 40–90-х годов прошлого столетия.

История подпольной организации “Молодая гвардия” долгие годы была для журналистов, писателей, для всех, кого волновали проблемы воспитания молодежи, благодарным материалом, дающим примеры мужества, патриотизма, служения народу, яркие образцы для подражания. К сожалению, в настоящее время, с образованием СНГ интерес к этой истории упал.

В настоящее время историю “Молодой гвардии” некоторые специалисты называют “локальной историей, не имеющей широкого звучания”. Остается только сожалеть, что это мнение существует и отчасти реализуется на практике.

Скажите, знает ли современная молодежь, кто такие молодогвардейцы, что это за подпольная организация “Молодая гвардия” и кто написал роман, посвященный ее борьбе в годы Отечественной войны? Изучая социологические опросы последнего времени, мы получим неутешительные, отрицательные ответы на все вышеназванные вопросы.

От рассуждений вернемся к истории вопроса.

Впервые, по горячим следам, после сообщения о “Молодой гвардии” о ней написали очерк журналисты А. Гуторович и В. Ляковский, очень быстро они подготовили брошюру о “Молодой гвардии”. А.А. Фадеев создал яркий очерк “Бессмертие”. Все это было в 1943 г. Затем на документальной основе был написан роман А.А. Фадеева “Молодая гвардия”. Еще до выхода в свет его главы печатались в газете “Комсомольская правда” и в ряде журналов. Роман пришел в солдатские окопы первыми главами. Книга сражалась в прямом смысле слова на фронтах Великой Отечественной войны. Весь роман был написан за год и 9 месяцев, окончен 18 декабря 1945 г. и в 1946 г. вышел отдельным изданием. В июне того же года автор получил Государственную премию 1-й степени.

Роман А.А. Фадеева – это документ эпохи. В нем мысли и чувства молодежи военного времени, их характеры. Это произведение вошло в золотой фонд советской литературы, соединив в себе документальную правду и художественное осмысление. Сам А.А. Фадеев по этому поводу говорил: «Хотя герои моего романа носят действительные имена и фамилии, я писал не действительную историю “Молодой гвардии”, а художественное произведение, в котором много вымышленного и даже есть вымышленные лица. Роман имеет на это право»¹. Однако многими, в том числе и историками, этот роман воспринимался как канонизированная история организации. Были годы, когда считалась крамольной сама мысль что-то уточнить или в чем-то усомниться.

История “Молодой гвардии” – это долгий и трудный поиск истины, причем сейчас это делать не легче, чем раньше: ведь сегодня история “Молодой гвардии” – это часть истории самостийной Украины. Но у нас была одна Великая Отечественная война, которая объединила все народы для разгрома врага, и “Молодая гвардия” – это часть нашего общего исторического прошлого, в котором важно отделить правду от художественного вымысла, отдать должное всем тем молодым людям, которые сражались с врагом, восстановить забытые или поспешно вычеркнутые чьей-то рукой добрые имена молодогвардейцев.

Не думая о том, как их будут называть потомки и все ли они правильно делают, молодогвардейцы делали то, что могли, что было им по силам: разоблачали дезинформацию, распространяемую оккупантами на советской земле, вселяли в народ веру в неизбежный разгром захватчиков, добывали оружие, чтобы в нужный момент приступить к открытой вооруженной борьбе. Члены организации писали от руки или печатали в примитивной типографии листовки, распространяли сводки Совинформбюро, в ночь на 7 ноября 1942 г. вывесили красные флаги на зданиях школ, жандармерии и других учреждениях. Флаги были пошиты девушками вручную из белой ткани, затем окрашены в алый цвет – цвет, который для ребят символизировал свободу.

По решению штаба “Молодой гвардии” было сожжено здание немецкой биржи труда со всеми документами, освобождены из концентрационного лагеря свыше 80 советских военнопленных. Отбито стадо скота из 500 голов, предназначенное к вывозу в Германию, и т.д. В канун нового, 1943 г. было совершено нападение на немецкие машины, которые везли оккупантам новогодние подарки и почту. Подарки ребята унесли с собой, почту сожгли, а остальное спрятали, планируя переправить затем на базу, созданную для партизанской борьбы.

Эта последняя акция ускорила разгром “Молодой гвардии”, за которой уже не первый месяц охотились краснодонская полиция и жандармерия вместе с немецкими, итальянскими и румынскими спецслужбами Ворошиловграда (ныне Луганск), Красного Луча, Ровеньков и Сталино (ныне Донецк). А затем были зверские, поистине средневековые пытки. Начальник полиции Соликовский старался изо всех сил. До неузнаваемости изуродовали Ивана Земнухова. Евгения Мошкова обливали водой, выводили на улицу, потом оттаивали на печке и вели на допрос. Сергею Тюленину прижигали рану на руке раскаленным прутком. Ульяну Громову подвешивали к потолку за косы...

Казнили их у шахты № 5-бис. В ночь на 15 января расстреляли и затем сбросили в шурф первую группу молодогвардейцев, причем некоторых из них бросали в шахту живыми. Среди них был Виктор Третьякевич – один из организаторов “Молодой гвардии”. До 31 января палачи расправились с остальными арестованными молодогвардейцами, среди которых был Сергей Тюленин.

Олега Кошевого задержали 22 января 1943 г. около станции Картушино. На дороге его остановили полицаи, обыскали, нашли пистолет, избили и под конвоем отправили в Ровеньки. Там его снова обыскали и под подкладкой пальто нашли два бланка временных членских билетов и самодельную печать “Молодой гвардии”. Начальник полиции узнал юношу (Олег был племянником его знакомого). Когда Кошевого допрашивали и били, Олег выкрикивал, что он комиссар “Молодой гвардии”. За шесть дней допросов он поседел.

В Ровеньках пытали также Любовь Шевцову, Семена Остапенко, Виктора Субботина и Дмитрия Огурцова. Олега Кошевого расстреляли 26 января, а Любовь Шевцову – в ночь на 9 февраля.

После освобождения Краснодона, 1 марта 1943 г. в парке имени Комсомола с утра до вечера шли похороны 49-ти молодогвардейцев.

А потом “Молодая гвардия” и ее история стали легендой, символом советского патриотизма, материалом для агитационно-пропагандистской работы среди молодежи. Так уже было с Николаем Гастелло, Зоей Космодемьянской, Александром Матросовым. Теперь героями стали и самые активные молодогвардейцы. Первое сообщение о них поступило в партийные и комсомольские органы Украины уже 31 марта 1943 г.² Первый секретарь ЦК ЛКСМУ В.С. Костенко доложил по фронтовому “ВЧ” Хрущеву о “Молодой гвардии”. Никита Сергеевич дал команду: “Возьмите образец, как мы пишем И.В. Сталину – напишите текст и приложите указы о награждении”. Костенко, вспоминая об этом летом 1992 г., сказал: «Мы, т.е. ЦК, подготовили и принесли. Хрущев взял в руки и спросил: “Все здесь правильно?” Получив утвердительный ответ, Хрущев, не читая, подписал все документы»³. Так был подготовлен главный документ о “Молодой гвардии” – записка Хрущева на имя Сталина от 8 сентября 1943 г.

Как известно, Н.С. Хрущев питал особенно теплые чувства к Донбассу, где он проходил свои трудовые “университеты”. Поэтому он принял сообщение о “Молодой гвардии” близко к сердцу. В записке Хрущева на имя Сталина подчеркивалось, что «вся

деятельность “Молодой гвардии” способствовала усилению сопротивления населения оккупантам, вселяла веру в неизбежность разгрома немцев и восстановления Советской власти»⁴. В записке ничего не говорилось о партийном руководстве работой молодогвардейцев. Однако в этот документ уже была заложена и определенная дезинформация, касавшаяся состава руководства молодежной организации. Создателями “Молодой гвардии” были названы Олег Кошевой, Иван Земнухов и Сергей Тюленин, тогда как Виктор Третьякевич и Василий Левашов в записке на имя Сталина не фигурировали и соответственно к награждению представлены не были⁵.

Сталин поддержал предложение украинского лидера о посмертном награждении героев “Молодой гвардии”, записка Хрущева со сталинской резолюцией пошла к Председателю Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинину. Решение было быстрым. Указ о награждении Калинин подписал уже на следующий день – 13 сентября 1943 г. Олегу Кошевому, Ивану Земнухову, Ульяне Громовой, Сергею Тюленину и Любове Шевцовой посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Был награжден и ряд других молодогвардейцев, и мать Олега Кошевого – Е.Н. Кошечкина (она получила орден Отечественной войны II степени – за активную помощь, оказанную “Молодой гвардией”). Газета “Правда” от 15 сентября сообщила об этом.

Родителям, дети которых посмертно были награждены, этот Указ Президиума Верховного Совета СССР принес временное облегчение от сознания того, что о погибших сыновьях и дочерях помнят. Но ненадолго. В народе, как это всегда бывает, стали обсуждать, кто и за что получил награды, так как многие из тех, кто погиб, не получили даже медалей.

Одновременно “изучение вопроса” вели и спецслужбы, активно искавшие предателя, выдавшего организацию.

Не улучшило, а скорее обострило обстановку в Краснодаре посещение города известным писателем А. Фадеевым. Информация о том, что было в городе в период оккупации, как создавалась и что сделала “Молодая гвардия”, попала к писателю от Е.Н. Кошевой, ярко и убедительно пересказавшей все то, что она слышала от других, что знала сама. ЦК ВЛКСМ предоставило Фадееву обширный документальный материал. Писатель беседовал с работниками следственных органов. Материалы, как заявлял Фадеев, произвели на него огромное впечатление и были положены в основу романа⁶.

А.А. Фадеев сознательно нарушил неписанный закон творчества, согласно которому братья за создание произведений о важ-

нейших исторических событиях следовало лишь после того, как они отойдут в далекое прошлое. В результате в его романе историческая действительность смешалась с вымыслом, приобрела художественную форму, но вместе с тем утратила и часть своей достоверности.

Тираж романа разошелся мгновенно. Мы не будем останавливаться на его художественных достоинствах. В Донбассе спрос на произведение превышал предложение – книг в магазинах не хватало. Но вскоре наряду с восторженными отзывами о “Молодой гвардии” хлынул поток вопросов к местной партийной власти, к писателю, в различные инстанции, и т.д. Это объясняется тем, что краснодонцы приняли роман “Молодая гвардия” как историю деятельности организации, молодежного подполья их родного города. Люди, чьи дети погибли, не находили о своих близких упоминания, или написанное не совпадало с тем реальным, что было. Возмущались искажением действительности. Особенно точным совпадением образа Евгения Стаховича, человека, предавшего организацию, с портретом Виктора Третьякевича, который был одним из организаторов и комиссаром “Молодой гвардии”.

Никакие объяснения не принимались. Отстаивали правду не только родственники В. Третьякевича. Многие родители были возмущены. Обкому ЛКСМ Украины приходилось, как вспоминал в 1989 г. бывший секретарь Ворошиловградского обкома Н.В. Пилипенко, “восстанавливать взаимопонимание среди семей молодогвардейцев”. В качестве “подкрепления приехала из Киева группа комсомольских работников во главе с секретарем ЦК ЛКСМУ Митрохиным. Они прибыли выполнять специальное указание первого секретаря ЦК ЛКСМУ В.А. Костенко: «читать семьям молодогвардейцев роман “Молодая гвардия” и просить их, чтобы они знали историю создания этой организации по книге». Задание есть задание.

О том, как оно выполнялось, рассказал Н.В. Пилипенко на совещании в ЦК ВЛКСМ в апреле 1989 г. Думаю, что его рассказ стоит воспроизведения, так как до этого его не печатали. «Мы с Митрохиным поехали в Краснодон, – вспоминал Пилипенко. – Читали книгу по семьям, по квартирам. И просили всех: Давайте историю “Молодой гвардии” будем излагать так, как это показано в книге Фадеева»⁷. О том, что такая “история” была, рассказывал и В.Е. Семичастный в беседе с составителями сборника документов о “Молодой гвардии” в июле 2000 г. Он говорил, что наиболее активных и шумных приходилось “успокаивать словами”. Приходилось говорить, что сегодня ваш сын (или дочь) – ге-

рой, о нем знают, но если не уговоритесь, то сделаем так, что из героя он превратится в предателя. Такие “разъяснительные” беседы велись с наиболее активной семьей Тюлениных. Конечно, говорил это родственникам молодогвардейцев Семичастный не от себя лично, а потому, что существовала “партийная установка”. Было тогда общепринято: решение партии не обсуждать, так как они всегда верные. А на проекте Указа о награждении молодогвардейцев размахисто было написано: “За. И. Сталин”. Одна подпись и вопрос решен⁸. Такое было время. И на какое-то время люди затихали. А потом вновь писали в Москву письма, возмущаясь и требуя восстановить справедливость.

Выход в свет книги Е.Н. Кошевой* “Повесть о сыне” вызвал новую волну писем. На вопрос одного из комсомольских руководителей области, которому она дарила книгу: “А все ли объективно в ней описано?” Кошечкина покраснела и ответила: “Знаете, писали книгу писатели. Но с моего рассказа”. А по поводу обнаруженных неточностей, расхождений с действительностью, Елена Николаевна ответила: “Видите, теперь уже не исправишь в книге ничего. Что написано, видно, пером, то не вырубить и топором”⁹. Долгое время действительность доказывала, что это верно.

А.А. Фадеев в своем произведении выписал обаятельный образ Олега Кошевого, комиссара “Молодой гвардии”, который смог создать и руководить подпольной организацией, объединившей в своих рядах около ста человек в возрасте от 14 лет (Радик Юркин) до 29 лет (М. Шищенко). Надо подчеркнуть, что в этой организации было немало людей, отслуживших в Красной Армии, как М.И. Шищенко и Н. Жуков, или попавших в окружение или в плен и бежавших из лагерей (Б. Главан, В. Гуков). В организации было несколько человек, окончивших разведшколу в Луганске (это два брата Сергей и Василий Левашовы, В. Загоруйко, Л. Шевцова). Н. Иванцова и О. Иванцова, окончив курсы морзисток, были оставлены для работы в тылу врага.

А.А. Фадеев “не заметил” или не посчитал нужным показать, что по возрасту это была далеко не школьная подпольная организация, там были и молодые офицеры (достаточно вспомнить Е. Мошкова и В. Туркенича).

Определенное объяснение случившемуся дал в 1965 г. бывший секретарь ЦК ЛКСМУ П.Т. Тронько. «В первые месяцы после освобождения Краснодона сведения о деятельности “Молодой гвардии” были получены главным образом от родителей молодогвардейцев (в основном от матери Олега Кошевого), а не от

---

* Е.Н. Кошечкина умерла в 1987 г.

оставшихся в живых молодогвардейцев. Мать Олега Кошевого... развила бурную деятельность по возвеличиванию сына и изображала работу организации в выгодном для нее освещении. Работу вела вся группа, коллектив. Звания Героя Советского Союза достойны и Туркенич, и Третьякевич. Это были наиболее зрелые люди в организации, остальные были очень молоды. Но поскольку в то время Третьякевича подозревали в предательстве, его имя замалчивалось...»¹⁰.

Что касается романа, то пресса встретила “Молодую гвардию” в целом комплиментарно. Превозносились “гражданский подвиг” Фадеева, его “художественные достижения”, отмечались подкупающее обаяние и бесстрашие парней и девушек из Краснодона. Газеты “Культура и жизнь” и “Правда” 30 ноября и 3 декабря 1947 г. откликнулись на выход романа редакционными статьями, где высоко оценивалась эпопея о юных подпольщиках – детях шахтерского края. Но вскоре прозвучала и критика: “Из романа выпало самое главное, что характеризует жизнь, рост, работу комсомола, – это руководящая, воспитательная роль партии, партийной организации”, – вынесла приговор “Правда”, перечеркнув многое из того, что она же хвалила.

Подхватив эту критическую ноту, периодическая печать калибром помельче принялась, в свою очередь, распекать писателя за дефицит “цементирующего партийного начала”, “ущербность образов большевиков”, показанных, дескать, никчемными организаторами, спотыкающимися на каждом шагу.

Фадеев не защищался. Напротив, немедленно “взял под козырек”, так как по опыту знал беспощадную мощь идеологического диктата Системы. В итоге он пошел на существенную переработку текста романа. У молодогвардейцев в романе появились партийные наставники и руководители. Идея ведущей и направляющей роли ВКП(б) вновь продемонстрировала свою всепобеждающую силу. А ведь вначале, по горячим следам своей первой поездки в Краснодон он писал в опубликованном в “Правде” 15 сентября 1943 г. очерке “Бессмертие”, который воспринимается сейчас как эскиз к первому варианту романа, нечто совсем иное: «Люди старших поколений, оставшиеся в городе для того, чтобы организовать борьбу против немецких оккупантов, были вскоре выявлены врагом и погибли от его руки или вынуждены были скрыться. Вся тяжесть организации борьбы с врагом выпала на плечи молодежи. Так осенью 1942 года сложилась в городе Краснодоне подпольная организация “Молодая гвардия”».

Этот вывод А.А. Фадеева подтверждает и “Отчет Ворошиловградского обкома КП (б)У о партизанском движении и дея-

тельности подпольных партийных организаций в период временной оккупации области немецко-фашистскими захватчиками". В нем говорится, что в конце 1941 г., ни партколлективам в подполье, ни партизанским отрядам развернуть подрывную работу не довелось, ибо фронт частично стабилизировался, и Ворошиловградщина еще не была оккупирована. Поэтому большинство подпольных и партизанских подразделений было расформировано, их личный состав призван в РККА, а отдельные "нелегалы" переброшены для выполнения спецзаданий в другие области. И только в связи с новым продвижением вражеских войск в глубь страны Ворошиловградский обком КП (б)У вторично приступил к созданию подпольных партийных организаций и партизанских отрядов. В районах и городах Ворошиловградщины были сформированы подпольные райкомы и горкомы КП (б)У¹¹. Но у них не хватало сил для того, чтобы обеспечить руководство молодежным подпольем в Краснодоне.

В исторической литературе до сих пор нет полного исследования по истории молодежной подпольной организации "Молодая гвардия", но достаточно много статей и публикаций о том, кто был кто в ней, а именно: кто был комиссаром – О. Кошевой или В. Третьякевич. Бесспорно, хотелось бы поставить точку в этом вопросе. Но главное – не изучение распределения ролей и должностей по подполью, а воссоздание всей ее истории по крупным, по деталям. Для историков важно выяснить ее состав, деятельность (хотя этот вопрос наиболее изучен); причины провала, кто и зачем фальсифицировал некоторых ее активных участников. Не последнее место в этой длинной череде не изученных, не обобщенных проблем занимает восстановление доброго имени каждого, на ком долгие годы висел ярлык "предатель". До сих пор нет полного списка ее участников. Но есть канонизированный список, утвержденный в свое время решением Бюро Луганского обкома КП (б)У в 1945 г.¹²

Чтобы узаконить партийное руководство "Молодой гвардией" оформлялись соответствующие документы. 20 апреля 1945 г. секретарь Краснодонского РК КП (б)У П.Я. Зверев и начальник РО НКГБ М.И. Бессмертный подписали письмо на имя секретаря Ворошиловградского обкома КП (б)У П.Л. Тульнова. Его содержание дает ответы на некоторые вопросы:

"...В момент отхода частей Красной Армии летом 1942 г. Краснодонским РК КП (б)У и РО НКГБ было создано в районе несколько партизанских групп и оставлено в тылу врага со специальным заданием..."

Из имеющихся в нашем распоряжении и РО НКРГБ материалов видно, что оставленные партизанские группы никаких действий в тылу врага не проводили, отдельные члены этих отрядов стали активными пособниками немецких оккупантов.

В период оккупации коммунист, работавший при немцах в центрально-электромеханической мастерской т. Лютиков Ф.П. имел намерение по собственной инициативе организовать партизанскую группу.

Лютиковым было создано ядро группы, куда вошли члены ВКП(б)* Баракон, Дымченко, беспартийные Артемьев, Соколов** и др. Однако указанная группа каких-либо действий в тылу врага не успела сделать, так как в начале января месяца 1943 г. все они во главе с Лютиковым были арестованы полицией и расстреляны...

Партизан-одиночек, которые бы вели борьбу в тылу немцев нами в Краснодонском районе не устроено”¹³. Ниже подписи авторов сообщения.

А вслед за этим, очевидно, по рекомендации обкома КП (б)У 28 апреля 1945 г. был заслушан на бюро Краснодонского РК КП (б)У доклад “Об организации по собственной инициативе партизанского отряда в г. Краснодоне в период временной оккупации немцами Краснодонского района”. Докладчиками были первые лица власти г. Краснодона: П. Зверев (секретарь РК КП (б)У); Бессмертный (начальник РО НКГБ) и Мищук (должность не указана). А за тем, как полагалось, было принято постановление. В констатирующей части отмечалось, что при оккупации города “по инициативе отдельных коммунистов, оставшихся в связи с окружением (обращаю внимание: не оставленных на задания, а оставшихся, т.е. не сумевших эвакуироваться. – Н.П.), было намерение организовать партизанскую группу для борьбы с врагом. Группа Лютикова–Баракон избрала первого командиром, а второго – комиссаром, поставила задачи – вселять уверенность в народе в возврате и скором освобождении района Красной Армией... Однако, указанная группа каких-либо действий в тылу врага сделать не успела, так как в начале января 1943 г. все ядро во главе с Лютиковым и Бараконным было арестовано полицией и все участники группы расстреляны.

Исходя из вышеизложенного, бюро РК КП(б)У постановляет:

---

* Так в документе.

** Бежал из плена, лейтенант.

1. *Считать Лютикова Филиппа Петровича и Баракова Николая Петровича организаторами партизанской группы в г. Краснодаре, зверски замученными немецко-фашистскими захватчиками – ПАРТИЗАНАМИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.*

2. *Список партизан и молодоговардейцев... утвердить.*

3. *Просить бюро Обкома КП(б)У утверждать данное решение*¹⁴.

Вот так, спустя более двух лет после освобождения города, незадолго до окончания Отечественной войны был составлен этот документ. Далее он был утвержден согласно просьбе, изложенной в третьем пункте постановления.

Скажем для уточнения, что создание этого отряда численностью 50 человек датировано декабрём 1942 г.¹⁵, а организация “Молодой гвардии” была создана в сентябре того же года. Встает вопрос: кто кому помогал, и кто кем руководил?

Посмотрим глазами документов, как воссоздавалась эта страница “истории”. В течение десятка лет наше общество знало о руководящей роли коммунистов молодежным подпольем в Краснодаре. Кому мы обязаны тем, что эта сказка стала былью?!

Чтобы укрепить эту “позицию” в 1948–1949 гг., Ворошиловградский ОК КП (б)У создал комиссию, которой поручил собрать «дополнительные материалы о подпольной комсомольской организации “Молодая гвардия” и роли коммунистов в ее работе». 18 февраля 1949 г. на заседании этой комиссии отмечалось, что “у нас нет документов, которые были бы оставлены прямо партийной организацией... Несмотря на то, что нет таких документов, мы все же можем восстановить картину деятельности партийного подполья...”¹⁶.

Подводя итоги этого совещания, секретарь обкома Алентьева дала указание “найти материалы партийного подполья Краснодона”. Но “если не сохранились документы этой эпохи, то сохраняются документы 1949 года. А эти документы мы должны видеть в массовом признании, в лице партийного актива и официальных записей бюро обкома КП (б)У”¹⁷, – сделала вывод Алентьева.

И это не все. Стенограмма другого совещания вышеназванной комиссии, от 28 апреля 1949 г. – это яркий образец того, как партийные инстанции “участвовали в восстановлении” истории “Молодой гвардии”. Алентьева как главный партийный идеолог области сделала вывод: “Фадеев писал художественное произведение. Мы считаем, что создаем исторический документ, показать Третьякевича нельзя. Третьякевич не должен быть показан, как один из активнейших людей, это будет исторически не-

правильно (курсив мой. – *Н.П.*)”¹⁸. И как результат работы, 14 июня 1949 г. на заседании бюро ОК КП (б)У по вопросу “О Молодой гвардии” Алентьева сделала вывод (несмотря на отсутствие соответствующих документов), что «именно партийная организация начала* свою деятельность до “Молодой гвардии”... Мы решили (обратите внимание – “мы решили”. – *Н.П.*) Третьякевича изъять. Играть будут роль Лютиков и Бараклов»¹⁹. Так создавался очередной миф о руководящей и направляющей роли партии.

А.А. Фадеев, судя по содержанию тех документов, с которыми он знакомился, бесед с уцелевшими молодогвардейцами, об этом, конечно, знал. Однако он щедро ввел в повествование выигрышные для ВКП (б) новые эпизоды. Практически им были заново написаны семь и фундаментально перестроены двадцать пять глав романа. Фигуры коммунистов-наставников юношества были вылеплены во второй редакции объемно, почти монументально. В то же время молодежное подполье оказалось в “обновленном” романе на задворках Сопrotивления, превратившись, как и положено любой комсомольской организации, в помощника и резерв партии.

Но Фадееву доставалось не только и даже не столько от рецензентов, сколько от читателей – преимущественно земляков и родных погибших молодогвардейцев. Трудно измерить горе семьи В.И. Третьякевича, которое принес им созданный Фадеевым образ предателя Стаховича, как две капли воды похожий на их сына Виктора. Отца Третьякевича парализовало, братьев “ушли” с партийной работы.

Сначала, весной и летом 1943 г. Виктор Третьякевич еще числился в списке руководителей “Молодой гвардии” наряду с Сергеем Тюлениным, Иваном Туркеничем и Олегом Кошевым. Но затем в расследование обстоятельств, связанных с деятельностью и провалом “Молодой гвардии”, вмешался СМЕРШ, активно занявшийся поиском предателей.

В 1943 г. не принималось во внимание то, что немцы имели определенную информацию о формировании подполья на оккупированных территориях. В фонде Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного главнокомандования сохранился один интересный документ из отдела специнформации о развитии партизанского движения в 1942 г. (перевод с итальянского). Обращает на себя внимание такой момент: информированность этого немецкого “ведомства”. В разделе “Обу-

---

* См. документы Краснодарского РК КП (б)У, апрель 1945 г.

чение” читаем: “Большевики с начала войны организовали... специальные школы, где проводился регулярный курс обучения. Только в одном Воронеже находится 15 таких школ, в том числе одна для женщин. Остальные школы находятся в Ворошиловграде и Ростове. Школы Москвы, Ленинграда и Сталинграда являются самыми крупными”. Известны были руководители школ, характер обучения, планы преподавания, и даже детали о том, что в “Ворошиловграде и в Миллерово (около Сталинграда) школа для шпионов и диверсантов имеет двухнедельный срок обучения. Во многих школах молодежь обучают специальному искусству поджогов”²⁰.

Это еще раз свидетельствует о том, что оккупанты постоянно вели сбор информации, используя ее для отслеживания подозреваемых лиц. С этой целью *“начальники тайной полевой полиции, генералы-командующие войсками безопасности и главнокомандующие северо-центральных и южных армий завели специальные списки партизан, их помощников, шпионов и подозрительных большевистских агентов.*

*Эти списки были разосланы всем частям тайной полевой полиции, полевым и местным гарнизонам, информационным бюро полиции по обеспечению безопасности, в лагеря военнопленных... Эти списки содержат в себе точные, по возможности, персональные данные, описание внешности, адрес, место деятельности и принадлежность к определенному партизанскому отряду”*²¹. “Если мы считали, – констатируется в этом документе, – что с уничтожением Красной Армии партизанская борьба пойдет на убыль, то теперь (напомним, шел 1942 г. – Н.П.) борьба с партизанами является одной из важнейших задач, поставленных перед немецкими войсками, находящимися в тылу”. Для немцев партизаны и подпольщики не имели различия – это были их враги. Немцы говорили, что *“эти фанатики, несмотря на суровые меры, часто отказываются давать какие-либо показания”*²², когда попадают в гестапо.

После того, как первичный материал о “Молодой гвардии” был собран местной комиссией комсомольских работников во главе с Евдокией Корниенко, из Москвы 26 июня 1943 г. прилетела комиссия ЦК ВЛКСМ в составе заместителя заведующего спецотделом ЦК А. Торицына и инструктора ЦК Н. Соколова. Одним из основных источников информации для них стали беседы с Е.Н. Кошевой. Трудно сказать, как складывалась у Торицына версия о предательстве Третьякевича, но в докладной записке по итогам поездки он уже писал о том, что Виктор, “по показаниям наших следственных органов... не выдержав страшных пы-

ток” “давал подробные показания о членах организации и о ее боевой деятельности”²³. После этого имя Третьякевича стали вымарывать из документов о деятельности “Молодой гвардии” и изъяли его из списка героев-молодогвардейцев. Нет его поэтому и в романе Фадеева.

Однако Виктор Третьякевич не был предателем, как вообще не было какого-то одного изменника, провалившего “Молодую гвардию”. Показания, которые содержали какую-либо информацию о деятельности организации, дали на допросах под пытками несколько молодогвардейцев (не будем забывать, что это были совсем молодые ребята), но это не означает, что их можно считать предателями. 14 декабря 1960 г. в “Правде” появилась заметка “Отважный сын Краснодона”, посвященная посмертному награждению Виктора Третьякевича орденом Отечественной войны I степени. Только через 16 лет награда нашла одного из руководителей “Молодой гвардии”, ставшего жертвой клеветы.

История с реабилитацией В. Третьякевича показывает, как сложно было снять с человека навешенный на него ярлык. Не менее трудно было доказать, что составленный в 1943 г. в ЦК ВЛКСМ с учетом информации советских спецслужб список молодогвардейцев неполон, что в нем есть пробелы, с которыми трудно смириться родным и близким погибших членов “Молодой гвардии”. Так, выяснилось, что в акте Чрезвычайной государственной комиссии о преступлениях немецко-фашистских захватчиков в Краснодоне документирована гибель еще трех молодогвардейцев – Е. Климова, Н. Петрачковой и В. Гукова. Их имен нет в списке А. Торицына²⁴. В 1955 г. партийные и советские органы Краснодона возбудили ходатайство о награждении Н.Н. Петрачковой медалью “Партизану Великой Отечественной войны”. Комиссия по делам бывших партизан при Президиуме Верховного Совета УССР под председательством С.А. Ковпака признала Н.Н. Петрачкову членом “Молодой гвардии” и поддержала представление о ее посмертном награждении.

Однако время шло, а положительного решения очевидного, казалось бы, вопроса все не было. Тогда отец девушки, член КПСС с 1924 г., почетный шахтер и кавалер ордена Ленина Н.С. Петрачков направил в начале 1956 г. письмо в ЦК ЛКСМ Украины с просьбой разобраться в этом деле. Секретарь ЦК ЛКСМУ С. Кириллова 16 февраля 1956 г. обратилась к секретарю ЦК ВЛКСМ А.Н. Шелепину с просьбой «ходатайствовать перед Президиумом Верховного Совета СССР о награждении члена подпольной организации “Молодая гвардия” тов. Петрачковой Н.Н. медалью “Партизану Отечественной войны” II степе-

ни», мотивируя это тем, что она “случайно была пропущена в списках представленных к награждению молодогвардейцев правительственными наградами”²⁵. В 1958 г. ходатайство было повторено, и тогдашний первый секретарь ЦК ВЛКСМ, будущий председатель КГБ В.Е. Семичастный распорядился “подготовить материалы для инстанции”²⁶. Однако до развала СССР этот вопрос так и не был решен. Видимо, в ЦК ВЛКСМ его посчитали слишком “мелким”.

Нельзя не согласиться с мнением, высказанным членами созданной в начале 90-х годов межрегиональной комиссии по изучению истории “Молодой гвардии” – Союза молодежи Луганщины, что одни молодогвардейцы были “канонизированы в качестве бессмертных героев, другие выступают как антигерои, а третьи, хотя и принимали активное участие в основных акциях, проходят как исключительно рядовые, довольно бесцветные личности”²⁷. Это относится, в частности, к А.В. Ковалеву. По воспоминаниям, он выглядит, как личность яркая, мужественная, отважная. Главным “недостатком” его было то, что он сумел бежать, когда его с товарищами везли на казнь к шурфу шахты № 5. Помог ему ехавший с ним М.Н. Григорьев, который зубами развязал веревку. Побег был неожиданностью. Полицейские не сразу поняли, что произошло, а затем, опомнившись, начали стрелять по убежавшему. Ковалев был ранен, но ему удалось скрыться среди домиков поселка²⁸. Затем его лечили и прятали родные, А. Титова (любимая девушка) и некоторые друзья. Потом Анатолия вывезли из Краснодона в район Днепропетровска. Когда туда пришла Красная армия, его там не оказалось. Что с ним случилось, никто не знает. Он пропал без вести. До сих пор подвиг А.В. Ковалева, бывшего кумира молодогвардейцев, не отмечен даже медалью “Партизану Отечественной войны”.

Нет в списке героев и Юрия Полянского, хотя его тело было поднято в феврале 1943 г. из шурфа шахты и захоронено в братской могиле 1 марта 1943 г. Между тем Торицын объявил его почему-то “пропавшим без вести”, видимо, руководствуясь тем, что сестру Юрия Серафиму заподозрили в предательстве еще одной группы подпольщиков под руководством М. Шищенко и Н. Сумского, которая действовала в Краснодоне в составе “Молодой гвардии”. (Ее членов предали, и в ночь на 18 января 1943 г. они были расстреляны или живыми сброшены в шахту.)

В различных документах и публикациях называется от 70 до 130 молодогвардейцев. В первом опубликованном отчете ЦК ВЛКСМ их было свыше ста, а в седьмом издании сборника вос-

поминаний и документов “Бессмертие юных” – только 71²⁹, хотя согласиться с этой цифрой, по-моему, нельзя.

Чем же можно объяснить подобные расхождения? Не будем забывать, что список участников организации восстанавливался по памяти родителей и родственников, а также по акту Чрезвычайной государственной комиссии, где указаны те, кого опознали близкие. Но ведь были и те, кто остался неопознанным, как в Краснодаре, так и в Ровеньках.

Мешала установлению причастности к организации и версия, согласно которой причиной провала и разгрома “Молодой гвардии” было предательство среди самих молодогвардейцев. Одним из первых после освобождения города был арестован Г. Почепцов. О том, что он, якобы, предатель, сообщил бывший следователь М.Е. Кулешов. Первое время Почепцова вызывали в следственные органы, допрашивали, но отпускали. На допросах паренек путался в ответах, не знал даже, как называлась подпольная организация: “Молот” или “Молодая гвардия”. Он не знал, кто был кем в организации, он знал только свою “пятерку”. В ходе допросов вспомнили, что его дядя, родственник отца, служил в полиции, а о том, что его отчима – Громова-коммуниста, как и всю семью, преследовала полиция, знать не захотели. По совету все того же Кулешова, Г. Почепцов, уставший от допросов с применением физического воздействия, “признался” в предательстве. Он надеялся, что на заключительном заседании суда откажется, объяснится и ему поверят. Но... шла война. Пятнадцатилетний Г. Почепцов был обречен на смерть, обвинен *без улик* в предательстве своих друзей. Первыми были публично расстреляны в Краснодаре 19 сентября 1943 г. Г.П. Почепцов, его отчим В.Г. Громов и бывший следователь Кулешов. Затем в число подозреваемых попали не только некоторые молодогвардейцы, но и многие юноши и девушки, не имевшие к организации никакого отношения. Несмотря на то что вопрос о причастности к организации того или иного человека поднимался неоднократно, канонизированный список с 1943 г. не расширялся. Этим можно отчасти объяснить и то, что не были отмечены наградами молодогвардейцы В.М. Борисов, В.С. Гуков, А.В. Ковалев, Н.И. Миرون, П.Ф. Палагута, Н.Н. Петрачкова, Ю.Ф. Полянский, В.И. Ткачев и др.³⁰ Их признали участниками “Молодой гвардии”, почти всех внесли в списки членов организации еще в 1943 г., но в списки для награждения по разным причинам не включили.

Были случаи, когда представленные к наградам (В.В. Михайленко и И.А. Савенков) не получили их и в дальнейшем были ис-

ключены из списков “Молодой гвардии”. Неизвестно, кто и за чем это сделал. Может быть, посчитали так: раз остался жив, это и есть лучшая награда. Но, скорее всего это делалось от безразличия, бездушия, по принципу: “Война все спишет”. Не получили своих медалей и те молодогвардейцы (а их было около 50)³¹, которые после освобождения Краснодона сразу же ушли на фронты Великой Отечественной войны. Остались без наград и те, кто переменял место жительства, так что о многих из них до сих пор ничего не известно.

Безосновательные и бездоказательные обвинения в измене и предательстве, за которыми следовали скорое следствие и суровый приговор, были выдвинуты против более чем 30 краснодонских юношей и девушек, которые к подпольной организации не имели никакого отношения. Среди них были З.А. Вырикова, О.А. Лядская, С.Ф. Полянская, Г.В. Стаценко, Н.Г. Фадеев и др. Впоследствии их оправдали из-за отсутствия состава преступления³². Об этом знают далеко не все, и в памяти многих (согласно версии романа Фадеева) они так и остались предателями. Одни из них сменили место жительства, другие – фамилию. Даже их дети, став уже дедушками и бабушками, не посещают тех мест, где родились их родственники.

Работу по созданию объективной истории “Молодой гвардии” нельзя считать законченной, тем более что до сих пор продолжают попытки опорочить светлую память тех, кто боролся в ее рядах с немецко-фашистскими захватчиками. Так, в газете “Совершенно секретно” (1999. № 3) под броской рубрикой “Архивы спецслужб” был опубликован материал Эрика Шура: «“Молодая гвардия”: подлинная история, или уголовное дело № 20056». Автор тщательно, хотя далеко и не беспристрастно изучил хранящиеся в архиве ФСБ 28 томов материалов следствия, которое шло по горячим следам событий в Краснодоне в 1943 г. Дело было возбуждено по обвинению полицаев и немецких жандармов в расправе над “Молодой гвардией”. И вот к какому выводу приходит Э. Шур: «“Молодую гвардию” придумали дважды». “Сначала, – пишет он, – в Краснодонской полиции. Потом Александр Фадеев. До того, как было возбуждено уголовное дело по факту хищения новогодних подарков... такой подпольной организации в Краснодоне не было. Или все-таки была?”

Э. Шур оставляет свой истинно иезуитский вопрос без ответа. Он обильно цитирует архивные документы, подтверждающие надругательства краснодонской полиции над молодогвардейцами; рассказывает, как полицейши вышли на организацию, схватив на рынке продавца сигарет – тех самых, из новогодних подарков,

захваченных ребятами в ночь на 26 декабря 1942 г. Но общая тональность статьи призвана создать у читателя впечатление, что члены “Молодой гвардии” не совершили никаких героических поступков, что вся их работа – детская игра, пустяки, мелочь...

В средствах массовой информации уже прошли публикации журналистов России и Украины, возмущенных подобной трактовкой деятельности “Молодой гвардии”. Но вывод Э. Шура совпадает отчасти с мнением полковника НКВД Павловского, который летом 1943 г. “настаивал на том, что организация и ее деятельность инспирированы гестапо”, и оказывал давление на секретаря Ворошиловградского обкома КП (б)У А.И. Гаевого, убеждая его в том, что “Молодой гвардии” не было. Об этом рассказал бывший секретарь ЦК ЛКСМУ В.С. Костенко, готовивший документы по награждению членов “Молодой гвардии” на подпись у Хрущева для отправки Сталину³³.

Но Гаевой с этим не согласился. И был прав. В 1947 г., в одной из поездок у В.С. Костенко оказался в купе попутчик – прокурор УССР Р.А. Руденко. В 1945–1946 гг. он выступил главным обвинителем от СССР на Нюрнбергском процессе главных нацистских военных преступников. Р.А. Руденко показал В.С. Костенко бланк МВД Германии и машинописный перевод текста на нем. Он гласил: «Мой фюрер, – докладывал Гиммлер, – на Украине, не то в Краснодарске, не то в Краснограде, не то в Краснодоне ... гестапо нашло и ликвидировало злостную подпольную комсомольскую организацию “Молодая гвардия”. Хайль!» Через некоторое время Костенко написал письмо Руденко и попросил представить копию этого письма для публикации, но ответа не последовало...³⁴

Чем дальше от Отечественной войны уводит нас время, тем сложнее отвечать на вопросы, поставленные военной историей. Проходят годы, уходят люди. У очевидцев и участников событий слабеет память. В живых сегодня никого не осталось. В Ровеньках и Краснодоне на могильных плитах многие годы было высечено имя О. Кошевого. Сейчас оно только на месте его расстрела, в Ровеньках. На краснодонском надгробии появилось, наконец, и имя В. Третьякевича.

А ведь совсем недавно это решалось с большими трудностями. История и художественная линия романа “боролись” друг с другом. 1970–1980-е годы – это период особой активности В.Д. Борц: она на протяжении ряда лет обращалась в различные инстанции с письмами, возражая против малейших попыток уточнения или внесения изменений в трактовку деятельности “Молодой гвардии”, роли и места в ней Олега Кошевого. Для

подготовки ответов на письма В.Д. Борц* отвлекалось немало людей. Периодически создавались комиссии, как по линии ЦК ВЛКСМ, так и по поручению ЦК КПСС. В оба ЦК представлялись объемные докладные записки. Казалось бы, все спорные вопросы были решены, все точки расставлены.

В течение 1979–1980 гг. В.Д. Борц знакомилась с материалами организации “Молодая гвардия” в ЦК ВЛКСМ, беседовала с работниками архива, которые в разное время занимались историей этой организации. Затем попросила руководство архива провести криминалистическую экспертизу временных комсомольских билетов с целью установления первоначальных подписей, подчисток. Речь идет о том, что по свидетельству ряда участников “Молодой гвардии”, а также первым фотографиям билетов на них было заранее набрано клише “Славин” (подпольная кличка В. Третьякевича). Борц настоятельно просила также выяснить партийную биографию братьев Третьякевичей.

По поводу этих просьб бывший заведующий Центральным архивом (далее – ЦА) ВЛКСМ В. Шмитков в докладной записке секретарю ЦК ВЛКСМ Б.Н. Пастухову в 1980 г. изложил свое мнение: «...Любые исторические исследования деятельности “Молодой гвардии”, ведущиеся под флагом Кошевого или под флагом Третьякевича, – наносят вред делу коммунистического воспитания... История пропаганды деятельности “Молодой гвардии”, учитывая исключительную популярность книги А. Фадеева, очень сложна, противоречива, а порой и прямо тенденциозна то в одну, то в другую сторону». К мнению В. Шмиткова прислушались, так как на докладной стоит резолюция: “1) Пригласить в ЦК тт. Левашова, Борц и тактично провести разговор о необхо-

---

* 19 апреля 1991 (спустя 10 лет после высказанного пожелания В. Борц) Всесоюзный НИИ судебных экспертиз МЮ СССР по просьбе ЦК ВЛКСМ от 5.04.1991 г. провел исследование четырех временных удостоверений членов “Молодой гвардии” Борц, Попова, Иванцовой и Фомина. Было установлено, что «рукописные записи фамилии комиссара партизанского отряда (выполнено в скобках) во всех удостоверениях подверглись изменению путем подчистки. Выявить первоначальное содержание этих записей не представляется возможным ввиду интенсивности подчистки. Во временном удостоверении на имя Иванцовой О.И. в месте расположения первой буквы читаемой фамилии комиссара партизанского отряда “Кашук” (выполненной в скобках) выявлена буква “С”». Далее подписи экспертов и печать. См.: РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 368 (д). Л. 1. Комментарии излишни. Добавим только, что незадолго до этого В.Д. Борц в феврале 1991 г. вышла из рядов КПСС, объяснив это так: “Власть коммунистов несостоятельна”. В. Борц была бескомпромиссной последовательной защитницей мнения, что именно Олег Кошевой, а не кто-то другой, был комиссаром “Молодой гвардии”. (Там же. Д. 368 (г). Л. 73).

димости не выходить за рамки общепринятого. 2) Сделать в “Молодой гвардии” (очевидно речь идет об издательстве. – Н.П.) какой-то документальный сборник, где расставить акценты...»³⁵

В.Д. Борц писала в ЦК ВЛКСМ и в ЦК КПСС. В связи с этим принимались определенные “меры”. Так, в начале апреля 1980 г. у Пастухова В.Н. (секретаря ЦК ВЛКСМ) рассматривались некоторые вопросы пропаганды истории деятельности “Молодой гвардии”. В отложившейся справке, в разделе IV “Наша позиция. Задачи пропагандистов” читаем: «Есть партийные критерии оценки деятельности молодогвардейцев*. Они, прежде всего, в “Указах о награждении их наградами Родины”. Коротко и ясно. Какие еще нужны комментарии?!

ЦК ВЛКСМ обращал при этом внимание на то, что нельзя забывать** “о политической целесообразности уточнений, различий и т.п.» И еще: “Недооценивать последствий возможного выхода информации, содержащейся в переписке родственников и молодогвардейцев, на массовые средства пропаганды, или на непосредственную аудиторию, нельзя. С ними нужно работать...”³⁶

Очевидно, определенная “работа” была проведена. Но В.Д. Борц удалось успокоить не надолго. После публикации материала “На весах правды” в “Комсомольской правде” 5 января 1989 г., темой которого было восстановление доброго имени В. Третьякевича, В. Борц обратилась с письмом на имя главного редактора газеты В. Фронина с резкой критикой публикации.

Реагируя на это письмо, а практически защищая позицию газеты, В. Фронин в письме в ЦК ВЛКСМ констатирует, что “в целом создается впечатление, что автор письма находится в плену той самой совершенно неверной концепции, о которой говорится в материале: представления о том, что восстановление честного имени и правды об одном герое бросает тень на другого”. В. Фронин предложил, что если, несмотря на многочисленные комиссии ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ “В. Борц считает, что до сих пор вся правда... не установлена, возможно, имеет смысл создать еще раз компетентную комиссию из специалистов-историков”³⁷.

В. Хорунжий, зав. ЦА ВЛКСМ, в письме секретарю ЦК ВЛКСМ Пальцеву Н.И. 21 января 1989 г. после очередного письма Валерии Давыдовны Борц высказал соображение о необходимости «еще раз вернуться к документам организации, находящимся на хранении в ЦК ВЛКСМ, чтобы внести окончательное

---

* Так в документе: фраза подчеркнута.

** Подчеркнуто автором.

решение и опубликовать итоги на страницах газеты “Комсомольская правда”.

Так как по своему объему документы организации – это большой массив, работа над ними требует значительного времени». В. Хорунжий просил продлить срок ответа до 23 марта 1989 г., т.е. еще на два месяца.

Судя по резолюциям, об этом было доложено первому секретарю ЦК ВЛКСМ В.И. Мироненко. 26 января 1989 г. последовала реакция в адрес тех, кто стоял в исполнителях: “...Не пора ли поставить точку в этой крайне некрасивой истории? Если этого по каким-либо причинам сделать невозможно, то объясните почему. Ваши предложения?”

Очевидно, секретарь по идеологии Н.И. Пальцев аргументированно объяснил суть проблемы, и срок был продлен. Но этих двух месяцев было недостаточно. Поэтому по истечении указанного срока на имя Мироненко В.И. поступила очередная записка уже не только от зав. ЦА ВЛКСМ, а за подписью тех лиц, на которых было возложено исполнение поручения: «Информируем, что по письму т. Борц В.Д. ведется аналитическая работа с документами подпольной комсомольской организации “Молодая гвардия”. Однако состав комиссии по решению спорных вопросов о “Молодой гвардии” сформирован не полностью. Просим продлить срок работы над письмом до 1 мая 1989 г.» Далее подписи: Н. Пальцев, В. Хорунжий, И. Шестопалов. На бумаге в архиве стоит штамп: «Резолюция т. Мироненко В.И. “Продлено”».

По материалам ЦК ВЛКСМ не удалось проследить, о какой комиссии писали своему боссу комсомольские деятели. Ясно лишь одно, что к “аналитической” работе попросили подключиться Д.И. Полякову, журналиста и историка. Она провела работу по сбору дополнительных материалов и публикаций о “Молодой гвардии” как в России, так и на Украине, а также изучила материал и в ЦА ВЛКСМ, в партархиве.

Срок ответа по письму В.Д. Борц* близился к концу, и тогда было принято разумное решение (жаль, что оно раньше никому не пришло в голову и не было реализовано, хотя бы лет 10–15 тому назад): провести в ЦК ВЛКСМ встречу по вопросам деятельности подпольной комсомольской организации “Молодая гвардия”.

27 апреля 1989 г. эта встреча состоялась. Сохранилась расшифрованная магнитофонная запись этой встречи-обсуждения. Участниками ее были работники ЦА ВЛКСМ (В. Хорунжий, Э.М. Буянова, Т.А. Каменева), ученые – Д.И. Полякова,

---

* Срок был до 1 мая 1989 г.

И.Н. Пилипенко, В. Левашов (член “Молодой гвардии”), В.И. Третьякевич (брат погибшего Виктора Третьякевича). Борц В.Д. не было, хотя многие выступавшие говорили о ней, о ее позиции. Как заметил В. Левашов «до 1978 года она (т.е. В.Д. Борц. – *Н.П.*) никогда о “Молодой гвардии” ни одним словом не обмолвилась. Она не хотела истории касаться... И только вот в 1978-м году то ли по чьему-то наущению, когда вышла в отставку. По чьему?» Интересно заметить, что оставшиеся в живых молодогвардейцы ВСЕ, подчеркиваю – ВСЕ, вместе ни разу не соби- рались³⁸. Ни сами, ни ЦК ВЛКСМ, ни ЦК ЛКСМУ не догадались проявить такую инициативу. По мнению В. Левашова, оставшиеся в живых по-разному оценивали роль и место Олега Кошевого в работе “Молодой гвардии”. Читаем по стенограмме: “Кто-то за то, чтобы было так, как было на самом деле, кто-то за то, чтобы было в пользу Олега Кошевого. Да. То есть фальсификация... Кто был комиссар, Олег или Третьякович. Вот из-за этого избе- гали встреч... Стремления, чтобы все собрались, не было ни у ко- го. С Арутюнянцем, с Радиком Юркиным, Лопуховым мы соби- рались часто”.

Для каждого из них, как сказал В. Левашов, было вопросом совести восстановление доброго имени Виктора Третьякевича, его роли в организации и деятельности “Молодой гвардии”. Они не могли простить себе, что в 40-е годы, после освобождения Краснодона не встали на защиту доброго имени Третьякевича, когда был пущен слух о его предательстве, а имя его на годы ис- чезло из истории “Молодой гвардии”.

Не время разбираться сейчас в этом. Сегодня их всех нет в живых. Не будем забывать, что долгие годы люди, побывавшие в оккупации, старались не вспоминать об этом периоде жизни и предпочитали помалкивать, чтобы не оказаться в местах, далеких от цивилизации, за колючей проволокой. Действительность советского общества по отношению к уцелевшим участникам подполья порой была суровой, и требовала доказать, если ты вы- жил, то почему; что помогло тебе спастись. Отвечать на эти воп- росы было непросто: мешала подозрительность тех, кому было доверено устанавливать истину. Об этом не раз и не два писалось в работах историков.

Но вернемся к совещанию 1989 г. Оно проходило в условиях проснувшейся гласности. В начале этой встречи В. Хорунжий, правда, сказал, что будто бы в ЦК ВЛКСМ недавно собирали бывших молодогвардейцев, даже «состоялась длительная беседа,

---

* Передан стиль стенограммы (см.: РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 368. Л. 10).

и большинство из оставшихся в живых членов этой организации свидетельствовали, что комиссаром был Олег Кошевой. Вместе с тем, как показывает анализ наших комсомольских документов, эти товарищи не являлись членами штаба и не могли знать истинного положения дел в “Молодой гвардии”». В материалах ЦК ВЛКСМ нет ни стенограммы, ни упоминания о том, что такое совещание было. Косвенно о нем говорится в одном из писем В. Борц. Кто же в нем мог участвовать из девяти человек, уцелевших после гибели организации? Напомним, что И. Туркенич погиб в 1944 г., Г. Арутюнянц умер в 1973 г., Р. Юркин – в 1975 г., М. Шищенко – в 1979 г., Н. Иванцова – в 1982 г. Оставшиеся в живых О. Иванцова, В. Борц, В. Левашов и А. Лопухов вместе, подчеркиваю вместе, в ЦК ВЛКСМ встретились первый раз во второй половине 80-х годов. Что обсуждали – неизвестно. Стенограмма не велась.

Никакой аналитической записки в 1989 г. после этого совещания не отложилось. Очевидно, ограничились обсуждением. То же было и после совещания в апреле 1989 г. Участники его даже не поправили свои выступления по распечатке стенограммы (кроме Д.И. Поляковой). Подписи по предложению Н. Хорунжего были поставлены в конце заседания-встречи на чистом листе бумаги, а затем был уже отпечатан текст. Практика привычная. Такие вещи бывали неоднократно во времена СССР. История об истории “Молодой гвардии” имела свое продолжение.

По рекомендации вышестоящих комсомольских органов Украины Луганский ОК ЛКСМУ 9 октября 1990 г. принял решение о создании рабочей группы по сбору «всех возможных материалов, касающихся истории “Молодой гвардии”, изучению эпизодов, связанных с именами О. Кошевого и В. Третьякевича, с событиями, вызывающими спорные трактовки». В состав рабочей группы вошли комсомольские работники, научные сотрудники вузов города, журналисты, представители КГБ, народные депутаты СССР, “неформалы”. Было решено обратиться за помощью к оставшимся в живых участникам “Молодой гвардии”³⁹. Рабочая группа поставила своей целью оказать содействие в восстановлении истины о деятельности подполья в г. Краснодоне. При этом группа отмечала, что нельзя ставить под сомнение сам подвиг, совершенный молодогвардейцами: “Подвиг нельзя отменить по конъюнктуре. Его можно умолчать или исказить, что делалось долгие годы...”⁴⁰

После нескольких заседаний группа пришла к выводу о необходимости ее реорганизации в Межрегиональную комиссию по

изучению антифашистской деятельности комсомольской организации “Молодая гвардия”.

В процессе более двух лет работы эта комиссия исследовала как известные, так и закрытые ранее для изучения документы, зачастую противоречивые, исключающие друг друга показания и свидетельства участников и очевидцев событий в Краснодаре периода его оккупации. Члены комиссии встретились с В.Д. Борц, В.Д. Левашовым, О.И. Иванцовой; с теми, кто считался долгие годы предателями организации, а ныне полностью реабилитированы правоохранительными органами: с Выриковой З.А., Лядской О.А., Стаценко Г.В. Свыше 40 человек были собеседниками комиссии⁴¹.

Результатом работы Межрегиональной комиссии явилась «Записка по изучению проблемных вопросов в деятельности краснодонской антифашистской комсомольско-молодежной организации “Молодая гвардия”», подписанная всеми членами комиссии 23 марта 1993 г., за исключением одного ее члена – директора краснодонского музея “Молодая гвардия” А.Г. Никитенко. Он высказал свое “особое мнение” по спорным вопросам.

Это относится к роли О. Кошевого и В. Третьякевича в создании и руководстве “Молодой гвардией”. Имеют место и разногласия в интерпретации отдельных фактов истории комсомольско-молодежного подполья, в оценке исторической достоверности “Повести о сыне” Е.Н. Кошевой, в подходе к проблеме предателей “Молодой гвардии”. Попытки согласовать эти разногласия и выработать единую точку зрения весной 1993 г. не увенчались успехом⁴².

Из предложений комиссии многое осталось не реализованным. Хочется надеяться, что может быть, в связи с “круглой датой” создания “Молодой гвардии” будут отмечены наградами суверенной Украины те участники подполья, которые ранее не получили правительственных наград СССР.

В течение 90-х годов не раз на страницах печати, как и в названном выше документе, высказывалось предложение о ходатайстве перед правительством Украины о награждении организатора подполья “Молодая гвардия” Виктора Иосифовича Третьякевича высшей наградой суверенной Украины⁴³.

Если это произойдет, то это будет дополнительной страницей к истории “Молодой гвардии”, дополнительной, но не последней. Поиск истины, как показывает история подполья г. Краснодона, это сложный путь к правде, особенно, когда прошли годы, когда ушли в мир иной люди, знавшие о “Молодой гвардии”.

Но истина тем и хороша, что рано или поздно она будет уста-

новлена. Она нужна людям, как нить, связующая поколения, как очищение от скверны, как свидетельство того, что память о “Молодой гвардии” будет жить. Должна жить.

- 1 Российский государственный архив литературы и искусства (далее: РГАЛИ). Ф. 1628. Оп. 2. Д. 89. Л. 2.
- 2 Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ) Ф. М-1. Оп. 53. Д. 326. Л. 1–3.
- 3 Там же. Д. 354. Л. 65; Ф. М-100. Оп. 1. Д. 36. Л. 68.
- 4 Там же. Ф. М-100. Оп. 1. Д. 36. Л. 130.
- 5 Там же. Л. 128.
- 6 Там же. Ф. М-1. Оп. 1. Д. 368. Л. 106–107.
- 7 Там же. Д. 368(г). Л. 27.
- 8 Там же. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1376. Л. 58–76.
- 9 Там же. Ф. М-1. Д. 368(г). Л. 28.
- 10 Там же. Ф. М-100. Оп. 1. Д. 38. Л. 223–324.
- 11 Там же. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 337. Л. 340–371.
- 12 Государственный архив Луганской области (далее: ГАЛО) Ф. 1790. Оп. 1. Д. 26. Л. 48–55.
- 13 Там же. Д. 72. Л. 3.
- 14 Там же. Л. 2.
- 15 Там же. Л. 4.
- 16 Там же. Д. 75. Л. 141.
- 17 Там же. Л. 149.
- 18 Там же. Л. 160.
- 19 Там же. Л. 164, 165.
- 20 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Л. 6, 7.
- 21 Там же. Л. 13.
- 22 Там же. Л. 11, 13.
- 23 Там же. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 342. Л. 39–40.
- 24 Там же. Д. 338. Л. 2–3.
- 25 Там же. Д. 350. Л. 93.
- 26 Там же. Л. 92.
- 27 Там же. Ф. М-100. Оп. 1. Д. 36. Л. 72.
- 28 Там же. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 343. Л. 35.
- 29 См.: Бессмертие юных. Донецк, 1988. С. 292–329.
- 30 РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 1. Д. 326. Л. 48–53.
- 31 Там же. Ф. М-100. Оп. 1. Д. 34. Л. 20.
- 32 Там же. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 326. Л. 77.
- 33 Там же. Ф. М-100. Оп. 1. Д. 36 Л. 68.
- 34 Там же. Л. 68–68 об.
- 35 Там же. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 368 (б). Л. 3, 4.
- 36 Там же. Д. 342. Л. 153.
- 37 Там же. Ф. М-100. Оп. 1. Д. 40. Л. 11.
- 38 “Молодогвардеец”, орган Луганского ОК ЛКСМУ. 1990. 11 ноября.
- 39 Там же.
- 40 Там же. 1990. 18 сентября.
- 41 РГАСПИ. Ф. М-100. Оп. 1. Д. 34. Л. 54, 55.
- 42 Там же. Л. 1.
- 43 Там же. Л. 13, 75.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Г.А. Куманев. У меня вопрос. Если Вы считаете, что Почепцов не был предателем, то какие для этого есть серьезные основания? Почему его немцы не арестовали? Как Вы относитесь к его заявлению? Он написал его задним числом, 20 декабря 1942 г. Жукову, начальнику шахты, о том, что ему известна эта подпольная организация.

Второй вопрос. Когда появился Туркенич? В августе или позднее? Его в Краснодаре называли командиром.

Н.К. Петрова. И. Туркенич с июля по август 1942 г. был в 614 АП ГАП 52 армии в качестве помощника начальника штаба полка. В городе он появился в конце августа – начале сентября, и некоторое время изучал обстановку.

Василий Левашов и Сергей Левашов (его двоюродный брат) 23 августа 1942 г. были отправлены вместе с группой из восьми человек в район г. Красный Лиман (Донецкая область). Но по ошибке пилота всю группу сбросили на территорию Харьковской области. На связь с “Центром” группа не вышла (согласно сводкам в Центральном штабе партизанского движения). Но В. Левашов в своей книге “Найди себя в строю флотском” (г. Пушкино, 1996. С. 21–22) писал о том, что радисты группы связались с Москвой. Командир группы попал в плен, оставшиеся в живых решили отходить, продуктов и оружия не было. Пробираясь домой, был задержан полицией в районе г. Славянска, но затем отпущен.

В. Левашов пришел в г. Краснодар 5 сентября 1942 г. Его брат Сергей на три дня раньше. В городе уже работали подпольные группы, и Левашовы через знакомых ребят связались с ними.

В ряде документов В. Левашов доказывал, что “Молодая гвардия” как организация была создана в августе, но он о ней узнал только в середине сентября. К созданию прямого участия не имел, так как его в августе не было в городе.

Оставшийся в живых член “Молодой гвардии” Г. Арутюнянц весной 1944 г. был вызван в Москву. Во время беседы (к сожалению, не известно с кем, но копия ее записи хранится в РГАСПИ) Арутюнянц сказал, что О. Кошевой вместе с Туркеничем пришли в организацию перед 7 ноября. По другим данным – в конце октября 1942 г.

Г.А. Куманев. За несколько месяцев до этого Кошевой вступил в комсомол.

Н.К. Петрова. В комсомол он вступил в марте 1942 г. А Третьякевич был в комсомоле с 1939 г., в 1940 г. его избрали секретарем организации школы № 4, в которой он учился.

А теперь по поводу Почепцова. Вы неправы. Почепцова арестовывали 5 января 1943 г., держали несколько дней, затем выпустили и не только Почепцова. Ряд людей были в полиции, а потом их выпускали, и мы не можем считать, что они предатели.

Насчет этого списка, которого никто не видел. Арестованный бывший следователь Кулешов сказал, что Почепцов написал своей рукой об организации и отдал этот список начальнику шахты Жукову. Но в ходе следствия Жуков это не подтвердил. К сожалению, это выяснилось уже тогда, когда Г. Почепцов был расстрелян, как предатель.

Почепцов не знал всей организации. Он знал только свою “пятерку”, и мог назвать тех, кто был активным в школе, так как он жил и учился в Краснодаре. О том, что он член подпольной организации знало 2–3 человека.

Почепцов по складу характера, по той аттестации, которая на него имеется, был духовно очень близок к Третьякевичу. Это были два интеллигента в поселке. Что касается Громова, отчима Почепцова, он был коммунистом до войны, ничем себя не дискредитировал. Под его началом на шахте работали Соловьев Г.П., Талуев Н.Г. – лейтенанты, попавшие в окружение, оказавшиеся в Краснодаре. Один из них из Ленинграда, второй – с Урала. Оба были арестованы в начале января 1943 г., когда начались аресты. Их казнили как коммунистов. Что же касается Почепцова, то нет ни одного документа из полиции – нет ни одного допроса, ни одного протокола – нет ничего о том, как это было. Почему? Во-первых, в ходе допросов на практике, которая существовала, писали краткие реляции. То, что сочиняли в полиции, было сожжено в феврале 1943 г. недалеко от города Ровеньки в чистом поле, потому что боялись, что эти бумаги попадут в руки Красной Армии, а не в АБ-вер, резиденция которого находилась в Донецке.

Л.Н. Нежинский. Спасибо, Нина Константиновна, за Ваше интересное и, в некотором роде, драматическое сообщение. Мы пожелаем и тому подразделению, где вы работаете, и вам лично продолжить работу по исследованию этой очень непростой истории нашего народа, очень серьезного события в местной истории народа нашей страны в годы Великой Отечественной войны.

Мы делаем вывод, что нам нужно будет подумать и также обратить внимание на те явления, которые имеют место в новейшей истории и России, и в новейшей истории советского периода, которая нуждается в дальнейших уточнениях, в исследованиях, добавлениях и т.д.

Это сообщение было очень интересным по своей фактуре. Оно выходит за рамки только фактологического оповещения.

Это и доклад, который заставляет нас подумать шире о научно-методологических проблемах нашей истории, исследования нашей истории XX столетия, особенно периода истории советского общества.

Ю.А. Поляков. Сегодняшний доклад носил особый эмоциональный характер.

Можно сделать вывод: как сложна наша история, как много эпизодов. Подполье изучать очень трудно, поскольку в документах здесь есть своя специфика. Насколько сложна наша история, насколько трагичны все стороны: не только то, что было при немцах, но и то, как все это было запутано потом, как это все перекручивалось.

Это все надо изучать, добиваться правдивой, объективной истории, правдивого и объективного изложения.

Значение доклада Н.К. Петровой в том, что он направлен против дегероизации, которая в нашем обществе существует и которая распространяется в средствах массовой информации. И про Космодемьянскую десятки лет пишут и говорят.

Но конечно, много было во время войны сделано неточностей, а надо понимать суть.

Не раз писали о 28 панфиловцах. Даже в гимне Москвы сказано: “Двадцать восемь самых, самых храбрых сынов”. Но они не сыны Москвы. Панфиловская дивизия, как известно, формировалась в Казахстане. Пять человек остались живы, и у них судьбы складывались по-разному. Суть очерка Лидова заключалась в том, что 28, все до одного погибли, защищая Москву, и не отступили.

Для нас это главное. Про Зою пишут, что она и конюшню подожгла, и “живую” избу, с людьми подожгла. Конечно, масштаб содеянного имеет значение. Лучше, если бы она подожгла штаб, а не конюшню. Но мы должны воспитывать молодежь на этом. И я думаю, что наш президент это имеет в виду, не раз обращаясь к истории и к учебникам. Главное не то, что она подожгла, а главное – ее окрыленность, ее преданность, главное в ее настоящем, подлинном патриотизме.

И если говорить о 28-ми, то важно не то, кто остался жив, раненый или не раненый, а то, что тогда Щербаков правильно сказал. Когда кто-то засомневался, он сказал: “ну если не это, то рядом происходят десятки таких эпизодов”.

Это главное, и в этом задача нашего института и Центра по истории войны. И мы забывать об этом не должны.

Г.А. Куманев. Товарищи, я тоже думаю, что доклад Н.К. Петровой был очень интересным, содержательным.

Она в свое время взялась за создание сборника «“Молодая гвардия” (г. Краснодар) – художественный образ и историческая реальность», который явился основой данного доклада. За подготовку сборника и доклад мы должны быть ей благодарны.

По некоторым вопросам у меня есть расхождения с докладчиком. В марте 1966 г. вместе с бывшим сотрудником нашего Института В.Д. Шмитковым, который потом стал работать в ЦК комсомола, заведовал Центральным архивом ВЛКСМ, я был командирован в Краснодар. По какому вопросу? Стали поступать письма, а особенно интенсивно в начале 1966 г. от родственников молодогвардейцев – письма о том, как не совсем правильно или достойно вела себя Елена Кошева. Нина Константиновна в докладе сказала, что Виктор Третьякевич был посмертно награжден Орденом Отечественной войны I степени, но он представлялся по первичным документам к званию Героя Советского Союза, и Кошева приложила нечеловеческие усилия, чтобы этого не было, поскольку считала, что этим самым будет возведен поклеп на ее Олега.

В одном из писем родственников молодогвардейцев, которое написала мать Сергея Тюленина (она, кстати, была мать-героиня – у нее было 12 детей), речь шла о том, что Александр Фадеев квартировал у Елены Николаевны, которая была, по рассказам, симпатичная, а потом поползли слухи о каких-то амурных отношениях ее с Фадеевым.

Во время этой командировки (она была в течение недели) удалось ознакомиться с документами в Ворошиловградском архиве. Я работал в областном Архиве КГБ, беседовал с председателем Комитета госбезопасности Ворошиловградской области, который в годы войны был председателем Краснодарского райисполкома, беседовал с сотрудниками КГБ.

Какая картина выявилась? Первое. Конечно, дел у “Молодой гвардии” было не так уж много, как им приписал Фадеев. Это первое.

Второе. У докладчика проскользнуло это мнение не без оснований: дети играли в войну. У них было много наивного даже в этих патриотических делах. Скажем, захватили они машину с немецкими рождественскими подарками. И что сделали? Собрались в Клубе им. Горького, где у них были репетиции, и стали делить эти подарки между собой. Они ели конфеты (изголодались по конфетам), а обертки бросали на пол... Случайно пришел немецкий солдат, поднял обертку, что-то прокричал и убежал. И это тоже был повод для их ареста.

По всем документам проходит, что все-таки В. Третьякевич не был комиссаром. Он был командиром “Молодой гвардии” (это мое мнение) на первом этапе ее деятельности, потому что Иван Туркенич появился гораздо позже – через месяц-другой после создания этой организации. Третьякевич был очень авторитетным. Я уже с места сказал, что он был секретарем комсомольской организации средней школы буквально накануне войны.

А когда стали арестовывать членов организации “Молодой гвардии”, то нескольким молодогвардейцам удалось спастись, в том числе и Ивану Туркеничу. Он перешел линию фронта и бдительные органы СМЕРШ (“Смерть шпионам”) его тут же арестовали. Он потом под их диктовку написал на большом белом картоне остро отточенным карандашом отчет. И там много, видимо, под диктовку наплел лишнего, в том числе о своих заслугах, и прочее. Этот документ лежал в музее “Молодой гвардии” в Краснодоне. Но, повторяю, там много есть сомнительного.

Наконец, в музее я держал в руках бланки комсомольских билетов, без всяких подчисток. И там было так написано: «Командир партизанского отряда “Молот” Славин», т.е. Третьякевич. “Комиссар отряда – Кашук” (Кошевой). Но все они, те молодогвардейцы, с которыми я встречался (уцелевшие), говорили: что “он у нас был очень хороший сборщик членских взносов”. Вот такая была его роль. Он еще мальчишка был совсем, только недавно в комсомол вступил. И как он попался? Он взял с собой бланки комсомольских билетов, пистолет и зашил их себе в подкладку пальто. Дорожный патруль остановил его, обыскали, и обнаружили у него и пистолет, и прочее.

Очень наивно попался Ваня Земнухов. Сидел дома. К нему прибежали, говорят: “Ваня, уже арестовали целый ряд наших товарищей. Беги!” – «А меня мама заперла. Она на базар ушла, сказала: “никуда не уходи, Ваня. Все будет в порядке!”» Мама пришла, открыла, и он куда пошел? Тут же пошел в комендатуру. “Я руководитель кружка художественной самодеятельности. На каком основании членов моего кружка арестовали?” немцы: “О-о! Мы думали, ты уже за сотню километров удрал, а ты сам пришел”.

И еще раз о Почепцове. Почепцова немцы не арестовывали. А потом его арестовали и посадили в камеру в качестве подсадной утки. Потом его выпустили. Я не знаю, откуда взялся этот благородный образ молодого интеллигента, но по всем документам, по всем свидетельствам он проходит как предатель.

Я держал в руках допросы Лядской, Выриковой, очные ставки с Мошковым Почепцова. И по ним тоже многое было видно. И когда наши освободили Краснодон, его случайно увидел Чернышев, который сидел с ним в камере. И он его схватил и говорит: “Товарищи, вот это предатель”. Он никуда не пришел, он был переодет в красноармейскую форму, и немцы его оставили как будущего осведомителя.

Я согласен с тем, что много запутанного, много недосказанного, много противоречивого об этой организации.

Н.К. Петрова. То, что сказал Георгий Александрович, не совпадает с теми документами, которые я читала и которые лежат в архиве РГАСПИ на Калужской. Я уже говорила, что бланки временных комсомольских билетов в свое время, в 1989 г., по требованию В. Борц прошли экспертизу в соответствующих инстанциях. Были выявлены подчистки на слове “Славин”.

Что касается ареста И. Земнухова, то со слов его родителей (к ним присоединились и воспоминания сестры И. Земнухова) все было не так, как озвучил Г.А. Куманев. 1 января 1942 г. Е. Мошков и И. Земнухов шли по дороге. К ним на санях подъехали полицаи и спросили: “Кто из вас Мошков?” После этого Мошков, а он был директором клуба, отдал папку с бумагами И. Земнухову, и его увезли. А Иван пришел домой, спрятал во дворе бумаги, поговорил с отцом, был очень печален, потом оделся и вышел. Его арестовали на улице. Родные только вечером узнали об этом.

И еще раз о Почепцове. Да, Чернышев сидел с ним в одной камере. Но Почепцова обвинил в предательстве не Чернышев, а как я говорила выше, Кулешов. Г. Почепцов не скрывался, в красноармейскую форму не переодевался. Его вызывали, как и других, для дачи показаний несколько раз. Ордер на арест был выписан в апреле 1943 г., а город освободили 14 февраля.

Что касается его согласия быть осведомителем, то нет никаких бумаг. Да и кого и о чем осведомлять было, когда Красная Армия стремительно освобождала Донбасс?

О том, что сотрудничать с полицией стала одна из девушек, названных Г.А. Куманевым, то это есть в документах архива. Называть фамилию не буду. В свое время она была арестована, отсидела. В 90-х годах реабилитирована.

И последнее. Хочу напомнить, что до 1991 г. было указание партии: “Молодая гвардия” в том облике, в котором мы ее приняли по роману и к которому прикипела душа всего населения СССР и всего мира (а роман тиражировался широко и многократно), и должна остаться. Менять в ее истории ничего было нельзя, несмо-

тря на то что факты подтверждали обратное. Работали три комиссии: от ИМЭЛ, от ЦК партии и совместно с ЦК Украины. Члены комиссий консультировались в КГБ Украины, писались докладные записки и с пометой “секретно” ложились в сейфы.

Соответствующие органы, следящие за порядком, – госбезопасность – на уровне Луганской (в прошлом Ворошиловградской) области держали все под контролем.

Сейчас все, что касается истории “Молодой гвардии”, из области перевезено в Киев, и попробуйте теперь это получить!

Л.Н. Нежинский. Все ясно. Нина Константиновна, вы будете иметь полную возможность подробнейшим образом обсуждать и исследовать этот круг проблем. Мы желаем Вам всяческих успехов в этом направлении.

А.Ю. Попов

БОРЬБА ОРГАНОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ СССР С ГИТЛЕРОВСКИМИ СПЕЦСЛУЖБАМИ НА ОККУПИРОВАННОЙ СОВЕТСКОЙ ТЕРРИТОРИИ. 1941–1944 годы*

В годы Великой Отечественной войны против СССР действовала не только хорошо вооруженная и имевшая боевой опыт армия агрессора, но и его опытные спецслужбы, осуществлявшие подрывную деятельность против советского государства. Наиболее активными из них являлись служба военной разведки и контрразведки (Абвер) и подразделения Главного управления имперской безопасности (РСХА)¹. В годы войны против СССР действовало свыше 130 разведывательных, контрразведывательных команд и групп Абвера и СД. Более 60 школ вели подготовку шпионов, диверсантов и террористов.

Гитлеровские спецслужбы активно действовали и на оккупированной советской территории. Одними из главных их задач были сбор разведывательных данных и борьба с партизанским движением.

Учитывая вышеизложенное, можно с достаточной уверенностью сказать, что противодействие гитлеровским спецслужбам на оккупированной территории, иными словами контрразведывательное обеспечение партизанских формирований, являлось одним из важнейших факторов, содействовавших успеху боевой деятельности советских партизан и их живучести в годы Великой Отечественной войны.

Следует отметить, что данный вопрос практически не освещен в отечественной историографии. Специальных исследований по данной теме, кроме закрытых трудов, не проводилось². Поэтому эта проблема нуждается в серьезном изучении, так как позволит более глубоко и осмысленно понять суть партизанского движения вообще и конкретно на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны.

---

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 19 мая 2005 г.

Ведение борьбы с гитлеровской агентурой, засылаемой в партизанские отряды, возлагалось на заместителей командиров по разведке или их помощников по контрразведывательной работе. Вместе с тем в боевой практике имелось немало примеров, когда контрразведывательные службы партизанских формирований действовали самостоятельно, т.е., не входя в состав разведывательных органов (в соединениях – особые отделы, в отрядах – оперативные уполномоченные).

Для обеспечения контрразведывательных форм борьбы применялись такие методы, как: агентурное проникновение в спецслужбы противника; оперативное наблюдение за объектами этих спецслужб; захват официальных сотрудников, агентов и документов спецслужб противника; оперативный поиск агентуры противника в партизанских формированиях и окружении их баз; физическое устранение нацистских преступников и предателей родины и т.д.

Решая специальные задачи в партизанских формированиях, советские чекисты особое внимание все же уделяли борьбе с проникновением вражеской агентуры в ряды партизан, поскольку ее информация позволяла противнику целенаправленно готовить и эффективно проводить карательные акции. В годы Великой Отечественной войны эта борьба имела широкий размах. Только на Украине, по данным разведотдела Украинского штаба партизанского движения, партизанской контрразведкой было выявлено 9883 шпиона, изменника и других пособников врага, из них только шпионов гестапо – 1998 человек³.

Обращает на себя внимание то, что в начальный период Великой Отечественной войны борьба с агентурой противника в партизанских формированиях практически не проходила. Это, в частности, отмечал командир оперативной группы ОМСБОН НКВД “Митя” Д.Н. Медведев, возвратившись весной 1942 г. из тыла противника. По этому вопросу Медведев постоянно инструктировал командиров местных партизанских отрядов. В его же отряде контрразведывательной работе придавалось особое значение. Так, например, прежде всего вновь прибывших в отряд экзаменовали, спрашивали, где они бывали, что делали, с какими группами сталкивались, какие дела провели, а учет дел, которые были проведены тем или другим партизанским отрядом и группами, у Медведева велся довольно точный. Также велись учет частей, попавших в окружение, учет командно-политического состава этих частей, так что имелась возможность навести соответствующие справки.

В целях борьбы с возможным проникновением шпионов, провокаторов, террористов, выявления паникеров в партизан-

ских отрядах, органами государственной безопасности СССР при партизанских формированиях начиная с января 1942 г. стали создаваться оперативно-чекистские группы⁴. Следует подчеркнуть, что оперативные группы готовились как при Центральном аппарате НКВД, так и территориальными органами госбезопасности.

Оперативно-чекистские группы, работавшие в партизанских отрядах, по существу выполняли функции Особых отделов в действующей армии. Так, в совместном приказе начальника штаба партизанского движения Брянского фронта и начальника Управления НКВД по Орловской области № 654 от 06.12.42 г. говорится о том, что “оперативно-чекистские группы в партизанских формированиях действуют на правах Особого Отдела НКВД”⁵.

В документах Центрального и территориальных штабов партизанского движения особо подчеркивается, что: “созданные оперативно-чекистские отделения при партизанских отрядах полностью себя оправдали и оказали значительную помощь по ограждению и очищению партизанских отрядов от немецкой агентуры, предателей и изменников Родины”⁶.

Однако не все командиры партизанских формирований понимали значение работы оперативно-чекистских групп. Некоторые руководители партизанских отрядов, получая информацию от чекистов, вместо оперативного использования этой информации в интересах укрепления отрядов, не принимали мер, а зачастую игнорировали сообщения оперативных работников, нанося тем самым ущерб партизанскому движению⁷. Иногда командиры незаконно вмешивались в деятельность оперативно-чекистских групп, пытались подменить руководство этими группами. К наиболее распространенным нарушениям относились освобождение из-под стражи лиц, работающих на немецкую разведку, без согласования с представителями оперативно-чекистских групп, снятие своей властью с должности начальников этих групп и т.д.⁸

Имели место факты, когда отдельные командиры при наличии возможности не оказывали необходимой помощи сотрудникам органов государственной безопасности в проведении оперативных мероприятий, направленных на разрушение коммуникаций врага, отказывали в выделении взрывчатых средств, других средствах боевой техники и свои действия пытались оправдать различными необъяснимыми мотивами⁹.

Руководство штабов партизанского движения и НКВД постоянно разъясняли командирам партизанских отрядов и соединений, что оперативно-чекистские отделы и группы действуют на правах Особого отдела НКВД и непосредственное оперативное руководство их деятельностью осуществляется Управлениями

НКВД и представителями ЦШПД¹⁰. Назначение и снятие оперативных работников должно было производиться только начальниками Управлений НКВД или начальниками оперативно-чекистских отделов, действующих в районе партизанских отрядов¹¹.

Следует отметить, что руководство НКВД хорошо понимало важность контрразведывательной работы в тылу противника. Так, в каждый отряд ОМСБОН НКВД, переброшенный в тыл противника для ведения разведывательно-диверсионной работы, а в последствии и партизанские формирования, образованные из этих групп, направлялся оперативный работник, выполняющий свои специфические функции. Если требовалось, помимо своей непосредственной работы он имел шифр и коды к рации, которые не были известны даже командиру и комиссару отряда¹².

Проводя работу по очистке партизанских отрядов от вражеской агентуры, чекисты выискивали двойников, засланных немцами к партизанам, обставляли собственной агентурой вновь зачисленных в отряд бойцов, проверяли их на специальных заданиях.

Агентурное проникновение в спецслужбы противника проводилось различными путями. Иногда это была легализация заброшенных в тыл врага кадровых работников и агентов. Часто агентура оставлялась с конкретным заданием при отступлении наших войск и неминуемой оккупации данного района.

При проведении поиска вражеских лазутчиков чекисты обращали внимание, в частности, на неполное совпадение легенды внедряемого агента с действительностью; несоответствие сообщаемых им о себе данных с имевшимися документами; сомнительные обстоятельства прибытия агента в район базирования партизан (например, при организации и проведении "побега" из лагеря военнопленных, тюрьмы и т.д.); наличие у внедряемого агента профессиональных качеств, не соответствовавших легенде, и др.

Особую тревогу партизанской контрразведки вызывало обнаружение признаков, свидетельствовавших о возможной утечке информации, касавшейся планов и содержания боевой деятельности партизанского формирования. К ним, в частности, относились: хищение секретных документов; провалы агентуры партизан; частые срывы боевых операций народных мстителей; нанесение фашистской авиацией прицельных ударов по районам базирования партизан; проведение противником эффективных карательных мероприятий; ухудшение отношений между местным населением и партизанами; активизация разведывательной деятельности гитлеровцев в окружении партизанских баз.

Нередко противник забрасывал в партизанские формирования группы агентов. Так, оперативной группой органов госбезо-

пасности “Искра” в конце 1943 г. в Брестском партизанском соединении была выявлена и разоблачена резидентура немецко-фашистской разведки из 13 агентов во главе с резидентом Леонтьевым. Находясь в одном из партизанских отрядов, Леонтьев поддерживал дружеские отношения со многими партизанами. Чтобы зарекомендовать себя патриотом, он принимал активное участие в боевых операциях. Тем не менее, один из партизан обратил внимание оперативной группы на то, что Леонтьев довольно часто встречается с одними и теми же партизанами и почему-то уединяется с ними при разговорах. Наблюдение показало, что Леонтьев регулярно, преимущественно с наступлением сумерек, отлучается из отряда. С помощью другого помощника опергруппе удалось установить, что в одном из сел Леонтьев встречался с человеком, неизвестным жителям. Были получены другие материалы о подозрительном поведении Леонтьева, и его арестовали. Леонтьев довольно быстро признался, что был завербован вражеской разведкой и внедрен к партизанам для совершения террористических актов в отношении командиров, политработников и партийного актива.

В ходе оперативного поиска чекисты при необходимости искусственно создавали условия, либо “благоприятствовавшие” проведению враждебной деятельности (путем “смягчения” режимных ограничений в партизанских отрядах, упрощения доступа к средствам связи и т.п.), либо вводившие в заблуждение агента противника (развертывание ложных партизанских баз, объявление о предстоящем “перебазировании”, маршрутах движения в районы сбора для проведения боевых операций и т.п.) и провоцировавшие ее на поступки, способствовавшие разоблачению¹³.

На Украине, например, в соединении под командованием А.З. Одухи для контрразведывательной работы эффективно использовали бывшего немецкого солдата-сапера Швалленберга, добровольно перешедшего на сторону партизан. Его часто посылали в села в окружении партизан, переодетых в немецкую форму, где антифашист “наводил порядок”. Гитлеровские пособники нашептывали “пану офицеру” через “переводчика” о партизанах и тех, кто им помогал. Таким образом, успешно выявлялась и обезвреживалась вражеская агентура¹⁴.

Обезвреживание агентов спецслужб противника в одних партизанских формированиях нередко способствовало выявлению вражеской агентуры, заброшенной в другие формирования. Так, в соединении под командованием Д.К. Николайчика партизанская контрразведка обезвредила группу шпионов, которые прошли подготовку в Германии в г. Бутзиц. Они дали ценные пока-

зания о методах подготовки фашистами своих агентов, назвали имена и приметы сообщников, заброшенных в другие отряды.

Нередко агенты гитлеровских спецслужб сами приходили с повинной к партизанам. В основном это были люди, не обagrившие рук кровью соотечественников и завербованные путем избивений, обмана и угрозы расстрела¹⁵. Так, 13 декабря 1943 г. к начальнику Особого отдела военно-оперативной группы при Могилевском подпольном райкоме партии добровольно явился вражеский агент И.С. Лобанов. Он подробно рассказал о своем задании и дал согласие помочь разведке партизан. С его помощью было выявлено 25 шпионов.

Выявление агентуры спецслужб противника в окружении партизанских баз оказывало существенную помощь советской контрразведке при освобождении оккупированных районов. Уже в декабре 1941 г., в период контрнаступления Красной Армии руководство органов госбезопасности в специальном приказе рекомендовало чекистам при вступлении на освобожденную от фашистов территорию устанавливать связь с действовавшими там партизанскими отрядами в целях выявления “предателей, изменников и провокаторов, как состоявших на службе у немецких оккупационных властей, так и способствовавших им в проведении антисоветских мероприятий и преследовании партийно-советского актива и честных советских граждан”¹⁶.

В ходе войны контрразведка партизанских сил активно содействовала решению подобных задач. Так, например, особый отдел партизанской бригады под командованием А.Г. Кондратюка (Винницкая область) при соединении с советскими войсками передал “СМЕРШ” и УНКГБ по Винницкой области установочные данные на 47 шпионов гестапо и жандармерии. Кроме того, были сообщены сведения на 12 агентов СД из числа военнопленных, окончивших спецшколу в г. Верновице Винницкой области и заброшенных в форме советских офицеров в наш тыл в целях внедрения в действующую Красную Армию¹⁷.

О том, какое значение имели эти сведения, в первую очередь об агентуре врага, для успешной борьбы с фашистской разведкой, свидетельствует комиссар партизанской бригады “Смерть фашизму” Минского областного соединения И.П. Дедюля: “... на основе данных, полученных от разведки, проникшей в Ново-Борисовскую диверсионно-разведывательную школу Абвера, нам сообщили точные приметы одного из гитлеровских лазутчиков, посланного в наш отряд. И действительно, чуть ли не на следующий день к нам пожаловал под видом советского военнопленного новоиспеченный диверсант. Приметы совпали. Раньше он был полицаем”¹⁸.

Великая Отечественная война дала немало примеров помощи партизанской контрразведки Большой земле в борьбе с агентурой гитлеровцев. Так, например, 10 февраля 1943 г. разведывательный отдел Центрального штаба партизанского движения направил в руководящие органы ленинградских, калининских, смоленских и брянских партизан списки немецких агентов, окончивших в сентябре 1942 г. Минскую школу гестапо и засланных в действующие партизанские отряды для ведения разведывательной работы и разложения партизан.

В интересах предупреждения подрывной деятельности вражеской агентуры чекисты помогали командованию партизанских формирований осуществлять режимные ограничения, проводить разъяснительную работу среди партизан о необходимости проявлять высокую бдительность и строго соблюдать конспирацию.

Опыт партизанской и подпольной борьбы показывает, что именно несоблюдение или нарушение правил конспирации часто являлось причиной неудач, провалов и гибели партизан и подпольщиков. Так, например, одной из причин разгрома партизанских отрядов в Ленинградской области в августе–сентябре 1942 г. было излишнее рекламирование действий партизанских формирований, базировавшихся в этом крае, что давало в руки гитлеровцев материал для целенаправленных акций против народных мстителей.

В целях сковывания подрывной деятельности спецслужб оккупантов сотрудники органов госбезопасности принимали участие в подготовке и проведении дезинформационных мероприятий: доводили до врага сведения о численности партизанских сил, во много раз превышавшей действительную: создавали ложные партизанские базы, имитировали подготовку нападения партизан на те или иные объекты и др. Подобные мероприятия дезорганизовывали работу фашистских спецслужб, направляли их усилия по ложным или бесперспективным объектам, задерживали проведение подготовленных карательных операций, снижали результативность деятельности разведки и контрразведки противника¹⁹.

Организованные с учетом конкретной обстановки дезинформационные мероприятия приводили нередко и к такой ситуации, когда сбитые с толку оккупанты предпринимали карательные акции даже против своей агентуры, предателей, сотрудников своих служб. Так, путем дезинформации немецкого командования были дискредитированы видные руководители предательских казачьих формирований в районе Таганрогского полуострова²⁰.

Большую работу проводили органы контрразведки партизан по захвату сотрудников специальных служб противника, их агентов и пособников. Так, в г. Борисове бургомистром являлся агент партизанской бригады “Дядя Коля”²¹ П.Ф. Парабкович. С его непосредственной помощью был похищен высокопоставленный представитель гитлеровской военной разведки Нивеллингер²². Примером захвата официальных сотрудников, агентов и документов спецслужб противника могут служить действия партизанского отряда им. Ф. Э. Дзержинского (опергруппа “Ходоки” под командованием Е.И. Мирковского) в районе Житомира. Разведка отряда установила наблюдение за гестаповским агентом Нусвальдом, который был знаком со многими офицерами руководящего звена немецкого разведоргана. Переодевшись в полицейскую форму, разведчики П. Гулак, И. Петрук и Н. Семиноженко ночью въехали в город, проникли на квартиру вражеского агента, арестовали его и доставили в партизанский отряд. Вместе с ним в квартире были захвачены важные документы. Показания “языка” и содержание документов позволили партизанам установить сеть гестаповской агентуры в областном центре и предупредить многие ее действия²³.

В конце декабря 1943 г. контрразведывательными органами была проведена в районе Пскова операция по захвату сотрудников отделения 304-й зондеркоманды гитлеровцев, которые вели работу по внедрению своей агентуры в партизанские отряды²⁴.

Немалая работа проводилась чекистами по разложению полицейских и иных изменнических формирований. За весь период работы, например, орловских чекистов в тылу противника, из полицейских формирований перешло к партизанам около четырех тысяч человек. Многие из них хорошо показали себя в боях с оккупантами и были отмечены поощрениями, а некоторые были удостоены правительственных наград. Как показала практика, действенную форму борьбы против предательства, имела гласная публикация имен изменников Родины. Так, в специальной листовке, изданной от имени командования орджоникидзевских партизан в Орловской области в 1942 г. указывалось: “В диком разгуле с фашистскими ордами соперничают их холоуи. Вот имена предателей и изменников, которые заслужили всеобщую ненависть и презрение советских граждан. Это Неделюев, Скотников, Поляков... Оглянитесь мерзавцы, кому вы служите? Кого вы предаете?.. Скоро настанет для вас час расправы”²⁵. Такая публичная огласка предательства имела предупреждающее значение для неустойчивых.

В основу мероприятий по разложению антисоветских воинских формирований чекисты положили фактор идеологического воздействия, рассчитанный на подрыв политико-морального состояния личного состава, парализацию фашистской пропаганды.

В начальный период Великой Отечественной войны отдельные мероприятия по внедрению агентуры в состав антисоветских формирований с целью их разложения не давали положительных результатов ввиду успехов немецко-фашистских войск на фронте, оккупации противником значительной части советской территории и активной антисоветской пропаганды среди личного состава формирований.

Победы Красной армии в 1943 г., мощный размах партизанского движения положительно отразились на деятельности групп по разложению антисоветских формирований.

Их целью было – оторвать рядовых участников от командно-начальствующего состава путем проведения широкой агитации и пропаганды, распространения среди личного состава правдивой информации о положении на фронте, в советском тылу и на временно оккупированной территории.

Основным средством разложения антисоветских воинских формирований являлась специально подготовленная и внедренная в подразделения этих формирований агентура чекистских органов. Она распространяла антифашистские листовки, сводки Совинформбюро, своевременно получала информацию о настроении личного состава, собирала данные об отношении германского командования и его разведывательных органов к тому или иному формированию, офицерскому составу, устанавливала доверительные отношения с отдельными военнослужащими, которых обрабатывали с целью последующей вербовки в качестве агентов органов государственной безопасности.

Воздействие на личный состав подразделений спецслужб оказывалось также и через агентуру из местных жителей, проживавших вблизи объектов противника. С этой целью им давались задания поступать на работу в специальные службы и карательные формирования оккупантов в качестве официанток, уборщиц, машинисток, поваров, парикмахеров, прачек и т.д.

Великая Отечественная война дала много примеров, когда в результате умелой работы агентуры партизан подразделения вражеских спецслужб переходили на их сторону в полном составе. Так, в Гдовском районе Ленинградской области в 1943 г. подпольная организация под руководством А.Д. Антоновой разложила взвод карателей, личный состав которого, уничтожив офи-

церов своего и других подразделений, взорвал девять автомашин и с оружием в руках перешел на сторону партизан.

Следует отметить, что переход противника на сторону партизан вызывал раздражение у начальника Главного управления контрразведки “СМЕРШ” В.С. Абакумова. 20 августа 1943 г. это выразилось в его послании начальнику Центрального штаба партизанского движения П.К. Пономаренко. В частности, он писал: «...борьба с агентурой противника, проникающей в эти штабы и партизанские отряды, возложена на органы контрразведки “СМЕРШ”. Несмотря на это, имеет место ряд случаев, когда разоблаченные и явившиеся с повинной в партизанские отряды шпионы, диверсанты, террористы, участники так называемой “Русской освободительной армии” и других формирований, созданных немцами, доставляются на нашу сторону без ведома органов контрразведки “СМЕРШ”, допрашиваются работниками штабов партизанского движения, которым не свойственно заниматься расследованием по такого рода делам, доставляемые из партизанских отрядов документы и составленные при допросах разоблаченных шпионов протоколы – размножаются и вместе с сообщениями рассылаются в различные адреса, в результате чего некоторые серьезные оперативные мероприятия становятся достоянием большого круга лиц...»²⁶.

П.К. Пономаренко очень резко ответил на это письмо. В частности, он писал: «...мы считаем необходимым и впредь захваченных агентов противника и материалы, какие только представляют интерес для Вашего управления, передавать Вам. Нас поэтому крайне изумляют претензии, изложенные в Вашем письме, с которыми в принципиальном отношении нельзя согласиться.

То, что на органы контрразведки, как Вы говорите, возложена борьба с агентурой противника, проникающей в партизанские отряды, то мы это только приветствуем, хотя слышим об этом впервые...

... Вы, как это видно из письма, считаете, что руководящие органы партизанского движения не могут без ведома органов контрразведки “СМЕРШ” решать вопрос и осуществлять в необходимых случаях доставку из тыла противника захваченных партизанами агентов врага и допрашивать их.

Логически следует, что командиры и комиссары партизанских отрядов и бригад также должны в таком случае быть лишены права допроса разоблаченных и захваченных партизанами агентов противника, эти Ваши претензии вызывают просто удивление, так как они ставят в нелепое положение руководящие органы партизанского движения и противоречат здравому

смыслу... Мы получаем от соответствующих органов немалую информацию, интересующую нас, к примеру, сказать 4-е управление НКГБ СССР ежедневно информирует нас и посылает сведения, материалы, которые представляют большой интерес для партизанского движения. А от Вас, повторяю, мы не получили ни одного материала»²⁷.

Комментируя эту переписку, хочется отметить, что В.С. Абакумов из-за непомерных амбиций пытался подчинить своему ведомству, причем без всяких на то оснований, не только партизанскую контрразведку. Абакумов также постоянно вмешивался в дела 4-го Управления НКВД, пытался (отчасти это ему удалось) взять под свой контроль радиоигру с немецкой разведкой под кодовым названием «Монастырь»²⁸.

Нельзя не отметить деятельность органов государственной безопасности по выявлению негативных явлений, имевшихся в некоторых партизанских формированиях. Следует подчеркнуть, что до настоящего времени не было принято писать об этом.

Нарушение воинской дисциплины, принятие в партизанские отряды подозрительных лиц без проверки, факты злоупотребления своим положением – вот неполный перечень негатива, выявлявшегося оперативными работниками и агентами органов государственной безопасности. Так, агент «Бендеров» 15 июля 1943 г. докладывал в 1-й отдел 3-го Управления НКВД СССР, что «... в отряде имени Ворошилова № 2, находился майор Кочур. Последний явился в отряд после долгих странствий по немецким тылам, где неоднократно арестовывался фашистами, но почему-то отпущался. Трое бойцов отряда заявили, что, находясь в плену в немецком лагере, видели Кочура в качестве полицейского-охранника при этом лагере. Более того, в письме одного убитого полицейского партизаны нашли письмо, где говорилось о наличии шпиона в данном отряде. Командир отряда Гудзенко, зная об этом, тем не менее, назначил майора командиром одного из партизанских отрядов»²⁹.

Далее агент сообщал, что «В районе Брянских лесов действуют несколько украинских отрядов под командованием т. Сабуро³⁰. Появившись в Брянских лесах т. Сабуро называл себя заместителем наркома внутренних дел УССР. В его отрядах имелась рация, связанная с НКВД УССР. По этой рации передавали сведения о проделанной боевой работе и орловские отряды т. Емлютина, у которого рации не было. Пользуясь этим, Сабуро передавал разведсводки и другую оперативную информацию за своей подписью, создавая впечатление о своем руководстве всеми партизанскими формированиями, действующими в этом районе. Когда это выяс-

нилось, между Сабуро и Емлютиным создались нездоровые отношения. Отряды этих командиров перестали поддерживать друг друга и участвовать в совместных операциях”³¹.

Командиры и партизаны некоторых партизанских отрядов позволяли себе преступные излишества и злоупотребления своим положением. Так, издав приказ о запрете самогонарения и борьбе с ним, командование отряда “Смерть немецким оккупантам” Навлинского района Орловской области, за зиму и весну 1942 г. истратили на самогон, по данным расследования, 1500 пудов хлеба. Живя с рядовыми бойцами в одной землянке, за перегородкой, командир и комиссар отряда распивали этот самогон, запрещая пить его своим подчиненным³².

В этой истории кощунственно не то, что командиры пьянствовали и не давали это делать своим подчиненным. Это происходило в то время, когда вся страна, в том числе и на оккупированной территории испытывала недостаток в продовольствии, и прежде всего в хлебе.

Между некоторыми партизанскими командирами порой возникали не просто недопонимание и недоразумения, дело доходило чуть ли не до боевых столкновений. Агентура органов государственной безопасности докладывала в Центр, что летом 1942 г. на Брянщине руководство Хомутовского отряда, выделившегося из партизанского соединения имени Ворошилова № 1 для следования на Украину, напоило самогоном бойцов-пулеметчиков этого отряда, находившихся на посту, после чего вместе с пулеметами и личным составом скрылось. Когда утром выяснилось, что посты оголены, командир Ворошиловского отряда Петровский бросился на бронеавтомобиле в погоню, чтобы силой оружия отобрать свои пулеметы. Междоусобной бойни не произошло, так как хомутовцев догнать не удалось³³.

Порой командиры партизанских отрядов из-за своего самодурства совершали откровенно преступные действия в отношении партизан соседних отрядов. Так, в марте 1943 г. командир одной из партизанских бригад Калининской области Корнаушенко, арестовал бойцов отряда “Неуловимые” (командир – М.С. Прудников), возвращавшихся с задания. Корнаушенко заподозрил в них полицейских. Никакие объяснения со стороны арестованных ни к чему ни привели. Партизан подвергли пыткам, вплоть до того, что засовывали под ногти иголки и держали голыми на морозе³⁴.

Следует в очередной раз подчеркнуть, что негативные действия отдельных бойцов и командиров партизанских формирований не были распространенным явлением. Вышестоящее руководство в лице партийных органов, Центрального штаба парти-

занского движения тщательно проверяли информацию, представленную органами государственной безопасности по таким фактам, и безоговорочно наказывало виновных³⁵.

Порой случались ошибки самих оперативных работников органов госбезопасности, обслуживающих партизанские отряды. Некоторые чекисты зачастую не доводили до конца допросы и следствие по делам немецких агентов, засылаемых противником в партизанские отряды. Задержанные агенты немецких спецслужб расстреливались сразу же после признания о своей причастности к разведке противника, не подвергаясь тщательному предварительному допросу по существу полученных заданий и об известных им других фашистских агентах³⁶. Так, задержанные партизанской бригадой имени “Правды” в Минской области БССР агенты немецкой разведки Лейман и Лебедева, несмотря на то что находились под следствием в опергруппе, были расстреляны по распоряжению особого отдела бригады как раз в тот момент, когда начали давать серьезные показания. После расстрела Лебедевой у нее были обнаружены зашитыми в бюстгальтер адреса явок на нашей территории. Значение этих адресов в связи с расстрелом Лебедевой не было выяснено³⁷.

Аналогичный случай произошел в 3-й Минской бригаде, где по распоряжению заместителя комбрига немецкие агенты Романенко и Веремьев были расстреляны без тщательного допроса. У Романенко после расстрела были тоже обнаружены в заплате на брюках адреса лиц, проживающих на территории СССР в тылу Красной армии³⁸.

Многое здесь, по мнению автора, объясняется специфическими условиями, в которых приходилось работать советским контрразведчикам. Содержать арестованных агентов противника было негде. Тюрем в лесу, естественно, не было. А если отряд находился в рейде или вел бои с карателями, то после установления причастности кого-либо к спецслужбам врага, эти лица сразу же подлежали ликвидации.

Но были и проблемы иного характера, которые не красят отдельно взятых чекистов. Исследователь партизанского движения В.И. Боярский в одной из своих работ приводит следующий пример: «... в августе 1943 года начальник особого отдела бригады имени Чкалова Барановичского партизанского соединения (БССР) лично расстрелял 19-летнюю Елену Станкевич, разведчицу отряда “За Советскую Родину” данной бригады на том основании, что она, якобы, являлась агентом гестапо. На самом деле причиной для расправы был отказ девушки стать его любовницей»³⁹.

В целом же, несмотря на недостатки в контрразведывательном обеспечении партизанских формирований, работа чекистов сыграла, в целом, положительную роль, что было отмечено руководством Центрального штаба партизанского движения.

Подводя итоги, следует отметить, что на фронте, в тылу страны и за линией фронта в тылу немецко-фашистских войск велась ожесточенная война, которая по масштабам и напряженности не имела себе равных в истории. Война явилась беспрецедентным испытанием для специальных органов Советского Союза – разведки и контрразведки. Деятельность органов государственной безопасности как части механизма Советского государства в годы войны была подчинена борьбе за победу над немецко-фашистскими захватчиками.

Гитлеровские спецслужбы активно действовали на оккупированной территории СССР. Абвер и гестапо использовали весь свой мощный потенциал для подавления партизанской борьбы советского народа. Фашистская агентура на протяжении всей войны внедрялась в партизанские формирования. Все это требовало огромной работы органов государственной безопасности по противодействию спецслужбам противника.

В начальный период Великой Отечественной войны борьба с агентурой противника в партизанских формированиях практически не велась. Это приводило к печальным последствиям. Вражеские агенты убивали командиров и комиссаров, вербовали неустойчивых бойцов, в целях уничтожения подводили под немецкие засады партизанские отряды.

Как показала боевая практика, важнейшая роль в ограждении партизан от подрывной деятельности фашистских спецслужб принадлежала агентурному проникновению в разведывательные и карательные органы врага, которое позволяло наиболее успешно, с меньшей затратой сил решать задачи по противодействию спецслужбам противника в зоне действий советских партизанских формирований.

Дезинформация противника позволяла направлять его силы и средства на ложные объекты, компрометировать коллаборационистов перед оккупационной администрацией, в ходе чего наблюдались случаи, когда гитлеровцы казнили разного рода предателей, которые ревностно им служили.

Одним из направлений деятельности советской контрразведки в тылу противника являлось разложение личного состава вооруженных воинских формирований, находящихся на службе у оккупантов. В ходе этой работы на сторону партизан переходили

как в одиночку, так и целыми воинскими подразделениями различного рода коллаборационисты.

В ходе контрразведывательной работы органов госбезопасности в тылу противника появлялись свои проблемы, выявлялись порой серьезные недостатки, но в целом чекисты, действовавшие на оккупированной территории, внесли существенный вклад в дело победы Советского Союза над гитлеровской Германией.

¹ История второй мировой войны 1939–1945. М., 1974. Т. 3. С. 331.

² Некоторые вопросы контрразведки в тылу противника фрагментарно затронуты в работах: *Киселев В.К.* Партизанская разведка. Сентябрь 1943 – июль 1944. Минск, 1980; *Он же.* Борьба партизан с подрывной деятельностью фашистских спецслужб в Белоруссии // Вопросы истории. 1984. № 3. С. 42–56; *Мищенко Г.П., Мигрин Г.П.* Задача особой важности. Киев, 1985; *Андреанов В.Н.* Участие чекистов в партизанской борьбе в годы Великой Отечественной войны. М., 1990; *Зевелев А.И., Курлат Ф.Л., Казицкий А.С.* Ненависть, спрессованная в тол. М., 1991; *Коровин В.В.* Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 1998.

³ *Андреанов В.Н.* Указ. соч. С. 103.

⁴ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 16.

⁵ Управление делами архивов Администрации Брянской области. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 81. Л. 268–269.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² *Колесников Ю.А.* Лабиринты тайной войны. М., 2001. С. 223–236; Запись беседы с ветераном ОМСБОН НКВД СССР академиком РАЕН А.И. Зевелевым от 18.10.2001.

¹³ *Андреанов В.Н.* Указ. соч. С. 106.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Попов А.Ю.* Партизаны и контрразведка в годы Великой Отечественной войны // Отечественная история. 2003. № 3. С. 123–127.

¹⁶ *Мищенко Г.П., Мигрин Г.П.* Указ. соч. С. 108.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Дедюля И.П.* Партизанский фронт. М., 1975. С. 167.

¹⁹ *Андреанов В.Н.* Указ. соч. С. 109.

²⁰ См. подробнее: *Попов А.Ю., Цветков А.И.* Русский диверсант Илья Стариннов. СПб., 2003.

²¹ Командир отряда – капитан государственной безопасности П.Г. Лопатин (примеч. автора).

²² *Золотарь И.Ф.* Под маской бургомистра // Партизанские дни. М., 1971. С. 9–32.

²³ *Мищенко Г.П., Мигрин Г.П.* Указ. соч. С. 121.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 153. Л. 297.

²⁵ Незримого фронта солдаты. Тула, 1971. С. 125.

- 26 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 336. Л. 10–11.
27 Там же. Л. 12–16.
28 *Судоплатов П.А.* Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 190.
29 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 746. Л. 108.
30 Генерал-майор А.Н. Сабуров (примеч. автора).
31 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 746. Л. 110.
32 Там же.
33 Там же. Л. 111.
34 Там же. Д. 748. Л. 1.
35 Там же. Д. 74. Л. 9–12.
36 Там же. Д. 703. Л. 52.
37 Там же.
38 Там же.
39 *Боярский В.И.* Партизаны и армия: История упущенных возможностей. Минск; М., 2001. С. 149.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

А.С. Сенявский. Попадались ли Вам материалы относительно связи наших контрразведчиков с антифашистами – немцами, которые были в немецкой армии, действовавшей в войне? Это первый вопрос.

И второй вопрос. На основании тех документов, которыми Вы располагаете, можно ли установить социальный состав предателей, которые проникали в партизанские отряды и служили немцам?

А.Ю. Попов. По первому вопросу. К сожалению, документы, связанные с действиями партизанских формирований в тылу противника, мне не встречались.

По второму вопросу. Самые различные социальные прослойки были. В это время гитлеровцы особое внимание уделяли представителям интеллигенции, представителям, как ни странно, советского актива, который остался на оккупированной территории. Были и представители крестьян, рабочих. В немецких трофейных документах подчеркивается: “Особое внимание обращайтесь на интеллигенцию”.

Г.Д. Алексеева. Почему это специально подчеркивалось в документах?

А.Ю. Попов. Суждения могут быть различные.

Немцы к нашему населению, к крестьянам, рабочим в ряде случаев относились пренебрежительно, понимая, что они как бы пропитаны идеологией коммунизма. А интеллигенция, по их

мнению, что следует из документов, которые я исследовал, могли быть “пятой колонной” в Советском государстве.

Г.Д. Алексеева. Может быть, эта часть населения была больше осведомлена о тех фактах, которые немцам были нужны как носители информации?

А.Ю. Попов. Вполне возможно.

М.С. Зинич. В трофейных немецких документах дан точный ответ на заданный Вам вопрос и содержатся сведения об ученых, бывших государственных и партийных работниках, перешедших на сторону оккупантов.

В.Д. Есаков. У меня несколько вопросов. Первый: Вы упомянули директиву конца июня 1941 г. Недавно мне удалось узнать о том, что в этот же день и по этому же вопросу было подготовлено закрытое письмо ЦК. Это что, два разных документа или это единый документ?

Во-вторых, можно ли говорить о каких-то самостоятельных формах организации борьбы с оккупантами партийно-советского актива вне зависимости от органов контрразведки?

А.Ю. Попов. Закрытое письмо родилось в рамках НКВД и непосредственное отношение к нему имел П.А. Судоплатов, впоследствии начальник 4-го Управления НКВД-НКГБ. Это постановление было на основе данного документа. В принципе они дублируют друг друга.

По поводу существования и работы партизанских формирований без чекистов. Естественно, все охватить органами госбезопасности было просто физически невозможно, поэтому имелись партизанские формирования, где данную работу проводили не профессиональные чекисты, но эта работа проводилась. Ее проводили те же самые представители интеллигенции: много учителей, которые были заместителями командира отряда по разведке и соответственно выполняли контрразведывательные функции. Они проверяли вновь прибывших в партизанские формирования и т.д.

Исходя из документов, прослеживается определенная ревность между партийными органами и высокопоставленными чиновниками органов госбезопасности в отношении организации партизанского движения. Например, вопрос о создании Центрального штаба партизанского движения. Пономаренко уже все подготовил, подготовил кадры и к концу декабря 1941 г. должен был быть создан Центральный штаб партизанского движения, но Берия доказал Сталину, что Штаб сейчас создавать нецелесообразно, так как подразделения НКВД, которые действуют в тылу противника, будут успешно выполнять по-

ставленные задачи. Здесь сказалась легкая эйфория от победы под Москвой. Тогда думали: ну какие сейчас партизаны? Сейчас попрем немца – и до самого Берлина. Но, к сожалению, история так распорядилась, что понадобилось еще четыре долгих года.

М.С. Зинич. Скажите, пожалуйста, с трофейными немецкими источниками в каком архиве вы знакомились?

А.Ю. Попов. В РГАСПИ имеется очень большой массив документов, особенно в личном фонде П.К. Пономаренко. Но самый основной массив трофейных документов находился в бывшем Особом архиве. Сейчас это коллекция Российского государственного военного архива.

В.Д. Есаков. Скажите, пожалуйста, что такое “коктейль Молотова”?

А.Ю. Попов. Вы наверняка об этом знаете по фильмам об Отечественной войне. Эта смесь, которой наполняли наши солдаты бутылки для взрыва или поджога. “Коктейлем Молотова” может быть любая гремучая смесь.

А.С. Сенявский. Докладчик тесно сотрудничает с нашим Центром. Он уже не один раз проявлял свою научную активность. На нашем совете была утверждена монография, которую он уже выпустил. Он сделал ряд докладов на Ученом совете и в Центре. И выпустил полтора десятка статей. Даже небольшой фрагмент в виде доклада весь основан на источниках, изучавшихся автором в различных архивах.

Докладчику было полезно услышать вопросы, в которых содержались некоторые замечания и предложения, в том числе о расширении архивной базы, а она у него гораздо шире, чем архив ФСБ, но тем не менее, надо обратить внимание еще и на другие фонды и на другие сюжеты.

Практика обсуждения докладов не только наших сотрудников на Ученом совете, но и наших докторантов и аспирантов очень полезна, так как наши ученики разрабатывают целый ряд новых, очень интересных и важных тем.

В.Д. Есаков

СТАЛИНСКИЕ СУДЫ ЧЕСТИ: МАСШТАБ И ПОСЛЕДСТВИЯ*

Вопрос о судах чести однажды ставился на заседании нашего Ученого совета в 2000 г., когда к изданию утверждалась рукопись о “Деле КР”, подготовленная мной совместно с главным научным сотрудником ИИЕТ им. С.И. Вавилова РАН доктором биологических наук Е.С. Левиной¹. На книгу в 2003 г. были опубликованы рецензии в десяти изданиях, в том числе четырех международных², и она была переиздана в издательстве “Наука” в 2005 г.³

Впервые упоминание и первые ссылки на архивные документы об организации судов чести появились на страницах журнала “Известия ЦК КПСС” в 1990 г.⁴ Рассмотрение историками их деятельности началось после публикации нами в журнале “Кентавр” в 1994 г. “Закрытого письма ЦК ВКП(б) по делу профессоров Ключевой и Роскина”⁵. Полагаю, что заслуживает внимания тот факт, что впервые столь важный общепартийный акт, имевший общегосударственное значение и оказавший влияние на судьбы страны, введен в научный оборот историками исследователями. В дальнейшем архивные материалы о судах чести стали составной частью таких привлечших внимание изданий, как “Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953” (М., 2002) и “Сталин и космополитизм” (М., 2005).

К настоящему времени основные итоги изучения этой темы подведены в нашей работе о сталинских “судах чести” и деле “КР”, вышедшей в 2001 и 2005 гг., и книге историка науки, зоолога по образованию Кременцова Н.Л. «В поисках лекарства против рака: Дело “КР”», изданной на средства РГНФ в 2004 г. в Санкт-Петербурге в Издательстве Русской Христианской гуманитарной академии. Это русский перевод его книги, вышедшей первоначально на английском языке в 2002 г. в издательстве Чикагского университета⁶. О судах чести упоминается в работах о послевоенном периоде развития СССР, среди которых следует назвать прежде всего книги сотрудников нашего института Е.Ю. Зубковой, А.В. Фатеева и Ю.Н. Жукова.

---

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 16 марта 2006 г. Работа осуществляется при финансовой поддержке РФФИ, проект № 05-06-80386.

Е.Ю. Зубкова в книге о послевоенном обществе посвятила судам чести специальный параграф, рассматривая их как новую форму “воспитания” интеллигенции⁷. А.В. Фатеев верно связывает с делом “КР” время начала и сам факт политико-идеологической кампании, в которой впервые был использован образ врага, ставя это в зависимость от отношения советского руководства к “плану Маршала”⁸. Но переход к упомянутой кампании был предопределен раньше, вне зависимости от сформулированного позднее отношения к “плану Маршала”. Связывание Ю.Н. Жуковым в исследовании о тайнах Кремля организации «Дела “КР”» с появлением “доктрины Трумэна” и утверждение о попытке А.А. Жданова уклониться от принятия решения по этому делу⁹ противоречат реальному развитию событий. В этой связи следует отметить, что историками холодной войны убедительно показано, что эта политика не только отражала состояние международных отношений, но была использована для внутриполитических акций.

Исторический феномен создания и деятельности “судов чести” неразрывно связан с процессом утверждения идеологического диктата в стране, предпринятым вторжением в систему сложившихся в результате великой Победы воззрений, насаждения единомыслия в оценке происходящих в стране событий и “воспитания” интеллигенции на основе неукоснительного признания правоты проводимого политического курса.

Известные мероприятия против военных весной 1946 г. и постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам августа того же года стали основой “жесткого” курса, проводимого в СССР, который предполагалось распространить и на работников государственного аппарата. К тому же вскоре стало ясно, что постановления по идеологии затронули сравнительно узкий круг творческой интеллигенции, не обеспечили массового внедрения сталинского отношения к пониманию происходящих в стране и мире событий и политически себя не оправдывали. Тогда 28 марта 1947 г. было принято совместное постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) “О создании судов чести в министерствах СССР и центральных ведомствах”¹⁰. Инициатором утверждения и деятельности “судов чести” был А.А. Жданов. Он вместе со Сталиным и подписал данный акт. Эти суды создавались “в целях содействия делу воспитания работников государственных органов в духе советского патриотизма и преданности интересам советского государства и высокого сознания своего государственного и общественного долга, для борьбы с проступками, роняющими честь и достоинство советского работника”. На суды чести

возлагалось рассмотрение антипатриотических, антигосударственных и антиобщественных поступков и действий, совершенных руководящими, оперативными и научными работниками министерств СССР и центральных ведомств.

Суды чести были созданы на один год, проходили в условиях строжайшей секретности и были направлены на внедрение сталинской идеологии в сознание наиболее дееспособной части населения страны – работников партийно-государственного аппарата, руководящего состава промышленности и армии, научной и технической, а не только художественной, интеллигенции, включая преподавателей высшей школы и актив комсомола.

Суды чести были созданы в период складывания идеологии “холодной войны”. Разворачивавшееся противостояние вчерашних союзников по антигитлеровской коалиции являлось не только качественно новым положением системы международных отношений, но и утверждением ряда внутривосточных мероприятий, среди которых значительная роль принадлежала осуществлению антиамериканской пропаганды. В известной работе о холодной войне, вышедшей под редакцией В.С. Лельчука и Е.И. Пивовара, была высказана точка зрения, что эта пропаганда проявилась “после смерти А. Жданова” при активной деятельности Г. Маленкова и Б. Пономарева и нашла наиболее яркое выражение в работах деятелей литературы и искусства¹¹. Однако архивные материалы, и прежде всего личного фонда самого А.А. Жданова, наглядно показывают, что именно под руководством Сталина еще в 1946 г. были заложены основы послевоенного антиамериканизма, которые и утверждались в практической деятельности “судов чести”. Показательна в этом смысле одна из записей в записной книжке Жданова – “Расклевать преувеличенный престиж Америки с Англией”¹².

Кратко существо дела “КР” состоит в следующем. К весне 1946 г. профессор МГУ, заведующий кафедрой гистологии Г.И. Роскин и член-корреспондент АМН СССР Н.Г. Ключева завершили работу над рукописью “Биотерапия злокачественных опухолей”. Ключева 13 марта выступила с докладом на заседании АМН, в котором сообщила об итогах этой работы и рассказала о деятельности по созданию нового, как казалось, эффективного противоракового препарата. Отчет об этом заседании был опубликован в “Правде”, в номере, содержащем и ответ Сталина на фултоновскую речь Черчилля, и широко распространен зарубежным радио. Последовали запросы на этот препарат, находившийся еще в стадии разработки, для онкологических больных, особенно из США. Поскольку запросы шли через посольство, то

посол У. Смит, сменивший А. Гарримана, сам посетил институт, где была лаборатория Н.Г. Ключевой. Смит же предложил вести совместную работу над этим препаратом, о чем в Министерстве здравоохранения был составлен и проект соглашения, о котором правительство не было информировано. Вскоре во главе делегации в Америку с санкции Политбюро поехал ученый секретарь АМН СССР В.В. Парин, с которым были переданы и рукопись книги Ключевой и Роскина для информирования сотрудников Национального ракового института США и возможного издания ее на английском языке, и образцы препарата. В условиях начавшейся борьбы против “тлетворного” влияния Запада этот эпизод был использован для начала массовой идейно-политической кампании. Следствие провел сам Жданов. Его итоги были обсуждены на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 17 февраля 1947 г. На нем основные обвинения были предъявлены министру здравоохранения СССР Г.А. Митереву, было предопределено принятие постановления о “судах чести”, санкционирован арест В.В. Парина и принято решение об издании книги Роскина и Ключевой, которая сразу же была выдвинута на соискание Сталинской премии.

В середине апреля 1947 г. в казалось бы уже сформированной ждановской позиции в отношении сущности новой идеологической кампании и уже утвержденных “судов чести” происходит радикальное изменение. Конечно, приструнить слишком самовольничавших министров, их замов и прочих номенклатурщиков полезно. Но что это может дать? Эти местные и отраслевые “вожди”, дорвавшиеся до власти, государственных средств, немалых льгот и так трепещут перед назначившей и постоянно курирующей их Инстанцией. Теперь же им грозит не просто снятие, а публичное разбирательство и поношение. Большинство из них сразу понимают новые перспективы и становятся еще более осторожными в своих действиях. Чтобы не допустить проступков, начальство резко переориентируется на выполнение директив, избегая самостоятельных поступков, которые могут быть иначе поняты и оценены.

Другое дело творческие работники – ученые, специалисты, деятели культуры и искусства со сложившимся мировоззрением, самостоятельными взглядами, с пониманием собственного места в избранной сфере творчества и вклада не только в развитие отечественной, но и мировой науки и культуры, наследники выдающихся школ или создатели новых направлений научного и художественного творчества. Вот кто должен стать объектом воздействия в новых условиях. Вот кто должен отныне твердо уяснить, что любое их достижение, открытие или творческий успех – это

не только и не столько результат их индивидуальных усилий, сколько свершение советской власти и социалистического строя, заслуга государства и его вождя товарища Сталина.

Поворот от государственного чиновничества к творческой интеллигенции – важнейшее изменение, привнесенное Сталиным и Ждановым в намеченную практику “судов чести” уже после решений Политбюро и принятия постановления об их организации.

Определяется и критерий для проработки и позора – контакт с иностранцами и прежде всего с американцами. Любой советский гражданин, вошедший в контакт с американцами, вне зависимости от условий, в которых этот контакт осуществлялся, – антипатриот, заслуживающий осуждения и позора. Именно это обстоятельство определило выбор персон для первого показательного “суда чести” в Министерстве здравоохранения СССР: не бывший министр Митерев, а ученые – профессора Клюева и Роскин.

А.А. Ждановым были сформулированы обвинения, в которых Клюева и Роскин обвинялись в антигосударственной и антипатриотической деятельности, а Сталин назвал их “сомнительными” гражданами. В.В. Парии был объявлен американским шпионом и осужден.

Дни работы “суда чести” при Министерстве здравоохранения СССР – 5–7 июня 1947 г. – следует считать началом информирования партийной государственной номенклатуры, членов партии, руководящих работников министерств и ведомств, советских ученых и деятелей культуры о новом направлении идеологической работы, которая несколько позднее получит название “борьбы с космополитизмом”. Главным инструментом внедрения в сознание, прежде всего советской интеллигенции и руководящих работников партийно-государственного аппарата, сталинского понимания патриотизма и борьбы против влияния буржуазной культуры Запада стали “суды чести”.

Особенность этих судов состояла в том, что при их проведении не было адвокатов, и речи общественных обвинителей произносились после последних слов обвиняемых. Обвиняемые могли только признать себя виновными, альтернативы у них не было. Общественным обвинителем на процессе Клюевой и Роскина был академик АМН СССР, начальник кафедры хирургии Военно-медицинской академии П.А. Куприянов. Проект его речи был подготовлен министром здравоохранения Е.И. Смирновым, начальником Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александровым, генеральным прокурором СССР К.П. Горшениным и отредактирован А.А. Ждановым. Материалы заседа-

ний судов чести будут храниться под строжайшим секретом, ни одной строчки не появится в печати об их организации и деятельности. Политическое руководство и пропагандистский аппарат найдут иные пути для внедрения избранного курса.

К этому времени Жданов уже подготовит новую директиву об отношении к иностранцам, в которой партийные организации обязывались “покончить с беспечностью и ротозейством, а тем более с низкопоклонством в отношении приезжающих иностранцев” и обеспечить соблюдение государственной тайны. “Работники местных органов, – говорилось в нем, – должны отказываться иностранцам в посещении любого города, предприятия, колхоза, культучреждения или иного объекта, если это посещение угрожает нарушением государственной тайны или нежелательно по иным соображениям. В этих случаях наши работники должны отвечать отказом, не вдаваясь в какие-либо объяснения”. Директива обязывала “обеспечить через соответствующие организации слежку за пребыванием иностранцев в республике, крае, области, городе с тем, чтобы знать о каждом их шаге и предупреждать возможность их встречи с людьми болтливыми, не умеющими хранить государственную тайну, склонными к раболепию перед иностранцами и другими нежелательными для нас элементами”¹³.

25 июня 1947 г. будет принято постановление о въезде и выезде, в котором среди установленных мер будет утверждено правило, что каждый выезжающий советский гражданин будет обязан поставить личную роспись под официально разработанные письменные обязательства. Установленная этим постановлением практика оформления международных поездок на десятилетия станет обязательной для всех советских граждан, выезжающих за рубеж.

Внедрение нового идейно-политического курса будет осуществляться решениями о присуждении Сталинских премий, постановление о премиях 1947 г. будет опубликовано 7 июня, в день принятия решения судом чести Министерства здравоохранения СССР. 8 июня Сталин подпишет, а 10-го будет опубликовано постановление “Об установлении перечня сведений, составляющих государственную тайну”, а также Указ Президиума Верховного Совета СССР об ответственности за разглашение государственной тайны. 10 июня Политбюро ЦК ВКП(б) утвердит отредактированный Ждановым список иностранных ученых для избрания в состав Академии наук СССР, исключив из него предложенные Президиумом АН СССР кандидатуры американских, английских и мексиканского ученого. Почти 20 последующих лет иностранными членами-корреспондентами АН СССР будут избираться

только ученые стран народной демократии. С 16 по 25 июня будет проведена знаменитая философская дискуссия с обсуждением книги Г.Ф. Александрова “История западноевропейской философии”, срок проведения которой был напрямую связан со временем проведения суда чести Минздрава СССР¹⁴.

В июле 1947 г. жертвами политики стали книги. 16 июля Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило решение Секретариата ЦК о прекращении издания на иностранных языках важнейших журналов Академии наук СССР – “Докладов Академии наук СССР”, “Физико-химического журнала” и “Журнала по физике”, считая, что издание советских научных журналов на иностранных языках наносит серьезный ущерб советскому государству и представляет органам иностранной разведки в готовом виде достижения советских ученых. К осени были полностью прекращены публикации резюме, названий журналов и оглавлений в них на иностранных языках. Для покупки и продажи букинистической книги на иностранных языках было разрешено иметь только по одному магазину “Академкнига” в Москве и Ленинграде.

Для пропаганды нового идеологического курса, направленного на утверждение советского патриотизма и перевоспитание интеллигенции, был создан мощный агитационно-пропагандистский центр – Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний.

Нам не удалось обнаружить свидетельств, как реагировали “сомнительные граждане” на решение суда, чем они занимались в первые дни после его завершения, но несомненно, что они глубоко переживали публично нанесенную обиду, непонимание коллег и т.п. Психологическая травма усугублялась и резким снижением внимания к ним со стороны тех, кто был ответственен за выполнение постановления правительства о помощи в их работе. Понимая, что лишь поддержка “вдохновителя всех наших побед” может хоть как-то преодолеть их обострившуюся обособленность, Н.Г. Клюева и Г.И. Роскин направляют 30 июня 1947 г. письмо Сталину:

“Мы давно собирались написать Вам, но отложили посылку письма, так как нас ожидал Суд чести. Дни Суда заставили нас о многом передумать, многое пересмотреть, переоценить, многое крайне тяжело пережить. Бесконечное число раз перед нами вставали Ваши слова о патриотизме, о долге советского ученого перед Родиной. Мы поняли ошибочность наших позиций и осудили наши проступки”.

Адресат, несомненно, удовлетворен лично ему направленным признанием, в котором еще недавно строптивные профессора осу-

ждают свои проступки и признают правильной политику, направленную на развитие патриотизма советских ученых. Вместе с тем Ключева и Роскин не могут не высказать упрек прошедшему суду, усомнившемуся в их честности.

«Все же мы не можем скрыть от Вас, – писали они, – что нам очень тяжело, что судебное следствие в одной своей части пошло, как нам кажется, по неправильному пути, обвиняя нас в получении “подарков”, отыскивая элементы корысти или лжи. Так могут судить лишь люди, которые не знают нашей жизни в целом – бескорыстной и честной».

Несмотря на громогласно провозглашенные на суде чести уверения, что ученым созданы все условия для решения стоящих перед ними задач, они вынуждены в письме Сталину отметить, что “производство препарата и вся основная экспериментальная часть лаборатории по-прежнему находится в старом, малопригодном помещении, где очень трудно наладить минимальное производство, где от тесноты происходит массовая гибель подопытных животных, где от отвратительных условий погибают многие серии опытов – все это при молчаливом равнодушии дирекции института к судьбе нашей работы”.

“Таким образом, – продолжают авторы, – мы не в состоянии расширить и углубить достигнутые нами лабораторные результаты и, соответственно Вашему указанию, приступить к более широкому клиническому внедрению препарата (...)

В целом надо сказать, задержка в выполнении Правительственного Постановления очень задержала развитие наших работ”¹⁵.

В опубликованной нами книге дана специальная глава о судьбе противоракового препарата КР (“круцина”). В этом смысле изданная работа явилась и историко-политическим исследованием, и научным трудом по истории медицины.

Все упоминания о судах чести в современной исторической литературе основываются только на деле Ключевой и Роскина. Есть беглое упоминание о создании 80 судов, а число проведенных ими процессов остается неизвестным.

Как свидетельствуют записные книжки Жданова, только в мае 1947 г. намечалось провести “суды чести” в 8–10 министерствах. Но к осени были проведены только, как уже упоминалось, три процесса в двух министерствах – дела Ключевой и Роскина, а также бывшего министра Митерева в Минздраве СССР, и суд над генетиком А.Р. Жебраком в Министерстве высшего образования СССР. Более того, за три месяца, прошедших после принятия постановления СМ СССР и ЦК ВКП(б) о создании судов чести, они были организованы только в 27 министерствах и центральных

ведомствах¹⁶. Руководства министерств не торопились с введением у себя этих не очень понятных и пугающих органов. Никто из политических лидеров был не в состоянии, подобно Жданову, взять на себя обузу подготовки аналогичного суда в другом ведомстве. Необходимость партийной директивы, способной развить идеи “патриотического воспитания”, становилась очевидной. Тогда Сталин, получивший письмо от Ключевой и Роскина с признанием влияния суда чести на пересмотр их позиций и ошибочности совершенных поступков, поручает М.А. Суслову, которому уже доверено наблюдение за “судами чести”, срочно представить соображения об их дальнейшем развитии.

1 июля 1947 г. Сулов, выполняя это поручение, предложил сосредоточить внимание не на организации новых судов, а на всемерной пропаганде уже состоявшегося процесса, и направил Сталину на его рассмотрение “проект письма ЦК ВКП(б) о политических итогах дела Ключевой и Роскина”.

В предложенном проекте письма ЦК говорилось:

“Центральный Комитет ВКП(б) за последнее время вскрыл много фактов, свидетельствующих о наличии среди некоторой части советской интеллигенции недостойного для наших людей низкопоклонства и раболепия перед иностранщиной и современной реакционной культурой буржуазного Запада. Одним из наиболее позорных фактов подобного рода, вскрытых ЦК ВКП(б), является дело профессоров Ключевой и Роскина, рассмотренное в июне текущего года Судом чести при Министерстве здравоохранения СССР.

Ввиду большого политического значения и поучительности дела Ключевой и Роскина, Центральный Комитет ВКП(б) уделил этому делу самое пристальное внимание, непосредственно следил за ходом его с самого начала и до конца и считает необходимым довести о нем до сведения партийных организаций”¹⁷. Этот проект был отредактирован А.А. Ждановым и А.А. Кузнецовым и 16 июля утвержден как “Закрытое письмо ЦК ВКП(б) о деле профессоров Ключевой и Роскина”.

Вопрос о ходе обсуждения “закрытого письма” во всех партийных организациях страны и его итогах стоял на повестке дня высшего политического руководства страны в течение всей второй половины 1947 г. и начала 1948 г. Он неоднократно обсуждался на заседаниях Секретариата ЦК, трижды выносился на рассмотрение Оргбюро ЦК – 27 августа, 15 октября и 26 декабря. Выступая 15 октября 1947 г. на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) при рассмотрении вопроса о мерах, принятых в министерствах авиационной и электропромышленности по закрытому письму

ЦК ВКП(б) о деле Ключевой и Роскина, секретарь ЦК А.А. Кузнецов говорил: “У нас прошла кампания выборов Судов чести, затем обсуждение закрытого письма ЦК, а дальше идет большой перерыв. Мне кажется, что в реализации закрытого письма ЦК мы встречаем сопротивление. Хочется признавать это или не хочется, но это факт: мы встречаем сопротивление и со стороны партийных руководителей на местах и со стороны хозяйственных руководителей в проведении целого ряда мероприятий. То, что товарищи не хотят организовывать Суд, означает, что они сопротивляются той новой форме воспитания интеллигенции, которую установил ЦК и которая себя целиком и полностью оправдала”. Кузнецов предлагал проводить заседания судов, чтобы сохранять секретность: “мы обязаны сохранить секретность в наших учреждениях и министерствах, ударить по болтливости, мы обязаны болтливых людей судить в Судах чести, – пусть остальные учатся”¹⁸. Борьба за сохранение секретности и государственной тайны стала вторым основным направлением деятельности “судов чести”.

Вопреки предложению Суслова Секретариат ЦК 7 июля обязал еще 35 министерств и ведомств СССР провести выборы “судов чести”¹⁹. Для активизации их деятельности было сочтено необходимым создать суд чести и в аппарате ЦК ВКП(б). Он был создан постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) 23 сентября 1947 г.²⁰, а следующим пунктом Политбюро приняло решение передать материалы об антигосударственных проступках бывшего зав. отделом печати Управления кадров ЦК ВКП(б) т. Щербакова М.М. и бывшего зам. начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) т. Кузакова К.С. в Суд чести при ЦК ВКП(б). К.С. Кузаков рассказывал мне, что первоначально намечались трое обвиняемых, и третьим был Г.Ф. Александров, но затем Сталин сообразовал избавить и так пострадавшего философа от новой кары.

Выборы “суда чести” аппарата ЦК ВКП(б) состоялись 29 сентября. С докладом выступал А.А. Кузнецов. Хотелось бы отметить два момента из его выступления. Он заявил, что этот суд чести был 82-м утвержденным ЦК партии. Это соответствовало реальному положению. Но эта цифра стала и основной при дальнейшей оценке Управлением делами ЦК ВКП(б) общего количества созданных судов чести. Тщательный просмотр протоколов Секретариата, Оргбюро, Политбюро ЦК и материалов к ним уже позволил выявить не менее 180 постановлений ЦК ВКП(б) о судах чести²¹. Любая акция, связанная с их созданием и деятельностью – определения контингента участников заседаний по вы-

борам судов, проведение выборов и избрание составов судов, утверждение их председателей, оформлялась специальными записками на имя А.А. Жданова, а затем А.А. Кузнецова. Уже можно говорить, что было создано 90 судов чести. После названного суда были приняты постановления о создании судов в МГБ СССР, Министерстве совхозов СССР, Академии наук СССР, МВД СССР, ВЦСПС, Комитете по информации.

В докладе на выборах суда чести в аппарате ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецов ставил закрытое письмо ЦК о деле Ключевой и Роскина в один ряд с такими известными закрытыми письмами ЦК, как от 18 января 1935 г. – “Уроки событий, связанных со злодейским убийством тов. Кирова”, от 29 июля 1936 г. – “О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока”, от 13 мая 1935 г. – “О беспорядках в учете, выдаче и хранении партбилетов и мероприятиях по упорядочению этого дела”, а также директива Совнаркома и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г.²² В этой связи следует отметить, что создание и деятельность судов чести и закрытое письмо ЦК о деле Ключевой и Роскина явились самой секретной из всех массово-политических кампаний, проведенных СССР. Ни одной строчки о них не появилось в печати. Они не упоминались ни в одной из работ по истории партии, ни в многочисленных работах о политико-просветительной работе. О них не было известно ни историкам, писавшим по идеологическим вопросам, ни советологам.

Заседания суда чести в аппарате ЦК ВКП(б) состоялись 23–24 октября 1947 г. В соответствии с утвержденным контингентом в 1136 человек на них, как и при выборах суда, должны были присутствовать начальники управлений и их заместители, заместитель председателя КПК и члены Партколлегии, председатель Центральной ревизионной комиссии, инспекторы ЦК ВКП(б), помощники секретарей ЦК, заведующие частями Особого сектора и Техсекретариата Оргбюро, секретари секретарей ЦК, заведующие отделами управлений и их заместители, руководители пропагандистских групп, групп консультантов и лекторов и их заместители, лекторы и консультанты, инструкторы отделов и инспекторы, ответственные контролеры КПК, их заместители и помощники членов Партколлегии, заведующие секретариатами управлений, информаторы и контролеры Управления по проверке парторганов, референты и редакторы Отдела внешней политики. В контингент участников входили директор ИМЭЛ, его заместители, ученый секретарь, зав. отделами, их заместители и старшие научные сотрудники, а также директора и ректоры и их заместители по Му-

зею Ленина, АОН, ВПШ, редакторы, их заместители и зав. отделами журналов “Большевик” и “Партийная жизнь”²³. По такому же принципу были утверждены контингенты участников для заседаний судов чести по всем министерствам и центральным ведомствам.

В результате суда Щербаков и Кузаков были обвинены в потере политической бдительности и чувства ответственности за порученную работу, им был объявлен общественный выговор, после чего они решением Секретариата ЦК были исключены из партии.

Сводные материалы Управления делами ЦК ВКП(б) показывают, что в 1947 г. было проведено 9 судов и в январе–марте 1948 г. 19, всего 28 судов, т.е. только в трети министерств и ведомств. Но эта цифра, по нашему мнению, требует проверки по фондам министерств и центральных ведомств СССР и их парторганизаций.

Деятельность большинства судов чести, когда их проведение определялось главным образом инициативой министерств и ведомств, продолжалась до середины марта 1948 г., до проведения суда чести в Министерстве государственной безопасности СССР.

Избрание состава суда чести в этом министерстве состоялось 4 ноября 1947 г. на конференции доверенных по выборам суда чести МГБ СССР. На конференции секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецов, как свидетельствует стенографическая запись, так начал свое выступление:

“Товарищи, если до недавнего времени отдельные товарищи, работающие в Министерстве госбезопасности, ставили вопрос о том, как, мол, так Министерство госбезопасности, которое призвано стоять на страже интересов государства, вести беспощадную борьбу с врагами народа и вдруг организует Суд чести, то мне кажется, что после заслушанного доклада тов. Абакумова и тех прений, которые развернулись, стало ясным, что Суд чести нужно организовать и в Министерстве госбезопасности.

Необходимость организации Суда чести вызывается тем, что чекистские органы в нашей стране должны быть образцовыми органами во всех отношениях.

Чекисты должны быть истинными патриотами, глубоко осознающими свой государственный и общественный долг.

Да, мне кажется, не к лицу вам отставать от Центрального Комитета партии, а я вам могу сказать, что мы Суд чести в нашем аппарате также организовали и не только организовали, а провели уже заседание. Я думаю, что вы не отстанете от нас”²⁴.

В своем выступлении А.А. Кузнецов на одно из первых мест в деятельности МГБ поставил работу среди интеллигенции. “Органы Государственной безопасности, – говорил он, – должны усилить чекистскую работу среди нашей советской интеллигенции.

Партия ведет работу среди советской интеллигенции, и мы будем воспитывать интеллигенцию в духе искоренения низкопоклонства перед границей, будем судить Судом чести и т.д. Мера воспитания дополним мерой административного воздействия.

Видимо, по отношению кое-кого из представителей интеллигенции, уж особо преклоняющихся перед Западом, мы должны будем принять другие меры, именно – чекистские меры”²⁵. Эти меры особенно ярко проявятся несколько позже, в борьбе с диссидентским движением.

Информация о состоявшемся суде, естественно, была направлена Сталину, с которым проведение этого суда не было согласовано. Он собственноручно написал текст четырех пунктов решения Политбюро, приписав сверху: “Постановление ПБ от 15/III”. В этом постановлении, протокольно оформившем волю вождя, было признано “неправильным, что т. Абакумов организовал суд чести над двумя работниками Министерства без ведома и согласия Политбюро”, и Абакумову было поставлено на вид. Секретарю ЦК Кузнецову было указано, что он “поступил неправильно, дав т. Абакумову единолично согласие на организацию суда чести над двумя работниками”. Решение суда чести МГБ было приостановлено. Впредь министрам было запрещено “организовывать суды чести над работниками министерств без санкции Политбюро”²⁶.

Отныне проведение судов чести было возможно только после получения согласия Сталина и принятия решения Политбюро. Это противоречило существующему постановлению о судах чести от 28 марта 1947 г., но по требованию “вождя народов” А.А. Жданов и М.А. Суслов подготовили новый законодательный акт в его развитие и создали проект постановления об организации “верховного” суда чести – Суда чести при Совете Министров СССР и ЦК ВКП(б). Но этот орган так и не был утвержден.

Политбюро ЦК выдало весной 1948 г. только одно разрешение на проведение суда чести в Комитете информации, но никаких подробностей о нем установить не удалось.

6 июля 1948 г. полномочия судов чести были продлены еще на один год. В тот же день было принято и решение об отпуске А.А. Жданову, из которого он не вернулся. Вместе со смертью А.А. Жданова и начавшимся вскоре делом ленинградцев, по которому был обвинен и другой активнейший организатор этих секретных органов морально-психологического воздействия на ин-

теллигенцию и работников госаппарата А.А. Кузнецов, а также с переходом к проведению санкционированных Сталиным “научных дискуссий” и официально развернутой кампании по “борьбе с космополитизмом” ведомственные “суды чести” практически прекратили свое существование.

Непродолжительный период создания и деятельности “судов чести” оказал огромное влияние на изменение общественного сознания и морально-психологического климата в советской стране. В строгом смысле эти суды, официально созданные прежде всего для воздействия на работников центрального государственного аппарата, своей задачи в полной мере не выполнили. Советская бюрократия отстояла свои позиции даже в условиях жесткой сталинской диктатуры. Воздействие на госаппарат ограничилось несколькими случаями борьбы с злоупотреблениями служебным положением, с хищениями государственных средств, что сразу же было усвоено чиновниками. Абсолютное большинство из созданных в министерствах и ведомствах “судов чести” так и не развернули своей деятельности. Основными жертвами прошедшей политико-идеологической кампании стали, в первую очередь, представители интеллигенции. Все силы тоталитарного государства были направлены на борьбу с любыми проявлениями отхода от проводимого политического курса. Это привело к расколу общества на “обвиняемых” и “судей”, к осуждению не только инакомыслия, но и любой научно обоснованной или гражданской позиции, в которой усматривался отход от тогдашней политической практики.

Эффект же от судилища над по существу оклеветанными профессорами Н.Г. Ключевой и Г.И. Роскиным и от повсеместного обсуждения закрытого письма ЦК ВКП(б) был достигнут. С помощью этих акций был утверждён абсолютный диктат государства во всех сферах жизни советского общества, утверждена строгая секретность в области государственной деятельности, во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства, в армии и на транспорте, в продовольственном снабжении населения, в организации планирования и статистики, науки и научно-технического творчества и т.д. Прибыло полку добровольных “наблюдателей”. Таким образом, с помощью массовой политико-идеологической кампании была достигнута такая система власти, которая позволила контролировать все общество.

Есть основание полагать, что проблема создания и деятельности судов чести в 1947–1948 гг. имеет основание развиваться в самостоятельное направление исторической науки, исследующей послевоенный период развития страны.

- 1 *Есаков В.Д., Левина Е.С.* Дело КР: Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. М., 2001.
- 2 *Александр Степанский*, профессор РГГУ. Как поймать несуществующего шпиона // *Общая газета*. 2002. № 13(451). 28 марта–3 апреля. С. 15; *Е.В. Раменский*. “Дело КР”: Ученые на скамье подсудимых и судьба их открытия // *Молекулярная биология*. 2002. Т. 36, № 6. С. 1085–1089; *Михаил Голубовский*. Дело КР и суды чести при сталинизме: (размышления о книге) // *VESTNIK*. Vol. 14.2, N 25(310), December 11. P. 31–36; N 26(311), December 25. P. 31–34; *Он же*. Биотерапия рака, дело КР и сталинизм: (Размышление о книге) // *Природа*. 2003. № 3. С. 82–90; *Он же*. Дело КР и суды чести: (размышление о книге) // *Еврейская газета*. 2003. № 16(123), 16–29 апреля. С. 8–9; № 17(140), 30 апреля–6 мая. С. 8–9; *О.Л. Лейбович* // *Вопросы истории естествознания и техники*. 2003. № 2. С. 206–210; *Михаил Голубовский*. Дело КР: Анатомия сталинских провокаций // *Знание–сила*. 2003. № 5. С. 108–117; *Он же*. Биотерапия рака: “дело КР” и сталинизм // *Звезда*. 2003. № 6. С. 134–149; *Ethan Pollok*. Dept. of History Syracuse University // *Explorations in Russian and Eurasian History* 4.3 (2003) 768–775; *Василий Молодяков*. Токио // *Новый журнал (Нью-Йорк)*. 2003. № 232 (сентябрь). С. 309–312.
- 3 *Есаков В.Д., Левина Е.С.* Сталинские “суды чести”: «Дело “КР”». М., 2005.
- 4 *Известия ЦК КПСС*. 1990. № 11. С. 135–137.
- 5 *Есаков В.Д., Левина Е.С.* Дело “КР”: (Из истории гонений на советскую интеллигенцию) // *Кентавр*. 1994. № 2. С. 54–69; № 3. С. 96–118.
- 6 *Krementsov N.* The Cure: A Story of Cancer and Politics from the Annals of the Cold War. Chicago, 2002.
- 7 *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999. С. 187–191.
- 8 *Фатеев А.В.* Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954. М., 1999. С. 66–67.
- 9 *Жуков Ю.Н.* Тайны Кремля: Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., 2000. С. 410–412.
- 10 *Известия ЦК КПСС*. 1990. № 11. С. 135–137; Сталин и космополитизм: Документы Агитпропа ЦК КПСС 1945–1953. М., 2005. С. 108–109.
- 11 *СССР и холодная война*. М., 1995. С. 15–17.
- 12 *РГАСПИ*. Ф. 77. Оп. 3. Д. 177. Л. 13 об.
- 13 *Есаков В.Д., Левина Е.С.* Дело КР: Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. С. 128.
- 14 Там же. С. 235–236.
- 15 Там же. С. 246–249.
- 16 *РГАСПИ*. Ф. 17. Оп. 117. Д. 859. Л. 57.
- 17 *АП РФ*. Ф. 3. Оп. 29. Л. 72. См.: *Есаков В.Д., Левина Е.С.* Дело КР: Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. С. 250.
- 18 Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР 1945–1953. М., 2002. С. 233, 235.
- 19 *РГАСПИ*. Ф. 17. Оп. 116. Д. 313. Л. 87.
- 20 Там же. Оп. 3. Д. 1066. Л. 53. Опубликовано: *Источник*. 1994. № 6. С. 70.
- 21 Перечень 182 постановлений Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б) о судах чести см.: *Есаков В.Д.* О сталинских судах чести в 1947–1948 гг. // *Труды Отделения историко-филологических наук РАН*. 2006 г. М., 2007. С. 551–562.
- 22 *Источник*. 1994. № 6. С. 74.

²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 320. Л. 114–115.

²⁴ Там же. Оп. 121. Д. 572. Л. 217.

²⁵ Там же. Л. 219.

²⁶ Там же. Оп. 3. Д. 1069. Л. 28. Опубликовано: Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. С. 262.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Д.Н. Нежинский. Я хотел бы задать докладчику такой вопрос. Если я правильно понял, суды чести, как Вы нам интересно и подробно рассказали, существовали по 1948 г., а после этого они прекратились.

В.Д. Есаков. Да. Суды чести в соответствии с постановлением об их создании действовали как органы министерств и ведомств с июня 1947 г. по март 1948 г. Последний из ведомственных судов чести был проведен в Министерстве государственной безопасности СССР. В соответствии с упоминавшимся решением Политбюро от 15 марта 1948 г., написанным Сталиным, дальнейшее проведение судов чести над работниками министерств и ведомств стало возможно только с его разрешения. Хотя 7 июля 1948 г. действие судов чести было продлено еще на один год, Политбюро лишь однажды разрешило его проведение в Комитете информации. После утверждения организации Суда чести при Совете Министров СССР и ЦК ВКП(б) от его имени был осужден бывший министр путей сообщения И.В. Ковалев, но через два месяца решение суда чести в отношении него было отменено. Единственное публичное заседание этого высшего суда чести было проведено в июне 1949 г. над руководителями Министерства пищевой промышленности СССР в связи с фактами массового воровства в органах министерства.

А.К. Соколов. Вы сделали вывод о том, что суды чести сыграли огромную роль в укреплении идеологического контроля над мыслями, делами и чувствами интеллигенции. У меня такое впечатление от Вашего доклада, что на самом деле мы имели дело с очередной кампанией, в форме которой вообще вся деятельность государственная осуществлялась в то время. Как всякая кампания, она имеет периоды инициирования, развертывания и затухания.

В.Д. Есаков. Здесь существует любопытная ситуация. Действительно, в современных условиях, при том, что мы знаем, очень хотелось бы ограничиться тем, что это была самостоятельная, достаточно узкая кампания, подобная другим. Так ее

и пытаются оценивать ряд исследователей. Канадский ученый Питер Соломон, например, выпустил книжку о советской юстиции и нашей прокуратуре. Он там склонен относить суды чести к случайным событиям, неизвестно откуда взявшимся, сведения о которых неожиданно в информационном плане дошли до верха. Но есть совершенно феноменальные обстоятельства – сами суды чести были инициированы на самом верху, а к их организации и деятельности привлечен необыкновенно широкий круг лиц, каждый из которых облечен начальственными или должностными полномочиями. Положения о судах чести были сразу же внедрены министрам и их заместителям, всем подведомственным им директорам и начальникам отделов, всем старшим экономистам, старшим инженерам и старшим научным сотрудникам и т.д. Они находились под присмотром всех отделов кадров. Председателями судов были утверждены весьма известные люди. В Министерстве кинематографии СССР в него входил Сергей Аполлинариевич Герасимов, в Академии наук СССР его возглавил академик Николай Владимирович Цицин. В президиум собрания Комитета по делам искусств при обсуждении принятого постановления о создании судов чести был введен В.Э. Мейерхольд и другие известнейшие деятели культуры.

Писатель Константин Симонов, который присутствовал в кабинете Сталина в Кремле при чтении обвинительного заключения против профессоров Ключевой и Роскина отмечал, что оно “продиктовано его волей – и ничьей другой” и свидетельствовал, что Сталин специально отметил, что в эту точку – утверждение советского патриотизма и неоправданное преклонение перед зарубежной культурой – “надо долбить много лет”.

Хотя постановления судов чести о персональных обвинениях были отменены практически сразу после смерти Сталина, а к 1959 г. все прошедшие через них были реабилитированы, восстановлены в партии те, кто исключался, но основные положения “Закрытого письма ЦК ВКП(б) по делу профессоров Ключевой и Роскина” никто не отменял. Политические итоги судов чести, которые, как отмечалось в докладе, были сформулированы М.А. Сусловым, продолжали блястись еще 40 лет. Н.С. Хрущев был задействован в период создания судов чести, а Л.И. Брежнев выступал с докладом о закрытом письме ЦК на совещании в Днепропетровске. И как следствие этой политики – проповедь антиамериканизма и реально существовавший антигуманизм.

А.К. Соколов. И еще – в продолжение моего вопроса. В этом смысле – да, вся линия правительства проведения этой кампании как бы сохранилась. Вы приводите данные о том, что было столько-то судов чести, по Вашим данным, проведено согласно постановлению. Но что все это означает? Это только пассивное сопротивление. Этот симптом вообще очень важный.

В.Д. Есаков. Без всякого сомнения, на сегодняшний день исследованию подвергся только суд чести в Министерстве здравоохранения СССР. Из избранных судов чести провели публичные заседания только треть. Может быть, это можно назвать пассивным сопротивлением. В полном виде ответ на вопрос будет возможен при детальном изучении конкретной деятельности судов чести. Пока в полной мере просмотрены и собраны данные протоколов Секретариата, Оргбюро и Политбюро ЦК ВКП(б) и материалы к ним. Было получено разрешение на просмотр документов Управления кадров ЦК ВКП(б), обещают в течение ближайшего времени рассекретить их, только после этого можно будет приступить к их изучению.

Есть еще две линии, по которым ведутся работы. Во-первых, совершенно необходимо просмотреть фонды всех министерств и ведомств, существовавших в то время, особенно тех, в которых были проведены суды чести. Вторая линия представляет основную трудность – тщательный просмотр фондов их партийных организаций, где могли рассматриваться дела, не вынесенные затем на общие их собрания. Толчком к этому послужило второе издание книги Михаила Ромма “Как в кино. Устные рассказы”, в которой совершенно неожиданно появился новый рассказ “Как меня предавали суду чести”. К этому времени я знал, что на заседании суда чести Министерства кинематографии судили только уполномоченного “Совэкспортфильм”. Оказалось, что коллизия с М. Роммом не вышла за пределы парткома, но всерьез рассматривалась как повод для вынесения на общеминистерский суд чести. А ситуация была занимательной, о чем хочется рассказать. В 1945 г. в Америке была показана первая серия фильма Эйзенштейна “Иван Грозный”. Ее посмотрел и находившийся в эмиграции и работавший в Голливуде знаменитый актер Михаил Чехов, написавший письмо со своими впечатлениями и критикой работы режиссера с актерами. Письмо было опубликовано в журнале ВОКСа, а Ромма попросили написать ответ. Он выполнил просьбу. А в 1947 г. партком Мосфильма рассматривал вопрос о мере ответственности режиссера, члена партии и советского

гражданина Ромма за написание письма белоэмигранту Чехову. Суда удалось избежать, но, как отмечал рассказчик, этот эпизод оказался переломным в жизни его семьи. “До этого суда чести у нас бывало много народу. Всегда толпились приятели, товарищи, друзья по работе, сверстники... А потом как-то охладилась отношения. Не могли мы простить этих опущенных глаз, того, что люди пробегали мимо, того, что никто в те страшные дни суда чести... почти никто, я бы сказал, не отважился поддержать нас по-настоящему”. Не случайно, что послевоенные идеологические кампании называют временем массового душевредительства.

В исследовательском плане можно предполагать, что изучение создания и деятельности судов чести может превратиться в самостоятельно разрабатываемое направление исторической науки. Вне зависимости от того, к каким итогам придут ученые, можно говорить, что авторитет и значимость этих органов для второй половины 1940-х годов были абсолютными.

Полагаю, что весьма непросто и с традиционным затуханием данной кампании. В сталинский период основные постулаты судов чести и закрытого письма ЦК о преимуществах социалистического строя и советском патриотизме, а также о борьбе с низкоклонством перед иностранщиной и буржуазной культурой Запада активно применялись в ходе всех “научных дискуссий” конца 40-х и начала 50-х годов, в деятельности Общества по распространению политических и научных знаний и т.п. Да и в послесталинский период воспитанная на них номенклатура неоднократно использовала их, особенно при обсуждении Л. Пастернака, вплоть до знаменитых выступлений Хрущева перед интеллигенцией.

Л.Н. Нежинский. У меня такой конкретный вопрос: как дальше Вы собираетесь эту проблему разрабатывать? Будет готовиться отдельная монография специально, или это будет серия статей, или разделы в каких-то коллективных трудах?

В.Д. Есаков. Совсем недавно, завершая предварительное ознакомление с материалами Управления кадров ЦК ВКП(б), я понял, что изначальный проект написания монографии о создании и деятельности судов чести в 1947–1948 гг. сможет лишь в общих чертах подойти к освещению темы. И это до завершения учета материалов фондов министерств и ведомств и фондов их партийных организаций. Раскрытие столь обширной по сохранившимся источникам темы не может быть ограничено одним монографическим исследованием. Серия статей могла бы приблизить ее ос-

вещение, но серию следовало бы создавать по единому плану исследовательским коллективом, которого пока нет и который вряд ли может быть создан в ближайшее время. Я не представляю себе сейчас и коллективных трудов, которые включали бы в себя аналитический подход к обсуждаемой теме. В них в лучшем случае будет присутствовать краткий параграф с общей информацией о наличии в послевоенный период такого явления, как суды чести.

Я уже обращал внимание на то, что суды чести были самой засекреченной общественно-политической кампанией, проведенной в СССР, о которой ни одной строчки не появилось в печати. Поэтому для привлечения более или менее широкого круга исследователей к ее разработке необходимо начинать с издания сборников архивных материалов. Предварительные переговоры с руководством некоторых архивов пока не дали результата. Проведенное знакомство с архивными материалами уже позволяет ставить вопрос о возможности подготовки тематического сборника документов под названием “Суды чести в 1947–1948 гг. Создание и деятельность”. В него вошли бы основополагающие документы ЦК ВКП(б) и отчеты по их организации и практической работе. Желательно опубликовать целиком стенограммы заседаний первого суда чести в Министерстве здравоохранения СССР над профессорами Н.Г. Ключевой и Г.И. Роскиным, что даст конкретный материал для критического анализа последовавшего за ним закрытого письма ЦК. Чрезвычайно интересно издать материалы по организации суда чести в аппарате ЦК ВКП(б) и рассмотренного им дела М.М. Щербакова и К.С. Кузакова. Большой интерес в руководстве Российской академией наук, в частности вице-президентом РАН академиком Н.А. Платэ, проявлен к изданию суда чести по делу руководства Главного управления гидрометеорологической службы при Совете Министров СССР во главе с бывшим начальником этого управления, известным папанинцем, Героем Советского Союза и членом-корреспондентом АН СССР Евгением Константиновичем Федоровым, который позднее, в 1960-е годы, был главным ученым секретарем Президиума АН СССР. Суд чести в Гидрометслужбе был организован по специальному постановлению Совета Министров СССР, подписанному Сталиным, и его подготовкой руководил тогдашний министр государственного контроля СССР Л.З. Мехлис. Сохранился обширнейший материал по подготовке и проведению этого процесса.

Уже в настоящее время можно приступить к подготовке тематической публикации и обсуждать план изданий материалов судов чести на перспективу.

Л.Н. Нежинский. Мы сегодня заслушали очень интересный доклад В.Д. Есакова по очень интересной формально исторической проблематике, но на самом деле по своему звучанию и по своему значению выходящей за те хронологические рамки, которые Вы нам здесь осветили и доложили.

Если Вы для начала сможете издать хотя бы два, а лучше три сборника документов с соответствующими комментариями, то это будет чрезвычайно полезно и в научно-познавательном плане, и в общественно-политическом.

О.А. Шватченко

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ СЛУЖИЛЫХ ИНОЗЕМЦЕВ В РОССИИ КОНЦА XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.*

Историко-демографические и историко-географические аспекты развития землевладения России XV–XVII вв., связанные со складыванием служилого сословия дворянства, имеют одну слабо изученную страницу – место землевладения служилых иноземцев в этом длительном процессе, давшем в XV–XVII вв. поместную и вотчинную системы Думы, Двора и уезда. В.М. Кабузан в своих исследованиях по исторической демографии указал на важность исследования этнических общностей людей в многонациональном государстве, каким было Московское царство XVI–XVII вв. Применительно к этому времени включение в состав дворянства различных служилых иноземцев из Западной Европы, собственников поместий и вотчин, размещение их земельного фонда в рамках страны, их национальный состав, место среди служилых групп России – весьма важная историко-географическая и историко-демографическая проблема, исследуемая в статье.

Если, применительно к истории империи XIX–XX вв., место крупных землевладельцев-иностранцев исследовалось в частных и обобщающих работах, то вид землевладения, его география, чиновный и национальный состав чужестранцев в России XVI–XVII вв. остается слабо изученной стороной общественных отношений в Московском царстве эпохи царя Ивана Грозного и его преемников.

Приглашенные в Россию в качестве различного рода специалистов, в том числе военных, иноземцы делились на служилых, имевших поместья, и тех, кто получал денежное жалование, не имея земельной собственности¹.

---

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 4 марта 2004 г.

Во второй половине XVI в. при дворе московского царя сложилась пестрая колония иноземцев-полоняников и выходцев из-за рубежа. Были здесь толмачи и ученые-богословы (Каспар Виттенберг и Каспар Эльферфельд), военные инженеры и командиры немецких отрядов (“немчин Размысл” и Юрий Францбек), были “лекаря” – англичане Роберт Якоби, Арнульф Линдзей, вестфалец Елисей Бомелий. Выделяются дипломатические агенты царя, ливонцы, взятые в плен в 1560 г. – Иоганн Таубе и Эларт Краузе².

Массовое проникновение иноземцев в Россию связано с концом XVI – началом XVII в. Их землевладение в форме поместий и вотчин относится ко второй половине XVI в.

В Иноземном приказе, как и в других приказах, например в Поместном, иноземцы разделялись по национальному признаку и представляли в основном лиц дворянского происхождения, обладавших правом владения поместьями и вотчинами. Это были сербы, греки, немцы, угрыне, впервые как собственники поместий, с которых они служили “с уездом”, как и в XVII в., тщательно делившиеся в приказном порядке по социальному, национальному положению и по профессии. Численность иноземцев, служивших в поместной коннице и пехотных полках со своих поместий, впервые полно дана в списке русского войска в 1604 г.³

В статье на новых архивных источниках изучается землевладение иноземцев старого выезда из Европы, поселившихся в Московском царстве со второй половины XVI в. до 1646 г. Списки иноземцев сохранились в фондах Иноземного, Поместного приказов, в Приходе-расходных книгах начала XVII в., а также в ряде актов документов, в которых имеются данные как о поместных, так и “кормовых” иноземцах. Исследуется вотчинное и поместное землевладение тех служилых иноземцев, которые представлены сословной группой служилых землевладельцев “по отечеству”. В 1558 г. иноземцы упоминались как владельцы земельной собственности, несшие службу “с уездом”, чему соответствовало понятие – служилый иноземец. Это отражено и в указах 1613 и 1649 гг. Воссоздание размещения их вотчинных и поместных земель в пределах Московского государства в 1572–1646 гг. связано с выявлением пространственных характеристик поместной и вотчинной систем всех областей государства. Определяющей является проблема времени возникновения у них родовых и купленных вотчин. Так, жалованные в XVI в. вотчины к 1627 г. повсеместно в писцовых книгах и актах определялись как их родовая собственность. Потребовалось выделить наиболее древний период и очертить размеры их поместий и вотчин в различных уездах страны.

В 1618 г. в России согласно осадному списку было 310 служилых иноземцев. К 1646 г. служилых иноземцев, получавших денежное жалование, было 656 человек. Поместья и вотчины имела лишь часть иноземцев, служивших “с городы”. Кроме указанной группы к 1663 г. в Казани и Уфе было поместных иноземцев 83 человека и 302, не имевших даже мелких поместьев и находившихся на денежном жаловании. Всего 337 иноземцам понизовых городов выплачивалось 4595 рублей, т.е. значительно больше, чем городovým помещикам. Генералитет и штаб-офицеры русской армии в 40–50-х годах XVII в. получали жалование 45–50 рублей и представлены значительной группой английских и шотландских генералов и полковников, но поместий они не имели, лишь некоторые из них, по переписям 1678 г., владели землей после успешных “виленского и смоленского” походов 1654/55 г. В начале XVII в. в приказах был достаточно точно определен национальный состав служилых немцев 1618–1627 гг. – шотландцы, англичане, немцы, чехи, поляки, греки, сербы, литовцы⁴. Под служилыми иноземцами в России в указном порядке понимались лица дворянского происхождения, включавшиеся по объему своих имущественных прав в состав людей “по отечеству”, т.е. дворянства.

Наиболее древний фонд земель у этой группы дворянства России формировался в 60–70-х годах XVI в. – время активной земельной мобилизации. Основная масса их поместий находилась в Романовском и Нижегородском уездах, в последнем это были мелкие земельные владения. Иноземцы участвовали в войнах 1572–1604 гг. и неся службу “с городы”, жаловались поместьями и вотчинами (см. табл. 1, 2).

Итак, древний фонд земель служилых иноземцев сформировался в 70-х годах XVI в. в Замосковных уездах и зоне Понизовых городов. В 1572 г. в Лифляндии был укомплектован 7,5-тысячный корпус из ливонских гофлейтов разной национальности во главе с опытным полководцем Юрием Францбековым, вотчина которого находилась в Конюцком стане Переславского уезда – поблизости с опричной Александровой слободой, местопребыванием суверена⁶. Этот корпус летом 1572 г. под начальством боярина служилого князя М.И. Воротынского участвовал в сражении с татарами Девлет-Гирея на Оке, а потом “з государем” в шведском походе 1573 г. В конце 70-х годов XVI в. складывается значительная группа “служилых литвинов, сербов, греков” в Романовском, Малоярославецком уездах и немцев в Рыльском и Угличском, имевших довольно крупные поместья и внесенных в список служилых иноземцев по национальному признаку⁷.

Таблица 1. Поместное землевладение служилых иноземцев в России в 1572–1604 гг.⁵

Уезд	Поместий	Дворов помещиков	Земля в десятинах в трех полях	Дворов крестьянских
Романовский	21	17	4371	228
Малоярославецкий	1	–	498	10
Московский	2	–	318	–
Нижегородский	6	–	252	–
Рыльский	1	–	–	–
Угличский	1	–	357	–
Итого:	32	17	5796	238

Таблица 2. Старые родовые и купленные вотчины служилых иноземцев России в 1572–1604 гг.⁸

Уезд	Вотчин	Дворов вотчинников	Земля в десятинах в трех полях	Дворов крестьянских
Кашинский	1	–	10	–
Костромской	1	–	315	–
Московский	5	–	666	12
Переславский	5	–	385	8
Итого:	12	–	1376	20

Наиболее древние вотчины вышеуказанных групп иноземцев были стянуты к местам их службы – Москве и Александровой слободе.

После 1612 г. число землевладельцев-иностранцев увеличилось. В конце 1608 г. боярин, воевода и князь М.В. Скопин-Шуйский, находясь в Новгороде с войсками по указу царя Василия Шуйского, заключил с шведским секретарем Магнусом Мортенсоном условие о найме вспомогательного корпуса, состоявшего из гофлейтов, численностью в 5 тыс. человек (2 тыс. пехоты и 3 тыс. конницы). Эта группа иноземных войск к 1611 г. вышла из России, однако часть, ушедшая с поляками после Клушинской битвы, осталась в России и в 1613 г. составляла роту численностью 40 человек с капитаном под названием “бельских немцев”⁹. Значительной была группа британцев, шотландцев и французов, прибывшая в Архангельск в 1612 г., участвовавшая в военных действиях 1617–1618 гг. при обороне Москвы от поляков. Глава ее князь Артур Астон, англичанин, впервые приехавший в Рос-

Таблица 3. Вотчины из старых поместий служилых иноземцев, пожалованные в 1606–1610 гг.¹¹

Уезд	Вотчин	Дворов вотчинников	Земля в десятинах в трех полях	Дворов крестьянских
Вологодский	2	–	214	12
Лихвинский	1	1	90	12
Переславский	1	1	126	8
Угличский	4	3	327	23
Итого:	8	5	757	55

сию в 1605 г. и получивший от царя разные подарки и 2,2 тыс. дес. населенных земель, в 1615 г. участвовал в походе против пана Лисовского. Князь Артур Астон был женат на Пенелафе Сентпал, и его сын был верстан поместным окладом 1350 дес. населенной земли и денежным жалованием 100 рублей в год¹⁰.

Часть этих двух групп иноземцев имела вотчины и поместья, остальные до 1624–1627 гг. находились в числе “кормовых иноземцев”.

Отвод этих поместных земель в выслуженную вотчину производился при новой династии Романовых в 1623–1632 гг.¹² Эти вотчины были даны за оборону Москвы в 1608–1610 гг. англичанам и “служилым литвинам” (см. табл. 3).

Пожалования вотчинами из поместных земель служилым иноземцам в 1618–1619 гг. были более значительны ввиду активного участия их в отражении попытки поляков войти в город через Арбатские и Тверские ворота Белого города¹³. Иноземцы и рота “бельских немцев” в числе 50 человек находилась с князем и воеводой, стольником В.С. Куракиным у Арбатских ворот и непосредственно принимала участие в отражении вторжения поляков¹⁴. Польский хронист П. Пясецкий, описывая ход сражения, сообщал: “...того ради принцыпс князь, дабы тамо время не терял полезного, которое на obleжание самого города Москвы довелось издержати, как уже Новодворский Варфоломей, кавалер мальтийский, вед хоругвь начальную против москвичев... отступить был принужден прямо к городу и за одну от него милю...”¹⁵. Неудачная осада поляками Москвы и уход казаков в Калугу способствовали заключению мира зимой 1619 г.

Пожалования за оборону Москвы в 1618 г. сформировали из поместных земель служилых иноземцев 36 вотчин при 4 тыс. десятин земли, выведенных из поместий, в которых в реальных дачах было не менее 10–12 тыс. десятин (см. табл. 4).

Таблица 4. Вотчины из поместий, пожалованные в 1618/19 г. в России служилым иноземцам¹⁶

Уезд	Вотчин	Дворов вотчинников	Земли в десятинах в трех полях	Дворов крестьянских
Белозерский	4	2	312	20
Вологодский	3	2	493	20
Галичский	9	2	1060	196
Кашинский	1	1	132	3
Коломенский	2	1	180	6
Костромской	2	2	312	49
Нижегородский	1	1	120	12
Переславский	1	1	195	14
Романовский	3	1	162	21
Ростовский	2	–	273	21
Рязанский	1	1	180	10
Угличский	6	6	781	56
Ярославский	1	–	148	15
Итого:	36	20	4348	443

Землевладение иноземцев с четырех уездов в 1604 г. за счет пожалований 1610 и 1618/19 гг. увеличилось, распространившись в 14 уездах. В их вотчинах было 20 усадеб, 443 крестьянских двора. Отвод вотчинных земель происходил в 1619–1632 гг.¹⁷ Это были населенные, прекрасно распаханные средние и крупные вотчины, типа владений выборных и городских дворян. Основная масса вотчин служилых иноземцев находилась в Белозерском, Вологодском, Галичском, Коломенском, Костромском, Романовском, Ростовском, Угличском уездах – 29 из 36 вотчин, выведенных из поместий тех же уездов: 2807 дес. из 4348, или 64,4% земель и 368 крестьянских дворов – 83%. В целом их вотчинный фонд составлял 12,2 тыс. десятин и 757 дворов в 88 имениях.

Интенсивная мобилизация вотчинных земель, выезд из России значительной части служилых немцев 1612–1618 гг. заезда вызвали изменения в составе вотчинных жеребьев, перекупавшихся самими иноземцами по указной практике 1613, 1649 гг. (см. табл. 5).

К 1646 г. география вотчинного землевладения служилых иноземцев старого выезда существенно изменилась, увеличилось число “кормовых” чужестранцев, находившихся на денежном жаловании и вообще не имевших вотчин. Дальнейший рост поместного землевладения этой группы служилых людей связан с военной реформой 20–30 годов XVII в., успешными “смоленскими и

Таблица 5. Вотчинное дворовладение иноземцев старого выезда в России 1646 г.¹⁸

Уезд	Вотчин	Дворов вотчинников	Дворов крестьянских	Душ м.п.
Вологодский	1	1	18	54
Галичский	2	–	28	46
Кинешемский	1	–	7	20
Коломенский	2	–	13	43
Московский	8	–	43	39
Оболенский	1	–	2	7
Тарусский	1	–	13	42
Итого:	16	1	124	301

виленским” походами 1654/55 г., когда при осаде смоленской крепости принимали участие иностранные офицеры.

Земли иноземцев к 1646 г. сосредоточивались в Московском уезде, в то время как к 1618 г. они находились в северо-восточных уездах центра России. Если к 1624–1627 гг. без порозжих земель помещики и вотчинники России имели 2,8 млн десятин, то в реальных поместно-вотчинных дачах служилых иноземцев имелось свыше 25 тыс. десятин¹⁹. Духовные землевладельцы без порозжих земель сохраняли около 1 млн десятин вотчинных земель. Таковы были размеры землевладения Думы, Двора и уездных помещиков по сравнению с землевладением чужестранцев в России. Так, в 1594 г. служилое землевладение “ногайских мурз из татар и казаков” особой, как и иностранцы из Западной Европы служилой корпорации, в Романовском уезде владели 23,2 тыс. дес. земли, русские помещики – 25,3 тыс. дес., а греки и сербы и немцы в этом последнем числе – 6,5 тыс. дес.

Очевидно, что и в XVI в. служилые иностранцы, как правило, находились на прямом денежном содержании казны, их поместное и вотчинное землевладение начало активно формироваться в 1572–1618 гг.

Наиболее древней группой служилых иноземцев-помещиков были в 70–90-х годах XVI в. романовские греки, сербы, служилые литвины: так, служилый литвин Иван Сигорский в Городском стане Романовского уезда владел поместными деревнями²⁰. Поместье, пожалованное в 1585 г., представляло хорошо освоенное имение, распаханное и прекрасно населенное, сохранившееся за ним и в 1628 г. Крупным романовским служилым помещиком был и литвин Яков Зарецкий, также пожалованный в 1585 г. поместьем, ранее принадлежавшим князю А. Вяземскому. Другой

литвин, Богуслав Чамский в 1592 г. также испомещен в Городском стане Романовского уезда населенным поместьем²¹.

Из служилых греков в Здоровецком стане Романовского уезда некрупным помещиком был с 1586 г. греченин Петр Иванов, а греченин Усеин Федоров, как помещик того же стана, владел населенными деревнями. За пределами четырех уездов росписи 1604 г. с иноземческими поместьями России встречались отдельные дачи этой группы служилых чужестранцев, полученные в последнем десятилетии XVI в. Так, в Малоярославецком уезде литвин Мартын Полочанин владел в Хохольском стане небольшой деревней, жалованной в 70–80-х годах XVI в. Значительная группа служилых иноземцев, владевших землями в Нижегородском уезде была испомещена мелкими жеребьями – немчины Христофор Фанбуков, Федор Думерстов, Анна Шварт, литвин Юрий Шультев, литвин Яньш Радич, немчин Федор Илимбакин, Федор Федорович Толстый “с братьею”²². В Московском уезде в 1587 г. владел поместьем служилый иноземец Мунца Петров и служилый грек Мануйло Кантакузин, имение которого располагалось в Кошелеве стане²³. В Угличском уезде в XVI в. испомещен служилый иноземец Северин Бармень²⁴. В Рьльском уезде – немчин Вахнер Фендреборхов, владевший поместьем среднего размера.

География поместного землевладения служилых иностранцев, несмотря на уточнения по актам и книгам, точно совпадает со списком с русского войска в 1604 г., когда поместья находились в четырех уездах.

Вотчинный фонд иноземцев, возникший в 70–90-х годах XVI в. в Переславском уезде сформировал имения иноземца старого выезда Ивана Ивановича Реланта²⁵.

Из числа служилых иноземцев, выехавших при первом Романове, в Галичском уезде помещиками были капитан Давыд Петрович и ротмистр Петр Гаментовы, Гетлин Клаус²⁶. Развитие вотчинной формы землевладения у дворянской части иноземцев дало большую группу вотчинников: иноземец Яков Яковлевич Станицкий, владевший деревней в Кашинском уезде; дохтур Валентин Биле, англичанин, владевший имением в Коломенском уезде, иноземец Андрей Юрьевич Францбев, имевший поместье в Московском уезде; немка Катерина Филиппова Фандернисинова также сохраняла имение в Московском уезде и Свам Анца Иванов, помещик того же уезда. В этом же уезде сохранилось землевладение немчина Ивана Филипповича Фандернисинова²⁷.

Участие иноземцев в обороне Москвы в 1606–1610 гг. и предшествовавшее их наделение поместьями, из которых они получи-

ли вотчины, создало фонд населенных земель: дохтура Валентина Билс, имевшего выслуженную вотчину в Лихвинском уезде, иноземца Афонасия Михайловича Клаусова – вотчина в Переславском уезде²⁸.

В первой половине XVII в. сложилась группа старослужилых помещиков и вотчинников: ротмистр немецкий Давид Петрович Гаментов, литвины Федор Иванович Сигорский и Даниил Иванович Сигорский, иноземец старого выезда Харитон Греченин, серб-иноземец Иван Федорович Сербин, иноземец Иван Федорович Каркунов, служилые греки Григорий Иванович Селунский, Савелий Константинов, Любим Данилович Миколаев, Харитон Кузьмин, Григорий Селунский, а также серб Федор Павлов и литвин Иван Беретов. Все они как служилые иноземцы в 1594–1595 гг. владели поместьями в Романовском уезде, сохраняя их до 1628 г.

В 1618/19 г. вотчины из своих поместий получила большая группа служилых иноземцев: немчин Анца Антов Абрамов, Юрий Абрамов, греченин Афонасий Арнаутов, немчин Арнт Арнтов, переводчики Арнт Иванович Бук, Ульф Яковлевич Виберх, иноземец Иван Иванович Водом, лекарь Кашпир Давыдов, немчин Яков Яковлев Еверлатов, немецкий переводчик Еремей Еремеев, немчин Борис Андреевич Забалхов, литвин Иван Ивановский, немчин Франц Антонов Капитонов, греченин Савелий Константинов, немчин Андрей Романович Крыднер, немчины Яков и Иван Захарьевичи Миколаевы, вдова немка Алена Устиновна Неленка, иноземец Яков Петрович Ольшевский, вдова немка Катерина Филипповна Прапорщикова, немчин Матвей Матвеевич Редельстроп, немчин Иван Сахарьинов, серебряных дел мастер Петр Денисович Фатбурхов, иноземец Яков Григорьевич Трупов, немчин Анца Фатыков Фанлюбцов, иноземцы Иван и Давыд Филипповы Фандернисиновы, ротмистр немецкий Денис Петрович Фонвисин, немчин Роман Филиппов Фульфов, иноземцы литвины Иван и Пимен Шелковские, немчин Артемий Елизарьевич Ярлонтон.

К 1646 г. сформировалась еще одна группа служилых иноземцев, вотчины которых многократно перекупались в 1635–1646 гг. Это были: ротмистр немецкий Матвей Матвеевич Редельстроп, иноземец Иван Иванович Водов и греченин Антон Дмитриевич Селунский, дохтур Валентин Петрович Билс, греченин Иван Афонасьевич Микулаев. Выморочные вотчины выехавших из России в 20–40-х годах XVII в. чужестранцев, как, например, у князя Артура Астона, отписывались в казну.

Служилые иноземцы выступали в поход в 1572–1604 гг. вместе с Государевым двором. Служба, связанная с присутствием в

составе Двора, привела к тому, что основная масса земель сосредоточивалась в пределах центральных уездов России. Отсюда в Московском уезде к 1646 г. сформировалась большая группа иноземцев-вотчинников: немчин Анца Иванов Свам, иноземцы Григорий Яковлевич Гастов, Иван Яковлевич Гастов, иноземец Христофор Рыльский, вдова немка Анна Кашпирова, иноземец Арист Фамендин, немка вдова Катерина Фандернисиновна, немчин Дмитрий Андреевич Францбеков.

Все поместно-вотчинное землевладение иноземцев в 1572–1646 гг. было расположено в 19 уездах Московского царства: Белозерском, Галичском, Кашинском, Кинешемском, Костромском, Лихвинском, Малоярославецком, Московском, Нижегородском, Оболенском, Переславском, Романовском, Ростовском, Рыльском, Рязанском, Тарусском, Угличском, Ярославском.

Землевладение служилых иноземцев в 1572–1646 гг. сильно уступало землям всех групп боярства и дворянства, а также выходцев с Востока “служилых князей и мурз”, как и царей и царевичей сибирских, касимовских и казанских. В зоне понизовых городов поместья были невелики и очень мелки в Нижегородском уезде, в Уфе и Казани. В целом развитие землевладения иноземцев старого выезда 1572–1646 гг. в поместной форме развивалось во второй половине XVI в., а в вотчинной – с 70-х годов XVI в. и получило дальнейшее развитие в период массовых пожалований выслуженными вотчинами и поместьями в 1606–1627 гг.

Выходцы из стран востока, выезжавшие “на государево имя” служить в Московском царстве, наряду с литовско-русскими владельческими князьями, как “иноземцы” составляли особую разрядную группу, входившую в состав русской крупноземельной аристократии, Государева двора и служилого города.

Наиболее древнее указное определение этой группы служилого сословия Московского царства – “татары” или синонимичное ему определение “касимовские мурзы и татары” – относится к XV–XVI вв. В приказной практике с конца XVI в. существовало понятие “служилые татары”. В Смотренных списках XVII в. читаем: “немцы и татары, и мордва, и казаки”, под последними в XVI в. подразумевались вольные военные послужилцы в уделах и поместьях ногайских и казанских мурз и князей. В указе 1625 г. дано полное приказное определение этой группы дворянского сословия Московского царства – “которые иноземцы литва, и немцы, и татары и всякие иноземцы”²⁹.

Соборное уложение 1649 г. определило эту служилую группу также включая в нее татарскую знать – “князья и мурзы и татары”³⁰, владевшие в пределах страны поместьями, вотчинами и уде-

лами. Эта служилая группа дворянского сословия, наряду с владельческими князьями и татарскими царевичами составляла к концу XVI в. часть русской земельной аристократии “стратилатских” чинов. Наибольшая часть татарского дворянства Московского царства представлена казанскими, ногайскими и в малой степени крымскими мурзами и князьями, расселившимися в пределах царств Казанского и Астраханского, а также и в центре страны. В царствование Михаила Федоровича в Поместном приказе при разборе земельных исков указано: “у иноземцев касимовских татар переводчика у Биляна Бесерева”, служившего, как и ногайские романовские татары, в ведомстве Посольского приказа. В целом корпус “служилых татар”, как и корпус служилых иноземцев сформировался в конце XVI – начале XVII в. и имел общее название “юртовских татар”. Приказные документы XVI–XVII вв. указывают, что в составе этой группы служилого дворянства преобладали казанские, астраханские татары и в меньшей степени выходцы из Ногайской орды и Крымского ханства.

В течение царствования Ивана IV собственно “служилые татары” поуездно были испомещены станицами со станичными головами, как и “охочие татары”, в нечерноземных губерниях и на Северо-Западе. В пределах Московского царства второй половины XVI в. было испомещено Бордаковских татар в Рязанском уезде – 27 человек, кроме того Городецких татар – 405 человек, Романовских мурз и их татар – 207, Арзамасских татар – 500 человек. Группа поместных “служилых татар центральных уездов Московского царства составляла 1139 человек, татар Казанского юрта – 1217 человек. Служилые татары в эпоху Ивана Грозного располагались станицами в Коломенском, Каширском, Полоцком уездах и особенно крупном уезде – Тверском, который был уделом казанского царевича Саин Булата Тверского. В остальных уездах они на 60–70-е годы XVI в. могли иметь небольшое количество земель. В Новгородском уезде в 1563–1573 гг. было испомещено 46 “служилых татар” – 103 поместья, часть из них запустела в 1572–1599 гг. В Малоярославецком уезде на 1588 г. было в Заечском стане – 9 поместий, в Хохольском стане – 3 поместья, пустых поместий, брошенных татарами, имелось 4. В Тверском и Московском уездах было несколько вотчин послужильцев двора казанского царевича Симеона Бекбулатовича. В 40–50-х годах XVI в. “служилые татары” иноземческого корпуса были испомещены в Коломенском, Каширском, Полоцком, Вяземском, Тверском, Каширском, Белозерском, Московском уездах, включая двор казанского царя Саин Булата и удел служилого князя Михаила Кайбуловича. Во второй половине XVI в. испоме-

щение “служилых татар” станицами со станичными головами приходится на 1563–1564 гг., так как с 1573–1586 гг. начался исход и отъезд большинства ногайских мурз из Московского царства. В Новгородском уезде с порозжими поместьями было роздано к 1550–1573 гг. 60 татарским помещикам 118 поместий крупного и среднего размера. Они размещались в Шелонской, Бежецкой и Водской пятинах. Преимущественно это были астраханские и казанские татары, забросившие свои поместья в 1572–1573 гг. Ногайские мурзы стали выезжать из Московского царства, передавая поместья другим помещикам Романовского уезда в 80-х – начале 90-х годов XVI в. Таким было размещение татарских поместий в центре и на Северо-Западе Московского царства во второй половине XVI в. Особенно активно пустели поместья, забрасываясь в перелог, в Вотской и Бежецкой пятинах Новгородского уезда.

В Поволжье в 1581 г. татарские станицы имели своих мурз, князей или станичных голов. Так, например, у Городецких татар станичным головой был Михаил Темирев, у малоярославецких – Бабир Таишев, у замосковных – Михаил Лихарев, а у Арзамасских татар головой был в 1581 г. князь Семен Болховский. Кроме “поместных татар”, постоянно находившихся в составе корпуса “служилых татар”, к ним присоединялись вольные, т.е. охочие татары – так, у Городецких татар было 500 поместных и 178 “охочих” татар. В Понизовых городах было “юртовских татар”: Кадомских – 909 человек, Темниковских – 581, “охочих” – 75, Чебоксарского и Кокшанского уездов – 260 человек поместных и “казанских и свияжских з головой Иваном Чепчуговым – 650 человек”; “татар Будулеевых” – 100 человек³¹. Таким образом, в пределах среднего Поволжья преобладали поместные татары и “тарханы”, т.е. вотчинные юртовские татары со своими князьями и мурзами, численность которых в разных обстоятельствах в 1563–1604 гг. менялась за счет “охочих татар”.

Из Сибирского юрта в 1613 г. оставались в Московском царстве – “сибирский царевич” сын хана Кучума – Алей Кучумович и два царевича – дети Алея Кучумовича, прочие сибирские царевичи откочевали из пределов Московского государства до 1610 г. В 1581 г. касимовских царевичей, мурз и “татар царева Двора” было – 208 человек, а “юртовских татар” – 68 человек. “Сеитов полк”, известный с 1581 г., составлял 315 человек. В группу Понизовых уездных помещиков и вотчинников входило: “темниковских татар” 382 человека, “кадомских татар” – 228, “татар и новокрещенов арзамасских” – 225 человек. По городу Ядрину было “тарханов и охотников 17 человек, да чуваша и черемисы” –

297 человек, по городу Кокшайску “чуваши и черемисы 104 человека”, “алатырских князей и мурз” – 230 человек. “И всего казанские рати князей и мурз, и татар, и чуваши, и черемисы 6614 человек”. Кроме них в 1581–1613 гг. “арзамасские мордвы” 257 человек, “бортников 91 человек, алаторские мордвы – 200 человек”. В 1613 г. “в походе” с боярином с князем Д.Т. Трубецким в походе под Тихвином было “ис Казани же з головой Осипом Прончишевым новокрещенов и татар жаловальных 312 человек. Да их людей 72 человека, да з земли чюваши и черемисы 1563 человек”. Всего “в походе” было 1563 татарских помещиков и вотчинников казанского юрта. Из городов с уездами “служилых татар и тархантов и охотников – 58 человек, да з земли старост и черемиса 428 человек”. Кузьмодемьянского уезду “новокрещенов и тарханов, и охотников и басурманов 22 человека, да з земли чюваши и черемиса 423 человека”, “Цивильского уезду служилых жаловальных татар 72 человека, да охотников 12 человек, да с земли чюваши и черемисы 559 человек”, “Санчурского уезду новокрещенов и тарханов, и сотников 28 человек, да чюваши и черемисы 238 человек”; “Царевококшайского уезду сотников и черемисы, и чуваши 241 человек”; Яранского уезду “тарханов и сотников 13 человек, да черемисы и чюваши 290 человек”. По смоленскому разряду 1613 г. городов Нечерноземного центра вотчинников и помещиков: “татар московских городов” – 126 человек, мурз – 17 человек.

В походе под Тихвин того же году было “романовские мурзы Б. и С. мурзы Юсуповы и 198 человек их казаков и татар”.

Таким был состав “служилых татар” Замосковных городов и пределов Казанского царства в 1581–1613 гг.

К 1663 г. в Нечерноземном регионе было 118 служилых татар помещиков, в Романовском уезде было 77 “служилых татар”. Всего “ярославских и романовских мурз” было 245 человек. Большая часть этих татар были из Казанского юрта, исключая ногайских мурз Юсуповых, Кутумовых и князей Шейдяковых. В 1663 г. в пределах Среднего Поволжья и Нижнего, т.е. обширной территории Казанского и Астраханского царства, в Астрахани, на Терке, в Казанском, Свияжском, Чебоксарском, Курмышском уездах до Тальского острога и Верхнеломава, а также на Дону было 2677 мурз, князей и татар, 10 человек черкесских (кабардинских) мурз и 325 человек их узденей. В эти годы им во всех видах их владений принадлежало 33 176 дворов ясачных татар и вотяков.

В 1550-х – 1663 гг. в составе служилого дворянства Московского царства сословная группа “служилых мурз и князей” сфор-

мировалась путем выезда “на государево имя” царством, юртом уделами, верстания их дворов станицами в пределах служилых уездов центра Московского царства в XVI–XVII вв.³² В этом отношении автор труда о происхождении российского дворянства князь И. Голицын в 1807 г. писал о служилом первенствующем сословии Московского царства: “Царь Иван Васильевич, уставляя самодержавие, лишил Российских князей части их привилегий; титул княженский не токмо дал великому числу дворян, но еще большому Татарских мурз, пришедших в его подданство – от чего произошло различие природного князя и жалованного Российского и иноземного”³³. В. Сергеевич в этой же связи указывал, что “особое покровительство московские государи оказывали литовским выходцам, да безземельным, и также безземельным татарским царевичам”. Более того, в своей полемике с Валуевым он писал: “утверждая, что Иван Грозный безземельных азиатских царевичей и царей ставит выше всех древних родов, говорит совершенную правду, но отводит это явление к слишком позднему времени. То же делали отец, дед и прадед Грозного”³⁴. При всей справедливости этих выводов стоило бы учесть, что сословный строй Московского царства складывался долго, аристократия старой эры Ивана Грозного оставила сложную иерархию царств, уделов своих и выезджих царей, царевичей и владетельных русско-литовских князей; потом из дворов этих владетельных князей и царевичей, в интересах всевластной олигархии земельной и высшей чиновной аристократии развивалось уездное дворянство, формировался Двор и в его составе возникла в XVI–XVII вв. в структуре иноземческого землевладения группа, в указном порядке называвшаяся “служилыми татарами”.

Ногайские мурзы выехали к Ивану IV в 1554–1562 гг. – 17 мурз с дворами, подобно касимовскому царевичу Даньяру в 1483 г. В 1573–1586 гг. 13 ногайских мурз откочевали, оставив часть своих земель мурзам Кутумовым и Юсуповым, помещенным в Романовском уезде, и татарам, несшим службу по ведомству Посольского приказа. В 1586 г. имели поместья, вотчины и уделы царевич казанский Саин-Булат, царевич Муртазалеи Городецкий, мурза Иль-мурза Исупов, царевич Арсаналей Кайбулович и сибирский царевич Маметкул.

В 1601 г. “на государево имя” выехали из Сибирского юрта и получили русское подданство царевичи Алей, Канай, Ахим, Ишим дети хана Кучума, владевшие в пределах центра Московского царства населенными имениями.

В историографии указано, что в составе русского дворянства к XVIII в. выезды сформировали 120 татарских дворянских фа-

милий. В рамках иноземческой корпорации служилых иноземцев возникла в XVI–XVII вв. сословная группа “служилых татар”, так именовавшаяся в указах и всех приказных документах XVI в., обладавшая правами владетельных князей с правом отъезда, что имело место в 1573–1586 гг. Из сибирских царевичей только Алей в 1638 г. упомянут среди Двора царя Михаила Федоровича Романова. Таким образом, в 1554–1646 гг. в рамках иноземческой корпорации служилого сословия дворянства возникла сословная группа “служилых татар”, именовавшаяся так в указах и всех приказных документах XVI–XVII вв. В середине XVI – начале XVII в., как показали писцовые книги, они в уделах, крупных поместьях и вотчинах имели не менее 300 тыс. десятин населенных земель и во всех земельных и родословно-чиновных исках, подпадавших под ведомство Разрядного и Поместного приказов, имели не менее 45 тыс. дворов русских и ясачных татарских и вогульских дворов.

В XVI в. станица служилых татар в Малоярославецком уезде распадалась на две группы – старовыезжих – Радищевы, Тарбеевы и новоиспещенных в 70-х годах XVI в., при описании в писцовых книгах 50–80-х годов XVI в. везде именовавшихся “служилые татары” со своими головами, как например в Малоярославецком уезде – станичным головой Бабиром Таишевым, владевшим богатейшим селом Тарутиным. Были в этом уезде и две более поздно испещенные фамилии, выехавшие из Казанского юрта в 1588–1613 гг. – Сюдюковы, Ташлыковы. Всего в 1573–1614 гг. в Малоярославецком уезде было испещено 23 “служилых татарина”, получивших населенную землю в поместной и в меньшей степени вотчинной форме. Эта татарская станица, по ссылкам на жалованные грамоты, была испещена в два приема, в 1573–1588 гг. и позднее, в 1614–1627 гг.

Станица рязанских татар была испещена в 60-е годы XVI в. со станичным головой Илдашем Емаевым. Всего в богатом, хорошо населенном селе Бардаково в 1586–1595 гг. было 24 двора “служилых татар”, 4 татарские вдовы, 2 татарских недоросля, которым было отведено 1833 дес. земель, 73 двора крестьян, всего 115 душ крестьян мужского пола. Всего в Рязанском уезде служилым помещикам принадлежало свыше 380 тыс. дес. населенной земли всех видов владения.

Указы, регулирующие поземельные отношения татар относятся к пакету законодательных актов 1615–1625 гг. Иноземческая социальная группа “служилых татар” по объему прав владения и распоряжения земельной собственностью с размещенным на них чаще славянским населением соответствовала юридиче-

скому статусу русского дворянства. В 1623–1624 гг. в связи с откочевкой татарских мурз (князей) из Арзамасского уезда в Казань правительство в указном порядке ограничивало их переселение в Сибирь и центральный уезд.

В течение 1563–1627 гг. землевладение татар выходило за рамки одного уезда, что хорошо видно по данным об их вотчинном и поместном фонде на примере Думных и Дворовых чинов.

Развитие выслуженной вотчины, как и у русских, было связано с 1606–1618 гг. В 1606–1608–1610 гг. “служилым татарам” было пожаловано 19 вотчин в Брянском, Бежецком, Боровском, Звенигородском, Коломенском, Кашинском, Тульском, Мещевском, Московском, Шацком уездах. Отвод вотчин, по ссылкам на жалованные грамоты, в массе случаев проводился после 1613 г. За оборону столицы Московского царства в 1618–1619 гг. “служилым татарам” было пожаловано 24 вотчины среднего и крупного размера из их же поместий в Арзамасском, Бежецком, Брянском, Боровском, Вологодском, Галичском, Коломенском, Козельском, Костромском, Малоярославецком, Муромском, Нижегородском, Ростовском, Рязанском, Ярославском уездах.

К 1646 г. число уездов с вотчинами и поместьями “служилых татар” несколько сократилось, ввиду перехода их в руки других владельцев из иноземческой корпорации служилого дворянства Московского царства. В 1646 г. вотчины (20 владений) располагались в Белевском, Владимирском, Вяземском, Галичском, Дмитровском, Костромском, Муромском, Мещевском, Нижегородском, Московском уездах. В число их входили и немногие родовые вотчины служилых татарских помещиков.

Число вотчин у татарских землевладельцев возросло в связи с участием в русско-польской войне 1654–1668 гг. Так, в 16 уездах из их же поместий в Алексинском, Дмитровском, Вологодском, Боровском, Костромском, Лихвинском, Пошехонском, Калужском, Рязанском, Коломенском, Нижегородском, Тульском, Шацком, Ярославском уездах было 22 вотчины. По размерам родовые и выслуженные имения соответствовали пожалованиям дворян иноземческой группы правящего сословия служилых иноземцев Московского царства.

К 1714–1717 гг., в эпоху кардинальных изменений в составе Двора и уездных городских организаций, связанных с переводом тысяч помещиков в состояние казенных крестьян, в Нечерноземном регионе оставалось 13 вотчин “служилых татар” в 10 уездах – Арзамасском, Алексинском, Боровском, Кашинском, Лихвинском, Луховском, Московском, Ростовском, Ярославском. В Понизовых городах в 1604–1714 гг. абсолютно преобладало поме-

стве юртовских татар Казанского царства. Наиболее точное соответствие русскому поместью можно проследить именно здесь – все 1136 мурз и татар по определению Поместного и Разрядного приказов “служат с поместий”. В многочисленных пригородах Казанского и Астраханского юртов указано: “служат с земель”. Численность ясачных татар в имениях юртовских мурз, князей и татар в 1646 г. составляла 33 тыс. дворов, а в 1719 г. в Казани – 39,6 тыс. дворов, в 9 пригородах – 30,6 тыс. дворов и от Астрахани до Сызрани и Царицына – 6970 ясачных дворов.

- 1 *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор русского права. СПб., 1900. С. 135, 373; Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись Русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 2. С. 66, 86.
- 2 *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. М., 1925. С. 43.
- 3 Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись Русского войска 1604 г. Ч. 2. С. 66.
- 4 Приходно-расходные книги Московских приказов. 1619–1621 гг. М., 1983. С. 201–239.
- 5 РГАДА. Ф. 1209. Кн. 376, 377, 379. 439; Писцовые книги XVI в. Ч. 1, отд. 1. С. 19–23; Нижегородские платежницы 1608–1612 гг. М., 1910. С. 74, 165, 167, 283; Смутное время Московского государства. М., 1911. Вып. 3. С. 110.
- 6 РГАДА. Ф. 1209. Кн. 813. Л. 586; *Bunner P.* Иван Грозный. М., 1922. С. 86; Разрядная книга 1550–1605 гг. М., 1974. С. 93; Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1975. С. 195.
- 7 Приходно-расходные книги Московских приказов. 1619–1621 гг. С. 201–239.
- 8 РГАДА. Ф. 1209. Кн. 202, 657, 812, 813, 9806, 9808.
- 9 Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 254.
- 10 *Савелов Л.М.* Родословные записки. М., 1906. Вып. 1. С. 84.
- 11 РГАДА. Ф. 1209. Кн. 812, 895, 898, 14728.
- 12 Там же. Кн. 895. Л. 206; Кн. 14728. Л. 1039.
- 13 Собрание государственных грамот и договоров. М., 1822. Ч. 3. С. 172, 169–177.
- 14 *Пясецкий П.* Смутное время и московско-польская война. СПб., 1887. С. 59.
- 15 Дворцовые разряды. СПб., Т. 1. С. 366, 374, 376.
- 16 РГАДА. Ф. 1209. Кн. 91, 93, 96, 202, 203, 210, 292, 376, 377, 549, 550, 592, 660, 812, 895, 14728.
- 17 Там же. Кн. 895. Л. 250 об.; Кн. 660. Л. 46 об.
- 18 Там же. Кн. 4, 440, 7224, 9274, 9809, 14752, 15395.
- 19 Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1860. Кн. 6, отд. 6. С. 272–273.
- 20 РГАДА. Ф. 1209. Кн. 379. Л. 73.
- 21 Там же. Кн. 593. Л. 66.
- 22 Нижегородские платежницы 1608–1612 гг. М., 1912. С. 74, 165, 167, 283.
- 23 Смутное время Московского государства. Вып. 8. С. 74.
- 24 Там же. С. 59.
- 25 РГАДА. Ф. 1209. Кн. 813. Л. 552, 620 об.
- 26 *Савелов Л.М.* Родословные записки. М., 1908. Вып. 2. С. 174.
- 27 РГАДА. Ф. 1209. Кн. 9809. Л. 430 об.

- ²⁸ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в. СПб., 1986. С. 78, 117, 119, 129, 142, 224, 259, 283; *Шватченко О.А.* Светские вотчины в России во второй половине XVII в. М., 1996. С. 257–285.
- ²⁹ *Шватченко О.А.* Светские вотчины в России во второй половине XVII в. М., 1996. С. 257–285.
- ³⁰ Соборное уложение 1649 г. СПб., 1988. С. 263, 264, 335, 336, 342, 353, 391.
- ³¹ *Буганов Д.П.* Документы о Ливонской войне // Археографический ежегодник за 1960 г. М., 1962. С. 264–273.
- ³² *Сергеевич С.В.* Древности русского права. СПб., 1908. Т. III. С. 350–352.
- ³³ *Голицын И.* Статистические таблицы Всероссийской империи. М., 1807. С. 55.
- ³⁴ Русская историческая библиотека. СПб., 1875. Т. 2. С. 274–276; С.В. Сергеевич. Древности русского права. Т. III. С. 351–352.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

В.Я. Гросул. Скажите, какими источниками Вы пользовались?

О.А. Шватченко. Это писцовые переписные книги, начиная с XVI в., 1573 г. и кончая ландратами, переписными книгами 1646, 1678 гг. Кроме этого использовались акты, собранные из публикаций, старых и новых. И в этом отношении акты, например, о выезде всех сибирских царевичей, и документы чрезвычайно интересны. Каждый сохранял старинные родовые вотчины, можно сказать, что они в значительной степени обладали свободой выезда.

Ю.А. Тихонов. Писцовые книги 1570-х годов какие уезды охватывали?

О.А. Шватченко. Они охватывают Московский, Тверской и ряд южных уездов, что отражено в изданиях писцовых книг Московского государства.

Ю.А. Тихонов. Очень мало уездов.

О.А. Шватченко. Да, очень мало уездов. Все восстанавливалось по данным 1624–1628 гг., сохранившим весь вотчинный фонд вплоть до XV в. Мы можем проследить это по ним постольку, поскольку к завершению XVI в. это не было связано ни с какими пожалованиями.

Ю.А. Тихонов. В описании 1620-х годов все это полностью отражено?

О.А. Шватченко. Статичная картина отражена полностью. Когда мы складываем данные XVI, XVII и начала XVIII в., прослеживаются вполне определенные тенденции, которые показы-

вают, что они оставались при незначительных подвижках в пределах Подмосковского края и Московской унии.

Н.В. Сеницына. Можно ли по источникам проследить удельный вес разных форм собственности? И самое главное: поместное землевладение – насколько проводился принцип его условности?

О.А. Шватченко. Что касается служилых иноземцев, то был указ: иноземческие поместья отдавать только иноземцам. При их отъезде за границу это поместье оставалось в рамках служилой корпорации иноземческого корпуса. Это касалось и выходцев из Западной Европы, и приезжающих с Востока, потому что, например, в связи с отъездом части ногайских мурз земли, ставшие очень крупными поместьями (5, 10 тысяч десятин), передавались князьям Юсуповым и Кутумовым, а русским помещикам передавались только в том случае, если у них имелись основания доказывать, что до выезда ногайских мурз у них там были поместные земли. Но учитывая, что весь Романовский уезд подчинялся Посольскому приказу, вполне понятно, что указ о сохранении иноземческих поместий иноземцами неукоснительно выполнялся вплоть до петровской эпохи.

Н.В. Сеницына. А если он умирал, но оставались дети, допустим, женского пола?

О.А. Шватченко. Наследование женщин соответствовало указной практике, связанной со всем русским дворянством. То есть женщина получала прожиточную часть поместья. Например, вдова князя Шейдякова сохранила громадное поместье, оставшееся от ее мужа. То есть вопрос решался на основании указной практики наследования вдовами части прожиточного поместья, пока она не пострижется или пока не выйдет замуж. Если она выходит замуж, то поместье после нее переходит не ко второму мужу, а в род мужа, женой которого она когда-то была и имела это поместье. Эта практика всегда выдерживалась, поскольку при регулировании отношений служилых иноземцев тут ничего существенно нового не могло произойти.

Н.В. Сеницына. Значит, оно было не совсем условным?

О.А. Шватченко. Условность поместного владения в нашей историографии доказана настолько фундаментально, что нет оснований предполагать, что поместье могло существовать без условия военной службы. Любое поместье находилось в руках только до тех пор, пока лицо могло служить. Как писал А.А. Новосельский, служили до глубокой старости – до 70 лет и, выходя из ратного служения, они сохраняли свои поместные жребии, с учетом того, что у них были сыновья. При разделе имений наделяли

главного, старшего сына из поместья. Затем происходила пережеребьевка всего уездного фонда, потому что одни умерли, другие погибли, третьи вышли из городской организации (например, Малоярославецкого уезда).

Ю.А. Тихонов. На наделение земель и наделом влияло вероисповедание, переход в православие или нет?

О.А. Шватченко. Да. Определение “новокрещен” неразрывно связано с определением “служилый” и “надельник”.

Ю.А. Тихонов. “Новокрещен” – это обычно все-таки относилось к татарам.

О.А. Шватченко. Нет, не только.

Ю.А. Тихонов. Можно ли констатировать, что среди иноземцев, наделенных землей, основную долю составляли военные?

О.А. Шватченко. Да, все они, по большей части, несли службу как военные с уездом или с двором.

Ю.А. Тихонов. Если в целом сравнивать количество или земли, или крестьянских дворов, все-таки основная масса относится, по вашему мнению, к мелким служилым людям, среднепоместным или крупнопоместным?

О.А. Шватченко. Они оставались на уровне выборных дворян от уездов.

Ю.А. Тихонов. Значит, среднепоместные?

О.А. Шватченко. Да, среднепоместные. Я не говорю о понизовых городах.

Ю.А. Тихонов. Вы настаиваете на том, что выходцы из поволжских татар (в основном Касимовский, Романовский и другие уезды) и кабардинские крестьяне – это иноземцы.

О.А. Шватченко. Я зачитал фразу, где о них прямо сказано, что все они рассматриваются как часть иноземческого корпуса. Вы можете взять любые указы царя Михаила Федоровича, они так титулованы.

Ю.А. Тихонов. Они в этих актах указаны как часть русского служилого люда. Какие же они тогда иноземцы?

О.А. Шватченко. Так они определялись по характеру расселения, по характеру наделения землей, по религиозному положению и по местонахождению чиновной структуры в составе русского дворянства.

Московское правительство относилось к принятию православия татарами очень терпимо. Например, бордаковские татары. В 1595 г. никаких признаков того, что они православные, нет. Но все были переписаны. И так до 1678 г. они оставались в своей вере, и среди них православных не было. Это Рязанский уезд.

Когда мы положили эти данные на карту генерального межевания и подсчитали, какие изменения были в пределах Рязанской губернии, сопредельных с рязанскими имениями XVI в. землями, то оказалось, что там на 1800 г. было 46 мечетей в Рязани, 24 тыс. татар, мурз, расселенных в городах. В деревне они не жили.

То есть эта сторона специфики отношения к иноземческой корпорации до 1791 г. описана.

Ю.А. Тихонов. Одно дело рядовые татары: они оставались мусульманами. А другое дело – знать.

Вы говорили, что в Новгородском уезде в период Ливонской войны поселен значительный слой татарских служилых людей, и в XVII в. они продолжают там числиться.

О.А. Шватченко. Надо учитывать, что вообще поместная система на Западе и в центре России в XVI в. обладала особенностью: сильно и быстро менялись жребии вне зависимости от того, запустел уезд или нет. Например, если говорить о служилых иноземцах, то в Новгороде они появились где-то на грани 90-х годов XV в., но когда мы поднимаем документы до 1604 г., то узнаем, что поместья им Иван Грозный давал, а жить там не стали ввиду массового запустения земель в 60–70 годах XVI в.

Ю.А. Тихонов. Вы были первооткрывателем этой темы или до вас есть литература?

О.А. Шватченко. У И.Я. Гурлянда есть работа только о романовских мурзах и татарах (мурзах и татарах Романовского уезда). Л.М. Савелов написал несколько небольших работ, в которых показана численность татарских дворянских фамилий в России. М.Ф. Владимирский-Буданов касался этих вопросов. Но что касается их владений в XVI–XVII вв., таких работ я пока не встречал.

В.А. Кучкин. У меня несколько вопросов. Один из них припадает к уже заданному. С одной стороны, западные иноземцы, а с другой – может быть, не ногайские знатные мурзы и т.д., а вот мордовские верхи, чуваша, черемисы. Представители этих народов тоже относились к иноземцам? Или, быть может, эта приказная терминология скользила по поверхности, не различая существенных отличий, скажем, мордовских князей от лиц, которые приезжали в Россию из Англии, например? Это первый вопрос.

Второй вопрос. Знатное происхождение иноземцев из западных стран подтверждается какими-то документами тех же самых стран, или такой проверки не производилось? Я спрашиваю об этом, потому что у нас, например, имеется такой царь Дмитрий, а оказалось, что Лжедмитрий. Как было с этими иностранцами?

Третий вопрос. Скажите, пожалуйста, выходцы из Литвы – они действительно определяются термином “литвины”. Но, может

быть, это все-таки не литвины, а на самом деле это были украинцы и белорусы, которых очень охотно принимали на русскую службу? Есть ли среди этих лиц, которые указаны как “литвины”, действительно лица с совершенно определенным литовским именем или с литовским прозвищем, с фамилией и т.д.?

И последний вопрос. К какому времени относится самое раннее свидетельство о землевладении западных иностранцев?

О.А. Шватченко. Зачитанные мною данные списков служилых иноземцев XVI в. убеждают прежде всего в одном, – указанные лица подчинялись разрядному приказу, т.е. они не были податным сословием. Это подтверждается указной практикой, зафиксированной в книге Поместного приказа (сборник указов об иноземцах имеется). Кстати, там немного этих указов. Поэтому они довольно однозначно рассматривают и татарских князей, и мурз, и выезжавших из-за границы иностранцев как лиц, обладающих правом владения имениями и соответственно подчиняющихся Разряду и Поместному приказу. А это значит, что они рассматриваются как социальная группа, но делегированная в состав служилого сословия в целом, а иногда только двора.

В.А. Кучкин. А что касается мордовских князей?

О.А. Шватченко. Мордовские князья участвовали в походах вместе с казанскими мурзами и князьями. Очевидно, они все-таки в военном отношении соподчинялись, и их можно рассматривать как дворы татарских князей, мурз, которые остались неизменными. Переписные книги 1646, 1678 гг. ничего не меняют.

Теперь о том, как проверялось происхождение. Например, доктор Билс. Он прибыл в Россию как врач царей Василия Шуйского и Бориса Годунова. Почему? Потому что оказывается, что если грамота, которая хранится в Центральном государственном архиве древних актов, выдана на имя Валентина Билса 1613 г., то приехал он, оказывается, значительно раньше, потому что ему дали вотчину за осадное сидение 1606–1610 гг. То есть он без этой грамоты приехать не мог. В. Билс был личным врачом царя В. Шуйского. Артемий Астен: он прибывает в 1612 г. в Архангельск. Его представляют воеводе. Он дает верительные документы, которые подтверждают, что это Артемий Астен, т.е. князь Астен, как его звали. С ним был Маржерет. Известно отрицательное отношение к Маржерету династии и приказной братии, и их не выпустили из Архангельска. Они предложили свои услуги командованию русскими войсками. В конечном счете они оказались в 1618 г. в Москве и защищали Москву, причем защи-

щали блестяще. Хотя был спор с Сергеем Михайловичем Соловьевым, который считал, что их было немного. Да, действительно, их было немного, но при всем движении войск польского короля они двигались на его фланге и оказались в осажденной Москве.

Артемий Астен и сопровождавшая его группа иностранцев имели верительные документы. Эти верительные документы проверялись в Архангельске. Потом они ехали в Москву, и здесь их дело разбирали в Поместном приказе, в Иноземном приказе. Это была очень и очень серьезная проверка.

В приходно-расходных книгах Московского государства, где идет речь о раздаче денег, причем крупных сумм денег (полковники регулярных войск, шотландцы получали очень большие деньги), все они подробнейшим образом записаны: откуда он приехал, из Чехии, из Цесарской земли. Конечно, тут есть некоторый элемент условности, но, тем не менее мы прекрасно знаем, что если создавался полк полностью иноземческий, в нем из 1200 человек 200 было с копьями, остальные – с мушкетами, то мы можем точно сказать, что это поморские города. И дальше в документе идет точное указание, из каких городов, кто они.

Люди, вербовавшие офицерский и рядовой состав для полков XVI–XVII вв., устанавливали их социальный статус, потому что решался важный вопрос об их инкорпорации в состав русского дворянства. Могут ли они иметь земельную собственность наравне с русскими, литовскими, татарскими и прочими феодалами, которые входили в состав двора, думы, уезда и т.д.? То есть такая проверка была. Но это не исключало некоторых, иногда очень острых полемик. Скажем, Маржерета попросили вернуться обратно и на территорию Московского княжества не пустили, а Артемий Астен пробыл в России до 1619 г., и после очень долгой переписки с английским королем его отпустили обратно в Великобританию. Сын же его продолжал служить здесь вплоть до петровского времени.

Сказать, что русские суверены индифферентно относились к национальному составу и к социальному, мы не можем. Документы приходно-расходных книг, публикации дореволюционных авторов о различных приездах и выездах дают значительный фактический материал. Например, если Ишим и Алей, дети Кучума, выезжают в 1600/01 г. на государево имя, то, очевидно, выехал и Маметкул. К сожалению, не удалось доказать, что они все выехали, но совершенно очевидно, что в Москве прекрасно знали, что к ним на государево имя выезжает владетельная особа, имевшая государственные права, а приезжая сюда, она имеет здесь госу-

дарственные права. О том, как это происходило реально, можно сказать только одно. К концу XVI в. упоминаются 5 удельных князей, потому, что все они (и Маметкул тоже) были владельцами родовых вотчин, о которых в документах XVII в. говорится, что они имели поместье, а значит, служили двору, как служили цари. То же касается и касимовских царевичей, но у них всегда была обширная вотчина Касимов и весь этот район, который очерчен в исследованиях как район фактически удельный. Точно так же, как и у романовских. Получается так, что романовские мурзы и татары как сидели на 29 тысячах земли, так они и остались сидеть. Поменяли форму, и у самих татар, у мурз, была своя территория, с которой что они делали? Весь их состав послужильцев шел по Посольскому приказу. Они держали посольскую службу на Восток, в Ногайскую орду и на Крым, и сами мурзы жаловали их землями, а Савва Романчуков – подьячий в поместном приказе – штемпелевал: “это государева воля”, и они получали земли из земель мурз и князей. И в этом отношении, хотя это были поместья, но там сохраняется даже в XVII в., с моей точки зрения, тень каких-то удельных прав. Все они по грамоте Саввы Романчукова в 80–90-е годы XVI в. служили по ведомству Поместного приказа.

Относительно выходцев из Литвы. Самое раннее известие о землевладении иноземцев, как я могу только предполагать, относится к середине XVI в. Скорее всего, это Романовский уезд, потому что в 1604 г. названы иноземческими всего лишь 4 уезда. Генрих Штаден, Таубе и Краузе говорят об этом очень глухо. Кроме того, надо помнить, что это был период опричнины, и чрезвычайно экстремальная обстановка иногда делала людей и помещиками, и вотчинниками. Однако это не могло быть зафиксировано документально. Я не располагаю какими-либо источниками, которые существенно изменили бы картину.

Я привел примеры о Московском уезде. Помимо Московского уезда они могли появиться только в этих четырех уездах. Это древний фонд поместных земель иноземцев.

И естественно, мне представляется, что самым интересным поместьем было поместье Юрия Франсбекова, который вместе с Лифляндским полком, вместе с опричным воеводой Дмитрием Хворостининым и Воротынским участвовали в сражениях, всем нам хорошо известных. Почему? Потому что это наиболее древние, видимо, пожалования в пределах непосредственной близости к Опричной слободе, местопребыванию русского царя Ивана Грозного.

В.А. Кучкин. Кого называли литвинами: украинцев, белорусов или литовцев?

О.А. Шватченко. В южные города, например, в Орел пришли черкасы. Их никто не произвел в ту чиновную группу, в которой находились, например, греки, сербы и литовцы. Не потому, что боялись, что они уедут или еще что-то произойдет, а просто потому, что этот уезд был иноземческим.

И теперь о том, как мог себя выдать рядовой казак из поместья где-нибудь в районе Орла за князя или за лицо дворянского происхождения? Полагалось 15–20 четвертин рядовым казакам, а полковникам – больше. Они все это очень быстро узнавали и распознавали и твердо знали, что они должны получить. И здесь было совершенно очевидно, что это, например, шляхта эпохи Ливонской войны. Почему? Потому что в тексте имеется упоминание: “немка”, “литовка”, “взятый в полон”. Они были полонные. Если они были полонные дворянского происхождения, им давали поместья. И во дворах у них жили немцы и литовцы. Но тут надо помнить, и на это однозначно указал Д.Н. Альшиц в своей работе об Опричном дворе, что лифляндцы и немцы, попавшие в Россию в период Ливонских походов, были поверстаны в Опричный двор. То есть им не меняли их социального положения. И они, обладая большим запасом ценнейших производственных навыков, имея редкие специальности, расписывались и попадали в Опричный двор.

И это я показал. Это и фамилии, это и переводчики, это и богословы. Все это мгновенно вписывалось в ту систему двора, которая очень жестоко добивалась от выезжего, будь то восточный владыка или ученый богослов из Германии, сведений о его социальном положении, о его происхождении.

Конечно, надо помнить, что они пребывали здесь довольно недолго. Это касается и шотландцев, и кельтских немцев. Они жили здесь 10–15 лет и уезжали. И вот дело Артемия Астена как один из примеров этого очень серьезно это показывает.

М.Е. Бычкова. Доклады Шватченко – это всегда великолепное знание предмета, великолепная фактура и прекрасно все это осмыслено.

Я занималась иноземцами несколько в ином аспекте – именно их приемом на службу и прочими делами, но надо сказать, что доклад для меня во многом прояснил процессы, которые ярко очерчиваются по документам второй половины XVI в. и хуже вырисовываются по актам XVII в., потому что просто не сохранились такие разновидности документов, которые показывают стабильность процесса формирования правящего класса России, и умение, выражаясь несколько вульгарным журнальным языком, из многонациональной массы делать такое однородное тело, ка-

ким, в общем-то, был государев двор и каким был правящий класс России.

От XVII в. сохранились дела о выездах иноземцев в Россию, и самое раннее – это как Маржерет, где просто прописана вся процедура их приема, из которой можно сделать ряд выводов; в том числе – что это был не просто прием и не просто наделение поместьями, а именно когда определялось происхождение человека (а новые приемы были очень жесткими, и в результате в XVII в. они регулировались нормами Первого литовского статута 1529 г. о признании дворянства, и мы повторили этот опыт), но его принимали не только на службу, его сразу включали в определенную сословную группу. Я говорю о тех иноземцах, которые в XVII в. “толпой, поодиночке” приезжали в Россию служить, потому что Россия была единственным государством, которое тогда не воевало, а жило мирной жизнью, и где дворянам давали земли, потому что в Европе земельный запас был значительно больше исчерпан, а в России было много неосвоенных земель. Эта мысль была высказана шведским ученым XVIII в. в первом курсе по истории России, который был прочитан в XVIII в. в Швеции, – что иноземцы очень любили Алексея Михайловича, потому что он им жаловал земли. Но земли жаловались не просто так, а в определенном размере. Насколько я помню, в XVII в. самое большое пожалование было 1200 четей, и размер землевладения зависел от происхождения иноземца у себя дома, как это соответствовало определенной сословной структуре в России, и в эту сословную структуру благодаря пожалованиям земель, пожалованию кормом, серебряными кубками и т.д. и т.д. (все было очень дифференцировано) он сразу вписывался. В XVI в. это не прослеживается так четко.

У меня создается впечатление, что в XVI в. переход в православие не был обязателен. Во всяком случае, в записках иноземцев есть такие намеки – что не обязательно нужно было быть православным, чтобы быть на службе у русского царя.

В XVII в. это было очень четко: подданный дворянин, который входил в состав двора и получал земельные владения, обязательно должен был быть православным. Если он православия не принимал, он шел в полки наемного строя. Там были иноземцы, некрещеные. А русский дворянин-иноземец обязательно должен был быть православным. Тут обязательно должна была быть соблюдена процедура крещения. И с приемом на службу это было взаимосвязано. Я повторяю, это касалось людей, которые приезжали сами.

Действительно, в XV в. были люди, которых приглашали на службу, и все посольства привозили мастеров-иноземцев. В сере-

дине XVI в. среди русского православного дворянства, провинциального дворянства есть потомки Аристотеля, того самого, который строил московский кремль, разные другие люди, которые оставались служить в России.

А кроме официальных документов были еще свидетельства родственников. Во второй половине века приезжали родственники Гордона. Он свидетельствовал, что это его родственники. Он на русской службе. Его происхождение записано, и родственники попадали в тот же круг, в котором служил Гордон.

Приезжали родственники Николая Спафария. Он был человеком уже известным. И принадлежность к определенной дворянской структуре была определена.

В докладе говорилось об объединенных регионах, в которых помещались иноземцы. В XVII в. эта политика прослеживается более четко. В Нижегородском уезде в какой-то момент было запрещено давать земли русским дворянам, туда помещались только иноземцы. А потом (это тоже интересно) в порядке заселения земель они опускаются ниже и ниже. Не принимаются лица не приглашенные, нельзя выехать и получить дворянство. Разрешается приезжать тем, кто согласен жить в Нижнем Поволжье. Они спускаются, и в 60-е годы это уже Астрахань, где им дают земельные владения. Появляется ограничение дворов в Москве. Если в первой половине XVII в. их давали в центре Москвы, то потом это было уже не так.

Так что тут была очень интересная гибкая политика.

Я бы только хотела сделать одно замечание, касающееся Литвы. В дворовой тетради 70-х годов XVI в. есть такая статья – “Литва дворовая”. И если мы посмотрим, что это за “литва дворовая”, то мы увидим, что это или однородцы членов государева двора, которые приехали из соседних с Россией земель, или их сородичи по женским линиям. Скажем, много среди людей дворовых родственников Михаила Глинского, приехавшего в начале XVI в. Конечно, если определялось литвин он, белорус или украинец, то просто: белорусы и украинцы были православными. И если приезжал из этого региона человек католик, то это или поляк, или литвин. А дальше просто определяется его происхождение по региону, откуда он выехал.

Ю.А. Тихонов. По моим наблюдениям, в чем тут есть сложность?

Иностранец, швед или выходец из Литвы, и в то же время совершенно по-русски звучат и имена, и отчества, и фамилии. И если не указана в источнике национальность, то, конечно, решать довольно трудно. Но есть и прямые указания. Я могу напомнить

1650–1660-е годы – война с Польшей. В Коломенском уезде бывшие земли Никиты Ивановича Романова перешли во дворец, а затем были розданы литовской шляхте, и вот эти шляхтичи (у них сохранились фамилии Шульц, Рамчковский, и это явно Литва, шляхта), они так взвинтили повинности (в два–три раза), что, конечно, последовала жалоба в Москву, и пришлось все переписывать. В источнике приведено сравнение – сколько они платили при боярине Романове, сколько во дворце и сколько при этих шляхтичах.

Доклад сделан очень интересный, содержательный и во многом даже новаторский, потому что историография у нас очень бедна исследованиями на эту тему.

В источниках то же самое. Трудно заподозрить докладчика в том, что он какие-то источники пропустил. Во всяком случае, XVII в. – все переписные и писцовые книги им проштудированы. С XVI в., конечно, сложнее, потому что таких описаний не сохранилось, но то, что сохранилось, он использовал, актовый материал тоже. Но все-таки в выводах по XVI в., конечно, автору надо быть немного поосторожнее, потому что, в отличие от XVII в., где он может говорить, что вот только в этих уездах они были, а в других не было, потому что их нет в описаниях писцовых и переписных книг XVI в., тут это сделать трудно. Здесь нужен комплекс источников.

Вот что мне показалось любопытным. В докладе и XVI в., и первая половина, и вторая – Ливонская война, “Смута”, после этого 1618 г., затем Соборное уложение. Хотелось наметить какие-то грани или этапы в зависимости от войн и внешнеполитической обстановки. Скажем, Ливонская война дает один материал, канун и “смутное время” – что-то другое. 1618 г.: идут пожалования за оборону Москвы 1606–1610 гг. – это новый этап. И, наконец, время Алексея Михайловича, когда идет раздача земель и включение иноземцев во время и после войны с Польшей, после Андрусовского перемирия. Хотелось с Вами поспорить по двум вопросам. Как-то не укладывается, что татарские князья, мурзы и прочие служилые люди – это иноземцы. По национальности они различались, но в основном они были, конечно, для XVII в. уже православными. Может быть, они продолжали заключать браки с татарками. Но сказать, что они выделялись из массы служилых людей по отчеству, – с этим мне трудно согласиться. Кабардинские тут вообще, конечно, исключаются, потому что с черкасскими князьями тут спора нет. Это думные люди, причем одни из богатейших землевладельцев и душевладельцев и XVII, и XVIII вв.

К тому же они считались родственниками царя, пусть не прямыми, а косвенными. И поэтому может быть вопрос: вот иноземцы, как, можно считать, что они составляли особую сословную группу или нет.

Значит, вопрос такой: вливались или не вливались в общую массу служилых людей или нет? Или их что-то объединяло?

Если они оставались жить в России, то они никак не могли составлять особый слой. Вот если они выезжали, т.е. служба была временной, тогда можно говорить об особой чиновной группе в профессиональном, национальном, в вероисповедальном плане. Служилые иноземцы, входившие в ряды служилых людей, составляли в этом сословии особую чиновную группу.

О.А. Шватченко. Что касается вопроса о том, составляли ли они особую группу в составе служилого сословия, то в данном случае я говорил лишь о том, что иноземцы восточного и западного происхождения в XVI–XVIII вв. повсеместно считались дворянами.

Потом мы смотрим в списках: “Иноземцы, немцы, татары, мордва и казаки”. Служили везде, и в XVI в., всегда скрупулезно, если идет немецкая фамилия, или кого-то из Запада, всегда пишется о его крещении. Я это проверил на всех книгах XVI в. и XVII в.: точно так же. Почему? Потому что сословная группа дворянства включает в себя уездных, выборных, двор и дальше уже Государева дума и т.д.

То есть я в данном случае не пытаюсь расколоть сословие русского дворянства на наличие восточных и западных служилых людей, лишь говорю, что они составляли особую чиновную группу, которая имела как чин название “служилые иноземцы”. Кроме названия они сохраняли все дворянские права. В отличие от русского дворянства они могли вернуться на родину в любое время.

Ю.А. Тихонов. Но это не касается татар.

О.А. Шватченко. По поводу татар можно сказать следующее. В 1566 г. 17 родов ногайцев приехали, 14 выехали назад, в степь. Остались удельные князья Юсуповы, Кутумовы и Шейдяковы. Все они получили право свободного отъезда. Я просто говорю, что это определение “приказное” – оно отличало просто русско-го от служилого иноземца.

Ю.А. Тихонов. Спасибо за очень интересный, содержательный доклад и по-новому поставленные вопросы относительно истории служилых людей по отечеству. Ваш доклад обогащает наши представления об этом правящем сословии.

ЧИСЛЕННОСТЬ И РАЗМЕЩЕНИЕ КАЗАКОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX в.*

Казачье сословие в России являлось привилегированным, охраняющим рубежи империи и порядок внутри страны. Казаки последовательно заселяли окраинные регионы России, включаемые в ее состав. Их деятельность способствовала с XVI в. до 1918 г. неуклонному расширению русской этнической территории, первоначально по течению рек Дона и Урала (Яика), а затем – на Северном Кавказе, в Сибири, Дальнем Востоке, Казахстане и Киргизии.

Для исследования этнодемографической истории российско-го казачества сохранились разнообразные источники, хранящиеся в наших архивах. Однако необходимую полноту и достоверность они приобретают лишь в XVIII в. Это материалы церковного (с 30-х годов XVIII в.), ревизского (с 20-х годов XVIII в.), ведомственного (с 30-х годов XVIII в.), а также текущего учетов и переписей (с 60-х годов XIX в. и полное – переписи 1897 г.).

Историография проблемы весьма обширна и многогранна. Однако специальных, чисто историко-географических исследований о казаках все еще не создано.

Весь комплекс источников, хранящихся преимущественно в архивах (РГАДА, РГИА, РГВИА и др.) позволяет на научном уровне установить:

1) Динамику численности расселения казачьего (а на казачьих территориях и всего) населения за 200-летний отрезок времени.

2) Определить время основания подавляющей массы казачьих населенных пунктов (особенно на территории Кубанского, Терского, Амурского и Уссурийского казачьих войск).

3) С XIX в. (особенно со второй его половины) по отдельным существующим казачьим войскам проследить роль естественного и механического прироста в общем увеличении народонаселения.

---

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 7 октября 2004 г.

4) Определить динамику конфессионального состава жителей ряда казачьих войск (Донского, Кубанского, Уральского).

5) Исследовать этническую структуру казачьего населения.

6) За период с 1918 по 2002 г. рассмотреть, какие изменения претерпела бывшая казачья территория и что от нее осталось в наши дни.

Динамика численности и расселения казачьих войск в Российской империи относится к числу наименее изученных. Особенно это относится к XVIII в., по которому основной корпус источников даже не введен в научный оборот. Наиболее полными из них являются церковная статистика (вероисповедные росписи), текущий учет военного ведомства и переписи. Данные ревизий (за 1719–1858 гг.) позволяют установить лишь численность проживающего на войсковой территории крестьянского населения.

Сохранившиеся материалы позволяют детально проследить, как росло население казачьих войск, как за счет естественного прироста (рождаемость, смертность), так и миграционного (переселенческого) движения. Они дают возможность даже рассмотреть, когда, где и в каком количестве основывались новые казачьи населенные пункты (станции, куреня).

Проследим основные этапы движения казачьего населения хотя бы на примере Войска Донского и Войска Кубанского, имевших свое автономное управление.

В первой половине XVIII в. фактически почти все немногочисленное население Войска Донского состояло из казаков. Беглое население, оседающее здесь, еще могло войти в состав казачества. Очень неполные данные показывают, что в 1707 г. на Дону проживало всего около 30 тыс. человек, а в 1718 г., после подавления восстания К.А. Булавина, здесь осталось примерно 20 тыс. человек (см. табл. 1). Донские казаки потеряли обширные территории, составившие в основном Бахмутскую провинцию Воронежской губернии. Здесь стали расселяться лояльные правительству слободские казаки. Позже эта территория вошла в состав Екатеринославской губернии, а ныне является частью Донецкой области Украины.

В 1737 г. на землях Войска Донского, по церковной статистике, было учтено примерно 60 тыс. человек, в числе которых беглые крестьяне составили 1,5 тыс., или около 2,5% всех жителей (см. табл. 1).

В 60 – начале 70-х годов XVIII в. на Дону было учтено уже около 145 тыс. человек, среди которых беглые украинские крестьяне достигли 35 тыс., или 24%. Последние начали активно заселять южные окраины Земли Войска Донского. Уже в 70-е годы XVIII в. ка-

Таблица 1. Сословно-классовый состав населения Земли Войска Донского в XVIII – 30-х годах XIX в. по данным церковной статистики и исчислениям XVIII в., тыс. человек*

Год	Всего			В том числе					
	муж.	жен.	обоего пола	казаков			помещичьих крестьян		
				муж.	жен.	обоего пола	муж.	жен.	обоего пола
1707	–	–	28,6	–	–	28,6	–	–	–
1718	–	–	16,8	–	–	16,8	–	–	–
1737	31,1	29,9	61,0	30,3	29,2	59,5	0,8	0,7	1,5
%	100	100,0	100,0	97,4	97,7	97,5	2,6	2,3	2,5
1775	–	–	156,0	–	–	110,1	20,4	14,6	35,0
1782	85,8	76,8	162,6	58,4	58,3	116,7	27,4	18,5	45,9
%	100,0	100,0	100,0	68,0	75,9	71,7	32,0	24,1	28,3
1808	179,4	181,8	361,2	110,7	116,7	227,4	64,9	68,9	133,8
%	100,0	100,0	100,0	61,7	64,1	62,9	36,1	37,8	37,0
1811	173,7	177,4	351,1	113,4	119,4	232,8	60,3	58,0	118,3
%	100,0	100,0	100,0	65,2	67,3	66,3	34,7	32,6	33,7
1817	186,9	197,4	384,3	122,6	131,2	253,8	64,3	66,2	130,5
%	100,0	100,0	100,0	65,5	66,4	66,0	34,3	35,5	34,0
1834	283,8	310,9	594,7	172,9	193,4	366,3	110,9	117,5	228,4
%	100,0	100,0	100,0	60,9	62,2	61,5	39,0	37,7	38,5

* *Лебедев В.И., Подъяпольская Е.П.* Восстание на Дону в 1707–1708 гг. // Очерки истории СССР: Период феодализма: Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954. С. 253; *Пронштейн А.П.* Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону, 1961. С. 71–72; Описание документов, хранящихся в архиве... Синода за 1740 год. СПб., 1908. С. 386–387; РГАДА. Ф. 248. Оп. 58. Д. 59/3630. Л. 904–905; Д. 6018. Д. 1–3 об.; Д. 288/4859. Л. 809, 810, 811–814; РГИА. Ф. 796. Оп. 89. Д. 699. Л. 1–9; Оп. 99. Д. 875. Л. 1–9; Оп. 116. Д. 1083. Л. 227; Оп. 445. Д. 424. Л. 1–9; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 1044. Л. 1–13.

заки расселялись в 111 станицах и большом числе прилегающих хуторов. Украинское, преимущественно крепостное население разместилось в основном в приморском Миусском округе (в начале XIX в. в 49 слободах). Число хуторов в начале XIX в. достигло 1722, а поселков 206. Интересно, что абсолютное большинство станиц возникло к началу XVIII в., а крестьянских слобод – в 60–70-е годы XVIII в. Число станиц с начала XVIII в. почти не менялось. Казачье население в рассматриваемый период расселялось в хуторах. Списки станиц и хуторов XVIII–XIX вв. показывают реальное расселение жителей Земли Войска Донского¹. Так, в 50-е годы XIX в. в станице Вёшенской проживало только 367 чел., а остальные жители, приписанные к этой станице, обитали в 51 казачьем хуторе. Всего в этом комплексе к середине XIX в. обитало 14,8 тыс. чел. Во многих хуторах число жителей заметно превышало население самой станицы Вешенской (в хуторе Кудиновом было учтено 427 человек, в Ермакове – 541, в Ушаковом – 590, в Черновском – 769, в Грачевском – 530, в Верховском – 500 человек и т.д.). Таким образом, каждая станица в сущности представляла собой комплекс большого числа поселений, разбросанных на значительной территории. Сама же станица являлась первоначально основанным населенным пунктом, давшим название всему этому комплексу селений.

В 1782 г. при проведении IV ревизии в Войске Донском было зарегистрировано 163 тыс. человек (116,7 тыс. казаков и около 46 тыс. украинских крестьян, доля которых возросла до 28%). В 1808 г. крестьяне составили 37% всего населения, в 1817 г. – 34%, в 1834 г. – 38,5%, в 1851 г. – 30,7%, в 1858 г. – 32,1%. Естественно, что крестьянство проживало в первой половине XIX в. в основном на территории Миусского округа (в 1782 г. – 37,5%, в 1834 г. – 36,2%, в 1851 г. – 41,1%, в 1858 г. – 53,0% общего числа). На втором месте находился Донецкий округ (1782 г. – 29,9%, 1851 г. – 29,9%, 1858 г. – 30,3%) и Усть-Медведицкий (7,2 и 9,5%). В остальных округах доля закрепощенного населения была гораздо менее значительна (особенно в Черкасском, Первом Донском и Втором Донском).

Приток крестьян, а затем иногороднего населения постоянно и неуклонно понижал долю казачества в населении Земли Войска Донского. В 1775 г. казаки достигали здесь 70,6% всех жителей, в 1808 г. – 62,9%, в 1817 г. – 66,0%, в 1854 г. – 61,5%, в 1851 г. – 66,8%, в 1871 г. – 64,3%, в 1881 г. – 59,3%, в 1890 г. – 46,6%, в 1901 г. – 43,0%, в 1911 г. – 44,8%, в 1916 г. – 40,2%. До 70-х годов XIX в. у населения механический прирост на Дону был отрицательным. Регион активно участвовал в заселении Северного Кавказа. Большое число казаков переселялось на Кубань и особенно Терек (здесь и далее см. табл. 2).

Таблица 2. Движение населения области Войска Донского в 1816–1915 гг., тыс. человек*

Годы	Все население			Казаки**			Число казаков	
	Прирост			Прирост			Всего	%
	естествен- ный	механичес- кий	весь	естествен- ный	механичес- кий	весь		
VII ревизия								
1816–1819	48,2	32,6	80,8	...	...	...	281,1	76,8
1820–1830	146,7	–50,7	96,0	...	...	...	315,6	70,6
Итого	194,9	–18,1	176,8	...	...	...	...	...
VIII ревизия								
1831–1840	133,1	32,0	165,1	...	...	...	389,4	71,7
1841–1850	128,2	–42,7	85,5	...	...	...	439,7	67,9
Итого	261,3	–10,7	250,6	...	...	...	...	...
IX ревизия								
1851–1860	151,0	–9,8	141,2	...	...	...	529,7	66,8

1861–1870	165,7	–14,3	151,4	...	...	...	618,5	66,2
1871–1880	299,5	18,8	318,3	...	...	...	698,4	64,3
Итого	465,2	4,5	469,7	...	...	...	...	...
1881–1890	330,0	19,0	349,0	192,2	–0,4	191,8	832,5	59,3
1891–1900	338,1	170,0	508,1	166,6	–1,5	165,1	966,9	46,6
1901–1910	531,3	104,3	635,6	236,3	2,0	238,0	1124,8	43,0
1911–1915	308,2	39,9	348,1	123,8	1,3	125,1	1510,2	44,8
1881–1915	1507,6	333,2	1840,8	718,9	1,4	720,3	...	...
1816–1915	2580,0	299,1	2879,1	...	...	...	...	...

* РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 14. Л. 86 об.; Д. 16. Л. 6 об.–152; Д. 17. Л. 27–41 об.; Оп. 3. Д. 66. Л. 12; Ф. 869. Оп. 1. Д. 232. Л. 25–108; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18415. Л. 38, 77; Санкт-Петербургский журнал. 1804. № 11. С. 91; *Намикосов С.* Статистическое описание области Войска Донского. Новочеркасск, 1884. С. 292, 293; РГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 775. Л. 232–248; *Щелкунов З.И.* Состав и рост населения области Войска Донского. Новочеркасск, 1914. С. 22; РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 248. Л. 31–32; *Краснов Н.* Земля Войска Донского. СПб., 1863. С. 197, 204, 218–219; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18721. Л. 7–21.

** До 1880-х годов нет отдельных данных по сословиям.

В 1816–1880 гг. в регионе общий прирост составил 1038,3 тыс. человек. В этом числе естественный прирост достиг 1072,4 тыс., а механическая убыль – 34,1 тыс. Особенно значительным отток был в 1820–1830 гг. – 50,7 тыс. человек, в 1841–1850 гг. – 42,7 тыс., в 1861–1870 гг. – 14,3 тыс. человек. С 1871 г. механический прирост делается положительным, а с 90-х годов – высоким (1871–1880 – +18,8 тыс., 1891–1990 гг. – +170 тыс., 1901–1910 гг. – +104,3 тыс. человек). С 70-х годов на Дон переселяется все возрастающее число мигрантов. Это были устремляющиеся сюда на заработки сельские жители (так называемые “иностранцы” мигранты). Казачье же население росло только за счет естественного прироста (в 1881–1915 гг. – 718,9 тыс. человек), а механический прирост достиг всего 1,4 тыс. человек (в основном за счет браков с лицами казачьего сословия).

Именно это и явилось причиной резкого сокращения удельного веса казаков на Дону (со 100% в первой половине XVIII в. до 40% в 1916 г.), так как естественный прирост у них был повышен, как и у всего населения этого региона.

В Кубанском казачьем войске ситуация была примерно такой же. Возникло оно в 1793 г. в основном на территории Таманского полуострова. Сюда были переведены бывшие запорожские казаки, а также частично бывшие казаки Малороссии и Слободской Украины. Уже к 1797 г. на землях Войска Черноморского (предшественника до 1861 г. Войска Кубанского) в четырех округах возникло 47 куреней (с середины XIX в. – станиц). В Екатеринодарском округе существовало 18 станиц (8,9 тыс. человек), в Ейском и Бейсугском – по 13 (в первом 3,8 тыс., а во втором – 3,6 тыс. человек) и в Таманском – 3 (0,7 тыс.).

В течение первой половины XIX в. на этой территории поселилось около 120 тыс. человек, а незначительный естественный прирост лишь немногим превысил 20 тыс. человек. В конце первого десятилетия XIX в., в 20-е, а затем в 40-е годы сюда прибыло много мигрантов, главным образом из Полтавской и Черниговской губерний. Все они автоматически были включены в разряд казаков. Поэтому практически все жители Черноморского Войска являлись украинцами².

В пореформенные годы заселение региона идет полным ходом. В 1865–1870 гг. здесь водворилось 50,6 тыс. человек, в основном казаков, а естественный прирост достиг 42,6 тыс. человек. Доля казаков здесь к 1865 г. понизилась до 94%. С 1870 г. приток мигрантов возрастает и до 90-х годов значительно превышает размеры естественного прироста. А с 90-х годов XIX в. естественный прирост уверенно выдвигается на первое место. Все-

Таблица 3. Движение населения Кубанской области в 1865–1917 гг., тыс. человек*

Годы	Все население			Казаки			% казаков
	прирост			прирост			
	естеств.	механич.	весь	естеств.	механич.	весь	
1865–1870	42,6	50,6	93,2				94,0
1871–1880	126,2	175,4	301,6	68,0	25,0	93,0	66,2
1881–1890	246,0	284,3	530,3	173,4	23,6	197,0	55,1
1891–1900	365,5	112,2	477,7	188,2	18,2	206,4	46,5
1901–1910	541,9	195,2	737,1	282,4	25,2	307,6	44,7
1911–1916	362,9	159,6	522,5	178,2	19,4	197,6	43,9
Итого	1685,1	977,3	2662,4	...	...	...	...
1871–1916	1642,5	926,7	2569,2	890,2	114,4	1001,6	...

* РГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 755. Л. 219–223; Ф. 1284. Оп. 194. Д. 27. Л. 5–42; Ф. 433. Оп. 1. Д. 58. Л. 1–4; Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX–XX веках. СПб., 1996. С. 181, 192.

го в 1871–1916 гг. естественный прирост в Кубанской области составил 1642,5 тыс. человек, а механический – 926,7 тыс. У лиц войскового сословия естественный прирост в этот период равнялся 890,2 тыс. человек, а механический – лишь 111,4 тыс. (у лиц не войскового сословия соответственно: 752,3 тыс. и 815,3 тыс. человек). Таким образом, если у казаков ведущую роль в росте числа жителей играл естественный прирост, то у невойскового населения – переселенческое движение. Однако и у последнего с 90-х годов размеры естественного прироста выдвигаются на первое место (если в 80-е годы естественный прирост составил 72,6 тыс. человек, а механический – 260,7 тыс., то в 90-е годы – соответственно 177,3 и 94,0 тыс. человек). А в результате действия этих факторов доля казачьего населения в общем числе жителей области во второй половине XIX – начале XX в. быстро понижается (1865 г. – 94%, 1871 г. – 66%, 1881 г. – 55%, 1891 г. – 45,5%, 1901 г. – 44,7%, 1911 г. – 43,9%, 1916 г. – 43,1%, 1920 г. – 42,9%) (см. табл. 3).

Таблица 4 демонстрирует динамику численности и удельного веса казачьего населения в Российской империи и на землях современной России в XVIII – начале XX в.

Мы видим, что в начале XVIII в. все казачье население Российской империи достигало почти 1,3 млн человек, или 4,5% всех жителей страны. Абсолютно казаки преобладали на землях Украины, где размещались запорожские, слободские и гетманские

Таблица 4. Численность и удельный вес казаков Российской империи и современной России в XVIII – начале XX в., тыс. человек*

№ п/п	Казачьи войска	1710– 1719	1782	1795	1817	1834	1851	1858	1869	1880	1897	1916
	В России											
1	Войско Донское	28,6	116,7	227,4	253,8	366,3	521,5	626,5	708,7	818,5	1051,9	1510,2
2	–"– Кубанское	–	35,0	55,0	75,0	124,1	188,6	238,0	294,4	519,0	784,6	1367,0
3	–"– Терское	–	27,6	32,0	39,3	48,3	82,9	107,0	121,3	130,2	173,6	255,0
4	–"– Оренбургское	5,3	31,8	36,8	43,9	108,9	168,3	222,4	245,0	290,8	424,4	513,8
5	–"– Забайкальское	8,2	13,3	17,0	41,1	42,9	109,4	116,0	120,5	147,3	195,0	265,0
6	–"– Сибирское	39,2	6,0	6,5	39,4	43,2	74,0	85,1	106,2	94,5	104,6	172,0
7	–"– Астраханское	–	6,5	6,1	8,4	12,7	16,5	27,1	13,5	22,8	30,0	40,0
8	–"– Енисейское	7,6	0,9	3,0	3,9	2,2	7,5	8,5	9,0	9,5	10,0	10,0
9	–"– Якутское	2,4	2,0	2,8	1,5	1,3	1,3	1,3	1,8	2,5	2,0	3,0
10	–"– Амурское	–	–	–	–	–	–	3,0	13,3	15,0	2066	49,0
11	–"– Уссурийское	–	–	–	–	–	–	3,0	5,6	5,5	30,0	43,0
12	–"– Башкирское	202,9	246,8	274,7	429,2	610,8	724,3	893,8	923,8	1323,8	1334,8	1654,0
	Итого	275,6	486,6	661,4	935,5	1360,7	1890,7	2331,7	2563,1	3379,4	4161,5	6281,2
	Население России (млн чел.)	14,3	22,2	26,2	30,4	36,9	40,9	45,4	46,6	53,4	66,8	95,6
	%	2,0	2,2	2,6	2,9	3,7	4,6	5,0	5,5	6,3	6,3	6,5

Войско Уральское	12,2	28,0	30,2	34,3	77,7	69,5	76,5	82,4	90,4	125,0	148,5
–"– Семиреченское	–	–	–	–	–	–	–	14,0	20,6	38,0	40,0
На Украине (1710–1719)											
Войско Запорожское, Гетманское и Слобод- ское	942,0	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
По империи	1229,8	514,6	691,6	969,8	1438,4	1960,2	2408,2	2659,5	3490,4	4324,5	6774,7
Все население (млн чел.)	27,2	40,3	46,6	53,7	66,7	73,6	80,5	85,3	108,8	128,2	179,7
%	4,5	1,2	1,5	1,8	2,0	2,7	2,9	3,1	3,2	3,3	3,7

* РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Д. 695. Л. 375–392 (Ведомость о населении Сибирской губернии 1724 г.); Ф. 248. Оп. 58. 1782 г. Д. 4342. Л. 527; РГВИА. Ф. 52. Оп. 194. Д. 567. Св. 124. Л. 25–35; РГИА. Ф. 571. Оп. 4. 1829 г. Д. 2592. Л. 25–42; Ведомость о народонаселении России за 1836 год // Журнал Министерства Внутренних Дел. Ч. 25, № 9; *Кеппен П.И.* Девятая ревизия: Исследование о числе жителей в России в 1851 году. СПб., 1837. С. 246–278; РГИА. Ф. 571. Оп. 6. Д. 1069. Л. 186–190 (Ведомость о сословиях, не подлежащих ревизии, за 1858 год); Столетие Военного министерства. 1802–1902. СПб., 1906. Ч. V. С. 892–894; *Щербатов М.М.* Статистика в рассуждении России // Чтения ОИДР. М., 1859. Кн. III. С. 48–50; *Ден В.Э.* Население России по пятой ревизии. М., 1902. Т. 2, ч. 2. С. 166–309; *Рычков П.* Топография Оренбургская. СПб., 1762. Ч. 1. С. 103; РГВИА. Ф. 12. Оп. 161. Св. 146. Д. 146. Л. 1202–1207; Ф. 52. Оп. 194. Св. 230. Д. 450. 1778. Л. 6–8; *Зварницкий Д.И.* История запорожских казаков. СПб., 1892. Т. 1; *Пронштейн А.П.* Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону, 1961. С. 72–73; *Голобуцкий В.А.* Запорожское казачество. Киев, 1967; *Кабузан В.М.* Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII – первой половине XIX века (1719–1858 гг.). М., 1976. С. 49–60, 71–101; *Он же.* Население Северного Кавказа в XIX–XX веках. СПб., 1996; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Общий свод по империи. СПб., 1905. Т. I–II; Наличное население обоего пола по уездам и городам с указанием преобладающих вероисповеданий и сословий. СПб., 1901; РГВИА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4. Л. 26, 33; РГИА. Ф. 1294. Оп. 194. Д. 48. Л. 31–32; Д. 37. Л. 3; Д. 27. Л. 5–42; Ф. 433. Оп. 1. Д. 58. Л. 1–4; Ф. 1284. Оп. 194. Д. 51. Л. 159; Д. 46. Л. 11.

(малороссийские) казачьи административные образования. Всего здесь было учтено тогда 942 тыс. казаков, или половина всего населения Украины. И одновременно здесь проживало 76,6% всех казаков империи. В 40-е годы XVIII в. казаки составили 44,1% (1078,0 тыс. человек) населения Украины, а в 60-е годы – 43,7% (1241,8 тыс. человек). Таким образом, именно на Украине в 20–60-е годы XVIII в. проживало абсолютное большинство казаков Российской империи, хотя доля их в населении этого региона и понижалась. При этом около 60% (716,2 тыс. человек) всех казаков страны было учтено на землях Малороссии или Гетманской Украины.

В рубежах современной России тогда было зарегистрировано только 22,5% всех казачьих войск страны (276 тыс. человек). В основном это были башкиры, составлявшие иррегулярное войско империи и приравненные к казакам. Среди собственно казаков основными регионами их расселения являлись Сибирские (3,2%) и Донские (2,3%) войска. Все это показывает, что собственно на землях современной России казачье население тогда было немногочисленно. Оно размещалось на окраинах страны и сохраняло еще значительную автономию по отношению к центральной власти, о чем наглядно свидетельствовали восстания К. Булавина, башкир, а в 70-е годы XVIII в. и Е. Пугачева.

Во второй половине XVIII в. значение казаков в борьбе с внешними врагами и вообще в защите внутренних регионов от набегов татар и ногайцев резко снижается. И это явилось одной из главных причин уничтожения на Украине всех бывших там казачьих войск, с включением рядовых казаков в состав государственных крестьян, а казацкой старшины – в сословие дворян. В 60-е годы ликвидируется Слободское казачество, в 1775 г. – Запорожское, а к началу 80-х годов – и Гетманское. Часть запорожских казаков перешла в разряд государственных крестьян. Небольшое их число получило дворянство. А значительная часть (до 10 тыс. человек) ушла в Турцию. Оттуда они постепенно возвращаются в Россию, образуя там Черноморское, Усть-Дунайское, Азовское казачьи войска. Постепенно значительная их часть переселилась на Северный Кавказ и влилась в состав Черноморского (с 1861 г. – Кубанского) казачьего войска. Однако и в 1878 г. в Северной Добрудже, входившей в состав Турции, оставалось еще около 10 тыс. потомков бывших запорожских казаков.

В целом, в начале 80-х годов XVIII в. в Российской империи было учтено лишь 514,6 тыс. казаков, что составило 1,2% населения империи. Однако собственно в России число казаков увеличилось до 487 тыс., и оно достигло 2,2% населения страны.

На первом месте по численности находились башкиры (247 тыс. человек). На втором расположились донские казаки (117 тыс.). Их численность с начала XVIII в. выросла в 4 раза. В середине XVIII в. (в 1746 г.) была установлена окончательная граница между донскими и запорожскими казаками (по р. Кальмиусу), что предотвратило бесконтрольный захват земель этого войска. Украинские переселенцы (преимущественно с 70-х годов XVIII в.) активно заселяют Земли Войска Донского (особенно Миусский округ), однако до 20-х годов XX в. эти территории оставались в составе Земли Войска Донского.

За границами современной России осталось Войско Уральское, где в 1719 г. проживало 12 тыс., а в 1782 г. – 28 тыс. казаков. Это войско возникло еще в XVI в. на окраинных калмыцких землях, однако после 1917 г. его включили в состав Казахстана, где эти земли пребывают и поныне.

Одновременно с казаками на просторах будущей Российской империи (т.е. в XVI в.) в Австрии, на границах с Турцией образуется некое подобие казачьего образования – Военная Граница (Militärgränze). Здесь расселяются так называемые “граничары”, которые охраняли рубежи Австрийской империи, пользуясь взамен большими земельными наделами и другими льготами. Однако никакой, даже внутренней, автономией они не пользовались, что отличает их от казаков России, по крайней мере в XVIII в. Примерно по трети жителей Военной Границы состояли из сербов и хорватов, около 15% – валахов (румын). Кроме того здесь жили венгры, немцы и т.д. Военная Граница была уничтожена уже в начале 80-х годов XIX в. в связи с исчезновением турецкой угрозы, так как последняя турецкая провинция здесь – Босния и Герцеговина – превращается в протекторат Австро-Венгрии. В начале 80-х годов XVIII в. на территории Военной Границы проживало около 650 тыс. человек, что на четверть (487 тыс.) превосходило все казачье население России.

Затем, на протяжении 80-х годов XVIII – начала XX в. в Российской империи и собственно в рубежах нынешней России отмечается быстрый рост численности и удельного веса лиц казачьего сословия. Казаки успешно осваивают новые территории на Северном Кавказе, Дальнем Востоке, Казахстане и Средней Азии. Они значительно расширяют русскую этническую территорию. В конце XVIII–XIX в. в состав казачества было перечислено большое число государственных крестьян, в основном русских. Однако сюда было включено много украинцев, бурят (в 1851 г.), башкир и татар. Причем такие перечисления нередко производились насильственно, без всякого учета мнения лиц

невоинского сословия, и это широко практиковалось на всем Северном Кавказе (в Кубанском и Терском войсках), в Южном Приуралье (в Оренбургском войске), в Сибирском и Забайкальском казачьих войсках. Такие перечисления сходят на нет в 60-е годы XIX в. Тогда казачество окончательно превращается в замкнутое сословие, войти в состав которого было очень трудно (в основном допускалось путем заключения браков). Складывается парадоксальная ситуация. Благодаря высокому уровню естественного прироста удельный вес казаков во всей империи постоянно и неуклонно растет, но на казачьих землях (из-за массового притока туда иногородних мигрантов) доля казачьего населения быстро падает. В пореформенные годы они превращаются в меньшинство и в области Войска Донского, и в Кубанской области, и на казачьих территориях Терской области.

В рубежах империи доля казаков составляла в 1782 г. 1,2% всех жителей (515 тыс. человек), в 1795 г. – около 700 тыс. (1,5%), в 1817 г. – 1 млн человек (1,8%), в 1851 г. – 2 млн (2,7%), в 1897 г. – 4,3 млн (3,8%) и в 1916 г. – 6,3 млн (около 4%). Таким образом, с 1782 по 1916 г. она возросла с 1,2 до 3,7%, так и не достигнув уровня 1719 г. – 4,5%.

В границах же России удельный вес казаков повышался непрерывно: 1719 г. – 2,0%, 1795 г. – 2,6%, 1851 г. – 4,6%, 1897 г. – 6,3% и 1916 г. – 6,5%. Если в начале XVIII в. в России было зарегистрировано около 500 тыс. казаков, то в 1916 г. – 6,3 млн человек. Самыми многочисленными группами казаков были Башкирское (1719 г. – 209 тыс., 1916 г. – 1,6 млн человек), Донское (соответственно 30 тыс. и 1,5 млн человек), Кубанское (конец XVIII в. – 55 тыс., 1916 г. – 1,4 млн человек), Оренбургское (1719 г. – 5 тыс., 1916 г. – 0,5 млн), Забайкальское (соответственно 8 и 265 тыс.) и Терское (конец XVIII в. – более 3 тыс., 1916 г. – 255 тыс. человек) войска и т.д.

Новыми, возникшими лишь в конце 50-х годов XIX в., были Амурское и Уссурийское казачьи войска.

За рубежами нынешней России осталось созданное в 60-е годы XIX в. Семиреченское казачье войско. А особое положение занимало возникшее в XVI в. на калмыцких землях Уральское казачье войско. Оно также отошло к Казахстану, как и Семиреченское войско.

На Военной Границе в Австрийской монархии еще в 1817 г. было больше “граничар” (940 тыс. человек), чем в России (935 тыс.). Но затем число казаков в России уже значительно опережает последних (1834 г. – 1,4 млн к 1,1 млн; в 1858 г. – 2,3 млн к 1,1 млн). А в 1880 г. в России было 3,4 млн казаков, а

граничар на Военной Границе только 0,7 млн, так как уже накануне ее ликвидации значительные территории с сербским населением (Сербская Крайна) вошли в состав Хорватии.

Мы уже отмечали, что часть территории казачества бывшей России отошла после 1917 г. к Казахстану. Тогда же часть земли Войска Донского была включена в границы Украины (35% территории Черкасского, 24% Донецкого и большая часть Таганрогского округа). Граница России здесь с р. Кальмица переместилась почти до р. Сухого Еланчика (земли эти включены в Донецкую область Украины). На всей этой территории преобладало русское население. В целом в Донецкой области русское население составляло в 1939 г. 32,1% (969,5 тыс. человек), в 1959 г. – 37,6% (1601,3 тыс.), в 1989 г. – 43,6% (2316,1 тыс.) и в 2001 г. – 38,2% (1844,4 тыс.). В соседней Луганской области оно достигало в 1939 г. 32,5% (3 тыс. человек), в 1959 г. – 38,8% (950,0 тыс.), в 1989 г. – 44,8% (1279,0 тыс.) и в 2001 г. – 39,0% (991,8 тыс.).

Казачья территория Северного Кавказа осталась в рубежах России. Однако при создании здесь национально-территориальных образований значительная часть ее вошла в их состав. Русское население (преимущественно казачье) бывшего Кубанского войска частично оказалось в границах Адыгеи и Кабардино-Балкарии. В Адыгее доля русских достигала в 1926 г. 55,7%, в 1939 г. – 73,3%, в 1959 г. – 70,5% и в 1989 г. – 67,9%. Данные переписи 1959 г. показывают, что в Гиагинском районе русское (до 1917 г. казачье) население достигало 93,2%, в Майкопском – 88,8%, в Красногвардейском – 83,7%. Представляется неясным, как эти территории могли оказаться в составе Адыгеи³.

В Кабардино-Балкарии доля русских была значительно меньшей (в 1926 г. – 36%, в 1959 г. – 36,3%, в 1959 г. – 34,4%, в 1989 г. – 32%). И здесь в 1959 г. русские составляли в Прохладненском районе 90,5%, в Майском – 86,3%, в Нальчикском – 58,4%, в Приманкинском – 55,6% всех жителей. Именно здесь размещалось до 1918 г. казачье население. В 1940–1980-е годы естественный прирост у русских в регионе оказался пониженным, что и способствовало понижению их удельного веса⁴.

В Карачаево-Черкесии ситуация оказалась такой же. До 60-х годов XX в. доля казаков здесь равнялась 50%, а к 1989 г. снизилась до 42%. Русские доминировали здесь в Прохладненском (83,2%), Зеленчукском (75,3%) и Черкесском (58,8%) районах, казачьей территории, сформировавшейся в 60–70-х годах XIX в.⁵

В Северной Осетии доля русских равнялась в 1926 г. 28%, в 1939 г. – 38%, в 1959 г. – 40% и в 1989 г. – 30%. Тем не менее и в ее состав вошел населенный еще в XVIII в. казаками Моздокский

район (в 1959 г. русских было 67,5%). В Чечено-Ингушетии удельный вес русских и украинцев (в основном, потомков терских казаков) в 60–90-е годы XX в. катастрофически понизился. В 1926 г. они достигали здесь 27,5% (150 тыс. человек), в 1939 г. – 36% (263 тыс.), в 1959 г. – 50,9% (360 тыс.), в 1970 г. – 36% (380 тыс.), в 1979 г. – 30% (350 тыс.), в 1989 г. – 24% (300 тыс.) и в 2001 г. – 5% (60 тыс.). В 1959–1989 гг. удельный вес русских понижается. Здесь повсеместно, кроме г. Грозного, они превращаются в этническое меньшинство (в Грозном их было в 1959 г. – 78%, в 1989 г. – 52,9%). В Грозненском районе доля их в эти годы упала с 45,8 до 8,7%, в Гудермесском – с 59 до 13%, в Наурском – с 83 до 7%, в Шелковском – с 72 до 5%, в Сунженском – с 73 до 7% и т.д.⁶

До 1957 г. граница между Чечено-Ингушетией и Ставропольским краем пролегла по р. Терек. В Шелковском, Наурском, Сунженском районах проживали русские, потомки терских казаков, поселившихся здесь еще в XVI в. Но потом все эти земли вошли в состав Чечено-Ингушетии, и русское население было вытеснено отсюда в основном до начала 90-х годов XX в., и полностью – к началу XXI в.

Из всех казачьих войск России самая печальная участь была именно у Терского войска, самого “древнего” из всех войск. Жители его лишились своей родины и были вынуждены переселиться в основном в соседний Ставропольский край. Население же других бывших казачьих войск хотя бы смогло остаться в местах своего постоянного проживания. И лишь относительно немногим пришлось оказаться в рубежах вновь созданных государственных образований (часть донских казаков – на Украине, все уральские, семиреченские и часть сибирских – в Казахстане и Киргизии). В Донецкой и Луганской областях Украины на бывших землях области Войска Донского до сих пор преобладает русское население (Енакиево, Макеевка, Снежное, Харуцызск, Краснодар и т.д.).

Таблица 5 показывает, как изменялись численность и расселение башкирского (в XIX в. башкиро-мещеряцкого) войска на территории России в XVIII–XX вв.

В 1719 г. баширы составляли 1,2% всего населения России (а с мещеряками и тептярями – 1,4%). Затем в силу различных причин доля их понижается (1762 г. – 0,7%, 1795 г. – 0,7%), но к середине XIX в. достигла уровня 1719 г. К 1897 г. она увеличилась до 1,5%. Но это явилось результатом включения в состав башкир многочисленных групп татарского населения (тептярей и бобылей и мещеряков). В 20-е годы XX в. их доля упала до 0,8%,

Таблица 5. Динамика численности башкирского населения России в XVIII–XX вв. (в современных границах), тыс. чел.*

№	Регион	1719	1762	1795	1850	1857	1920	1926	1939	1959	1979	1989	1999	2002
1	Башкирия		72,8	79,0	183,5		862,3	637,5	669,3	737,7	935,9	864,0	–	–
2	Пермская обл.		7,5	7,9	17,6		48,4	44,6	29,2	39,6	48,8	52,3	...	
3	Татарстан		4,6	22,0	66,1		121,3	1,6	1,1	–	9,3	52,3	...	
4	Оренбургская обл.		19,2	24,5	95,4		0,9	15,0	23,1	30,1	43,3	53,3	...	
5	Самарская		–	–	–		10,4	6,9	0,1	2,8	6,3	8,3	...	
6	Челябинская		34,6	58,6	146,8		90,8	14,8	59,4	88,5	133,7	162,1	...	
7	Свердловская		–	–	–		2,7	6,5	8,6	14,6	30,1	41,5	...	
	Итого	172,0	138,7	192,0	509,4	1910,8	1166,9	726,9	824,5	910,5	1259,7	1345,3	...	
	%	1,2	0,7	0,7	1,2	1,5	1,3	0,8	0,8	0,8	0,9	0,9	...	
	Сверх того:													
	мещеряков	8,4	22,6	32,9	81,0	27,2	143,0	137,9	–	–	–	–	...	
	тептярей и бобылей	22,6	57,8	98,4	194,3	104,0	150,8	23,3	–	–	–	–	...	
	Итого	31,0	80,4	131,3	275,3	131,2	293,8	160,9	–	–	–	–	...	
	Всего	202,0	219,1	323,3	784,7	1442,0	1460,7	884,8	824,5	910,5	1259,7	1345,3	1473,4	1673,8
	% к населению России	1,4	1,1	0,8	1,9	2,1	1,7	1,0	0,8	0,8	0,9	0,9	1,0	1,2

* I ревизия: РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1163. Л. 1007–1017; ГАРФ Р. XVI. Оп. 1. Д. 993. Л. 1–3; Ф. 248. Оп. 13. Д. 13/695. Л. 192; Оп. 7. Д. 35/406. Л. 4 об. Дан В.Э. Население России по пятой ревизии. М., 1902. Т. 2, ч. 2. С. 208. II ревизия: РНБ. ОР. Ф. 885. Оп. 1. Д. 242. Л. 1–54; РГАДА. Ф. 248. Оп. 58. Д. 559/3082. Л. 1015–1020. III ревизия: РГАДА. Ф. 248. Оп. 58. Д. 4342. Л. 317–358; Ф. 259. Оп. 19. Д. 23. Л. 586–603; ГАРФ Р. XVI. Оп. 1. Д. 816. Л. 27–29. V ревизия; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18815. Л. 1–63 об. IX ревизия: РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2184. Л. 119, 817, 825; Кеппен П.И. Девятая ревизия: СПб., 1857. С. 248; РГИА. Ф. 571. Оп. 6. Д. 934. Л. 8; Оп. 9. Д. 52. Л. 83; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1901. Вып. 17: Наличное население обоего пола по уездам с указанием числа преобладающих родных языков... Л. 1–28. Переписи 1920–2002 гг.: Шибанов В.П. Этнический состав Европейской части Союза ССР. Л., 1930. С. 103–150, 190–191, 202–203, 218–219, 266–267; Богоявленский Д.Д. Этнический состав населения России // Население России. 1999. М., 2000. С. 28–34; Тишков В. Этнический состав населения Российской Федерации. 1989–2002 // Независимая газета. 2003. 11 нояб. № 242. С. 2; Национальный состав и владение языками, гражданство: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2004. Т. 4. С. 7, 25–122.

так как переписи стали вновь регистрировать мещеряков и тептярей (по крайней мере их большую часть) в составе татар. И лишь в 1979–2002 гг. удельный вес башкир за счет более высокого естественного прироста поднялся до 1,2% – показателя начала XVIII в. А абсолютное их число увеличилось со 170 тыс. в 1719 г. до 510 тыс. в 1850 г., 730 тыс. в 1926 г., 1,3 млн в 1989 г. и 1,5 млн в 2002 г.

Изменилось и расселение башкир. В 1762 г. лишь 52% их проживало в рубежах современной Башкирии. Почти 25% жило в границах Челябинской области, 14% – в Оренбургской области.

А в 1989 г. в границах Башкирии проживало 64,2% всех башкир, 12% – в Челябинской области, по 4% – в Оренбургской, Пермской областях и в Татарстане. Иными словами, доля башкир резко снижается за ее современными границами и особенно в Челябинской и Оренбургской областях. А в Татарстане и Свердловской области их стало больше.

В 1917–1920 гг. казаки в основном поддерживали свергнутый режим. И это явилось основной первоначальной причиной не только ликвидации всех казачьих войск, но и включения многих их территорий в состав созданных административно-государственных образований. К середине 1920-х годов около 200 тыс. бежавших за границу казаков вернулись на свою родину. В СССР население ранее казачьих территорий росло несколько быстрее, чем в других регионах. Так было в XVIII–XIX вв., так осталось и в XX в. Земли южных регионов страны обладали великолепными черноземными почвами, хорошим климатом и были более благоприятными для проживания. Но даже если считать, что жители населенных ранее казаками регионов России росли так же, как и по всей стране, то в 2002 г. они должны составить примерно 9,5 млн человек (6,5% всех жителей России). Абсолютное большинство потомков этих казаков уже никак не соотносит себя со своими предками.

Последняя перепись 2002 г. совершенно необоснованно пыталась воссоздать в России новый этнос – казаки. В дореволюционной России казачество являлось привилегированным, имеющим свою славную историю сословием. Таким же как дворяне, духовенство, купцы или мещане. Оно, при абсолютном преобладании русских, было многонациональным. Среди них было много украинцев (в Кубанском войске), башкир, бурят (в Забайкальском войске), калмыков (в Донском и Уральском войсках), татар и т.д. Потомки казаков по переписи 2002 г. фактически не включили себя в состав этого сословия (было учтено менее 100 тыс. человек).

Попытки воссоздать в XXI в. казачество в стране как особое иррегулярное войско, охраняющее рубежи, особенно на Кавказе, вряд ли увенчаются успехом. Для этого, в первую очередь, надо на научном уровне исследовать героическое историческое прошлое этого сословия, показать его вклад в защиту и формирование территории России с XVI в.

У нас же пока создаются странные казачьи подразделения зачастую на территориях, где казаков никогда не было. И нет ничего подобного нередко там, где протекала нелегкая жизнь многих поколений казаков. Считается, что казаков у нас сейчас 600 тыс. Но ведь уже в 1916 г. их было около 6,5 млн?

Из сказанного следует, что назрела задача комплексного изучения истории российского казачества за всю многовековую историю его существования с XVI в.

И здесь немалую ценность представляют историко-географические исследования, где устанавливается, как протекал процесс создания и функционирования казачьих войск в стране. Важно знать, как изменялись численность и расселение казаков, каков был их этнический состав и какой они внесли вклад в формирование и защиту русской и в целом российской этнической территории.

В период после 1917 г. следует исследовать, в состав каких новых государственных и административно-территориальных образований вошли казачьи земли. И какова оказалась дальнейшая их судьба.

Все эти проблемы обеспечены хорошими источниками, и перед исследователями остается лишь одна конкретная задача – создать новые фундаментальные исследования, которые бы углубили и расширили уже существующие.

¹ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 1044. Л. 1–13 (1776 г.); Военно-статистическое описание Земли Войска Датского 1852 г. // РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18721. Л. 21 об.–23; ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 2. Д. 19 (1857 г.); *Лебедев В.И., Подъяпольская Е.П.* Восстание на Дону в 1707–1708 гг. // Очерки истории СССР: Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954. С. 253.

² См.: *Кабузан В.М.* Население Северного Кавказа в XIX–XX веках: Этностатистическое исследование. СПб., 1996.

³ Там же. С. 215.

⁴ Там же. С. 216.

⁵ Там же. С. 217.

⁶ Там же. С. 216.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

В.М. Хевролина. Учитывая сложившиеся у казачества традиции, некоторые считают казаков особым этносом. Каково Ваше мнение по этому вопросу?

В.М. Кабузан. Никакого этноса в лице казачества в России не было, нет и быть не может. Сейчас у нас попытались возродить этот этнос. Это 40 тыс. населения, которые записали себя казаками. Это люди, которые считают себя русскими, но готовы отнестись себя к казакам.

В.М. Хевролина. Чем же отличаются сейчас условия жизни на Северном Кавказе, да и в других местах казаков и просто русского населения, не казачества?

В.М. Кабузан. Отличий никаких нет, просто остались эти территории.

В.М. Хевролина. Так в чем же смысл выделения казачьих территорий?

В.М. Кабузан. Я считаю, что это нецелесообразно, это ничего не даст, казачество уничтожили! Но важно для возрождения хотя бы каких-то традиций в нашем сознании, чтобы знать – как казаки жили и защищали себя и Родину от соседей. Вряд ли это удастся в наши дни и в перспективе.

А.Н. Боханов. Они не возродятся, но для них важен хотя бы Северный Кавказ.

В.М. Кабузан. На Северном Кавказе русское население сокращается, а местное растет семимильными шагами. Удельный вес мусульман в 1990-е годы вырос больше чем на 1 процент. Это очень много.

А.Н. Боханов. Надо учитывать признаки для идентификации русского архетипа. Количество мусульман растет. Православных – 5 процентов.

В.М. Кабузан. Ориентация на православные ценности – это главное.

А.Н. Боханов. Это вера, конечно, а потом уже – сознание. Вера формирует сознание. Вы правы, когда пишете о второй позиции отцовства в Израиле. Но там как бы исключение – закон 1950 г. Если вы заявляете в документах, что вы еврей, но исповедуете христианство, вас в Израиль не пускают.

В.М. Кабузан. Если мать еврейка, то можно ехать, а если отец еврей, но мать православная или какая-то другая, то уже нельзя.

А.Н. Медушевский. Скажите, пожалуйста, а какие факторы определяют негативную демографическую динамику? Ведь из-

вестно, что Германия и многие другие западноевропейские страны вымирают.

В.М. Кабузан. В какой-то мере снижение показателей воспроизводства было подготовлено всем ходом нашего исторического развития, начиная с 1930-х годов. Но с Европой существует очень большое отличие. Если взять Германию, то население ее растет за счет миграции, за счет притока не только немцев, но и турок, и представителей других народов. Немецкое население Германии с 1972 г. по сегодняшний день уменьшилось на 7 млн человек, а за счет огромного притока мигрантов – немцев и других в Германию – оно выросло, так что эта “прореха” залатывается. Но что происходит в Германии с немцами? У них низкая рождаемость. За счет низкой рождаемости и происходит сокращение числа немцев. Смертность же у них очень невысокая, люди живут там очень долго и хорошо. Это характерная черта и Германии, и стран европейского рынка.

Что же происходит у нас? У нас такая же рождаемость, как и в Германии, сейчас она стала чуть-чуть выше. Все то, что нас отличает от всех цивилизованных стран и даже от стран среднего достатка – это огромная, все возрастающая смертность. Она в два раза превышает рождаемость, и она же играет основную роль в возрастающем сокращении населения.

А.Н. Медушевский. Но ведь этот фактор действует в равной мере и на православное, и на мусульманское население...

В.М. Кабузан. Нет, ни в коей мере! Там старое традиционное демографическое поведение. Там очень много детей. Смертность там такая же, как у русских, а рождаемость очень высокая, и за счет этого удельный вес мусульман только за 10 лет вырос более чем на 1%. Сейчас есть материалы переписи 2002 г. Мусульманское население очень сильно выросло. На нем не сказались негативные тенденции, оно растет так же, как росло и раньше – 20, 30, 40 и 50 лет назад, даже больше. Поэтому если даже все останется так, как есть, будет так же, как в Израиле. Когда Израиль появился, там было 13% арабов, сейчас стало 17%, потому что у арабов вдвое выше воспроизводство, чем у евреев, и уже подсчитали, когда Израиль станет арабским государством.

Я.Н. Шапов. Я не могу согласиться с тем, что говорил докладчик. У нас, мне кажется, неправильная государственная и научная позиция по отношению к тому, что является этносом, а что является сословием. Неправильную научную позицию представляет Владимир Максимович. Неправильную государственную – представлял В.И. Тишков, который был министром по делам национальностей. Это старые представления – что есть “этнос” и что

есть “сословие”. Сословия у нас привычные: дворянство, купечество, крестьянство. Это сословия, которые отошли в прошлое, и когда людей спрашивают во время переписи – “Кто вы?”, то ни один дворянин, ни один купец, ни один крестьянин не будет говорить, что он принадлежит к этому сословию, в отличие от казаков.

Казаки продолжают утверждать, что они казаки и у них особое положение, которое у нас не учитывается ни в научных работах, ни в государственных структурах или градациях.

Казачество, как мы знаем, возникло и существует как особая структура внутри других российских территорий. И в этом заключался смысл казачества. Когда мы сейчас отказываем казакам в их особом статусе, мы продолжаем ту же самую линию, которую осуждает докладчик, т.е. мы лишаем казачество его традиционной функции, традиционных дел, традиционных забот – защиты России. Мы уравниваем их с русскими и тем самым мы их губим на месте.

Я считаю, что это неправильная политика так же, как неправильна политика, которая проводилась после распада Советского Союза. Но почему же Вы казаков ставите на один уровень с русскими, которые живут на территории России, во внутренней России. У них совсем другое положение, и им нужно осознать это.

В.М. Кабузан. Никакого особого положения нет.

Я.Н. Шапов.

Нужно это осознать, нужно дать казакам соответствующие права, нужно предоставить их им, нужно заставить их, чтобы они собрались, чтобы они выбрали своего казачьего старшину, предоставить им соответствующие земли. Если мы будем относиться к ним не как к сословию, а как к этносу, то ничего из этого не получится.

Вывод мой такой, что кроме этих двух понятий, этноса и сословия, существует нечто среднее, нечто такое, что у нас не учитывается. Если мы его учтем, тогда мы можем возродить казачество, тогда мы можем этими способами, которые были изобретены еще в старые времена, вернуть наши земли, вернуть наше население на эти земли.

В.В. Кучкин. Я все-таки хочу вернуться к науке и спросить о вещах, которые здесь уже затронуты.

Первый вопрос. Когда Вы говорите о росте казачества, допустим, до 1917 г., записывались ли в казаки люди, которые до этого казаками не были? Вот так же, как получали дворянство или купеческий статус? Какое соотношение было между естествен-

ным приростом и записью в Донское казачье войско или Уральское казачье войско?

В.М. Кабузан. Дело в том, что во второй половине XVIII в. в казаки записывали всех лиц, которым удалось уйти на казацкую территорию. Но статистика тогда была еще очень плоха. Начиная с конца XVIII в. казачество превращается в замкнутую социальную категорию, в которую доступ был очень затруднен. Здесь я имею в виду Войско Донское и Войско Уральское. Всех мигрантов сделали иногородними. Это особая группа, которая получила после реформы 1861 г. особые права, а ее члены стали называться крестьянами. Но с начала XIX в., когда усилилась администрация, есть данные о том, сколько лиц записалось в казаки, сколько умерло или родилось. Так вот, в Войске Донском в XIX в. в казаки записалось всего несколько тысяч человек. Прирост, естественно, у них был колоссальный, а что касается записавшихся, то это был крайне незначительный показатель. Они записались только благодаря бракам. Никакой другой формы записи уже не существовало. А на Кавказе было другое дело. Здесь было мало казаков. Очень беспокойное это было место. И что там делали? Там запись в казаки облегчали всячески. И крестьянин, если он пожелает переселиться на Кубань и записаться в казаки, сразу получал на это право. Всякие отпускные документы от местных властей были не нужны – только пожелание, заявление. И везде это происходило за казенный счет. Крестьян сразу же включали в состав казаков, им давали очень большие льготы. Поэтому в росте числа казаков на Кавказе большую роль играло механическое переселение сюда крестьян. Имеются данные о том, что Войско Уральское, Войско Черноморское, Войско Терское – в основном и выросли на этих очень больших переселениях в основном русских крестьян. На Кавказе до 70-х годов XIX в. было очень низкое воспроизводство населения. Была масса болезней, люди не могли привыкнуть к климату, и до середины XIX в. возросла численность казаков на Кавказе в основном за счет притока крестьян, которых в состав казаков зачисляли сразу по месту прибытия, максимально облегчая положение этой категории населения.

А в пореформенное время, так же как и на Дону, численность переселенцев несколько сокращается, но приток все-таки остается довольно существенным, особенно в Терское войско. Там приходилось много воевать с горцами, особенно с чеченцами. Поэтому там были особые условия заселения.

Или, например, приток на Уссури, на Амур. Там происходило то же самое, там брали всех желающих.

В.А. Кучкин. Второй вопрос. Хотя Вы и сказали, что никаких попыток объявить население Юга России особой этнической категорией не было, но на самом деле они были. Я сошлюсь на труд известного этнографа Зеленина, который, говоря о славянском населении Восточной Европы, различал великорусов, украинцев и белорусов. Великорусов он делил на северных великорусов и южных великорусов. Такое деление применительно к казакам включало казаков в состав южных великорусов, и раз Вы занимаетесь казачеством, какое соотношение было русского населения вообще и казачества в этих районах?

В.М. Кабузан. Во-первых, я хочу сказать, что не важно какие были наречия: окающие или акающие, северные или южные. Суть дела в том, что мы забываем о том, что на Руси и на Украине существовали так называемые субэтноты – категории, имеющие очень существенные отличия. Но они не дотянули до того, чтобы превратиться в отдельный этнос. Обычно, стоит только разделить территорию (как сейчас делят Россию на восемь государств) на отдельные государства, как существующие здесь субэтноты могут быстро превратиться в настоящие этноты. Таких прецедентов у нас очень много. Возьмите в 1878 г. македонцев – болгар по языку. Их отделили, чтобы не была слишком большая Болгария, и через короткое время появился отдельный этнос. Это субэтнос, который менее тесно связан с центром. Здесь людей может объединить только культура, образование, просвещение.

Я не считал и не считаю, что казаки – это особый этнос. Это действительно субэтнос. Это как гуцулы на Украине или, например, те же самые поморы на Севере у нас в России. Это тоже субэтнос. Или более мелкая этническая группа – крышены в Татарстане. Это вещи уже специфические. Но в целом никогда в условиях дореволюционной России они себя не считали отдельным народом. Не было такого! Это искусственная попытка, я в этом глубоко убежден. У казаков в России в качестве разговорного языка использовался русский, они долгое время пополнялись за счет русских крестьян – выходцев из Центральной России. И никогда и нигде до 90-х годов XX в. никто из них не считал себя представителем особого (или особых) этноса.

Мое мнение, что все эти попытки возродить новый этнос для охраны, для обороны – это попытка с негодными средствами.

Ю.А. Тихонов. Вы говорили, что на Северном Кавказе казачьи войска пополнялись за счет переселенцев. Ну и на каких же землях они располагались? На пустых? Или они кого-то оттесняли?

В.М. Кабузан. Дело в том, что горцы жили в основном в горах и не спускались на равнину, а казачество расселялось на равнине. Лишь адыгейцы до 1805 г. заселяли огромные территории к югу от Войска Черноморского. И после Крымской войны, когда они не сумели объединиться с единой Турцией, они ушли на территорию теперешней Сирии и Иордании. А оставшиеся земли в короткий срок были заселены казаками и лицами, записавшимися в казаки. До середины 80-х годов XIX в. здесь расселилось больше переселенцев, чем во всей Сибири. Таким образом, на Кавказе заселялись либо пустые, либо оставленные горцами земли.

В.А. Кучкин. Не было ответа на вопрос о соотношении казачьего населения, русского или другого населения.

В.М. Кабузан. У меня все это в тексте статьи подробно изложено. Но я скажу здесь в общих чертах. В начале XVIII в. на Дону все население считалось казачьим. Были местные переписи. Они учли около 30 тысяч. Все жители русские считались казаками. Потом началась очень большая украинская миграция, когда в 1860–1880-е годы туда ринулись огромные массы украинских мигрантов, которые думали стать там полноправными казаками. Их не записали казаками, и на Дону появилось очень много украинцев. Это изменило соотношение, русских казаков стало около 80% от общего населения. А в 1917 г. было чуть более 40% русских казаков. Пошел уже огромный поток иногородних, в основном украинцев.

В.А. Кучкин. Значит, на 60% русских казаков приходилось 40% украинцев.

В.М. Кабузан. На Дону – в основном русские, а на Северном Кавказе среди казаков и крестьян преобладали украинцы. Но я думаю, что это уникальное явление, когда в 1926 г. на Кубани доминировали украинцы, а в 1936–1937 гг. русские составили почти 100%. В регионе усилились ассимиляционные процессы и многие украинцы стали считать себя русскими. Однако за 10 лет, по моему мнению, такая быстрая ассимиляция вряд ли могла иметь место.

Ю.А. Тихонов. Вот и верь переписям после этого.

В.М. Кабузан. Нет-нет, это реальные процессы, которые ускорялись в XX в. Однако изменение методики регистрации этнического состава также повлияло на результаты переписей 30–80-х годов XX в.

Я сегодня очень рад: мне кажется, я всколыхнул аудиторию. Это большая, сложная проблема. Здесь еще не все ясно. И нам предстоит еще много сделать.

Ю.А. Тихонов. Давайте подведем итоги.

Доклад был очень интересный, зажигательный, продуктивный. У нас еще мало исследователей и тем более исследователей настоящих, хороших, которые в поисках истины не боятся высказывать какие-то нестандартные положения. Тема нужная, важная. В.М. Кабузан выпускает очень много работ, а написал он еще больше. Так что он в очереди и на другие публикации. Может быть, следует написать письма-обращения в правительство и в казачьи войска, которые возрождаются, с просьбой о финансировании и о том, чтобы издать его труд по казакам.

К.А. Аверьянов, Т.И. Дронова

НОВОЕ ОТКРЫТИЕ УСТЬ-ЦИЛЬМЫ

10–13 июля 2006 г. Институт российской истории РАН, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики им. А.А. Никонова Российской академии сельскохозяйственных наук совместно с Всероссийским научным и культурно-просветительским обществом “Энциклопедия российских деревень”, Министерством культуры и национальной политики Республики Коми, Коми региональной организацией “Русь Печорская”, Администрацией муниципального образования “Усть-Цилемский район” при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 06-01-41180 г/С) провели Всероссийскую научно-практическую конференцию “Сельская Россия: прошлое и настоящее: (исторические судьбы северной деревни)”. Местом ее проведения стало старинное село Усть-Цильма, раскинувшееся по берегу Печоры.

О своем желании выступить на конференции заявило более 90 ученых из университетов и институтов, в том числе большая группа из Института российской истории. Несмотря на то, что дорога заняла много времени (из Москвы 30 часов по железной дороге и 4 часа на автобусе), в Усть-Цильму смогли приехать почти 50 участников из Москвы, Санкт-Петербурга, Сыктывкара, Петрозаводска, Казани, Вологды, Архангельска, Калуги, Великого Новгорода, а также из Финляндии и Канады. Помимо пленарных заседаний, работа конференции проходила в трех секциях: “История российской деревни на протяжении веков (XVI – начало XXI в.)”, “Развитие материальной и духовной культуры на Европейском Севере”, “Усть-Цильма – феномен древнерусской культуры”. Были заслушаны доклады по истории развития сел и деревень, типологии семьи, генеалогии, сельскому укладу жизни, быту и культуре, о российских говорах, геральдике регионов, религиозных обрядах и их атрибутике – словом, были затронуты все основные проблемы, связанные с сельским населением Рус-

ского Севера. Все они вошли в изданный после проведения конференции сборник ее материалов¹.

Конференция стала заметным явлением в научной жизни не только Республики Коми, но и страны в целом – отклики на нее появились как в местной, так и в центральной печати². Как отмечалось, она создала прецедент проведения мероприятия российского значения в селе, что весьма актуально в связи с реализацией национального проекта “Развитие АПК”.

Усть-Цильма была выбрана местом проведения конференции не случайно. Несмотря на то, что ее истории и культуре посвящено несколько книг³, она по-прежнему остается малоизвестной для широкой научной общественности. Между тем это, пожалуй, единственное в России место, которое в полной мере сохранило культуру, традиции и образ жизни Древней Руси. Прозвучавшие на конференции доклады, а также введенные в научный оборот новые источники значительно расширили наши представления об истории здешних мест.

Хотя официально Усть-Цильма отсчитывает свое начало с 1542 г., ее историю можно удревнить на несколько столетий. Впервые в сохранившихся источниках название “Печора” встречается уже в недатированной части “Повести временных лет”. Легендарный летописец Нестор, описывая пределы известного ему мира, упоминает “в странах полунощных” племя Печору и сообщает, что она дает дань Руси⁴. Расположенная на далекой окраине русских земель, Печора манила людей своего времени не только богатствами, но и различными чудесами, о которых летописец упоминает под 1096 и 1114 гг.⁵ Отделяя в этих рассказах реальность от вымысла, видим, что уже на рубеже XI–XII вв. новгородцы в поисках драгоценной пушнины забирались далеко на крайний северо-восток Европы, где вели меновую торговлю с народами Севера. По некоторым оценкам, с Печоры ежегодно поступало несколько сот тысяч шкурок, которые доставлялись в Ладогу, откуда меха расходились по всей Руси.

Если учитывать, что пушнина в эту эпоху составляла одну из основных статей русского экспорта, становится понятным, какое значение имела печорская дань. Под 1133 г. Лаврентьевская летопись помещает известие, что во время одной из нередких княжеских распрей новгородцы вынуждены были откупиться от великого князя Ярополка Владимировича (сына Владимира Мономаха) именно печорской данью⁶.

Важной особенностью сбора этой дани являлось то, что она была лишена твердой правовой основы. Военный набег и мирная торговля сплошь и рядом шли рука об руку. Одни и те же люди

могли выступать то в роли грабителей и захватчиков, то в качестве мирных купцов. Соблазн легкой наживы, чтобы обеспечить себя на всю оставшуюся жизнь, порой был настолько велик, что сборщики дани просто забывали обо всем прочем. Иногда они встречали сопротивление и были истребляемы вдруг в разных местах. Под 1187 г. у летописца встречаем известие, что новгородцы были перебиты на Печоре, Югре и за Волоком. Погибло их человек сто. Восстание, как видно, вспыхнуло в разных местах в одно время⁷.

Можно полагать, что лишь с середины XIII в., со времен великого князя Ярослава Ярославича (брата Александра Невского), на Печоре был установлен более или менее твердый порядок сбора дани. Во всяком случае, именно от этой эпохи до нас дошли первые договорные грамоты Новгорода с великими князьями владимирскими, в которых Печора именуется новгородской волостью: “А се, княже, волости новгородские... Пермь, Печера, Югра”. Эта формулировка встречается во всех подобных договорах вплоть до самого конца новгородской самостоятельности⁸.

Однако Печорский край находился под новгородским контролем достаточно номинально. В поисках пушнины сюда забирались не только новгородские, но и ростовские, тверские, а затем и московские купцы. Из грамоты великого князя Андрея Александровича (сына Александра Невского), жившего на рубеже XIII–XIV вв., становится известным, что для морского промысла сюда ходили три великокняжеские ватаги. От летописца узнаем, что в 20-х годах XIV в. владения тверского князя Александра Михайловича простирались “даже до моря Печерского”. В последовавшей затем схватке за первенство на Руси между Тверью и Москвой победила последняя, и со времени великого княжения Ивана Калиты Печора входит в состав московских владений. Из грамоты этого времени выясняется, что Печорская сторона для морского промысла была отдана в ведение некоему Михаилу. Из другого документа становится известным, что в те же годы с разрешения московского князя здесь с ватагой промышлял сокольник Жила, добывавший соколов и кречетов, использовавшихся при охоте и высоко ценившихся при европейских и восточных дворах. При Дмитрии Донском Печора жалуется в кормление Андрею Фрязину⁹. Это было не случайно. “Фрягами” на Руси именовали итальянцев, одним из занятий которых являлась как раз торговля пушниной. Она требовала особых, специфических знаний. Достаточно сказать, что в зависимости от качества стоимость шкурки соболя в XVI в., от которого дошли первые сведения о ценах на пушнину, могла колебаться от 20 копеек до 2 руб-

лей, т.е. в 10 раз. Московские князья нуждались в людях, умеющих правильно оценить пушнину, – в их казне, кроме денег и ценных вещей, имелась масса мехов. От заведовавшего данным хозяйством человека требовались знания, как принять, хранить, расценить и продавать эту “мягкую рухлядь”.

Новгородцы никогда не оставляли попыток вернуть себе Печору. В 1327 г. в Твери произошло известное восстание, во время которого был убит двоюродный брат хана Узбека Чолхан. Разгневанный хан направил войско во главе с Иваном Калитой, опустошившее всю Тверскую землю. Этим обстоятельством попытались воспользоваться новгородцы, вернувшие себе Печору. Некоторое время московский князь “не замечал” этого. Однако, возвратившись из очередной поездки в Орду, Калита потребовал от Новгорода уступки Печоры. Новгородцы пытались тянуть время. Понадобилось вторжение московских войск в принадлежавшие Новгороду Торжок и Бежецк, чтобы новгородцы отказались от Печоры. “И с тех времен князь московский почал взимати дани” с этих мест, – записал летописец под 1333 г. Спустя три десятилетия, в 1367 г., вновь разгорелся спор между Новгородом и Москвой из-за Печоры. Победа осталась за великим князем Дмитрием (будущим Донским)¹⁰. Лишь в 1398 г., уже при сыне Дмитрия Донского – Василии I, новгородцам удалось отвоевать Печорский край. За ними он оставался почти столетие, вплоть до ликвидации новгородской независимости в 1478 г.

После падения Новгорода и окончательного присоединения к Москве Печорского края русское правительство предпринимает шаги по освоению его природных богатств, самым известным из которых стала экспедиция 1491 г. на Цильму в поисках серебра.

Остро нуждаясь в драгоценном металле, ибо на Руси его запасов разведано не было, и для нужд денежного обращения приходилось перечекивать западноевропейскую монету, Иван III в начале 1491 г. решил отправить на Печору, где по слухам имелось серебро, специальную экспедицию. Искать его было поручено иноземным горным мастерам – немцам Ивану и Виктору (именно на их родине были знаменитые Богемские рудники, снабжавшие серебром всю Западную Европу). С ними были посланы Андрей Петров и Василий Болтин. 26 марта 1491 г. они выехали из Москвы. К лету экспедиция прибыла на место и начала обследование отрогов Тиманского кряжа по притокам Печоры. Были обнаружены залежи свинцового блеска, содержащего серебро и медь, а 8 августа 1491 г. по уступам береговой террасы реки Цильмы, “не доходя Космы реки за полднища, а от Печеры реки за семь днищ”, найдено довольно значительное месторожде-

ние меди. Разведки показали, что оно обширно по размерам: “а места того, где нашли, на десяти верстах”. Встречались и признаки серебра, но провести более детальное изучение помешала надвигающаяся осень. 20 октября Андрей Петров и Василий Болтин возвратились в Москву с известием о находке.

Воодушевленный этим сообщением, Иван III весной следующего года направил на Цильму новую экспедицию, выехавшую из Москвы 2 марта 1492 г. С ней отправились мастера “фрязи” – “серебра делати и меди”. В помощь им были даны “делавцы, кому руда копати”, набранные с Великого Устюга, Двины и Пинеги. Для снабжения их продовольствием было вытребовано “пермич, и вымич, и вычегжан, и усолнич сто человек”, а также пожалованы рыбные тони в устье Печоры. На Цильме в 7 км выше впадения в нее реки Рудянки были заложены медные рудники и плавильные печи. Это место и поныне называется “У заводов” и “Цилемское рудное поле”. До сих пор приблизительно в 15 км ниже устья Космы по обеим сторонам Цильмы рельефно выделяются остатки давнишних шахт, а по направлению к Рудянке на пространстве примерно в 10 км вдоль всей жилы видны следы древних разработок. Там же находятся остатки древних строений с кирпичными печами, погребов, угольных куч, кузнечных и плавильных печей, вокруг которых много шлаков. Обнаруживаются и места, где проводились промывка и толчение руд.

Однако результаты оказались довольно неутешительными. Несмотря на то, что были найдены медные руды, содержащие до 50% металла, богатых месторождений серебра, имевших промышленное значение, обнаружено не было. Разработка же меди оказалась невыгодной из-за короткого сезона добычи, сложных горно-геологических условий, отдаленности, отсутствия путей сообщения и трудностей со снабжением.

Любопытно, что на Западе внимательно следили за шагами русского правительства по освоению крайнего северо-востока Европы. Сведения о Печоре находим в трудах известного дипломата XVI в. Сигизмунда Герберштейна, где он поместил очерк, озаглавленный “Путь по Печоре, Югре до самой Оби”, который, как он пишет, был переводом некоего описания, “сделанного на русском языке”, а в конце замечает, что встречался в Москве с князем Семеном Федоровичем Курбским, которого великий князь Василий Иванович “в свое время посылал для исследования мест за этими горами”. Правда, здесь у Герберштейна – ошибка. Речь идет не о великом князе Василии III, а о его отце, Иване III, который в 1498 г. посылал Курбского вместе с князем Петром Ушатым “в Югорскую землю”. Но другие сведения у него до-

вольно точны. В частности, это касается описания реки Цильмы, которая, по оценке автора, “при впадении в Печору простирается на две версты в ширину”. По недавним измерениям, сделанным по льду Печоры, ее ширина в районе Усть-Цильмы составляет 1,6 км.

Менее известно о последующих попытках освоения здешних месторождений. Приблизительно через полвека о Цильме вспомнил Иван IV, приславший на Двину Ивана Федоровича Шишкина, которому велел “здесь людей взяти и итти на Цилму руды копати”. Шишкин, исполнив поручение царя, “руду копал”, но вскоре выяснилось, что она “не добра бысть”.

Тем не менее в самые трудные времена в России всегда вспоминали о Цильме и пытались найти ускользавшее ото всех серебро. В июле 1618 г. по указу царя Михаила Федоровича сюда была послана новая экспедиция за образцами руд. В этом и следующем году в первопрестольную были доставлены требуемые образцы, показавшие при выплавке чрезвычайно высокий выход металла. Это обстоятельство побудило правительство направить на Цильму более масштабную экспедицию, прибывшую на место в августе 1620 г. Однако ее результаты вновь, как и полвека назад, оказались не слишком благоприятными. Поиски шли в 36-ти местах, но лишь в двух случаях была найдена руда. Поэтому в 1621 г. экспедицию отозвали в Москву, куда она вернулась 14 декабря, израсходовав в общей сложности громадную по тем временам сумму в 944 рубля.

Вновь интерес к здешнему месторождению возник во второй половине XVII в., когда в 1664 г. Леонтий Петрович Марселис привез в Москву с Цильмы пуд медной руды. По его словам, нашли ее “на пустом месте, от жилья три дня ходу”. Это указание могло свидетельствовать о том, что искать медную руду необходимо было не там, где ранее велись ее поиски, а в других точках. В 1668 г., исполняя царский указ, пустозерский воевода прислал в Москву образцы руды с разных мест. Судя по всему, результаты оказались удачными, и в 1675 г. сыну Марселиса вместе с компаньонами удалось получить право на разработку медных и серебряных руд на Пижме, Цильме и в других местах. В следующем году сюда направились рудознатцы. Но, как и прежде, это предприятие оказалось неудачным. В позднейшей челобитной один из компаньонов Марселиса писал, что “в доискивании де тех руд и в вывозе к делу мастеров... издержал до 23 тысяч рублей своих денег и займучи”. Параллельно с поисками медной руды отысканы были залежи каменного угля (в документах того времени он именуется черным аспидным камнем), гончарной и кирпичной глины.

В начале XVIII в. на Цильму обратил внимание Петр I. По его указу Приказ рудокопных дел начал разработки в двух местах на Цильме. Было добыто некоторое количество меди, но казенных средств было израсходовано 802 рубля, что делало разработки нерентабельными.

XIX в. также ознаменовался всплеском внимания к рудным залежам на Цильме. При императоре Николае I посланные на Печору сенаторы Мертенс и Корнилов докладывали, что “там есть каменный уголь, нефть и серные источники”. Примерно в это же время разведки на Цильме организовал купец Рязанцев: в 1839 и 1841 гг. его поверенный присылал ему много ящиков с прекрасными образцами руды. Экспедиция 1867 г., уже в царствование Александра II, нашла здесь руду с содержанием 33% чистой меди. Отправлялись на поиски серебра экспедиции при Александре III и Николае II.

Новый поворот в геологическом изучении здешних мест был сделан работами А.А. Чернова, который в 1917–1918 гг. производил специальные разведки на медную руду. При этом он, кроме подтверждения факта наличия меди и серебра в области реки Рудянки, установил присутствие здесь золота. В 1926 г. он писал: “Золото обнаружено во всех пробах и дальнейшие поиски крайне желательны”. Дальнейшие исследования полностью подтвердили взгляд А.А. Чернова о золотоносности бассейна Рудянки и дали основание считать Тиман в целом золотоносным районом. Вследствие этого в районе Среднего Тимана в течение пяти полевых сезонов, в 1932–1936 гг., а также в 1940 г. А.А. Малаховым производилась геологическая съемка, одновременно сопровождавшаяся поисково-разведочными работами. Ему удалось обнаружить коренное золото в верхнем течении Цильмы, у устья реки Шумихи и в верховьях реки Мезени. Мощность кварцевых жил в этих местах, содержащих серебро и золото, варьирует от нескольких сантиметров до 2–3 метров. В кварцевых жилах, кроме золота и серебра, химическими анализами было установлено наличие свинца, цинка, олова, молибдена, ванадия, кобальта и мышьяка.

Проводились геологические разведки и в самый разгар Великой Отечественной войны. Эти поиски вновь напомнили о том, что Цильма еще 500 лет тому назад стала местом зарождения горного дела в России, а здешние рудники являются первым в истории страны разработанным рудным месторождением и ценным историческим памятником.

Во многом неудача первых попыток освоения природных богатств Печоры была связана с тем, что здесь еще не было посто-

янного русского населения. Положение изменилось лишь после похода 1499 г., в результате которого была присоединена Югра, а на Печоре “городок заруби для людей князя великого”, получивший название Пустозерска. Еще через три года сюда был направлен наместником из Выми один из местных князьков – Федор Вымский: “Лета 7010 (1502. – Авт.) повеле князь великий Иван вымскому Феодору правити на Пусте-озере волостью Печорою, а на Выме не быти ему, потому место Вымское не порубежное”.

Потребовалось, однако, еще два десятилетия, чтобы берега нижней Печоры были окончательно заселены. Под 1544 г. Вычегодско-Вымская летопись сообщает: “Лета 7052 пожаловал князь великий Иван новгородца Ластку... печорскими тонями и речками да слободкою на устье на Цильме, а копити тое слободку на князя великого безпенно и безпошлинно, а оброку рублевою за тони и бечевники привозити на Москву вместе с вычегжаны и вымичи”. Судя по всему, размер этого оброка шел “из старины”, когда в конце XIV в. здесь промышляли сокольники великого князя Дмитрия Донского. В одной из двух сохранившихся жалованных грамот Ивашке Ластке читаем: “а оброк ему платити в государеву казну на год по кречету или по соколу, а не будет кречета или сокола, ино за кречета или за сокола оброку рубль”.

Как указывал в свое время академик С.Б. Веселовский, слово “слобода” означает не что иное, как испорченное слово “свобода”. Заселяя подвластную им территорию, московские государи широко использовали методы привлечения на новые места жителей, предоставляя им различные льготы и освобождая на первых порах от части налогов. Мы не знаем, на какой срок были освобождены от уплаты податей первые обитатели Усть-Цильмы. Однако, по косвенным данным, можно полагать, что он составлял 20 лет. Судить об этом можно по известию Вычегодско-Вымской летописи под 1564 г. о присылке на Печору писцов: “Они же писцы волостку Пусто-озеро в оброки верстали и самоедские луки писали”. К 1574/75 г. относится ее же сообщение о проведении писцового описания на Печоре: “Лета 7083 писцы князя великого Василий Агалин, Степан Федоров писали Пустозерскую волостку и отписали от Вымского присуду слободки Усть Цилемскую и Ижемскую, а велено быти тем слободкам за присуду за Пустозерские”¹¹.

Однако на практике первым поселенцам пришлось платить в государеву казну больше и гораздо раньше. Из грамоты 1555 г. узнаем, что оброк с владений Ивана Ластки составлял уже 6 рублей в год. Связано это было с тем, что Усть-Цильма расположи-

лась на речном пути в Сибирь, который проложили русские землепроходцы – от Северной Двины, Пинегаю в Кулой, Мезень, Пезу, Цильму, Печору, Усу и далее на оленях к Оби. По свидетельству английских путешественников, прибывших в середине XVI в. в поисках северо-восточного прохода на Печору, этот путь с Двины на Обь занимал шесть дней пути сушей и столько же водой¹². Все это приводило к росту здешнего населения. В 1564 г. “по Якимову письму Романова” в Усть-Цильме считалось уже 14 дворов.

В 1575 г. “по Васильеву письму Агалина, да подьячего Степана Соболева новоприбыло перед прежним два двора, а людей в них прибыло четыре человека, а при них церковь с трапезою Никола Чудотворец на погосте”. Описание сохранило подробную характеристику местного хозяйства: “А се угодья Усть-Цилемские волости жильцов, по реке Печоре рыбные ловли и тони и речки и строения, которые устья падут в реку Печору... и всего четырнадцать тонь да шесть речек, а лоят на всех на тех тонях красную рыбу семгу, а в речках лоят белую, да бобры бьют всею Усть-Цилемскою волостью... Да в той же Цилемской слободке хлебные пашенки позади дворов их, в капустных огородах их же новой розчисти всей волости пашенки пять четей и оне те пашенки в иной год пашут, а в иной и не пашут, потому что морозом убивает; да их новые розчисти, а на тех розчистях косят они сено”.

Усть-Цилемская слободка хорошо известна и по актовым источникам начала XVII в. Так, в 1610 г., ее жители получили жалованную подтвердительную грамоту, освобождавшую их от дачи кормов для судов с гребцами, едущими в Сибирь¹³. Впервые же эту льготу устьцилемы получили в 1598 г. при царе Борисе Годунове. Однако запрещение пути в сибирскую Мангазею в 20-х годах XVII в. для предотвращения проникновения туда иностранцев приводит к прекращению оживленного движения товаров по Печоре.

Край начинает постепенно замыкаться в себе, сохраняя привычный патриархальный уклад жизни, свойственный XVII в. Неудивительно, что когда в середине этого столетия в России происходит церковная реформа патриарха Никона, жители Печорского края предпочли сохранить прежнюю чистоту православия.

Свою роль сыграло и то, что в четырехстах километрах от Усть-Цильмы – сравнительно недалеко по северным меркам – располагался Пустозерск (ныне Нарьян-Мар) – место ссылки и казни протопопы Аввакума и его “соузников”, ставший одним из центров старообрядческого движения. По вновь обнаруженным

в архивах документам выясняется, что даже через много лет после казни Аввакума в 1682 г. влияние его идей на местных жителей не ослабевало. Часто в эти места, где еще в конце XVII – начале XVIII в. сохранялась живая память о протопопе Аввакуме, ездили сторонники старой веры для поклонения останкам первых старообрядческих мучеников. Именно в этот период происходит массовое переселение русских староверов на окраины России и в бассейн нижней Печоры становится пристанищем “остальцев древлего благочестия”.

В начале XVIII в. на реке Пижме, впадающей в Печору близ Усть-Цильмы, выходцем из Выголексинского общежительства – мезенцем Парфеном Клокотовым и солонецким старцем Феофаном был образован Великопоженский скит, который с небольшими перерывами просуществовал до 1854 г., а немногим позднее, в середине XVIII в. формируется Омелинский скит на реке Цильме и, таким образом, в крае оформляется Поморское беспоповское согласие Даниловского толка¹⁴. Насельники этих скитов являли собой образец благочестивого жития. Именно в скитах было положено начало просвещения Печорского края: были открыты школы – “грамотницы”, мастерские по переписыванию книг.

Одновременно вокруг скитов образуются деревни, жители которых также исповедовали староверие. Пустынножители вели проповедь среди односельчан и сочетали свои религиозные интересы с хозяйственным освоением края: занимались расчисткой лугов для сенокосных угодий, выпаса скота, посевных площадей. Уже к концу XVIII в. этот край становится крупным религиозным и экономическим центром Печоры, поддерживавшим духовные связи с Выгорецкими общежительствами и торговые связи с Чердынью, Усть-Сыольском, Пинегой, Архангельском.

С приходом русских староверов на нижнюю Печору и заселением притоков Печоры – Пижмы, Цильмы, Нерицы начинается известное обособление населения от иноэтничного окружения, придерживавшегося церковного православия. Со временем формируется общность конфессионального типа с самоназванием “староверы”. Бережно сохраняя обычаи, слово и дух древнерусской книжности и отеческой веры, они сформировали регион Усть-Цильмы как своеобразный культурный феномен на крайнем северо-востоке Европы. Окружающее русское и иноэтничное население стало называть староверов “устыцилёма” – по топониму самого древнего и крупного их поселения, ставшему со временем вторым групповым экзонимом, под которым общность вошла в научную литературу.

Старая вера определила особенности и своеобразие развития Усть-Цильмы, главную роль в котором играет веками сложившийся нравственный, психологический и хозяйственный тип человека, выросшего сызмальства на берегах Печоры, воспитанного в строгих правилах старой веры и древнерусских традициях. Несмотря на запреты и угрозы расправ, устьцилёмы свято сохраняли древлецерковные традиции. Даже в сложные годы советской власти в Усть-Цилемском районе никогда не прерывались богослужения, крещения, исповедания, поминовения. Службы проходили в домах, тайно. И лишь только в последние годы появилась возможность открыто исповедовать свою веру. Ныне в Усть-Цилемском районе зарегистрирована староверческая община, действуют три молитвенных дома, по древнему обычаю совершаются крещение и исповедание, погребение и поминовение. Вместе с тем, по традиции, молитвословия совершаются и в частных домах.

В эпоху реформ Петра I Усть-Цильма вошла в Архангельскую губернию, в составе которой находилась до 1929 г. К 1800 г. в селе числилось 120 домов, 417 жителей и две деревянные церкви. К 1853 г. здесь уже было 160 дворов, в которых проживали 490 человек, а к 1897 г. население увеличилось до 2114 человек, занимавшихся привычным крестьянским трудом. Староверы всегда были успешными и умелыми хозяйственниками, стремившимися к экономической самостоятельности. Нарботанные веками навыки ведения хозяйства позволяли устьцилёмам, полагавшимся исключительно на собственные силы, выживать в экстремальных условиях Крайнего Севера.

А они были действительно сложными – Усть-Цильма расположена в приполярной зоне, являющейся рубежной для обработки земли под пахотные культуры. Переселенцы, прибывшие в середине XVI в. в этот северный край, оказались в сложной ситуации: необходимо было адаптироваться к суровому климату здешних мест. Если на первом этапе их основными занятиями являлись охота и рыболовство, позднее они осваивают животноводство и земледелие.

Содержание скота было стойловым – 8–9 месяцев, лишь в короткое лето он находился на вольном выпасе без пастухов. Продолжительные зимы требовали большого запаса сена – в среднем не менее трех тонн (или девять возов) на одну корову. Его косили на обширных заливных лугах, а в летнюю пору сенокос являлся основным занятием устьцилёмов, от которого всецело зависело их дальнейшее благополучие. Зачастую сенокосные угодья располагались вдали от села, и нередко многие хозяева остава-

лись там вплоть до начала зимы и возвращались обратно уже после ледостава (*оставались осенов́ать*).

Земледелием приходилось заниматься в силу удаленности края и бездорожья. Главной культурой являлся ячмень, который один мог вызревать на этой земле, да и то не каждый год. “Хлебу у нас недород часто бывает, а сею только один ячмень, и то небольшую часть для того, что у нас лето короче теплых стран. До морозу родиться не всегда может, а когда же морозом побьет, тогда весьма плохо бывает, иногда есть не можно. В прошлое 1765 лето морозом побило, так что не оставило во многих домах на один день пропитание”, – читаем в документе XVIII в.¹⁵

Из промыслов самым доходным являлось рыболовство. Рыбачили практически круглогодично, артелями в 6–12 человек. Красную и белую рыбу либо продавали, либо меняли на хлеб. С сентября по март промышляли охотой. Огромные лесные площади были издавна поделены между промысловиками и переходили по наследству от отца к сыну. Охотились как в окрестностях села, так и вдали, уходя порой на расстояние до 200 км. Многие также занимались извозом, выезжая зимой обозами от 20 до 100 подвод в Архангельск, Пинегу, Мезень.

Тем не менее, Усть-Цильма, как и остальной Печорский край, оставалась оторванной от внешнего мира. Известного историка С.В. Бахрушина поразил “необычайный консерватизм всего быта печорских крестьян, как русских, так и зырян. [...] Орудия производства тоже древние: соха, борона из сучьев, коса-горбуша; мельниц ветряных нет, а водяных мало; перемол производится женщинами с помощью ручных жерновов; в море выезжают на парусных карбасах”. Столь же архаично велась торговля, не утратившая своего менового характера. «Ежегодно до 1917 г. с открытием навигации чердынские купцы – “чердаки”, как их зовут на Печоре, плыли по течению Печоры, останавливаясь в более или менее значительных селениях. На Усть-Цильме скапливались целые караваны каюков. Возникла импровизированная ярмарка, продолжавшаяся в течение двух-трех недель. Из отдаленных деревень сюда съезжались на лодках жители за покупками. На берегу вырастали балаганы, торговали и на самих каюках. Шла гульба и веселье. Сделки производились обычно в кредит, туземцы расплачивались будущей добычей на промыслах. Таким образом, все население оказывалось в кабале у “чердаков”. Для более отдаленных углов, куда сами “чердаки” не проникали, они давали в кредит местным “богачам”, которые со своей стороны платили своими промыслами»¹⁶.

Экономическому развитию края препятствовало бездорожье. На огромную территорию Печорского уезда размером в 250 тыс. кв. верст приходилось всего лишь 650 верст грунтовых дорог. В определенной мере транспортную проблему решало судоходство по Печоре: во второй половине XIX в. на ней появились паровые суда и было организовано регулярное морское сообщение устья реки с Архангельском.

Одновременно начинают разрабатываться различные проекты по улучшению транспортной системы Печорского края. К началу XX в. здесь, помимо известных с конца XV в. залежей серебряной и медной руды по р. Цильме, были обнаружены небольшие залежи свинцового блеска по р. Суле и Цильме. На р. Ухте, Мылве, Песочной нашли месторождения нефти. В горах Пайхой было найдено много яшмы, а хребет Адак изобиловал минеральными водами. Но главным богатством края являлся лес. Однако разработку всех этих ресурсов тормозило отсутствие сколько-нибудь налаженной транспортной системы. По оценке современника, именно по “транспортным причинам” не находили своей реализации многочисленные экономические проекты в Печорском крае¹⁷.

Перед первой мировой войной возникают различные проекты решения транспортной проблемы – устройство грунтового пути через Урал для соединения р. Усы с Обдорском (план Д.Д. Иевлева), канала из 16 шлюзов между Печорой и Обью (автор – инженер путей сообщения М.Д. Мочульский), исследования инженера Министерства путей сообщений Н.В. Попова по изучению водных путей с р. Ухты на Каму и Северную Двину, еще один проект соединения Печоры и Оби, который разрабатывался Л.В. Корвин-Пиотровским.

Также готовились проекты прокладки железных дорог, затрагивавших территорию Печорского края и предполагавших не только освоение богатств, но и его заселение (перед революцией Печорский край был самым малозаселенным регионом Европейской России – 0,2 человека на кв. версту). Одним из них стал проект Н.В. Мешкова по строительству железной дороги Уфа – Пермь – р. Печора. Первоначально планировалось довести линию до Усть-Цильмы, но в августе 1917 г. было принято решение о ее продлении до Чёшской губы с выходом к Ледовитому океану. Даже после Октябрьской революции у сторонников этого проекта оставались надежды – он получил поддержку новой власти и пропагандировался в советской печати вплоть до 1919 г. Однако из-за последующих событий все эти планы ушли в небытие.

XX столетие стало временем “открытия” Печорского края для остальной России. Мы не ошибемся, если скажем, что в этом веке его “открывали”, по крайней мере, трижды.

Первое из них связано с именем студента Петербургского университета Андрея Владимировича Журавского (1882–1914). Появившись впервые здесь в 1902 г., он вместе со своими сотрудниками на протяжении немногим более десяти лет организовал почти 30 экспедиций по изучению географии, геологии, фауны и флоры практически неизведанного до него края. С его именем связано создание в Усть-Цильме первого научного учреждения на Крайнем Севере – зоологической станции. В 1906 г. она была переименована в Печорскую естественно-историческую станцию Академии наук, которая в свою очередь в 1911 г. преобразуется в Печорскую сельскохозяйственную станцию Академии наук. Кроме этого, в 1909 г. А.В. Журавский открывает еще три “полярные” станции в селах Ижма, Усть-Ухта и Усть-Кожва¹⁸.

До середины 1950-х годов станция являлась форпостом сельскохозяйственной науки на Европейском Севере. Велики заслуги ее исследователей в луговодстве, совершенствовании породных и продуктивных качеств крупного рогатого скота, овец, лошадей. Сотрудники опытной станции достигли больших успехов, о чем свидетельствует занесение станции в Книгу Почета Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. В 1953–1955 гг., три года подряд она становилась участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, где с успехом представляла результаты своих достижений. Но пережив три войны, в 1956 г. станция была закрыта.

Провозглашенный в СССР курс на революционные преобразования в экономике и, в первую очередь, ликвидация частной собственности на землю нанесли непоправимый удар по крестьянскому строю, привели к разобращению родов, утрате навыков хозяйствования, трудолюбия в целом. Тем не менее, благодаря своей отдаленности многие новые “веяния” доходили в Усть-Цильму с опозданием, и она еще долго продолжала жить своей привычной размеренной жизнью.

Именно это обстоятельство способствовало сохранению и развитию богатого духовного наследия жителей Усть-Цилемского края. Важнейшим открытием на Печоре в первой половине XX в. стало обнаружение здесь двух богатейших древнерусских традиций – эпической и книжной, восходящей к крупнейшему центру беспоповского толка – Поморскому согласию. Первооткрывателем былинной поэзии и сказочной традиции на Печоре является Н.Е. Ончуков. По итогам его поездок издаются труды, в которые включены былины, сказки, духовные стихи и другие

устные жанры; немало в его работах и сведений историко-этнографического порядка¹⁹. В 1920-х годах работу по сбору устного народного творчества проводили фольклористы Москвы и Ленинграда: А.М. Астахова, И.В. Карнаухова, Н.П. Колпакова²⁰. Развитость устной традиции подтвердилась записями 1930–1960-х годов²¹. О несомненной культурной важности и значимости устьцилёмского ареала свидетельствует издание в 2001 г. двух томов “Былины Печоры”, открывших фундаментальное собрание трудов “Свод русского фольклора”²². За годы собирательской деятельности фольклористами от крестьян, проживавших в различных селениях Усть-Цилемского района, было записано более 200 былин, составивших сокровищницу северно-русского поэтического наследия. Сегодня еще жива память крестьян о сказителях старин, обладавших красивыми сильными голосами, своеобразной манерой исполнения. К сожалению, традиция исполнения старин была прервана, но усилиями московских фольклористов и этномузыковедов, записавших на грампластинку старины от лучших исполнителей и старожиллов района, лично знавших *краснопевов* и неоднократно слушавших их пение, стало возможным возрождение былинного пения на Печоре. Участники творческого фольклорно-этнографического коллектива, созданного при музее А.В. Журавского, разучивают и, что важно, уже поют старины.

Традиционная устная культура Усть-Цилемского края многогранна – это и устные рассказы, причитания, заговорная и обрядовая поэзия и многое другое. Богата Усть-Цильма и на песенное наследие. Исследователи выделяют здесь развитость таких песенных жанров как: горочный, посидочный, игрищный и др. По итогам собирательской деятельности фольклорных экспедиций были изданы сборники, в которые вошло до 140 сюжетов обрядовой поэзии и внеобрядовых лирических, исторических, рекрутских и игровых песен, записанных в Усть-Цилемском районе²³. По воспоминаниям старожиллов района, еще в недалеком прошлом старики владели репертуаром, состав которого позволял в периоды недельных гуляний (Рождество, Масленица) не повторяться в песнях. И сегодня в Усть-Цильме живут знатоки традиционного пения – это преимущественно люди старше 60 лет, в репертуаре которых не менее 100 песен.

Открытие устьцилёмов как носителей богатейшей старообрядческой книжности принадлежит выдающемуся археографу Владимиру Ивановичу Малышеву, посвятившему более 30 лет своей научной деятельности разысканию и изучению печорского книжного собрания²⁴. Исследуя биографию и труды одного из

наиболее ярких представителей старообрядчества – протопопа Аввакума, он решился в 30-е годы XX в. посетить Пустозерск, место его мученической кончины. Если вспомнить о тех гонениях на веру, которые тогда происходили, поступок молодого человека можно назвать героическим. Путь к месту назначения лежал через Усть-Цильму. Попав на Печору, В.И. Малышев был поражен увиденным – несмотря на то, что с момента гибели Аввакума прошло 250 лет, здесь о нем говорили как о современнике. Наглядным подтверждением этого явились книги. Написанные еще в XVII в., по горячим следам церковного раскола, они бережно сохранялись и обсуждались своими читателями. Сочинения Аввакума нравственно-эстетического характера переписывались печорскими авторами, которые формировали сборники назидательной направленности, поддерживавшие дух читателей-староверов. С этого времени Владимир Иванович буквально “заболел” Печорским краем.

Он организует ряд экспедиций на Печору, в ходе которых собирает рукописные книги. Его трудами был открыт удивительный мир печорской книжности, в котором сохранились произведения древнерусской литературы. Оказалось, что устьцилемами было переписано множество повестей, сказаний, поучений, других образцов церковно-исторической литературы, апокрифов и переводных произведений. Среди памятников – исторические, литературные и бытовые произведения, выписки из древнерусских сборников (Пролог, Пчела и др.), духовные и покаянные стихи, сочинения о патриархе Никоне со знаменитым “Ответом православных” дьякона Федора (Поморское согласие), сочинения протопопа Аввакума и выговских писателей, поморские рукописи знаменного распева и местные крюковые рукописи, литературные повести и многое другое²⁵. До этого некоторые из них были известны исследователям лишь в одном-двух списках, другие стали настоящим открытием.

Многие из книг являются уникальными произведениями искусства, в работе над которыми принимали участие свои талантливые переписчики, редакторы, переплетчики, художники, наиболее замечательным из которых был переписчик и составитель книг И.С. Мяндин. В XIX в. усть-цилемскими писцами был выработан особый почерк, так называемый “печорский полуустав”, образцом для которого послужил поморский полуустав, созданный в XVIII в. выговскими переписчиками. Рукописная традиция Печоры донесла до нас также интересные материалы по истории края – местные синодики, письма крестьян, деловые документы. Собранные В.И. Малышевым и его учениками книги

и рукописи составили самостоятельное собрание в Институте русской литературы (Пушкинском Доме), насчитывающее к настоящему времени 787 памятников, большинство которых происходит из Усть-Цильмы и Пижмы. Разобрано пока 268 рукописей, которые свидетельствуют о чрезвычайно разнообразии религиозных вкусов в местной среде.

Сегодня благодаря трудам В.И. Малышева мы можем с достоверностью говорить о высоком уровне грамотности усть-цилемских крестьян, о круге чтения, роли книжности и письменности в их религиозном сознании и быту.

Очень часто приходится слышать от жителей района о разграблении Усть-Цильмы. Вряд ли такое утверждение можно назвать справедливым. Все мы прекрасно помним недавние советские времена, когда под запретом находилось “слово Божие” и все, что связано с богопочитанием. Сегодня еще живы свидетели событий 1930–1940-х годов, когда закрывали церкви, а древлеписьменные иконы разрубали и вместе с книгами сжигали на глазах верующих. Такой беспредел творился не одно десятилетие. Кто сегодня может посчитать: сколько было бездумно погублено святоотеческих книг, икон, составляющих мировую сокровищницу истории и культуры? Дарители книг решались на их жертвование осознанно, поскольку не видели в своих детях, ставших на путь атеистических заблуждений, верных служителей и продолжателей дел Христовых. К тому же потомки были уже не столь грамотными, как их отцы и деды, и многие не могли разобрать старинную скоропись и полуустав. Поэтому крестьяне и отдавали ученым, завоевавшим их доверие, наследие предков. Отдавали в надежде, что в стенах научных библиотек книги бережно сохранятся и послужат будущим поколениям любителей “древлеписьменного” слова²⁶.

С конца 1970-х годов археографическими исследованиями на Печоре занялись сыктывкарские ученые под руководством Т.Ф. Волковой. В результате их археографических экспедиций им удалось сформировать в Научной библиотеке Сыктывкарского государственного университета два усть-цилемских собрания – рукописных и старопечатных книг, которые в настоящий момент насчитывают 267 рукописей и 109 кириллических книг²⁷. В 2001 г. был записан первый электронный диск “Электронная коллекция рукописных материалов Усть-Цилемского собрания Научной библиотеки Сыктывкарского государственного университета”, где представлены фрагменты 209 рукописей, их научное описание, 6 указателей, более 40 фотографий.

На рубеже XIX–XX вв. исследователи обратили внимание и на своеобразный печорский говор. Первые краткие сведения о

нем появились в диалектологической литературе в начале XX в.: сжатые заметки А.И. Соболевского о некоторых фонетических и морфологических особенностях русского говора Печорского края, составленные на основе сведений Ф.М. Истомина, проводившего исследования в Усть-Цилемской волости²⁸; статья В.И. Чернышева о своеобразии языка печорских былин, предвещающая одно из изданий Н.Е. Ончукова²⁹. С тех пор минуло столетие, и в 2003 и 2005 гг. усилиями Санкт-Петербургских и Сыктывкарских филологов увидели свет два тома “Словаря русских говоров Низовой Печоры”³⁰, в котором нашла отражение уникальность устьцилёмского говора, наполненного архаикой, заимствованиями из языков соседних народов (коми, ненцы), часть из которых обрела иное звучание и значение. Своеобразие говора выражено и в самоназвании “устьцилёма”, ставшем неким “этнокультурным маркером”, которым иронично выражается вненациональное положение группы из общерусского массива, как некоторого особого “народца”: “ни коми, ни русский, а устьцилём”, “устьцилимчане, что англичане – только нарецие другое” – в последнем выражении особо акцентируется произношение через “ц”, так называемое “цоканье”. К сожалению, в настоящее время многие диалекты канули в лету, тем не менее, сегодня еще можно услышать в селениях Усть-Цильмы необычные речения и восхититься красотой и напевностью их произношения.

На рубеже XX–XXI вв. происходит новое открытие Усть-Цильмы, на этот раз с позиции этнографической науки. Это было связано с тем, что в конце 1980-х годов было полностью снято “табу” на изучение староверия в СССР³¹. Оказалось, что устьцилёмские староверы сохранили не только свою веру, но и традиционный уклад жизни, определявший и поддерживавший социальный порядок сельской общины. Во многом он берет начало от обычаев Древней Руси.

Отрадно отметить, что в настоящее время в Усть-Цильме полностью сохранен сарафанный комплекс женской одежды (праздничный, молитвенный, повседневный, рабочий)³². Но самым интересным явлением в жизни устьцилёмов является “Горка” – один из самобытных обрядовых праздников, сохранившийся на всем Русском Севере только в Усть-Цилемском районе. Уникальность “Горки” издавна привлекает внимание исследователей, журналистов, фотографов, художников и достаточно полно представлена как в научных исследованиях, так и популярных изданиях. Горочные хороводы и красота народного костюма воспеты на полотнах художников Р.Н. Ермолина, П.Э. Бенделя и др.

Горка – это массовое гуляние сельских жителей, проводившееся на улице на открытых местах, в процессе которого участники исполняли песни, водили хороводы. В конце XIX – начале XX в. “Горку” устраивали на Николин день (22 мая нового стиля), Троицу и Иванов день (7 июля нового стиля).

В прошлом до трех раз в день собирались участники водить хороводы, всякий раз меняя наряды. Каждой “Горке” соответствовали определенные песни. Первую водили молодые девушки, которые и вовлекали подростков в молодежный круг. Исполнив несколько песен горочники расходились, собираясь вновь на дневной “Горке”, где участвовали не только девушки-невесты, но и “молодухи” – замужние женщины первого года семейной жизни. Вечерняя часть праздника собирала все возраста: детей от шести лет до стариков. Это была главная “Горка”, где проигрывались все семь обязательных фигур: “столбы”, “вожжа”, “плетень”, “круг”, “сторона на сторону”, “четыре стороны”, “кадриль”. Посредством плавных перестроений участники в танце передают гармонию человека с природой: “круг” – единство; “сторона на сторону” – линия горизонта, где соединяются небо и земля; “плетень” – символ движения. Каждой фигуре соответствовала определенная песня, в которой выражалась радость жизни, солнцу, добру.

Сегодняшняя “Горка” претерпела некоторые изменения. Водят ее в Иванов и Петров (12 июля нового стиля) дни и только вечером. Не все фигуры проигрываются ее участниками. Для устьцилёмов “Горка” – это и дань традиции и старой моде, поскольку в этот день женщины облачаются в заветные наряды, сражающие своей красотой приехавших на праздник гостей, а также повод собраться всем устьцилёмам вместе: и ныне проживающим в Усть-Цильме и выехавшим за ее пределы.

С “Горкой” тесно связана и так называемая “Петровщина”. В ночь с 11 на 12 июля местные жители отправляются на противоположный берег Печоры (часть населения собирается на берегу около жилых построек), жгут костры, варят ритуальную кашу, получившую название “петровщина”. Собираются целыми семьями: веселятся, поют песни. В прошлом молодежь верхом на лошадях совершала объезды “семейных кострищ” (“*ездили по огнищам*”).

Приуроченные к датам церковного календаря, эти праздники являются отзвуком древних “братчин” – общесельских, посадских, слободских пиров и праздников. Хотя сведения о них встречаются в летописях начиная с XII в. (в них упоминаются “Никольщина”, “Петровщина”), своими корнями они восходят еще к

языческим хороводам, проводившимся в честь Ярилы – божества плодородия. Поклонение божеству проходило на возвышенностях, называемых Ярилиными горками. Однако “Горка” – это не только возвышенность на земле. Наряду с топографическим аспектом, это название имело и другие значения, символизовавшие вершину трудового года, пик веселья, пору вхождения подростков в молодежный круг. Петров день является завершением летних разгульных праздников и сразу после него начинаются секокосные работы.

Сохранились в Усть-Цильме и традиционные зимние праздники. Среди них рождественские ритуалы: колядование, ряжение. По-прежнему с размахом празднуется и масленичная неделя. В этот период совершаются обходы домов с угощением, устраиваются “питухи”.

Дух русской старины естественно сливается с ритмом современной жизни Усть-Цильмы. Приятно осознавать, что в стремительно изменяющееся время она остается заповедным уникальным уголком России, где представлена древнерусская духовность, выраженная в образе жизни, обрядах, красоте народного костюма, своеобразии певческого искусства, народных промыслах и многом другом.

¹ Сельская Россия: прошлое и настоящее: (исторические судьбы северной деревни): Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Республика Коми: Усть-Цильма, 10–13 июля 2006 г. / Редкол.: А.В. Петриков (гл. ред.), А.А. Попов (зам. гл. ред.), А.И. Сахаров, А.Ф. Сметанин, К.А. Аверьянов, Т.И. Дронова, З.В. Рубцова, В.И. Чупров, Т.Ф. Волкова. М.; Сыктывкар, 2006.

² *Носова Е.* Усть-Цильма – шкатулка русской культуры // Регион: Ежемесячный деловой журнал Республики Коми. 2006. № 7. С. 4–6; *Аверьянов К.* Древняя деревня // Поиск. 2006. 4 авг. № 30/31 (896/897); Здесь русский дух, здесь Русью пахнет // Северные ведомости. 2006. 28 июля. № 29; Как выяснилось, устьцильмов изучают давно: Всероссийская научно-практическая конференция “Сельская Россия: прошлое и настоящее” // Красная Печора. 2006. 27 июля. № 91.

³ *Чупров В.И., Сметанин А.Ф., Попов А.А.* Усть-Цильма – край Печорский. Сыктывкар, 1991; А в Усть-Цильме поют...: Традиционный песенно-игровой фольклор Усть-Цильмы: Сборник к 450-летию села. СПб., 1994; *Бабикина (Дронова) Т.И.* Семейная обрядность русских бассейна Нижней Печоры конца XIX – первой трети XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 1998; *Дронова Т.И.* Русские старoverы-беспоповцы Усть-Цильмы: конфессиональные традиции в обрядах жизненного цикла (конец XIX–XX вв.). Сыктывкар, 2002; “Жили мы у бабушки, кушали оладышки...”: (Детский фольклор Усть-Цильмы) / Отв. сост. Т.И. Дронова. Сыктывкар, 2006; *Конева Т.С.* Фольклорная традиция Усть-Цильмы: Отдельные аспекты характеристики локальной традиции: Уч. пособие по спецкурсу. Сыктывкар, 2002.

⁴ Повесть временных лет. 2 испр. и доп. изд. СПб., 1999. С. 8, 10.

- ⁵ Там же. С. 107, 126–127.
- ⁶ Полное собрание русских летописей. СПб., 1846. Т. I. С. 132 (Далее: ПСРЛ).
- ⁷ ПСРЛ. СПб., 1841. Т. III. С. 19.
- ⁸ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 1–3, 6, 9, 14, 15, 19, 22, 26, 77.
- ⁹ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1964. Т. III. № 1–4; ПСРЛ. М., 2000. Т. XV. Стб. 465.
- ¹⁰ Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 257–258. (Характеристику этого источника см.: *Флоря Б.Н.* Коми-Вымская летопись // Новое о прошлом нашей страны: Памяти академика М.Н. Тихомирова. М., 1967. С. 218–231).
- ¹¹ Вычегодско-Вымская... летопись. С. 264–266. Недавно было высказано предположение, что основатель Усть-Цильмы Иван Дмитриевич Ластка был не новгородцем, а происходил из князей Ласткиных, ветви Ростовского княжеского дома (см. об этом: *Чеснокова Н.Н.* Государственное освоение северного Припечорья в конце XV–XVI в. // Археография и источниковедение Европейского Севера РСФСР. Вологда, 1989. С. 121–122). Однако это утверждение требует серьезной проверки.
- ¹² *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве в XV–XVI веках. М., 1937. С. 9; Английские путешественники в Московском государстве. М., 1937. С. 126, 153, 154, 304.
- ¹³ Акты времени правления царя Василия Шуйского. М., 1914. С. 48, 49, 50.
- ¹⁴ Архангельский областной государственный архив. Ф. 29. Оп. 3. Д. 1063. Л. 25.
- ¹⁵ Наказ Пустозерского уезда от крестьян Усть-Цилемской слободки // Сборник Русского Исторического общества. М., 1907. Т. 123. С. 441–442.
- ¹⁶ Центральный исторический архив Москвы. Ф. 2263. Оп. 1. Д. 5. Л. 60 об.–61.
- ¹⁷ *Суслов К.* Судоходство на Печоре // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1913. № 7. С. 308.
- ¹⁸ *Носов Я.Н.* Подвиг ученого. Усть-Цильма, 1992.
- ¹⁹ *Ончуков Н.Е.* Печорские былины. СПб., 1904; *Он же.* Печорские стихи и песни. СПб., 1908; *Он же.* Северные сказки. СПб., 1909 (№ 1–54 сказки Печоры).
- ²⁰ Былины Севера. М.; Л., 1938. Т. 1: Мезень, Печора / Сост. А.М. Астахова.
- ²¹ *Леонтьев Н.П.* Печорский фольклор. Архангельск, 1939; Русская народно-бытовая лирика: причитания Севера в записях В.Г. Базанова и А.П. Разумовой. М.; Л., 1962; Песни Печоры / Изд. подгот. Н.П. Колпакова, Ф.Н. Соколов, Б.М. Добровольский. М.; Л., 1963; *Абрамский А.* Песни Русского Севера. М., 1959; *Красовская Ю.Е.* Сказители Печоры. М., 1969; *Колпакова Н.П.* У золотых родников: Записки фольклориста. Л., 1975.
- ²² Былины Печоры // Свод русского фольклора. СПб.; М., 2001. Т. 1–2.
- ²³ Песни Печоры / Изд. подгот. Н.П. Колпакова, Ф.В. Соколов, Б.М. Добровольский. М.; Л., 1963; А в Усть-Цильме поют...: (Традиционный песенно-игровой фольклор Усть-Цильмы: сборник к 450-летию села). СПб., 1992.
- ²⁴ *Мальшев В.И.* Усть-цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. Сыктывкар, 1960. [Рец.: *Автократов В.Н.* Усть-цилемские сборники // Вопросы архивоведения. 1962. № 1. С. 120–124; *Зимин А.А.* // Известия Акад. наук СССР. Отд. литературы и языка. 1962. Т. 21, вып. 1. С. 68–70]; *Он же.* Археографическая экспедиция в Усть-Цильмский район Коми АССР // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 425–439 (Далее: ТОДРЛ); *Он же.* Археографическая экспедиция в Усть-Цильмский район Коми АССР [июнь 1954 г.] // Вопросы истории. 1954. № 12. С. 165–167; *Он же.* Отчет о командировке в село Усть-Цильму Коми АССР // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 469–480; *Он же.* Отчет о командировке на Печору в 1956 г. // ТОДРЛ. М.;

- Л., 1958. Т. 15. С. 398–408; *Он же*. Отчет об археографической командировке на Печору 1958 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 513–521; *Он же*. Памятники древней письменной культуры Печоры // *Летопись Севера*. М.; Л., 1957. Т. 2. С. 265–270; *Он же*. Переписка и деловые бумаги усть-цилемских крестьян XVIII–XIX вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 442–457; *Он же*. Печорские книжники: Рукописная традиция // *Памятники Отечества: Земля коми*. М., 1996. № 36. С. 192–195; *Он же*. Усть-цилемские рукописи XVII–XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 561–604; *Он же*. Усть-Цилемский книгописец и писатель XIX в. И.С. Мяндин // *Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома*. Л., 1985. С. 323–337; *Он же*. Усть-цилемское предание о протопопе Аввакуме // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 372–375; *Маркелов Г.В.* Письма усть-цилемских крестьян В.И. Малышеву // *Исследования по истории книжной и традиционной народной культуры Севера*. Сыктывкар, 1997. С. 86–90.
- ²⁵ *Бударагин В.П.* Рукописная книжность Печоры // *Былины Печоры*. С. 124–126.
- ²⁶ *Волкова Т.Ф.* “Колумб” книжной Печоры // *Памятники Отечества: Земля коми*. 1996. № 36. С. 191.
- ²⁷ *Волкова Т.Ф.* Древнерусская литература в круге чтения печорских крестьян. Сыктывкар, 2006.
- ²⁸ *Соболевский А.И.* Очерк русской диалектологии // *Живая старина*. 1902. Вып. 2. С. 1–26.
- ²⁹ *Чернышев В.И.* Заметки о языке “Печорских былин” // *Ончуков Н.Е.* Печорские былины.
- ³⁰ *Словарь русских говоров Низовой Печоры* / Отв. ред. Л.А. Ивашко. СПб., 2003. Т. 1; СПб., 2005. Т. 2.
- ³¹ Библиографический указатель по истории и культуре русских староверческих групп, проживающих в Республике Коми // *Староверие на Северо-Востоке Европейской части России*. Сыктывкар, 2006. С. 217–241.
- ³² *Дронова Т.И.* Традиционный комплекс Усть-Цилемской женской одежды: (Одежда из частной коллекции П.Г. Бабиковой): Каталог выставки. Сыктывкар, 2004.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН

Н.М. Рогожин

ЦЕНТР ИСТОРИИ РУССКОГО ФЕОДАЛИЗМА ИРИ РАН В 2000–2005 гг. ТРАДИЦИИ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

Центр истории русского феодализма был создан в июле 2000 г., когда в ИРИ РАН были объединены два центра: Центр истории России в Средние века и раннее Новое время и Центр по изучению и публикации источников. По истечении пяти лет можно подвести некоторые итоги¹. В настоящее время в научно-исследовательской работе Центра среди конкретно-исторических и источниковедческих проблем преобладает традиционное для коллектива изучение источника на уровне вида или крупных видовых комплексов как остатка, феномена породившей его культурно-исторической среды. В этом направлении накоплен большой научный опыт, и именно эти исследования определяют традиции и преемственность работ Центра от времени, когда его руководителями были академик АН СССР Л.В. Черепнин, д.и.н., проф. А.А. Преображенский, член-корреспондент РАН В.И. Буганов и другие видные ученые.

Для всей плеяды наших предшественников, таких известных ученых как А.Н. Насонов, А.А. Новосельский, Н.Ф. Демидова и многих других в исследовательской работе научного подразделения было характерно сочетание крупных проблемных исследований и постановка ключевых, дискуссионных проблем российской истории. В последние годы мы утратили канву спорности и крупной масштабности в исследовании проблем российского феодализма. Следует об этом помнить, говоря о преемственности на-

---

¹ При написании статьи автор использовал Отчет о работе Центра истории русского феодализма ИРИ РАН за 2000–2005 гг., представленный им на заседании Ученого совета ИРИ РАН в 2006 г.

шей работы по отношению к тем замечательным ученым, преемниками которых нам хотелось бы быть.

Чем глубже мы познаем источник в его собственной сущности и длительной эволюции, тем полнее раскрываются его информационные возможности и, соответственно, эффективней поддается реконструкции отраженное в нем прошлое. Данный функционально-типологический подход является нашей теоретической предпосылкой для разработки и совершенствования методов критики и анализа источников отдельных видов применительно к различным эпохам их исторического бытования.

Сегодня в оценке конкретных исторических периодов цивилизационная проблематика вышла на первый план. В этой связи продолжается дискуссия относительно применения к России европейских понятий “средние века” и “новое время”. Следует решить вопрос о возможности использования более адекватной периодизации истории России в понятиях “традиционного” и “современного” общества, эволюции власти и государственности, поскольку российская история реализуется через власть, посредством власти и через призму “великого передела” власти. В условиях свободы научного творчества к разряду новых методологических подходов следует отнести альтернативный взгляд на русскую историю, возможности конституционного развития страны на протяжении XVI – начала XX в. Характерным для научного планирования должны стать сквозные темы, такие как аграрное развитие России, формирование буржуазии, становление, развитие и особенности русского предпринимательства.

Есть еще одно перспективное направление, которое можно было бы обозначить, как “Мифы в истории и методы анализа источников”. Разного рода мифологические стереотипы в истолковании прошлого пронизывают собой массовое, обыденное сознание, воспроизводятся в повседневной жизни и проникают даже в профессиональную историографию, сосуществуя и переплетаясь в ней с логически выверенным научным знанием. Следует помнить, что источник способен говорить сам, если ему предоставить право на монолог. Имеется в виду эволюция самосознания в творчестве крупнейших публицистов XVI–XVII вв., взаимообмен культур, альтернативная история и т.д.

Миф как феномен духовной жизни, как неотъемлемый компонент общественного сознания – его природа, генезис, структура, способы коммуникации – еще не стали предметом историко-методологического осмысления. Источниковедение, претендуя на решение этих проблем, имеет в данном случае свою особую сферу, свои актуальные и специфические задачи. Как по-

казывает исследовательская практика, совершенствование методов критики и анализа источников, непосредственно связанных с возникновением и бытованием различного рода мифологических представлений в области истории, служит эффективным средством их преодоления.

В плане исследования конкретных проблем источниковедения в работе Центра остаются актуальными разработки новых методик, проблем авторства, редакций, изводов, достоверности, взаимовлияния и полноты информации различных видов источников.

В настоящее время в Центре русскою феодализма 19 активно работающих, высокопрофессиональных научных сотрудников, из которых: 8 докторов наук, 9 кандидатов наук и два научных сотрудника без степени. Один главный, семь ведущих, 11 старших научных сотрудников. Это один из самых больших по количеству сотрудников Центров Института и достаточно молодой по составу. Все сотрудники имеют многопрофильную профессиональную ориентацию и специализируются на проблемах отечественной истории с X до начала XX в.

Только за пять лет, с 2000 по 2005 г. сотрудниками Центра было опубликовано 26 плановых индивидуальных монографий (383,3 п. л.), две коллективные монографии (68,7 п. л.), десять публикаций документов (513,8 п. л.), пять сборников статей (115 п. л.), 13 учебников и учебных пособий, 15 научно-популярных книг. Всего, включая неплановые, опубликована 61 книга, не считая статей. Общий листаж работ, опубликованных только по плану ИРИ РАН за пять лет, – 1080, 8 п. л.

Научная деятельность Центра истории русского феодализма сосредоточена на трех основных направлениях.

ИЗУЧЕНИЕ КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКИХ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ И СПЕЦИАЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Продолжается изучение следующих источников в их эволюции: акты, источники по истории государственного управления, истории государственной аграрной политики, истории классовой борьбы, мемуаристика, массовые делопроизводственные источники по генеалогии непривилегированных сословий, источники по геральдике и эмблематике и т.д.

Для изучения истоков государственности, государственных и социальных институтов страны большое значение имеет анализ

деятельности центральных и местных государственных учреждений России – приказов, коллегий, министерств, городских и земских органов, а также их делопроизводства. Данная тема рассматривается в плане формирования этногенеза Древней Руси, эволюционного развития и сравнительного анализа с зарубежным опытом государственного устройства, сопровождается публикацией документов и созданием соответствующих компьютерных баз данных для пользователей Internet.

Среди значительного количества изданий с 2000 по 2005 г. Центра истории русского феодализма этого направления следует выделить: монографию В.В. Фомина “Варяги и Варяжская Русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу” (М.: “Русская панорама”, 2005. – 30,5 п. л.), которая посвящена одной из самых актуальных тем российской и зарубежной науки – проблеме этноса варяжской Руси, стоявшей у истоков российской государственности. Подробный анализ источниковой базы показывает, что своими корнями варяжская Русь связана со славянским, южнобалтийским Поморьем, определявшим в IX–XI вв. жизнь всей Северной Европы. Выявлены иные истоки норманизма, действительное содержание полемики М.В. Ломоносова и Г.Ф. Миллера по варяго-русскому вопросу, принципиальное отличие в понимании сути антинорманизма между исследователями дореволюционного времени и исследователями XX в. Источниковедческая часть работы содержит подробный историографический обзор по вопросу складывания древнейшей нашей летописи Повести временных лет и Сказания о призвании варягов. Следует отметить, что благодаря исследованиям д.и.н. В.В. Фомина в нашей исторической литературе появилась серия работ, убедительно доказывающих славянскую общность Рюрика, варягов IX – начала X в. и восточных славян.

Духовная культура XII–XV вв. представлена в работе Е.И. Малето “Хождения русских путешественников XII–XV вв.” (М.: Изд. центр ИРИ РАН, 2000. – 12,5 п. л., илл.). Это первый опыт комплексного исследования хождений XII–XV вв. Выявляются новые информационные возможности этого вида источников, расширяются традиционные подходы к их изучению. Предлагаются новые подходы к изучению особенностей мировосприятия русскими путешественниками иных вер, народов, стран.

В коллективной работе “Судебник 1497 года в контексте истории российского и зарубежного права XI–XIX вв.” (Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Парад, 2000. – 15,5 п. л.), которая осуществлена при поддержке гранта ЮНЕСКО, затронуты кардинальные проблемы истории российского права и правосознания, эволю-

ции государственности, сравнительного изучения различных правовых традиций.

В книге Н.М. Рогожина “Посольский приказ: Колыбель российской дипломатии” (М.: Международные отношения, 2003. – 28 п.л.), подготовленной к 200-летию МИД, Посольский приказ представлен как важнейшая часть российской государственности, дипломатии и культуры. Осуществлена реконструкция первоначального корпуса посольских книг XVII – начала XVIII столетия. Приложения содержат характеристику посольских книг и список дипломатов, которые в них упоминаются.

В монографии Н.М. Рогожина “У государевых дел быть указано” (М.: Изд-во РАГС, 2002. – 19 п. л.) повествуется о деятельности Посольского приказа, его документации, дипломатических отношениях. Говоря о судьбах руководителей приказа, автор показывает, как на протяжении двух столетий эволюционировали их образ, самосознание и дипломатические методы.

В “Очерках истории министерства иностранных дел в России” (Т. 1: 860–1917. М.: ОЛМА-пресс, 2003. – 5,7 п. л.) Н.М. Рогожин опубликовал главу “Посольский приказ – колыбель российской дипломатии”, в которой представил обзор деятельности Посольского приказа, его документации, дипломатических отношений в XVI–XVII столетиях.

Общественные движения и государственное управление XVII столетия; историческое сознание и политическая борьба XVIII–XIX вв. представлены в ряде работ:

В книге Д.В. Лисейцева “Посольский приказ в эпоху Смуты” (М.: ИРИ РАН, 2003. – 30,75 п. л.) рассматривается дипломатическая и административная деятельность Посольского приказа в условиях глубокого социально-экономического, династического, внешнеполитического, духовного кризиса российского общества начала XVII в. Восстанавливаются утраченные персональные списки служащих Посольского приказа. Эта работа получила 1-ю премию на конкурсе молодых ученых ИРИ РАН среди исследований, посвященных “Дню народного единства России” – 4 ноября.

В работе Л.Е. Морозовой “Смута начала XVII в. глазами современников” (М.: Изд. центр ИРИ РАН, 2000. – 29 п. л.) осуществлено источниковедческое исследование публицистических сочинений русских авторов периода Смуты начала XVII столетия и после нее. Решается проблема достоверности каждого памятника и его источниковедческой значимости.

В другой своей монографии “Россия на пути из Смуты” (М.: Наука, 2005. – 29 п. л.) Л.Е. Морозова выявила и проанализиро-

вала весь комплекс актовых материалов рубежа 1612–1613 гг. Автор заключает следующее: царь Михаил Федорович избран самыми широкими общественными слоями, поскольку являлся наиболее близким родственником последнего царя из прежней династии московских князей. Его избрание как бы восстанавливало прежний порядок престолонаследия, нарушенный в Смуту.

Монография О.В. Новохатко “Записные книги московского стола Разрядного приказа XVII в.” (М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 25 п. л.) является первым опытом источниковедческого исследования всего состава записных книг московского стола Разрядного приказа XVII в. (27 книг). Автор рассматривает также многие аспекты деятельности самого Разрядного приказа: место и функции Разряда в системе других учреждений, его полномочия, состав служащих, динамику развития за сто лет. Эта работа отмечена премией Фонда памяти митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова).

В работе А.Г. Гуськова “Великое посольство Петра I: Источниковедческое исследование” (М.: ИРИ РАН, 2005. – 25 п.л.) впервые реконструирована административная и дипломатическая работа Посольского приказа по подготовке и реализации миссии 1697–1698 гг., произведен анализ этапов формирования всего комплекса документов и его использования в историографии. В основе монографии лежат материалы делопроизводства Посольского приказа конца XVII в., личная переписка, мемуары. Автор исследует объективные возможности приказной системы, еще не исчерпавшей полностью свой потенциал, накануне ее слома. Работа А.Г. Гуськова награждена медалью РАН для молодых ученых 2006 г. в номинации “История”.

История государственности (идеология, территория и население, государственное управление и геополитика) России изучалась коллективом авторов в работе “Российская империя: Этнокультурное взаимодействие народов России в XV–XVIII вв.” (отв. ред. Н.М. Рогожин. 40 а. л.). Эта работа проведена совместно с Центром изучения истории территории и населения России и Центром истории народов России и межэтнических отношений. В монографии рассматриваются следующие важные проблемы: государственно-политическая культура; типология социальных связей; традиции правосознания; типология представительства органов управления; характер разделения “ветвей власти”; “симфония” светской и духовной власти; государственное (имперское) сознание.

Монография Е.Н. Марасиновой “Власть и личность: Очерки русской истории XVIII в.” (35 п. л.) посвящена реконструкции со-

циального контроля, который использовала абсолютистская власть для воздействия на сознание элиты дворянства. Выводы работы основываются на комплексном анализе законодательства, публицистики, мемуаров и писем дворянства. Эта работа признана лауреатом конкурса РГНФ 2005 г. Она находится в печати.

Значительная часть исследований Центра посвящена истории реформ в России. Например, книга “Конституционные проекты в России” (сост., вводная ст. и комменг. А.Н. Медушевского. М.: ИРИ РАН, 2000. – 30 п.л.) представляет собой научное издание всех известных конституционных проектов в русской истории XVIII – начала XX в.

В монографии А.Н. Медушевского “Сравнительное конституционное право и политические институты” (М.: ГУ ВШЭ, 2002. – 35 п. л.) раскрыто соотношение политических и правовых параметров, определяющих развитие конституционного процесса. Автор сравнивает российский и мировой опыт в данной сфере и направления конфликтной динамики.

А.Н. Медушевский опубликовал также книгу “Теория конституционных циклов” (М: ГУ ВШЭ, 2005. – 46 п. л.). В монографии, в целях объяснения происходивших изменений в публичном праве, представлена исследовательская модель конституционных циклов. Предметом исследования является соотношение политических и правовых параметров, определяющих развитие современного конституционного процесса. На основании правовых актов, социологических данных и интернациональной литературы в исследовании рассмотрена природа механизма цикличности, его действие в условиях радикальных, конституционных циклов.

В Центре все большее развитие получает аграрная тематика, выявление и систематическое изучение законодательных проектов аграрных реформ XVIII – начала XX в. С.А. Козлов в своей работе “Аграрные традиции и новации в дореформенной России (Центрально-нечерноземные губернии)” (отв. ред. А.В. Семенова. М.: РОССПЭН, 2002. – 35 п. л.) исследует взаимодействие национальных аграрных традиций и западноевропейских усовершенствований в помещичьем и крестьянском хозяйстве. Основное место в работе занимает анализ вопросов, связанных с практическими попытками модернизации сельского хозяйства Центрального Нечерноземья.

В монографии “Аграрная рационализация в Центрально-Нечерноземной России во второй половине XIX в. (По материалам экономической печати)” (23 а. л.; в печати). С.А. Козлов рассмотрел ряд ключевых вопросов, связанных с историей разнообразных аграрных усовершенствований в указанном регионе

с 50-х до середины 90-х годов XIX в. В книге дан источниковедческий и сравнительно-исторический анализ проектов аграрных реформ в России XVIII–XX вв.

Уже упоминавшийся А.Н. Медушевский издал книгу “Проекты аграрных реформ в России: XVIII – начало XXI века” (М: Наука, 2005. – 58 п. л.). Автор рассмотрел проблему легитимности земельной собственности в России в длительной исторической перспективе, им раскрыта эволюция отношений собственности, государственного регулирования поземельных отношений, позиции социальных групп и административных институтов.

Представляется весьма актуальным и перспективным изучение истории купечества и предпринимательства, а также публикация купеческих мемуаров и дневников. В коллективной монографии “История предпринимательства в России: От средних веков до середины XIX в.” (отв. ред. А.В. Семенова. М.: РОССПЭН, 2000. Кн. 1. 34 п. л.) особое внимание уделено особенностям становления предпринимательства в контексте исторических условий развития России, подчеркивается роль государства в этом процессе, выявляются национальные черты российского предпринимательства, своеобразие сочетания торгового и промышленного капитала в XVII – первой половине XIX в., характерные черты менталитета отечественного купечества.

Коллективная монография “Собственность в России: Средневековье и раннее Новое время” (отв. ред. Н.А. Горская. М.: Наука, 2001. – 20 п. л.) охватывает период с IX по XVIII в. и рассматривает как эволюцию, так и разные формы собственности феодальной России.

В книге В.Б. Перхавко “Первые купцы российские” (М: Русское слово, 2004. – 40 п. л.) дана характеристика купеческого мира России на протяжении почти тысячи лет, как на макро-, так и на микроуровне. Автор заключает, что верхи купечества занимали ту нишу в культурной сфере России, которую чуть позже, с середины XVIII в., заняло дворянство, освобожденное от обязательной государственной службы.

Изучение и публикация источников по истории русской культуры, в том числе и зарубежных, также представлены в ряде работ сотрудников Центра. В издании Р.В. Овчинникова “По страницам исторической прозы А.С. Пушкина” (М.: ИРИ РАН, 2002. – 18,5 п. л.) решаются вопросы, связанные с подходом Пушкина к выявлению и подбору источников, к установлению степени их достоверности, к приемам использования их в тексте произведений. В работе воссоздана внешняя картина разысканий Пушкина в ведомственных архивах и в частных рукописных собраниях.

Ю.П. Глушакова (в соавт. с И.Н. Бочаровым) издала монографию “Кипренский” (2-е изд. доработанное. М: Молодая гвардия, 2001. – 23,52 п. л. Серия ЖЗЛ). Творчество мастера рассматривается на фоне и в тесной связи с переломными историческими событиями в жизни народов, которые нашли отражение в его творениях и сказались на жизненной судьбе художника.

Специальные (вспомогательные) исторические дисциплины представлены в Центре работами по общетеоретическим вопросам, истории развития, источниковедению, генеалогии купечества и буржуазии; генеалогии и геральдике в России. В книге Н.А. Соболевой “Российская государственная символика: История и современность” (М.: Владос, 2002. – 13 п. л.; 2-е изд. М.: Владос, 2003) рассказано о происхождении герба России, появлении государственного флага, его роли в различные времена, первых национальных гимнах. Отдельно останавливается автор на использовании государственных символов в настоящее время.

Ряд работ сотрудников Центра можно отнести к рубрике биография. В работе А.А. Преображенского “Историк об историках России XX века” (М.: Русское слово, 2000. – 12 п. л.) представлены историографические статьи автора, воспоминания и другие материалы, относящиеся к жизни и деятельности большой группы историков, внесших крупный вклад в разработку разнообразных проблем отечественной истории (преимущественно феодального периода).

Опубликована также книга А.А. Преображенского “Веков связующая нить... Преемственность военно-патриотических традиций русского народа (XIII – начало XIX в.)” (М.: Русское слово, 2002. – 11 п. л.). Новаторское по замыслу и его осуществлению исследование патриотической тематики. Автор прослеживает подлинно историческую внутреннюю связь патриотических дел давних времен.

В работе Д.Г. Целорунго “Офицеры русской армии – участники Бородинского сражения: историко-социологическое исследование” (М.: Калита, 2002. – 14,3 п. л.) на основе архивных материалов представлен обобщенный социальный портрет офицера русской армии – участника Бородинского сражения: сословное происхождение, материальное и семейное положение, образовательный уровень, боевой опыт, особенности служебной карьеры и другие сведения.

Монография А.И. Аксенова “Румянцевы: род и судьбы” (20 п. л.; в печати) представляет семейную хронику знаменитого дворянского рода Румянцевых, в которой отразилась преемственная деятельность трех поколений, выполнявших исключи-

тельные для судеб России задачи в области военного дела, государственного управления, дипломатии и общественно-научной сферы.

В работе Е.Ю. Тихоновой “Человек без маски: Личность В.Г. Белинского в его переписке” (М.: УРСС, 2002. – 9 п. л.) предпринята попытка воссоздать облик В.Г. Белинского по его письмам, исследуются эволюция его концепции критика, становление его личности и стилистика его переписки. Через этику Белинского автор показывает процесс зарождения российской интеллигенции.

В печати находится монография П.Н. Зырянова “Адмирал Колчак: Легенды и быль” (25 а. л.). Это первая научная биография известного исследователя Арктики, флотоводца и государственного деятеля.

ВТОРОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В РАБОТЕ ЦЕНТРА – ИЗДАНИЕ ИСТОЧНИКОВ

Сотрудники Центра проводят архивные изыскания новых источников как в архивах России, так и за рубежом. Эта работа находит свое выражение в подготовке публикаций и издании летописных материалов, актов, хождений, делопроизводственных источников, документов по социально-экономической истории, классовой борьбе, истории общественной мысли, культуры и церкви.

Перспективные направления и конкретные издания исторических источников Центра за 2000–2005 гг. могут быть сведены в следующие два раздела.

ИСТОЧНИКИ ПО ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУССКОЙ ИСТОРИИ (ДО КОНЦА XVII в.).

Полное Собрание Русских Летописей (Т. 40: Густынская летопись. Отв. ред. В.А. Кучкин. Сост. О.В. Новохатко и другие. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 30 п. л.).

Малето Е.И. Антология хождений русских путешественников XII–XV вв.: Исследование. Тексты. Комментарии (М.: Наука, 2005 – 32 п. л.). В книгу вошли наиболее известные науке хождения XII–XV вв., которые содержат сведения о быте, истории, географии разных стран и знакомят читателя с культурными традициями народов зарубежного Востока и Запада, формами и мето-

дами информационной разведки в эпоху Средневековья, рассказывают о взаимоотношениях и взаимовлияниях культур.

Акты Русского государства XVI–XVII вв. (Т. III. Один из составителей, Н.И. Никитин, подготовил 20 а. л.; Т. IV. Сост. Н.И. Никитин – 10 п. л.). Содержат материалы архива Троице-Сергиева монастыря. Готовятся к печати.

“Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608: Сборник документов” (отв. ред. Н.М. Рогожин. М.: Наука, 2003. – 48,6 п. л.). Материалы воссоздают картину ожесточенной гражданской войны, акцентируя внимание на выступлениях социальных низов (крестьян, холопов, казаков, посадских людей и др.) против крепостнических порядков.

Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством 1672–1675 гг. (отв. ред. Н.М. Рогожин. Элиста, 2003. – 18,6 п. л.). В издании представлены две посольские книги, в которых содержатся важнейшие документы по истории Калмыкии XVII столетия (шертные записи калмыцким тайшам и отписки воевод поволжских городов). Они помогают уяснить характер русско-калмыцких отношений, стремления сторон и методы, применяемые ими.

Посольская книга по связям Молдовы и Валахии с Россией 1674–1675 гг. (отв. ред. Н.М. Рогожин. Кишинев, 2005. – 9 п. л.). Публикация является ценным источником по истории Юго-Восточной и Центральной Европы и содержит прошения молдавского и валашского господарей о принятии их в Российское подданство.

Посольская книга по связям России с Англией 1614–1617 гг. (отв. ред. Н.М. Рогожин; сост. Д.В. Лисейцев. М.: ИРИ РАН, 2006. – 33, 4 п. л.). Является ценным источником по истории России периода завершения Смутного времени. В издании содержится богатый материал по внешней политике Московской державы рубежа XVI–XVII вв., дипломатическому этикету и исторической географии.

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. IV., ч. 2 (под ред. В.И. Буганова, Н.М. Рогожина; Сост. О.В. Новохатко. М.: Памятники исторической мысли, 2003. – 10 п. л.). Публикуемая рукопись является завершающей частью всего издания и содержит ценные сведения по истории государственного управления России, информацию о службах служилых людей, военных походах, войнах с Ливонским орденом и Великим княжеством Литовским, Швецией и Крымским ханством.

Боярская книга 1658 года (отв. ред. Н.М. Рогожин. М.: ИРИ РАН, 2004. – 21 п. л.). Это серийное издание третьей по хронологии

Боярской книги публикуется впервые и представляет собой именной перечень чинов Государева двора – думных и высших дворцовых: стольников, стряпчих, московских дворян и дьяков – с указанием их денежных и поместных окладов. Публикация раскрывает систему поместно-денежного обеспечения правительством служилых людей.

Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 гг. (отв. ред. Н.М. Рогожин. М.: ИРИ РАН, 2001. – 34 п. л.). В публикации отражены московская политика в Среднем Поволжье, русификация населения и распространение православия после включения этого региона в состав Русского государства. Это уникальный источник о развитии феодального землевладения после Смуты, особенностях колонизационных процессов и истории сошного письма.

ИСТОЧНИКИ ПО НОВОЙ РУССКОЙ ИСТОРИИ С НАЧАЛА XVIII ДО НАЧАЛА XX в.

Письма и бумаги Петра Великого. Т. XIII, вып. 2 (отв. ред. А.А. Преображенский. М.: ИРИ РАН, 2003. – 42,5 п. л.). Публикация включает документы с 14 июня по 3 декабря 1713 г. по военным и политико-дипломатическим вопросам Северной войны, а также Адрианопольского мирного договора с Турцией. В научный оборот также вводятся документы по вопросам внутренней политики, государственного строительства, комплектации армии и флота.

Восстание декабристов: Документы. Т. XX (отв. ред. А.Н. Сахаров; сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. А.В. Семенов. М.: РОССПЭН, 2001. – 60 п. л.). Впервые публикуются полностью следственные дела членов ранних декабристских организаций: Союза спасения и Союза благоденствия, не преданных Верховному уголовному суду. Том содержит ценные сведения по идейной истории декабризма, широко показана просветительская деятельность Союза благоденствия.

Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX в. (сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. А.В. Семенов (рук. проекта) и А.И. Аксенова (при участии Н.В. Середы, Тверской гос. университет). М.: РОССПЭН, 2007. – 30 п. л.). В публикации раскрываются характерные черты купеческого менталитета указанного времени: слом традиционного мировоззрения, соединение черт старины и новизны в сознании и образе жизни. Отмечается рост самосознания купечества, формирование гражданских качеств, чувства долга перед отечеством.

Декреты Советской власти. Т. XVI (Сост. Е.Ю. Тихонова совм. с другими; член редкол. М.: РОССПЭН, 2004. – 27,5 п. л.). Том включает в себя законодательные и распорядительные акты ВЦИК, Президиума ВЦИК, СНК, Малого СНК и Совета Труда и Обороны за июнь 1921 г. Всего 239 документов, из них 118 опубликованы впервые.

Декреты Советской власти. Т. XVII (Сост. Е.Ю. Тихонова совм. с другими; член редкол. М.: РОССПЭН, 2006. – 32 п. л.). В том вошли законодательные и распорядительные акты за июль 1921 г., многие из них печатаются впервые. Отражено участие В.И. Ленина в авторстве и редактировании документов. Самостоятельное научное значение имеют Приложения.

Протоколы заседаний Совета Народных комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 – 9 марта 1918 г. (Петроградский период): Сборник документов (сост. Е.Ю. Тихонова (совм. с другими); член редкол. М.: РОССПЭН, 2006. – 42 п. л.). Представлены материалы по внутренней и внешней политике государства, о положении военнопленных; отражены решения по национальной политике. Содержание сборника позволяет проследить отношения членов правительства между собой. Сборник может послужить также пробной археографической моделью для аналогичных дальнейших публикаций.

Покровский А.С. Первый рабоче-солдатский парламент России. (М.: ИРИ РАН, 2001. – 15,5 п. л.) Автор почти полностью реконструировал список участников I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов (3–24 июня 1917 г.), а также представил реконструкцию социального портрета делегатов съезда.

ТРЕТЬЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАБОТЫ ЦЕНТРА – КООРДИНАЦИЯ И ПРОПАГАНДА ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

Центр участвует в Федеральной целевой программе “Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки”. (ФЦП “Интеграция”). Задача программы: внедрение достижений фундаментальной науки в высшее педагогическое образование и на этой основе совершенствование подготовки педагогических кадров. Координатор ФЦП “Интеграция” от ИРИ РАН д.и.н. Н.М. Рогожин. Сотрудники Центра преподают в вузах и средних учебных заведениях, являются авторами учебников и учебных пособий, выпускают периодическое на-

учное издание – сборник статей “Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.)”.

Среди изданий Центра третьего направления много коллективных работ. Сборник статей “Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.): Доклады Второй научной конференции (Москва, 7–8 дек. 1999 г.)”. (Отв. ред. Я.Е. Водарский. М.: ИРИ РАН, 2001. – 19,75 п. л.). В докладах и сообщениях, публикуемых в сборнике, на основе новых архивных, археологических и нумизматических материалов рассматриваются история русского и российского города, его пространственно-функциональное развитие, экономика, социальная эволюция, демографические процессы, политическое развитие и управление, городская культура.

Землевладение и землепользование в России: (социально-правовые аспекты): XXVIII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. Калуга, 24–28 сентября 2002 г. (М.: ИРИ РАН, 2002. – 12,25 п. л.). В книге представлены материалы о важнейших компонентах аграрного строя страны, игравших на протяжении столетий существенную роль в ее исторических судьбах. Особое внимание обращается на проблему земельной собственности в постсоветских аграрных реформах. Осмысление указанных научных проблем позволяет более глубоко изучить процесс многовековой эволюции российской деревни в правовом и социальном аспектах.

Серийный сборник статей “Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.)” (отв. ред. Н.М. Рогожин. М.: ИРИ РАН, 2001. – 15 п. л.) посвящен памяти члена-кор. РАН В.И. Буганова. Значительная часть статей посвящена жизни и творчеству В.И. Буганова. Работы в основном связаны с проблемами археографии, историографии и источниковедения.

“Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.)” (отв. ред. А.И. Аксенов. М.: ИРИ РАН, 2003. – 15 п. л.). Сборник посвящен памяти крупнейшего отечественного источниковеда А.Г. Тартаковского и призван обратить внимание специалистов-историков на малоизученные источники русской истории Средних веков и Нового времени.

“Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.)” (отв. ред. П.Н. Зырянов. М.: ИРИ РАН, 2004. – 15 п. л.). Сборник анализирует источники о социальных структурах русского общества, отражая эволюцию власти и права, а также личности при переходе от феодализма к капитализму.

“Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.)” (отв. ред. А.В. Семенова. М.: ИРИ РАН. – 15 п.л.) посвя-

щен памяти крупнейшего отечественного историка А.А. Преображенского. Работы в основном связаны с проблемами археографии, историографии и источниковедения.

Многие сотрудники Центра являются авторами учебников и учебных пособий. П.Н. Зырянов подготовил учебник “История России. XIX век” (8 класс общеобразовательных учреждений. М.: Дрофа, 2001. 4-е изд., доработанное. – 19 п. л.), в котором освещены предусмотренные школьной программой основные проблемы истории России XIX в., даны яркие характеристики исторических деятелей, сведения о повседневной жизни людей. Учебник написан с патриотических позиций и с учетом современных научных представлений. Он же в соавторстве с В.И. Бугановым опубликовал учебник для 9-го класса общеобразовательных учреждений “История России. Конец XVIII–XIX век” (М.: Просвещение, 2002. 8-е изд., перераб. и доп. – 21 п. л.) и “История России XIX века” (Учебник для 8-го класса средней школы, 6-е изд., переработанное. М.: Дрофа, 2005. – 29 п. л.).

А.Н. Медушевский является одним из основных авторов учебного пособия для вузов “Россия в системе мировой цивилизации” (М., 2001. – 20 п. л.). В этой работе показаны ведущие процессы развития отечественной цивилизации в контексте мировой истории. Особое место уделено проблемам истории права, социальной психологии человека и общества в разные исторические периоды. Он же издал учебное пособие “Россия в XIX в.” (М.: Просвещение, 2002. – 12 п. л.). Основное внимание в книге уделено политико-правовому развитию Российской империи при переходе от традиционного крепостнического строя к гражданскому обществу. Одной из центральных тем является сравнение проектов политических реформ России с европейским законодательством.

Л.Е. Морозова принимала участие в подготовке хрестоматии “История с древнейших времен до конца XVII в.” (научн. рук. издания А.Н. Сахаров; авторы-сост.: Л.Е. Морозова и др. М.: Вербум, 2003. – 21 п. л.). В этом пособии представлены материалы, связанные с эпохой образования Древнерусского государства, путями его выдвижения в число сильнейших европейских государств, процессом культурного развития, причинами феодальной раздробленности, борьбой за сохранение внутреннего государственного единства, историей дипломатических и военных побед и поражений.

Л.Е. Морозова в соавторстве готовила также издание для студентов гуманитарных факультетов вузов “История России с

древнейших времен до конца XVIII века” (науч. рук. проекта А.Н. Сахаров. М.: Астрель, 2004. – 14,5 п. л.), в котором учтены новейшие достижения отечественной и зарубежной науки. Авторы отказались от идеологического подхода в освещении событий отечественной истории.

Интересная работа подготовлена Л.Е. Морозовой для учителей и учащихся “История России в лицах: Первая половина XVII в.: Государственные деятели Смутного времени.” (М.: “Школа-Пресс”, 2000. – 6 п. л.). Пособие содержит жизнеописания основных деятелей Смутного времени и значительно расширяет представления о происходивших событиях.

В следующем учебном пособии – “Государственные деятели XVII в.” (М.: Педагогика-Пресс, 2001. – 7 п. л.) Л.Е. Морозова (в соавт. с А.В. Демкиным) раскрывает страницы российской истории XVII столетия на примерах жизни и деятельности главных исторических персонажей этого времени.

Л.Е. Морозова подготовила также учебное пособие “Смута: ее герои, участники, жертвы” (М.: Астрель, 2004. – 27 п. л.). Это научно-популярная книга, в которой через биографии многих участников и современников Смуты начала XVII в. представлена ее история.

В 2000 г. был переиздан учебник для 6–7-го классов А.А. Преображенского в соавторстве с Б.А. Рыбаковым “История Отечества” (перераб. и доп. издание. М.: Просвещение, 2000. – 22 п. л.).

Н.А. Соболева подготовила “Историю российской государственной символики”. Это методическое пособие к слайд-проекту издано Центром наглядных средств обучения МО РФ по проекту “Гражданин России”. (М.: Планетариум, 2003. 20 слайдов). В рамках этого же проекта Н.А. Соболева подготовила методическое пособие – слайд-комплект для общеобразовательных школ “Современная российская символика” (М.: Планетариум, 2003. 20 слайдов). Она же в соавторстве подготовила также пособие для общеобразовательных учреждений “Государственная символика России” (М.: Планетариум, 2003. 80 позиций), изданное на компакт-диске с грифом “допущено” МО РФ.

Пропагандируя исторические знания, сотрудники Центра публикуют значительное количество научно-популярных изданий. Даже простое перечисление дает внушительное представление об их объеме. Н.А. Соболева опубликовала семь книг общим объемом более 80 п. л.: “Герб Москвы”. (М.: Лабиринт, 2000. – 3 а. л. с илл.); “История герба Москвы” (М.: Паспорт интерн., 2002. – 3 а. л. с илл.); “История герба Москвы” (Символика Мо-

сквы. М., 2003. – 3 п. л.); “Герб Москвы – исторический символ города” (Символика Москвы. М.: Профиздат, 2003. Книга-альбом); “Символы, святыни и награды Российской державы” (в соавт.). (М.: Олма-Пресс, 2004. – 55 п. л.). Книга издана в рамках Федеральной целевой программы “Культура России” и повествует о том, как по мере становления и укрепления российской государственности возникали и видоизменялись главные отличительные знаки нашего Отечества. Рассказывается и об утверждении символики Русской православной церкви, о наградных системах царской России и Советского государства; “Возрождение традиций: Гербы городов России” (М.: Профиздат, 2004. Книга-альбом); “Символы и награды Российской державы” (в соавт.). (М.: Олма-Пресс, 2005).

Среди научно-популярных изданий Л.Е. Морозова опубликовала шесть книг общим объемом 65 а. л.: Морозова Л.Е., Преображенский А.А., Демидова Н.Ф. “Первые Романовы на русском престоле”. (2-е изд., перераб. и расшир. М.: Русское слово, 2000. – 10 п. л.). В книге представлены биографии первых царей из династии Романовых: Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Федора Алексеевича. Авторы раскрывают состояние и эволюцию Русского государства, оценивая деятельность государей XVII в.; “Затворницы: Мифы о великих княгинях” (М.: АСТ-Пресс; Книга, 2002. – 14 п. л.). Книга посвящена жизни и деятельности нескольких наиболее выдающихся русских великих княгинь. Характеризуется их вклад в развитие международных контактов государства и развитие культуры страны; “Дворцовые тайны: Царицы и царевны XVII века”. (М.: АСТ-Пресс, 2004. – 12 п. л.; в соавт. с А.В. Дёмкиным). Это научно-популярное издание, в котором даны биографии цариц и царевен XVII в., малоизвестные даже профессиональным историкам. В их числе жена и дочь Б.Ф. Годунова, жена Михаила Федоровича, Мария Милославская, Наталья Нарышкина, дочери Михаила Федоровича и Алексея Михайловича; “Русские княгини: (Женщины и власть)” (М.: АСТ-Пресс, 2004. – 8 п. л.). Данная книга знакомит читателей с жизнеописанием русских княгинь X–XIII вв. Среди них: кн. Ольга, жены и дочери Ярослава Мудрого, основательница первой на Руси школы для девочек Янка Всеволодовна, полоцкая святая Ефросинья, княгиня, жена кн. Игоря Ефросинья Ярославна, вел. кн. Владимирская Мария-Ясыня, кн.-летописец Мария Михайловна и др.; “Москва гостеприимная” (М.: Альфа Доминанта, 2004. – 6 п. л.; в соавт.). Это первый том трехтомника, посвященного истории московского гостеприимства с древнейших времен до наших дней; “Иван Грозный и его жены”

(в соавторстве с Б.Н. Морозовым) (М.: Дрофа, 2005. – 15 а. л.). В книге описаны обстоятельства женитьбы Ивана IV, родословные цариц, рассмотрен вопрос о причине разводов, приведены отрывки из их писем.

Работа С.А. Козлова (в соавторстве) “Ярославская земля в древности” (Ярославль, 2001. – 8 п. л.) представляет собой обобщающее исследование научно-популярного характера по истории Ярославского края с древнейших времен до конца XV в. В книге показана роль края как одного из центров формирующейся государственности.

Сотрудники Центра активно участвуют в международных проектах. В настоящее время идет подготовка аннотированного издания: “Витсен Н. Северная и Восточная Тартария” (Н.М. Рогожин – координатор с российской стороны; сост.: А.Г. Гуськов, Д.В. Лисейцев совм. с Институтом исследований России и Восточной Европы, Амстердам. – 60 а. л.). В основе проекта – монументальное исследование российских и нидерландских ученых, предваряющее фундаментальную, научно-обоснованную и комментированную публикацию записок Н. Витсена “Северная и Восточная Тартария”. В печати.

В 2004 г. в США вышел сборник статей “Begriffsgeschichte русского XVIII столетия: Понятия, символика, общественно-политическая и гуманитарная терминология века российского просвещения в сравнительном аспекте”. Сб. 1–2. (Отв. ред. Е.Н. Марасинова).

Сотрудник Центра А.В. Ковальчук проводит большую работу по научной подготовке текстов документов и оригинал-макетов общеинститутской публикации “Совершенно секретно: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.)” (Т. VII и др. 50 а. л.). Эта уникальная публикация раскрывает неизвестные ранее стороны отечественной истории XX в.: складывание тоталитарной системы в СССР, роль народа в событиях столетия, ситуацию в национальных республиках, религиозной сфере и в армии.

Свои научные разработки сотрудники Центра активно представляют на отечественных и международных конференциях. За период с 2000 по 2005 г. сотрудники Центра истории русского феодализма приняли участие и выступили с докладами на более чем 60 отечественных конференциях. В их числе конференции, подготовленные по поручению администрации президента РФ, посвященные проблемам управления и становления гражданского общества в России в 2004 и 2005 гг. – Д.В. Лисейцев, А.Н. Медушевский, Н.М. Рогожин.

Наши специалисты Н.М. Рогожин и Ю.П. Глушакова выступали также с докладами на российско-украинской конференции, посвященной 350-летию Переяславской рады.

В научных мероприятиях в Казани, посвященных 1000-летию этого города участвовала Н.А. Соболева. Сентябрь 2005 г.

Сотрудники Центра выезжали в составе делегации ИРИ РАН в Старую Ладугу, где приняли участие в научной конференции, посвященной 1250-летию истории города (Н.М. Рогожин, Н.А. Соболева).

Постоянно участвуют в работе международного семинара “От Рима к Третьему Риму”. Выступали с докладами в Риме А.Н. Медушевский, Е.И. Малето, Л.Е. Морозова, Н.М. Рогожин, Н.А. Соболева.

На конференциях, организованных директором Института русистики Будапештского университета Д. Сваком совместно с ИРИ РАН, выступали с докладами: А.Г. Гуськов, Д.В. Лисейцев, Е.Н. Марасинова, А.Н. Медушевский, Н.М. Рогожин. По приглашению Института русистики Будапештского университета и Венгерской комиссии историков в Будапешт выезжали: А.И. Аксенов, А.Г. Гуськов, Л.Е. Морозова. Стажировались: Д.В. Лисейцев в Польше, А.Г. Гуськов в Швеции, П.Н. Зырянов в Венгрии.

Д.В. Лисейцев и Н.М. Рогожин выступали с докладами в Варшаве в Академии Наук во время проведения Дней российской науки в Польше. Октябрь 2004 г.

А.И. Аксенов участвовал в международной конференции в г. Ниш (Сербия) “Книжность и история”, где выступил с докладом “Румянцевы в русской истории и литературе”. Ноябрь 2003 г.

Е.Н. Марасинова – постоянный докладчик русской секции международного общества по изучению XVIII века, участник IX, X и XI международных конгрессов по Просвещению, участвует в совместном проекте с Институтом Макса Планка (Германия) по публикации новых источников по истории России XVIII – начала XIX в. Выступила с докладами на конференциях в Лондоне, Дублине и Лос-Анджелесе.

Говоря об итогах работы Центра истории русского феодализма, следует отметить также работу с аспирантами. С 2000 по 2005 г. в Центре были защищены семь кандидатских диссертаций (А.В. Беляков, Н.В. Бессарабова, А.Г. Гуськов, А.В. Гусев, Д.В. Лисейцев, Е.А. Тимохина, И.Н. Шамина) и три докторских диссертации (С.А. Козлов, Л.Е. Морозова, В.В. Фомин). В настоящее время в Центре два аспиранта очного обучения, два заочного, шесть соискателей, среди которых два докторанта.

Сегодняшний научный потенциал Центра и результаты его работы полностью определяются нашими предшественниками. Ученый совет Института российской истории РАН одобрил плодотворную исследовательскую и издательскую работу Центра истории русского феодализма, а также активное участие в ней молодых ученых.

В 2006 г. завершают работу над монографиями Д.В. Лисейцев, Н.А. Соболева, Е.Н. Марасинова, О.В. Новохатко. Е.Ю. Тихонова завершает подготовку 18-го тома публикации “Декреты советской власти”. Началась работа над фундаментальной публикацией “Архив стольника Безобразова” (отв. ред. Н.М. Рогожин. – 80 п. л.).

В целом продолжится научно-исследовательская работа по указанным направлениям: 1. Изучение конкретно-исторических и источниковедческих проблем отечественной истории и специальных исторических дисциплин. 2. Издание источников. 3. Координация и пропаганда исторических знаний. Среди приоритетных тем следует выделить: государственность, сословия, история реформ, аграрное развитие России, становление, развитие и особенности русского предпринимательства, мифология, личность в истории России, генеалогия и геральдика. Остаются актуальными публикация источников и разработка новых методик их анализа, проблем авторства, редакций, изводов, достоверности, взаимовлияния и полноты информации различных видов источников.

В заключение мне хочется не только отметить, но и поблагодарить от всего сердца сотрудников нашего Центра за исключительную и самоотверженную преданность своему делу. Конечно, прошедшие пять лет были непростым временем – изменилось все, и можно ли сравнивать, по сути дела мы живем в другой стране. Но очевидно главное – “свеча не загасла”.

А.С. Сенявский

XX СЪЕЗД КПСС В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ XX ВЕКА

(“Круглый стол” в ИРИ РАН 28 февраля 2006 г.)¹

Полувековой юбилей XX съезда КПСС стал поводом для очередного всплеска внимания к уже давнему событию, о котором помнят разве что люди старших поколений. Преданная остракизму после 1964 г. хрущевская “эпопея” реформ, экспериментов, переоценки ценностей предшествующего периода, стала востребованной идеологами и политиками новой – горбачевской – партийной команды, в очередной раз утверждавшейся у власти за счет ниспровержения авторитетов непосредственных предшественников, на этот раз – критики брежневского периода, и искавшей своим начинаниям идейную опору. Именно пафосом “сокрушения авторитетов” хрущевский XX съезд весьма подходил новым экспериментаторам и “нигилистам”. От брежневского периода протягивали нить к “сталинизму” как более глубоким корням пороков советского общества, а массовые репрессии казались столь явным, простым и благодатным объектом критики, что заслоняли все остальное и позволяли обвинить “систему” во всех смертных грехах.

От очередного пересмотра оценок не осталась в стороне и историческая наука, пребывавшая сначала в русле “марксистско-ленинской” парадигмы. Деятельность Хрущева привлекла повышенное внимание исследователей во второй половине 1980-х годов – в контексте “перестроечных” настроений, надежд и планов, основанных на наивных идеях “шестидесятников” в духе “коммунистического романтизма” – возвращения, как им виделось, к “ленинским истокам”, гуманизации социализма и т.п. Толчком для возникновения этого неоформленного течения и идейной его опорой как раз и стали позиции XX съезда. А с 1985 г. постаревшие шестидесятники, которых заставили “придержаться язык” при Брежневе, оказались на время востребованными в контексте

---

¹ “Круглый стол” проведен в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН “Власть и общество в истории”, проект “От XX съезда к постсоветской России...”

курса М.С. Горбачева, А.Н. Яковлева и др. На этой ниве “отметились” и многие молодые историки, востребованные новой конъюнктурой. Но “вынутые из сундуков” пропыленные идеи и подходы не долго пользовались спросом.

Российская (сначала позднесоветская, а затем постсоветская) историческая наука прошла путь от критики Сталина, затем “брежневщины”, затем и самого Хрущева (сумбурности и ограниченности его начинаний) – к ниспровержению авторитета Ленина и самой коммунистической идеи, всего советского периода, включая и “прорабов перестройки”, и самого Горбачева. Причем эта критика проходила преимущественно не на базе строго научного анализа, а на основе смены одних идеологом (и мифологом) другими. Но позже – уже в середине 1990-х годов – Н.С. Хрущев политикам, идеологам, а потом и конъюнктурным историкам стал не интересен: в обществе решались задачи не создания “социализма с человеческим лицом” (идеологема “еврокоммунизма”), а передела власти и собственности, полномасштабной реставрации капитализма.

Сегодня, после многочисленных зигзагов отечественной истории, и особенно радикальных трансформаций 1990-х годов, XX съезд даже многим профессионалам кажется малозначимым событием, существенным лишь для внутрипартийных и “внутри-системных” процессов, характеризующим нюансы, “оттенки” коммунистического курса советского государства, но не повлиявшим на его сущность и судьбу страны. Но это далеко не так, что и показали как прямая, так и заочная полемика, развернувшаяся в прессе, а также на некоторых из научных мероприятий, посвященных этому событию. Одно из них – “круглый стол” под названием “XX съезд КПСС: роль в исторической судьбе СССР и советской системы (к 50-летию со дня проведения)” – был проведен 28 февраля 2006 г. в Институте российской истории РАН на базе Центра “Россия, СССР в истории XX века”.

Основными докладчиками стали сотрудники Центра, выступившие по темам, в которых они являлись специалистами, а также сотрудники из других подразделений Института и других организаций. Вел заседание д.и.н. А.С. Сенявский. В отличие от многих, прошедших по стране политизированных мероприятий, мини-конференция в ИРИ РАН носила сугубо научный и “камерный” характер, что позволило углубленно рассмотреть связанные с обсуждаемым событием проблемы. Организаторы “круглого стола” исходили из того, что сегодня необходимо системное видение советской истории – в контексте всей российской и всей мировой, включая и такое неоднозначное явление, как XX съезд

КПСС, который является кульминацией “хрущевского десятилетия” и действительно по своей значимости – крупнейшим его событием. В свою очередь кульминацией съезда и причиной, почему он так выделяется в ряду многих партийных форумов, был секретный доклад Н.С. Хрущева “О культуре личности и его последствиях”. Реальные последствия доклада для КПСС, советской системы, коммунистической идеи и коммунистического движения, а, в конечном счете, и для мировой истории оказались отнюдь не менее драматичными, нежели изображенные Хрущевым – как действительные, так и надуманные – последствия “культы” И.В. Сталина. XX съезд был событием, которое далеко не ограничивалось “секретным докладом” Н.С. Хрущева, а вписывалось в широкий контекст общественно-политической и социально-экономической жизни страны.

Поэтому, несмотря на то что “секретный доклад” Хрущева закономерно стал центральной темой для обсуждения и на “круглом столе”, предметом анализа и дискуссий на нем стал более широкий спектр явлений, связанных со съездом, предшествовавших, сопутствовавших ему и последовавших за ним.

Во вступительном докладе “XX съезд КПСС на весах истории” д. и. н. А.С. Сенявский отметил, что радикальный поворот начала 1990-х, российская национально-государственная катастрофа заставляют по-новому взглянуть на весь исторический процесс XX в. При этом даже крайне инерционная историческая наука переживает относительно скорое “отрезвление” от периода, когда многие авторы радостно захлебывались от разоблачения “пороков тоталитаризма”, заполнения (как правило, черной краской) “белых пятен” советской истории и т.д. Конъюнктурность, примитивность, интеллектуальная скудость “кавалерийского наскока” на советскую, да и всю российскую историю XX в. становятся все более очевидными лишь в начале XXI в., когда современная Россия по геополитическим позициям отброшена к уровню XVII в., когда “демократизация” и “капитализация” страны не помогли ей стать полноправным партнером западных стран, когда идет тотальное наступление Запада, и прежде всего США, считающих возможным по своей прихоти подавлять суверенные государства, угрожать независимости и целостности любой “неудобной” страны, устраивать “цветные” революции – антигосударственные перевороты – на постсоветском пространстве, продвигать НАТО на восток, “прессовать” Россию, навязывая ей неприемлемые условия вступления в ВТО, размещать свои военные базы в странах СНГ и т.д. Короче говоря, ущемлять коренные интересы России, в том числе строя планы “цветной” ре-

волюции и дальнейшего ее расчленения. Изживание “демократических” и “либеральных” иллюзий заставляет даже многих заблуждавшихся исследователей посмотреть на новейшую отечественную историю под иным углом зрения. В том числе геополитическим: идеологии (режимы, модели политического и социально-экономического устройства и т.д.) приходят и уходят, а Россия остается... И у нее нет и не может быть настоящих друзей и постоянных союзников, но есть непреходящие коренные интересы.

Именно в этом контексте следует рассматривать и XX съезд КПСС – далеко не ординарное событие всей мировой истории XX в. Неординарность ему придал “закрытый” доклад Н.С. Хрущева с его обвинительным пафосом, находившийся во вполне традиционном русле принятых в партии форм борьбы за власть и действительно субъективно направленный на упрочение позиций докладчика как первого секретаря партии. Но антисталинизм Хрущева объясняется не только его политическими амбициями, но и его троцкистским прошлым, левокоммунистическими установками, проявившимися во многих областях в период “хрущевского десятилетия”. Например, если Сталин отказался от курса на мировую революцию, в которой советское государство рассматривалось в качестве средства, напротив, поставив международное коммунистическое движение в положение инструмента национально-государственных интересов СССР, то Хрущев по сути вернулся к политике “экспорта революции”, что в перспективе стало важнейшим фактором подрыва советской экономики. Аналогичные “левацкие зигзаги” произошли и во внутренней политике.

В закрытом докладе Хрущев примитивно и своекорыстно “свалил в одну кучу” весьма сложные процессы, связанные с репрессивной практикой 1930-х годов. Он одному Сталину приписал просчеты, провалы и преступления, ответственность за которые в действительности несла вся партийно-государственная верхушка СССР.

Хрущевский доклад имел далеко идущие последствия, носившие всемирно-исторический характер: потряс до основания всю мировую коммунистическую конструкцию – от массового сознания советских людей до коммунистических структур в лице компартий на Западе, элиты и руководства социалистических стран. А, подорвав коммунизм, не только предопределил проигрыш в “холодной войне”, но и нанес непоправимый удар по России. И вовсе не потому, что существовавшая в СССР советская мобилизационная модель развития была “идеальной”, отнюдь нет, но в

тот период именно она со всеми присущими ей достоинствами и недостатками являлась исторической формой существования российского государства. Причем была вполне конкурентоспособной в противостоянии западной модели исторического развития, обеспечивала прогресс и интересы населявших страну народов, а геополитически и социокультурно – противостояла Западу как цивилизации. В выступлении А.С. Сеньявского были подробно рассмотрены и проанализированы основные положения доклада Н.С. Хрущева, реакция на доклад в мире, последствия доклада и хрущевского антисталинизма для развития СССР и мирового исторического процесса.

Д.и.н. Ю.Н. Жуков (ИРИ РАН) в своем выступлении на тему «*Секретный доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС – завершение “тихого” государственного переворота*», обратил внимание на то, что мало кто при анализе доклада вышел собственно за его рамки. Сказанное Хрущевым принимали на веру, не требуя доказательств. Такой антинаучный подход позволил использовать доклад в идеологических целях, в политической борьбе и в “холодной войне”. Ведь речь Хрущева позволила представить массовые репрессии как чуть ли не главное, что было присуще СССР в 1930–1940-е годы, объявив эпоху Сталина эпохой кровавой тирании, а Хрущева – человеком, открывшим новую эпоху очищения, демократизации, предтечей “перестройки”. Возобладала идея, что Хрущев начал выводить страну из тупика, куда ее, мол, завели в 1917 г. большевики. Но мало кто замечал, что “жертвы массового террора” были в основном ограничены кругом партийной и государственной элиты. Не задавались и вопросом: почему доклад был прочитан именно в феврале 1956 г. и к каким последствиям он привел.

Между тем, еще в апреле 1953 г. председатель Совета министров СССР Г.М. Маленков начал готовить пленум, посвященный проблеме культа личности с анализом истоков явления, с возложением ответственности за культ не на мертвого вождя, а на свекорыстный партийный аппарат. Но большинство членов Президиума ЦК, и главным образом Хрущев, Сулов и Берия, не допустили его созыва. Хрущев и в 1954 г. давал указание о публикации панегирических передовых статей в годовщину смерти Сталина. Не Хрущев, а Маленков стал автором “оттепели” и во внешней политике, и в реформировании экономики. Однако партократия, рупором и защитником интересов которой являлся Хрущев, не желала принять предложенную Маленковым политику. Особенно задело ее изменение в материальном положении, когда в 1953 г. была повышена оплата (в “конвертах”) только для

членов исполнительной власти (от руководства министерств до районных исполкомов), а партаппарат почувствовал себя обделенным. Хрущев же увеличил денежное довольствие для партийных функционеров высшего и среднего звена, после чего в сентябре 1953 г. они дружно избрали его первым секретарем ЦК КПСС, отказавшись от только что провозглашенной идеи “коллективного руководства”. С тех пор Маленкова стали оттеснять от власти: партноменклатура не захотела оставлять за правительством первенствующую роль. И не случайно: еще в 1944 г. Сталиным и Маленковым был подготовлен проект постановления пленума ЦК, отвергнутый большинством членов политбюро, который фактически отрешал партию от власти, оставляя за ней пропагандистские функции. Опасаясь возвращения Маленковым, популярным в народе, такой политики, Хрущев и партаппарат стремились перенести максимум полномочий в партийные структуры, дискредитировать политических оппонентов.

Став зампредсовмина, Хрущев предложил экстенсивный курс на подъем целины, а затем в феврале 1955 г. возложил вину за провал собственного курса на Маленкова, которого сняли с поста председателя Совмина СССР, объявив его курс “правооппортунистическим” и “антимарксистским”. Опасаясь консолидации своих авторитетных и влиятельных оппонентов (Молотова, Кагановича, Маленкова, Ворошилова, Микояна и др.), Хрущев и разыграл “сталинскую карту” на XX съезде. Чтобы обезопасить себя, он пошел на бесстыдный отказ от своих еще вчера провозглашаемых воззрений: выступил перед делегатами XX съезда с так называемым “секретным докладом”. Жестко осудив репрессии по отношению к партийным руководителям середины 1930-х годов, он, во-первых, гарантировал делегатам их будущую неприкосновенность от репрессий, а во-вторых, предупреждал “сталинскую гвардию”, что в случае создания оппозиции новому руководству, их всегда можно обвинить в соучастии в “преступной деятельности” Сталина, в развязывании массовых репрессий.

Результатом доклада стал раскол общества на “антисталинистов” (а точнее, конформистов, бездумно принявших сказанное Хрущевым на веру), и на “сталинистов”, – тех, кто продолжал видеть в прошлом не один только негатив. Оказалось расколотым и мировое коммунистическое и рабочее движение, и соцстраны. Таковы последствия доклада Хрущева, который и по сей день используют для дискредитации нашего прошлого. Ю.Н. Жуков определил XX съезд как “первый шаг в пропасть”.

Д.и.н., проф. Ю.В. Аксютин (МГОУ) в своем докладе сосредоточился на откликах на XX съезд в стране и за рубежом. За-

крытый доклад Хрущева затем оглашался перед 7 миллионами коммунистов и 18 миллионами комсомольцев. Обсуждать его не полагалось, но жарких дискуссий избежать не удалось, причем на собраниях. Реакция была неоднозначной. Так, в Грузии произошли волнения: 9 марта на 80-тысячном митинге в Тбилиси ораторы требовали пересмотреть решения съезда, некоторые – реабилитировать Берию и сместить Хрущева. Раздавались требования о выходе Грузии из СССР. Попытки огласить по радио принятую на митинге декларацию привели к столкновению с охраной Дома связи, были убитые и раненые. Митинг был разогнан, в город вошли танки. 20 человек были приговорены к различным срокам лишения свободы, но не по антисоветским статьям, а за “хулиганство” и т.п.

Противоречивой была реакция в других регионах страны. Диапазон мнений был самым широким: от “Такого не может быть!” и полного неприятия критики “культы личности” до требований объявить Сталина преступником. Немало людей продолжали считать Сталина великим человеком: “С ним была поднята из руин страна. С ним была выиграна война; если и были какие-то отрицательные моменты, то сделанное им для страны их перекрывает”. Раздавались закономерные вопросы: а где же были сам Н.С. Хрущев и другие руководители, почему они не воспротивились политике репрессий? Многие считали, что в репрессиях виновато окружение Сталина, “которое хочет теперь всю свою вину свалить на Сталина”. На партийных активах высказывалось мнение, что “не следовало бы выносить вопрос о культе личности на такое широкое обсуждение, а принимать постепенные и осторожные меры по преодолению последствий культа личности”.

“Демократизирующаяся” власть жестко реагировала на “непонимание курса”. В ряде партийных организаций стали рассматриваться персональные дела коммунистов, “неправильно понявших линию партии в вопросе о культе личности”. Случаев таких было не так уж много, но они были, особенно в кругах научной интеллигенции. Ученые с их склонностью к анализу позволяли себе усомниться не только в фигуре Сталина, но и в некоторых погрешностях самой советской системы: “Почему не дается объяснение поведения Сталина как отражения интересов социального слоя, выросшего на почве советского бюрократизма?.. Чем было наше государство в продолжение почти 30 лет: демократической республикой или тоталитарным государством?.. Не способствует ли культу личности однопартийность и почти полное слияние органов власти и партийных органов?” Вопросы шли го-

раздо дальше предложенного Хрущевым объяснения причин культа личности. Посыпались выговора и исключения из партии, сопровождавшиеся увольнением с работы. Распустили партийную организацию в Теплотехнической лаборатории АН СССР.

Особенность социально-психологического климата тех послесталинских лет в том, что основная масса людей, воспитанных в традициях пиетета и преклонения перед “великим вождем и учителем”, не была готова к смене оценок. “В Москве, – вспоминал современник, – меня больше всего поразила ностальгическая любовь народа к Сталину”. О том, насколько трудно происходил сдвиг в общественном сознании, т.е. внедрялись антисталинские установки XX съезда, свидетельствуют и результаты работы, проведенной на факультете истории, политологии и права Московского государственного областного университета (МГОУ). По определенной методике в 1994–2004 гг. там силами студентов был проведен опрос полутора тысяч человек, помнящих о событиях той эпохи. На вопрос “Как вы отнеслись к прозвучавшим в докладе обвинениям в адрес Сталина?” 34,9% опрошенных ответили, что поверили и одобрили. Не поверили и не одобрили доклад 39,7% опрошенных. “Сталин был для нас отцом, как мы могли в это поверить?” “Да, культ личности был, но ведь и личность была”. Имели двойственное мнение 11,5% опрошенных. Некоторые со временем меняли свое мнение в соответствии с общей антисталинистской тенденцией. Ничего не сказали о своем тогдашнем мнении 3,8% опрошенных, 2,8% утверждают, что тогда ничего не знали об этом. Общество не было готово к десталинизации. Если “глас народа” действительно был тогда таковым, то становится понятнее, почему Хрущев вдруг остановился и даже стал делать попятные шаги. Значительную роль тут сыграли и оппозиция его соратников, и советы китайских товарищей, и опасения, как бы события не вышли из-под контроля и не стали развиваться по тому самому сценарию, по какому они потом шли в Польше и Венгрии, и “сопротивление материала” совсем иного рода, – считает проф. Ю.В. Аксютин. (Комментируя итоги этого небезынтересного опроса, следует, во-первых, сделать поправки на недостаточную его репрезентативность; на ошибки памяти, “модернизацию” воспоминаний, как правило, конформистского характера, в том числе под влиянием антисталинистской пропаганды; во-вторых, при всем при том, явную тенденцию непонимания и/или неприятия официальной позиции большинством; в-третьих, стойкость антихрущевских настроений, сохраненных через десятилетия, а также смену отношения к нему с позитивного на негативное, особенно среди наиболее “рефлексивной” час-

ти респондентов – интеллигенции, видящей ситуацию с высоты исторического опыта 1990-х годов. – А.С.) Так, некоторые респонденты считают, что “развал СССР начался с этого поступка” Хрущева.

Одним из позитивных следствий периода “оттепели”, в том числе XX съезда, стало свертывание репрессивной системы. Этому вопросу был посвящен доклад д.и.н. Г.М. Ивановой (ИРИ РАН) “XX съезд и ликвидация ГУЛАГа”. Реорганизация лагерной системы началась сразу после смерти Сталина. Уже в марте 1953 г. преемники Сталина предприняли первые попытки ввести карательную политику в русло законности. По Указу Президиума Верховного Совета СССР об амнистии от 27 марта 1953 г. из лагерей и колоний было освобождено 1,2 млн человек – 53,8% общей численности заключенных, ликвидировано 104 лагеря, 1567 колоний и лагерных подразделений, сокращено 180 тыс. работников лагерного сектора. Реорганизационные процессы в системе ГУЛАГа продолжались на протяжении нескольких лет под давлением массовых протестов заключенных и резкого ухудшения экономических показателей ГУЛАГа.

С 1950 по 1953 г. доля политических заключенных колебалась на уровне 23,1% – 21,9%. Амнистия 1953 г. значительно изменила состав заключенных. Доля осужденных за контрреволюционные преступления, не подпадавших под действие амнистии, возросла к 1954 г. до 34,8% (на начало 1954 г. в лагерях, колониях и тюрьмах содержалось 468 тыс. человек, осужденных за контрреволюционные преступления, а в ссылке после отбытия наказания находились еще 62,5 тыс. человек).

После ареста Л.П. Берии в высшие судебные, партийные, правительственные инстанции, членам Президиума ЦК КПСС стали поступать десятки тысяч заявлений, прошений, в которых заключенные и родственники репрессированных жаловались на незаконное осуждение за контрреволюционные преступления. К весне 1954 г. уже были реабилитированы многие видные партийные, государственные и общественные деятели. 4 мая 1954 г. Президиум ЦК КПСС принял Постановление о создании Центральной Комиссии и местных комиссий по пересмотру дел осужденных за контрреволюционные преступления. Работа Центральной и местных комиссий по пересмотру дел продолжалась с мая 1954 г. по март 1956 г. За этот период комиссии “с опаской и оглядкой” пересмотрели дела в отношении более 337 тыс. осужденных, из них 54,5%, т.е. большинству, наказание было оставлено без изменения. В отношении 45,5% были вынесены решения о прекращении дел, о сокращении сроков наказания, о применении

указа об амнистии, об освобождении из ссылки и др. Наиболее часто снижали наказание до пяти лет и освобождали по амнистии.

Уменьшение количества заключенных в 1954–1955 гг. явилось следствием государственной политики, названной впоследствии “десталинизацией”. В этот период, с апреля 1954 по конец 1955 г., на основании Указов Президиума Верховного Совета СССР было освобождено более 330 тыс. человек. Всего за 1954–1955 гг. в лагеря и колонии МВД поступило 845,7 тыс. осужденных, а выбыло из мест заключения 1398 тыс. Одновременно осуществлялись гуманизация лагерной системы, смягчение режима содержания политических заключенных, ограничение произвола служащих. В течение 1954–1955 гг. многие лагерные структуры и подразделения подверглись сокращению и значительной реорганизации. Штатная численность управленческого аппарата ГУЛАГа и его периферийных органов сократилась за два года на 43,2 тыс. человек, на 25 тыс. – численность военизированной охраны.

Еще до XX съезда Комиссия в составе П.Н. Поспелова, А.Б. Аристова, Н.М. Шверника и П.Т. Комарова изучила в КГБ архивные документы и представила 9 февраля 1956 г. пространную записку, где приводились цифры о числе советских граждан, репрессированных и расстрелянных по обвинениям в “антисоветской деятельности” за период 1935–1940 гг., и особенно в 1937–1938 гг. В ходе бурного обмена мнениями члены Президиума, по сути, решали важнейший вопрос, сформулированный Микояном: “Как относиться к прошлому?” В докладе Поспелова, который готовился в условиях строжайшей конспирации, как и в последующем секретном докладе Хрущева, речь шла прежде всего о массовых репрессиях 1930-х годов против руководящих партийных, советских, хозяйственных и военных кадров. Вопрос о ГУЛАГе, о миллионах советских граждан всех профессий, конфессий и национальностей, сгинувших или продолжавших влачить жалкое, бесправное, полуголодное существование в советских концентрационных лагерях, оставался открытым.

Общая тональность доклада Хрущева, острота поставленных проблем, а также сформулированная в конце выступления задача “до конца исправить нарушения революционной социалистической законности, которые накопились за длительный период в результате отрицательных последствий культа личности”, предопределили дальнейшие радикальные перемены в лагерной системе. После XX съезда партии процесс освобождения политических заключенных продолжился. К 1 октября 1956 г. из

176,3 тыс. человек, дела которых пересматривали, свободу получили 100,1 тыс., срок наказания был сокращен 42 тыс. В отношении лиц, осужденных за политические преступления, были пересмотрены дела на 81 тыс. человек, из них были освобождены из-под стражи почти 51 тыс. заключенных, полностью реабилитирована 3,3 тыс. Большинство лиц, освобожденных из заключения, юридически не были реабилитированы, т.е. считалось, что все они в прошлом совершили те или иные преступные деяния. Указ Президиума Верховного Совета СССР предусматривал лишь освобождение заключенного от дальнейшего отбывания наказания, при этом с освобождаемого снималась судимость и все связанные с осуждением правоограничения. Для сотен тысяч выживших узников ГУЛАГа процесс восстановления справедливости, заключающийся прежде всего в судебной, а для многих также и в партийной реабилитации, растянулся на долгие годы.

Процесс освобождения политических заключенных предельно обострил проблему реорганизации ГУЛАГа. На 1 января 1956 г. во всех местах лишения свободы содержалось 940,9 тыс. заключенных, из них за контрреволюционные преступления были осуждены 113,7 тыс. человек. 27 октября 1956 г. был издан приказ МВД СССР, предписывавший: “Реорганизовать Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД в Главное управление исправительно-трудовых колоний МВД СССР”: из названия старейшего главного управления МВД исчезло слово “лагерь”, на смену сокращению ГУЛАГ пришла аббревиатура ГУИТК. Постепенно в стране начала формироваться нормальная пенитенциарная система. Она несла в себе все пороки коммунистического режима, но это уже не была система чудовищной эксплуатации принудительного труда и массового политического насилия. Год XX съезда КПСС стал годом ликвидации ГУЛАГа.

В докладе *к.и.н. В.А. Шестакова (ИРИ РАН) “XX съезд и социально-экономическая политика”* отмечается: большинство исследователей считает, что рассмотрение экономических проблем на съезде носило рутинный характер. Но по мере рассекретивания архивных фондов, а главное, реализации в Китае особой модели развития, рассмотрение этих проблем на съезде обретает актуальность. Суть проблемы: могло ли быть после смерти Сталина развитие страны направлено по пути постепенной модернизации по западному образцу с допущением рыночных механизмов ценообразования, конкуренции при сохранении коммунистической идеологии и ведущей роли КПСС? Ряд исследователей отвечает положительно в контексте предложений Л.П. Берии и

Г.М. Маленкова. Однако возможность была упущена, поскольку к руководству страной пришел Н.С. Хрущев.

В.А. Шестаков ставит ряд вопросов: в какой исторический момент плановая система утратила эффективность, продемонстрированную в начальный период индустриализации, показала себя бюрократизированной, расточительной и неэффективной по сравнению с современной рыночной системой? Когда был дан достаточно убедительный ответ на главный вызов XX в.: план или рынок, и осознавали ли вообще новые руководители этот переломный момент? Иными словами, могли ли они в соответствии с известной формулой жить по-старому. Немаловажен ответ и на ряд более частных вопросов: имели ли советские лидеры объективные знания о сильных и слабых сторонах советской системы, причинах ее успехов и неудач в экономике и социальной сфере? Что позволяло или мешало после смерти Сталина начать постиндустриальные или иные преобразования и реформы? Почему в конечном итоге был реализован хрущевский вариант реформ?

Необходимость обновления социально-экономической модели стала осознаваться элитой уже к началу 60-х годов. Она оказалась перед выбором: либо вновь перестраивать экономическую систему, подключая рыночные регуляторы в рамках социалистической модели, создать предпосылки повышения конкурентоспособности продукции обрабатывающей промышленности, либо принять как данность утрату экономического динамизма, сделать упор на стабильность структур.

Ответом на вызов югославского и венгерского руководства стало формирование в 1950-е годы “рыночного социализма”, в 1979 г. по этому пути пошел и Китай. Эти страны были относительно бедны ресурсами, и у них не было возможности компенсировать низкую конкурентоспособность обрабатывающих отраслей масштабным экспортом топливно-сырьевых ресурсов.

В СССР в начале 1950-х годов основные показатели экономического развития страны серьезно ухудшились. Экономический рост обеспечивался за счет наступления на благосостояние. В 1952 г. потребление молока и молочных продуктов было почти в 2 раза ниже, чем в США, мяса, рыбы, сахара почти в 3 раза ниже, фруктов – почти в 5 раз ниже. В 1953 г. страна стояла на пороге нового голода. Остро стояли проблемы с жильем, потреблением непродовольственных товаров.

Следует констатировать невысокий уровень экономической компетентности правящей элиты. Ни на одном властном уровне серьезно не обсуждались многие принципиальные моменты совершенствования хозяйственного механизма. По мере демонта-

жа репрессивной машины резко слабеет негативная мотивация трудовой деятельности (страх наказания), уходят в прошлое также и голодные годы (другой важнейший негативный стимул к труду). К началу 1950-х годов исчерпываются возможности мобилизации финансовых ресурсов из традиционного сектора, что заставило советское руководство пойти на серьезную корректировку пятого пятилетнего плана. Несмотря на провозглашенный Маленковым новый курс, экономика развивалась в прежнем русле, определенном еще в военные и первые послевоенные годы, производственный потенциал развивался экстенсивно, управление общественным производством осуществлялось преимущественно организационно-распорядительными методами, выражавшимися в централизованном директивном планировании и в оперативном управлении “сверху вниз”. Курс на военное противостояние с Западом способствовал окончательному подчинению всего социально-экономического развития интересам ВПК.

После Сталина впервые за долгие годы генеральное направление социально-экономической политики СССР подверглось Маленковым серьезной ревизии, но не все в новом руководстве разделяли его курс, в том числе на поддержку деревни и “крутой подъем производства предметов народного потребления”. Но Маленков не предложил комплексного решения проблем. Лишь к середине 1950-х годов новое руководство смогло, наконец, в рамках подготовки XX съезда серьезно заняться экономикой, перейти от чрезвычайного реагирования на возникающие проблемы к изучению реальных социально-экономических процессов. Но в мотивации действий Хрущева в экономической сфере доминируют политические мотивы. Он считает, что социалистическая система победоносно идет вперед, не зная кризисов и потрясений, демонстрируя свои решающие преимущества перед капитализмом. На съезде он опять выдвигает на первое место развитие тяжелой промышленности, поскольку проблема приоритета тяжелой индустрии для него вопрос не столько экономический, сколько политический.

Таким образом, к середине 1950-х годов, а тем более в первые послевоенные годы, дальнейшее развитие страны не могло быть направлено по пути постепенной модернизации по западному образцу с допущением рыночных механизмов ценообразования, конкуренции, тем более – по пути выхода из социализма: советская система имела еще колоссальный запас прочности, сохраняя высокие темпы экономического роста и высокий уровень социальной справедливости (“равенство в нищете”, а привилегии верхушки тщательно скрывались). Значимость XX съезда в том, что

события вокруг него определили тип социально-экономических перемен. Смелый для того времени экономический курс Маленкова противоречил всей логике существования советской системы, ставил под сомнение статус СССР как великой державы, лишил его способности успешно решать внешнеполитические задачи. Хрущев ретроспективно подчеркивал, что в 1956 г. мы были очень слабы в оборонном отношении. В то же время, в 1950-е годы советская экономическая система оказалась жизнеспособной настолько, что в рыночной экономике многих стран Европы и Азии после Второй мировой войны были заимствованы и успешно применены некоторые инструменты плана. Социально-экономическая политика Хрущева при всей ее популистской составляющей представляется в предполагаемых обстоятельствах едва ли не единственно возможной.

Д.и.н. И.В. Быстрова (ИРИ РАН) в своем докладе “XX съезд и изменения военной политики: международные и внутренние аспекты” отметила то обстоятельство, что Н.С. Хрущевым на XX съезде в области международных отношений был выдвинут важнейший теоретический постулат: “фатальной неизбежности войн нет”. Дал ли XX съезд существенные изменения в военной политике? В выступлениях на съезде и сам Н.С. Хрущев, и ряд выступавших руководителей (Д.Т. Шепилов, В.М. Молотов, Г.К. Жуков) подчеркивали, что главным очагом военной опасности в мире выступал милитаризм США, а “холодная война” являлась “средством поддержания высокого уровня военной промышленности и выколачивания огромных прибылей”. Во многих выступлениях на XX съезде – В.М. Молотова, Г.К. Жукова и др. – обыгрывался мотив наращивания военной мощи СССР как противовес агрессивным замыслам империалистов. Наиболее полная характеристика состояния и перспектив военного строительства в СССР содержалась в докладе на съезде министра обороны Г.К. Жукова, отметившего сокращение армии и военных расходов, но и необходимость качественного преобразования Вооруженных сил СССР: роста удельного веса военно-воздушных сил и войск противовоздушной обороны, полной механизации и моторизации армии, оснащения атомным и термоядерным оружием, ракетным и реактивным вооружением. 1954–1958 гг. стали редким для советской истории периодом снижения военных расходов и роста доли сектора потребления в валовом национальном продукте. К середине 1957 г. численность армии и флота уменьшилась на 1,2 млн человек – примерно до 3 млн, за счет программы сокращения традиционных видов ВС, и сдвига приоритетов в сторону ракет, электроники и ядерных вооружений. По некото-

рым западным оценкам, в течение первых трех лет правления Хрущева доля военных расходов в валовом национальном продукте (ВНП) страны уменьшилась с 12 до 9%, в то время как доля сектора потребления возросла с 60 до 62% ВНП. В 1959 г. рост затрат на производство новейших вооружений переломил эту тенденцию, и военные расходы СССР снова возросли до уровня 1955 г., хотя из-за быстрого роста валового национального продукта в этот период процент военных расходов в ВНП оставался прежним. После 1959 г. их доля в ВНП начала медленно, но неуклонно возрастать. Военные расходы заняли приоритетное место в экономической политике советского руководства. В 1954–1957 гг. форсированным темпом претворялась в жизнь программа создания межконтинентальной баллистической ракеты (МБР): СССР впервые смог вырваться вперед в гонке вооружений, проведя первые успешные испытания ракеты с межконтинентальным радиусом действия в 1957 г. – почти на год раньше, чем США, осуществить прорыв в космос.

Активно развивалось военно-техническое сотрудничество СССР и стран “народной демократии”. СССР пытался противостоять экспансионистской политике США, расширяя собственную экспансию в страны “третьего мира”. Поставки вооружений этим странам производились Советским Союзом в политических целях, с экономической являясь убыточными. XX съезд не ознаменовал кардинальных изменений в военном строительстве внутри страны. Новации съезда заключались в провозглашении возможности предотвращения войн, но только события начала 1960-х годов постепенно привели советских и западных руководителей к осознанию того, что в ядерной войне победителей не будет. Эпоха XX съезда характеризовалась форсированием ракетно-ядерного соревнования с Западом, эйфорией победы сил социализма во всем мире, созданием военно-политического блока стран “народной демократии”.

Д.и.н. Ю.П. Бокарев (ИРИ РАН) выступил с докладом “XX съезд и геополитика”. Он обратил внимание на неизменно присутствовавший геополитический фактор в российской истории. Запад не устраивала ни самодержавно-крепостническая Россия, ни большевистский Советский Союз, ни “Советская империя” эпохи “демократизации” и “гласности”. Запад не устраивала Россия как таковая, самим фактом своего существования, пугая своими гигантскими возможностями экономического и военного строительства. Особенно ненавистен Западу СССР эпохи правления Сталина. Но Сталин ненавистен не из-за жестоких репрессий и коллективизации, а именно как создатель могучей индустрии-

альной и военной державы, как лидер, под руководством которого страна победила во Второй мировой войне и стала одним из главных участников мирового исторического процесса. Сталин ненавистен как лидер, воскресивший в народах России уверенность в своих силах, дух созидания, чувство гордости за свою историю, восстановивший в своих правах Русскую православную церковь.

Благодаря верно выбранному геополитическому курсу международное положение СССР продолжало укрепляться и после его смерти. Поэтому к моменту проведения XX съезда КПСС геополитическая ситуация складывалась в пользу Советского Союза. В 1955 г. подписан Варшавский договор, завершивший формирование равновесного двухполюсного геополитического устройства, что ограничило возможность прямого военного столкновения между сверхдержавами и новой мировой войны. На Советский Союз ориентировались многие развивающиеся и освободившиеся от колониальной зависимости страны. Успешно развивались экономические связи между странами “победившего социализма”.

Однако уже во второй половине 1950-х годов геополитическое положение СССР стало ухудшаться. Особую роль сыграл “секретный” доклад Н.С. Хрущева. Его отрицательное влияние проявилось в четырех аспектах. Во-первых, он нанес серьезный урон международному престижу СССР в глазах мировой общественности, а в условиях “холодной войны” противники СССР использовали его для дискредитации как СССР, так и коммунистической идеи. Даже маккартизм не нанес такого вреда престижу коммунистов. Во-вторых, он расколол само коммунистическое движение, вызвав массовый отток из компартий западных стран. Остатки коммунистов разбрелись по разным враждующим группировкам. В-третьих, он привел к расколу “социалистического лагеря”: к потере крупнейшего союзника в лице Китая, прежней лояльности восточноевропейских союзников. Попытки построить свою национальную модель, “социализм с человеческим лицом” также вызваны к жизни “секретным” докладом, и последовавшими разоблачениями “звериного лица” сталинизма. В-четвертых, Хрущев расколол советское общество: в стране образовалось правозащитное движение, сильное из-за оказываемой ему Западом поддержки. Коммунисты сами нанесли себе смертельный удар. Но беда в том, что в их руках находились судьбы народов СССР.

Объективной основой распада СССР стало отсутствие объединяющей системы ценностей у народов Советского Союза, раз-

рушению которой положил начало именно “секретный” доклад Хрущева. Он ударил в главный центр национального объединения – образ вождя, который в народном сознании должен обладать чертами святости и непогрешимости. Официальные образы исторических деятелей везде расходятся с их реальными биографиями. Поэтому дело не в самом Сталине, виновном во многом из того, в чем его обвиняют, дело в образе Сталина, каким его рисовало себе сознание первого послевоенного поколения простых людей. А также в том вакууме и дезориентации, которые образовались в сознании последующих поколений. Доклад Хрущева был нацелен на полную дискредитацию Сталина как национального лидера, как продолжателя дела Ленина, как военачальника, попыткой создать образ трусливого и некомпетентного человека. При этом использовались явная клевета и масса непроверенных фактов. Атака Хрущева на образ Сталина в действительности преследовала цель дискредитировать, запугать и устранить своих соратников по партии, обвинявших его в “волюнтаризме”, отступлении от принципов коллективного руководства и принятии необоснованных решений, нанесших вред экономике страны. Таким образом, мы имеем дело с редким в мировой истории феноменом, когда интересы страны в целом приносятся в жертву интересам лиц, стоящих во главе руководства государством.

Доклад *к.и.н. Г.В. Костырченко* (ИРИ РАН) был сделан на тему “*XX съезд и еврейский вопрос в постсталинский период*”.

Еврейский вопрос стал той каплей воды, в которой отразились и сфокусировались все изменения после смерти Сталина. Усиление официального антисемитизма в предшествующий период и образование государства Израиль стали точками отсчета коренной метаморфозы советского еврейства из силы, всецело поддерживавшей советский режим с момента его образования в 1917 г., в силу нараставшей оппозиционности и нелояльности. XX съезд КПСС замедлил на время развитие этой тенденции. Проводившаяся при Сталине политика в отношении евреев, хотя и была существенно смягчена, но по сути оставалась прежней, ограничительной. Послабления стали следствием не столько пришедшей на смену сталинизму “оттепели”, сколько внешнего давления на СССР, в том числе и усилившейся с середины 1950-х годов критики со стороны руководства западных компартий. Но наибольшую активность в этом наступлении на Кремль проявил Израиль, организовавший глобальное давление на Москву через использование неофициальных каналов и инструментов.

Под влиянием политической либерализации в Советском Союзе с конца 1950-х годов стало вызревать так называемое диссидентское движение, костяк которого составила интеллигенция еврейского происхождения. Типичным для той поры был идейный дрейф от неоленинизма к диссидентству. Последние годы правления Хрущева были отмечены акциями и событиями, свидетельствующими о нарастании официального антисемитизма: аресты обвиненных в шпионаже в пользу США раввинов в Москве и Ленинграде (1961 г.), закрытие синагог в Киеве и Одессе, и др.

* * *

На “круглом столе” были представлены различные взгляды и подходы к освещаемым проблемам, что проявилось и в дискуссиях, развернувшихся по ходу заседания и по его итогам. При всем разнообразии тем и позиций, выступавшие сошлись в том, что последствия XX съезда крайне противоречивы. Мотивы Хрущева, боровшегося за укрепление власти, были отнюдь не бескорыстны в личностном плане, а в социально-политическом выражали интересы партийного аппарата. С точки зрения “реальной политики” остался дискуссионным вопрос: была ли нужда для КПСС и для СССР в целом в “секретном докладе” Хрущева, необходимость которого аргументируют потребностью в ликвидации репрессивной системы в виде ГУЛАГа. Аргумент слабый, так как до XX съезда была освобождена подавляющая часть заключенных, в том числе политических, а после съезда был лишь завершен процесс ликвидации этой системы, что можно было сделать и без дискредитации вождя и советского государства. Не нужно забывать и многочисленные репрессивные рецидивы хрущевского периода, в том числе подавление народного бунта в Новочеркасске с расстрелом ряда участников в ходе и после событий. Сумбурные “левацкие” зигзаги внутренней и внешней политики Хрущева способствовали формированию олигархического режима, замешанного на идеологическом догматизме и предопределившего закоснение советской системы на десятилетия. Участники сошлись на том, что съезд сыграл очень значимую роль в судьбе СССР и советской модели социализма и “ситуационно”, и в отсроченной перспективе, нанеся им мощный удар внутри и вне страны. Хрущев подорвал “несущие конструкции” советской системы и одновременно лишил ее способности к самообновлению, к радикальному и эффективному реформированию, утвердив власть партократии.

В.Б. Жиромская, Н.А. Араловец

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

(Всероссийские научные конференции в ИРИ РАН)

В современных условиях значительно возрос интерес российских ученых к изучению повседневной жизни человека. Этим проблемам были специально посвящены всероссийские научные конференции, которые ежегодно с 2001 г. проводятся совместными силами Института российской истории РАН, Научного Совета РАН “Человек в повседневности: прошлое и настоящее” и Московского государственного университета сервиса (в настоящее время – Российского государственного университета туризма и сервиса). Материал проведенных конференций был опубликован в серии сборников статей.

*Первый сборник статей “Человек в российской повседневности”*¹ посвящен общетеоретическим и методологическим аспектам проблемы. Сборник открывается статьей академика РАН *Ю.А. Полякова*. Он отметил актуальность и научно-практическую ценность изучения повседневной жизни человека в мировой науке. Исследование истории человеческого бытия, подчеркнул ученый, требует междисциплинарного подхода, подразумевает использование материалов самых разных наук: этнографии, социологии, демографии, психологии, медицины и т.д. Однако главная роль принадлежит общественным наукам и в первую очередь истории. Ю.А. Поляков выделил основные направления в изучении истории повседневности. Первое направление – историко-демографическое: вопросы рождаемости, смертности и продолжительности жизни на протяжении всей истории человечества. Второе – взаимоотношения поколений, воспитание детей, внутрисемейные отношения и т.д. Третье – изучение условий, обеспечивающих жизненный потенциал человека: быт, жилье, материальное обеспечение семьи (заработная плата и дополнительные заработки, бюджет семьи), питание, одежда и т.д. Четвертым направлением является проблема досуга.

В обеспечении всех этих важнейших направлений огромную роль играет культура организации сервиса. Эта проблема была рассмотрена в работе *Ю.П. Свириденко*. Он подчеркнул значение

изучения исторического опыта сервисного обслуживания в России для современности.

Повседневная жизнь человека – явление многогранное. Она испытывает на себе влияние многих факторов, среди которых особенно активны мировоззрение, обычаи, традиции, специфические у разных этносов, населяющих Россию. Роль религии в российской повседневности в сложной ситуации 1930-х годов показана *В.Б. Жиромской* на материалах Всесоюзной переписи населения 1937 г. Данные переписи свидетельствуют, что верующих было больше, чем неверующих, причем верующие были зафиксированы в каждой возрастной группе населения. Значение исследования культовых отправок и их особенностей у разных этносов показал *В.Э. Багдасарян*. По его мнению, они наиболее полно помогают раскрыть ментальность того или иного исторического сообщества.

Особую актуальность в современных условиях приобретает комплекс вопросов историко-демографического характера, в частности авторы рассмотрели в исторической ретроспективе вопросы брачно-семейных отношений. Так, *К.А. Аверьянов* поставил вопрос о времени возникновения брачных контрактов на Руси, которые в настоящее время прочно входят в наш быт. *Н.А. Араловец* проследила появление в семейных отношениях горожан России в 1920-е годы новых ценностных установок, разрушающих старые патриархально-авторитарные традиции и обычаи. Вывод о разложении старой патриархальной крестьянской семьи в России в начале XX в. подтвердил *С.Д. Морозов*. *О.М. Вербицкая* исследовала проблему потребления крестьянской семьи в советский период и пришла к выводу, что семьи колхозников по уровню потребления занимали последнее место среди прочих социальных групп российского общества.

В ряде статей рассматриваются социальные аспекты повседневности. В современных условиях проблемы жизнеобеспечения населения пожилого возраста особенно актуальны. В статье *В.Е. Лугового* показана низкая социальная защищенность этой группы: значительное ограничение возможностей осуществлять самообслуживание, передвижение, проблема одиночества. Автор считает, что одной из важнейших задач является организация новых и расширение имеющихся учреждений по реабилитации здоровья пожилых людей. Острой социальной проблемой является отношение к инвалидам. *Е.А. Сигида* и *И.Е. Лукьянова* рассмотрели инвалидность не как проблему самого индивида, а как социальную проблему. Они показали необходимость устранения негативных социальных факторов, окружающих больных людей, приспособ-

собления среды обитания к жизненным потребностям инвалидов. Огромную роль играет реабилитация инвалидов в обществе.

Актуальные для современной России вопросы социальной помощи были подняты *Е.И. Холостовой*. Исследовательница рассмотрела развитие социальной работы в стране начиная с 1917 г. по настоящее время. Она отметила, что в 1990-е годы разрушилась старая система социальной защиты населения, и люди постоянно сталкиваются со сложными социальными проблемами и нуждаются в квалифицированной профессиональной помощи специалистов.

Интересный вопрос о социально-психологических сторонах бытовой истории России рассмотрел *А.В. Демкин*. На конкретных фактах российской действительности XVIII в. он показал особенности поведения людей в конфликтных ситуациях. Эта тема продолжена в статье *И.В. Абдурахмановой*. Она затрагивает дискуссионный в современной историографии вопрос о содержании понятия “революционная повседневность” и приходит к выводу, что в России в 1917 г. наблюдались общие для всех революционных эпох модели коллективного поведения независимо от геополитических условий и хронологических рамок. При этом российская повседневность 1917 г., насыщенная социальными катаклизмами, была порождением не только революционного процесса, но проистекала из глубинных ментальных традиций. *И.Б. Орлов* раскрыл механизмы социальной и физиологической адаптации населения в экстремальных условиях года 1921 г.

В статьях сборника исследовался культурно-бытовой аспект российской повседневности. *А.С. Сенявский* предложил методику изучения городской повседневности и ее эволюции в XX в. Особенности быта крепостной деревни XVIII в. освещены *Ю.А. Тихоновым*; г. Москвы накануне петровских преобразований – *А.П. Богдановым*; московской городской усадьбы второй половины XIX в. – *И.А. Устиновым*; быта средневековой Руси – *В.В. Хорихиным*; уральского казачества – *А.И. Изюмовым*.

Важный компонент истории повседневности – быт российской армии. Изучение материального положения военной элиты России начала XVIII в. предпринято *Е.М. Болтуновой*. Организация питания, снабжение обмундированием, медицинское обслуживание, обеспечение транспортными средствами – эти проблемы армейской повседневности периода Крымской войны освещены *С.Г. Толстым*.

Повседневной жизни российской эмиграции и ее адаптации посвящены несколько статей. Ученые показали проблемы пове-

дневной жизни российской эмиграции в 1920–1930-е годы. *В.Ф. Ершов* отметил замкнутость российской эмигрантской диаспоры, способствующей консервации ею восприятия окружающей действительности. Фактически российская эмиграция сохраняла старое восприятие прошлого России в новых условиях 1920–1930-х годов. *В.В. Алексеев* и *З.С. Бочарова* пришли к выводу о том, что долгое время беженцам из России удавалось сохранять свой замкнутый мир: открывались школы, церкви, землячества и т.д. Однако к 1930-м годам ситуация существенно изменилась. Русский быт, уклад по инерции сохранялись, но все большее влияние оказывала окружающая действительность.

Культурный аспект российской повседневности нашел отражение во многих статьях сборника. Влияние театра на повседневную жизнь москвичей XVIII в. осветила *Н.Е. Орлова*. Особенности школьного образования в Сергиевом Посаде в XVIII в., распространения грамотности в среде городского населения раскрыла *Н.А. Четырина*. Культура повседневности Серебряного века как вариант карнавальная культура рассмотрена *И.В. Купцовой*. “Обыденная” история художников, их положение в обществе, уровень материального благосостояния накануне Февральской революции изучены *В.М. Клычковым*. Возможность извлечения из народной бытовой культуры информации о древнейшей истории России, ее религии, особенностях духовного развития показал *А.Н. Кирсанов*.

Специальный сборник посвящен изучению жизни и быта российского студенчества².

В истории студенчества, – подчеркивает *Ю.А. Поляков*, – заложен серьезный научный потенциал. Изучение студенческой жизни в хронологическом плане – одно из научных направлений, весьма широкое не только по обилию материала, но и по возможностям для выявления и изучения множества проблем социальных, общественных, политических, экономических, культурных. Студенчество впитывает и отражает настроения общества, причем самых различных его слоев. И в то же время студенчество пропускает общественные настроения через кристалл своего восприятия, формирует свой политический настрой и само влияет на общество.

Забывая о студенчестве, историки не могут нарисовать правильную и полную картину жизни общества. А не отражая сложностей, противоречивостей, своеобразия студенческой жизни, историк неизбежно оказывается односторонним. Вместе с тем история жизни и быта студентов специфична и потому самостоятельна, открывая огромные возможности для исследователя.

Историки *А.Е. Иванов* и *И.Л. Кулакова* проанализировали основные направления исследований проблем студенческой повседневности (XVIII – начало XX в.) в отечественной историографии: материально-бытовое положение студентов и качество жилищных условий, отношение студентов к учебе, их досуг и отдых. Однако эта проблематика мало исследована, особенно влияние архитектуры учебных зданий, оформление построек на организацию жизни и быта российских студентов.

Статьи сборника посвящены в основном четырем проблемам: первая – условия жизни и быта студентов в XVIII–XIX вв.; вторая – повседневная жизнь студенчества в XX в.; наконец, современные проблемы студенческой повседневности. Ряд статей освещает жизнь российских студентов за рубежом.

Раскрывая первую проблему, ученые собрали малоизвестные и неизвестные факты истории создания первых учебных заведений в России и характеризовали жизнь и быт их учащихся. Например, *К.А. Аверьянов* в статье “Московские студенты-медики первой половины XVIII века” раскрыл историю создания медицинской школы при военном госпитале в Лефортове в 1706 г. Медицинская школа просуществовала 91 год. За это время из ее стен выпущено около 800 врачей. О жизни и быте студентов первого высшего учебного заведения в России – Московской славяно-греко-латинской академии, основанной братьями Лихудами в 1685 г., пишет *И.А. Вознесенская*.

Повседневную жизнь студентов Московского университета к концу XVIII в. показал *В.А. Змеев*. Он отметил, что студенты в то время выделялись интеллектуальным развитием, высокими нравственными качествами и патриотизмом. *Н.В. Макарова* подчеркнула, что в XIX в. в российском обществе высоко ценилось образование, особенно университетское, огромным уважением пользовалась профессура, а статус студента вызывал гордость. *Н.А. Четырина* представила особенности быта студентов духовных семинарий конца XVIII в. *А.Н. Курцев* проанализировал имеющиеся возможности для получения высшего образования у молодежи Центрально-Черноземного региона в 1861–1917 гг. Он показал популярность среди молодежи, прежде всего, Московского университета. Вопросы политической самоорганизации российского студенчества XIX в. были подняты *С.А. Гафиним*.

Обращаясь ко второй проблеме, исследователи стремились выявить специфику студенческой субкультуры в России в XX в. *В.Э. Багдасарян* отметил, что именно через студенческую субкультуру пришло в революцию большинство наиболее видных ее представителей. Уход студентов в революцию, по мнению

В.Э. Багдасаряна, связан с проявлением кризиса юношеской социализации. Революционная деятельность представляла собой одну из форм девиантного поведения молодежи.

Исследователями показано изменение социального и демографического состава студентов и их быта после революционных событий 1917 г. *В.Б. Жиромская* отметила, что в 1920-е годы правительством был принят курс на демократизацию студенческого состава вузов. Действительно, в социальном составе принятых в вузы студентов преобладали выходцы из рабочих и в большей мере из крестьян. Однако повседневность – слабое материальное обеспечение этих слоев, низкий уровень подготовки, необходимость совмещать работу и учебу и т.д., корректировали эту политику, и среди выпускников в действительности долгое время преобладали выходцы из служащих. Действительной революцией в это время было активное приобщение женщин к образованию. Малоизученные вопросы социального состава студентов в российских регионах были подняты *С.В. Кузнецовой*. Она проанализировала особенности социального состава студенчества Поволжья в 1920–1940-е годы. Особое внимание было уделено изучению состава студентов в условиях Великой Отечественной войны.

Немаловажным фактором, влияющим на учебу студентов, было их здоровье. *Н.А. Араловец* подробно показала, что в первой четверти XX в. среди студентов отмечался высокий уровень заболеваемости остроинфекционными болезнями, воспалением легких, туберкулезом легких и т.д. Тому причинами были низкое качество жизни студенческой молодежи, а также последствия Первой мировой и Гражданской войн.

Сложности повседневной жизни студентов в годы Великой Отечественной войны на большом фактическом материале раскрыты *А.Ю. Каратеевым* и *О.М. Вербицкой*. *А.Ю. Каратеев* показал, что, несмотря на сложнейшие условия жизни и быта студентов и профессорско-преподавательского состава в условиях военного времени, авиационные вузы Москвы готовили и выпускали специалистов для армии и военной промышленности. *О.М. Вербицкая* отметила проявления студентами в условиях войны высочайшего патриотизма. Вместе с тем студенты стремились, как и в довоенное время, к овладению знаниями и культурой.

Ряд статей специально посвящен исследованию материально-бытовых условий жизни студенчества.

В.В. Панферова и *З.Г. Ярмухаметова* на основе данных специально проведенного в 2000 г. опроса студентов, обучающихся в

Сибайском филиале (институте) Башкирского государственного университета, показали их состав, условия жизни и быта, а также мотивацию выбора вуза. Представленный материал привел авторов к выводу о необходимости материальной поддержки региональных вузов, а также создания филиалов и представительств крупных университетов страны в регионах.

Сопоставительный анализ жизни и быта студентов в университетах России и Великобритании привел *Н.Н. Бухарина* к выводу о том, что в условиях растущей в мире интеграции образовательных систем жизнь и быт университетского студенчества в разных странах имеют аналогичные тенденции своего проявления и развития. Это – стремление к студенческому самоуправлению, удовлетворению потребностей в неформальных способах общения, развитию спортивного и культурно-творческого потенциалов.

А.А. Голуб показала особенности быта и нравов студентов, проживающих в общежитиях.

Важную научную проблему составляют нравственно-психологические аспекты повседневной жизни современных студентов. В рамках ее изучения *А.В. Миронова* подняла вопросы нравственного самочувствия студентов в условиях современной социокультурной ситуации. *И.И. Задорожная* изучила проблемы формирования системы социально-психологической адаптации и трудоустройства выпускников вузов на рынке труда. *А.В. Мариничева* отметила, что в новых условиях большое значение имеет изучение студентами иностранных языков. Стремление к знанию иностранных языков объясняется желанием быть конкурентоспособными и востребованными на современном рынке труда.

Актуальным направлением сегодня является изучение досуга студентов. *В.Л. Живов* видит в досуге фактор формирования ценностных критериев студентов. Исследователь считает, что привлечение студентов к активной творческой деятельности в самодеятельных коллективах, сохранившихся во многих вузах страны, серьезное занятие искусством может стать реальным залом от бездуховности.

В сборнике нашли отражение вопросы повседневной жизни российских студентов за рубежом в разные исторические эпохи.

Изучение *Е.Ф. Ершовым* студенческого мира зарубежной России в 1920–1940-е годы свидетельствовало о том, что студенты-эмигранты “первой волны” составили значительную часть российской эмигрантской диаспоры межвоенного периода. Студенческий мир зарубежной России эффективно противостоял деструктивным процессам, развивающимся в эмигрантской среде.

Студентов-эмигрантов из России объединяла общая надежда в скором будущем вернуться на родину. Хорошо отлаженная система взаимопомощи помогала выжить на чужбине, обеспечить средства к существованию. Проблемы российского студенчества “первой волны” в зарубежье в 1920–1940-е годы рассмотрены *З.С. Бочаровой*. Она изучила деятельность зарубежных вузов по подготовке эмигрантской молодежи из России к активной профессиональной и общественной деятельности, как в постсоветской России, так и за рубежом. В современных условиях активизировалось социально-психологическое изучение вопросов повседневной жизни профессоров и студентов вузов российского зарубежья. *Е.И. Пивовар* показал, что внутренняя жизнь высших учебных заведений российской эмиграции 1920–1930-х годов определялась общим для профессорско-преподавательского состава и студенчества стремлением создать эффективные образовательные структуры в традициях дореволюционной высшей школы. Для студентов-эмигрантов учеба была и фактором выживания, и способом психологической реабилитации. Этот вывод в целом разделила *И.В. Курамина*, отметив, что эмигрантское студенчество было не только носителем дореволюционных образовательных и иных культурных традиций, но и адаптировалось к новым социальным, политическим и правовым условиям зарубежной жизни.

Исследователи рассмотрели значительный пласт новых данных по истории повседневной жизни российских студентов и профессуры, относящихся к Западной Европе XVII–XVIII вв. (*К.А. Мазин*); Центральной и Восточной Европе 1920–1940-х годов (*К.В. Бирюкова*); Праге 1920–1930-х годов (*В.В. Ганин*); Китаю 1920–1930-х годов (*В.П. Иванов*).

В современных условиях огромное значение общество придает развитию сервисных услуг. Этому важному фактору повседневности посвящен сборник статей “*Проблемы истории сервиса: здравоохранение, культура, досуг*”³.

В сборнике освещаются самые разнообразные аспекты организации и развития сервиса в России. Речь идет и о социокультурном сервисе, и о мировоззренческих проблемах истории сервиса (*В.Э. Багдасарян, Н.Р. Киреева*); и о музейном и библиотечном обслуживании (*Н.А. Соболева, В.Н. Зубец, В.А. Змеев*); и о материально-бытовом обеспечении (*А.А. Андросов*), и о развитии городского общественного транспорта (*В.Б. Аксенов*). Ряд статей рассматривает систему образования в разные исторические эпохи в центре и на периферии (*В.Б. Жиромская, С.Д. Морозов, Н.С. Кошева, Г.Е. Козловская, О.В. Московский*).

Многие статьи сборника рассматривают историю здравоохранительных мер и организаций. Среди этих проблем – охрана материнства и детства в России в 1920-е годы (*В.Б. Жиромская и Н.А. Араловец*); медицинское обслуживание и состояние здоровья населения в годы Великой Отечественной войны (*О.М. Вербицкая*); здравоохранение и развитие биотехнологий (*С.В. Светлов*); организация питания в экстремальных условиях голода 1921 г. (*Т.В. Привалова*); деятельность Российского общества Красного Креста в 1920–1930-е годы (*З.С. Бочарова*); социальная помощь национальным меньшинствам в те же годы (*Д.А. Аманжолова*); организация питания сезонных рабочих в годы первых пятилеток (*Е.В. Воейков*); медицинское обслуживание в русской гвардии в первой четверти XVIII в. (*Е.М. Болтунова*); роль аптек в повседневной жизни городов на рубеже XIX–XX вв. (*М.А. Выборнова*).

В ряде статей нашла отражение интересная, но малоизученная тема гостеприимства в истории российского сервиса. На разнообразных источниках показана культура гостеприимства в России и Советском Союзе (*М.В. Соколова, Г.Б. Куликова*). Становление туристского сервиса показано в статье *И.Б. Орлова, М.Д. Кресовой*. В связи с проблемой гостеприимства рассматривается гостиничный сервис (*Н.А. Четырина*). Бытовая культура крупных городов российской провинции освещена в статье *А.И. Репинецкого*, работа заведений общепита как важнейшей сферы сервиса – в статье *В.В. Алексеева*.

Специально рассматривается содержание понятия “досуг” (*З.Р. Гафурова и Р.Р. Гафурова*), показана организация досуга у различных слоев российского общества (*И.В. Купцова*), в том числе и семейного досуга (*Т.С. Волкова*).

Изучению истории повседневности жителей московского региона в разные исторические периоды посвящен сборник статей “*Москва и Подмосковье: праздники и будни*”⁴.

В центре внимания сборника – специфика московского быта в разные исторические периоды.

Сборник открывается статьей *В.Б. Жиромской* “Военные будни Москвы”, в которой показаны система защиты населения от воздушных налетов вражеской авиации и артобстрелов, организация медицинской помощи, поддержка высокого уровня санитарного состояния города, борьба против угрозы распространения эпидемических заболеваний, организация питания населения в суровые годы Великой Отечественной войны.

Серия статей характеризует быт и жизненный уклад поколений москвичей, принадлежавших к разным социальным слоям

общества. Это быт московских рабочих в 1920-е годы: жилищные условия, питание, досуг (*И.Б. Орлов*); быт московских предпринимателей в 1920-е годы (*С.А. Пахомов*), ремесленников и кустарей Московской губернии XIX – начала XX в. (*С.Д. Морозов*); офицеров московского гарнизона в тот же период (*И.Ю. Сапожникова и О.Я. Сапожников*); промышленников Сергиевского Посада в конце XVIII в. (*Н.А. Четырина*); московских маргиналов в начале XXI в. (*А.А. Ильюхов*); наконец, мигрантов в Москве во второй половине XX в. (*С.В. Каменских*).

Опыт анализа динамики бытовых и ритуальных изменений в жизни одного поколения москвичей описала *Е.В. Тюкачева*.

Большое внимание уделено в сборнике быту подмосковной усадьбы XVII–XIX вв. Таковы статьи *Т.В. Шубиной* “Сельская усадьба России в конце XIX – начале XX в. (на примере подмосковной усадьбы Горки)”, а также *Л.А. Жуковой* “Быт и праздники подмосковных усадеб в XVIII – первой половине XIX в.”. Изменение повседневной жизни в государевых подмосковных вотчинах Измайлово и Коломенское в XVII – начале XVIII в. рассмотрела *О.Г. Фирсова*.

Малоизученные вопросы дачного строительства в Подмоскowie были раскрыты *А.В. Беловым* в статье “Дачные поселки Подмоскowie на рубеже XIX–XX вв.”. Автор отметил, что в конце XIX в. дачные поселки приобрели характер пригородных жилых районов, а в начале XX в. эти территории были включены в состав Москвы. Изучение истории дачной Малаховки (конец XIX – начало XX в.) привело *Л.А. Цыганкову* к выводу о том, что к концу XIX в. Малаховка приобрела имидж модного подмосковного курорта. В Малаховке был Летний театр, где выступали Ф. Шаляпин, Л. Собинов, А. Южин-Сумбатов и др. Работало отделение Петровской библиотеки. Малаховка была тесно связана с именем Н.Д. Телешова – основателя литературного кружка “Среда”.

Благоустройству Москвы посвящены статьи *М.В. Шерстюка* “К истории Московского водопровода” и *В.А. Попович* “Возникновение и деятельность Общества спасения на водах в московском регионе (1875–1900 гг.)”.

Ряд статей рассматривает не только будничное, но и праздничное времяпрепровождение москвичей. *О.М. Вербицкая* на основе архивных данных изучила историю создания и деятельности Московского Дома крестьянина. Сотрудники Московского Дома крестьянина занимались не только размещением и бытовым обслуживанием прибывших в столицу крестьян, но и организовывали их обучение и культурный досуг. Особенности организации и

проведения больших кремлевских приемов показаны в статье *В.А. Невежина* “Праздники советской элиты: большие кремлевские приемы 1930-х – начала 1940-х гг.”. Автор отметил, что во второй половине 1930-х годов установился своеобразный церемониал проведения праздничных кремлевских приемов. Его участники придерживались определенного этикета, подчинялись установленным правилам поведения. *М.В. Фокина* изучила календарные праздники в Москве конца XIX – начала XX в. В своей статье она подчеркнула древний характер календарных праздников. *Т.В. Привалова* показала особенности крестьянских будней и праздников Подмосковья в 1900–1920-е годы.

Особый интерес представляет блок статей, который характеризует культуру и досуг в Москве и Подмосковье. Новый аспект в изучении культурных традиций столичного города предложил *В.Э. Багдасарян*. В статье “Сакральные смыслы Москвы” он изучил сакральную топографию столицы, ориентированную на идентификацию благоприятных и проклятых мест города. Природно-топографическая сакральность Москвы, по мнению автора, имела языческую основу. Однако и в христианской семиотике Москва сохраняла статус сакрального центра, “святой земли”. Описание Москвы 1818 г., ее нравов, образа жизни москвичей, сделанное испанским офицером Хуаном Ван Галеном, приводится в статье *Н.А. Родионовой*. В статье *Н.С. Фуражевой* на материалах Москвы и Подмосковья показаны особенности традиций, этики и этикета в бытовой культуре городской и сельской усадьбы конца XVIII – первой половины XIX в. Она отметила, что московская дворянская усадьба была связующим звеном между городом и крестьянским миром, столицей и провинцией. В то же время дворянская усадьба постоянно тяготела к достижениям мировой культуры. История московских гуляний XVIII–XIX вв. освещена *К.А. Аверьяновым*. Автор статьи пришел к выводу о значительной устойчивости традиций, форм и мест проведения народных гуляний, описал излюбленные места массового гуляния москвичей. *Н.А. Араловец* осветила традиции московского пиршества в 1920-е годы. В месте с тем автор показала, как развивалось в России движение трезвости.

Культурная жизнь Москвы стала предметом исследования в статьях *В.А. Змеева*, который исследовал основные этапы развития театра Московского университета в XVIII в. Автор показал влияние исторического опыта этого театра на современную театральную деятельность. О любимых московских певцах, пианистах, композиторах второй половины XIX в. рассказала на новых биографических материалах *Н.И. Бадаева*. О самобытности рус-

ской народной лирической песни, ее мотивов, традиций красочно повествует *В.В. Лайне*. Она отметила, что в этот период в России самое широкое распространение получили лирические песни. *Н.Л. Зайцева* рассмотрела историю создания в 1950-е годы и деятельности народного театра при сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева.

Художественно-промышленные конкурсы-выставки Строгановского училища в начале XX в. описала *В.М. Зубец*. *Е.Л. Волховская*, *З.Р. Гафурова*, *О.И. Савичева* воссоздали историю возникновения в Москве в 1919 г. Государственной коллекции уникальных музыкальных инструментов. Антикварную торговлю в Москве не только как источник для частного коллекционирования, но и как фактор, формирующий облик и внутреннюю жизнь исторического центра столичного города в XIX – начале XX в., показала *М.В. Катагощина*.

Многообразие художественных ремесел и промыслов Москвы и Подмосковья в 1923 г. раскрыла *М.А. Евграфова*.

В сборнике рассмотрены актуальные в современных условиях проблемы этнокультурного образования в школах Москвы (*О.П. Козлова*). Особенности деятельности народных библиотек на примере старообрядческой книжности Московского региона показали *А.Н. Кирсанов* и *С.А. Кирсанова*.

Таким образом, на основе материалов Всесоюзных научных конференций, проведенных в 2001–2005 гг., сотрудники Института российской истории РАН и Московского государственного университета туризма и сервиса создали специальную серию публикаций, посвященных истории российской повседневности. В статьях этих сборников рассмотрены наиболее важные для истории России проблемы повседневной жизни человека. Авторы статей охватили самый широкий круг вопросов истории повседневности, изучили малоизвестные ее аспекты, ввели в научный оборот новые данные.

Представленные в сборниках материалы характеризуют разные грани российской повседневной жизни в различные исторические эпохи. Однако тема эта неисчерпаема, и перед исследователями открывается широкое поле деятельности. Изучение темы российской повседневности продолжается. В центре нашего внимания – самые животрепещущие проблемы современности – материнство и детство, семейно-брачные отношения, рождаемость, смертность, продолжительность жизни, здоровье российского населения.

- ¹ Человек в российской повседневности: Сб. научных статей / Редкол.: Ю.А. Поляков (отв. ред.), Ю.П. Свириденко (отв. ред.), А.И. Зевелев, В.Б. Жиромская, В.Э. Багдасарян, Б.А. Томан, Е.И. Холостова. М., 2001.
- ² Российское студенчество: условия жизни и быта (XVIII–XXI века): Всероссийская научная конференция: Сб. научных статей / Редкол.: Ю.А. Поляков (отв. ред.), В.Б. Жиромская (науч. ред.), В.Э. Багдасарян (науч. ред.). М., 2004.
- ³ Проблемы истории сервиса: здравоохранение, культура, досуг: Всероссийская научная конференция: Сб. научных статей / Редкол.: Ю.А. Поляков (отв. ред.), В.Б. Жиромская (науч. ред.), В.Э. Багдасарян (науч. ред.). М., 2004.
- ⁴ Москва и Подмосковье: праздники и будни: Всероссийская научная конференция: Сб. научных статей / Редкол.: Ю.А. Поляков (отв. ред.), В.Б. Жиромская (науч. ред.), В.Э. Багдасарян (науч. ред.). М., 2005.

А.В. Голубев

РОССИЯ И МИР ГЛАЗАМИ ДРУГ ДРУГА: ИЗ ОПЫТА ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

В последние годы проблемы взаимовосприятия культур, или, выражаясь языком западных исследователей, проблемы имеджинологии, находящиеся на стыке истории, культурологии, социальной психологии, изучаются все более активно. В частности, появились работы, посвященные механизмам формирования, функционирования, динамике изменения внешнеполитических представлений и стереотипов на материале российской истории. Актуальность этой проблематики, особенно в условиях поиска Россией нового места в мире, трудно переоценить.

Подобный подход к осмыслению отечественной истории в контексте мировой через призму противоречащих друг другу ментальностей и идентичностей позволяет вскрыть глубинные смыслы культуры, неочевидные для современников соответствующих событий и явлений, но выражающие своего рода историческое подсознание эпохи. Именно на пересечениях различных дискурсов, на границах культур, в процессе незавершенного диалога по самым принципиальным и заветным вопросам проявляются такие значения и оттенки исторического процесса, которые не могут быть выявлены исследователем в ином контексте.

Работа по данной тематике в Институте российской истории РАН началась в связи с инициативой Центра по изучению отечественной культуры в 1992 г., когда была создана группа по изучению международных культурных связей России во главе с А.В. Голубевым. По его инициативе и при активной поддержке руководителя Центра профессора Ю.С. Борисова в начале 1994 г. был проведен “круглый стол” “Россия и Европа в XIX–XX веках: проблемы восприятия иной культуры”.

Здесь хочется вспомнить добрым словом Юрия Степановича Борисова (1929–1998). Он руководил отделом истории советской культуры Института истории СССР, позднее Центром по изучению отечественной культуры ИРИ РАН, с 1980 по 1998 год. Круг его научных интересов был необычайно широк – это история советской деревни, образования, культуры, политическая и социальная история России XX в. Но, может быть, самой важной его чертой как ученого была постоянная доброжелательность к лю-

дям и обостренный интерес ко всему новому в исторической науке, к проблемам историософии, социальной психологии. Он активно поддержал идею проведения “круглого стола” и открыл его первое заседание.

Выступление Ю.С. Борисова задало тон не только первому заседанию, но и дальнейшей работе “круглого стола”. Он говорил о диалоговой сущности культуры, о том, что диалог возникает не только на индивидуальном уровне общения, но и во взаимодействии разных субъектов, в том числе обществ и культур. И именно в процессе диалога возникают образы иной культуры, положительные, нейтральные, отрицательные, которые могут вместе с тем меняться, отражая противоречивую, субъективную природу образов “Я” и “Иной” – но при этом самооценка “Я сегодняшнего” всегда остается щадящей¹.

Проблематика “круглого стола” вызвала большой интерес исследователей. По предложению участников первого заседания было решено проводить “круглый стол” ежегодно, и одновременно – расширить круг обсуждаемых тем и их хронологические рамки.

На основе материалов “круглого стола” был подготовлен сборник статей “Россия и Европа в XIX–XX вв.: проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур” (М., 1996), получивший положительную оценку научной общественности. Как отмечалось в рецензии, опубликованной в журнале “Отечественная история”, сборник явился «целостным по своей тематике и композиции трудом... удачной попыткой определить основной вектор “представленческого взаимодействия” Европы и России»².

Всего в 1994–2006 гг. состоялось 13 заседаний “круглого стола”, на которых было заслушано и обсуждено около 300 докладов и сообщений. Помимо сотрудников Института российской истории, на “круглом столе” выступали исследователи из целого ряда академических институтов (Институт всеобщей истории, Институт славяноведения, Институт востоковедения, Институт истории мировой литературы, Институт социологии, Институт языкознания, Институт этнологии и антропологии, Институт культурологии), институтов РАО (Институт педагогики социальных проблем, Институт семьи и воспитания), Института национальных проблем образования МО РФ, Главного архивного управления, Музея-заповедника “Московский Кремль”, крупнейших столичных вузов (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российский государственный гуманитарный университет, Государственный университет – Высшая школа экономики, Государственный университет гуманитарных наук,

Государственная академия управления, Православный университет им. Иоанна Богослова, Московский педагогический университет, Институт русского языка им. А.С. Пушкина, Московский государственный университет печати, Московский государственный университет прикладных биотехнологий) и др.

Но, пожалуй, в первую очередь следует отметить активное участие российских исследователей из других городов. Прочные контакты установились с университетами и исследовательскими организациями Иванова, Ижевска, Краснодара, Магнитогорска, Омска, Орла, Саратова. Нашими гостями были исследователи из Владимира, Кирова, Санкт-Петербурга, Ярославля, а также украинские коллеги. Отрадно, что каждый год география участников “круглого стола” и авторов статей расширяется³.

Необходимо подчеркнуть, что с самого первого заседания на “круглом столе” установилась “атмосфера взаимного внимания и доброжелательности”, что неоднократно отмечали рецензенты, анализирувавшие наши публикации⁴.

Любопытно посмотреть, как распределялась тематика докладов по проблемному, хронологическому и страноведческому принципам.

Свыше 20 докладов было посвящено общим проблемам взаимовосприятия культур. Наиболее популярной оказалась проблематика, связанная с процессами взаимовосприятия и взаимодействия культур (свыше 90 докладов). Более 60 докладов были посвящены тому, как формировался образ мира в России, а свыше 50 докладов, в свою очередь, – образу России в мире. Особое внимание вызвала проблема возникновения образа врага и образа союзника (более 40 докладов), что и не удивительно, учитывая особенности отечественной истории.

Что касается хронологии докладов, то 16 из них были посвящены теоретическим проблемам взаимовосприятия. Доклады, связанные с конкретно-исторической проблематикой, посвященные периоду VI–XIX вв. и истории XX в., как и следовало ожидать, разделились примерно пополам. При этом около 40 докладов относились к эпохе Средневековья, примерно 40 и 60 докладов соответственно к XVIII и XIX вв., и свыше 120 докладов – к XX в.

Наконец, что касается географического принципа, свыше 80 докладов носили обобщающий характер, около 60 было посвящено взаимовосприятию России и Европы, 7 докладов – взаимовосприятию России и Востока. Если же говорить о конкретных странах, то на первом месте, что не удивительно, оказались Германия и Великобритания (соответственно 26 и 22 доклада), на

втором – США и Франция (16 и 14 докладов), на третьем – Польша (10 докладов). Кроме того, в пяти докладах речь шла о Японии, в четырех о Финляндии и Италии, в трех о Китае, в двух об Испании. Были также доклады, посвященные Австрии, Бельгии, Голландии, Швеции.

За первым сборником статей последовали еще три. Первым из них явился коллективный труд “Россия и внешний мир: диалог культур” (М., 1997). В откликах на него подчеркивалось, что материалы сборника “имеют не только научное, но и прикладное значение”, и что “предложенный вниманию читателя исторический материал свидетельствует о разнообразии подходов к изучению проблемы диалога культур... позволяет наметить приоритетные направления последующей исследовательской работы, очертить круг источников и поставить вопрос о методике выявления скрытой в них информации”⁵. Справедливости ради отметим, что и в этой, и в некоторых других рецензиях отмечалась в качестве недостатка “хронологическая и страноведческая разбросанность сюжетов” наших сборников. По-видимому, это тот самый случай, когда недостатки книги становятся продолжением ее достоинств – и наоборот.

Начиная с 2000 г., сборники издаются под общим названием “Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия” (первый выпуск вышел в 2000 г., второй – в 2002 г., третий – в 2006 г.). Эти издания также получили высокую оценку научной общественности⁶.

Одновременно в 1998 г. вышла коллективная монография, посвященная механизмам и особенностям формирования внешнеполитических стереотипов в советском обществе⁷. Как отметил М.М. Наринский, “продолжение анализа эволюции образа Запада и его различных аспектов представляется актуальным и целесообразным. Рецензируемая книга – важный шаг на этом пути”⁸. За рубежом монография была отмечена как самая значительная работа по данной проблематике в русскоязычной историографии⁹.

Участниками “круглого стола” был защищен ряд докторских¹⁰ и кандидатских¹¹ диссертаций по данной проблематике. Но, пожалуй, самое отрадное для организаторов “круглого стола”, это – заметный рост интереса к данной проблематике, в первую очередь среди молодых исследователей из разных российских регионов¹². Необходимо отметить, что практически все эти молодые исследователи знакомы с вышеупомянутыми публикациями и ссылаются на них, а некоторые заинтересовались данной проблематикой именно под их воздействием.

Пока материал готовился к печати, 6 февраля 2007 г. состоялось очередное, 14-е заседание “круглого стола”. В его работе приняли участие 40 человек, представлявших, помимо московских вузов и академических институтов, ряд провинциальных университетов, а также Украину. Участники заслушали и обсудили 27 докладов.

Пленарное заседание открыл руководитель Центра по изучению отечественной культуры ИРИ РАН к.и.н. А.В. Голубев. Он коротко рассказал о предыдущих заседаниях, о вышедших на их основе книгах, а также проанализировал состав участников предшествующих “круглых столов” и тематику прозвучавших на них докладов по проблемному, хронологическому и страноведческому принципу.

К.и.н. С.М. Шамин (Институт русского языка им. А.С. Пушкина) выступил с докладом “Традиция составления обзоров иностранной прессы в России XVII – первой трети XVIII в.” Еще с середины 1660-х годов подобные обзоры, “Куранты”, составлялись в Посольском приказе и являлись важным источником сведений о политической ситуации в Европе. Их составление продолжалось и в XVIII в., но теперь составители из Коллегии иностранных дел интересовались не только политическими событиями, но и содержанием газет как таковых. В частности, отмечались негативные статьи о России и принимались меры к их опровержению.

О том, как менялся образ Польши и поляка в российском массовом сознании на протяжении нескольких веков, говорил д.и.н. А.В. Липатов (Институт славяноведения РАН). По его мнению, в данном случае речь должна идти не об эволюции, а об изменемости образа. На этот процесс влияли как государственные (самодержавие – шляхетская демократия), так и цивилизационные факторы. Доклад вызвал оживленную дискуссию.

В докладе двух авторов, д.и.н. В.И. Шеремета (Институт востоковедения РАН) и к.и.н. Л.В. Зелениной (Европейский международный университет) речь шла о паломничестве в Святую землю и на Синай как особой форме гуманитарных связей. В ходе его происходили спонтанные межличностные контакты представителей России и Востока, влияющие на формирование “образа соседа” и “образа другого”. В докладе также делался сравнительный анализ паломничеств в центр Святой земли (Иерусалим) и на окраины.

Пожалуй, наибольший отклик у участников “круглого стола” имело сообщение к.пед.н. О.Е. Фроловой (МГУ) “Современная

Россия на геополитической карте мира: ассоциативный эксперимент”. В нем автор поделился итогами собственных наблюдений над тем, какие образы ряда стран (США, Израиля, Великобритании, Франции, Германии, Италии, России) существуют у выпускников московских школ. Удалось выявить несколько кодов, составляющих эти образы – кулинарный, географический, исторический, культурный, конфессиональный, социальный, гендерный. При этом максимальное число негативных оценок получили США, а наиболее положительно участники эксперимента оценили Италию, Францию, Великобританию.

Дальнейшая работа “круглого стола” проходила в двух секциях.

Работой секции “Россия и мир в XVI–XIX вв.” руководил д.и.н. С.А. Мезин (Саратовский государственный университет). Заседание секции открыл доклад к.и.н. Л.П. Найденовой (ИРИ РАН), посвященный тем представлениям о мире, которые формировались у русских людей XVI в. на основе информации, полученной от Максима Грека, в частности, об открытии Америки, о новых научных и богословских концепциях, возникших в Париже XV в., о биографии пророка Мухаммеда.

В докладе двух представителей Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, д.и.н. С.А. Мезина и Я.Н. Рабиновича, “Пьер Делавиль и его сочинение о Смутном времени в России”, речь шла о труде шведского наемника, француза по происхождению, который точно описал ряд исторических событий эпохи российской Смуты, никак не демонстрируя при этом предубеждений, свойственных европейцам, пишущим о России.

К.филол.н. С.К. Милославская (Институт русского языка им. А.С. Пушкина) свой доклад посвятила сравнительному анализу образа России в сочинениях Г.В. Лудольфа и А. Олеария. Во многих отношениях Лудольф выступает оппонентом Олеария. Как подчеркнул докладчик, именно грамматика, которой было посвящено сочинение Лудольфа, сближала Русь и Европу.

Неожиданный аспект для своего выступления избрал к.и.н. А.Г. Гуськов (ИРИ РАН). Он рассказал об информационном обеспечении Великого посольства 1697–1698 гг. И Петр, и великие послы получали свежую информацию о ситуации в Европе как от Посольского приказа, присылавшего сборники “Курантов”, так и путем получения дипломатических донесений и покупок европейских газет.

В докладе к.и.н. П.С. Куприянова (Институт этнологии и антропологии РАН) говорилось о восприятии географического пространства просвещенными русскими путешественниками на

рубеже XVIII–XIX вв. сквозь призму литературы и истории. Через изучение образов актуального пространства это подводит к проблеме “литературного путешествия”.

К.и.н. Н.Н. Лисицина (Московский государственный гуманитарный университет) рассмотрела формирование образов “завоевателей” и “побежденных” в процессе присоединения к Российской империи среднеазиатских территорий.

Причины возникновения негативного образа России в США на рубеже XIX–XX вв. проанализировал в своем выступлении к.и.н. К.В. Миньяр-Белоручев (МГУ). По его мнению, это было следствием различий в общественно-политическом строе, которые становились все очевиднее по мере укрепления либеральной идеологии на Западе; массового переселения в США представителей национальных и религиозных меньшинств, подвергавшихся на родине дискриминации; выход в свет ряда публицистических сочинений, в том числе известной книги Дж. Кеннана-старшего “Сибирь и ссылка”.

Были также представлены доклады к.и.н. Т.А. Тарабановой (МГУ), в котором анализируются социокультурные особенности, проявляющиеся в восприятии русскими английской деловой культуры XVIII в., и к.и.н. О.В. Маринина (МГУ) о двойственности образа корсиканского дипломата Поццо ди Борго соответственно в России и во Франции.

Завершил работу секции доклад В.Ю. Сергиенко (МГУ) о формировании образа России как союзника по материалам французской прессы конца XIX в.

Секция “Россия и мир в XX–XXI вв.”, руководил которой к.и.н. А.В. Голубев (ИРИ РАН), начала работу с обсуждения доклада д.и.н. С.А. Козлова (ИРИ РАН), посвященного сравнительному анализу сельского хозяйства России и Италии на страницах отечественной печати начала XX в. Особое внимание докладчик уделил социокультурным аспектам сельскохозяйственной деятельности двух стран в условиях буржуазной модернизации.

К.и.н. Л.В. Жукова (МГУ) рассмотрела особенности трансформации образа японца у русских военнопленных в годы русско-японской войны. Первоначально сформировавшиеся стереотипы (“Образ врага”, “желтолицые черти”) не выдерживали столкновения с реальностью в ходе длительного личного общения. Автор рассмотрел как особенности восприятия в плену, так и способы фиксации полученных впечатлений. Но особый интерес и оживленное обсуждение среди участников “круглого стола” вызвал вывод о том, что после возвращения на родину большин-

ство бывших пленных вернулось к прежним стереотипам; впечатления, полученные в плену, они старались скрывать.

О том, как воспринимала Россию в годы Первой мировой войны канадская сестра милосердия, рассказала д.и.н. И.В. Купцова (МГУ). В воспоминаниях и письмах Д. Коттон содержатся не только интересные сведения о повседневной жизни России в 1915–1917 гг., но и отражен процесс постепенного проникновения в чужую культуру в экстремальных условиях войны, рост интереса к ней и понимания ее особенностей.

Продолжая свои многолетние исследования о возникновении и бытовании “образа врага” в русском (советском) обществе на протяжении всего XX в., д.и.н. Е.С. Сенявская (ИРИ РАН) попыталась охарактеризовать образ Турции как противника России в Первой мировой войне. В докладе были освещены предвоенные оценки политики и военного потенциала Турции; особенности восприятия русскими войсками как турецкой армии, так и отдельных групп населения Турции в ходе войны на Кавказском фронте. Автор приходит к выводу, что, несмотря на сложившуюся в XVIII–XIX вв. традицию противостояния, в годы Первой мировой войны Турция воспринималась как второстепенный противник.

Представляя собой яркий контраст с предыдущими выступлениями, доклад д.и.н. Е.В. Жбанковой (МГУ) был посвящен влиянию американских танцев на советскую физическую культуру 1920-х годов. Как подчеркивает автор, именно американские (а не европейские) танцы казались идеологически более приемлемыми и могли помочь усовершенствованию системы физического воспитания трудящихся.

М.М. Кудюкина (Российский государственный архив экономики) остановилась на восприятии новых тенденций развития военной техники в западных странах советскими военными экспертами. Они описывали такие экзотические новинки, как “летающий танк” (танк, снабженный авиамотором и крыльями, способный, по мысли конструкторов, перелетать на небольшие расстояния), и “автоматический летчик” (прообраз автопилота). Но вместе с тем большинство докладов и сообщений дают достаточно объективную картину состояния западных армий. Особое внимание советских специалистов привлекали танки и авиация; этим родам войск в будущей войне отводилось особое место.

В своем сообщении к.и.н. Г.Б. Куликова (ИРИ РАН) охарактеризовала итоги и перспективы изучения записок иностранцев, побывавших в СССР 1920–1930-х годах, а также западных антиутопий и современной научной литературы с точки зрения

изучения возникновения образа советской действительности на Западе.

О различии восприятия советским обществом военной угрозы соответственно в 1920-е и 1930-е годы говорилось в докладе к.и.н. А.В. Голубева (ИРИ РАН). Докладчик разделил “военные тревоги” 20-х годов как преимущественно спонтанные проявления тревожных настроений и “оборонное сознание” 1930-х годов как прежде всего проект власти. При этом он коснулся проблемы результативности воздействия оборонной литературы, драматургии, кинематографа на массовое сознание и пришел к выводу о необходимости корректировки однозначно негативного отношения к ним. “Оборонное сознание” предполагало не столько изучение “ремесла войны” (хотя перед ним ставились и такие задачи), сколько формирование психологического типа победителя, и с этим оно в целом справилось.

О.И. Григорьева (МГУ) рассмотрела эволюцию образа Германии на страницах газеты “Правда” в 1933–1941 гг. По мнению докладчика, можно выделить следующие этапы этого процесса. Накануне прихода Гитлера к власти Германия предстает как страна, раздираемая социальными и политическими противоречиями. Особенно негативно советская пресса оценивает даже не фашистов, а социал-демократов, которым противостоят немецкие коммунисты. Начиная с 1933–1934 гг. появляется своеобразная картина “двух Германий”, в которой власти, опирающиеся на самые низменные инстинкты и жестокие методы правления, противостоят трудовой Германии. Наконец, после подписания пакта о ненападении в августе 1939 г. преобладают подчеркнуто нейтральные, лаконичные сообщения о положении дел в Германии наряду с материалами о военных, научных и экономических успехах III рейха.

В докладе д.и.н. А.А. Иголкина (ИРИ РАН) была сделана попытка проанализировать оценки социально-экономической системы США на страницах журнала “Мировое хозяйство и мировая политика” в 1940–1947 гг. Докладчик отметил, что эти оценки определялись двумя факторами – теоретическими представлениями об общем кризисе капитализма и текущей политической конъюнктурой. Накануне войны тональность материалов по США не отличалась от тональности материалов, например, по Германии. После начала Великой Отечественной войны критическая составляющая этих оценок заметно снизилась, а после окончания войны, особенно с 1947 г., резко возросла.

Оживленную дискуссию вызвало сообщение А.Г. Колесниковой (РГГУ) “Изобразительные конструкции образа врага перио-

да холодной войны в советском игровом кино 1960–1970-х гг.” Автор сосредоточил свое внимание на специфике кинематографического “образа врага” данного периода, его противопоставления положительным героям фильмов.

Завершающее выступление П.М. Кудюкина (Экспертный фонд социальных исследований “ЭЛЬФ”), посвященное деятельности западных экспертов в постсоветской России, в отличие от всех предшествующих, было основано прежде всего на личных впечатлениях. Тем не менее автор сделал интересную попытку обобщения, наглядно показав, что эффективность деятельности западных экспертов зависела от их понимания особенностей ситуации в России, что, в свою очередь, зависело от знания языка, профессиональной подготовки, а в ряде случаев от идеологической и политической ориентации.

* * *

Подводя итоги, можно подчеркнуть, что за прошедшие годы сложился устойчивый коллектив исследователей, интересующихся данной проблематикой, в котором представлены не только Институт российской истории и другие крупнейшие научные центры Москвы, но и целый ряд российских провинциальных университетов. Таким образом Институт российской истории осуществляет роль общероссийского координирующего центра для изучения актуальных проблем отечественной истории.

Заседания “круглого стола” продолжают оставаться открытыми для всех желающих. Как заседания, так и издание коллективных трудов, будут продолжены.

¹ Отечественная история. 1995. № 3. С. 214.

² См.: Улуян А.А. Россия и Европа в XIX–XX вв.: Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур // Отечественная история. 1998. № 5. С. 215.

³ Опубликованные отчеты о первых 13 заседаниях “круглого стола” см.: Отечественная история. 1995. № 3; 1998. № 3; 1999. № 1, 6; 2001. № 2, 6; 2003. № 3; 2006. № 5, 6.

⁴ В.И. Журавлева, С.А. Мезин. См.: Отечественная история. 2000. № 2. С. 183; Историографический сборник. Саратов, 2004. Вып. 21. С. 265.

⁵ Отечественная история. 2000. № 2. С. 183.

⁶ Рецензии см.: Отечественная история. 2004. № 6; Историографический сборник. Саратов, 2004. Вып. 21. С. 265–276.

⁷ Россия и Запад: Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. На следующий год книга была переиздана в США (на русском языке): Россия и Запад: Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. Lewiston...: The Edwin Mellen Press, 1999.

- ⁸ Отечественная история. 1999. № 6. С. 169.
- ⁹ Slavic Review. 2003. V. 62, N 4. P. 734.
- ¹⁰ *Невежин В.А.* Советская пропаганда и идеологическая подготовка к войне (вторая половина 30-х – начало 40-х гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999; *Сенявская Е.С.* Психология российских участников войн XX века: Сравнительно-историческое исследование: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999; *Сергеев Е.Ю.* Образ Запада в представлениях военной элиты России (1900–1914 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001; и др.
- ¹¹ *Дмитриев Е.Е.* Петр I в восприятии британцев конца XVII – первой половины XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2005; *Куприянов П.С.* Русские путешествия начала XIX в.: национальные представления и проблема национальной самобытности: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002; *Шамин С.М.* Куранты времени правления Федора Алексеевича: к проблеме заинтересованности московского правительства в оперативной информации о европейских событиях 1670–1680-х гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003; и др.
- ¹² См.: *Борискин В.В.* Викторианская Англия в оценках российских либералов и демократов 50–60-х годов XIX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2006; *Гордин А.А.* Формирование представлений советских рабочих 30-х годов об общественно-политической жизни в странах Запада (на материалах Горьковского автомобильного завода): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2004; *Долгова В.Н.* Русско-английские культурные связи в конце XIX – начале XX веков: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2005; *Жарких Е.В.* Германия и немцы глазами русских в конце XIX – начале XX веков: социально-экономические аспекты восприятия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2005; *Канонистова З.С.* Межкультурный диалог в историческом контексте: восприятие образа Англии и англичан в русском обществе во второй половине XIX – начале XX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2006; *Николаева Н.И.* Формирование мифологизированного образа Соединенных Штатов Америки в советском обществе в первые годы “холодной войны” (1945–1953 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2001; *Фролова Н.С.* Америка и американцы в восприятии советского общества в 1920–1930-е гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001; и др.

Е.Н. Рудая

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

У каждой эпохи своя история и свои исторические герои. Сколько замечательных людей, умных, сильных, оставались в тени, были обойдены вниманием или даже оболганы по политическим соображениям в тот или иной исторический отрезок времени. Наиболее преуспел в этом XX век, отдавший пальму первенства идеологии. Среди личностей, не получивших заслуженного внимания в свое время – потомственный русский офицер Александр Васильевич Колчак, посвятивший жизнь служению своему Отечеству.

В течение долгого времени наши представления о Колчаке укладывались в упрощенную схему. В условиях засилья советской идеологии в нашей литературе, как научной, так и художественной, о Колчаке упоминали только с оттенком классового превосходства и с использованием элементов классовой сатиры в духе “Окон РОСТА” – “правитель Омский” в “английском мундире”, мнивший себя в течение нескольких месяцев “верховным правителем” и ответивший за свои преступления по приговору военно-революционного суда. Более того, писали даже не о Колчаке, а о “колчаковщине”, а именно: контрреволюционной военной диктатуре, установленной при помощи интервентов в ноябре 1918 г. на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке и ликвидированной к началу 1920 г. Красной Армией¹. В рамках этой схемы были невозможны анализ причин обращения А.В. Колчака к политической деятельности, масштаба и характера его политической деятельности, особенностей исторических условий, в которых развивалась эта деятельность. Вопросы подобного рода даже не ставились. И конечно, за рамками этой схемы вообще оставались другие стороны жизни такой многогранной личности, каким был Колчак – его деятельность ученого, исследователя Арктики и его военно-морская деятельность.

Конечно, яркая личность А.В. Колчака, прожившего незаурядную жизнь и сыгравшего значительную роль в русской истории, не могла уйти в небытие бесследно. Его нельзя было вы-

черкнуть из российской истории. Существовали документы. Некоторые из них были опубликованы². По идеологическим причинам они хранились “за семью печатями” в архивах под грифом “секретно” и в спецхранах и не были доступны широкому кругу читателей и специалистов. Жесткие рамки идеологической дисциплины даже при появлении возможности ознакомиться с этими материалами не позволяли сделать их достоянием гласности. Цензура, а часто и “самоцензура” заставляли умалчивать или обходить стороной даже самые нейтральные упоминания о А.В. Колчаке. Так, например, в изданных в советское время воспоминаниях участника арктической экспедиции 1909–1915 гг. Н.И. Евгенова, в подготовке и в проведении которой самое активное участие принимал Колчак, упоминается только о привлечении к участию в экспедиции морских офицеров без перечисления имен. Также мы не найдем упоминания имени А.В. Колчака в работе Л.М. Старокадомского, посвященной этой же экспедиции³. Даже В.А. Обручев в своем романе “Земля Санникова”, вышедшем в 1926 г., описывая заседание в Российской академии наук, на котором обсуждался вопрос о формировании экспедиции Толля и на котором, в свое время, основной доклад был поручен Колчаку, вкладывает строки этого доклада в уста безымянного героя с чертами лица, в котором только узкий круг специалистов и знающих людей может найти портретное сходство с А.В. Колчаком⁴.

Отказ от идеологических штампов сыграл свою роль и в отношении личности А.В. Колчака, претерпевшей в начале постсоветского периода в литературе и в общественном сознании кардинальные изменения. В мновение ока он превратился из “врага советского народа” в народного героя, белый парадный китель которого рассматривался как белые одежды праведника. Эта тенденция в ряде случаев сохраняется и до сегодняшнего дня. В результате сложная личность А.В. Колчака упрощается, ее изображение часто сводится к черно-белым краскам.

Авторы, обратившиеся к этой теме и сыгравшие значительную роль в реабилитации А.В. Колчака, сначала пошли по самому легкому пути – стали писать прежде всего про Колчака-исследователя, Колчака-ученого. Самым значительным явлением в этой области стали работы В.В. Синюкова. В 2000 г. он издал книгу “Александр Васильевич Колчак как исследователь Арктики” (М.: Наука). Автор показал значение изучения Арктики для России, значение Северного морского пути для нашей страны. В книге подробно описаны участие Колчака в арктической экспедиции Э.В. Толля на шхуне “Заря”, роль Колчака в организации

и проведении экспедиции по поискам и спасению Толля, пропавшего без вести в ходе своего арктического похода. Автор проанализировал научные достижения Колчака – открытие такого уникального природного явления, как Великая Сибирская полынья, уточнение материковой границы, открытие не нанесенных на карты островов, написание монографии “Лед Карского и Сибирского морей”, не потерявшей своего научного значения и в наши дни. В.В. Синюков навсегда останется автором, который впервые показал значение А.В. Колчака в деле покорения Арктики, раскрыл роль Колчака в развитии российской науки. Он последовательно проводит мысль о том, что именно решение жизненно важных для России задач позволяет говорить о Колчаке как о патриоте своей страны, но в то же время именно стремление служить Родине, присущее Колчаку как личности с молодых лет, толкало его даже в его научных изысканиях на путь, связанный с опасностями и требующий мужества.

В 2004 г., к 130-й годовщине со дня рождения А.В. Колчака, Синюков повторил издание своей книги под названием “А.В. Колчак от исследователя Арктики до Верховного правителя России”. К этому времени он значительно переработал свою монографию. Он расширил исследование, включив в него материалы о морской деятельности Колчака и материалы о последнем периоде жизни Колчака, когда он обратился к политической деятельности.

И тем не менее, тема о Колчаке-политике ждала своего исследователя и, главное, своего понимания в общественном сознании.

С этой точки зрения большое значение имела публикация Институтом российской истории РАН документов “Верховный правитель России: Документы и материалы следственного дела адмирала А.В. Колчака”⁵. На протяжении более 10 лет Институт российской истории совместно с Управлением регистрации и архивных фондов ФСБ РФ проводят работу по изданию архивных документов и материалов органов государственной безопасности, которые значительно расширяют источниковую базу для объективного освещения истории России XX в. Наибольшую известность из этой серии получила многотомная публикация «“Совершенно секретно”: Лубянка Сталину о положении в стране. 1922–1934 гг.». В рамках этого проекта был подготовлен и том, посвященный А.В. Колчаку. В эту книгу вошли ключевые документы обширного следственного дела адмирала: протоколы допросов Верховного правителя А.В. Колчака, протоколы и материалы допросов и.о. заместителя председателя Совета министров

А.А. Червен-Водали, стенограммы заседаний Чрезвычайного революционного трибунала при Сибирском революционном комитете, который осуществлял суд и выносил приговор по делу правительства А.В. Колчака. Подавляющее большинство этих документов публикуется впервые, без каких-либо купюр. Они сопровождаются подробными комментариями и примечаниями, где содержатся сведения об участниках антибольшевистского движения, его социальной базе. Большая часть этой информации также впервые выявлена и представлена для изучения сотрудниками Центрального архива ФСБ РФ. Таким образом, в научный оборот вводятся новые материалы, позволяющие более тщательно подойти к изучению истории периода гражданской войны в России, найти ответы на вопросы о степени вины и белых, и красных в деле развязывания и углубления послереволюционного военного конфликта, об альтернативности антибольшевистского движения большевистской модели развития российского общества, о причинах поражения белого движения.

И, конечно, эти материалы позволяют в полной мере завершить анализ личности адмирала А.В. Колчака и его деятельности как признанного лидера белого движения, ставшего главным противником Советской власти. Особое значение для этой цели имеют сведения, содержащиеся в протоколах допросов исполняющего обязанности заместителя председателя Совета министров в правительстве Колчака, поскольку сам Колчак в ходе следствия перед тем как был расстрелян успел рассказать о своей жизни и деятельности только до момента провозглашения его Верховным правителем России в ноябре 1918 г.

Почти одновременно с подготовкой вышеназванной документальной публикации в Институте российской истории разрабатывалось монографическое исследование об А.В. Колчаке. Этой проблемой занимался ведущий сотрудник Института П.Н. Зырянов. Впервые в отечественной историографии он написал комплексную работу, в которой были одинаково подробно проанализированы все стороны жизни и деятельности такой неоднозначной фигуры как А.В. Колчак. В 2006 г. этот материал был впервые опубликован в серии “Жизнь замечательных людей”⁶.

До книги П.Н. Зырянова об А.В. Колчаке можно было говорить как о загадочной и трагичной фигуре. После появления этой книги мы в полной мере можем ощутить трагизм этой личности, но она перестает быть загадочной для нас.

Когда П.Н. Зырянов пишет о Колчаке-ученом, он стремится показать читателям не только подробности научной деятельно-

сти своего героя. Он очень внимательно, с большим уважением к мельчайшим деталям описывает и арктические экспедиции, в которых Колчак принимал участие, и личный вклад Колчака в решение задач этих экспедиций. Благодаря этому очень органично приходит понимание, почему на географических картах появилось имя Колчака, присвоенное Э.В. Толлем одному из ранее неизвестных островов на российском севере, какое значение для геополитических и стратегических интересов России имели научные труды Колчака, и прежде всего его монография “Лед Карского и Сибирского морей”. Автор последовательно дает понять, каким научным потенциалом обладал Колчак. Но в первую очередь его интересует проблема, как личностные качества Колчака влияли на его пребывание в науке. П.Н. Зырянову удалось показать, что именно присущие Колчаку “порывистость характера” и “авантюрная жилка”, которые отмечали и те, кто знал его по Морскому корпусу⁷, и знающие его в дальнейшем люди⁸, заставляли Колчака прилагать столько усилий для того, чтобы проникнуть в Арктику, несмотря на опасности, которые сулили эти планы. Но именно они в значительной мере помогли Колчаку выстоять, проявить героизм в сложных обстоятельствах, добиться результата. Все это многое объясняет и в дальнейшей судьбе Колчака.

П.Н. Зырянов особое внимание уделяет освещению военно-морской деятельности А.В. Колчака. Мы слишком долгое время забывали роль Колчака как морского командира и организатора российского флота.

В книге показано становление Колчака как командира, начиная со времени учебы в Морском корпусе. Будучи гардемаринном (учащимся старшего курса), он был назначен наставником младшей роты, что поручалось немногим. Уже тогда его отличали ответственность за других людей, “серьезность мыслей и поступков”, которые внушали уважение и заставляли подчиняться его воле⁹. Со временем эти качества совершенствовались во время службы вахтенным начальником на крейсере “Аскольд” и в должности старшего офицера на минном транспорте “Амур” в осажденном Пор-Артуре, во время Первой мировой войны на Балтике, когда Колчак служил сначала в штабе адмирала Н.О. Эссена, а затем командовал Минной дивизией и осуществлял оборону Рижского залива. И, конечно, в полной мере они проявились на посту командующего Черноморским флотом, куда Колчак был назначен в июне 1916 г.

П.Н. Зырянов очень точно показывает, как отличительные черты Колчака, которые делали его прекрасным командиром и

отличным моряком, мешали его военной карьере. Где бы он ни служил, он всегда был настроен “на более активную деятельность”, не любил “длительную и систематическую кабинетную работу”, что далеко не всегда приветствовалось традиционно бюрократической российской военной системой¹⁰.

На военно-морскую деятельность А.В. Колчака накладывал отпечаток и его менталитет ученого. Колчак был не только великолепным военным практиком, но и теоретиком и организатором российского флота. Этой сфере он также отдавался со всей страстью, со всей горячностью своей нетерпеливой натуры. Трезвый ум аналитика в сочетании с активной позицией практика привели Колчака в общество наиболее думающей части русского морского офицерства, озабоченных проблемой возрождения российского флота.

Эта задача встала в начале XX в. как часть общей проблемы технической отсталости России и была обострена поражением России в Русско-японской войне 1904–1906 гг., закончившейся в том числе гибелью российского флота. Колчак, переживший оборону Порт-Артура, горечь поражения и японский плен, очень остро относился к этому вопросу, по которому в российском обществе и в российских вооруженных силах разгорелась ожесточенная борьба. Судьба поставила Колчака в центр этой борьбы.

Со всем фанатизмом своего характера он отстаивал идею перевооружения флота современными кораблями, прежде всего дредноутами; возглавляя службу статистики, занимался обработкой военно-стратегических материалов; участвовал в перестройке аппарата управления морского ведомства. Апофеозом деятельности Колчака в этом направлении стала статья “Какой нужен России флот”, которую П.Н. Зырянов характеризует как теоретическое обоснование всего военного судостроения России накануне Первой мировой войны¹¹.

Проблемы русского флота Колчак рассматривал с геополитической точки зрения. Он не уставал повторять, что наличие мощного современного мобильного флота – один из факторов, которые делают Россию великой державой. И Колчак приложил много сил и энергии, чтобы успеть многое сделать для создания такого флота. Масштаб его личности оказался соразмерен масштабу задачи. В XX в. на протяжении значительного времени Россия обладала флотом, представлявшим грозную силу и отвечавшим всем современным требованиям. Следует помнить, что определенный вклад в создание основ этого флота в далекие годы кануна Первой мировой внесен и Колчаком.

В книге П.Н. Зырянова отмечено, что именно военно-морская деятельность принесла А.В. Колчаку всероссийскую известность. Она сложилась к середине Первой мировой войны, когда судьба ли, сочетание ли черт его характера вновь поставили Колчака в центр событий.

В России начала XX в. так сложилось, что Балтийский флот концентрировал лучшие силы российских военных моряков. И на театре военных действий Первой мировой войны Черноморский флот до поры до времени играл второстепенную роль по сравнению с Балтийским флотом. Парадокс заключался в том, что одна из важнейших стратегических задач внешней политики России решалась именно на Черном море. Речь идет о борьбе за установление режима наибольшего благоприятствования в районе Черноморских проливов.

Эту проблему Россия решала на протяжении не одного столетия. Но именно в условиях Первой мировой войны появился прозрачный шанс добиться успеха. Нуждаясь в русской помощи, Англия и Франция в 1915 г. согласились в случае победы союзников в войне передать Константинополь под юрисдикцию России. В военной среде господствовало мнение, что судьба войны разыгрывается прежде всего на Западном сухопутном фронте и на Балтийском море, где происходило основное столкновение с главным противником – Германией. Тем не менее после соглашения 1915 г. стало возрастать значение военных действий на Черном море. В 1916 г. началась разработка так называемой Босфорской операции, которая предполагала полное поражение Турции и должна была сыграть значительную роль в деле приближения успешного окончания войны. Большие планы требовали укрепления руководства Черноморским флотом и замены командующего. Выбор пал на Колчака.

Приказ о назначении стал неожиданностью для Колчака, но со всем напором, присущим ему, он приступил к выработке и реализации плана действий. С приходом Колчака жизнь на Черноморском флоте забила ключом. Прежде всего он постарался прекратить неприятельское судоходство на Черном море, для чего надо было блокировать Босфор и порты Болгарии. Были успешно проведены операции по минированию неприятельских баз и проливов. В ходе этих операций в кратчайшие сроки было установлено 60 мин в самом горле пролива Босфор, а подход к проливу был опоясан минами от берега до берега. Подобные минные пояса появились перед выходом из болгарского порта Варны и перед портом Зонгулдак на Анатолийском побережье, где находились угольные копи, снабжавшие Константинополь и турецкий

флот. Для поддержки заграждений и для наблюдения за противником было установлено боевое дежурство отряда кораблей на подходе к Босфору, а в самом проливе постоянно дежурила подводная лодка.

С пылом и жаром Колчак включился в разработку планов Босфорской операции. Не без его влияния окончательный план, представленный Морским отделом Ставки и Штабом Черноморского флота, получился простым и дерзким – предполагался захват Константинополя с моря.

Решительные и активные действия Колчака как командующего вывели Черноморский флот со вторых ролей в военных действиях России. Это способствовало росту его популярности. Российская пресса сравнивала его с А.В. Суворовым.

Анализ истоков всероссийской известности адмирала важен для П.Н. Зырянова в связи с переходом к изложению материалов о политической деятельности Колчака. И это одна из основных отличительных черт книги П.Н. Зырянова. В ней, пожалуй, впервые в литературе автор проводит объективное исследование материалов о Колчаке-политике.

Прежде всего в книге сделана попытка ответить на вопрос, почему Колчак обратился к политической деятельности. Ведь до мировой войны он в кругу своих друзей и соратников во время дискуссии по вопросу, надо ли откликаться на внутривнутриполитическое напряжение, утверждал, что увлекаясь “текущими событиями”, “мы вступаем на скользкую почву”¹². К моменту принятия судьбоносного решения о погружении в политику Колчак прошел медные трубы, огонь и воду в полном смысле. Он пережил развал флота, на возрождение которого он потратил столько душевных сил и профессионального мастерства, отставку, потерю семьи и родного дома, скитания, отсутствие работы. Как всякий человек, хлебнувший эмиграции, он ясно понял, что жизнь надо создавать заново. И основным выводом автора книги однозначен: Колчак “возвращался в Россию не только для того, чтобы воевать, но также чтобы и строить”¹³. Таким образом, обращение Колчака к политике было продуманным и, можно сказать, выстраданным, а отнюдь не авантюрным, как об этом десятилетиями писали в отечественной литературе.

Но продуманность решения не всегда говорит о готовности. Колчак погрузился в политическую деятельность с полной отдачей, как и во всякое другое дело, которым он занимался в своей жизни. Но он был не готов к этой сфере деятельности, несмотря на то, что пришел в политику общепризнанным лидером.

Будучи лидером по жизни и привыкнув благодаря профессии командира брать бразды правления на себя, Колчак-политик не испытывал сомнений в том, что он делал. Вопрос в том, отчетливо ли он понимал, что надо делать. В условиях общероссийского хаоса Колчак увидел большевиков в качестве основной причины этой неразберихи и все свои силы положил на организацию борьбы против них. Ему удалось главное. Он сумел, пусть не на продолжительное время, объединить все антибольшевистские силы на территории России для этой борьбы. Более того, ему удалось провести большую работу по организации государственной деятельности. П.Н. Зырянов в своей книге правильно подчеркивает, как даже сами большевики отмечали, что в Сибири им противостоит “правильно организованное государство с большой армией и мощным разветвленным госаппаратом”¹⁴.

Но Колчак не мог предложить программы для борьбы и, главное, для созидания. Понятно, что у него не было этой программы в самом начале, когда, по его собственным словам, он не имел по вопросу “собственного суждения”. Но проблема в том, что она не появилась и позже.

Окунувшись в политику, как в омут, Колчак смутно представлял себе то будущее, за которое он воевал. В своей книге П.Н. Зырянов попытался проанализировать политические взгляды адмирала, что практически никогда не делалось, несмотря на обилие литературы о Колчаке, появившейся в последнее время. У автора книги не сложилось четкого ответа на этот вопрос. Колчак рассматривал власть своего правительства как временную, существующую до момента полного разгрома большевиков и наступления, как он говорил, “правопорядка”. Конечную точку власти сам Верховный правитель обозначал как “ни на один день дольше, чем это потребует благом страны”¹⁵. Зырянов полемизирует с некоторыми современниками Колчака, у которых складывалось впечатление, что авторитаризм Верховного правителя логично заставит его прийти к необходимости передачи власти монарху¹⁶. При всем своем стремлении вернуть прошлое Колчак понимал, что “не может быть возврата к режиму, существовавшему в России до февраля 1917 года”¹⁷ и что в будущей России необходима представительная власть, власть Учредительного собрания. Но говоря об Учредительном собрании, Колчак очень неопределенно представлял себе основу этого органа власти. Такая незрелость во взглядах Верховного правителя на политические вопросы не способствовала выработке программных установок.

Слабость Колчака в вопросах внешней и внутренней политики прослеживается и в аграрной сфере, и в сфере финансов, даже

в военной области, где Колчак чувствовал себя наиболее уверенно. Проблемы армии, ее боеспособности, ее организации и быта занимали его больше всего. Но и здесь, где он четко знал *что и как* надо делать, он не смог создать механизм исполнения своих решений. Что уж говорить об аграрной политике правительства Колчака, который сам имел весьма смутные представления о путях решения земельного вопроса, что выливалось в путанные и взаимоисключающие постановления и руководства к действию. Итогом подобной политики стали отсутствие социальной базы у Сибирского правительства и личная изоляция Колчака. С одной стороны, он столкнулся с проблемой кадрового голода, поскольку Омск, как справедливо отметил Зырянов, “был беден людьми”¹⁸. С другой стороны, Колчак, к сожалению, не умел работать с теми, кто находился в его распоряжении. Он был достаточно тяжелым в общении человеком, не в меру вспыльчивым и резким, что отмечали даже близкие ему люди¹⁹. Эти черты проявлялись и в научных экспедициях, и на флоте, где хорошо знали, каким жестким может быть Колчак, особенно в гневе. Они особенно обострились в условиях войны и неразберихи, когда жесткость и жестокость стали действенным средством достижения цели. Недаром при всей неприязни к большевикам Колчака привлекали большевистские методы управления. Надо отметить, что по накалу жестокости при решении вопросов правительство Колчака не только не отставало от Московского правительства, но могло и подать пример для подражания.

Анализ последнего периода деятельности Колчака заставляет сделать вывод, что на посту Верховного правителя он не достиг больших успехов. Но отмечая, что он был плохим правителем, мы не можем отрицать, что он честно исполнял свой долг, как и на протяжении всей своей жизни. И именно этот факт при объективном отношении позволяет относиться к Колчаку с уважением.

П.Н. Зырянов относится к своему герою не только с уважением, но и с любовью. Он сравнивает Колчака с героями Дж. Лондона²⁰. Если обращаться к литературе, то личность Колчака вызывает и другие ассоциации. Мне, например, он напоминает героев романа В. Каверина “Два капитана”. Точнее, одного из главных героев этого романа. “Два капитана” всегда были любимы в нашей стране. Это произведение входило в школьную программу изучения литературы. В обществе были популярны Саня Григорьев и Катя Татаринова, поскольку история красивой и верной любви, особенно вплетенная в канву приключенческого романа, не может оставить читателей равнодушными. Кроме того, мастерство В. Каверина делало эту историю эпической, картины жизни, опи-

санные в романе, узнаваемыми. Власть по-своему эксплуатировала художественные достоинства и занимательность сюжета этого произведения В. Каверина и читательский интерес к нему, всемерно обыгрывая героический характер и романтический настрой молодых людей именно советской эпохи. Но в этом обласканном властями романе был еще один главный герой – исследователь Арктики капитан Татаринов, отдавший свою жизнь делу открытия новых земель и прокладыванию новых путей. Этот образ всегда оставался в тени официальной пропаганды, литературной критики, программ изучения литературы в школе и в вузах, а значит, и в тени читательского внимания. В первую очередь, безусловно, потому, что капитан Татаринов появляется в романе только в воспоминаниях и в речах других героев. Но в немалой степени также потому, что капитан Татаринов принадлежал старой эпохе, не был участником революционной и советской действительности. Поэтому он никогда не акцентировался в качестве одного из ведущих персонажей романа “Два капитана”. Но ведь именно его жизненный подвиг вдохновлял главных героев романа на героические поступки и вообще составлял основной вектор их жизненного пути, который они стремились пройти под девизом “Бороться и искать, найти и не сдаваться!”. Вот этого персонажа и напоминает мне герой исследования П.Н. Зырянова адмирал Колчак.

Примечательно, что книга П.Н. Зырянова вышла в серии “Жизнь замечательных людей”. Это является свидетельством общественного интереса к личности Колчака на современном этапе. Этот образ уже широко используется в театре и кинематографе. Так, в 2006 г. на театральном фестивале “Черешневый сад” был показан спектакль Иркутского драматического театра с Г. Тараторкиным в главной роли адмирала Колчака. В прессе уже писали о съемках сериала, посвященного Колчаку. Сериал “Адмирал Колчак” снимается по заказу Первого канала и Госкино России. Режиссером является Андрей Кравчук (его лента “Итальянец” получила Гран-при Берлинского кинофестиваля). Всего будет две версии картины: полнометражная двухчасовая для кинотеатров и 10-серийная для показа по телевидению. Бюджет картины пока не разглашается, но заявлено, что он сопоставим с бюджетами прогремевших в прокате “Дозоров”²¹.

Значит, книга Зырянова появилась очень вовремя. Сначала А.В. Колчаку вернули право быть героем *своего* времени. Сейчас он стал героем *нашего* времени. И, наверное, это справедливо. Он не был идеалом. У него был нелегкий жесткий характер, который заставлял его порой под давлением обстоятельств поступать жестко. Из-за этой жесткости с ним было нелегко общаться

ся в каждодневной жизни. Но это был честный человек с четко развитым пониманием долга. Наверное, для него и для всех нас было бы лучше, если бы он оставался просто русским адмиралом и организатором флота. Обстоятельства заставили его заняться политикой, причем в очень жестокое и несправедливое время. В то жестокое время он проводил жесткую политику, которая не всегда была оправдана, и судьба жестоко поступила с ним.

В свое время под давлением обстоятельств младшая ветвь рода Колчаков, оставшаяся в России, даже вынуждена была сменить фамилию – они стали Александровыми²². Слава Богу, сейчас мы можем отдать долг человеку за его честность и мужество, даже если без шор видим его отрицательные черты и ошибки.

- ¹ В энциклопедических словарях на букву “К” часто даже не было статьи “Колчак А.В.”, а были только статьи “Колчаковщина” (см., например: Энциклопедический словарь под ред. Б.А. Введенского. Т. 2. С. 111 и т.д.). Даже в Большой советской Энциклопедии статья “Колчак” значительно меньше по объему статьи “Колчаковщина” (см.: БСЭ. Т. 12 / Под ред. А.М. Прохорова). М., 1973. С. 477.
- ² См., например: Архив русской революции. Берлин. 1923. Т. X, где были опубликованы протоколы допроса А.В. Колчака в Иркутске; Военно-исторический вестник. 1959. № 16 (воспоминания сына адмирала Р.А. Колчака); *Смирнов М.И.* Адмирал А. Колчак. Париж, 1930.
- ³ См.: Известия Всесоюзного географического общества. М.; Л., 1957. Т. 89, № 1; *Старокадомский Л.М.* Пять плаваний в Северный Ледовитый океан. 1910–1915. М., 1959.
- ⁴ См.: *Обручев В.А.* Плутония. Земля Санникова. М.; 1958. С. 331.
- ⁵ См.: Верховный правитель России: Документы следственного дела адмирала А.В. Колчака / Под ред. А.Н. Сахарова, В.С. Христофорова. М., 2003.
- ⁶ См.: *Зырянов П.Н.* Адмирал Колчак: Верховный правитель России. М.; 2006.
- ⁷ См.: Там же. С. 27.
- ⁸ См.: Там же. С. 246.
- ⁹ Там же. С. 23–24.
- ¹⁰ См.: Там же. С. 114–115, 119, 230–231 и др.
- ¹¹ Там же. С. 194.
- ¹² Цит. по кн.: *Зырянов П.Н.* Адмирал Колчак... С. 179.
- ¹³ См.: Там же. С. 379.
- ¹⁴ См.: Там же. С. 444.
- ¹⁵ Цит. по кн.: *Зырянов П.Н.* Адмирал Колчак... С. 466.
- ¹⁶ См.: Там же. С. 468.
- ¹⁷ Цит. по кн.: *Зырянов П.Н.* Адмирал Колчак... С. 467.
- ¹⁸ См.: Там же. С. 443.
- ¹⁹ См., например, письма А.В. Тимиревой в кн.: *Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...* М., 1996.
- ²⁰ См.: *Зырянов П.Н.* Адмирал Колчак... С. 97.
- ²¹ См.: Комсомольская правда. 2007. № 45-т/13(23878-т). 29 марта – 5 апреля. С. 74.
- ²² Об этом упоминает в предисловии к своей книге П.Н. Зырянов (см.: *Зырянов П.Н.* Адмирал Колчак... С. 6).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аверьянов Константин Александрович – доктор исторических наук, занимается историей русских княжеств XIV в., историей Москвы и Подмосковья. В числе основных работ: С.Б. Веселовский: Жизнь. Деятельность. Личность. М., 1989; Московское княжество Ивана Калиты. М., 1993–1994; Купли Ивана Калиты. М., 2001; Сергей Радонежский: Личность и эпоха. М., 2006; История Западного округа Москвы. М., 1997. Редактор-составитель сборников: Истории сел и деревень Подмосковья XIV–XX вв. М., 1992–1994. Вып. 1–11; История московских районов: Энциклопедия. М., 2005.

Араловец Наталья Аркадьевна – доктор исторических наук, занимается историей населения России в XX в. В числе основных работ: Городская семья в России, 1897–1926 гг.: историко-демографический аспект. М., 2003; автор глав в коллективных монографиях: Население России в XX в. М., 2001–2005. Т. 1–3; Проблемы национальных отношений. М., 1999; Власть и общество. М., 2004. Т. 2 (в соавт.); и др.

Голубев Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, руководитель Центра по изучению отечественной культуры ИРИ РАН. Специализируется в области политической и внешнеполитической истории России XX в., истории массового сознания и взаимовосприятия культур, цивилизационной специфики России и российской модернизации, содержания исторического образования. Автор свыше 160 научных работ и учебных пособий. Основные работы: Советско-английские отношения в 1979–1983 гг. Орел, 1990; Россия и Запад: Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998 (в соавт.); Взгляд на Землю Обетованную: Из истории советской культурной дипломатии 1920–1930-х гг. М., 2004.

Дронова Татьяна Ивановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО (Сыктывкар), специалист в области тради-

ционной культуры староверов-беспоповцев Усть-Цильмы. Автор более 60 научных работ, в том числе монографий и научно-популярных изданий, среди которых: Русские староверы-беспоповцы Усть-Цильмы: Конфессиональные традиции в обрядах жизненного цикла. Сыктывкар, 2002; Фольклор Усть-Цильмы: пословицы, поговорки, прибаутки... Сыктывкар, 2004; “Жили мы у бабушки, кушали оладушки...”: (Детский фольклор Усть-Цильмы). Сыктывкар, 2006; и т.д.

Автор трех телевизионных передач об истории староверия в Коми: “Крещение огнем”, “Удорские староверы”, “Русь Печорская”.

Автор двух выставок в Национальном музее Республики Коми: “Традиционный комплекс усть-цилемской женской одежды” и “Старопржежней Руси осколок”.

Есаков Владимир Дмитриевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН. Специалист в области российской истории, истории отечественной культуры и науки XX в., автор более 200 научных работ, в том числе исследований: Советская наука в годы первой пятилетки: Основные направления государственного руководства наукой. М., 1971; Капица, Кремль и наука. М., 2003. Впервые ввел в научный оборот архивные материалы по истории организации науки и деятельности виднейших ученых России, инициатор восстановления издания “Научное наследство”. Составитель документальных публикаций: Николай Иванович Вавилов: Из эпистолярного наследия. М., 1980. (Научное наследство). Т. 5; М., 1987. Т. 10; Академик Н.И. Бухарин: Методология и планирование науки и техники. М., 1989; Дело академика Николая Николаевича Лузина. СПб., 1999; Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). М., 2000; и др.

Жиромская Валентина Борисовна – доктор исторических наук, занимается историей населения России в XX в. В числе основных работ: Демографическая история России в 1930-е гг.: Взгляд в неизвестное. М., 2001; После революционных бурь: население России в первой половине 1920-х гг. М., 1996; Полвека под грифом “секретно”: Всесоюзная перепись населения 1937 г. М., 1996 (в соавт.). Ответственный редактор, автор глав в коллективных монографиях: Население России в XX в. М., 2000–2005. Т. 1–3. Документальные публикации: Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. М., 1991 (зам. отв. ред., сост., автор вступ. статьи, коммент.); Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. М., 1992–1999. Ч. 1–2 (зам. отв. ред., сост., автор вступ. статьи, коммент.).

Кабузан Владимир Максимович (1932–2008) – доктор исторических наук, специалист по исторической географии, демографии и этнической статистике России XVIII–XX вв. Автор 16 моногра-

фий. Среди них главные: Русские в мире: Динамика численности и расселения (1719–1996 гг.) СПб., 1996; Население Северного Кавказа в XIX–XX вв. СПб., 1996; Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX в. М., 1998; Крепостное население России в XVIII в. – 50-х гг. XIX в. М., 2002; Немецкоязычное население в Российской империи и СССР в XVIII–XX вв. (1719–1989). М., 2003.

Куприянов Александр Иванович – кандидат исторических наук, занимается историей городской культуры, исторической антропологией, историей частной жизни. Автор монографии: Русский город в первой половине XIX века: Общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М., 1995.

Меркулов Всеволод Игоревич – кандидат исторических наук, действительный член Русского исторического общества. Специализируется по истории Древней Руси, истории русско-немецких связей в Средние века, а также генеалогии.

Мионов Борис Николаевич – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского университета, специалист в области экономической и социальной истории России. Применяет в своих работах математические методы исследования. Автор книг: История и математика. Л., 1976; История и социология. Л., 1984; Социальная история России периода империи. XVIII – начало XX в.: В 2 т. СПб., 1999; и др.

Мишина Алиса Владимировна – главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории. Специализируется по истории Гражданской войны в России. Представленная статья выполнена в период обучения в аспирантуре в Институте российской истории, в центре “Россия, СССР в истории XX века”.

Петрова Нина Константиновна – доктор исторических наук, член Центрального правления Международного фонда “Победа – 1945 год”, член Ассоциации историков Второй мировой войны, член правления ассоциации “Россия – США” и др. Автор свыше 150 опубликованных работ, в том числе девяти монографий по отечественной и всеобщей истории, внешней политике России, истории рабочего класса, Великой Отечественной войне: Международные производственные связи рабочего класса. 1959–1979 гг. М., 1975; Социальный облик рабочей молодежи. М., 1980 (в соавт.); Интернациональные связи чехословацкого и советского рабочего класса. Прага, 1985 (в соавт.); Общественно-политический облик советской рабочей молодежи. 70-е гг. М., 1986; Интернациональные связи рабочего класса СССР. М., 1987; Общественно-политические силы СССР и США в годы 1941–1945. Воронеж, 1995 (в соавт.);

Антифашистские комитеты в СССР. 1941–1945 гг. М., 1999; “Молодая гвардия” – художественный образ и историческая реальность: Сборник документов. М., 2003 (отв. сост., автор введения и коммент.); и др.

Попов Алексей Юрьевич – доктор исторических наук, сотрудник Академии ФСБ России. Основные труды: НКВД и партизанское движение. М., 2003; Диверсанты Сталина: Деятельность органов госбезопасности СССР на оккупированной советской территории. М., 2004; Пятнадцать встреч с генералом КГБ Бельченко. М., 2002.

Пушкарева Ирина Михайловна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, специалист в области изучения отечественной истории XIX – начала XX в.: истории революционного движения, рабочего класса, историографии, источниковедения, археографии и др. Основные работы: Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях. М., 1975; Рабочий класс в первой российской революции 1905–1907 гг. М., 1981 (в соавт.); Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М., 1981; Рабочее движение России в период реакции. 1907–1910 гг. М., 1989; Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г.: Хроника. М., СПб., 1992–2008. Вып. 1–10. (Отв. сост. и ред.; автор предисловий).

Рогожин Николай Михайлович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра истории русского феодализма ИРИ РАН, член Экспертного совета Высшей аттестационной комиссии. Область научных знаний: история России периода феодализма, источниковедение, археография, краеведение, история народов России, социальная и политическая история; история внешней политики; история государственных учреждений; историческая биография, компьютерные базы данных и информационно-справочные системы. Основные сочинения: Посольские книги России конца XV – начала XVII в. М., 1994; У государевых дел быть указано... М., 2002; Посольский приказ – колыбель российской дипломатии. М., 2003; England and the North: The Russian Embassy of 1613–1614. Philadelphia, 1994 (в соавт.). Редактор и составитель серийных изданий: Посольские, Разрядные и Боярские книги. Всего более 170 трудов.

Рудая Елена Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИРИ РАН. Специализируется в области истории международных отношений и внешней политики России первой четверти XX в.

Сенявский Александр Спартакович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель центра “Россия,

СССР в истории XX века”, специалист в области российской истории XX в., теории и методологии исторических исследований, исторической урбанистики и исторической демографии, экономической и социальной истории. Член Бюро научных советов РАН по исторической географии и демографии и Совета по российской и зарубежной экономической истории. Автор более 200 научных трудов, в том числе: Социальная основа СССР. М., 1987; Российский город в 1960-е – 80-е годы. М., 1995; Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе. М., 2003; История России: теоретические проблемы. М., 2002. Вып. 1: Российская цивилизация: опыт исторического и междисциплинарного изучения (отв. ред.); Россия в контексте мирового экономического развития во второй половине XX века. М., 2004; 50 лет без Сталина: Материалы “Круглого стола”. М., 2005 (отв. ред.); НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006 (отв. ред.); XX век в истории России. Сергиев Посад, 2006 (отв. ред.-сост.); и др.

Соколов Андрей Константинович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению новейшей истории России и политологии Института российской истории РАН. Автор более 140 трудов, опубликованных в России и других странах, в том числе 14 монографий. Среди них: Рабочий класс и революционные изменения в социальной структуре общества. М., 1987; Голос народа: Письма и отклики советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1998 (в соавт.); Общество и власть: 1930-е годы. М., 1998 (в соавт.); Курс советской истории. 1917–1940. М., 1999; Курс советской истории. 1941–1991. М., 1999 (в соавт.); Stalinism as a Way of Life: Narrative in Documents / Ed. by Lewis Siegelbaum and Andrei Sokolov. Yale University Press, 2000. Второе сокращенное издание – там же, 2004; Источниковедение новейшей истории России: Теория, методология и практика. М., 2004 (в соавт.); Магнитка близ Садового кольца: Стимулы к работе на московском заводе “Серп и Молот”, 1883–2001 гг. М., 2005 (в соавт.); АвтоВАЗ между прошлым и будущим: История ОАО АвтоВАЗ 1966–2006. Тольятти, 2006 (в соавт.). Одно из направлений работы – экономическая история XX в. В последние годы принимает участие в федеральной программе публикации источников: “История оборонно-промышленного комплекса России и СССР”. Представленный доклад является результатом обобщения документов по истории советской промышленности 1927–1932 гг.

Шватченко Олег Алексеевич – доктор исторических наук, специалист по проблемам истории землевладения XVI–XVII вв., историко-географических аспектов поместно-вотчинной системы, генеалогии и социально-чиновного состава служилого клас-

са, крестьянства в Российском государстве и географических аспектов его расселения в поместьях и вотчинах на всей государственной территории XVI–XVIII вв. Автор монографий: Светские феодальные вотчины России в первой трети XVII в. М., 1990; Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII в. М., 1996; Светские феодальные вотчины России в эпоху Петра I. М., 2002; Землевладение и служба думных чинов в России. XVII – начало XVIII века. М., 1999; Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв. М., 2001.

Научное издание

**ТРУДЫ
ИНСТИТУТА
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ**

Выпуск 7

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института российской истории
Российской академии наук*

Заведующая редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *М.М. Леренман*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *В.В. Лебедева*
Корректоры *З.Д. Алексеева, Г.В. Дубовицкая,
Е.А. Желнова, Т.А. Печко*

Подписано к печати 09.04.2008
Формат 60 × 90 1/16
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 27,0. Усл.кр.-отт. 27,0. Уч.-изд.л. 27,2
Тип. зак. 3203

Издательство “Наука”
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП “Типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

**АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА" РАН**

Магазины "Книга-почтой"

- 121099 Москва, Шубинский пер., 6; (код 495) 241-02-52 Сайт: www.LitRAS.ru
E-mail: info@LitRAS.ru
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7 "Б"; (код 812) 235-40-64
ak@akbook.ru

**Магазины "Академкнига" с указанием букинистических отделов
и "Книга-почтой"**

- 690002 Владивосток, Океанский проспект, 140 ("Книга-почтой");
(код 4232) 45-27-91 antoli@mail.ru
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга-почтой");
(код 343) 350-10-03 kniga@sky.ru
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 ("Книга-почтой"); (код 3952) 42-96-20
aknir@irlan.ru
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90 akademkniga@bk.ru
220012 Минск, просп. Независимости, 72; (код 10375-17) 292-00-52, 292-46-52,
292-50-43 www.akademkniga.by
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; (код 495) 124-55-00
(Бук. отдел (код 495) 125-30-38)
117192 Москва, Мичуринский проспект, 12; (код 495) 932-74-79
127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; (код 495) 621-55-96
(Бук. отдел)
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90; (код 495) 334-72-98
105062 Москва, Б. Сапоглинищевский пер., 8 строение 4; (код 495) 624-72-19
(Бук. отдел)
630091 Новосибирск, Красный проспект, 51; (код 383) 221-15-60
akademkniga@mail.ru
630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 ("Книга-почтой");
(код 383) 330-09-22 akdmn2@mail.nsk.ru
142290 Пушкино Московской обл., МКР "В", 1 ("Книга-почтой");
(код 49677) 3-38-80
191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57; (код 812) 272-36-65
ak@akbook.ru (Бук. отдел)
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16;
(код 812) 323-34-62 (Бук. отдел)
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18;
(код 3822) 51-60-36 akademkniga@mail.tomsknet.ru
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга-почтой"); (код 3472) 23-47-62,
23-47-74 UfaAkademkniga@mail.ru
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 72-91-85 (Бук. отдел)

Коммерческий отдел, Академкнига. г. Москва
Телефон для оптовых покупателей: (код 495) 241-03-09
Сайт: www.LitRAS.ru
E-mail: info@LitRAS.ru
Склад, телефон (код 499) 795-12-87
Факс (код 495) 241-02-77

---

*По вопросам приобретения книг
государственные организации
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (495) 334-98-59
E-mail: initsiat@naukaran.ru
www.naukaran.ru*

ISBN 978-5-02-035560-6

9 785020 355606